

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2020 – № 3 (22)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2020

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevvolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 3 (22) – 255 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22
2020, № 3 (22). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горюшко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Деметтьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтаджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривососов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сюаюа**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институт славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Рenate Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и пероводения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, исторические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020

© Авторы статей, 2020

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2020. – № 3 (22). – 255 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22

2020, № 3 (22). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Lefina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschuere**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of sociological sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavica committee; **G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavica philology of philosophy faculty of Masaryk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavica languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglicistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasbourg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism, culturalological sciences, historical sciences)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2020

© Authors of the articles, 2020

*«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»*

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Филипповский Г. Ю.** Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. _____ 8
- Кузьмина М. Д.** Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов (эпистолярный
А. П. Сумарокова) _____ 18
- Володина Н. В.** Тургеневский Рудин как философствующий герой _____ 28
- Букарева Н. Ю., Малая О. Е.** Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева _____ 36
- Андреева В. Г.** Особенности воплощения семейной темы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» _____ 43
- Швецова Т. В., Земляникин А. П.** Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя
(на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов») _____ 53
- Кучина Т. Г.** «В промежутке меж звуком и словом»: акустическая образность лирики Б. Ахмадулиной _____ 61
- Егоров М. Ю.** Полисемия смысла в романе А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи» _____ 68

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

- Головачева О. А.** Этнокультурный ракурс очерка Н. С. Лескова «Из одного дорожного дневника»
в русле парадигмы ‘свой – чужой’ _____ 76
- Галкина Н. П.** Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса _____ 82
- Разумов Р. В.** Постсоветская урбанонимия Российской Федерации: основные мотивы номинации
и онимические ожидания горожан _____ 90
- Баженова А. П.** Английские менемы как репрезентанты смежной языковой картины мира
в ранних текстах Н. С. Лекова-публициста _____ 99

Романские языки

- Педтиев В. И., Бойчук Е. И.** Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его
политической деятельности _____ 104
- Васильева Н. М.** Сочетание однородных глагольных сказуемых: простое или сложное предложение? _____ 113
- Овчинникова Г. В.** Семантические сдвиги в Covid терминологическом поле французской медицинской
терминосистемы _____ 119
- Солнцева А. В.** Романские языки: история формирования и проблемы классификации _____ 124

<i>Бурак М. С.</i> Некоторые аспекты лингвистического анализа рассказа Х. Кортасара «Непрерывность парков» _____	134
<i>Долгих З. Б.</i> Португальское местоимение <i>todo</i> как типичный градуатор-экстенсив предельной меры _____	141

Теория языка

<i>Коньков В. И., Соломкина Т. А.</i> Формирование смысла драматургической речи _____	147
<i>Степанов В. Н., Рыбаков М. А.</i> Информационные барьеры в коммуникациях и их преодоление в военных организациях _____	156
<i>Крамаренко О. Л., Богданова О. Ю.</i> Проблема лексикографирования культурно-маркированных лексических единиц в учебном словаре _____	164
<i>Магомедова А. Н.</i> Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста _____	171
<i>Штеба А. А.</i> Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций _____	176

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Никольский С. А.</i> Иван Бунин: вглядываясь в лица (Россия накануне и после Октября) _____	182
<i>Еремин А. В.</i> Советское бытие: религиозные детерминанты и образы нового времени _____	189
<i>Злотникова Т. С.</i> Ожидание и страх: философско-антропологические предвестия российских трансформаций XX века _____	195
<i>Тирахова В. А.</i> Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. _____	203
<i>Аристова Е. П.</i> «Перед восходом солнца» М. М. Зощенко: торжество разума и индивидуальное сознание _____	213
<i>Се Чжоу, Ван Фан</i> Языковая политика Республики Казахстан в контексте социокультурных процессов _____	220
<i>Марков А. В.</i> Платонизм барокко и аристотелизм рококо в независимой русской культуре _____	232
<i>Летина Н. Н., Кручинина А. А.</i> Психоаналитический дискурс в жизни современного подростка – персонажа сериала («Sex education», США, Великобритания, 2019) _____	240
<i>Сведения об авторах</i> _____	250

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

<i>Philippovsky G. U.</i> Two conceptions of childhood in european and russian poetry of XVIII–XIX c. _____	8
<i>Kuzmina M. D.</i> Business vs friendly letter under the pen of russian classicists (epistolary by A. P. Sumarokov) _____	18
<i>Volodina N. V.</i> Turgenev's Rudin as a philosophizing character _____	28
<i>Bukareva N. Yu., Malaya O. E.</i> The phenomenon of war in the aesthetics and artistic creativity of N. S. Gumilyov _____	36
<i>Andreeva V. G.</i> The features of the embodiment of the family theme in the novel by L. N. Tolstoy «Resurrection» _____	43
<i>Shvetsova T. V., Zemlynikin A. P.</i> The problem of creating a cognitive model of the act of a literary hero (based on A. F. Pisemsky's novel «Men of the forties») _____	53
<i>Kuchina T. G.</i> «Filling in the gap between sound and word»: acoustic image-making in B. Akhmadulina's lyrical poetry _____	61
<i>Yegorov M. U.</i> Polysemy of the sense in A. Terz (A. D. Sinyavsky) «Good night» _____	68

LINGUISTICS

Russian language

<i>Golovacheva O. A.</i> Ethnocultural perspective of N. S. Leskov «From one travel diary» in line with the 'own – alien' paradigm _____	76
<i>Galkina N. P.</i> Syntactic and semantic syncretism of the word <i>ведь</i> at the level of hypotaxis _____	82
<i>Razumov R. V.</i> RF postsoviet urbanonymy: main nomination motives and citizens' expectations _____	90
<i>Bazhenova A. P.</i> English menemes as representatives of a contiguous linguistic picture of the world in the early publicistic texts by N. Leskov _____	99

Romance languages

<i>Peftiev V. I., Boychuk E. I.</i> The specifics of the idiolect of E. Macron in the context of his political activities _____	104
<i>Vasiljeva N. M.</i> The combination of verb predicates: simple or complex sentence? _____	113
<i>Ovchinnikova G. V.</i> Semantic shifts in the covideterminological field of the french medical terminological system _____	119
<i>Soltseva A. V.</i> Romance languages: history of formation and classification problems _____	124
<i>Burak M. S.</i> Some aspects of linguistic analysis of H. Kortasar's short story «Continuity of parks» _____	134
<i>Dolguikh Z. B.</i> The portuguese pronoun as a typical graduator-extensive of the ultimate measure _____	141

Language theory

<i>Konkov V. I., Solomkina T. A.</i> The formation of dramaturgic speech meaning _____	147
<i>Stepanov V. N., Rybakov M. A.</i> Information barriers in communication s and their overcoming in military organizations _____	156
<i>Kramarenko O. L., Bogdanova O. Y.</i> The problem of lexicography of cultural-labeled lexic units in the educational dictionary _____	164
<i>Magomedova A. N.</i> The role of emotions in the creation of the world artistic text picture _____	171
<i>Shteba A. A.</i> Diplasty of language categorization of mixed emotions _____	176

CULTURAL SCIENCE

<i>Nikolsky S. A.</i> Ivan Bunin: peering into faces (Russia the day before and after October) _____	182
<i>Eremin A. V.</i> Soviet being: religious determinants and images of modern times _____	189
<i>Zlotnikova T. S.</i> Expectation and fear: philosophical and anthropological presages of russian transformations of the twentieth century _____	195
<i>Tirahova V. A.</i> Mythologization of the basic concepts of the heroic epic in the soviet cinema of the 1930s and 1950s. _____	203
<i>Aristova E. P.</i> «Before sunrise» by M. M. Zoshchenko:the triumph of mind and individual consciousness _____	213
<i>Xie Zhou, Wang Fan</i> Language policy of the Republic of Kazakhstan in the context of sociocultural processes ____	220
<i>Markov A. V.</i> Baroque platonism and Rococo aristotelism in independent russian culture _____	232
<i>Letina N. N., Kruchinina A. A.</i> Psychoanalytical discourse in the life of a modern teenager – a character of the serial («Sex education», USA, Great Britain, 2019) _____	240
<i>Information about the authors</i> _____	253

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Г. Ю. Филипповский

<https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в.

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 8–17. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-8-17

Г. Р. Державин со своей одой «На рождение в Севере порфирородного отрока» 1779 г. стал в русской поэзии нового времени пионером темы Детства и детей. Поэт, помимо руссоистской темы Детства как чистых Истоков, новаторски прописал иную концепцию Детства как Школы (просветительскую) в эпизоде даров фей, которые наделяют младенца, будущего царя, и исключительными способностями, и знаниями. Державин новаторски опередил английского поэта У. Блейка, который ту же тему Детства и детей воплотил в поэтических циклах 1789–1794 гг. Статья также обсуждает мотив детства и детей на материале английской (У. Блейк и У. Вордсворт) и русской (Н. А. Некрасов) поэзии XIX века. Циклы У. Блейка («Песни невинности/неведения» (1789) и «Песни опыта/знания» (1794)), а также циклы У. Вордсворта «Прелюды» и его «Ода. Вести о бессмертии, идущие от воспоминаний раннего детства» (1803–1807) представляют образы детей и детства в контексте природы как ведущий принцип романтизма: дитя с его изначальным природным благочестием как подлинный исток человека, – чистый ангел, но уже и мудрец. В русской поэзии XIX в. Н. А. Некрасов, как и У. Блейк и У. Вордсворт в Англии, обращался к образам, мотивам детей и детства на протяжении всей своей творческой биографии («Детство», «На Волге. Детство Валежникова», «Школьник» и т. д.).

Ключевые слова: тема Детства, две концепции Детства, поэзия Державина, поэзия У. Блейка, поэзия У. Вордсворта, поэзия Н. Некрасова, руссоистские и просветительские мотивы, ребёнок-ангел, ребёнок-мудрец.

LITERARY CRITICISM

G. U. Philippovsky

Two conceptions of childhood in european and russian poetry of XVIII–XIX c.

G. R. Derzhavin with his famous Ode on the birth of a future Emperor 1779 became in the Russian poetry of a new epoch the pioneer of Childhood and children theme. The poet except the russoist topic of Childhood as clear headsprings innovatively revealed a different concept of Childhood as a School (educational) in the episode of fairies gifts who give a child – a future tsar both exceptional abilities and knowledge. Derzhavin outstripped an English poet W. Blake who also touched upon the topic of Childhood and children in his poetic cycles of 1789–1794. The article also discusses the motif of Childhood and children on the material of English (W. Blake and W. Wordsworth) and Russian (N. A. Neckrasov) poetry of the XX c. W. Blake's cycles («The songs of virginity» (1789) and «The songs of experience» (1794) as well as W. Wordsworth's cycles «Preludes» and his «Ode. News on immortality coming from early childhood memories» (1803–1807) give the images of children and childhood in the context of nature as a leading principle of Romanticism: a child with his initial natural piety as a real headspring of a man – a pure angel but a sage already. In the Russian poetry of the XIX c. N. A. Neckrasov as well as W. Blake and W. Wordsworth in England turned to the images and motifs of children and Childhood through his whole literary biography («Childhood», «On the Volga. Valezhnikov's childhood», «A schoolboy» and so on).

Key words: children theme, two concepts of childhood, Derzhavin's poetry, the poetry of W. Blake, the poetry of W. Wordsworth, N. A. Neckrasov's poetry, russoist and educational motifs, a child-angel, a child-sage.

Петровский XVIII век был в России веком обновления – всего, в том числе поэзии и литературы [Гуковский, 1939]. Наряду с именами гигантов Ломоносова, Сумарокова имя Г. Р. Державина [Гуковский, 1939] достойно венчает это замечательное столетие, открывая новый пушкинский XIX век. Корифеей отечественной и мировой филологии XX в. академик Сергей Сергеевич Аверинцев [Аверинцев, 1985] сравнивает творчество Державина с мощным явлением природы, – воспетым им водопадом: «Первозданная энергия древнего витийства и новая, свежая свобода в пользовании лексическими и образными контрастами взаимно усиливают друг друга, доводя экспрессию целого до силы поистине стихийной» [Аверинцев, 1985, С.20]. Тредьяковский, Ломоносов, Сумароков создали свои собственные нормативные поэтики в русле европейских традиций классицизма [Гуковский, 1939]. Но Державин этого не сделал, у него нет своей нормативной поэтики, и это не случайно: он выступил разрушителем грандиозного здания русского классицизма (несмотря на то, что его любимым жанром оставалась ода, которую он трансформировал как жанр). Державин был абсолютный новатор, и С. С. Аверинцев, цитируя строки Державина, специально выбирает тему нового: «Изобрази мне мир сей новый В лице младого летня дня: Как рощи, холмы, башни, кровы, От горнего златясь огня, Из мрака восстают, блистают И смотрятся в зеркало вод; Все новы чувства получают, И движется всех смертных род» [Аверинцев, 1985, с. 5].

Наряду с темой нового, новизны, надо полагать, новаторства, в этих строках Державина особо подчёркнута тема «младого летня дня» [Державин, 1985, с. 5]. Действительно слова «новое» и «молодое» – безусловные синонимы. Мотив новых истоков чрезвычайно характерен для ранней поэзии Державина («Ключ», «На рождение в Севере порфирородного отрока» 1779 г.) [Державин, 1985]. Оба эти произведения как бы оды, но оды романтические, то есть уже жанрово преображённые. Ключ представлен как источник и жизни, и творческого вдохновения. Тема истоков здесь одновременно и природная, естественная, органическая, но и поэтическая, творческая, литературная. Не случайно поэт пишет: «Сгорая стихотворства страстью, К тебе я прихожу, ручей, ... Напой меня, напой тобою, Да воспую подобно я, И с Чистою твоей струёю Сравнится в песнях мысль моя...» [Державин, 1985, с. 33]. Не случайно здесь и чувства (страсть), и мысли, – и всё это вопреки одно-

значности классицизма. Державин явно идёт дальше, почти к предромантизму.

Ещё интереснее и характернее поэтическое новаторство Державина проявилось в его оде «На рождение в Севере порфирородного отрока» [Державин, 1985]. Казалось бы, высокая торжественная одическая тема полностью соблюдена: речь идёт о рождении нового императора (вспомним посвящённые императорским персонам оды Ломоносова). Действительно, первая половина XVIII века в Европе и в России в плане литературно-культурного развития, казалось бы, – всецело домен классицизма. Его становление как художественного метода эпохи состоялось, правда, в XVII веке и прежде всего во Франции. Тезис Рене Декарта (1596–1650) «*Cogito ergo sum*» («Мыслю, следовательно существую») вполне определял рационалистическую эстетику эпохи классицизма с её упорядоченностью и нормативностью, даже градуированностью для всех жанров и разновидностей поэзии, драматургии. Не только поэтика Никола Буало с опорой на классическую «поэтику» Аристотеля, но канонизация греческих, шире – античных образцов была литературной нормой [Гуковский, 1939]. Но, как уже отмечали выше, в стихах Державина тема мысли и тема чувства не только соотнесены, но переплетаются и взаимодействуют.

Уже в недрах этой, казалось бы, незыблемой непререкаемой в своих основах (даже, казалось бы, непротиворечивой) эстетики и всего массива поэтических текстов (например, драматургических текстов по образцу античных в первой половине, а особенно во второй половине XVIII века) появляются произведения принципиально нового характера. И прежде всего в жанре оды, где на смену высокому пафосу приходит совершенно иной. В 1748 году англичанин Томас Грей создаёт «Оду на смерть любимого кота, утонувшего в чаше с золотыми рыбками». Этот же автор через 3 года в 1751 г. публикует свою знаменитую «Элегию, написанную на церковном погосте», которая повлияла на развитие поэзии европейского романтизма (переведена в России В. А. Жуковским в 1802 г. под названием «Сельское кладбище» и стала первым произведением русского романтизма). В 1779 г. Г. Р. Державин создаёт свою знаменитую «Оду на смерть князя Мещерского» и затем оду «На рождение в Севере порфирородного отрока» [Державин, 1985]. Уже у Грея, а затем и у Державина в поэтических текстах не остаётся почти ничего от картезианской эстетики и рационализма. Элегическая или иная эстетика чувствава-

ния создаёт предпосылки сентиментализма, предромантизма, а затем и романтизма в европейской и русской поэзии.

Названная ода Державина на рождение будущего императора Александра I соединяет черты сказки, пейзажной лирики (правда, с использованием античных аллегорий, но оплетённых роскошными описаниями северной русской зимы, природы) в русле концептуально-развёрнутой темы рождения царственного дитяти, концептуально-философской темы Детства, Истоков. Откуда явилась эта новизна, кто в Европе выступил с дерзкой идеей обновления Истоков? Этим человеком стал швейцарец Жан-Жак Руссо [Rousseau, 1973, р. 463–467]. Именно он повлиял на умы европейцев второй половины XVIII века, произвёл своего рода революцию в умах и в литературной моде. Совсем не важно, как всё это повлияло на Державина. Факт остаётся фактом, что повлияло радикально. Тема Истоков, понятая философски и глобально у Т. Грея, и Г. Державина (которые ввели в поэзию тему смерти как всеобщего закона бытия, и заявили о себе как разрушителях классицистического канона) получила новое принципиальное обоснование в текстах Жан-Жака Руссо. Как это произошло? Руссо прочитал (читая газету в дилижансе) в «*Mercur de France*» объявление о конкурсе Дижонской Академии на лучшее эссе об улучшении и очищении общих нравов при помощи наук и искусств, представил в 1750 г. свой текст, который победил на объявленном конкурсе и был опубликован. В этом эссе Руссо открылась провиденциальная идея первоначальной чистоты и неиспорченности Природы Человека и Человечества, которая затем в движении цивилизации подверглась и подвергается порче и дефамации [Rousseau, 1973, р. 463–467]. С этой идеей соседствовала другая – об изначальном равенстве людей от природы, что, соответственно, утверждало высшую ценность собственно феномена Естества-Природы. В развитие этих идей Руссо в 1755 г. публикует другое эссе «*Рассуждение о происхождении и оснований неравенства в обществе людей*», а затем в 1762 г. – «*Общественный договор*», что легло у истоков современной европейской демократии, а с точки зрения развития литературы и культуры – у истоков европейского движения романтизма (в первом приближении – сентиментализма, то есть апологии чувства и чувствительности как антитезы культа разума и рационализма). Фактически, Руссо выдвинул анти-тезис постулата Рене Декарта «Мысли, следова-

тельно существую» в виде нового постулата «Чувствую, следовательно существую».

В реальности новое, пришедшее на смену классицизму движение романтизма обратилось к другим (для ригоризма и рационализма эстетики классицизма) сторонам феномена литературы: творческого вдохновения и фантазии, неповторимости и уникальности литературного гения, природы и магии художественного слова, как, впрочем, и в целом человеческого естества. Руссо обратился к Началам, Истокам и их переосмыслил, а несколько позже в другом очерке-эссе заявил не менее принципиальную идею: «Я осмелюсь думать, что я сделан иначе, чем кто бы то ни было на свете. Если я и не лучше, но по меньшей мере – я другой» («*Исповедь*» 1781) [Rousseau, 1973, р. 463–467]. Конечно, идея уникальности человеческого существа бытовала и в античности, но Руссо открыл её заново и всё это открывало невиданные прежде перспективы развития литературы и культуры человечества (как выяснилось, и цивилизации в целом с её губительными, по-Руссо, «дивидендами»).

Пока же для второй половины XVIII и начала XIX вв. «контрситуация» в сфере литературы и культуры обернулась крахом системы классицизма, зарождением и утверждением культуры и литературы, прежде всего поэзии, европейского Романтизма. Тема детей и Детства также в этот период подверглась полярной диверсификации в сфере литературы, поэзии. Первая, «коренная» ипостась этого феномена в полном соответствии и руссоистскими воззрениями отождествилась с образом ребёнка как ангела чистоты, неиспорченности, искренности, простоты и ясности, что в традициях христианской культуры отобразил архетип агнца (на ранних христианских саркофагах и мозаиках мотивы младенцев и виноградной лозы являются доминантными, как образы-символы нового народившегося христианского человечества). Вторая ипостась того же феномена детей и Детства конца XVIII начала XIX вв. трактует неиспорченную чистоту этого феномена как нерасстраченную, «готовую к употреблению», своего рода «*tabula rasa*». Выяснилось, что просветительские аспекты культуры никуда не ушли, школа осталась школой, что по-прежнему «учение – свет» и по-прежнему «неученье – тьма».

В нарушение канонов классицизма контрасты, антиномии, противоречивые темы буквально переполняют тексты Державина. И не только отмеченные выше антиномии чувства и разума, Истоков природных, органических и ментальных, поэ-

тических. Оду о рождении будущего императора Александра I открывает тема зимы [Державин, 1985, с. 35] Казалось бы естественно, ведь Санкт-Петербург – северный город, новая петровская северная столица России. Казалось бы, олицетворение Севера в образе античного Борея вполне соответствует поэтике классицизма. Однако, Державин развёртывает этот образ создавая поэтическую фантазмагорию сказочной северной природы: «С белыми Борей власами И с седою бородой, Потрясая небесами, облака сжимал рукой; Сыпал иinei пушисты И метели воздымал; Налагая цепи льдысты, Быстры воды оковал...» [Державин, 1985, с. 35]. Перед нами поэтический, но и романтический образ северной сказки, уже не Борея, а русского Мороза из народной сказки.

Но контрасты (нормативность классицизма и сказочная фольклорность) на этом не кончаются. Рождается царственное дитя и власть Мороза прекращается, ему на смену приходит Весна, Солнце, тёплый ветер, Зефир. Здесь Державин намного опережает своё время: контраст Зимы и Весны, – это уже та тема (плодотворная и контрастная поэтически, структурно-композиционно), которая впоследствии ляжет в основу контрастной поэтики, сюжетосложения, сюжетной структуры великого творения Пушкина «Евгений Онегин». Пока же у Державина развивается не эта контрастная тема, а, естественно, тема новорождённого царственного младенца. И здесь поэт включает иную сказочную тему: европейский сюжет о дарах фей у колыбели новорождённого младенца – будущего царя. Казалось бы, снова контрастное соединение природной, естественной темы и иной, сказочной, волшебной. Но Державин опять оригинален в своём новаторстве. Дары фей – это не просто подарки, это – уникальные способности, таланты, в будущем – знания, которыми отныне обладает новорождённое дитя. Эти феи – настоящие учительницы, учителя, не просто жизни, но умений, знаний и навыков. А новорождённый младенец здесь уже ни что иное как ученик, уже приобщённый к знанию, уже прошедший школу фей.

Ко всем парностям в руссоистском смысле у Державина прибавляется ещё одна. Чистота, ангельский образ ребёнка, будущего царя наделён здесь также идеальной ментальной характеристикой (он парадоксально уже прошёл здесь школу, наделён знанием, научен мыслить). Оказывается, руссоистская абсолютизация чистых, идеальных Начал, Истоков всё же не отменила картезианский культ разума, просвещения, образования, науки,

обучения. В оде Державина 1779 г. образ Детства, ребёнка наделён и теми и другими благодатными свойствами. Державин очень самостоятелен, он не зажат даже руссоистской модой, а трактует её по своему, полнокровно, противоречиво, поэтически-богато. Державин никак не страдает какой-либо односторонностью, ограниченностью, напротив, он стремится к полноте жизненной.

На европейской почве отмеченная руссоистская антитеза изначальной чистоты – опыта и практики цивилизации ярче всего проявилась в поэтических циклах 80–90-х годов XVIII века У. Блейка «Песни невинности (неведения) – «Песни опыта (познания)» [Blake, 2007]. Примечательно полное название произведения, где автором подчёркнута его контрастная основа («Showing the Two Contrary States of the Human Soul»). Характерно (при том, что для первого цикла характерен образ агнца), что при окончательном редактировании циклов автор совершенно не случайно, а намеренно перенёс из первого во второй цикл 4 стихотворения: «Заблудившаяся дочь», «Ученик» («The school boy»), «Глас древнего барда», «Обретённая дочь». Ребёнок – подлинный исток взрослого человека, – об этом по сути писал У. Блейк, но максимально глубоко и широко развернул в своих поэмах ведущий теоретик европейского романтизма У. Вордсворт (поэма «Прелюды» 1799–1805 г. и другая – «Рассуждения о вечности из воспоминаний о раннем детстве» 1807 г. [The works of William Wordsworth..., с. 78–79].

В русской поэзии руссоистская апология Детства, как уже отмечалось, читается в оде Державина на рождение Александра I. Здесь уже есть и тема Природы, во всей её мощи и поэтичности, и тема ребёнка, правда, царственного, которому феи приносят дары в виде лучших способностей и качеств личности. Как таковой, темы школы здесь нет, но мотивы богатого многостороннего умственного и творческого развития ребёнка, его потенциала, который несомненно будет развёрнут, – по сути, мотивы просвещенческого круга. Державина и Пушкина, как известно, свела судьба на лицейском экзамене 1814 г., когда будущий великий поэт читал свою оду «Воспоминания в Царском Селе». Державин, несмотря на то, что дремал на экзамене, сразу бросился обнимать Пушкина, понял главное: руссоистские идеи, которые по сути Державин ввёл в русскую поэзию, юный Пушкин поднял на новую высоту. В лицейской оде Пушкина эти идеи достигли подлинно романтического подъёма: тема садов звучала од-

новременно и в антично-классическом, даже академическом (сады Платона и Эпикура, их Академии, где ученики постигали премудрости философии и науки, гуляя с Учителем по аллеям), и в романтико-поэтическом, «оссианском» контексте («Навис покров угрюмой рощи...»). Конечно, Державину были чужды собственно-романтические, «оссианские» мотивы, для Пушкина-лицеиста вполне характерны многие баллады в «оссианском» духе. В творчестве Пушкина сады лица – его подлинные истоки: органические, природные, даже первородные, с одной стороны, и школьные, образовательные с другой стороны. Руссоистская диверсификация, двойность, породившая новую Европу романтиков (и революций тоже, и современных демократий), конечно пробудила Державина, по сути предромантика, и Пушкина-романтика.

Особо следует отметить, что Державин стал первопроходцем темы Детства и детей в русской поэзии нового времени (романтическая ода «На рождение в Севере порфирородного отрока»). Правда, если говорить о русской литературе в целом, то эта тема Детства и детей возникла намного раньше, в Житии Леонтия Ростовского XII в. (святой решил прежде всего проповедовать христианство в Ростове именно среди детей, поскольку взрослое население, язычники Ростова оказали ему яростное сопротивление). Поразительно, но и в контексте европейской литературы Державин со своей одой 1779 г. оказался пионером поэтической темы Детства и детей, так как поэтические циклы Уильяма Блейка, посвящённые детям появились в 1789–1794 г. Соответственно, две концепции Детства в версии поэтических текстов также впервые выдвинул именно Державин в оде 1779 г., а У. Блейк развил эту поэтическую идею в формате двух больших циклов. Речь, понятно, идёт о руссоистской концепции Детства как чистых Истоков и о просветительской концепции Детства как Школы (первая концепция всецело сентименталистская, предромантическая или даже романтическая, вторая концепция, естественно, рационально-картезианская по своим истокам).

В преддверие Европы Романтиков [Romantic movement..., p. 457–460], в последней четверти XVIII века эта тема часто обладала и принципиальной, концептуальной, и философской значимостью. Уильям Блейк в Англии создаёт свои поэтико-философские циклы «Songs of Innocence» (1789) – «Songs of Experience» (1794), – «Песни Невинности» – «Песни Опыта» [Blake, 2007], по-

свящённые в значительной мере темам детства и детей. Идеализация первоначал, истоков, первоначальной чистоты (primeval pure values) получила развитие после 1750–1755 г., когда Европа оказалась под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо. Контрастная природа двух соположённых поэтических циклов У. Блейка о детстве и детях, казалось бы, могла проистекать от контрастных социально-общественных воззрений Ж.-Ж. Руссо [Rousseau, 1973], однако, скорее всего, у Блейка была своя философско-генетическая и библейская первооснова (в структурной парности книг Библии и её духовно-философских основ) [Зверев, 2007, с. 257–258]. Евангельская тема Агнца (The Lamb) чрезвычайно характерна, даже принципиальна для поэтических циклов У. Блейка. Эта духовно-философская и духовно-поэтическая основа «детских» циклов Блейка по сути уже их представляет как поэзию предромантическую [Зверев, 2007]. Несомненно, при этом, что темы детства и детей в циклах Блейка не просто руссоистские [Rousseau, 1973], но уже романтические – в плане чистоты, ясности, простоты, искренности мира детства и детей.

Стихи У. Блейка в его циклах всецело слиты с природой, временами дня – утром, днём, вечером и ночью, поведением стихий и светил в этих временных пределах: восход и заход солнца, явление луны, звёздной ночи, других природных явлений и стихий, – всё это оплетено с миром детства и ребёнка (нередко и матери), взаимодействует и взаимосвязано единой властью Бога, всё пронизано не только началом жизни, но и высшей Духовности, одухотворено свыше (как затем у романтиков). А. Зверев пишет [Зверев, 2007] о детских циклах У. Блейка, что неведение, непорочность, духовная чистота, естественность... для Блейка отнюдь не является лишь утраченным Раем; его мысль сложнее, – быть может, она наиболее полно передана в образе заблудившегося и найденного ребёнка, возникающем образе и в «Песнях Неведения» и в «Песнях Познания». Ребёнок олицетворяет собой тип мироощущения, обладающего органикой и целостностью, которые уже не доступны взрослому. В мире взрослых ребёнок всегда одинок и несчастен. Он словно заблудившаяся «истинная душа человечества». Эта «истинная душа» может быть найдена не только на путях возврата к природе, но лишь после того, как она вберёт в себя весь горький опыт Познания и преобразит его в согласии с идеалами духовности и красоты, хранимыми каждым до той поры, пока не иссякла присутствующая

каждому человеку способность – Воображение, Видение [Зверев, 2007, с. 579–580].

По сути, тот же романтический лейтмотив первородной чистоты детства и детей подхвачен в названии и эпиграфе одного из поэтических циклов У. Вордсворта 1803–1807 г. «Ода. Вести о бессмертии, идущие от воспоминаний раннего детства» («Ode. Intimations of immortality from recollections of early childhood») [The works of William Wordsworth..., 1994]: «Дитя – создатель Человека, И я желал бы пронизать дни моей жизни Его изначальным благочестием» («The Child is father of the Man, And I could wish my days to be Bound each to each by natural piety») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 587]. Во вступительном эпиграфе Вордсворт изложил целую концепцию природы романтического мира не только Поэзии, но и Человека-Человечества в целом, где феномен ребёнка выступает первоосновой не только как создатель человека, но и его подлинный Исток, причём обладающий «изначальным благочестием», то есть высшей духовной природой и соответствующими свойствами. По сути, Вордсворт вполне следует в русле поэтико-романтической концепции «детских» циклов Блейка, о которых шла речь выше. Первые две строфы оды 1803 г. прославляют чудесное единение земной природы и света небес, а затем поэт обращается к образу Дитя радости в облике пасторального пастушка (3 строфа), и уже в 4 строфе тема детства перерастает в образы играющих на цветущих лугах детей, в связи с образом играющего ребёнка на руках матери, – всё это пронизано небесной гармонией сфер («Our birth is but a sleep and a forgetting: The Soul that rises with us, our life's Star...») (5 строфа) [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588]. Души ребёнка, а затем юноши предстают как Священства Природы. Однако, перетекая в образ Взрослого Человека, всё неизбежно подвержено затем увяданию в пространстве Обыденного («...At length the Man perceives it die away, And fade into the light of common day») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588]. В строфе 7 образ ребёнка уже в шесть лет представляет как бы проект всей грядущей жизни Человека в его судьбе, деяниях и даже в завершении его земного пути [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 588–589]. В строфах 8, 9, 10, 11 тема радости бытия подержана образами ребёнка как обиталища Души, Философии, Бессмертия, Пророчества, Бытия. Завершается ода образами детей, играющих на берегах Вечного Океана Духовности (... «Our

Souls have sight of that immortal sea... And see the Children sport upon the shore, And hear the mighty waters rolling evermore») [The works of William Wordsworth..., 1994, p. 590]. Ода У. Вордсворта вырастает в глобальную философско-романтическую апологию детства и детей, может быть, равной которой трудно найти в мировой поэзии [28]. Тема детства и детей, в понимании У. Вордсворта, – эталон простой, естественной и подлинной жизни людей, – проходит лейтмотивом через всё творчество поэта, начиная с его ранних стихов 1786 года и до итоговой автобиографической поэмы «Прелюды» («The Prelude, or, growth of a Poet's mind») [The works of William Wordsworth..., 1994, P.631–641]. Эта поэма, естественно, открывается темой детства, представляя его как основной, главный лик одухотворённого божественного Естества. Вместе с ранними стихами о детстве, обсуждавшейся выше Одой, с главной в творчестве Вордсворта лирикой Природы, поэма «Прелюды» предстаёт как один из ведущих в мировой поэтической культуре программных романтических манифестов поэтической природы Естества Детства. Вслед за У. Блейком автор этого послесловия (в первом издании 1798 г. «Лирических баллад» Вордсворт поместил свой первоначальный теоретический текст как предисловие к поэтическому сборнику) обсуждает базовые поэтические категории Воображения и Фантазии как основы романтической природы Человека и окружающего его мира. Этот природный мир уже как мир своей души, как личное благоприобретённое состояние, просто и безыскусно, как высшую простоту и высшую мудрость божественного мира.

На русской поэтической почве точно таковы по своей романтической природе, по близости к сельской жизни и крестьянскому быту были судьба и наследие выдающегося поэта Н. А. Некрасова [Лебедев, 1995]. Он не искал парного контекста лирических сборников, как в Англии У. Вордсворт и С. Кольридж, не писал поэтических манифестов, как эти поэтические гении европейского романтизма. Некрасов, как и Вордсворт избрал сельскую романтику природы основной темой своего творчества, а также глубины жизни, народной души крестьянства России как воплощение русской природы, русской судьбы с её исконным драматизмом, который всегда соединял простое и обыденное с вечным и возвышенным. Возможно потому, что, подобно Вордсворту, Некрасов вырос в деревне, он впитал с детства всё лучшее, что может дать окружающая сельская природа не

просто человеку, но поэту-романтику. Отпечаток европейского романтизма несёт ранний цикл Некрасова «Мечты и звуки» (1840), но затем он обретает свой оригинальный поэтический голос, и помогла его обрести именно ярославо-костромская сельская глубинка, сельское крестьянское Заволжье, где прошло его детство, где поэт вырос, где его настоящая поэтическая Родина. Как и Вордсворт, Некрасов неизменно ощущал себя родом из Детства. Подобно Вордсворту (а также Блейку), Некрасов стал певцом Детства. Пожалуй, трудно найти в мировой поэзии авторов, так много писавших о детях, детстве, видевших в душе ребёнка, особенно, выросшего в обстановке сельской природы, всю её первозданную простоту, чистоту и естественность, но и её божественную умудрённость, во многом закрытую для горожанина, родившегося и выросшего среди условностей, полуправд и ангажированности городской цивилизации.

Настоящая статья стремится соединить два подхода к поэтическому творчеству Н. А. Некрасова: во-первых, исследование «детской» темы в некрасовской поэзии; во-вторых, связи некрасовского и поэтического наследия европейских поэтов. Оба аспекта отнюдь не новы сами по себе: «детская» тема поэзии Некрасова привлекала внимание не только читателей но и учёных, исследователей с XIX века, потому что мотивы эти занимают в структуре художественных текстов Некрасова не просто важное, но – выдающееся место (часто это мотивы не просто детей и детства, но детей и их матерей, а тема матери, женщины – однозначно имеет магистральное значение в некрасовской поэзии). Только в последние десятилетия названную тему исследовали в своих работах такие учёные-филологи, как Л. Н. Дудина («Детский портрет в поэзии Некрасова» 1988); В. С. Белова («Детство и природа в поэзии Н. А. Некрасова» 1990); О. А. Павловская («Некрасов как детский писатель» 1990; «О духовно-нравственном смысле «Стихотворений, посвящённых русским детям Н. А. Некрасова» 2009); В. А. Паршина («К словам – характеристикам детей в поэзии Некрасова» 1987); Н. Зуев («Крестьянские дети» Некрасова» 1989) [Мостовская, 2001].

Другой подход, заявленный в настоящей статье, также не нов – аспекты связей некрасовской и европейской поэзии. Его находим в целом ряде исследований: И. З. Серман «Некрасов и Виктор Гюго» 1966; Е. И. Бубенцова «Народ-герой в лиро-эпосе Некрасова и Карла Сэнтберга» 1990

[Мостовская, 2001]; Г. В. Краснов «Польские мотивы в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» 2000; работы Ю. Д. Левина, известного специалиста по русско-зарубежным литературным связям. Два обозначенных подхода не просто соотносятся, но – структурируются, почва для их структурирования намечена в нашей статье «Зелёный шум» Н. А. Некрасова и «The Echoing Green» Уильяма Блейка». Речь идёт прежде всего о двух взаимосвязанных поэтических циклах У. Блейка: «Songs of innocence» («Песни невинности (неведения)») и «Songs of experience» («Песни опыта (знания)»). Причём мы опираемся на наиболее полное и совершенное филологическое издание этих циклов У. Блейка, подготовленное А. Зверевым [Зверев, 2007]. Оба цикла включают значительное число произведений, где образы детей, матерей (или няней), мотивы детства как поры невинных детских радостей, игр, забав являются доминантными, ведущими. Впрочем, в песнях опыта, да и в первом цикле тоже, определённая часть «детских» песен погружена в проблемный контекст бедности или голода, горестей или жизненных неурядиц, а подчас и бед. Поразительно, но и «детские» циклы Некрасова следуют тому же структурно-поэтическому алгоритму: детство – пора и чистых радостей, игр детей, но и нередко – уже недетских трудов, забот, а то и прямо горестей, школа жизни здесь напрямую сочетается со школой – образованием, просвещением («Плач детей», «Школьник»).

Подобная структурная парность, антиномичность не обязательно заставляет видеть в Некрасове прямого последователя поэтических традиций У. Блейка. Диалогичность, двупланность свойственны, например, и поэзии Пушкина, Лермонтова, текстам Гоголя, с которыми Некрасова, безусловно, связывают узы соотносительности и взаимодействия. Такова специфика открытого М. М. Бахтиным механизма диалогичности, литературного, поэтического хронотопа, как времени-пространства, о чём уже достаточно много написано, в том числе, применительно к творчеству всех названных выше русских авторов – поэтов, писателей, включая Н. А. Некрасова. Двупланность, антиномичный контекст детских радостей/горестей в циклах У. Блейка подчеркнут включением двух пар песен (в каждом из циклов), где, например, соотнесены мотивы заблудившегося ребёнка (мальчика или девочки), но затем – обнаруженного (найденного, обрётённого) ребёнка (мальчика или девочки). В «детской» поэзии Некрасова обнаруживается кореллят подобных

мотивов в незаконченной поэме «Детство», где девочка, играя в развалинах старой церкви, неожиданно проваливается, но чудесно обретает новый удивительный духовный опыт и знания. Та же ситуация – в сходных даже по названиям произведениях Блейка и Некрасова. «Школьник» Некрасова говорит об издержках пути, о стараниях и усилиях ребёнка, которые всё же в итоге выводят маленького человека на пути Истины, Знания и Правды. И в песнях Блейка, и у Некрасова дети, что естественно, наделены присущими им качествами любознательности, пытливости, а подчас – провидения («Крестьянские дети»). Замечательны рассуждения поэта о детских глазах, которые он увидел в щели сарая. Здесь в полной мере отобразилась парная функция мотива детства: глаза ребёнка – зеркало чистой души; глаза ребёнка – инструмент познания мира.

Особенно примечательна в этом плане поэма Некрасова «Железная дорога» с её детским «тайнознанием», с особым «глубинным» видением маленького человека [Филипповский, 2018, с. 80–81]. Поэтому основным в ночном контексте «Железной дороги» («...всё хорошо под сиянием лунным...») является описание сна-видения мальчика Вани («...видел, папаша, я сон удивительный...сотен пять мужиков... и Он мне сказал – вот они, нашей дороги строители...») [Филипповский, 2018]. По мнению героя-повествователя, сон этот – фантазия, потому он вознамерился «правду ему показать», то есть как бы вернуть сознание ребёнка в мир трезвой реальности. Отсюда и композиционная бинарность поэтического плана поэмы: первая часть – ночь, поезд; вторая часть – день, окончание работ, праздник строителей дороги. Однако, вторая часть погружена в контекст горькой иронии и сарказма относительно этого самого «праздника» как пьяной гульбы.

Детская открытость чуду жизни, условность этого «чуда» подчёркнута у Некрасова словом «обаяние», с оттенком «мечты, грёзы», подчас сталкивающейся с прозой жизни, грозящей маленькому человеку невзгодами, за которыми порой маячит образ смерти. Диалектика детской радости/беды подчёркнута в стихах Некрасова о детях («Крестьянские дети»): «...и пусть обаяние поэзии детства проводит вас в недра земли родной...» [Некрасов, 1967]. Та же антиномичность, парность радостей/бед составляет основу стихотворения Некрасова «На Волге. Детство Валежникова», где безоблачность детства маленького человека со временем оборачивается горестями и бедами блудного сына, в итоге всё же возвра-

щающегося к родному дому, матери, родным, но уже с обрётёнными непростыми опытами жизни. Контрастное построение двух взаимосвязанных циклов Блейка, где более половины произведений включает образы детей, детства и матери (няни), а также образы радостей/невзгод, – соотносительны с контрастными принципами построения поэмы Некрасова «Железная дорога», отмеченными выше. В творчестве Некрасова структурная антиномичность появляется уже в его ранних произведениях 1840-х гг. («В дороге», «Огородник», «Тройка», «Родина», «Колыбельная песня»). В названных произведениях речь идёт также о маленьких героях (сын в «В дороге») или о молодых героях («Огородник», «Тройка», «Родина»). И если в циклах Блейка образ детского горя чаще всего мотивирован мотивом голода и бедности, то у Некрасова – чаще всего связан с темой детского труда, соотносительного с трудом взрослых, то есть, мотивом недетского труда или иных повинностей, например, висящей над молодым человеком рекрутчины («Соловьи», «Крестьянские дети», «Плач детей») или смерти родителей («Мороз Красный нос»). У Блейка часто видим мотив горестного, жалкого одиночества («Сон»), у Некрасова – всё же акцентирован мотив не просто детства, но – детей с их играми, походами, забавами («Крестьянские дети»).

Разумеется, постромантизм Некрасова в «Железной дороге» 1864 г. только условно соотносится с раннеромантическими произведениями о детях и детстве Блейка и Вордсворта конца XVIII – начала XIX века. Тем не менее, столь характерная для английских романтиков концептуализация темы детства находит в творчестве Некрасова и последовательное, и весьма широкое развитие. Идеальный мир детской души – адресат многочисленных стихов Некрасова, посвящённых детям. Поэзия Некрасова чудесным образом преемственна с традициями эпохи романтиков первой половины XIX в., Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а также с традициями поэзии и теоретическими манифестами таких, например, европейских романтиков, как Уильям Вордсворт, с его Одой 1803 г., предисловием к «Лирическим балладам» 1800 года.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Поэзия Державина // Державин Г. Р. Оды. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 5–20.
2. Блейк У. Письмо преподобному Доктору Трайскеру (23 авг. 1799 г.) // Литературные манифесты западно-европейских романтиков. Москва : Издательство Московского университета, 1980. С. 257–258.

3. Блейк У. Стихотворения. Москва : Радуга, 2007. 640 с.
4. Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. Москва, 1980. С. 261–278.
5. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. Москва : изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 529 с.
6. Державин Г. Р. Оды. Ленинград : Лениздат, 1985. 334 с.
7. Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1957. 488 с.
8. Зверев А. Величие Блейка // Блейк У. Стихотворения. Москва : Радуга, 2007. С. 533–584.
9. Кольридж С. Т. Из «Лирических биографий» (гл. XIII, XIV) // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. Москва : Издательство Московского университета, 1980. С. 279–281.
10. Котельников В. А. Державин // Русские писатели XI – начала XX века. Библиографический словарь. Москва : Просвещение, 1995. С. 29–33.
11. Лебедев Ю. В. Некрасов Н. А. // Русские писатели XI – нач. XX вв. Библиографический словарь. Москва, 1995. С. 272–283.
12. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / сост. А. С. Дмитриева. Москва : Издательство Московского университета, 1980.
13. Мостовская Н. Н. Библиография литературы о Некрасове (1987 – начало 2000) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : «Наука», 2001. С. 245–270
14. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений в трёх томах. Ленинград : Советский писатель, 1967. 512 с.
15. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...» : О творчестве Н. А. Некрасова. Москва : Просвещение, 1985. 177 с.
16. Филипповский Г. Ю. Глубины некрасовского текста. Ярославль : Канцлер, 2010. 150 с.
17. Филипповский Г. Ю. Мотив детей и детства в английской и русской поэзии XIX века // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 76–83.
18. Beer J. Blake's visionary Universe. Manchester. 1969.
19. Blake W. Selected verse. M., 2007.
20. Blake W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 65–66.
21. Burdett Osbert William Blake. Parkstone International. N.Y. 2009.
22. Coleridge S.T. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.
23. Perkins D. Wordsworth and the poetry of sincerity. Cambridge (M.). 1964.
24. Romantic movement // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.
25. Rousseau J-J. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y., 1973. P. 463–467.
26. The poetic works of William Blake. J. Sampson (ed.). Oxford. 1934.
27. The works of William Wordsworth. A.Till (ed.). L., 1994.
28. Wordsworth W. // The reader's companion to world literature. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 566–568.

Reference List

1. Averincev S. S. Pojezija Derzhavina = Derzhavin's poetry // Derzhavin G. R. Ody. Leningrad : Lenizdat, 1985. S. 5–20.
2. Blejk U. Pis'mo prepodobnomu Doktoru Trajskeru (23 avg. 1799 g.) = The letter to reverend Doctor Traisker (23 august 1799) // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov. Moskva, 1980. S. 257–258.
3. Blejk U. Stihotvorenija = Poems. Moskva, 2007.
4. Vordsvort U. Predislovie k «Liricheskim bal-ladam» // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Introduction to «Lyrical ballads» Literature manifestoes of West European romanticists. Moskva, 1980. S. 261–278.
5. Gukovskij G. A. Russkaja literatura XVIII v. = Russian literature of the XVIII c / G. A. Gukovskij. Moskva, 1939.
6. Derzhavin G. R. Ody = Odes Leningrad : Lenizdat, 1985.
7. Derzhavin G. R. Stihotvorenija = Poems. Leningrad, 1957.
8. Zverev A. Velichie Blejka = Blake's greatness // Blejk U. Stihotvorenija. Moskva, 2007. S. 533–584.
9. Kol'ridzh S. T. Iz «Liricheskikh biografij» (gl. XIII, XIV) = From «biographies» (ch. XIII, XIV) // Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov. Moskva, 1980. S. 279–281.
10. Kotel'nikov V. A. Derzhavin = Derzhavin // Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibliograficheskij slovar'. Moskva, Prosveshhenie, 1995. S. 29–33.
11. Lebedev Ju. V. Nekrasov N. A. = Neckrasov N. A. // Russkie pisateli XI – nach.HH vv. Biobibliograficheskij slovar'. Moskva, 1995. S. 272–283.
12. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Literature manifests of West European romanticists / sost. A. S. Dmitriev. Moskva, 1980.
13. Mostovskaja N. N. Bibliografija literatury o Nekrasove (1987 – nachalo 2000) = Bibliography of the literature about N. A. Neckrasov // Nekrasovskij sbornik. T. XIII. Sankt-Peterburg : «Nauka», 2001. S. 245–270
14. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie stihotvorenij v trjoh tomah = Complete collection of poems in 3 tomes. Leningrad, 1967.
15. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu...» : O tvorcestve N. A. Nekrasova = «I devoted my creative life to my people...» : about the creative work of N. A. Neckrasov. Moskva, 1985.
16. Filippovskij G. Ju. Glubiny nekrasovskogo teksta = The depth of Neckrasov's texts. Jaroslavl', 2010.
17. Filippovskij G. Ju. Motiv detej i detstva v anglijskoj i russkoj poezii XIX veka = The motif of chil-

dren and childhood in the English and Russian poetry of XIX // *Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo»*. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2018. S. 76–83.

18. Beer J. *Blake's visionary Universe*. Manchester. 1969.

19. Blake W. *Selected verse*. M., 2007.

20. Blake W. // *The reader's companion to world literature*. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 65–66.

21. Burdett Osbert *William Blake*. Parkstone International. N.Y. 2009.

22. Coleridge S. T. // *The reader's companion to world literature*. 2-nd ed. L. H. Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 120, 122.

23. Perkins D. *Wordsworth and the poetry of sincerity*. Cambridge (M.). 1964.

24. *Romantic movement // The reader's companion to world literature*. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N. Y. 1973. P. 120, 122.

25. Rousseau J-J. // *The reader's companion to world literature*. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N. Y. 1973. P. 463–467.

26. *The poetic works of William Blake*. J.Sampson (ed.). Oxford. 1934.

27. *The works of William Wordsworth*. A. Till (ed.). L. 1994.

28. Wordsworth W. // *The reader's companion to world literature*. 2-nd ed. L.H.Hornstein (ed.). N.Y. 1973. P. 566–568.

УДК 82–6

М. Д. Кузьмина

<https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

**Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов
(эпистолярный А. П. Сумарокова)**

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Деловое vs дружеское письмо под пером русских классицистов (эпистолярный А. П. Сумарокова) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 18–27.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-18-27

Статья посвящена изучению одной из вех в развитии жанра письма – эпистолярного наследия русских классицистов, в частности, А. П. Сумарокова, который был, как известно, в числе крупнейших представителей классицизма. Занимаясь не только литературной практикой, но и теорией, он сам вывел письмо за пределы литературы, описал его в трактате «О русском языке», литературные же жанры – в трактате «О стихотворстве». Это освобождало автора-эпистолога от соблюдения требований классицизма, давало неведомую прочим – собственно литературным – жанрам свободу. Вместе с тем не низводило письмо до бытового или делового текста, во-первых, за счет того, что осуществлялось непрерывное взаимовлияние жанров письма и стихотворного послания, эпистолы, а во-вторых, за счет того, что письма писателей априори имели эстетическую ценность. Таким образом, выведенное за пределы литературы, письмо было органически тесно связано с ней, включено в нее. Периферийное, на первый взгляд, положение эпистолярного жанра в эпоху классицизма на поверку оказывалось привилегированным и очень перспективным. Особые перспективы имела одна из разновидностей эпистолярного жанра – дружеское письмо, на протяжении XVIII в. оказывавшее влияние на другие разновидности. Не стало исключением и деловое письмо, в том числе деловое письмо классицистов. Так, деловые письма А. П. Сумарокова, адресованные как сановникам, так и императрице, испытали сильное влияние дружеского письма. Думается, он апеллировал к традициям последнего, осознанно или нет, желая преодолеть раскол своего «я», очень осязаемый в его деловой эпистографии. Образ автора в ней как бы двоится, во многом в соответствии с эстетикой классицизма. С одной стороны, Сумароков позиционирует себя как «общественного человека»: признанного, талантливого литератора, директора театра, гражданина, самоотверженно служащего родине. С другой – как «естественного человека»: беспомощного, одинокого, страдающего от нехватки денег, сил, времени, от незаслуженных обид, несправедливости, непонимания и т. п. По логике классицизма, «общественный человек» должен взять верх над «естественным», непатриотическая позиция, эгоизм, слабости и страсти которого постыдны. Пожалуй, только эпистолярный жанр давал автору возможность иной интенции – обретения цельности своего «я» не за счет подавления в себе «естественного человека» и усиления «общественного», а за счет «уравновешения» обеих ипостасей. Сумароков пытается реализовать эту интенцию через актуализацию черт дружеского письма, аутентичного для двух граней его «я»: если «общественный человек» своей деятельностью на литературном и гражданском поприще заслужил дружеское общение «на равных» с любым высокопоставленным адресатом, то «естественный человек» заслужил это общение своими личными качествами. Кроме того, от облеченного властью адресата зависит судьба автора: первый может решить проблемы второго, – поэтому именно в деловом письме Сумароков актуализирует черты дружеского письма. В результате под его пером создается своеобразный дружески-деловой гибрид, перспективный для дальнейшего развития эпистолярного жанра.

Ключевые слова: А. П. Сумароков; М. В. Ломоносов, классицизм, деловое письмо, дружеское письмо, эпистолярный жанр, эпистография.

М. D. Kuzmina

**Business vs friendly letter under the pen of russian classicists
(epistolary by A. P. Sumarokov)**

The article is devoted to the study of one of the milestones in the development of the genre of writing – the epistolary heritage of Russian classicists, in particular, A. P. Sumarokov, who was, as is known, among the largest representatives of classicism. Being engaged not only in literary practice, but also in theory, he himself brought writing outside of literature, described it in the treatise «On the Russian Language», while literary genres – in the treatise «On Poetry». This freed the author-epistolographer from complying with the requirements of classicism, gave freedom

unknown to others – literary genres proper. At the same time, it didn't reduce writing to an everyday or business text, firstly, due to the fact that there was a continuous mutual influence of the genres of writing and a poetic message, epistle, and secondly, due to the fact that the letters of writers a priori had aesthetic value. Thus, taken outside the bounds of literature, writing was organically closely related to it, included in it. At first glance, the peripheral position of the epistolary genre in the era of classicism turned out to be privileged and very promising. One of the varieties of the epistolary genre, the friendly letter, had particular prospects during the 18th century influenced other species. Business letter was no exception, including the business letter of the classicists. Thus, the business letters of A. P. Sumarokov, addressed to both dignitaries and the empress, were strongly influenced by a friendly letter. It seems that he appealed to the traditions of the latter, consciously or not, wishing to overcome the split of his «I», which is very tangible in his business epistolography. The image of the author seems to be twofold in it, in many respects in accordance with the aesthetics of classicism. On the one hand, Sumarokov positions himself as a «public person»: a recognized, talented writer, theater director, citizen, selflessly serving the motherland. On the other hand, as a «natural person»: helpless, lonely, suffering from a lack of money, energy, time, from undeserved grievances, injustice, misunderstanding, etc. According to the logic of classicism, a «social person» must prevail over the «natural», unpatriotic position, selfishness, weaknesses and passions of which are shameful. Perhaps, only the epistolary genre gave the author the possibility of a different intention – gaining the wholeness of his «I» not by suppressing the «natural person» in himself and strengthening the «social», but by «balancing» both hypostases. Sumarokov tries to realize this intention through the actualization of the features of a friendly letter that is authentic for two facets of his «I»: if a «public person» by his activities in the literary and civil field deserves friendly communication «on equal terms» with any high-ranking addressee, then a «natural person» deserves it is communication with your personal qualities. In addition, the fate of the author depends on the addressee vested with power: the first can solve the problems of the second, – therefore, it is in a business letter that Sumarokov actualizes the features of a friendly letter. As a result, a kind of friendly-business hybrid is created under his pen, promising for the further development of the epistolary genre.

Key words: A. P. Sumarokov, M. V. Lomonosov, classicism, business letter, friendly letter, epistolary genre, epistolography.

Общим местом литературоведения стало представление о том, что дружеское литературное письмо появилось в России во второй половине XVIII в. и что его расцвет тесно связан с расцветом сентиментализма [см., напр.: Лазарчук, 1971; Лазарчук, 1969; Лазарчук, 1976; Лаппо-Данилевский, 2013; Макогоненко, 1980]. Это, безусловно, так. Но формирование дружеского письма началось в русской литературе много раньше. Оно происходило уже в XVII столетии, о чем свидетельствуют многочисленные письмовники того времени (например, «Азбучный», или «Сказание начертанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку» [Азбучный письмовник, 2003; см. подр., напр.: Буланин, 1991; Демин, 2003]), и в первой трети XVIII в., о чем говорит единственный вышедший в Петровскую эпоху письмовник «Приклады, како пишутся комплименты разные...» [Приклады, како пишутся комплименты разные..., 1708] (он претерпел три переиздания с дополнениями – в 1708, 1712, 1725 г.); продолжилось во второй половине XVIII в., как можно видеть по вышедшему вслед за «Прикладами...» – в 1765 г. – письмовнику «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, 1765]. Оно охватило эпистографию XVIII в., сыграв роль лейтмотивного

явления. Не стало исключением деловое письмо, испытывавшее сильное влияние дружеского; не стал исключением эпистолярный, казалось бы, чуждых излияниям дружеским чувств классицистов.

Классицистов, как известно, отличало жанровое мышление, они отстаивали принцип чистоты жанра и за каждым из них закрепили свои требования. Стихотворное послание, эпистола, было отнесено ими к «средним» жанрам, дававшим авторам большую свободу, чем «высокие» и «низкие». Собственно же письмо, в прозе, интересующее нас, классицисты вывели за пределы литературы (принципиально, что А. П. Сумароков даже описал его в трактате «О русском языке», тогда как литературные жанры рассмотрел в трактате «О стихотворстве» [см.: Сумароков, 1748]), что давало его авторам наибольшую свободу, не обязывая в письме соблюдать требования классицизма. Складывалась непростая ситуация. С одной стороны, эта максимальная свобода, с другой – декларируемый письмовниками эпистолярный этикет, особенно строгий в случае делового письма, а в случае, если автор – литератор-классицист, – еще и ставшая для него привычной эстетика классицизма.

Так, по наблюдению П. Е. Бухаркина, в частных письмах крупнейших русских классицистов

М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова давали о себе знать во многом те же принципы воспроизведения действительности, что и в собственно литературных произведениях, – принципы классицизма (Ломоносов и Сумароков создают неизменные и «одномерные» образы адресатов: первый, например, образы Г. Н. Теплова и Г. В. Рихмана, второй – А. И. Бутурлина), вместе с тем – в частных письмах Ломоносова и Сумарокова появляется индивидуализация человеческого характера и индивидуальность речевой манеры, в результате чего рождается единый «многомерный» «образ автора, <...> включающий в себя „высокое” и „низкое”» [Бухаркин, 1986, с. 33] – то, что, по законам классицизма, должно быть принципиально разделено. «...Ломоносов (как и Сумароков), – в письмах, замечает П. Е. Бухаркин, – не отрывал „высокого” от „низкого”, передавал высокие чувства через быт, пропускал их сквозь призму повседневного существования» [Бухаркин, 1986, с. 33]. Это открытия, которые совершались в эпистолярной, но были еще недоступны литературе и оставались недоступными ей до тех пор, пока классицизм не перестал определять вектор ее развития.

Итак, письмо, на первый взгляд, вытесненное на периферию, на поверку оказалось в привилегированном положении. Оно не порвало связи с литературой, поскольку, во-первых, происходило взаимовлияние стихотворной эпистолы и прозаического письма, а во-вторых, письма писателей представляли эстетическую ценность. И оно давало авторам неведомые другим жанрам возможности, многократно возрастающие за счет актуализации черт дружеской эпистографии.

Это особенно репрезентативно можно проследить, обратившись к самой регламентированной сфере – деловой переписке классицистов. Очень показательны письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. В эпистолярном наследии каждого из них представлено несколько десятков таких посланий.

Сумароков особенно активно прибегал к деловому письму. По подсчетам исследователей, из его 119 известных нам писем 77 адресованы сановникам и императрицам [см. подр.: Суровцева, 2019, с. 15]. С этой точки зрения безусловно справедливо суждение о нем Е. В. Суровцевой: «...литератора можно по праву считать мастером „письма к царю”, а не дружеского письма» [там же]. Но любопытно как раз то, что деловое письмо под пером Сумарокова представляет собой своеобразный гибрид с дружеским, испытывая на

себе его влияние, лейтмотивное, как мы указали, для эпистографии XVIII в.

Именно этим, думается, во многом и объяснимо своеобразие деловых писем Сумарокова, неоднократно отмечавшееся исследователями. Последние указывали на такие их черты, как неряшливость («Почти все писаны <...> почерком <...> небрежным и неопрятным, с сокращением слов, помарками и вставками между строк» [Грот, 1862, с. 3], так что «...производят впечатление черновика...» [Алексеева, 2014, с. 31]), вольность и неэтикетность оформления («...Сумароков переходит с русского языка на французский, не называет (в нарушение правил) имена (свое и Шувалова) в начале и в конце письма» [Алексеева, 2014, с. 31], начинает письма «...словами „Милостивый государь”, без имени и отчества, и подписывается иногда только начальными буквами своего имени, а иногда и вовсе не подписывается» [Грот, 1862, с. 3]), эмоциональность (все письма Сумарокова к И. И. Шувалову, обратил внимание Я. К. Грот, «...проникнуты тем же саркастическим тоном, раздражительным самолюбием и хвастовством, каким дышит все, что выходило из-под пера Сумарокова» [Грот, 1862, с. 3]), автобиографизм, свобода сюжетно-композиционного построения («...он соединяет воедино рассуждения о русском театре, его нуждах, необходимых реформах и бытовые горькие рассказы о реальном положении актеров <...>; сведения о своих семейных делах...» [Макогоненко, 1980, с. 32]) и т. п.

При всей справедливости этих наблюдений нужно иметь в виду, что письмовник «Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам...» (вышедший, как мы указывали, вторым – после «Прикладов...»), впервые более или менее строго регламентировавший эпистолярный этикет, «...внешний церемониал, так называемое „чинонаблюдение” в письме, игнорирование которого еще долгое время <...> расценивалось как признак невежества либо сознательный прием оскорбления» [Дмитриева, 1986, с. 545], увидел свет только в 1765 г. К тому времени Сумароков уже создал целый ряд деловых писем, и у него сложилась своя эпистолярная манера, которой он и впоследствии оставался верен. Но дело, конечно, не только в этом. Как мы уже отмечали, классицизм не регламентировал церемониал письма, давая автору свободу; Сумароков сам стоял на этом принципе в эпистоле «О русском языке». Пользуясь авторской свободой в эпистолярной, он позиционирует себя не столько рядовым русским гражданином, составляющим ученически «правильные» письма по письмовнику

ку, сколько высокообразованным и талантливым литератором-классицистом, который знает, что в эпистолярном жанре имеет право на многое, и убежден, что, даже если превысит свои полномочия, это окупится его литературным даром. Эпистолярный жанр дал ему возможность творческих экспериментов, невозможных в то время, пожалуй, ни в одном другом жанре. Г. П. Макогоненко прав, заключая о письмах Сумарокова: «Естественно, такие письма писались обдуманно» [Макогоненко, 1980, с. 32]. Исходя из этого и пытаясь определить их место в литературном процессе, ученый полагал, что они представляют собой «...образцы публицистической прозы нового типа», отличающейся эстетической свободой писателя» [Макогоненко, 1980, с. 32].

Точнее, на наш взгляд, говорить о процессе ее формирования во взаимодействии нелитературного (официального и бытового) и литературного (Сумароков – писатель, эстетическая составляющая его писем несомненна; О. В. Алексеева небезосновательно говорит об «эффекте художественности» его писем [Алексеева, 2014, с. 30]), делового и дружеского письма (исследователи справедливо отмечали, что Сумароковым движет чувство собственного достоинства; будучи «литературной знаменитостью» [Грот, 1862, с. 3] и директором театра, он считает себя вправе общаться и с императрицей, и тем более с сановниками на равных). В частности, свобода сюжетно-композиционного построения посланий Сумарокова рождает «мозаичность» содержания, как известно, очень характерную для дружеского письма.

Исходной предпосылкой для этого литературного гибрида и оцеляющим фактором в письмах Сумарокова стала – его личность. Он в эпистолярной стремится к единству своей личности и, соответственно, жизни. Он хочет быть собой, в каком бы амплу (писатель, директор театра, частный человек) ни выступал и к кому бы ни адресовался. В определенной степени это прорыв к сентиментализму, соотносимый с совершенным, хотя и иначе, в главном драматическом произведении Сумарокова – трагедии «Димитрий Самозванец» (1771).

Основу эпистолярия Сумарокова составляет, в сущности, авторефлексия. В этом смысле можно согласиться с Г. П. Макогоненко, заметившим: «Сумароков не вел дневника. Но оставшиеся письма за тридцать лет – с 1747 по 1777 г. – не менее красноречиво документируют его духовную жизнь» [Макогоненко, 1980, с. 29]. Сумароков в письмах, в том числе к императрицам и са-

новникам, прежде всего осмысляет самого себя. С одной стороны, эмпирически, в органичной для письма и дневника манере. А с другой – эстетически, на манер художественной литературы – создавая образ автора, который, каждый под своим углом зрения, рассматривали П. Е. Бухаркин и О. В. Алексеева [Бухаркин, 1986, с. 33, 39–40; Алексеева, 2014, с. 30]. Эмпирическая и эстетическая интенции в эпистолярии Сумарокова и дополняют, корректируют друг друга, и противоборствуют между собой. В их сложном взаимодействии рождается образ автора. Сумароков позиционирует себя как человека литературно одаренного и уважаемого, занимающего высокую должность (в 1756–1761 г. он был директором Русского для представления трагедий и комедий театра, основанного в Санкт-Петербурге в 1765 г.), деятельно служащего отечеству – и вместе с тем как человека, страдающего от нехватки времени, сил, денег, полномочий в устройстве вверенного ему театра, от несправедливости, незаслуженных обид и т. п.

Личность Сумарокова в эпистолярии очевидным образом двойится, и, что любопытно, в определенной степени в традициях классицизма, по видимому, очень глубоко укорененного в его сознании. С одной стороны, обращенная вовне (здесь узнаваем так называемый «общественный человек» классицистов), – она успешна, блистательна. С другой же, внутри себя («естественный человек»), – беспомощна и глубоко несчастна. Но нетрудно заметить, что, осмысляя себя, Сумароков-эпистограф остается в традициях классицизма лишь отчасти, в целом же они его не удовлетворяют. В рамках этих традиций, как известно, «общественный человек», положительный герой, должен побороть в себе «естественного»: превозмочь свои человеческие слабости и, забыв о личном, посвятить всего себя самоотверженному служению отечеству, долгу. В эпистолярии Сумарокова отношения между «общественным» и «естественным человеком» иные – равноправные. «Естественный человек», со всеми своими слабостями, оценивается автором писем, вопреки классицистической традиции, отнюдь не отрицательно. Наоборот, позиционируется как заслуживающий внимания и сопереживания. Конечно, репрезентация Сумароковым этой грани своей личности аутентична скорее сентиментализму, как и исповедальность, за счет такой саморепрезентации явно актуализируемая в тексте письма, хотя и не обретающая в нем безусловной экспансии.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, каждое деловое, и именно деловое, письмо Сумарокова – своеобразный крик души об обретении цельности собственного «я». «Естественный человек» страдает, в то время как «общественный» счастлив и успешен. Поэтому обретение цельности гармонично-счастливой личности мыслится Сумароковым через решение проблем «естественного человека», а оно состоит в полномочиях власть имущих – адресатов его деловых писем. Отсюда та особенность этих писем, которая не ускользнула, пожалуй, ни от одного их исследователя: они нацелены на получение чего-либо от адресата. Правда, несмотря на то, что в эпистолярной Сумарокова так ярко выражен ключевой критерий – цели, типологизировать его послания исходя из указанного критерия невозможно. Некорректно квалифицировать их, скажем, как просительные, потому что их регистр колеблется в диапазоне от просьбы до требования.

Это тоже связано с отсутствием цельности личности и следующей отсюда растерянностью автора писем. Адресуясь к императрице и влиятельным сановникам, он не знает, какая из двух граней его «я» – «общественный» или «естественный человек» – может и должна быть ведущей для наилучшего достижения цели. И актуализирует их попеременно, выступая то в роли униженного просителя, умоляющего о жизненно необходимом, то в роли признанного литератора и директора театра, с чувством собственного достоинства выдвигающего требования. Характерно наблюдение Я. К. Грота: «В своем лихорадочном волнении Сумароков не замечает, как у него самонадеянная похвальба сменяется унижением» [Грот, 1862, с. 13]. Причем если как директор Сумароков позиционирует себя партнером, сотрудником сановников и императрицы, поскольку наравне с ними служит России, занимая важную должность, и заслужил право на удовлетворение своих прошений, то как писатель, одаренный от Бога, – он ставит себя выше них. Г. П. Макогоненко весьма точно уловил эту тональность обращения писателя к государыне: «Сумароков обращается к Екатерине II по всяким волнующим его делам, считая себя вправе требовать от императрицы вмешательства как в его конфликты с родственниками, так и с московским главнокомандующим по делам театра. При этом он поучал, указывал, как она как государыня должна делать, чтобы торжествовала справедливость, <...> чтобы прекратились преследования его как поэта» [Макогоненко, 1980, с. 31].

Таким образом, в эпистолярной Сумарокова представлен довольно странный симбиоз просительно-исповедальной и требовательно-учительной тональностей, которые все время как бы перебивают друг друга. Так, например, в письме к Екатерине II изложив идею своего «проекта» [Сумароков, 1980, с. 95] заграничной командировки («...ехать и описать Италию, также для театров, увидеть и Париж...» [Сумароков, 1980, с. 95]) и просьбу отпустить его на два с лишним года, уволив с должности директора и снабдив необходимой для поездки суммой, Сумароков выдвигает целый ряд требований, устанавливая для государыни алгоритм действий и не оставляя ей практически никакой свободы выбора. «Ежели же по воле вашей, – пишет он, – оной суммы мне выдано быть не может, которая бы книгами возвратилась, я и это дело оставляю, а прошу только по крайней мере о том, чтоб я знал, что я: в службе ли и в какой? Или отставьте меня надлежащим порядком, как все добрые люди отставляются, с надлежащим при отставке чином, и, ежели будет воля в. в., с прибавкою еще к жалованному мне покойною государынею пансиону. А я служил тридцать два года беспорочно и всегда с успехом...» [Сумароков, 1980, с. 97]. Но тут же, очевидно, почувствовав, что зашел слишком далеко, он обрывает этот ряд высокомерно-жестких требований и по-детски беспомощно вопиет: «Помилуйте!» [Сумароков, 1980, с. 98]. Сменив требовательно-учительную тональность «общественного человека» на просительно-исповедальную тональность человека «естественного», автор письма в конце концов, казалось бы, останавливается на последней, вверяет себя, беспомощного, в руки государыни: «Я подвергаю щедроте, правосудию и в. в. милосердию» [Сумароков, 1980, с. 98]. Но это только формально. По сути же последняя фраза нацелена на достижение именно выдвинутых выше требований: «щедрота» Екатерины даст Сумарокову деньги на поездку и жизнь, «правосудие» не оставит его без достойного, заслуженного им места, наконец, «милосердие» не позволит Екатерине разгневаться и проигнорировать письмо. Но расчет писателя не оправдался, ему было отказано. И другие его письма, отличающиеся схожими особенностями, вызывали недоумение и гнев императрицы.

В целом ряде этих писем Сумароков цитирует свои художественные произведения, за счет чего, на первый взгляд, несколько смягчает, а в действительности многократно усиливает императивную тональность. Вводимые им стихотворные строки, во-первых, позиционируют его поэтом, а

значит, как мы уже указывали, ставят над адресатом. Во-вторых, эти строки всегда в большей или меньшей степени эксплицированно «вторят» авторитарным требованиям письма, «поддерживая» их. Наконец, в-третьих, переводят учительнотребовательную интенцию письма в регистр едва ли не учительнотребовательной, каковой она предстает, будучи вложена в уста поэта-«пророка».

Характерно в этой связи, что Сумароков вводит в эпистолярный текст цитату из своей «притчи». Тем самым актуализируется одна из исконных жанровых составляющих христианской проповеди, а одновременно и традиция древнерусского учительного послания, для которой притчево-проповедническая интенция органична. «...праздностью изобилующие в Москве люди, большинством голосов всклепанные на меня плутни утверждают», – жалуется он в письме к Екатерине II и далее настраивает ее на иное, нужное ему решение, вновь не оставляя ей свободы выбора, – «хотя истина не большинством голосов, но важностью решиться должна: во всей подсолнечной по большинству голосов почитается, что солнце ходит, а по важности голосов не солнце, а земля ходит».

Из уст в уста перелетает ложь,
За истину пойдет, коль всякий бредит то ж.

Из моих притчей» [Сумароков, 1980, с. 107–108].

В сущности, последняя – поэтическая – «притча» предваряется прозаической («...по большинству голосов почитается, что солнце ходит, а по важности голосов <...> земля ходит»). Обе подтверждают исходный эмпирический тезис автора письма («...в Москве люди, большинством голосов всклепанные на меня плутни утверждают...»), ступенчато усиливая и сакрализуя умозаключение поэта-эпистолога, твердо руководящего адресатом письма.

Схожих целей Сумароков достигает, цитируя свои драматические произведения. В частности, трагедию «Ярополк и Димиза»: «Ежели великие люди могут утеснять невинных авторов, приносящих отечеству своему честь и славу, какую приносят полководцы, так:

Велики имена, коль нас не утешают,
Великостью своей нас только устрашают.

Следовательно, должно от него бегать, а Музы до сего дня нигде еще страхом и принуждению подвержены не были» [Сумароков, 1980, с. 136].

Актуализируя в подобных письмах свои литературные сюжеты, Сумароков создает – в эпистолярном варианте – что-то вроде «учительных од» Г. Р. Державина, которыми тот пытался назидать Екатерину и других монархов.

Литературные автоцитаты в эпистолярной Сумарокова вводят интенцию не только учительного, но и дружеского письма. Напомним, одной из характерных черт дружеского литературного письма исследователи считают наличие стихотворных вставок. Причем К. Ю. Лаппо-Данилевский напрасно, на наш взгляд, настаивает, что следует принимать во внимание только стихотворные вставки, написанные автором специально для данного письма. Он отмечает: «Несколько раз Ломоносов приводит в письмах свои стихи, как некую внеположную данность, которую следует сообщить, а не писать их специально для письма, делая их неотъемлемой его частью. При всей „дружественности“ этот эпистолярный невозможно назвать „дружеским“, ибо всюду чувствуется дистанция, отделяющая поэта от его вельможного покровителя» [Лаппо-Данилевский, 2013, с. 131–132]. Исследователь смешал два тезиса. Очевидно, что «дистанция» между адресантом и адресатом не обязательно связана с генезисом стихотворных вставок. Адресант мог, скажем, написать строки в духе оды специально для этого письма либо, напротив, мог процитировать такие строки, созданные им ранее, – в обоих случаях это создало бы дистанцию между участниками эпистолярного общения.

Наличие стихотворных вставок – не единственная и, возможно, не главная, но весьма симптоматичная черта. Она свидетельствует, собственно, о «литературности» эпистолярного текста. В случае Сумарокова «литературность» архиважна. Во-первых, по уже означенной причине: позиционируя себя поэтом, он превозносится над адресатом. Во-вторых, переключая эпистолярное общение в область беседы о литературе, Сумароков претендует как минимум на дружеское равноправие с адресатом – отстаивает свое право предлагать любые темы для обсуждения, занимать время адресата (и экономить свое – по всей видимости, это одна из важнейших причин неряшливости в оформлении его писем, избытка в них сокращений слов), общаться свободно, неофициально и т. п. Данная претензия заявлена им одновременно на двух уровнях: «общественного человека», который по своим внешним достижениям заслуживает дружбу с высокопоставленным лицом, и «естественного человека», который заслу-

живает ее по своим внутренним качествам, прежде же всего по искренности и по «несчастности». Акцентируя последние, автор писем настраивает адресата на доверительное общение, отличающее дружескую эпистолярную коммуникацию. Итак, она и с этой точки зрения была необходима Сумарокову как дававшая возможность обретения цельности собственного «я».

Но обретение цельности собственной личности достигалось Сумароковым-эпистографом очень ненадолго. Ведь как бы он ни старался выдвинуть на первый план жанровые черты дружеского письма и как бы ни пренебрегал требованиями, установленными для делового, он пишет все-таки деловое письмо – и ни в какой другой форме не может обратиться не только к императрице, но и к сановникам. Две разновидности эпистолярного жанра – деловое и дружеское письмо, – накладываясь друг на друга, неизбежно оказывались в конфронтации, в результате лейтмотивной для каждого его послания. Она априори разрушала какую бы то ни было гармоничную цельность и раскалывала старательно создаваемый Сумароковым образ автора. Необходимо и вместе с тем невозможно было решить, кто он по отношению к адресату – проситель / «требователь» (деловой дискурс, не дававший единства образа автора) или друг (дружеский дискурс). А потому невозможно было единообразно, этично и корректно оформить письмо. Строго официальный тон означал бы ниспровержение дружеского, столь дорогого Сумарокову, а чисто дружеский полностью отменял бы официальную тональность, что было недопустимо.

Особые затруднения Сумароков испытывал, оформляя клаузулу письма, очевидно, потому, что, во-первых, за ней, как и за прескриптом, в деловой эпистографии закреплены наиболее строгие требования (зафиксированные, в частности, в «Наставлении, как сочинять и писать всякие письма к разным особам...»), а во-вторых, она – в большей степени, чем прескрипт и семантема, – ставила адресанта перед вопросом, кто он по отношению к адресату. Идеальное решение поэт-драматург нашел в посланиях к Г. В. Козицкому, секретарю императрицы и своему приятелю. В клаузуле большинства из них варьируется формула «верный друг и покорный слуга» [Сумароков, 1980, с. 110], двучастность которой, актуализирующая и дружескую, и деловую саморепрезентацию адресанта, совершенно очевидна и естественна. Но в посланиях к высоким сановникам и тем более к самой императрице такая формула, конечно, не была уместна.

В клаузуле писем к императрице Сумароков наиболее сдержан. Он подписывает их в соответствии с традицией обращения к царственным особам – в частности, как очевидно, учитывая эпистолярный образец под названием «Почтительное письмо к знатной особе» из письмовника «Наставление, как сочинять и писать всякие письма...» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, 1765, с. 84–85]. Но позволяет себе сокращать слова: «В. и. в. все-нижайший и всеподданнейший раб...» [Сумароков, 1980, с. 112]. В этом как будто проявилось буквальное, скрупулезное следование письмовнику, в котором подобные сокращения приняты (ср. клаузулу «Почтительного письма к знатной особе»: «Вашего с. Всепокорнейший слуга» [Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с. 85]), и оно кричит о том, что автор правильно оформил письмо; конечно же, здесь нельзя не увидеть иронии с его стороны по отношению к требованиям этикета официальной эпистографии. Сумароков очевидным образом ставит под сомнение аутентичность для себя, признанного литературного таланта и теоретика классицизма, этих требований, а одновременно «напоминает» адресату об эксплицированном в прескрипте и семантеме дружеском дискурсе. Почтительность и уничижительность автохарактеристик в клаузуле («...все-нижайший и всеподданнейший раб...») противоречит требовательно-учительной интенции, заявленной в семантеме, за счет чего клаузула формализуется и приобретает достаточно ярко выраженный иронический оттенок, возможно, не вполне осознаваемый самим автором, но, несомненно, ощутимый для адресата и не вызывающий у него расположения к адресанту.

Тем более свободно Сумароков оформляет клаузулы в письмах к сановникам, например, к И. И. Шувалову. Здесь он проявляет творческий подход, предлагая вниманию адресата от послания к посланию разные варианты, говорящие прежде всего о том, что сам автор пребывает в поиске. Писатель-эпистограф может удостоить Шувалова большей или меньшей, но всегда относительной почтительности (напр.: «Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга Александр Сумароков» [Сумароков, 1980, с. 87]) либо же не удостоить («Нижайший слуга А. С.» [Сумароков, 1980, с. 89], «Покорнейший слуга А. С.» [Сумароков, 1980, с. 92]). Наконец, что особенно интересно, он может позволить себе, пусть и имплицитно, актуализировать в клаузуле двойную автохарактеристику, позициониру-

ющую его как официальное лицо и одновременно как друга, как «общественного» и одновременно «естественного человека». Напр.: «Вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейший, нижайший и несчастнейший слуга» [Сумароков, 1980, с. 78], «Вашего превосходительства» нижайший, всепокорнейший и отчаянный слуга А. Сумароков» [Сумароков, 1980, с. 89].

Как можно видеть, Сумароков попытался органично вписать в ряд официальных, клишированных автохарактеристик («всепокорнейший», «нижайший») чужеродные для этого ряда сентиментальные, доверительно-исповедальные, дружеские эпитеты – «несчастнейший», «отчаянный». Первый даже преподан в форме превосходной степени, которая, вероятно, должна бы ассимилировать его, по замыслу автора, с официальными «всепокорнейший», «нижайший». По сути же и «несчастнейший», и «отчаянный» – своего рода эмоциональная гипербола, рождающая в сочетании с клишированными «всепокорнейший», «нижайший» комический эффект, очевидный для читателя, но, похоже, не для автора. Курьезные сами по себе, эти двойственные автохарактеристики Сумарокова в контексте его дружески-делового эпистолярного дискурса, в котором автор стремится оцельнить свое «я», конечно же, глубоко логичны.

Читателем, чутким, с одной стороны, к классицизму, а с другой – к требованиям делового письма, закрепляемым письмовниками, эпистолярный эксперимент Сумарокова не мог быть принят. За поэтом-эпистографом утвердилась репутация амбициозного, взбалмошного, психически неуравновешенного человека. Его деловые письма были признаны «эпистолярной неудачей» (О. В. Алексеева) автора, не справившегося с этикетом официальной переписки, и противопоставлялись деловым письмам Ломоносова, выдерживающего этот этикет. В частности, очень корректно оформлявшего прескрипты и клаузулы в письмах к И. И. Шувалову.

Но нельзя не заметить, что и Ломоносов позволял себе вольности в официальной переписке. Ограничимся одним примером – письмом к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 г. Строго выдержав официальный этикет в оформлении прескрипта и клаузулы, сохраняя сдержанно-деловой тон в семанте, Ломоносов с чувством собственного достоинства, мотивированного тем, что он заслуженный человек, ученый и поэт, просит Шувалова не сомневаться в его самоотверженном

служении России и не верить тем, кто не хочет признавать его заслуг и прав: «Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все силы свои употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были...» [Ломоносов, 1957, с. 479–480]. Вслед за чем автор письма вдруг свободно переходит на разговорно-просторечный стиль и вводит притчевый дискурс: «...музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно. Оне кого хотят, того и любят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны, Невтона (то есть Ньютона. – М. К.), богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы, Волфа (то есть Х. Вольфа. – М. К.), который лекциями и подарками нажил больше пятисот тысяч и сверх того баронство...» [Ломоносов, 1957, с. 480].

Как можно видеть, Ломоносов предлагает вниманию адресата целый ряд притч (продолжающийся и за процитированным нами фрагментом) – вполне светских, но, в евангельской традиции, альтернативных: содержащих отрицательный (Диоген) и положительные (все остальные) примеры (ср. евангельские притчи о мытаре и фарисее, о мудрых и неразумных девах, о доме на камне и на песке и др.). Примечательно, что за последними очевидный численный перевес, так что даже за счет этого именно они должны убедить Шувалова. Притчевый дискурс, в соответствии с христианской учительнопредповеднической традицией, придает тексту письма авторитетность. Но императивность высказывания смягчается за счет разговорно-просторечного стиля, актуализирующего тональность дружеского общения. Правда, Ломоносов актуализирует ее весьма дозированно, стараясь не нарушать «чинонаблюдения». Само свободное варьирование стилей, как и притчевых сюжетов, демонстрирует незаурядную образованность и одаренность автора письма, виртуозно превосходящего всех своих недоброжелателей. Обращаясь в подобном духе к Шувалову, Ломоносов и его ставит на почетное место рядом с собой, делая своим другом, собеседником-единомышленником. В остальных частях письма,

выдержанных в строгом соблюдении этикета, ставит выше себя. То и другое не могло не польстить адресату.

Ломоносов и Сумароков, каждый по-своему, апеллируя к поэтике формирующегося дружеского письма, подсознательно чувствовали его перспективность для дальнейшего развития русской литературы и эпистолографии. Вслед за ними литераторы-сентименталисты, переосмыслившие представление о дружбе и объявившие ее одной из главных ценностей, обратятся к эпистолярному жанру. Под их пером в последней трети XVIII в. начнется настоящая экспансия дружеского письма, расцвет которого состоится в первой трети XIX в. Он был подготовлен исканиями и достижениями русских эпистолографов XVIII в., в не последнюю очередь А. П. Сумарокова.

Библиографический список

1. Азбучный письмовник // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 588–600.
2. Алексеева О. В. Письма театрального директора: администратор vs. писатель: письма А. П. Сумарокова И. И. Шувалову // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения–2013): В 2 ч. Ч. 2. Литературоведение: сборник научных трудов. Санкт-Петербург : СПГУТД, 2014. С. 28–31.
3. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. : монография. München : Sagner, 1991. 465 с.
4. Бухаркин П. Е. Письма М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова в истории русской литературы // Малые жанры в русской и советской литературе : межвуз. сборник научных трудов. Киров : Кировский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1986. С. 31–41.
5. Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову. Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1862. 52 с.
6. Демин А. С. Литературные черты древнерусских письмовников // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 178–605.
7. Дмитриева Е. Е. Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.
8. Лазарчук Р. М. Дружеское письмо и его место в литературном процессе конца XVIII века (Г. П. Каменев) // XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1971. С. 53–55.
9. Лазарчук Р. М. Из истории дружеского письма конца XVIII в. (Н. А. Львов) // XXII Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 93–95.
10. Лазарчук Р. М. Письма Г. П. Каменева и их историко-литературное значение // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Вып. 2. Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. С. 74–85.
11. Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. Санкт-Петербург : Наука, 2013. С. 121–153.
12. Ломоносов М. В. Письмо к И. И. Шувалову от 10 мая 1753 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 10. Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. С. 479–480.
13. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Ленинград : Наука, 1980. С. 3–41.
14. Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам. С приобщением примеров из разных авторов. Москва : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1765. 168 с.
15. Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожательные, и иные; также между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык; Напечатанные повелением благочестивейшаго великого государя царя, великого князя Петра Алексиевича всея Великия и Малыя и белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве, Апр. 1708. 210 с.
16. Сумароков А. П. Две епистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. Санкт-Петербург : Печ. при Академии наук, 1748. 29 с.
17. Сумароков А. П. Письма. (Публ. В. П. Степанова) // Письма русских писателей XVIII века : сборник. Ленинград : Наука, 1980. С. 68–223.
18. Суровцева Е. В. Письма А. П. Сумарокова Г. П. Потемкину в контексте «письма царю» // Научные достижения высшей школы–2019 : Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (7 октября 2019 г.). Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2019. С. 14–20.

Reference List

1. Azbuchnyj pis'movnik = Alphabetical letter book // Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova / отв. ред. В. П. Гребенюк. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 588–600.
2. Alekseeva O. V. Pis'ma teatral'nogo direktora: administrator vs. pisatel': pis'ma A. P. Sumarokova I. I. Shuvalovu = Theatrical director's letters: administrator vs. writer: letters from A.P. Sumarokov to I.I. Shuvalov // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chtenija–2013): V 2 ch. Ch. 2. Literaturovedenie: sbornik nauchnyh trudov. Sankt-Peterburg : SPGUTD, 2014. S. 28–31.

3. Bulanin D. M. Antichnye tradicii v drevnerusskoj literature XI–XVI vv. = Antique traditions in old Russian literature of the XI–XVI cc.: monografija. München: Sagner, 1991. 465 s.
4. Buharkin P. E. Pis'ma M. V. Lomonosova i A. P. Sumarokova v istorii russkoj literatury = Letters of M. V. Lomonosov and A. P. Sumarokov in the history of Russian literature // *Malye zhanry v russkoj i sovetskoj literature: mezhvuz. sbornik nauchnyh trudov*. Kirov: Kirovskij gos. ped. in-t im. V. I. Lenina, 1986. S. 31–41.
5. Grot Ja. K. Pis'ma Lomonosova i Sumarokova k I. I. Shuvalovu = Letters of Lomonosov and Sumarokov to I. I. Shuvalov. Sankt-Peterburg: Tip. Akademii nauk, 1862. 52 s.
6. Demin A. S. Literaturnye cherty drevnerusskikh pis'movnikov = Literature features of old Russian letter books // Demin A. S. *O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova* / otv. red. V. P. Grebenjuk. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 178–605.
7. Dmitrieva E. E. Russkie pis'movniki serediny XVIII – pervoj treti XIX v. i jevoljucija russkogo jepistoljarnogo jetiketa = Russian letter books of the middle XVII – first third of XIX cc and evolution of Russian epistolary etiquette // *Izvestija AN SSSR. Ser. Literatury i jazyka*. 1986. T. 45. № 6. S. 543–552.
8. Lazarchuk R. M. Druzheskoe pis'mo i ego mesto v literaturnom processe konca XVIII veka (G. P. Kamenev) = A friendly letter and its place in literary process of the end of the XVIII c. (G. P. Kamenev) // *XXIV Gercenovskie chtenija. Filologicheskie nauki. Kratkoe sodержanie dokladov*. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1971. S. 53–55.
9. Lazarchuk R. M. Iz istorii družheskogo pis'ma konca XVIII v. (N. A. L'vov) = From the history of a friendly letter of the end of the XVIII c. (N. A. L'vov) // *(XXII Gercenovskie chtenija. Programma i kratkoe sodержanie dokladov*. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1969. S. 93–95.
10. Lazarchuk R. M. Pis'ma G. P. Kameneva i ih istoriko-literaturnoe znachenie = G. P. Kamenev's letters and their history-literature meaning // *Problemy izuchenija russkoj literatury XVIII veka. Ot klassicizma k romantizmu*. Vyp. 2. Leningrad: LGPI im. A. I. Gercena, 1976. S. 74–85.
11. Lappo-Danilevskij K. Ju. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: specifika, istoki = A friendly literature letter: specifics, reasons // XVIII vek. Sb. 27. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013. S. 121–153.
12. Lomonosov M. V. Pis'mo k I. I. Shuvalovu ot 10 maja 1753 g. = The letter to I. I. Shuvalov from the 10th of May 1753 // *Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch.: V 11 t. T. 10*. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1957. S. 479–480.
13. Makogonenko G. P. Pis'ma russkikh pisatelej XVIII v. i literaturnyj process = The letters of Russian writers of the XVIII c. // *Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka*. Leningrad: Nauka, 1980. S. 3–41.
14. Nastavlenie, kak sochinjat' i pisat' vsjakie pis'ma k raznym osobam. S priobshheniem primerov iz raznyh avtorov = Admonition how to make and write letters to different people. With the reference to different authors. Moskva: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1765. 168 s.
15. Prikłady, kako pishutsja komplimenty raznye na nemeckom jazyke, to est' pisanija ot potentatov k potentatam, pozdravitel'nye i sozhatelel'nye, i inye; takozhde mezhdu srodnikov i prijatelej = Admonition how to write different compliments in German, of different genres to different people, congratulations, pitiful and other, to relatives and friends. Perevedeny s nemeckogo na rossijskij jazyk; Napechatannye poveleniem blagochestivejšhago velikogo gosudarja carja, velikogo knjazja Petra Aleksievicha vseja Velikija i Malyja i belyja Rossii samodержca. Pri blagorodnejšem gosudare careviche, i velikom knjaze Aleksii Petroviche. V carstvujushhem velikom grade Moskve, Apr. 1708. 210 s.
16. Sumarokov A. P. Dve epistoly. V pervoj predlagaetsja o russkom jazyke, a vo vtoroj o stihotvorstve = Two epistles. The first one is about the Russian language, the second about poems. Sankt-Peterburg: Pech. pri Akademii nauk, 1748. 29 s.
17. Sumarokov A. P. Pis'ma. (Publ. V. P. Stepanova) = Letters (Publ. by V. P. Stepanov) // *Pis'ma russkikh pisatelej XVIII veka: sbornik*. Leningrad: Nauka, 1980. S. 68–223.
18. Surovceva E. V. Pis'ma A. P. Sumarokova G. P. Potemkinu v kontekste «pis'ma carju» = The letters of A. P. Sumarokov to G. P. Potemkin in the context of «the letters to the tsar» // *Nauchnye dostizhenija vysshej shkoly–2019: Sbornik statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa (7 oktjabrja 2019 g.)*. Petrozavodsk: MCNP «Novaja nauka», 2019. S. 14–20.

УДК 821.161.1–1

Н. В. Володина

<https://orcid.org/0000-0001-9928-3765>

Тургеневский Рудин как философствующий герой

Для цитирования: Володина Н. В. Тургеневский Рудин как философствующий герой // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 28–35. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-28-35

В романе И. С. Тургенева «Рудин» отчетливо проявилась характерная особенность творчества писателя в целом – обращение к определенным философским системам, имплицитно, на уровне авторской интенции присутствующих в его произведениях и лишь в отдельных случаях открыто заявляющих о себе. Это становится возможным, прежде всего, в высказывании героя, для которого рассуждения по поводу метафизических вопросов является результатом специального образования, свойством ума и способом самовыражения. Именно в этом аспекте в статье рассматривается главный герой первого романа И. С. Тургенева – Дмитрий Николаевич Рудин. Основные задачи статьи – выявление роли философского знания в формировании личности Рудина, а также внутренних связей авторской философской рефлексии и мировоззрения его героя. Решение этих задач потребовало обращения к идеям, методологии философской эстетики М. М. Бахтина, а также работ современных исследователей, посвященных философской природе творчества Тургенева. В статье идет речь о влиянии на мировосприятие и тип поведения Рудина гегелевской философии. Обращение Тургенева к учению знаменитого немецкого философа связано с ролью этого учения в его собственной жизни. Курс лекций, прослушанный писателем в Берлинском университете, способствовал серьезному знакомству с философией Гегеля и увлечению его научным методом. Однако ко времени написания романа Тургенев относится к философскому кумиру своей юности в целом критически. Это определило неоднозначность авторской позиции в оценке миропонимания его героя, сформированного, прежде всего, кругом научных идей спекулятивной философии. Ключевыми концептами языковой личности Рудина являются «истина» и «идеал», выражающие внутренний, духовный поиск этого персонажа. Тургенев видит внутреннюю ограниченность своего героя, скорее, в том, что атмосфера чистой мысли, в которую он погружен, приводит Рудина к излишнему рационализму эмоциональной жизни и недооценке чувств людей, которые ему доверяют или любят его. Признавая важное значение интеллектуальной составляющей мировосприятия Рудина, Тургенев уже в своем первом романе стремится понять ту иррациональную стихию чувств, которая с каждым новым произведением будет все больше вторгаться в судьбы его героев.

Ключевые слова: философия Гегеля, мировосприятие героя, концепты языковой личности Рудина, авторская философская рефлексия.

N. V. Volodina

Turgenev's Rudin as a philosophizing character

In I. Turgenev's novel «Rudin» a defining characteristic of the author's literary work is revealed: appealing to definite philosophical systems presented in his literary works implicitly – on the level of the author's intent, and which become open only in particular cases. It becomes possible preeminently in an utterance of a character whose reasoning on metaphysical issues is the result of special education, a characteristic of the mind and a mode of expression. It is in this aspect the article focuses on the protagonist of I. Turgenev's first novel Dmitry Rudin. The main objectives of the paper are defining the role of philosophical knowledge in Rudin's personality formation and inner connections of the author's philosophical intent and «direct» philosophical position of the character. To carry out these objectives it was necessary to consider the ideas and methodology of M. Bakhtin's philosophical esthetics in the context of historical and literary research. The article discusses Hegel's philosophy influence on Rudin's worldview and his type of behavior. Turgenev's appeal to a famous German philosopher's school of thought is connected with the role of this school of thought in his own life. A course of lectures attended by the writer at Berlin University contributed to serious studies of Hegel's philosophy and interest to his scientific method. However, by the time of writing the novel Turgenev's attitude to the philosophical idol of his youth is generally critical. That determined the ambiguity of the author's position in characterization of the protagonist's worldview, formed preeminently by the speculative philosophy spectrum of ideas. Key concepts of Rudin's linguistic persona are «truth» and «ideal», expressing inner, spiritual search of this character. Turgenev sees inner limitation of his character rather in the fact that the atmosphere of pure thought where his is, brings

Rudin to excessive rationalism of emotional life and undervaluation of feelings of those people who trust him and love him. Admitting the important meaning of the intellectual component of Rudin's worldview, even in his first novel Turgenev tries to understand that irrational power of feelings that will break into his characters' fates more and more with each new novel.

Key words: Hegel's philosophy, character's worldview, concepts of Rudin's linguistic persona, author's philosophical reflection.

Современные исследователи творчества И. С. Тургенева проявляют повышенный интерес к философской природе его произведений, рассматривая ее на уровне художественной концепции бытия, героя, жанровой специфики и др. [см., напр.: Нохейль, 1999; Ребель, 2010, 2018; Тиме, 2011; Головкин, 2019]. Согласно их наблюдениям в круг хорошо знакомых Тургеневу философских систем входили античные философы, Паскаль, Кант, Шеллинг, Гегель, Фихте, Фейербах, Шопенгауэр. Однако, как справедливо отметил А. И. Батюто в своей известной работе о романах Тургенева, опубликованной еще в 1972-ом году, «в качестве “руководства к действию” Тургенев не приемлет ни одной философской системы. Эти последние неизменно оказываются несостоятельны, особенно в своих конечных выводах, всякий раз, когда он приступает к изображению глубинных душевных движений своих героев» [Батюто, 1972, с. 162]. Г. А. Тиме, всесторонне исследуя философские взгляды Тургенева, приходит к выводу, что они находили в творчестве писателя «лишь опосредованное, глубинное выражение» [Тиме, 2011, с. 173]. Г. М. Ребель, анализируя специфику философского осмысления бытия в творчестве Тургенева, говорит о том, что писатель «однозначно отрицательно относился к „специальному”, отдельному философствованию в рамках искусства» [Ребель, 2010]. Очевидно, единственной ситуацией, когда это «открытое» философствование становится возможным, является высказывание героя, для которого рассуждения по поводу метафизических вопросов является результатом специального образования, свойством ума и способом самовыражения.

Среди действующих лиц романов И. С. Тургенева особый интерес в этом плане представляет главный герой первого романа писателя – Дмитрий Николаевич Рудин. Оценка этого персонажа, начиная с работ критиков середины XIX века, включала в себя обозначение философской составляющей в мировоззрении Рудина, однако практически не становилась предметом специального рассмотрения. Целостный анализ образа этого героя не исключает возможности «избирательного зрения», которое позволяет сфокуси-

роваться на конкретной, причем, доминирующей особенности мировосприятия Рудина, определяющей его самооценку, поступки, взаимоотношения с людьми.

Рассматривая Рудина в заявленном аспекте – как «философствующего героя» – необходимо учитывать тот эффект авторского присутствия, общие законы которого были определены М. М. Бахтиным: «Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознание» [Бахтин, 1979, с. 14]. В романе «Рудин» это определяет сложный внутренний синтез авторской философской интенции и «непосредственной» (как бы отделенной от автора) философской позиции его героя, в результате чего возникает целый спектр смыслов: диалогических, полемических, совпадающих между собой. Пониманию этих смыслов, присутствующих внутри текста, способствует привлечение биографических фактов, связанных с кругом философских знаний, идей самого писателя, а также культурно-исторического контекста, проясняющего характер мышления и тип личности Рудина.

Тургенев уже в первой главе романа лаконично говорит об учебе и образовании Рудина. После окончания Московского университета он год провёл в Гейдельберге, затем год слушал лекции в Берлинском университете. Учитывая хронологию событий романа, можно предположить, что Рудин находился в Германии в конце 1830-х годов, примерно в то же время, что и сам автор произведения. Тургенев учился в Берлинском университете с мая 1838-го до мая 1841-го года, на короткое время возвращаясь в Россию. Он изучал в Берлине философию, являясь в этот период убежденным гегельянцем. Его любимым университетским преподавателем был последователь Г. В. Ф. Гегеля, профессор Карл Вердер, у которого Тургенев брал еще и частные уроки.

Увлеченность гегелевской метафизикой, как известно, была в этот период буквально «поколенческой» чертой. Н. В. Станкевич, чуть раньше Тургенева слушавший лекции Вердера, пишет друзьям в Москву (29 октября 1837 года): «Опять полное доверие к Гегелю, – опять стремление к истине» [Станкевич, 1982]. М. Н. Катков в пись-

мах редактору «Отечественных записок» рассказывает о реакции на лекции Вердера «многочисленных слушателей», которые «всякий раз выходили с его лекций потрясенные, восторженные, проникнутые святынею [...]» [Катков, 1841]. Сам Тургенев в письме Т. Н. Грановскому (от 20-го июня 1839-го года) говорит не только о впечатлении от лекций Вердера, но и об их содержании: «Кстати. Вердер дошел до Grund (основание) в отделении о Wesen (сущности) – и я могу сказать, что я изведаль хоть l'avant-gout (предвкушение) того, что он называет – die spekulativen Freuden (умозрительные радости). Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твердо, проваливается под ногами [...]. Я думаю, все эти ощущения Вам знакомы» [Тургенев, 1982, с. 143].

Герой романа Тургенева, Рудин, не говорит непосредственно об университетских занятиях, их содержании (для этого у него нет собеседника) и упоминает лишь об атмосфере студенческой жизни в Германии: «наши сходки, наши серенады...» [Тургенев, 1980, с. 229] (серенады в честь профессоров), – однако ее влияние стало для Рудина решающим. Он и по возвращении в Россию оказывается погружен в немецкую романтическую культуру: «германскую поэзию, в германский романтический и философский мир» [Тургенев, 1980, с. 249]. Образованность Рудина, высокий уровень его внутреннего развития определяют его особое положение по сравнению с ведущими героями литературы предшествующего периода. Д. Н. Овсянко – Куликовский, сопоставляя Рудина с Онегиным и Печориным, видит его преимущество перед ними в том, что Рудин «живет умственной жизнью века, он стоит на уровне современного движения умов в Европе» [Овсянко – Куликовский, 1989, с. 147].

Сознание Рудина включает в себя, прежде всего, мир философских идей: чужих, но освоенных и пережитых им. У него философский склад ума, проявляющийся в способности к абстрагированию, диалектическому мышлению, умению отыскивать общность внешне не связанных между собой явлений. Бывший университетский товарищ Рудина, Михаил Михайлович Лежнев, которому Тургенев отдает наиболее важные характеристики своего героя, вспоминает о том, что это свойство его ума проявилось уже в период их общения в студенческом кружке: «[...] он прочел немного, но читал он философские книги, и голова у него

была так устроена, что он тотчас же из прочитанного извлекал все общее, хватался за самый корень дела и уже потом проводил от него во все стороны светлые, правильные нити мысли [...]» [Тургенев, 1980, с. 256].

Исследователи, как правило, отмечают важную роль, которую сыграл в судьбе героя кружок, куда входили студенты Московского университета [см., напр.: Бялый, 1962; Габель, 1967; Винникова, 1968; Пустовойт, 1987; Маркович, 2008; др.]. Действительно, в романе «Рудин» (в отличие от «Гамлета Щигровского уезда») кружок предстает как в высшей степени «идеальное» дружеское общение, где молодежь с увлечением, едва ли не восторгом, говорила «о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии» [Тургенев, 1980, с. 257]; рассуждала о «философии, искусстве, науке», наконец, «самой жизни» [Тургенев, 1980, с. 256]. При этом важно отметить не только влияние кружка на формирование мировосприятия тургеневского героя, но и заметную роль самого Рудина в этом кружке, что признает и Лежнев, несмотря на упоминание тех качеств своего университетского приятеля, которые и сейчас вызывают у него неприятие или иронию. Из рассказа Лежнева становится ясно, что уже тогда Рудин был настроен на особый тип книжной культуры, умел наполнять живым смыслом абстрактные философские понятия; и потому для его собеседников «ничего не оставалось бессмысленным, случайным: во всем высказывалась разумная необходимость и красота» [Тургенев, 1980, с. 256]. В словах Лежнева, несомненно, звучит отзвук гегелевских идей, развиваемых Рудиным. Впечатление, которое производило на слушателей его «слово», усиливалось и самим способом передачи этого «слова»: «мастерски, увлекательно», хотя и «не совсем ясно» [Тургенев, 1980, с. 229].

О характере мировосприятия и образованности Рудина позволяет судить, прежде всего, языковой дискурс героя: его монологи и участие в диалогах и полемике; косвенная, несобственно-прямая речь персонажа и его письменная речь (в романе есть письма Рудина к Волынцеву и Наталье). Высказывание – основной способ самовыражения Рудина, ибо ему всегда необходим даже не столько собеседник, сколько слушатель, адресат. Доминантой языковой личности Рудина является тезаурусный уровень, включающий в себя обобщенные понятия и идеи. Согласно М. М. Бахтину, «говорящий человек в романе всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема», связанная «с особой точкой зрения на мир»

[Бахтин, 1975, с. 146]. По отношению к Рудину это суждение имеет принципиальное значение, ибо Рудин, прежде всего, «говорящий человек», сосредоточенный на сфере идей, мыслей. Г. М. Ребель считает, что именно Тургенев – «родоначальник идеологического романа в русской литературе, именно он первым поставил в центр произведения героя – идеолога и сделал идеологическую проблематику одной из важнейших пружинок сюжетного действия» [Ребель, 2018, с. 8].

Ключевые философские концепты, которые имеют для Рудина особое значение, – «истина» и «идеал»; более частные – «системы», «факты», «прогресс», «свобода». Рядом с ними возникают этические категории: «самолюбие», «себялюбие», «эгоизм», – приобретающие в его рассуждениях нравственно – философский смысл. Отметим, что концепт «истина» является одной из констант художественной философии Тургенева. Не случайно «служение истине», как справедливо отмечает В. М. Головкин, «объединяет Дон-Кихота и Гамлетта» [Головкин, 2019, с. 57] – двух главных, с точки зрения писателя, общечеловеческих типов.

Основные дискурсы, в которых существует понятие «истины», – это наука и религия. «Истина» как универсалия культуры присутствует уже в Ветхом и Новом Завете. К понятию «истины» обращалась античная философия, а затем оно осмысливалось практически всеми европейскими философскими системами. «Истина» является фундаментальной категорией гегелевской философии, значение которой он подчеркивал и в лекциях для студентов. Так, в речи, произнесенной им «при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г.», он напутствует своих слушателей следующим образом: «Самая серьезная потребность есть потребность познания истины» [Гегель, 1974, с. 81]. При этом в определении истины знаменитым немецким философом главным оказывается сакральный смысл: «Бог, и только он один, есть истина» [Гегель, 1974, с. 84].

Подобные идеи и суждения, несомненно, слышали Тургенев и его герой в университетских курсах, хотя истина, и безотносительно к немецкой философии, являлась для поколения 1830–40-х годов ключевым нравственно-философским понятием. Поиск ее был для интеллигенции этой эпохи осознанной целью, артикулируемой и вместе с тем бесконечно сложной для понимания. Приведем характерное суждение В. Г. Белинского: «Царство истины есть обетованная земля, и путь к ней – аравийская пустыня» [Белинский, 1978, с. 119]. Тургенев в письме М. А. Бакунину и

А. П. Ефремову от 8 сентября 1840-го года (период его учебы в Германии) говорит о роли в его жизни Н. Станкевича: «Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей!» [Тургенев, 1982, с. 163]. Романтическая стилистика этого письма вполне выражает романтическое мировосприятие Тургенева этого периода. Много позднее герой незаконченной повести И. С. Тургенева «Довольно» (1865), близкий автору, говорит в своих «записках», что о «полной истине» и «помину быть не может» и что лишь ее малая часть «нам доступна» [Тургенев, 1981, с. 226]. Однако в герое своего первого романа Тургенев сохранил это юношеское поклонение истине, даже когда период юности для Рудина давно миновал.

Слово «истина» звучит в речи этого персонажа уже в момент его первого появления в романе – в гостинице Дарьи Михайловны Ласунской. Рисуя эту сцену, Тургенев приводит его диалог с местным помещиком Пигасовым. Возражая ему, Рудин противопоставляет «удовлетворение своего самолюбия желанию быть и жить в истине...» [Тургенев, 1980, с. 226]. Рудину не удастся продолжить рассуждения на эту тему (на это указывает многоточие в конце его реплики), ибо его тут же перебивает Пигасов. Наивно – безапелляционным выпадам своего оппонента («Я спрашиваю: где истина? Даже философы не знают, что она такое. Кант говорит, вот она, мол, что; а Гегель – нет, врешь, она вот что») [Тургенев, 1980, с. 227] Рудин возражает короткой репликой: «А вы знаете, что говорит о ней Гегель?» [Тургенев, 1980, с. 227]. Сам характер, предмет этого разговора, заданный Рудиным, оказывается абсолютно неожиданным для общества, собравшегося в гостинице Дарьи Михайловны Ласунской. Как пишет В. М. Маркович, «в атмосферу обычных житейских разговоров и занятий внезапно вторгается пророк-энтузиаст и возвещает великие истины, придающие каждому мгновению жизни метафизический смысл» [Маркович, 2008, с. 140]. Контекст употребления Рудиным этого понятия позволяет предположить, что критерием истины для него, очевидно, является знание, ибо Рудин больше всего говорит именно о его значении, как и роли образования. Религиозный характер гегелевской метафизики ни сейчас, ни позднее практически не отражается в рассуждениях героя, как и чрезвычайно важная в связи с этим проблема соотношения знания и веры.

Категория «истины» является для Рудина предметом отвлеченных рассуждений, осмысленным в рамках спекулятивной философии, не требовавшей обращения к опыту, практике. «Спекулятивная философия, – поясняет Гегель, – есть сознание идеи, воспринимающее все как идею; идея же есть истинное в мысли, а не только в созерцании или в представлении» [Гегель, 1976, с. 221]. Вместе с тем сама способность Рудина рассуждать по поводу того, что такое истина: увлеченно, с опорой на опыт книжного знания – уже в университетский период покоряла его слушателей, о чем вспоминает Лежнев: «Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владеете ею... молодежь вас и слушать не станет. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину верили, что обладаете истиной... Оттого-то Рудин и действовал так сильно на нашего брата» [Тургенев, 1980, с. 256]. В свою последнюю встречу с Рудиным, уже постаревшим, одиноким и, по сути, бездомным человеком, Лежнев «подтверждает» верность Рудина идеалам своей молодости: «[...] огонь любви к истине в тебе горит, и, видно, несмотря на все твои дразги, он горит в тебе сильнее, чем во многих» [Тургенев, 1980, с. 320].

Вместе с тем сосредоточенность Рудина на сфере идей, поисках метафизической истины не дает ему внутреннего удовлетворения, уверенности в том, что ему удалось реализовать собственные возможности, идеи и идеалы. Сошлемся на суждения известного отечественного философа и психолога начала XX века, М. М. Рубинштейна, который говорит о том, что в силу национальной специфики и сложившихся исторических обстоятельств русская интеллигенция всегда была настроена на прикладной характер философского знания, что она не могла руководствоваться «чистым самодовлеющим стремлением к знанию ради него самого, к истине ради истины» [Рубинштейн, 2008, с. 214].

Эта коренная проблема русской интеллигенции была хорошо знакома и понятна Тургеневу по собственному душевному опыту, осмысленному в юности с помощью философских категорий. В цитируемом выше письме Т. Н. Грановскому (Берлин, 20 июня 1839-го г.) звучит следующее признание писателя: «[...] недавно пришла мне в голову мысль – я занимался наблюдениями над собственным характером – что «von lauter Werden komm' Ich ...» (из-за постоянных дум, самокопания, размышлений о себе, своей личности – пере-

вод мой – Н. В.) я не могу перейти к делу» [Тургенев, 1982, с. 143]. Тургенев не объясняет, что именно могло бы стать для него таким делом, но его творческая судьба определила характер этой деятельности.

Рудина часто тревожит мысль о несостоявшейся собственной жизни, ибо он искренне стремится быть полезным, понимая пользу как внешне ощутимый результат внутренних поисков и убеждений. В прощальном письме к Наталье он с горечью замечает: «Боже мой! В тридцать пять лет все еще собираться что-нибудь сделать!» [Тургенев, 1980, с. 293]. Однако попытки Рудина заняться «реальной» деятельностью: агрономические преобразования в усадьбе нового приятеля – богатого помещика; фантастический проект превращения реки в К...кой губернии в судоходную, опыт преподавания в гимназии – терпят крах. Ему так и не удается стать, как он сам говорит, «деловым человеком, практическим» [Тургенев, 1980, с. 344].

Рудин, по сути, живет в сфере чистой мысли, определяющей характер его поступков, общения с людьми. Все остальное является для него вторичным: материальное благополучие, любовь, внешняя деятельность. Последствия такого мировосприятия оказываются неоднозначными как для самого Рудина, так и для других. Он не заботится о собственном имущественном положении, «выбрав» себе судьбу бесприютного скитальца. Все его влюбленности носят отвлеченный характер, ибо о любви он судит, тоже руководствуясь отвлеченной логикой; «путь в стихию чувств, – как отмечает Л. М. Лотман, – для него закрыт» [Лотман, 1974, с. 14]. Так, Рудин, не желая того, разрушил отношения Лежнева (в студенческий период) с его возлюбленной, растолковывая им характер их чувств и едва ли не предлагая программу поведения. Комический эпизод с француженкой – модисткой, которой он во время свидания говорит о Гегеле, – частное свидетельство абсолютного непонимания реальности. Даже в том, что он влюблен в Наталью, Рудин как будто бы убеждает себя. Сергей Волынцев, глубоко любящий Наталью и, естественно, воспринимающий Рудина как соперника, не может понять и принять его стремления к логическому объяснению того, что этому плохо поддается, – эмоций и чувств. В порыве раздражения после визита Рудина (тот поведал об их взаимной любви с Натальей) Волынцев задает своему приятелю, Лежневу вопрос: «Да скажи мне, брат, ради Бога, ... что это такое, философия, что ли?» [Тургенев, 1980, с. 275]. На что Лежнев, хорошо понимающий, что такое философия, отве-

чает: «Как тебе сказать? С одной стороны, пожалуй, это точно философия – а с другой, уж совсем не то. На философию сваливать всякий вздор тоже не приходится» [Тургенев, 1980, с. 275].

Полуироничная реплика Лежнева звучит здесь в защиту философии, но не Рудина. Однако в эпилоге романа Лежнев вполне серьезно высказывает свои соображения по поводу того, почему философия (он имеет в виду, конечно, спекулятивную философию) не может претендовать в России на ведущую роль в формировании общественного сознания: «Философические хитросплетения и бредни никогда не привьются к русскому уму: на это у него слишком много здравого смысла» [Тургенев, 1980, с. 304]. Это суждение Лежнева, очевидно, передает и авторскую мысль. Г. А. Тиме отмечает, что Тургенев подчеркивал «неспособность (свою личную и как бы русского человека вообще) „мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер“» [Тиме, 2011, с. 64].

Вместе с тем именно просветительские способности и возможности Рудина, сформированные, прежде всего, философским знанием, – главный способ его самореализации, как и влияния на других. В начале романного действия Лежнев говорит, что слова Рудина «так и останутся словами и никогда не станут поступком» [Тургенев, 1980, с. 252]. Лежнев в данном случае имеет в виду возможность общественно полезного дела, которое можно рассматривать как поступок. Однако по прошествии двух лет с момента основных событий Лежнев переоценивает поведение и личность Рудина, понимая ее истинное значение. Теперь он защищает Рудина от поверхностных обвинений: «[...] но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? Что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?» [Тургенев, 1980, с. 304]. Позднее он повторит это уже самому Рудину, убеждая его в том, что «доброе слово – тоже дело» [Тургенев, 1980, с. 319]. И если в начале романа Лежнев является оппонентом Рудина, то в эпилоге он, скорее, его единомышленник. Сошлемся на философскую концепцию М. М. Бахтина, который в качестве поступка рассматривает «каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство» [Бахтин, 1986]. В этот ряд может быть включено и слово. Именно слово в структуре личности Рудина является главным его поступком. И если в сфере личных отношений оно оказывается обесцененным его

поведением, то его «просветительское» слово обладает действенной и благотворной силой.

Ко времени написания своего первого романа Тургенев относился к собственному юношескому философскому опыту уже с большой долей скептицизма. Он подкреплялся кризисом гегелевских идей как в Германии, так и в России. Однако с их преодолением писателем исчез не только юношеский энтузиазм, но и пошатнулась его вера в разумность хода вещей, «абсолютную истину», замену которым Тургеневу оказалось сложно найти. Как отмечает В. Зеньковский, «это, конечно, не пессимизм (как часто характеризуют мировоззрение Тургенева), это есть трагическая установка духа» [Зеньковский, 2008]. В этом смысле герой его первого романа, критически воспринимающий собственную жизнь, но не свои юношеские идеалы, оказался «счастливее» своего автора.

Библиографический список

1. Батюто А. И. Тургенев – романист. Ленинград : Наука, 1972. 389 с.
2. Бахтин М. М. Слово в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Худож. литер-ра, 1975. С. 72–233.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 7–180.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. Москва, 1986. С. 80–160. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (дата обращения: 10.10. 2019).
5. Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Москва : Худож. литер-ра, 1978. Т. 3. С. 78–150.
6. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. Москва : Советский писатель, 1962. 246 с.
7. Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. Москва : Советская Россия, 1977. 448 с.
8. Габель М. О. Творческая история романа «Рудин» // Лит. наследство. Москва : Наука, 1967. Т. 76. С. 9–70.
9. Гегель Г. В. Ф. Речь Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г. // Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 5 т. Москва : Мысль, 1974. Т. 1. С. 79–83.
10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Г. В. Ф. Гегель. Философия религии: в 2 т. Москва : Мысль, 1976. Т. 1. С. 205–530.
11. Гегель Г. В. Ф. Введение // Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 2 т. Москва : Мысль, 1974. Т. 1. С. 84–106.
12. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. Москва : Флинта, 2019. 343 с.
13. Зеньковский В. В. Мирозерцание

И. С. Тургенева: к 75-летию со дня смерти // Зеньковский В. В. Собр. соч.: в 2 т. Москва : Русский путь. Т. 1, 2008. 448 с. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php> (дата обращения: 22.09. 2019).

14. Катков М. Н. Берлинские новости (Из письма редактору «Отечественных записок») // Отечественные записки. 1841. Т. 16. № 5, 6. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_berlinslie_novost_i.html (дата обращения: 15.06.2019).

15. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Ленинград : Наука, 1974. 349 с.

16. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева // Маркович В. М. Избранные работы. Санкт-Петербург : Ломоносов, 2008. 319 с.

17. Нохейль Р. И. С. Тургенев – писатель-философ // Тургениана : сб. ст. и мат-лов. Вып. II-III / под ред. Г. Б. Курляндской. Орёл, 1999. С. 24–26. URL: www.turgenev.org.ru/e-book/filosof.htm (дата обращения: 22.11. 2019).

18. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Из истории русской интеллигенции // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Москва : Худож. литер-ра, 1989. Т. 2. С. 4–305.

19. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. Москва : изд-во Московского ун-та, 1987. 302 с.

20. Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. Москва : Нестор-История, 2018. 376 с.

21. Ребель Г. М. «Бьющаяся в плену мысль – печальное зрелище!». Философия в оценках и в творчестве И. С. Тургенева // Филолог. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_19_5 (дата обращения: 22.09. 2019).

22. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Москва : изд. дом «Территория будущего», 2008. Т. 2. 376 с.

23. Станкевич Н. В. Из переписки. Москва : Совет. Россия, 1982. 222 с. URL: http://az.lib.ru/s/stankewich_n_w/text_0090.shtml (дата обращения: 12.12. 2019).

24. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. 456 с.

25. Тургенев И. С. Письма из Берлина // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1978. Сочинения. Т. 1. С. 291–296.

26. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1980. Сочинения. Т. 5. С. 197–324.

27. Тургенев И. С. Довольно // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1981. Сочинения. Т. 7. С. 220–231.

28. Тургенев И. С. Письма // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1982. Письма. Т. 1. 607 с.

Reference List

1. Batjuto A. I. Turgenev – romanist = Turgenev – novelist. Leningrad : Nauka, 1972. 389 s.

2. Bahtin M. M. Slovo v romane = A word in the novel // M. M. Bahtin. Voprosy literatury i jestetiki. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1975. S. 72–233.

3. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = The author and hero in aesthetic activity // M. M. Bahtin. Jestetika slovesnogo tvorcestva. Moskva : Iskusstvo, 1979. S. 7–180.

4. Bahtin M. M. K filosofii postupka = To the philosophy of an act // Filosofija i sociologija nauki i tehniki. Ezhegodnik 1984–1985. Moskva, 1986. S.80–160. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (data obrashhenija: 10.10. 2019).

5. Belinskij V. G. Geroj nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova = The hero of our time. The work of M. Lermontov // Belinskij V. G. Sobr. soch. : v 9 t. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1978. T.3. S. 78–150.

6. Bjalj G. A. Turgenev i russkij realizm = Turgenev and Russian realism. Moskva : Sovetskij pisatel', 1962. 246 s.

7. Vinnikova G. Je. Turgenev i Rossija = Turgenev and Russia. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977. 448 s.

8. Gabel' M. O. Tvorcheskaja istorija romana «Rudin» = Creative history of the novel «Rudin» // Lit. nasledstvo. Moskva : Nauka, 1967. T. 76. S. 9–70.

9. Gegel' G. V. F. Rech' Gegelja, proiznesennaja im pri otkrytii chtenij v Berline 22 oktjabrja 1818 g. = Hegel's speech, pronounced by him at readings opening in Berlin on the 22 of October 1818 // G. V. F. Gegel'. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 5 t. Moskva : Mysl', 1974. T. 1. S. 79–83.

10. Gegel' G. V. F. Lekcii po filosofii religii = Lecturers on the philosophy of religion // G. V. F. Gegel'. Filosofija religii: v 2 t. Moskva : Mysl', 1976. T. 1. S. 205–530.

11. Gegel' G. V. F. Vvedenie = Introduction // G. V. F. Gegel'. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 2 t. Moskva : Mysl', 1974. T.1. S. 84–106.

12. Golovko V. M. I. S. Turgenev: iskusstvo hudozhestvennogo filosofstvovanija = I. S. Turgenev : the art of artistic philosophizing. Moskva : Flinta, 2019. 343 s.

13. Zen'kovskij V. V. Mirosozercanie I. S. Turgeneva: k 75-letiju so dnja smerti = I. S. Turgenev's outlook: to the 75-th anniversary from death // Zen'kovskij V. V. Sobr. soch.: v 2 t. Moskva : Russkij put'. T.1, 2008. 448 s. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php> (data obrashhenija: 22.09. 2019).

14. Katkov M. N. Berlinskie novosti (Iz pis'ma redaktoru «Otechestvennyh zapisok») = Berlin news (From the letter to an editor of «Domestic notes») // Otechestvennye zapiski. 1841. T.16. № 5, 6. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_berlinslie_novost_i.html (data obrashhenija: 15.06.2019).

15. Lotman L. M. Realizm russkoj literatury 60-h godov XIX veka = The realism of Russian literature of the 60-s of XIX c. Leningrad : Nauka, 1974. 349 s.

16. Markovich V. M. Chelovek v romanah I. S. Turgeneva = A man in I.S. Turgenev's novels // Markovich V. M. Izbrannye raboty. Sankt-Peterburg : Lomonosov, 2008. 319 s.
17. Nohej' R. I. S. Turgenev – pisatel'-filosof = I. S. Turgenev – a writer-philosopher // Turgeniana : sb. st. i mat-lov. Vyp. II-III / pod red. G. B. Kurljandskoj. Orjol, 1999. S. 24–26. URL: www.turgenev.org.ru/e-book/filosof.htm (data obrashhenija: 22.11. 2019).
18. Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Iz istorii ruskoj intelligencii = From the history of Russian intelligentsia // Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1989. T. 2. S. 4–305.
19. Pustovojt P. G. I. S. Turgenev – hudozhnik slova = I. S. Turgenev – the artist of the word. Moskva : izd-vo Moskovskogo un-ta, 1987. 302 s.
20. Rebel' G. M. Turgenev v ruskoj kul'ture = Turgenev in the Russian culture. Moskva : Nestor-Istorija, 2018. 376 s.
21. Rebel' G. M. «B'jushhajasja v plenu mysl' – pechal'noe zrelishe!». Filosofija v ocenkah i v tvorcestve I.S. Turgeneva = «A thought in captive – a sad view!»Philosophy in the appraisal and creative work of I.S. Turgenev // Filolog. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_195 (data obrashhenija: 22.09. 2019).
22. Rubinshtejn M. M. O smysle zhizni. Trudy po filosofii cennosti, teorii obrazovanija i universitetskomu voprosu = About the sense of life. Works on philosophy of value, theory of education and the question of university. Moskva : izd. dom «Territorija budushhego», 2008. T. 2. 376 s.
23. Stankevich N. V. Iz perezpiski = From correspondence. Moskva : Sovet. Rossija, 1982. 222 s. URL: http://az.lib.ru/s/stankewich_n_w/text_0090.shtml (data obrashhenija: 12.12. 2019).
24. Time G. A. Rossija i Germanija: filosofskij diskurs v ruskoj literature = Russia and Germany: philosophy discourse in the Russian literature. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2011. 456 s.
25. Turgenev I. S. Pis'ma iz Berlina = Letters from Berlin // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1978. Sochinenija. T. 1. S. 291–296.
26. Turgenev I. S. Rudin = Rudin // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1980. Sochinenija. T. 5. S. 197–324.
27. Turgenev I. S. Dovol'no = Enough // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1981. Sochinenija. T. 7. S. 220–231.
28. Turgenev I. S. Pis'ma = Letters // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1982. Pis'ma. T. 1. 607 s.

УДК 821.161.1 + 18:8.01

Н. Ю. Букарева

<https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

О. Е. Малая

<https://orcid.org/0000-0001-7818-0222>

Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева

Для цитирования: Букарева Н. Ю., Малая О. Е. Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 36–42.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41

В статье показывается генезис мироощущения Н. С. Гумилева через анализ его произведений, в которых поэт осмысляет тему войны. Первоначальное восторженное восприятие войны объясняется следованием поэта адамистической концепции мира. В статье раскрываются основные идеи этой концепции. Авторы полагают, что она по своей сути напоминает феноменологическую редукцию Э. Гуссерля, так как «новые Адамы» ратовали за очищение человека от наносной коры «рефлексов и сомнений». Изменение отношения Н. Гумилева к Первой мировой войне и, как следствие, трансформирование ее художественного изображения в его стихах и прозе мотивировано столкновением поэта с реальностью и осознанием того, что война, независимо от ее характера и вызвавших ее причин, ужасна в принципе, так как она уносит человеческие жизни. Как следствие изменения восприятия войны в целом – и трансформация христианской символики в военной лирике: если в начальных стихах военного «цикла» она показывает веру автора в войну как в Божий путь, путь преобразования человека, а значит, и мира, то в поздних звучат мысли о том, что вместо Бога в душе у человека – безбожие, война сделала человека жестоким, лишила веры. Следовательно, в поздних стихотворениях военного «цикла» очевиден отказ Н. С. Гумилева от адамистической концепции войны.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, акмеизм, адамистическая концепция, концепция войны, христианские мотивы.

N. Yu. Bukareva, O. E. Malaya

The phenomenon of war in the aesthetics and artistic creativity of N. S. Gumilyov

This article shows the genesis of N. S. Gumilyov's worldview through the analysis of his works, in which the poet comprehends the theme of war. The initial enthusiastic perception of war is explained by the poet's adherence to the adamistic concept of peace. The article reveals the main ideas of this concept. The authors assume that it essentially resembles the phenomenological reduction of E. Husserl, since the «new Adams» advocated the cleansing of man from the alluvial crust of «reflections and doubts». The change in the attitude of N. Gumilyov's approach to World War I and, as a result, the transformation of its artistic image in his poems and prose, is motivated by the poet's collision with reality and the realization that war, regardless of its nature and the reasons that caused it, is terrible in principle, since it takes human lives. As a result of changes in the perception of war in general and the transformation of Christian symbols in military lyrics: if in verses the military «cycle» it shows the faith of the author in a war in God's path, the path of transformation of man, and hence the world, then later heard the idea that instead of God in the soul of man there is godlessness, the war made a violent man, deprived of faith. Consequently, in the later poems of the military «cycle», N. S. Gumilyov's rejection of the adamistic concept of war is obvious.

Key words: N. S. Gumilyov, acmeism, adamistic concept, the concept of war, Christian motifs.

Почему люди воюют? Этот вопрос занимает человечество на протяжении тысячелетий. Само слово «война» происходит от древнегерманского *werra*, корни которого можно обнаружить, например, в английском слове *war*. Корень древнегреческого *polemos*, также означающего «войну», очевиден в словах «полемика», «полемический», «по-

лемист», а корень латинского *bellum* (война) сохранился в английском *belligerent* (воинственный). В тех или иных формах это слово есть во всех мировых языках как прежних эпох, так и современности, что служит одним из показателей универсальности данного феномена. Множество концепций и

теорий войны свидетельствуют о сложности этой проблемы.

Не обошла данная тема и эстетику акмеизма – течения в русской поэзии начала XX века, основателем и идейным вдохновителем которого был Николай Степанович Гумилев. Он стремился «не только развенчать позиции символизма, но и, перерабатывая, превзойти их созданием своего собственного, духовно более зрелого мифа акмеизма» [Баскер, 2000, с. 141]. Поэт, прозаик, драматург, литературный критик, яркий представитель эпохи Серебряного века, Гумилев творил свою жизнь, как творят произведения искусства. «Требовал или не требовал поэта к священной лире Аполлон, – творимая легенда продолжалась» [Крейд, 1993, с. 13–14]. В одном из писем молодого Гумилева читаем: «Что есть прекрасная жизнь, как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекают самые дивные статуи?» [Гумилев, 1991, с. 220]. Адамистическая концепция, придуманная им вместе с Сергеем Городецким, была частью творчества и жизнотворчества этих поэтов. Адамисты предлагают человеку максимально «опроститься», избавиться себя от лишнего груза рефлексий и сомнений путем высвобождения истинных начал, сохранившихся от первобытного Адама до наших дней: «Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [Гумилев, 1990, с. 57]. В своем творчестве Гумилев выводит целую галерею «новых Адамов». Таков Маркиз де Карабас (стихотворение «Маркиз де Карабас», 1910). Он живет в мире воображения и магии, исполненный детской непосредственности и бессознательной мудрости, которая позволяет ему общаться на равных со своим усатым котом и узреть свой маркизат в «каждой травинке, в каждой ветке». Таков художник Фра Беато Анжелико в одноименном стихотворении 1912 года («На всем, что сделал мастер мой, печать // Любви земной и простоты смиренной»). Поэт не случайно предпринимает несколько путешествий в Африку, которой он посвящает цикл стихов в сборнике «Шатер» (1921): эта земля привлекает его незамысловатостью обычаев, простотой и естественностью жизни.

...Садовод всемогущего Бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая...

(«Судан», 1921) [Гумилев, 2001, с. 170].

Всматриваясь в предметный мир, «новый Адам» дает вещам «девственные наименования», не отягощенные предшествующими смыслами. В статье-манифесте С. Городецкого читаем, что задача «нового Адама» – «опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух...» [Городецкий, 1913].

На языке поэзии провозглашенная С. Городецким адамистическая программа «девственных наименований» звучит так:

Просторен мир и многозвучен,
И многоцветней радуг он.
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн, и ветхой мглы –
Вот подвиг первый. Подвиг новый –
Всему живому петь хвалы [Городецкий, 1914, с. 114].

В целом адамистическая концепция напоминает феноменологическую редукцию Э. Гуссерля (воздержание от суждения, или эпохе), целью которой должно стать достижение «чистого сознания», и особенно ту форму редукции, которая требует отказа философствующего Я от всех существующих точек зрения относительно рассматриваемого предмета (Гуссерль имеет в виду все существующие мнения, взгляды, теории по анализируемому вопросу). По Гуссерлю, «то, что мы приобретаем именно таким путем, или точнее, что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть моя чистая жизнь со всеми ее чистыми переживаниями и со всеми ее чистыми полаганиями, универсум феноменов в феноменологическом смысле. Можно также сказать, что *εποχή* (эпохе – Н. Б.) представляет собой радикальный и универсальный метод, посредством которого я в чистоте схватываю себя как Я вместе с чистой жизнью собственного сознания, в которой и благодаря которой весь объективный мир есть для меня, и так, как он есть именно для меня» [Гуссерль, 2006]. Очевидно, идея «заключения в скобки» всех существующих взглядов, научных теорий и учений и произвела наибольшее впечатление на Гумилева, хотя нет основания утверждать, что он был знаком с работами Э. Гуссерля. Скорее всего, та атмосфера, в которой жил и творил Гумилев, да и все поэты, позже назвавшие себя акмеистами (С. Городецкий, А. Ахматова, М. Зенкевич, В. Нарбут), была пропитана философскими теориями русского «гуссерлианца» Г. Г. Шпета, а

также русскими публикациями Гуссерля с комментариями к ним Шпета. Поэтому выработка адамистической концепции не была, конечно, случайностью. «Новые Адамы» ратовали за максимальное «опрощение» человека, очищение его от наносной коры «рефлексий и сомнений» [Гумилев, 1913], и война в этом смысле являлась благодатным моментом, максимально ускоряющим и упрощающим такой сложный процесс.

Н. Гумилев с восторгом отнесся к начавшейся Первой мировой войне: «Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью... Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание. Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение... Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности» [Николай Гумилев в воспоминаниях современников, 1990]. Эта характеристика А. Я. Левинсона, современника поэта, как нам кажется, полностью подходит к Гумилеву лишь начала войны. В ходе войны характер его претерпевает изменение, как претерпевает изменение и мировоззрение поэта.

Н. С. Гумилев еще в 1907 году был освобожден от воинской повинности из-за болезни глаз, однако, добившись разрешения стрелять с левого плеча, в 1914 году добровольцем ушел на фронт. «Гумилеву было предоставлено право выбора рода войск, он предпочел кавалерию. Ездить верхом поэт не умел, зато у него было полное отсутствие страха» [Шошин, 1994, с. 210], а облик кавалериста гармонично вписывался в его концепцию жизнотворчества (поэт, конквистадор, рыцарь, воин):

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду...

(«Я конквистадор в панцире железном», 1905) [Гумилев, 1998, с. 5].

В письме к жене, А. А. Ахматовой, Гумилев пишет: «Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями» [Лукницкая, 1990, с. 172]. С одной стороны, Гумилеву комфортно на войне, она благодатно влияет на его физическое состояние: «Я все здоровею и здоровею: все время на свежем воздухе (а погода прекрасная, все время скачу верхом, а по ночам сплю как убитый)» [Лукницкая, 1990, с. 169], с другой стороны, ему

не хватает трагизма, вместо романтики – военный быт: «Раненых привозят немало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги. Под одним нашим уланом пуля пробила седло как раз в тот миг, когда он приподнимался на рыси, секунда до или после, и его бы ранило» [Лукницкая, 1990, с. 169–170].

Война позволяла Гумилеву с особой остротой ощущать ценность каждого момента бытия, бросать вызов смерти, совершая иррациональные, казалось бы, безумные поступки. В исследовательской литературе описан случай, рассказанный сослуживцем Н. С. Гумилева: «Группа офицеров возвращалась в распоряжение 4-го эскадрона по открытой местности... Неожиданно с другой стороны реки раздались пулеметные очереди. Шахназаров и Посажной тут же прыгнули в ближайший окоп. Гумилев демонстративно остановился, порылся в карманах, достал портсигар, щелкнул и вытащил папиросу, принялся закуривать, несмотря на то, что пули жужжали прямо над головой.

– Прапорщик, немедленно ко мне! – не выдержал Шахназаров.

Гумилев спокойно затаился, выпустил дым в сторону противника и лишь после этого спрыгнул в окоп. Конечно, в этом была мальчишеская бравада, но и желание показать свое презрение к смерти» [Полушкин, 1991, с. 39].

Постепенный отход Гумилева от им же придуманного акмеизма очень четко прослеживается в его военных стихах. Несмотря на то, что стихотворения о войне были помещены в разных сборниках («Колчан», 1915 и «Костер», 1918), а часть публиковалась в периодической печати, «они составляют *цикл*, то есть замкнутое единство на основе внешней и внутренней общности всех составляющих. Внешняя общность этих стихотворений – тематическая. В основе же внутренней общности – принципиально новая проблема в творчестве Гумилева, проблема взаимодействия личности и истории» [Зобнин, 1994]. Стихи военного цикла – это, соответственно, «и поиск новых форм для выражения складывающегося нового мироощущения» [Зобнин, 1994].

Сначала поэт смотрит на войну с точки зрения адамистической концепции. «По мысли Гумилева, в пограничной между жизнью и смертью ситуации... человек обретает все величие и радость своего существования, чувствует истинную ценность простых человеческих чувств: любви, ненависти, дружбы, скорби и т. п., которые предстают в своей первоизданной ясности» [Зобнин, 1994]. «Гуми-

лев настолько высоко оценивает воинское служение, что смерть на поле боя считает единственным достойным концом жизни человека» [Степанова, 2018, с. 320].

Цветение духа на фоне физических лишений и даже благодаря им неоднократно подчеркивается Гумилевым как в военной лирике, так и в прозе. В «Записках кавалериста», описывая одну из самых трудных ночей в своей жизни, Гумилев так завершает эту часть своих фронтовых заметок: «И все же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня» [Гумилев, 1991].

Это четверостишие Гумилев позже включил в стихотворение «Солнце духа» (1914), которое закончил так:

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды [Гумилев, 1999, с. 59].

Дух, по Гумилеву, питается словом Господним: «Но не надо яства земного // В этот страшный и светлый час // Оттого, что Господне слово // Лучше хлеба питает нас» («Наступление», 1914) [Гумилев, 1999, с. 52], поэтому в военных стихах нередко присутствует христианская символика. Она показывает веру автора в войну как в «данный», Божий путь, путь преображения человека, а значит, и мира: «И воистину светло и свято // Дело величавое войны, // Серафимы, ясны и крылаты, // За плечами воинов видны» («Война», 1914) [Гумилев, 1999, с. 53]. Война для Гумилева, в соответствии с его адамистической концепцией, – «солнечный» труд. Поэт восхищается ратным ремеслом, воспекает «красоту военной бури, пробуждение на поле боя высочайшей духовности, пламенного героизма» [Тух, 2005, с. 183.]

Но, помимо концепции, была еще реальная жизнь, которую поэт видел и прекрасно отобра-

жал как в прозе, так и в поэзии. Его картина мира – правдивая, яркая, лишенная, однако, экзотики, которая ранее была неотъемлемой частью его стихов:

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.
(«Смерть», 1914) [Гумилев, 1999, с. 55].

В военной лирике поэт не отказывается от метафор, сравнений, но подбирает их настолько умело, точно, что реалистическое изображение действительности ничуть не страдает. В стихотворении «Война» перед читателем предстает отнюдь не романтическая картина боя:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед [Гумилев, 1999, с. 53].

Естественно, рано или поздно истинный художник, отображающий мир во всей его противоречивой полноте, должен был вступить в конфликт с теоретиком «адамизма», что и произошло. В «Записках кавалериста» Н. С. Гумилев так описывает гибель молодого бойца: «За ночь почти все квартирьеры вернулись. Не хватало трех, двое, очевидно, попали в плен, а труп третьего был найден на дворе усадьбы. Бедняга, он только что прибыл на позиции из запасного полка, и все говорили, что будет убит. Его револьвер валялся около него, а на теле, кроме огнестрельной, было несколько штыковых ран. Видно было, что он долго защищался, пока не был приколот. Мир праху твоему, милый товарищ! Все из нас, кто мог, пришли на твои похороны» [Гумилев, 1991]. Здесь мы не встречаем ни одной метафоры, ни одного сравнения. Автор не желает каким-то образом украсить свой язык, наоборот, он активно использует обыденную, разговорную лексику («бедняга», «валялся», «приколот»), но сила выразительности данного отрывка от этого не меньше, наоборот, каждое слово работает на эту выразительность: показана будничность, обычность войны и связанных с ней убийств. Война, независимо от ее характера и вызвавших ее причин, ужасна в принципе, так как она уносит человеческие жизни. Можно сказать, что в «Записках кавалериста» показана война глазами поэта, ставшего солдатом: «Я взглянул в бойницу. Было серо, и дождь лил по-прежнему. Шагах в двух-трех предо мной ко-

пошился австриец, словно крот, на глазах уходящий в землю. Я выстрелил. Он присел в уже выкопанную яму и взмахнул лопатой, чтобы показать, что я промахнулся. Через минуту он высунился, я выстрелил снова и увидел новый взмах лопаты. Но после третьего выстрела уж ни он, ни его лопата больше не показались» [Гумилев, 1991]. «Николай Гумилев аккуратно снимает с Первой мировой войны флер романтической лучезарности – он рассказывает о войне как о времени жизни, которое противоречит смыслу человеческого существования» [Кройчик, 2014, с. 217].

Осмысленный трагизм войны, необратимость ее последствий глазами женщины показан в стихотворении «Ответ сестры милосердия»:

И не знаете, что от боли
Потемнели мои глаза.
Не понять вам на бранном поле,
Как бывает горька слеза.

Нас рождали для муки крестной,
Как для светлого счастья вас,
Каждый день, что для вас воскресный,
То день страдания для нас.

Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной – вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам...
(«Ответ сестры милосердия», 1915) [Гумилев, 1999, с. 71].

То, что отношение поэта к войне изменилось, также показывает одно из поздних стихотворений военного цикла «Франции» (1918):

...Мы собирались там, поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали – женщин обижали,
Пропивали ружья и кресты.
[.....]
В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуетя, что она сильна [Гумилев, 1999, с. 191–192].

Итак, «солнце духа» закатилось. Вместо Бога в душе – безбожие. Война ожесточила, отняла веру. Желанный прогресс обернулся регрессом, вместо ожидаемого «преображения» произошло «одича-

ние». Человек, попавший в горнило войны, превращается не в «нового Адама», а в дикаря:

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь...
(«И год второй к концу склоняется...», 1916)
[Гумилев, 1999, с. 99].

Рабочий из одноименного стихотворения 1916 года – уже не человек, он лишь орудие войны. Когда-то люди создали войну, а теперь она ими управляет. Этот человек-автомат просто делает свою работу, ни о чем не задумываясь, затем идет домой, а между тем

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной...
[.....]
И Господь воздаст мне полно мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек
(«Рабочий», 1916) [Гумилев, 1999, с. 103].

Таким образом, в поздних стихотворениях военного цикла Гумилева происходит процесс переоценки ценностей: преодоление адамистической концепции личности, а также признание ответственности каждого человека за все происходящее на земле. Поставленные здесь философские проблемы получают свое разрешение в позднем творчестве Гумилева 1918–1921 годов, как получают воплощение и новые формы выражения складывающегося нового мироощущения [Малая, 2008, с. 40].

Библиографический список

1. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму / пер. с англ. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. 160 с.
2. Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 46–50. URL : <https://gumilev.ru/acmeism/5/> (дата обращения: 14.02.2020).
3. Городецкий С. М. Цветущий посох. Вереница восьмиистиший. Санкт-Петербург : Грядущий день, 1914. 142 с.
4. Гумилев Н. С. Записки кавалериста // Гумилев Н. С. Сочинения : в 3 т. Том 2. Драматургия. Проза. Москва : Художественная литература, 1991. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=180090> (дата обращения: 14.02.2020).

5. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. Москва : Современник, 1990. 385 с. С. 55–58.

6. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва : Воскресение, 1998. 502 с.

7. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). Москва : Воскресение, 1999. 462 с.

8. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 4. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). Москва : Воскресение, 2001. 394 с.

9. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Москва : Наука, 2006. 315 с. URL : https://dom-knig.com/read_242126-12 (дата обращения: 14.02.2020).

10. Зобнин Ю. Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. Санкт-Петербург : Наука, 1994. 678 с. С. 123–143. URL : <https://gumilev.ru/about/100/> (дата обращения: 14.02.2020).

11. Крейд В. Встречи с серебряным веком // Воспоминания о серебряном веке. Москва : Республика, 1993. 561 с. С. 5–16.

12. Кройчик Л. Е. Перечитывая «Записки кавалериста» Николая Гумилева // Русская литература и журналистика в движении времени. 2014. № 1. С. 205–226.

13. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Ленинград : Лениздат, 1990. 302 с.

14. Малая О. Е. Эстетические взгляды Н. С. Гумилева: проблемы художественного творчества. Кострома : Изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии, 2008. 120 с.

15. Николай Гумилев в воспоминаниях современников / ред.-сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. Москва : СП «Вся Москва», 1990. 316 с. URL : https://dom-knig.com/read_323759-45 (дата обращения: 14.02.2020).

16. Письмо Н.С. Гумилева к В. Е. Аренс от 1 июля 1908 года // Гумилев Н. С. В огненном столпе. Москва : Сов. Россия, 1991. 412 с.

17. Полушин В. Л. Рыцарь русского ренессанса. Размышления о жизни и творчестве // Гумилев Н. С. В огненном столпе. Москва : Советская Россия, 1991. 412 с. С. 5–50.

18. Степанова М. А. Образ Первой мировой войны в поэзии С. А. Есенина и Н. С. Гумилева / М. А. Степанова // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : коллективная монография, посвященная 70-летию юбилею доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ивановича Минералова / под ред. И. Г. Минераловой, С. А. Васильева. Москва : Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера» (Ярославль), 2018. 396 с. С. 318–

325.

URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35063194> (дата обращения: 14.02.2020).

19. Тух Б. И. Путеводитель по Серебряному веку: Краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры. Москва : Издательство «Октопус», 2005. 207 с.

20. Шошин В. А. Н. Гумилев и Н. Тихонов (Фрагменты книги «Повесть о двух гусарах») // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. Санкт-Петербург : Наука, 1994. 678 с. С. 201–235.

Reference List

1. Basker M. Rannij Gumilev: put' k akmeizmu = Early Gumilev: the path to acmeism / per. s angl. Sankt-Peterburg : RHGI, 2000. 160 s.

2. Gorodeckij S. M. Nekotorye techenija v sovremennoj russkoj poezii = Some trends in modern Russian poetry // Apollon. 1913. № 1. S. 46–50. URL : <https://gumilev.ru/acmeism/5/> (дата обращения: 14.02.2020).

3. Gorodeckij S. M. Cvetushhij posoh. Verenica vos'mistishij = Blossoming staff. Srting of octaves. Sankt-Peterburg : Grjadushhij den', 1914. 142 s.

4. Gumilev N. S. Zapiski kavalerista = // Gumilev N. S. Sochinenija : v 3 t. Tom 2. Dramaturgija. Proza. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1991. URL : <https://www.litmir.me/bd/?b=180090> (дата обращения: 14.02.2020).

5. Gumilev N. S. Nasledie simbolizma i akmeizm = The heritage of symbolism and acmeism // Gumilev N. S. Pis'ma o russkoj poezii. Moskva : Sovremennik, 1990. 385 s. S. 55–58.

6. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 1. Stihotvorenija. Pojemy (1902–1910) = Complete works in 10 volumes. Volume 1. Poems. Poems (1902–1910). Moskva : Voskresenie, 1998. 502 s.

7. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 3. Stihotvorenija. Pojemy (1914–1918) = Complete works in 10 volumes. Volume 3. Poems. Poems (1914–1918). Moskva : Voskresenie, 1999. 462 s.

8. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 4. Stihotvorenija. Pojemy (1914–1918) = Complete works in 10 volumes. Volume 4. Poems. Poems (1914–1918). Moskva : Voskresenie, 2001. 394 s.

9. Gusserl' Je. Kartezijskie razmyshlenija = Cartesian reflections / per. s nem. Moskva : Nauka, 2006. 315 s. URL : https://dom-knig.com/read_242126-12 (дата обращения: 14.02.2020).

10. Zobnin Ju. Stihi Gumileva, posvjashhennye mirovoj vojne 1914–1918 godov (voennyj cikl) = Gumil'jov's poems, devoted to World War of 1914–1918 (war cycle) // Nikolaj Gumilev. Issledovanija i materialy. Bibliografija. Sankt-Peterburg : Nauka, 1994. 678 s.

- S. 123–143. URL : <https://gumilev.ru/about/100/> (data obrashhenija: 14.02.2020).
11. Krejd V. Vstrechi s serebrjanym vekom = Encounters with the Silver Age // Vospominanija o serebrjanom veke. Moskva : Respublika, 1993. 561 s. S. 5–16.
12. Krojchik L. E. Perechityvaja «Zapiski kavalerista» Nikolaja Gumileva = Reading «The notes of a cavalryman» by Nikolay Gumil'ov again // Russkaja literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2014. № 1. S. 205–226.
13. Luknickaja V. Nikolaj Gumilev: Zhizn' pojeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih = Nikolay Gumil'ov: The life of a poet according to the materials of home archive of the Luknitskys. Leningrad : Lenizdat, 1990. 302 s.
14. Malaja O. E. Jesteticheskie vzgljady N. S. Gumileva: problemy hudozhestvennogo tvorcestva = Aesthetic views of N.S. Gumil'ov: the problems of artistic creation. Kostroma : Izd-vo Kostromskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii, 2008. 120 s.
15. Nikolaj Gumilev v vospominanijah sovremennikov = Nikolay Gumil'ov in his contemporaries memories / red.-sost., avt. predisl. i komment. V. Krejd. Moskva : SP «Vsja Moskva», 1990. 316 s. URL : https://domknig.com/read_323759-45 (data obrashhenija: 14.02.2020).
16. Pis'mo N. S. Gumileva k V. E. Arens ot 1 ijulja 1908 goda = Letter from N. S. Gumilyov to V. E. Arens, July 1, 1908 // Gumilev N. S. V ognennom stolpe. Moskva : Sov. Rossija, 1991. 412 c.
17. Polushin V. L. Rycar' russkogo renessansa. Razmyshlenija o zhizni i tvorcestve = The knight of the Russian Renaissance. Reflections on life and work // Gumilev N. S. V ognennom stolpe. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1991. 412 s. S. 5–50.
18. Stepanova M. A. Obraz Pervoj mirovoj vojny v poezii S. A. Esenina i N. S. Gumileva = The image of the First World War in the poetry of S. A. Yesenin and N. S. Gumilyov // Hudozhestvennaja slovesnost': teorija, metodologija issledovanija, istorija : kollektivnaja monografija, posvjashhennaja 70-letnemu jubileju doktora filologicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo dejatelja nauki RF Jurija Ivanovicha Mineralova / pod red. I. G. Mineralovoj, S. A. Vasil'eva. Moskva : Obshestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Agentstvo «Litera» (Jaroslavl'), 2018. 396 s. S. 318–325. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35063194> (data obrashhenija: 14.02.2020).
19. Tuh B. I. Putevoditel' po Serebrjanomu veku: Kratkij populjarnyj ocherk ob odnoj jepohe v istorii russkoj kul'tury = Guide to the Silver Age: A short popular essay on an era in the history of Russian culture. Moskva : Izdatel'stvo «Oktopus», 2005. 207 s.
20. Shoshin V. A. N. Gumilev i N. Tichonov (Fragmenty knigi «Povest' o dvuh gusarah) = N. Gumil'ov and N. Tichonov (Abstracts of the book «A story about two hussars») // Nikolaj Gumilev. Issledovanija i materialy. Bibliografija. Sankt-Peterburg : Nauka, 1994. 678 s. S. 201–235.

УДК 821.161.09«19»

В. Г. Андреева

<https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Особенности воплощения семейной темы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В. Г. Особенности воплощения семейной темы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 43–52.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-42-51

В статье анализируется семейная тема в романе «Воскресение», рассматривается отношение Л. Н. Толстого к идеальной семье, образ которой получает в произведении, по сравнению с предшествующим творчеством писателя, лишь незначительные коррективы, связанные с мыслью о роли семьи в духовном восхождении человека. Автор статьи обращается к спору Толстого и Достоевского о русских семьях, развернувшемуся еще в 1870-е гг., и показывает, что в последнем романе Толстой широко использует ранее неприемлемый им образ случайного семейства, описанный Достоевским в «Дневнике писателя» и романе «Подросток». Галерея случайных семейств, представленных в «Воскресении», включает как дворянские семьи, так и семьи из народа, позволяет Толстому укрупнить национальный кризис, развернувшийся в России в конце XIX в., показать его всеохватность. Писатель обличает не только власть, государственную и судебную системы, он показывает, как ложь сопровождает человека, выходящего из случайного семейства, делает его не способным к состраданию. В статье рассматриваются многочисленные реализации семейной темы в романе, анализируются образы персонажей, способных и не способных к семейной жизни, а также путь главного героя, который в финале произведения не только утверждает высшие Божественные законы как руководство для жизни, но и встречает пример настоящей семьи, контрастирующий со всеми ранее представленными случайными семействами. Автор работы демонстрирует, как по мере течения романа жизнь Нехлюдова все больше приближается к большому народному миру, соотносится с судьбой страны – Нехлюдов становится поистине эпическим героем.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, семейная тема, случайное семейство, образ идеальной семьи, духовный рост, национальный кризис, эпический роман, обличение.

V. G. Andreeva

The features of the embodiment of the family theme in the novel by L. N. Tolstoy «Resurrection»

The article analyzes the family theme in the novel «Resurrection», examines the attitude of Leo Tolstoy towards the ideal family, the image of which in the work, in comparison with the previous work of the writer, only insignificant corrections associated with the idea of the role of the family in the spiritual ascent of man. The author of the article addresses the dispute between Tolstoy and Dostoevsky about Russian families, which unfolded in the 1870s. and shows that in the last novel, Tolstoy makes extensive use of the previously unacceptable image of a random family, described by Dostoevsky in the Writer's Diary and the novel Teen. The gallery of random families presented in «Resurrection» includes both noble families and families from the people, allows Tolstoy to enlarge the national crisis that unfolded in Russia at the end of the 19th century, to show its all-encompassing nature. The writer not only exposes the power, state and judicial systems, he shows how a lie accompanies a person coming from a random family, makes him incapable of compassion. The article examines numerous realizations of the family theme in the novel, analyzes the images of characters who are capable and not capable of family life, as well as the path of the protagonist, who in the final of the work not only approves the highest Divine laws as a guide for life, but also meets the example of a real family. contrasting with all previously presented random families. The author of the work demonstrates how, as the novel progresses, Nekhlyudov's life is getting closer and closer to the big popular world, correlates with the fate of the country – Nekhlyudov becomes a truly epic hero.

Key words: L. N. Tolstoy, family theme, random family, image of an ideal family, spiritual growth, national crisis, epic novel, denunciation.

Тема семейная, по словам самого Л. Н. Толстого, ставшая центральной в «Анне Карениной», очень значима и в романе «Воскресение». Как уже неоднократно отмечалось литературоведами, родовая и семейная сущность были важны для писателя в определении человека и его места в жизни. Уже с первой трилогии Толстого положение героя в семье, его отношение к близким людям являлись индикаторами способности искреннего и чуткого отношения к миру, понимания им народной жизни. Сам писатель уделял большое внимание той отправной точке, с которой он начал свой сложный и противоречивый путь – детству в любящей семье: «Из своего детства – поэтического, таинственного, нежного – он сохранил в памяти всепоглощающее чувство любви, как естественного состояния души, как естественного отношения ко всем людям» [Зверев, Туниманов, с. 38].

Лучшие толстовские герои (и дворяне, и герои из народа) всегда стремятся к семейной жизни, даже если ценность ее осознается ими не сразу. Вспомним, к примеру, Каренина, Левина и Вронского в романе «Анна Каренина». С самого появления в романе Левин, родители которого уже умерли, думает об устройстве своей семьи, он видит ее образом единства, где жена будет понимать его интересы и разделять их. Более того, Толстой подчеркивает тесную связь Левина с братьями: Константин всеми силами пытается помочь Николаю и понять ученого брата Сергея. Каренин, увлеченный работой и своей полезной для России деятельностью, хоть и имеет семью, но относится к жене и сыну холодно: Толстой подчеркивает, что герой изначально был лишен семейного общения. Вронский, усвоивший все светские условности, лишь в финале романа, во время жизни с Анной в Воздвиженском и некоторого приближения к подобию семейного существования, осознает ценность семьи. Долли Облонской, одной из самых чутких героинь романа, Вронский говорит: «Мы соединены самыми святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Но закон и все условия нашего положения таковы, что являются тысячи осложнений, которых она теперь, отдыхая душой после всех страданий и испытаний, не видит и не хочет видеть. И это понятно. Но я не могу не видеть. Моя дочь по закону – не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана!» [Толстой, т. 19, с. 202].

В последнем романе Толстого семейная тема представлена во множестве реализаций. Рассуждая об образе идеальной семьи и ее понимании Толстым, можно отметить, что писатель фактически не изменяет своего отношения к семье в «Воскресении» (по сравнению с более ранними произведениями). И в данном случае необходимо понимать, что при всей разности взглядов на семейную тему, русские писатели не мыслили ее камерно, замкнуто. Семья у большинства русских романистов не сужает жизнь человека до маленького мирка, а, наоборот, дает личности новые возможности, в идеале – ведет человека к пониманию ценности самоотдачи и помощи ближним, к осознанию мудро устроенных законов жизни, к единению с окружающим миром. Как справедливо отметил В. А. Недзвецкий, идеальная семья мыслилась русскими романистами «не замкнутой от мира, дольного и горнего, а распаханной ему во всех его человеческих „волнениях и скорбях”» [Недзвецкий, с. 48].

По мысли Толстого, именно в семье человек учится брать на себя ответственность за других людей, признавать свои ошибки, осознает необходимость борьбы с эгоизмом. В романе «Воскресение» среда, в которой вырос Нехлюдов, вся светская жизнь не могут допустить такого сердечного и чуткого отношения даже к близким. К. Н. Ломунов подчеркнул, что в последнем романе Толстого очень важно осознать характеристики натуры Нехлюдова, литературовед обращает внимание на чувство безысходности, которое овладевает героем «в годы праздной, пустой и беспечной жизни, когда он освободил себя от всех тех обязательств, которые давал себе, только начиная сознательную жизнь». «Нехлюдов пытался анализировать овладевшее им настроение безысходности, и Толстой указывает, какую герою его романа сделал ошибку в анализе: „Были виноваты все, только не он”» [Ломунов, с. 137].

Внимательное сопоставление художественного мира романа «Воскресение», к примеру, с «Анной Карениной», открывает значительные изменения в изображении семей писателем. Обстоятельства и многочисленные общественные и мировоззренческие проблемы приводят к пересмотру общей картины жизни России. В «Воскресении» Толстой все ближе подходит к образам «случайных семейств» Достоевского, сводя на нет полемику, развернувшуюся между классиками в 1870-х гг.,

когда Толстой в «Анне Карениной» возразил выводам Достоевского, сделанным в романе «Подорожник» и его убеждениям, высказанным в «Дневнике писателя», а Достоевский критически оценил роман «Анна Каренина». В финале романа «Подорожник» Достоевский показал образ «несколько холодного эгоиста», но «бесспорно умного человека» [Достоевский, с. 452], бывшего воспитателя Аркадия, Николая Семеновича, который говорит о переходе «русских семейств» в «семейства случайные». Достоевский сталкивает эти два понятия, заставляя читателя поверить, что русская семья утратила все основы своего здорового существования. А. А. Жарова отмечает, что «начиная уже с ранних произведений, Достоевский стал обращаться к проблеме семьи и детско-родительских отношений. Именно в распаде семьи он увидел истоки общественного хаоса, “беспорядка” и даже мирового кризиса, переживаемого людьми. Изображая героев из социальных низов, угнетенных, страдающих от нелюбви своих родителей и от гнета той среды, в которой они вынуждены находиться, Достоевский показал трагедию „подпольного”, „мечтательного”, „слабого сердцем” героя и гордился тем, что описывает не исключение, а человека „большинства”. Писатель постепенно пришел к выводу, что „подпольный” герой в большинстве случаев – выходец из „случайного семейства”» [Жарова, с. 3].

Подразумевая Толстого и его изображение русских семей, Достоевский пишет, что романист, показывающий русское родовое дворянство, не в состоянии писать уже в другом роде, кроме исторического, то есть в виде воспоминаний. Достоевский констатирует разложение высшего общества, пропажу соединяющей поколения мысли: «И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, еще хотели бы верить их дети» [Достоевский, с. 454]. А исчерпывающие зарисовки мещанских семей, семей простолюдинов в «Дневнике писателя» дополняют образ «случайного семейства», которое, по мнению Достоевского, стало типичным. В «Анне Карениной» Толстой возразил Достоевскому, показав полюсные примеры дворянских домов: расшатывание семейного уклада в существовании Карениных и Облонских, сохранение семейных ценностей в жизни Левиных и Львовых – такой же ход писатель использовал и в романе-эпопее «Война и мир».

Итак, в «Воскресении» принципиальное отношение Толстого к семье как одной из значитель-

ных духовных ценностей, основе самоотдачи и жертвенной любви человека, сохраняется, но в романе заметно изменяется взгляд писателя на современную ему реальность и место семьи в ней. Критическое отношение Толстого к существовавшим порядкам, обличительный пафос теперь направлены и на современные ему семьи: сохраняя веру в силу и жизнеспособность идеального союза людей, Толстой демонстрирует огромное множество именно случайных семейств. Усложнение внешних – политических и социальных – обстоятельств приводило к тому, что идеальный образ семьи все более отдалялся от реальности. В. А. Недзвецкий отметил, что обретение героем русского романа идеальной семьи «требует от него – ввиду жесточайшего сопротивления ей со стороны наличного дисгармоничного общества и отсутствия примеров – не только безмерных моральных и физических усилий, но и самостоятельного разрешения едва ли не всех “проклятых” вопросов человеческого бытия» [Недзвецкий, с. 48]. А в конце XIX в. эти «проклятые вопросы» чрезвычайно остро стояли и перед авторами, и перед их героями.

Рассуждая в рамках биографического метода, можно отметить немало разных жизненных аспектов, которые влияли на Толстого и все отчасти нашли отражение в романе «Воскресение». С одной стороны, ко времени написания «Воскресения» Толстой был уже немолодым человеком, в его отношениях с супругой оказалось немало трещин, вызванных мыслями и настроениями самого писателя, их неприятием Софьей Андреевной. В 1890-е гг. в дневниках и записных книжках Толстой все больше поднимает человека над семьей как социальной ячейкой, рассуждая о его пути, обязанностях перед людьми, направленностью духовной жизни. В эти же годы происходит ряд событий, которые вновь сильно сближают писателя с супругой, да и записи Толстого говорят о том, что он очень переживал по поводу настроений в собственной семье. Смерть младшего сына Ванечки сильно и по-разному потрясла Толстого и Софью Андреевну. В дневнике от 12 марта 1895 г. Толстой отмечает: «Так много перечувствовано, передумано, пережито за это время, что не знаю, что писать. <...> И потом не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это (радостное) – не радостное, это дурное слово, но мило-сердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к нему, событие. – Соня не может так смотреть на это. Для нее боль, почти физиче-

ская – разрыва, скрывает духовную важность события. Но она поразила меня. Боль разрыва сразу освободила ее от всего, что затемняло ее душу...» [Толстой, т. 53, с. 10]. Конечно, все эти происшествия оказывали на Толстого сильное влияние. Семья в поздний период творчества начинает оцениваться писателем с позиции ее внутреннего устройства, способствующего или не способствующего приближению личности к Богу. Как точно отметил И. Б. Мардов, «для Толстого человек – младший партнер Бога, работник, задача которого быть работой Хозяина и прежде всего совершать труд духовного восхождения, одухотворения, духовного роста» [Мардов, с. 299]. Тут вспоминается несостоявшаяся семья Нехлюдова и Катюши, мысль о необходимости женитьбы на Масловой самого Нехлюдова, вновь возникающая любовь, которая поднимает героев, заставляя их не просто стараться выглядеть лучше, но изменяться и духовно расти. По мнению писателя, во все времена залогом счастья и целостности семьи было ее внутреннее единство, подчиненное одной сильной воле. А. Б. Гольденвейзер в воспоминаниях приводит интересную мысль Толстого о семье и эгоизме женщин, нередко не осознаваемом ими и не способствующем нравственному росту людей в семье: «Современная семья – это маленькая лодочка, плывущая в бурю по необозримому океану. Она может держаться, только если управляется *одной* волей. Когда же сидящие в ней начинают копошиться, лодка опрокидывается и получается то, что мы видим теперь в большинстве семей. <...> В женщине страшно развито большое зло – эгоизм семьи» [Гольденвейзер, с. 23].

С другой стороны, в Толстом всегда очень яркой была жажда живой жизни, полноты чувств и впечатлений. Поэтому в «Воскресении» семейная тема связывается и с принятием человека, пониманием его как своего, с влечением к супругу или супруге, связанным с уважением – тут писатель продолжает сохранять свой идеал семейной жизни, данный им еще в «Анне Карениной»: «Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитийских дел; для Левина это было главным делом жизни, от которого зависело все ее счастье» [Толстой, т. 18, с. 101]. В «Воскресении» Толстой максимально сближает примеры правильных се-

мей из народа с дворянскими семьями, однако в этом масштабном эпическом романе, как мы уже сказали, «правильное» уступает место «случайному».

Приведенные выше рассуждения о личности Толстого в поздний период творчества при анализе романа должны быть соотнесены и с широким историко-культурным контекстом, вне которого рассуждение о «Воскресении» фактически невозможно. Семейная тема становится одной из основ эпического романа и приобретает в нем соответствующую широту: Нехлюдов, испытавший немало противоречий и поддавшийся влиянию света, после начавшейся в нем духовной работы отказывается от прежней жизни, разрывает многие связи со своим прошлым, со своей семьей, планирует брак с Катюшей, наконец, выходит к пониманию большого народного мира и его ценностей – фактически единой семьи, чтобы в финале романа осознать ценность веры и заповедей, свою включенность в общий замысел Божественной жизни, а при этом еще и ощутить свое одиночество, острое желание семейного счастья.

По мере течения романа жизнь Нехлюдова все больше приближается к большому народному миру, соотносится с судьбой страны – Нехлюдов становится поистине эпическим героем. А. Н. Романова, рассуждая про пушкинскую Татьяну Ларину, очень точно отметила, что для приближения к национальному идеалу героине необходима не эфемерная связь с народными преданиями: «„Русская душой“ и зараженная романтическими идеалами героиня должна пройти через драматическую „правду жизни“, погрузиться в реальность русского бытия, чтобы взрастить в себе свой идеальный образ» [Романова, с. 71]. А. Н. Романова показывает, как Татьяна вырастает до роли жены и хозяйки (а не просто светской дамы), осознанно выходит замуж, поддерживая родителей и сестру, чувствуя ответственность за свой род и его задачи. С Нехлюдовым происходит фактически то же самое, только с учетом особенностей времени и новых целей, которые стояли перед дворянством в финале XIX в.

По сути дела, Нехлюдов чрезвычайно одинок и в начале, и в конце романа, но это ощущение по-разному скрашивается. Герой расстается с дорогими для него воспоминаниями о матери, разлучается с сестрой Натальей – единственным близким человеком, чтобы найти что-то новое, свое, становится ищущим странником, не случайно в романе появляется знаковый образ путешественника: «Нехлюдов удивлялся на то, как мог он ис-

пытать это чувство; теперь он испытывал непостоянную радость освобождения и чувство новизны, подобное тому, которое должен испытывать путешественник, открывая новые земли» [Толстой, т. 32, с. 233]; «И он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой, т. 32, с. 361].

Многочисленные контрасты и антитезы, на которых построен роман, характерны и для пути главного героя. С одной стороны, может показаться, что Нехлюдов, осознающий волю Хозяина, свое предназначение, совсем пренебрегает мыслью семейной. В определенные моменты так и случается: герою необходимо ощутить собственную слабость и силу Божественной власти. С другой стороны, образы искусственных союзов людей, оцениваемых Нехлюдовым критически, редкие примеры видимых им настоящих семей, а также его обещание и желание жениться на Катюше и искупить свою вину постоянно возвращают Нехлюдова к мысли семейной.

В рассказе о прошлом героя, его происхождении, юности Толстой фактически смешивает две линии: семейную, которая когда-то была им рассмотрена на примере пути Константина Левина, и светскую, условную – тут можно вспомнить Алексея Вронского с его правилами и отношением матери к Вронскому. Уже покойная ко времени начала романа мать Нехлюдова описывается Толстым как человек, не смогший оценить благородных движений души сына и своим влиянием увлекший его на неверный путь. Толстой показывает, что основная духовная перемена в Нехлюдове происходит потому, что «он перестал верить себе, а стал верить другим» [Толстой, т. 32, с. 48], среди этих «других» была и мать героя: «...Мать не огорчилась, а скорее обрадовалась, когда узнала, что он стал настоящим мужчиной и отбил какую-то французскую даму у своего товарища. Про эпизод же с Катюшей, что он мог подумать жениться на ней, княгиня-мать не могла подумать без ужаса» [Толстой, т. 32, с. 48].

Как одну из находок Толстой в дневнике отмечает правильно угаданное окружение Нехлюдова в начале романа, оказывающее на него влияние. Образы старых нянь или экономок в романах Толстого играют большую роль. Но если Агафья Михайловна в «Анне Карениной» является для Левина родным по духу человеком, который незаметно направляет его по правильному пути [Андреева, с. 341], то Аграфена Петровна, горничная матери Нехлюдова, оставшаяся при нем в

качестве экономки, пытается удержать героя от верных и честных решений. Во время жизни с матерью Нехлюдова она усвоила правила света, согласно которым нет ничего важнее внешнего лоска и удовлетворения потребностей представитель светского общества, поэтому ей так чуждо осознание вины Нехлюдовым, с которого и начинается подъем героя:

«– Это ваша добрая воля, только вины вашей тут особенной нет. Со всеми бывает, и если с рассудком, то все это заглаживается и забывается, и живут, – сказала Аграфена Петровна строго и серьезно, – и вам это на свой счет брать не к чему. Я и прежде слышала, что она сбилась с пути, так кто же этому виноват?

– Я виноват. А потому и хочу исправить» [Толстой, т. 32, с. 118].

Нехлюдов ни разу не вспоминает мать, когда думает о необходимости духовного преображения или нравственного роста, образ матери для него связан со всем материальным. Решив передать землю крестьянам, герой начинает сомневаться в правильности своего плана именно тогда, когда приезжает в большое имение матери и видит вещи, принадлежавшие ей: «В комнате в углу стояло старинное кресло красного дерева с инкрустациями, и вид этого кресла, которое он помнил в спальне матери, вдруг поднял в душе Нехлюдова совершенно неожиданное чувство. Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубят...» [Толстой, т. 32, с. 201].

Очень интересно, что образ дома, который по наблюдениям ряда исследователей, в частности, О. В. Ланской, в романе «Анна Каренина» был тесно связан с семейной темой: «Слово *дом* в тексте синонимично слову *гнездо*, которое определяет изменения в старом доме Левина, появление хозяйки, занятие хозяйством, то есть возникновение новой семьи» [Ланская, с. 34], в романе «Воскресение» получает множество других значений. В юности Нехлюдова и Катюши дом был «правильным», но потом ребенка Катюши отвозят в *воспитательный дом*, сама Маслова позднее попадает в *дом терпимости* (дом Китаевой, «переменила два дома»), а на протяжении всего романа читатель будет видеть все новые и новые *дома-остроги*: «Мрачный дом острога с часовыми и фонарем под воротами, несмотря на чистую, белую пелену, покрывавшую теперь все – и подъезд, и крышу, и стены, производил еще более, чем утром, мрачное впечатление...» [Толстой, т. 32, с. 431]. Понятие «дом» в романе осмысливается с положительной стороны,

если речь идет в первую очередь о семье и духовном единении, но дом как строение, как материальная ценность, наоборот, сдерживает человека в его поиске в мире (не случайно Нехлюдов отказывается от большой квартиры, а потом спокойно уезжает и из своих имений).

По мере чтения романа «Воскресение» создается ощущение страшного и все нарастающего кризиса, захватывающего Россию. Образ национальной катастрофы, придающий произведению эпопейный масштаб, соотносится с упадком в семьях и усиливается изображением множества случайных семейств. Оттеняющий их образ благополучной семьи появляется лишь к финалу романа. Толстой правдиво описывает всю окружающую героев обстановку: несмотря на падение Катюши и нравственную деградацию Нехлюдова, которые произошли с ними к моменту встречи в суде, герои совершают поистине грандиозное восхождение, впечатляющую меру которого можно оценить, лишь проанализировав негативные примеры окружающей действительности.

После рождения ребенка и болезни Катюша вынуждена искать место работы. Толстой не снимает со своей героини ответственность за ее выбор и поведение, но демонстрирует, что дальнейшее падение Маслово было вызвано распущенностью людей, оказавшихся рядом: «Лесничий был женатый человек, но, точно так же как и становой, с первого же дня начал приставать к Катюше» [Толстой, т. 32, с. 8]; «Живя на квартире, нанятой писателем, Маслово полюбила веселого приказчика, жившего на том же дворе. <...> Приказчик же, обещавший жениться, уехал, ничего не сказав ей и, очевидно, бросив ее...» [Толстой, т. 32, с. 9]. По сути дела, эти примеры иллюстрируют и низкую сущность, и абсолютную неспособность к семейной жизни указанных эпизодических героев.

Уже в самом начале романа, в первое утро появления Нехлюдова, писатель раскрывает его нечестное поведение по отношению к знакомому предводителю уезда, с супругой которого Нехлюдов находился в любовной связи. Краткая история предводителя и его жены рисует одну из многочисленных семейных драм: «Нехлюдов вспомнил о всех мучительных минутах, пережитых им по отношению этого человека: вспомнил, как один раз он думал, что муж узнал, и готовился к дуэли с ним, в которой он намеревался выстрелить на воздух, и о той страшной сцене с нею, когда она в отчаянии выбежала в сад к пруду с намерением

утопиться и он бегал искать ее» [Толстой, т. 32, с. 15].

Очень значимо в романе описание семейства Корчагиных и желания Нехлюдова жениться на Мисси. Толстой показывает, что вместо искреннего чувства, с которым женился, например, Левин, Нехлюдовым движет расчет: он взвешивает все «за» и «против» семейной жизни, не пытаясь усилиями построить семью, а ожидая устройства собственного существования: «В пользу женитьбы вообще было, во-первых, то, что женитьба, кроме приятностей домашнего очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни; во-вторых, и главное, то, что Нехлюдов надеялся, что семья, дети дадут смысл его теперь бессодержательной жизни» [Толстой, т. 32, с. 18]. Более того, герой еще до прозрения взвешивает достоинства невесты – о каком-либо чувстве, как показывает Толстой, не идет и речи. А после встречи в суде с Маслово и начавшегося в нем переворота, Нехлюдов смотрит на случайное семейство Корчагиных иным, трезвым взглядом. Как и во многих других светских семьях, домочадцев у Корчагиных объединяет только совместное проживание и ряд условностей. На примере главы семьи Толстой демонстрирует чрезвычайную жестокость, а образ хозяйки дома становится пародией. Софья Васильевна Корчагина не только не хозяйка, она, как иронически показывает Толстой, более похожа на предмет дорогого интерьера: «Хозяйка дома, княгиня Софья Васильевна, была лежачая дама. Она восьмой год при гостях лежала, в кружевах и лентах, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цветов и никуда не ездила» [Толстой, т. 32, с. 93]. Но эта лежачая бесхозяйственная и полностью сделанная дама с фальшивыми зубами еще и опускается до прелюбодеяния, до связи с доктором. Воспринимающий с отвращением всех Корчагиных, Нехлюдов, что очень важно для понимания благородства героя и начавшегося пути исправления, не обвиняет Миссии: после осознания своей вины за погубленную молодость Катюши, Нехлюдов считает себя недостойным Корчагиной.

Подобных примеров великосветских случайных семейств в романе множество, и целая галерея второстепенных и третьестепенных героев, обманывающих и предающих друг друга, создает общее ощущение семейного краха и бесконечного обмана. Председательствующий в суде, где рассматривается дело Катюши, как и его жена, ведут очень распущенную жизнь. «Они не мешали друг

другу», – замечает Толстой [Толстой, т. 32, с. 21]. По сути дела, перед нами образ двух чужих людей, соблюдающих приличия, но при этом ставящих под сомнение ценность семьи.

Тема семейная присутствует и в описании богослужения, на котором находятся арестанты. Имея в виду эту сцену романа, критики и богословы не раз упрекали Толстого в кощунстве, между тем, писатель показал, что на месте веры осознанной у всех присутствующих на службе находится просто созерцание определенного действия, а священник воспринимает церковную службу исключительно как работу с определенным доходом, позволяющим поддерживать семью: «Главное же, утверждало его в этой вере то, что за исполнение треб этой веры он восемнадцать лет уже получал доходы, на которые содержал свою семью, сына в гимназии, дочь в духовном училище» [Толстой, т. 32, с. 138].

Как мы уже отметили выше, большинство светских семей в романе представляют случайные союзы. В семье Масленникова, знакомого Нехлюдова по полку, всем руководит его жена, богатая и бойкая женщина: «Она смеялась над ним и ласкала его, как свое прирученное животное» [Толстой, т. 32, с. 170]. В семье Чарских все держится только на внешней представительности и опять-таки иллюзии внимания друг к другу. Толстой дает исчерпывающую характеристику графу Чарскому, но не описывает подробно взаимоотношений его с семьей. Зато на обеде у Катерины Ивановны Чарской Нехлюдов становится свидетелем спора, демонстрирующим грубое отношение сына к матери. Семья сенатора Вольфа, сделавшего блестящую карьеру, но уничижительно относящегося к близким и совсем отказавшегося от сына из-за его поведения и растрат является примером домашнего мучительства. Вольф издевается над всей семьей, но при этом сам продолжает наслаждаться своими ценностями образцовой жизни: «Семейную жизнь Владимира Васильевича составляли его безличная жена, свояченица, состояние которой он также прибрал к рукам, продав ее имение и положив деньги на свое имя, и кроткая, запуганная, некрасивая дочь, ведущая одинокую тяжелую жизнь» [Толстой, т. 32, с. 252].

На примере одного из самых неиспорченных героев среди всех чиновников в романе, товарища Нехлюдова Селенина, которого он знал еще студентом, Толстой показывает, как неудачно устроенная семейная жизнь отнимает у человека силы и не дает ему двигаться в нужном направлении духовного роста. Блестящая женитьба Селенина,

устроенная для него светскими знакомыми, оказывается «еще более „не то“, чем служба и придворная должность» [Толстой, т. 32, с. 231]. Селенину абсолютно чужими становятся и жена, ведущая светскую жизнь, и дочь, которую воспитывают совсем не так, как он хотел. Более того, внешне приличные отношения супругов перерастают во вражду, которая, разумеется, отнимает у обеих сторон большие силы: «Между супругами установилось обычное непонимание и даже нежелание понять друг друга и тихая, молчаливая, скрываемая от посторонних и умеряемая приличиями борьба, делавшая для него жизнь дома очень тяжелою» [Толстой, т. 32, с. 281]. Толстой подчеркивает, что жена Селенина верна ему, однако эта верность чужому по духу человеку, у которого нет с семьей общих интересов, просто невыносима Селенину. На примере данного героя Толстой еще раз демонстрирует, что человек, допускающий ложь в личной жизни, не способен быть честным и объективным с другими: тяготящее его душу ярмо обмана и фальши отражается на всех окружающих, в том числе и на его работе, службе. Так, внимательный читатель романа увидит в художественном мире произведения параллель между семейной жизнью Селенина и его решением по делу Масловой в сенате.

Неприятным собеседником для Нехлюдова в романе является муж его сестры, Игнатий Никифорович. При встрече с сестрой Нехлюдов сразу же отмечает изменения в ней, произошедшие под влиянием мужа – человека слишком самоуверенного и не принимающего никакой другой точки зрения. Предельно натянутый разговор с Игнатием Никифоровичем о земельной собственности показывает полярность позиций героев, и лишь только воспоминание Наташи о детях, об их общении с сестрой в детстве приводит Нехлюдова в спокойное состояние. Образ детей напоминает о правильной и полноценной семье, об истинных ценностях и преемственности жизни. Примечательно, что Наташа вспоминает конкретную игру – путешествие, а ведь именно путешественником, ищущим себя и правильный путь, становится ее брат: «Сестра <...> стала рассказывать про то, как ее дети играют в путешествие, точно так же, как когда-то он играл с своими двумя куклами – с черным арапом и куклой, называвшейся француженкой.

– Неужели ты помнишь? – сказал Нехлюдов, улыбаясь.

– И представь себе, они точно так же играют» [Толстой, т. 32, с. 322].

Изображены в романе и крестьянские семьи, и семьи рабочих. Множество крестьян, их хозяйств и дворов видит Нехлюдов фактически впервые в своих деревнях, причем в Паново семьи оцениваются по степени бедноты: два мальчика, провожающие героя, спорят о том, кто же беднее в деревне. Оказывается, что бедны все, и меру и степень обнищания народа сложно представить. Нехлюдов наблюдает матерей с голодными детьми, чьи мужья на работе или на заработках в городе, по приглашению мужика заходит в крестьянскую избу. Писатель демонстрирует, что большинство проблем в крестьянской семье связаны с критическим положением народа.

Сложно назвать счастливой и семью Тараса с Федосей: конечно, их во многом случайный союз благодаря совместному труду перерастает в единение двух любящих людей, однако досадная попытка Федосьи отравить мужа становится источником дальнейших бед и ссылки. Следуя за Масловой и партией арестантов, Нехлюдов в вагоне видит несколько семей: образ случайного семейства, где муж и жена фабричные неумеренно пристрастились к спиртному: «Фабричный – муж, приставив ко рту бутылку с водкой, закинув голову, тянул из нее, а жена, держа в руке мешок, из которого вынута была бутылка, пристально смотрела на мужа» [Толстой, т. 32, с. 353–354]; образ по описаниям благополучной семьи, но живущей отдельно, о котором рассказывает верящая своему мужу и хвалящая его жена. Эти примеры семей из народа, разумеется, добавляют некоторые светлые краски в общую картину, открывают читателю возможность и достижимость счастливой семейной жизни, однако вместе с тем они единичны, имеют несколько остаточный характер, особенно на фоне того глобального кризиса, в котором, по мнению писателя, находится Россия.

Сцена избиения арестанта офицером в начале третьей части романа также связана с семейной темой: «Офицер требовал, чтобы были надеты наручни на общественника, шедшего в ссылку и во всю дорогу несшего на руках девочку, оставленную ему умершей в Томске от тифа женою. Отговорки арестанта, что ему нельзя в наручниках нести ребенка, раздражали бывшего не в духе офицера, и он избил не покорившегося сразу арестанта» [Толстой, т. 32, с. 364]. Толстой показывает жестокость военных и служащих, разучившихся относиться к людям с состраданием, разрушение семей, вызванное нечеловеческими условиями и несправедливостями. Маленькая плачущая дочь арестанта идет на руки только к

Масловой, возрождающейся для новой жизни, и становится на время приемной у политических.

По Толстому, объединение политических ссыльных нельзя сравнить с семьей, как нельзя уподобить ей и большое народное единство. Однако писатель показывает, что в основе настоящей семьи лежит идея бескорыстной любви и помощи, которая хранится русским народом, берегающим еще идеалы чистоты, естественности, правдивости. Так, рабочий, на имеющий своей семьи, сообщает Нехлюдову в нескольких предложениях всю свою жизнь: «Потом он рассказал, как он в продолжение двадцати восьми лет ходил в заработки и весь свой заработок отдавал в дом, сначала отцу, потом старшему брату, теперь племяннику, заведовавшему хозяйством, сам же проживал из заработанных пятидесяти – шестидесяти рублей в год два-три рубля на баловство: на табак и спички» [Толстой, т. 32, с. 360].

В финале романа Нехлюдов приходит к утверждению для себя нового порядка, заключающегося в духовной жизни и выполнении осмысленных им Евангельских заповедей. Но есть в заключительных главах «Воскресения» и та жизненная форма, которая манит Нехлюдова, которая виделась верной и самому писателю. Герой созерцает ее на примере семьи сибирского генерала. Толстой показывает, что честная молодая жизнь зарождается в скорлупе прежних иллюзий. Так, старшее поколение – генерал, пристрастившийся к спиртному, заглушающему в нем голос совести и его жена – «перербургского старого завета *grande dame*, бывшая фрейлина николаевского двора, говорившая естественно по-французски и неестественно по-русски» [Толстой, т. 32, с. 427] – это люди отвергнутого Нехлюдовым порядка. В гостинице сибирского генерала Толстой вновь испытывает героя, окружая его лестью и роскошью. Но Нехлюдов уже прошел нелегкий путь до Сибири, увидел тяготы и множество смертей, а самое главное, готов к последнему решительному духовному перевороту. Ю. В. Шатин отмечает, что большинство российских жителей XVIII–XIX в. воспринимали Сибирь как край земли, далекое место, отчужденное от людей и цивилизации: «Сибирский текст этого периода развивался в основном в двух направлениях: научно-исследовательском с акцентом на экзотику природы и быта аборигенов и мифопоэтическом, где Сибирь оказывалась особым пространством, попадая в которое человек непременно должен был изменить основные параметры своего духовного существования [Шатин, с. 11–12]. Исследователь

справедливо констатирует, что Нехлюдов, приехавший в Сибирь, сильно изменяется, перерождается. Однако необходимо понимать, что это результат большого пути и долгой работы, происшедшей в герое.

Также Ю. В. Шатин доказывает в статье, что Толстым в романе представлен не конкретный сибирский город, а плод художественной фантазии Толстого. Однако образ этого условного города, как мы покажем далее, соотносится писателем со всей Россией, прежде всего за счет изображения глобальных народных проблем. Очень важно, что находясь в гостях у сибирского генерала, Нехлюдов инстинктивно тянется не к роскоши, а к семейному уюту, любви и тому благородному служению, которое он увидел впервые в народной жизни. В образе дочери генерала и ее мужа Толстой пунктиром намечает линию развития будущей русской семьи: мысль народная и мысль семейная соединяются, вырастают до эпических масштабов всей России. Толстой показывает нам дочь сибирского генерала, гордящуюся своими малышами, причем ее маленькую девочку зовут Катей (как тут не вспомнить Катюшу Маслову, лишённую настоящей семьи, выращенную после смерти матери-скотницы тетушками Нехлюдова), и ее мужа, который занимается в романе по сути дела спасением России: «Муж ее <...>, скромный и умный, служил и занимался статистикой, в особенности инородцами, которых он изучал, любил и старался спасти от вымирания» (курсив автора статьи) [Толстой, т. 32, с. 428].

В художественном мире романа эта попытка сохранения инородцев открывает личное усилие конкретного человека, направленное на спасение русского народа. А ведь именно картины вымирания народа придают роману особое положение на «границе» жизни и смерти, ситуацию эпопейную: «Народ *вымирает*, привык к своему *вымиранию*, среди него образовались приемы жизни, свойственные *вымиранию*, – умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу приходил народ в это положение, что он сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что положение это естественно и таким и должно быть» (курсив автора статьи) [Толстой, т. 32, с. 217].

Таким образом, мы постарались показать, что семейная тема в романе «Воскресение» является одной из основных и поддерживает систему антирез в романе. Писатель фактически не изменяет

своего отношения к семье, единственное – образ семьи поздним Толстым еще прочнее и основательнее связывается с духовным ростом человека, его способностью выхода к вере и большому народному миру. Однако в художественном мире одного из самых остросоциальных и резких романов конца XIX в., иллюстрирующем глобальный жизненный кризис, писатель не дает оптимистического взгляда на современные ему семьи: большинство из них приближается к образам случайных семейств, описанных ранее Достоевским. Толстой правдиво показывает связь глобального национального спада с разложением и духовным оскудением семей, основанных не на любви и искренних чувствах, а на фальши, поиске выгоды, силе привычки. Семейная тема позволяет писателю показать масштаб внешнего и внутреннего кризиса, охватывающего человечество. Толстой демонстрирует, что несчастный в семье человек, сознательно или несознательно запутывающий тех, кто живет с ним под одной крышей, не способный к состраданию, становится опасным и для общества: «Все дело в том, – думал Нехлюдов, – что люди эти признают законом то, что не есть закон, и не признают законом то, что есть вечный, неизменный, неотложный закон, самим Богом написанный в сердцах людей. От этого-то мне и бывает так тяжело с этими людьми, – думал Нехлюдов. – Я просто боюсь их. И действительно, люди эти страшны. Страшнее разбойников. Разбойник все-таки может пожалеть – эти же не могут пожалеть: они застрахованы от жалости, как эти камни от растительности. Вот этим-то они ужасны» [Толстой, т. 32, с. 351]. Галерея случайных семейств, представленных в «Воскресении», позволяет писателю укрупнить описание национального кризиса: Толстой обличает не только власть, государственную и судебную системы, он демонстрирует, что все современные ему институты, в том числе семья, должны устраиваться на основах справедливости, честности и сознательного и чуткого отношения людей друг к другу, умения прощать.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома : КГУ, 2016. 492 с.
2. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. Москва : Захаров, 2002. 654 с.
3. Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 13. Ленинград : Наука, 1975. 456 с.
4. Жарова А. А. «Порода» Л. Н. Толстого и «Слу-

чайное семейство» Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2012. № 1. С. 3–6.

5. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.

6. Ланская О. В. Дом в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. Тула, Москва, 2011. С. 27–35.

7. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». Москва : Современник, 1978. 381 с.

8. Мардов И. Б. О «Новом жизнепонимании» Льва Толстого // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника в 2 ч. Ч. 2. Тула, Москва, 2011. С. 299–306.

9. Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы. Москва : МГУ, 2011. 152 с.

10. Романова А. Н. О художественном единстве образа Татьяны Лариной // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 67–71.

11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.

12. Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15.

Reference List

1. Andreeva V. G. O nacional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroj poloviny XIX veka = About national peculiarity of Russian novel of the second half of the XIX c. Kostroma : KGU, 2016. 492 s.

2. Gol'denvejzer A. B. Vblizi Tolstogo. Vospominaniya = Near Tolstoy. Memories Moskva : Zaharov, 2002. 654 s.

3. Dostoevskij F. M. Podrostok = A teenager // F. M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 13. Leningrad : Nauka, 1975. 456 s.

4. Zharova A. A. «Poroda» L. N. Tolstogo i «Sluchajnoe semejstvo» F. M. Dostoevskogo = «Breed» by L. N. Tolstoy and «Random family» by F. M. Dostojevsky. Russkaja rech'. 2012. № 1. S. 3–6.

5. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 782 s.

6. Lanskaja O. V. Dom v romane L. N. Tolstogo «Anna Karenina» = Family in the novel of L. N. Tolstoy «Anna Karenina» // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika. Tula, Moskva, 2011. S. 27–35.

7. Lomunov K. N. Nad stranicami «Voskresenija» = Above the pages of «Resurrection». Moskva : Sovremennik, 1978. 381 s.

8. Mardov I. B. O «Novom zhizneponimanii» L'va Tolstogo = About «New understanding of life» of Leo Tolstoy // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika v 2 ch. Ch. 2. Tula, Moskva, 2011. S. 299–306.

9. Nedzveckij V. A. Istorija russkogo romana XIX veka: neklassicheskie formy = The history of Russian novel of the XIX c.: non classic forms. Moskva : MGU, 2011. 152 s.

10. Romanova A. N. O hudozhestvennom edinstve obraza Tat'jany Larinoj = About artistic unity of Tatjana Larina's image // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2015. № 1. S. 67–71.

11. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in the 90-s. Moskva : Hud. lit., 1928–1958.

12. Shatin Ju. V. Puteshestvie Nehljudova v Sibir'. K probleme iniciacii = The travelling of Nekhludov to Siberia. To the problem of initialization. Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2016. № 2. S. 11–15.

УДК 821.161.1

Т. В. Швецова

<https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

А. П. Земляникин

<https://orcid.org/0000-0003-2399-862X>

**Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя
(на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов»)**

Для цитирования: Швецова Т. В., Земляникин А. П. Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 53–60. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59

Исследование творчества русских писателей с точки зрения современных литературоведческих подходов – одна из ведущих проблем теории и истории литературы. В настоящее время пишется множество работ. Данная статья выдержана в рамках указанного подхода и посвящена анализу одного из аспектов романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Мы рассмотрели образ героя романа, Павла Вихрова, с точки зрения совершения им активно-ответственного поступка, маркирующего его место в мире. Центральной проблемой статьи заявлено когнитивное моделирование поступка литературного героя.

В статье исследуется природа поступка литературного героя в художественном пространстве русского романа; подвергаются анализу возможности когнитивного подхода к изучению поведения литературного героя. Носителем поступка является герой, введенный в ряд литературных универсалий, – это «человек сороковых годов». Новизна работы во многом определяется соединением литературоведческих методов исследования и технологий категориально-системного и когнитивного анализа текстов. Результатом анализа становится алгоритм создания модели поступка литературного героя и применение ее к конкретному произведению.

Авторы статьи приходят к выводу, что описание поступка литературного героя с помощью когнитивных моделей позволяет: во-первых, понять мотивы поступка героя А. Ф. Писемского; во-вторых, исследовать суть самого этого поступка; в-третьих, через поступок литературного героя изучить особенности художественной картины мира А. Ф. Писемского.

Ключевые слова: русская литература XIX в., А. Ф. Писемский, литературный герой, поступок, когнитивное моделирование.

T. V. Shvetsova, A. P. Zemlynikin

**The problem of creating a cognitive model of the act of a literary hero
(based on A. F. Pisemsky's novel «Men of the forties»)**

Studying the work of Russian writers from the perspective of modern literary approaches is one of the leading problems of the theory and history of literature. Many research works are written within that framework. Designed on the basis of such an approach, this article is devoted to the analysis of one of the aspects of A. F. Pisemsky's novel «Men of the Forties». We examined the image of the novel's protagonist, Pavel Vikhrov, from the point of view of his committing an actively responsible act marking his place in the world. The central problem of the article is the cognitive modeling of the act of a literary hero.

The article studies the nature of the act of a literary hero in the artistic space of a Russian novel; the capacity of the cognitive approach to studying the behavior of a literary hero is analyzed. The performer of the act is a hero introduced into a number of literary universals, i.e. «a man of the forties». The novelty of the research work is largely determined by the combination of literary research methods and the technologies of categorical-system and cognitive analysis of texts. The result of the analysis is an algorithm for creating a model of the act of a literary hero and applying it to a specific work.

The authors of the article come to the conclusion that the description of the act of a literary hero using cognitive models allows: firstly, to understand the motives of the act of A. F. Pisemsky's hero; secondly, to discover the essence of this act; thirdly, to study the features of A. F. Pisemsky's artistic picture of the world through the act of a literary hero.

Keywords: Russian literature of the 19th century, A. F. Pisemsky, literary hero, act, cognitive modeling.

Сегодня проблема когнитивно-концептуального анализа текста активно разрабатывается филологами. Ж. Н. Маслова комментирует эту проблему как возможность «выделить, описать и представить уникальное авторское мировидение, заложенное в сознании в виде концептуальной системы и выраженное материально в виде текста» [Маслова, 2012].

Когнитивный подход и метод когнитивного моделирования является перспективным приемом. Он применяется в том числе и в литературоведческих работах [Ахапкин, 2012; Витковская, 2004] и позволяет наглядно изобразить структурированное знание в виде когнитивной карты или матрицы.

Надо заметить, что методика когнитивного анализа художественного текста находится в стадии разработки. Однако описан интересный опыт когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста, например, в публикации Е. В. Шустровой [Шустрова, 2013]. Исследовательница предложила вариант выстраивания когнитивного анализа, включающий следующие этапы: 1) анализ русского поэтического языка с выделением ведущих образных моделей; 2) установление параллелей с устойчивыми выражениями и моделями обиходного русского языка; 3) анализ частотных сопутствующих лексем; 4) выделение метафорических моделей, присущих языку в целом; 5) обращение к художественному дискурсу (произведения конкретного писателя); 6) сопоставление общезыковых и авторских моделей. Как видим, автор данной методики работает в рамках когнитивной лингвистики и далек от проблем литературоведения.

Методика когнитивного анализа поэтического текста составлена Ж. Н. Масловой [Маслова, 2012]. Она же описывает основные положения когнитивного исследования поэтического текста.

К. Р. Новожилова [Новожилова, 2009] предложила вариант когнитивной интерпретации художественного текста на примере повествовательных произведений разных жанров (басни Г. Э Лессинга, притчи Ф. Кафки, повести И. Коэн, рассказа В. Борхерта). В работе лингвиста намечен когнитивный анализ образа героини. В этом отношении статья К. Р. Новожиловой кажется нам особенно ценной.

В статье А. С. Романенко [Романенко, 2015] представлены результаты исследования структуры художественного концепта «делка с дьяволом» на материале драматической поэмы Н. Ленау «Фауст» (1836). При моделировании фреймовой структуры данного художественного концеп-

та автор использует идею двухуровневой структуры фрейма. Согласно этой идее она выделяет слоты верхнего уровня и нижнего уровня. Затем рассматривает вербализацию компонентов каждого уровня структуры в драматической поэме.

Стоит заметить, что существующие исследования признают важную роль когнитивной характеристики литературно-художественного дискурса. В них описывается фреймовая структура ситуации (разговор с полицейским и др.) или сценария (покупка, свадьба, поход в театр и т. д.), проводятся наблюдения над фреймами объектов (поэт, птица и др.), выполняется когнитивный анализ жанров. Сценарий поступка литературного героя не входит в сферу научного анализа специалистов, за исключением лингвистических исследований, в которых анализируются номинации поступков в разных языках и выстраивается фреймовая структура концепта «поступок» в разных национальных картинах мира [Бушуева, 2017; Ускова, 2012].

Мы рассмотрим художественное сочинение А. Ф. Писемского, его героя с точки зрения когнитивного методологического подхода, актуального направления в отечественной и зарубежной науке. Центральный тезис нашей статьи состоит в том, что построение когнитивной модели поступка эпического героя у А. Ф. Писемского позволяет выполнить анализ характера героя в художественной картине мира писателя.

Исследователи творчества А. Ф. Писемского заявили о необходимости современного научного прочтения его произведений [Синякова, 2008, с. 93]. Представляет интерес научное истолкование текстов Писемского, заключающееся в когнитивной интерпретации сочинений романиста, в частности в выстраивании когнитивных моделей поступка его героя. Вопрос о поступке героя в романах А. Ф. Писемского привлекает внимание литературоведов. Е. Л. Федорова [Федорова, 2018] пишет о неоднозначности поступков героев его романов и непредсказуемости их поведения. Главный принцип поэтики романов А. Ф. Писемского исследовательница сформулировала как «раскачивание» подобно маятнику – от одного поступка к другому [Федорова, 2018]. Таким образом, анализ проблемы поступка литературного героя в этом романе Писемского позволяет смоделировать образ человека и образ его поступка, характерный для романов этого писателя и для русской литературы сороковых годов XIX века в целом.

Для А. Ф. Писемского проблема «человека сороковых годов» была концептуальной. Образ

Павла Вихрова из романа «Люди сороковых годов» открывает собой галерею «людей сороковых годов» (А. И. Герцен, И. И. Панаев, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и др.), «в этом герое 40-х годов писатель стремился воплотить те черты, которые представлялись ему наиболее привлекательными. Артистически и литературно одаренный, красивый, пылкий и добрый, Вихров возбуждает восторженную привязанность в тех, кто сталкивается с ним» [Лотман, 1964].

По определению ученых, «человек сороковых годов» – это культурно-историческая формация, исторический характер, тип культурно-исторического поведения, сверхтип (Л. Н. Синякова [Синякова, 2008], В. В. Лазутин [Лазутин, 2010]), литературная универсалия (А. А. Фаустов [Фаустов, Савинков, 2015]), стереотип (Н. Н. Володина [Володина, 2010]).

Д. Овсяннико-Куликовский перечислил базовые свойства подобного типа героев: «„Человек сороковых годов“ в истории русской интеллектуальной культуры определяется, во-первых, как „гегельянец“, адепт абстрактно-идеализирующего философствования; во-вторых, как „эстет“, полагающий незыблемым примат красоты над пользой; в-третьих, как либерал, стремящийся к утверждению „гуманитета“ в современном ему обществе; в-четвертых, – „западник“, утверждающий социально-политический и исторический приоритет западных обществ перед российским» [Овсяннико-Куликовский, 1989]. Павел Вихров не встраивается в эту парадигму. Думается, что этот герой А. Ф. Писемского представляет собой вариацию на тему «человека сороковых годов».

На материале романа «Люди сороковых годов» мы выявили около двадцати ситуаций,

описывающих поступки, которые с максимальной четкостью отражают характер персонажа. Заметим, что под поступком мы понимаем те ситуации, в которых герой действует не так, как это регламентировано обществом: то есть имеет место нарушение закона, или расхождение с общепринятыми моральными ценностями, или излишний альтруизм и т. д. Иными словами, нас интересовали те события, от которых зависело дальнейшее развитие сюжета и в которых герой проявлял бы себя как личность.

Методика описания поступка литературного героя в романе включала следующие шаги:

- 1) выделение в тексте литературной универсалии – «человек сороковых годов»;
 - 2) определение стереотипной ситуации, к которой принадлежит поступок литературного героя (например, охота, отъезд на учебу в город, подготовка театрального представления, сочинение и др.);
 - 3) установление интенции поступка литературного героя;
 - 4) описание механизма зарождения, осуществления и исхода поступка литературного героя;
 - 5) привлечение к анализу разнообразных контекстов из произведения, описывающих локализацию, длительность, психоэмоциональное и физическое состояние героя в разные фазы совершения поступка, сопутствующую образность (колористика, ольфакторность, фоника и акустика, одорология, кинесика, вербальное и невербальное поведение);
 - 6) вывод о типе поступка литературного героя.
- В качестве примера рассмотрим модель поступка, условно названную «Сочинение».

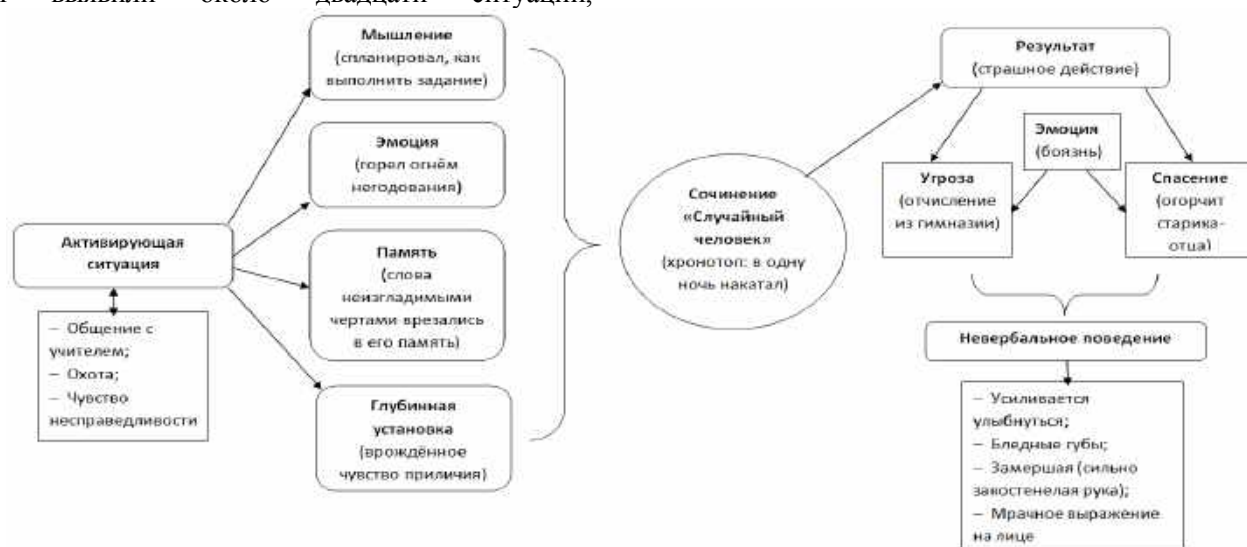

Рисунок 1. Модель поступка «Сочинение»

Согласно этой модели мы видим, что для возникновения поступка необходима активирующая ситуация: в нашем примере это доверительные отношения гимназиста Павла Вихрова с учителем математики Николаем Силычем Дрозденко. Под его влиянием Вихров придумал сочинение, направленное против учителя словесности, несправедным путем занявшего свой пост: бывший надзиратель стал учителем словесности в результате романа с дочерью директора. Общение с Николаем Силычем заронило в молодую душу героя глухую и затаенную ненависть по отношению к директору и к начальству. Автор показал внутреннюю работу Павла, внутреннюю борьбу приобретенной дерзости и врожденного чувства приличия («Одно только врожденное чувство приличия останавливало его, что он не делал с начальством сцен» [Писемский, 1983, с. 80]).

Когнитивная работа Вихрова вербализована у Писемского так: «Счастливая мысль мелькнула в его голове: давно уже желая высказать то, что наболело у него на сердце, он подошел к учителю и спросил его, что можно ли, вместо заданной им темы, написать на тему: „Случайный человек”» [Писемский, 1983, с. 81]. В приведенном контексте задействованы лексемы, актуализирующие значение ‘мыслительная деятельность’ (*мысль мелькнула в его голове*), ‘желание высказаться’, ‘внутреннее переживание’ (*наболело на сердце*), ‘формулировка вопроса’, ‘творческий посыл’, ‘креативность’ (изменение темы задания). Содержание сочинения обличало «кумовство» в училище и содержало оценку исторической ситуации в России.

Молодой сочинитель прекрасно понимал, чем ему грозит подобный поступок, переживал только об одном: что будет с отцом, если сочинителя исключат из учебного заведения («он всего более боялся, что если его выгонят, так это очень огорчит старика-отца» [Писемский, 1983, с. 82]).

Романист подчеркнул скорость исполнения задания: «Павел пришел и в одну ночь накатал сочинение» [Писемский, 1983, с. 81]. Показал эмоциональное состояние Вихрова: «горел огнем негодования» [Писемский, 1983, с. 81].

Последствия экстраординарного поступка Вихрова были внушительными – его собирались исключить из гимназии: «Сочинение это произвело, как и надо ожидать, страшное действие... Инспектор-учитель показал его директору; тот – жене; жена велела выгнать Павла из гимназии» [Писемский, 1983, с. 81].

Невербальное проявление результата поступка передано в изменении цвета лица героя: «Павел все это время стоял бледный у дверей залы» [Писемский, 1983, с. 82], он боялся.

К счастью, все обошлось. Николай Силыч заступился за дерзкого гимназиста, на заседании произнес сильную речь, и в результате комиссия приняла решение оставить Вихрова в списках учащихся. Этот поступок изменил как героя, так и окружающий мир вокруг него. Павел горделиво заявил, что «примется» и за других.

Реплики Писемского, описывающие характер вербального поведения героя, указывают на неестественность его поведения: «– Что же? – спросил он, усиливаясь улыбнуться, вышедшего из совета Николая Силыча» [Писемский, 1983, с. 82], он делает попытку улыбнуться, когда совсем этого не хочет.

Поддержка со стороны Николая Силыча заставляет Вихрова бахвалиться: «– Очень рад, – проговорил он, – а то я этому господину <...> хотел дать пощечину, после чего ему, я полагаю, неловко было оставаться на службе» [Писемский, 1983, с. 83]. Показательно то, как А. Ф. Писемский описывает речевое поведение Павла: «По бледным губам и по замершей (как бы окостеневшей на дверной скобке) руке Вихрова можно было заключить, что вряд ли он в этом случае говорил фразу» [Писемский, 1983, с. 83]. Невербальная часть поступка указывает на крайнее нервное напряжение, выраженное в положении тела; готовность и решительность Вихрова.

Итак, исследование данного поступка Вихрова обнаруживает, какие когнитивные механизмы работают в жизненном цикле поступка героя (мышление, память, эмоции, глубинные установки), а также – какими средствами пользуется романист, чтобы донести до читателя суть происходящего.

Павел Вихров совершает поступок, обнаруживающий его писательский талант, в последующем неоднократно подкрепленный (будучи пылко влюбленным, он пишет повесть «Булатное кольцо», позже работает над произведениями, за которые его отправляют в ссылку). Он – росший без матери, воспитанный генералом отцом и трепетно любящий своего родителя, верующий, получивший университетское образование, идеалистически настроенный, очень эмоциональный молодой человек. Один из его финальных поступков – разрушение моленной у раскольников. Для поколения сороковых годов переживание

религиозного кризиса не было редкостью. Но в случае с Вихровым мы сталкиваемся вовсе не с кризисом веры и разочарованием в Творце.

Волею судьбы его ссылают в губернский город помощником губернатора по особо важным де-

лам. По указу губернатора он разрушает моленную раскольников. Рассмотрим данный эпизод и проанализируем структуру поступка Вихрова.

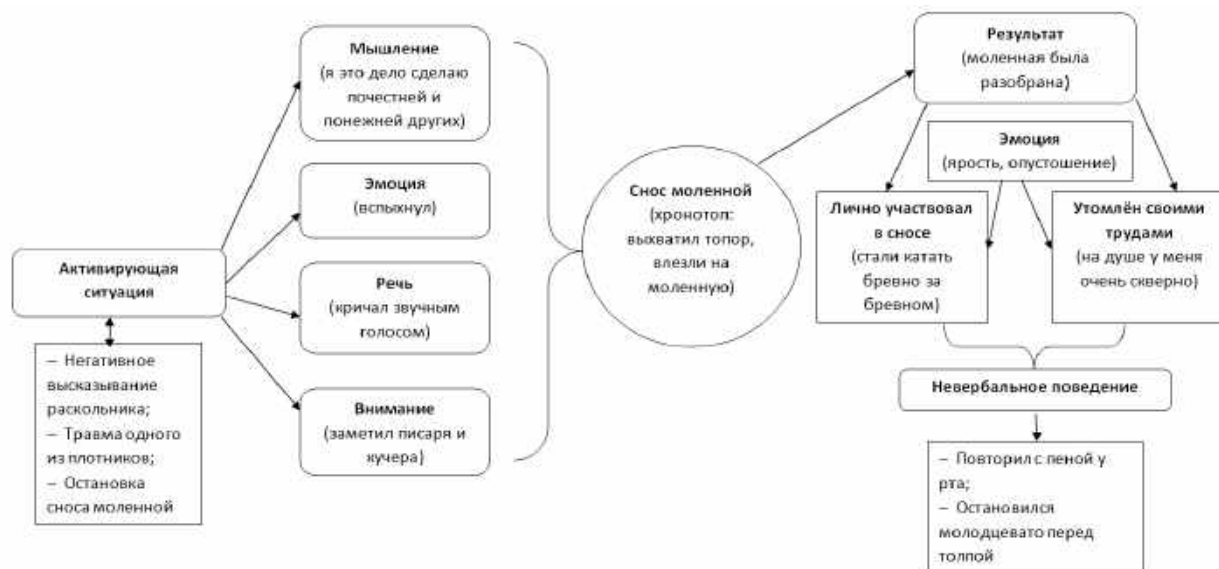

Рисунок 2. Модель поступка «Разрушение раскольничьей моленной»

Надо отметить, что герой понимал, что хоть и выполняет приказ, но совершает нечто страшное: «Я здесь со страшным делом: я по поручению начальства ломаю и рушу раскольничью моленную и через несколько часов около пяти тысяч человек оставлю без храма...» [Писемский, 1983, с. 246]. В один момент рабочие отказались продолжать разрушать моленную, и Павел, схватив топор, самостоятельно начал процесс сноса.

Павел размышляет в письме к Мари о нравственной стороне этого события: «...мне все-таки кажется, что я это дело сделаю почестней и понежней других и не оскорблю до такой степени заинтересованных в нем лиц» [Писемский, 1983, с. 246]. Это связано с тем, что сам Вихров – глубоко верующий человек, понимающий, что любая религия имеет право на свое существование. Ему в определенной степени жаль раскольников, он с сожалением понимает, что ему придется разрушить очень древний русский храм. Поэтому он старается максимально «закрывать глаза» на различные формальности, к которым он, как ответственное лицо, должен подходить с особой тщательностью: «Я стараюсь быть непредусмотрительным чиновником» [Писемский, 1983, с. 249].

В сцене присутствуют зрительные и слуховые образы: «Остановившись на этом месте писать, Вихров вышел посмотреть, что делается у мо-

лельни, и увидел, что около дома головы стоял уже целый ряд икон, которые на солнце блестели своими ризами и красками», «...колокол сейчас же закачался, зазвенел и вслед за тем начал тихо опускаться по наклонной следе, продолжая по временам прозванивать» [Писемский, 1983, с. 248].

Вихров сочувствует тем людям, у которых ему приходится отнимать их святыню: « – Батюшка! В моленной наши две иконы божии, не позволишь ли их взять? – Пожалуй, возьмите! – разрешил им сейчас же Вихров» [Писемский, 1983, с. 247].

Павла гнетет чувство совести, это выражается в том, что он постоянно передвигается: выходит из своей комнаты на улицу, следит за процессом сноса моленной и вновь возвращается в помещение: «Было раннее, ясное, майское утро. Вихров, не спавший всю ночь, вышел и сел на крылечко приказа» [Писемский, 1983, с. 245], «Герой мой тоже возвратился в свою комнату и, томимый различными мыслями, велел себе подать бумаги и чернильницу и стал писать письмо к Мари...» [Писемский, 1983, с. 246], «Остановившись на этом месте писать, Вихров вышел посмотреть, что делается у молельни...» [Писемский, 1983, с. 247], « – Я все-таки пойду, пусть они меня убьют, –

сказал Вихров и, надев фуражку, пошел» [Писемский, 1983, с. 250].

Причиной того, что Вихров сам начал разбивать моленную, стала фраза одного из работников. Эмоциональное состояние Павла вербализуется в лексике: «Вихров вспыхнул: кровь покойного отца отозвалась в нем» [Писемский, 1983, с. 250], он постоянно кричит. Психологический накал сцены выражен на уровне знаков-жестов: выхватил у стоящего около него мужика «заткнутый у него за поясом топор, остановился молодежато перед толпой; фуражка с него спала в эту минуту, и курчавые волосы его развевались по ветру» [Писемский, 1983, с. 250], «повторил Вихров уже с пеною у рта». Разрушитель находился в состоянии аффекта: « – Послушайте, братцы, – произнес Вихров, переставая работать и несколько приходя в себя от ударившей его горячки в голову...» [Писемский, 1983, с. 251].

Все события разворачиваются молниеносно, поступок Вихрова имеет магнетическое действие на людей: одни покорно отдают топоры, другие послушно влезают на постройку и раскатывают бревна.

Результат поступка – усмирение бунтовщиков и возобновление сноса моленной: « – Пойдемте, – проговорили прежние же плотники, и через несколько минут они опять появились на срубе моленной и стали ее раскатывать» [Писемский, 1983, с. 251].

После случившегося Вихров предается саморефлексии, свои мысли он доверяет бумаге: «Вихров пришел домой и дописал письмо к Мари. „Все кончено, я, как разрушитель храмов, Александр Македонский, сижу на развалинах. Смирный народ мой поершился было немного, хотели, кажется, меня убить, – и я, кажется, хотел кого-то убить. Завтра еду обратно в губернию. На душе у меня очень скверно”» [Писемский, 1983, с. 253]. Каждый раз автор допускает оговорку, насколько происходящее тяжело для героя. Каждый раз над обязанностями чиновника в нем доминирует человечность («стараюсь быть непредусмотрительным чиновником»).

Вихров совершил страшное деяние – разрушил храм (моленную), он понял, что способен на преступление, даже на убийство, он не страшится собственной смерти. Неслучайно он сравнивает себя с Александром Македонским – язычником, жаждавшим подчинить себе целый мир. Все эти характеристики образуют комплекс признаков, составляющих тип «человека сороковых годов». «Человек сороковых годов» ведет активную рабо-

ту по преобразованию мира, он бросает вызов Творцу, пытаясь исправить его совершенное создание.

Итак, оба поступка «человека сороковых годов» указывают на то, что Павел – «родовой человек» (Л. Н. Синякова), принадлежность к роду фиксируется в потоке его мыслей, переживаниях за отца, вскипающей в нем *отцовской крови*. Древняя родовая этика руководит его поступком, когда Вихров желает выстрелить в лакея Ивана, по неосторожности убившего горничную Грушу из ружья: «кровь за кровь!» [Писемский, 1983, с. 376]. Он решителен, зол, страстен до болезненности. Чутко реагирует на оскорбления в отношении его чести. Он чувствует несправедливость происходящего и не желает с ней мириться. Доводит начатое дело до конца. Пребывает в постоянной готовности бросить либо принять вызов.

Проявления родовой сущности человека стали одним из главных предметов исследования А. Ф. Писемского в романе «Люди сороковых годов».

По содержанию романа можно судить, что большинство поступков Вихрова деструктивны: в детстве он стреляет по воробьям и принимает участие в истреблении медведя; в юности во время представления домашнего театра избивает гимназиста, пишет обличительное эссе «Случайный человек»; в молодости разрушает раскольничью моленную, вступает в отношения с замужней дамой.

Предприятие по разрушению моленной имеет ряд ключевых особенностей. Павел исполняет чужую волю – приказ губернатора. И в этом его поступке ощущается трансцендентный порыв: своей волей он усмиряет бунт и заставляет «раскатать» раскольничью постройку. Представляется, что Писемский неслучайно помещает поступки Вихрова в контекст проблемы «православие – старообрядчество». Из жизнеописания Вихрова известно, что тот посещал службы в храме, исповедовался, даже собирався одно время стать монахом. «Родовой» и «социальный» человек в сознании героя приходят в противоречие.

Модель поступка Павла Вихрова приводит к выводу о том, что герой не принадлежит ни к одному из двух крайних типов персонажей русской литературы – маленький человек или персонаж, претендующий на мировое первенство [Андреева, 2018, с. 14], он не самоуничтожается и не демонстрирует превосходство над миром. Он тесно связан с родом, с отцом. Он не принадлежит

к типу героев, стремящихся «перервать все вопросы», подобно Печорину или Ивану Карамазову. Достаточно аскетичен в личном быту, не ищет для себя ни выгоды, ни пользы.

Благородные устремления «человека сороковых годов» имеют разрушительные последствия. Такой герой не проводит грани между плоскостью, в которой он творит мир по собственной воле, и плоскостью, находящейся в ведомстве Высших сил. Подобные поступки маркируют кризисное состояние мира [Николаев, Швецова, 2017].

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Ахапкин Д. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов (обзор новых книг) // Новое литературное обозрение. 2012. № 2. С. 298–312.
3. Бушуева Л. А. Фрейм поступка как «каркас события» и его речевые реализации // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах / под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартянова, Г. А. Николаева. Саратов : Наука, 2017. С. 38–41.
4. Витковская Л. В. Когнитивно-концептуальный подход к интерпретации художественного текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2004. № 2. С. 188–193.
5. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография / Н. В. Володина. Москва : Флинта: Наука, 2010. 256 с.
6. Лазутин В. В. От памяти к истории: к вопросу о формировании представления о «людях сороковых годов» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 2 (45). С. 101–110.
7. Лотман Л. М. Писемский-романист // История русского романа. Том второй. Пореформенная Россия и русский роман второй половины XIX века. 1964. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172369&p=54> (дата обращения: 28.02.2020).
8. Маслова Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира : монография. Москва : Флинта, 2012. 420 с.
9. Николаев Н. И., Швецова Т. В. Русская литература XIX века в аспекте теории кризиса / Н. И. Николаев, Т. В. Швецова // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / ред. И. Любохи-Круглик [и др.]. Katowice, 2017. С. 15–26.
10. Новожилова К. Р. Когнитивная интерпретация художественного текста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. 2009. Вып. 4, Ч. 4. С. 49–58.
11. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Т. 2. Люди сороковых годов / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Москва : Художественная литература, 1989. С. 122–177.
12. Писемский А. Ф. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 4, Т. 5. Люди сороковых годов / Подгот. текста А. Саакянц; Коммент. С. Розановой. Москва : Художественная литература, 1983.
13. Романенко А. С. К вопросу об анализе концептуального содержания (на материале художественного текста) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6(39). С. 73–78.
14. Синякова Л. Н. Философия человека в творчестве А. Ф. Писемского: проблемы и решения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. № 2. С. 93–98.
15. Ускова С. В. Семантический потенциал лексики поступков в русском языке // Язык и социальная динамика. 2012. С. 75–78.
16. Фаустов А. А., Савинков С. В. Универсальные характеры русской литературы: монография. Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2015. 312 с.
17. Федорова Е. Л. Портрет как один из способов психологизации художественного образа персонажа (А. Ф. Писемский «Масоны») // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 4. С. 276–281.
18. Шустрова Е. В. Методика когнитивно-дискурсивного анализа художественного текста // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 166–171.

Reference List

1. Andreeva V. G. Chelovek i problema antropocentrizma v russkom romane vtoroj poloviny XIX veka = The man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the XIX c. // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4. S. 13–21.
2. Ahapkin D. Kognitivnyj podhod v sovremennyh issledovanijah hudozhestvennyh tekstov (obzor novyh knig) = Cognitive approach in modern researches of artistic texts (new books review) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 2. S. 298–312.
3. Bushueva L. A. Frejm postupka kak «karkas sobytija» i ego rechevye realizacii = The phrame of the act as «a basis of the event» and its speech realizations // I. A. Bodujen de Kurtenje i mirovaja lingvistika Trudy i materialy Mezhdunarodnoj konferencii. V 2 tomah / pod obshej redakciej K. R. Galiullina, E. A. Gorobec, D. A. Mart'janova, G. A. Nikolaeva. 2017. S. 38–41.
4. Vitkovskaja L. V. Kognitivno-konceptual'nyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta = Cognitive-conceptual approach to the artistic text interpretation // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2004. № 2. S. 188–193.
5. Volodina N. V. Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedenija = Concepts, universals, stereotypes in the sphere of literary criticism : monografija / N. V. Volodina. Moskva : Flinta: Nauka, 2010. 256 s.

6. Lazutin V. V. Ot pamjati k istorii: k voprosu o formirovanii predstavlenija o «ljudjah sorokovyh godov» = From memory to history of the formation of the notion about «the people of the forties» // Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. 2010. № 2 (45). S. 101–110.

7. Lotman L. M. Pisemskij-romanist = Pisemskij-novelist // Istorija russkogo romana. Tom vtoroj. Poreformennaja Rossija i russkij roman vtoroj poloviny XIX veka. 1964. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172369&p=54> (data obrashenija: 28.02.2020).

8. Maslova Zh. N. Kognitivnaja koncepcija pojeticheskoy kartiny mira = Cognitive conception of poetic world picture : monografija. Moskva : Flinta, 2012. 420 s.

9. Nikolaev N. I., Shvecova T. V. Russkaja literatura XIX veka v aspekte teorii krizisa = Russian literature of the XIX c. In the aspect of crisis theory // Rusistika i sovremennost'. Starye voprosy, novye otvety / red. I. Ljubohi-Kruglik [i dr.]. Katowice, 2017. S. 15–26.

10. Novozhilova K. R. Kognitivnaja interpretacija hudozhestvennogo teksta = Cognitive interpretation of an artistic text // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 9. 2009. Vyp. 4, Ch. 4. S. 49–58.

11. Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. T. 2. Ljudi sorokovyh godov = Literary-critical works: in 2 t. T. 2 The people of the forties. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. S. 122–177.

12. Pisemskij A. F. Sobranie sochinenij. V 5-ti t. T. 4, T. 5. Ljudi sorokovyh godov = The collection of works. In 5 t., T. 5. The people of the forties / podgot. teksta A.

Saakjanc; Komment. S. Rozanovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1983.

13. Romanenko A. S. K voprosu ob analize konceptual'nogo sodержanija (na materiale hudozhestvennogo teksta) = To the question of concept content analysis (on the material of an artistic text) // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2015. № 6(39). S. 73–78.

14. Sinjakova L. N. Filosofija čeloveka v tvorčestve A. F. Pisemskogo: problemy i reshenija = The philosophy of a man in the creative work of A. F. Pisemsky: problems and decisions // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. 2008. T. 7. № 2. S. 93–98.

15. Uskova S. V. Semanticheskij potencial leksemy postupok v russkom jazyke = Semantic potential of a lexeme act in the Russian language // Jazyk i social'naja dinamika. 2012. S. 75–78.

16. Faustov A. A., Savinkov S. V. Universal'nye haraktery russkoj literatury = Universal characters of Russian literature : monografija / A. A. Faustov, S. V. Savinkov. Voronezh, 2015. 312 s.

17. Fedorova E. L. Portret kak odin iz sposobov psihologizacii hudozhestvennogo obraza personazha (A. F. Pisemskij «Masonry») = A portrait as one of the ways of psychologization of an artistic image of a character (A. F. Pisemsky «Masons») // Social'nye i gumanitarnye znanija. 2018. Tom 4, № 4. S. 276–281.

18. Shustrova E. V. Metodika kognitivno-diskursivnogo analiza hudozhestvennogo teksta = Methods of cognitive-discussive analysis of an artistic text // Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 6. S. 166–171.

УДК 821.161.1

Т. Г. Кучина

<https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

**«В промежутке меж звуком и словом»: акустическая образность
лирики Б. Ахмадулиной**

Для цитирования: Кучина Т. Г. «В промежутке меж звуком и словом»: акустическая образность лирики Б. Ахмадулиной // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 61–67.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-60-66

Статья обращена к исследованию «звука» и «слова» в образном строе лирики Б. Ахмадулиной. Среди акустических объектов, представленных в стихотворениях поэта, – звуки окружающей среды (чаще всего природы – дождь, капель, крик петуха в деревне) и слышимый пласт культуры (музыка, пение, грампластинки). При этом показательно, что звучащий природный мир часто представлен либо через сравнение с музыкой, либо через метафору, связывающую его с человеческой речью, а в предельном проявлении – с «вещим», «священным» словом. Звуки быта (щелчок выключателя, скрип открываемой дверцы шкафа), как правило, перерастают прямое предметное значение, получая метафорические и символические коннотации. Акустический фон повседневности в лирических контекстах Б. Ахмадулиной обращается в «речь» вещей – и оказывается сопоставим со словом поэта, на которого возложена ответственность дать голос пространству. Этого, как ни парадоксально, не может сделать музыка. При высокой плотности музыкальных ассоциаций собственно звучащая музыка у Б. Ахмадулиной описывается довольно редко, а в большинстве «музыкальных» фрагментов появляется эффект «немого» кино: акустические свойства исполняемой музыки представлены через визуальные аналоги, музыкальные же инструменты оказываются нужны только в качестве метафоры или средства сравнения. Настоящие звуки – те, что прорастут смыслами, – это «ударенья крови», переходящие в «кровотечение речи»; только тогда зазор «меж звуком и словом» исчезает. Процесс «звукоизвлечения» труден, почти всегда болезнен. Однако это единственный путь преодолеть «насущенный шум, занявший место слова» и избавить вещи от безымянности. Только живой голос поэта обеспечивает речи подлинность и правдивость; только в предельном усилии выговаривания можно наречь сущее; только произнесеня вслух, можно прикоснуться к истине.

Ключевые слова: Ахмадулина, поэтическая фонетика, звук, голос, музыка, артикуляция.

T. G. Kuchina

**«Filling in the gap between sound and word»: acoustic image-making
in B. Akhmadulina's lyrical poetry**

The article analyzes relations between the sound and the word in the image-bearing system of B. Akhmadulina's lyrical poetry. Among the acoustic objects in the poetess' works one may discover sounds of natural environmental phenomena, as those of rain, of dripping water, cock's crowing, etc., as well as the audible strata of culture (sounds of music, singing, or gramophone play). Meaningfully, the audible natural world is often expressed by either comparing it with music, or metaphorically, associating it with human speech, or, ultimately, with a prophetic or even sacred word. Sounds of everyday life, as the click of an electric switch, or the squeak of an opening door, as a rule, lose their direct material meaning and acquire metaphorical and symbolic connotations. The acoustic background of everyday life in Akhmadulina's lyrical contents is turned into the «speech» of ordinary objects and can be juxtaposed with the poetess' word, the poet being responsible to endow space with a voice. Paradoxically, it cannot be achieved by music. For all the high density of Akhmadulina's musical associations, she seldom describes them, more often than not in the majority of musical fragments there appears «the silent movie effect», when acoustic means of the performed music is represented via its visual analogs, while musical instruments are needed only metaphorically or as means of comparison. Real sounds, those that will acquire actual meaning serve as blood emphatic accents which turn into 'bleeding speech'. It is only then that the gap between the sound and the word dies away. The process of extracting the sound is hard and almost always painful. Still, that is the only way of overcoming the existing noise which claims the word's space, and thus saves the object from namelessness. It is only the poet's living voice that is able to give speech its identity and credibility. It is only by extreme effort that one can give name to the existing matter. Only by saying it aloud can you come into contact with Truth.

© Кучина Т. Г., 2020

Key words: Akhmadulina, poetic phonetics, sound, voice, music, articulation.

«В промежутке меж звуком и словом / опрометчиво медлит душа» («Снегопад» [Ахмадулина, 2014, с. 108]) – одна из тех формул, которыми Белла Ахмадулина пользуется для описания явления на свет нового стихотворения. Если доверять последовательности компонентов в приведенной цитате из «Снегопада», то звук рождается прежде смысла, и дело поэта – перевести это звучание в наполненную значением речь.

«Звук» как важнейший концепт лирики Б. Ахмадулиной является предметом исследования в целом ряде работ (в частности, в статьях Д. Башкайкиной [Башкайкина, 2015], Т. Волковой [Волкова, 2015; Волкова, 2016], И. Захариевой [Захариева, 2010], М. Михайловой [Михайлова, 2008]). Мелодика стиха, его интонационная напряженность, усилие выговаривания, становящееся главной темой поэтического высказывания и предьявляемое в качестве его эстетической составляющей, – вот те грани лирики Б. Ахмадулиной, которые находятся в поле зрения ученых. Показательно, что и в американских исследованиях лирики Б. Ахмадулиной – в частности, в монографии Сони Кетчиан, – категория «голоса» выводится на первый план [Ketchian, 1993]. О том, что в поэзии Б. Ахмадулиной звук «диктует больше, нежели порой предполагает автор», писал и Иосиф Бродский. И уточнял: «Поэтическая персона Ахмадулиной немислима вне русской просодии – не столько по причине семантической уникальности фонетических конструкций... но благодаря специфической интонации традиционного русского фольклорного плача, невнятного причитания» [Бродский, 2019]. Примечательно, что свойственная Б. Ахмадулиной манера чтения, интонационная и артикуляционная рельефность звучания стала предметом внимания и в выступлении на радио «Свобода» Гайто Газданова (впрочем, оно сильно расходится в оценочной стороне с откликом Бродского): «Самое лучшее стихотворение прочла Ахмадулина. К сожалению, читает она очень скверно. Ее чтение похоже скорее на жалобный крик, содержанием стихов совершенно не оправданный» [Газданов, 2009, с. 360]. Видимо, для чуткого к мелодике речи Г. Газданова разрыв между звуком и словом – «криком» и «содержанием стихов» – оказался критическим, а артикуляционный напор – избыточным: вероятно, «лучшее стихотворение» предпочтительнее было бы прочесть про себя.

Для Б. Ахмадулиной же всякое стихотворение обретает бытие лишь на выходе из немоты: «ждет насыщенья звуком немота» [Ахмадулина, 2014, с. 55], «я из безмолвья вызволяю слово» («Воскресный день» [Ахмадулина, 2014, с. 56]). Немота / безмолвье в координатах лирики Б. Ахмадулиной – аналог потусторонности; поэтому закономерно, что «речь так спешит в молчанье не погибнуть, / свершить звукорожденье и затем / забыть меня навеки и покинуть» («Воскресный день» [Ахмадулина, 2014, с. 56]). Как справедливо отмечает Н. А. Фатеева (иллюстрируя тезис как раз примером из стихотворения Б. Ахмадулиной), «процесс написания стиха по своей сути оказывается перформативным» [Цветева, 1994, с. 7] – и неизбежно сопряжен с репрезентацией того артикуляционного усилия, которым создается художественное высказывание. Метапоэтическая сосредоточенность стиха на собственном «рождении» и, как следствие, сближение поэзии с филологией – магистральная линия развития поэзии в XX веке (на эту черту как на одну из важнейших тенденций развития лирики XX века специально указывает в своей монографии Л. Зубова [Зубова, 2000]), и творчество Б. Ахмадулиной не является исключением.

Однако мир Б. Ахмадулиной наполнен, конечно, не только звуками речи. Среди акустических объектов лирики – звуки окружающей среды и слышимый пласт культуры (музыка, пение, грампластинки). По верному замечанию И. Захариевой, «отношение к слову, как к звучащей субстанции, предопределяет *метафорический пласт языка музыки* как устойчивой системы аналогий в лирике Ахмадулиной» [Захариева, 2010, с. 8]. Остановимся на структуре акустического мира поэта более подробно.

Акустический фон лирического сюжета в стихотворениях Б. Ахмадулиной чаще всего представлен звуками природы: «вот звук дождя, как будто звук домбры» ([Ахмадулина, 2014, с. 15]), «капель-крикунья, потакая марту, / навзрыд вещает» («Милость пространства. 10 марта» [Ахмадулина, 2014, с. 213]), «вещая, капель бубнила, предсказаньем муча» («Рассвет» [Ахмадулина, 2014, с. 217]), «священный шум несуетной возни: / томленье свадеб, добыванье пищи» (о птицах в весеннем лесу; «Утро после луны» [Ахмадулина, 2014, с. 223]), «о вечности радел петух в селе» («Описание ночи» [Ахмадулина, 2014, с. 109]).

Показательно, что звучащий природный мир представлен либо через сравнение с музыкой, либо через метафору, связывающую его с человеческой речью, а в предельном проявлении – с «вещей», «священной», «вечной» речью. Способом ввести звуки окружающего мира в текст стихотворения часто является аллитерация: **д**ождь сопоставлен с **д**омброй, **к**апель названа **к**рикуньей, «**с**вященный **ш**ум» сразу же «записан» повтором шипящих.

Звуки быта существенно более редки, но зато строго мотивированы и, как правило, перерастают прямое предметное значение, обзаводясь метафорическими и символическими коннотациями. Приведем два примера. Стихотворение «Путешествие» начинается аллюзией на пушкинскую «Телегу жизни» («Воз житья я на кручу везу» [Ахмадулина, 2014, с. 179]) и продолжается описанием засыпающего в ночной тьме путника: «Часы возвещают отбой. / Свой снотворный привет посылает страдальцу аптека. / А звезда, воссияв, причиняет лишь совесть и боль» [Ахмадулина, 2014, с. 179]. Отчетливо виден переход от «житейского» счета времени к «космическому», где мериллом его становится не тиканье часов, а движение звезд и планет. Отсюда и бой часов – не звук, но весть, указание на перемещение из яви в сон и из бытового времени в бытийное.

В «Непослушании вещей», где в первом же катрене утверждается, что «неодушевленных нет вещей» [Ахмадулина, 2014, с. 217], простейшие повседневные звуки становятся знаками автономной жизни предмета, неподвластного чужой воле. Щелчок выключателя – сигнал к наступлению ночи («включатель тьмы пощелкивал над слухом» [Ахмадулина, 2014, с. 218]), гуденье водопроводной трубы – не что иное, как насмешка над обитателем дома («заточенный в трубы водяной не дал воды / и задрожал от смеха» [Ахмадулина, 2014, с. 217]), а сам дом в акустическом отражении обращается в филиал черного леса («и жадный кран, как щедрый филин, ухал» [Ахмадулина, 2014, с. 218]). Ночная сцена письма, сопровождающаяся сказочным оживлением вещного мира, завершается шумным зевком шкафа – «дверь... распахнулась и закрылась» [Ахмадулина, 2014, с. 218]. Тем самым звуки быта обращаются в «речь» вещей – и оказываются сопоставимы со словом поэта. (Лингвистические аспекты понятий «слова» и «речи» в лирике Б. Ахмадулиной более подробно рассматриваются в статьях О. И. Северской [Северская, 2016] и А. Н. Печенюк [Печенюк, 2005]).

Подтверждением тому может служить сам способ предъявления звучащей материи в стихах. Если звук от падающего с ветки яблока переименовать из «удара» в «ударенье» («Размеренные ударенья тяжелых яблок о траву»; «Садовник» [Ахмадулина, 2014, с. 59]) – то он немедленно превратится в икт, а промежутки между приземлениями плодов образуют междуиктовый интервал. В стихотворении «Ночь упаданья яблок» импульс силы тяжести расставляет ударения в стихе: «Яблоко упало, на „НЕ” – извне поставив ударенье» [Ахмадулина, 2014, с. 237]. Регулярность падения яблок соприродна музыкальному и стихотворному ритму: «Ударяется яблоко оземь – / столько раз, сколько яблок в саду. / Этой музыкой, внятной и важной, / кто твердит, что часы не стоят?» («Бьют часы, возвестившие осень...» [Ахмадулина, 2014, с. 140]). Падающие яблоки – это и есть подлинные часы, возвещающие окончание лета, а звук паденья оказывается символическим указанием на проходящее время, как и в стихотворении «Путешествие».

«Ударенье» как фактор ритма (уточним – на этот раз сердечного ритма) появится и в характерно ахмадулинском словосочетании «ударенье крови». Учащение пульса тут же ведет и к переименованию сердца в «тахикардического буяна» («Описание боли в солнечном сплетении» [Ахмадулина, 2014, с. 110]), отбивающего четырехстопный ямб (по подсчетам Ю. Б. Орлицкого, именно ямбом – 4-стопным и 5-стопным – чаще всего написаны стихотворения Б. Ахмадулиной – 81,5 % [Орлицкий, 2016, с. 23]). И это – те звуки, которые доступны исключительно внутреннему слуху, хотя для их обозначения используется лексема звучания. Сходным образом построена и строчка «пререкались дактиль и хорей» («Описание ночи» [Ахмадулина, 2014, с. 109]): формально любые «пререкания» подразумевают речь вслух – но дактиль и хорей не требуют обращения в реальный звук (всюду тишина: «Всяк спящий в доме был чему-то автор, / но ослабел для совершенья сна»; «Описание ночи» [Ахмадулина, 2014, с. 109]). Вообще, упоминания стихотворных метров и размеров в лирике Б. Ахмадулиной достаточно частотны: «Не твой ли ямб шалит» («Зима на юге. Далеко зашло...» [Ахмадулина, 2014, с. 105]), «фамильярный анапест» («Не писать о грозе» [Ахмадулина, 2014, с. 111]), но, как правило, не связаны с изображением звучащего мира: так пульс – ритмическая основа жизни – бьется на руке неслышимо для окружающих.

Лексемы со значением звука довольно редко у Б. Ахмадулиной обозначают именно реальные звуки. Точнее сказать, они обозначают псевдозвуки, невозможные в физической реальности. Вот, например, строчки из стихотворения «Нежность»: «Они звенят, как бы стаканы, / разбитые среди тишины» [Ахмадулина, 2014, с. 23]. Какой реальный звук описывает глагол с выраженной акустической семантикой – «звенят»? Какой источник звука стоит за «они»? Полный контекст таков: «И слезы мои так стеклянны, / так их паденья тяжелы, /они звенят, как бы стаканы...» [Ахмадулина, 2014, с. 23]. Очевидно, что звон разбитых стаканов – это указание вовсе не на звук: в нем – высокая интенсивность эмоции, дополнительно подчеркнутая и усиленная контрастом «звона» и «тишины». Аналогичные примеры легко найти и в других стихотворениях Б. Ахмадулиной: «Слышать треск своих сердец» («В опустевшем доме отдыха» [Ахмадулина, 2014, с. 77]), «бубнит и кланит голосок предмета» («Ночь» [Ахмадулина, 2014, с. 81]), «предкатастрофная морзянка» (о сердцебиении в стихотворении «Описание боли в солнечном сплетении» [Ахмадулина, 2014, с. 110]).

И даже, казалось бы, реальный уличный звук – «Ворона под окном: – Карр!» («Хвойная хвороба» [Ахмадулина, 2014, с. 512]) – оборачивается метатекстуальным высказыванием, поскольку продолжение этого «Карр!» таково: «Вороний сирый глад, знать, ласки возалкал. / Давно возлюбленной летатель заоконный, / встречались и внизу: вот – лакомая сласть. / Эзоп или Крылов, отрину слог окольный: / кусочек сыра есть, да нет уменья встать» [Ахмадулина, 2014, с. 512]. Словом, Ворона оказалась басенной, а «Карр!» – и вовсе цитатой. И всюду – сплошной интертекст.

Сходным образом – через метатекстуальное сопоставление – описывается и еще один шумно заявляющий о себе представитель пернатых: «Вдруг раздается кратковзвучный гром, / мгновенно-меткий выстрел многоточья» («Утро после луны» [Ахмадулина, 2014, с. 223]). Дробь дятла, едва обретя акустическую форму, немедленно переводится в иконический знак, а озвученное многоточие в равной степени становится доступно и уху, и глазу.

Вообще, звуки у Б. Ахмадулиной часто не только не слышатся – они нередко предназначены для визуального восприятия. Так, например, регулярно встречаются устойчивые сочетания, построенные по модели «вижу + лексема звучания»: «Я вижу, как грачи галдят» («В тот месяц май, в

тот месяц мой...» [Ахмадулина, 2014, с. 22]), «я вижу размеренные ударенья яблок о траву» («Садовник» [Ахмадулина, 2014, с. 59]), «вижу я, как дом в саду стоит / и музыка витает возле окон» («Таруса» [Ахмадулина, 2014, с. 176]), «то сад, то Сван являлись мне, / цилиндр с подкладкою зеленой / мне виделся, закат в Комбре / и голос бабушки влюбленной» («Прощай! Прощай! Со лба сотру...» [Ахмадулина, 2014, с. 119]) – в последнем случае «голос бабушки» оказывается в одном ряду с «закатом» и «цилиндром» – а они явно воспринимаются глазом. В «Биографической справке» звуку напрямую предписано стать видимым в своем графическом оформлении: «Всего-то было – горло и рука, / в пути меж ними станет звук строкою» [Ахмадулина, 2014, с. 97]. Наконец, в хрестоматийном стихотворении «Мазурка Шопена» читатель сначала видит бегущую пластинку, а затем слышит тоненькое шипение, из которого появляются «очертания Шопена» [Ахмадулина, 2014, с. 20] – и эти очертания вновь описывают звучащую пьесу в визуальных категориях.

Музыкальные инструменты – при довольно высокой частотности их упоминания – нередко представлены молчаливыми (как рояль, узник безгласности, в «Уроках музыки» или медная труба, понадобившаяся как средство сравнения для описания осеннего дерева в «Сентябре»: «Дерево, как медная труба, сияло и играло над землею»). В описании игры на скрипке или на рояле внимание сосредоточено на движении рук («И взвивались пальцы белые у цыгана-скрипача» («Старинный портрет» [Ахмадулина, 2014, с. 60]), «О высокие клавиши разбивалась рука» [Ахмадулина, 2014, с. 61]; характер звука можно представить себе лишь по энергии, даже взвинченности этих движений – они резки, импульсивны, напряженны. В «Сумерках» находим противоположный по эмоциональному тону эпизод (никакого надрыва, лишь наигрывание этюда или неуверенное разучивание пьесы) – но сцена музицирования дана так же через описание видимых жестов: «Чьи пальчики по клавишам лепечут?» [Ахмадулина, 2014, с. 83]. Эффект «немого» кино сохраняется в большинстве «музыкальных» фрагментов: акустические свойства исполняемой музыки представлены через визуальные аналоги.

При высокой плотности музыкальных ассоциаций звучащая музыка у Б. Ахмадулиной описывается довольно редко, а упоминания о музыкальных инструментах почти всегда обманывают – они нужны только в качестве метафоры или сред-

ства сравнения. Вот несколько примеров: «Играла надо мной / печали сильная свирель» («Дом» [Ахмадулина, 2014, с. 149]) – ожидаемое «музыкальное» продолжение после «играла» оказывается неслышимым внутренним переживанием, а «свирель» – лишь его словесным – метафорическим – эквивалентом. «И музыка играет в бубны» («Сентябрь» [Ахмадулина, 2014, с. 141]) – строчка, внятно воспроизводящая звук; однако уже в следующей выясняется, что тот бубен, в который полагается бить, здесь ни при чем, и стихи – о совершенно иной игре: «И карты бубнами лежат». Стихотворение «Это я...» начинается упоминанием о лютне – «Надо мною играют на лютне» [Ахмадулина, 2014, с. 113], однако контекст сразу же отвергает «реалистическую» музыкальную тему – лютня явно взята напрокат у Орфея или Аполлона и оказывается скорее аналогом мифологической лиры, под которую совершается явление на свет поэта: «Это я – в два часа пополудни / повитухой добытый трофей. / Надо мною играют на лютне. / Мне щекотно от палочек фей» [Ахмадулина, 2014, с. 113]. Разумеется, никакой музыкальной «озвучки» описанный эпизод не предполагает. Факультативность, необязательность, непроявленность звука в стихах Б. Ахмадулиной фиксируется и в характерных оксюморонах – «шум тишины» [Ахмадулина, 2014, с. 283] или «глаголет их немое вече» («Дом» [Ахмадулина, 2014, с. 148]).

На самом деле настоящие звуки – те, что прорастают смыслами, – рождаются в горле. И когда «ударенья крови» переходят в «кровотечение речи» / «кровотечение звука» – тогда зазор «между звуком и словом» исчезает. Подлинное слово не живет без голоса – а вот написанные строки «не считаются». Писать – пребывать в радужном неведении, сплести строки из чернильных нитей («...честный разум мой / стыдится своего несовершенства, / не допуская руку до блаженства / затеять ямб в беспечности былой»; «Ночь» [Ахмадулина, 2014, с. 80]). Выговаривание же слова требует настоящей крови и неподдельного напряжения – и в этом Б. Ахмадулина следует за Цветаевой и Пастернаком. Напомним самые близкие по мысли и поэтической эмоции фрагменты. У М. Цветаевой: «Вскрыла жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь. / ...Невозвратно, неостановимо, / Невосстановимо хлещет стих» [Цветаева, 1994, с. 315] (более подробно творческий диалог Б. Ахмадулиной и М. Цветаевой анализируется в статьях Д. Маслеевой [Маслеева, 2014] и И. Ничипорова [Ничипорова, 2020]); у Б. Пастернака: «...строчки с кровью – убивают, /

Нахлынут горлом и убьют!» [Пастернак, 2015, с. 272] (более подробно о связях лирики Б. Ахмадулиной и Б. Пастернака см. [Бокарев, Кучина, 2019; Кучина, 2017]). Отсюда – нарочитые физиологические подробности в описании работы артикуляционного аппарата (постоянная, устойчивая связка понятий в лирике Б. Ахмадулиной – горло, гортань и голос), усиливающиеся метафорическими преувеличениями: «звук немоты, железный и корявый, / терзает горло ссадиной кровавой, / заговорю – и обагрю платок», «в неживом ущелье гортани, / погруженной в темноту», «мука, когда раздирают отверстия / труб – для рыдания и губ – для тирад» ([Ахмадулина, 2014, с. 162]).

Процесс «звукоизвлечения» труден, иногда кровав, почти всегда болезнен. Однако это единственный путь преодолеть «насущенный шум, занявший место слова» («Слово»), избавить вещи от безымянности (душа предмета «желает быть воспета, / и непременно голосом моим»; «Ночь» [Ахмадулина, 2014, с. 81]), дать голос пространству («Не потому ль, в красе и тайне, / пространство, загрузив о нем, / той речи бред и бормотанье / имеет в голосе своем»; «Метель» [Ахмадулина, 2014, с. 108]). Только живой голос обеспечивает речи подлинность и правдивость; только вслух – и в предельном усилии выговаривания – можно наречь сущее («как слово звать – у словаря не спросишь, / откуда сам не скажешь словарю»; «Я лишь объем, где обитает что-то» [Ахмадулина, 2014, с. 269]); только сказав, произнеся, озвучив, можно прикоснуться к истине.

Таким образом, слышимый человеком мир в лирике Б. Ахмадулиной – это прежде всего «голоса» – природы (дождя, капли, лесных птиц), вещей (водопроводных труб, выключателя, дверцы шкафа), в которых являет себя живая душа всего сущего. В заурадных звуках внешнего мира – паденье яблок или тиканье часовых стрелок – можно различить будущие ритмы пока еще не сочиненных стихов. Однако преобразование их в поэтическую речь требует как интеллектуально-эмоционального, так и физического усилия: рождающееся слово обдирает гортань и ранит губы. Слово неизреченное погружается в тьму безмолвия, убывает в немое небытие; пока же речь звучит, жизнь может противостоять времени.

Библиографический список

1. Ахмадулина Б. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.

2. Башкайкина Д. Мотивная структура концепта «творчество» в лирике Б. Ахмадулиной // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 4. С. 327–335.

3. Бокарев А. С., Кучина Т. Г. Белла Ахмадулина и шестидесятники: контакты, контексты, стихи // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 115–135.

4. Бродский И. Зачем российские поэты?... URL: <http://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/zachem-rossiiskie-poety-1977.html> (дата обращения: 28 апреля 2019 г.)

5. Волкова Т. В. Музыкальность лирики Беллы Ахмадулиной // Филологические открытия. 2015. № 3. С. 37–45.

6. Волкова Т. В. Синтез искусств в цикле Б. Ахмадулиной «Стихи к фильму „Луг зеленый“» // Филологические открытия. 2016. № 4. С. 46–55.

7. Газданов Г. Русская поэзия на французском языке / Газданов Г. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. Москва : Эллис Лак, 2009.

8. Захариева И. Грани интермедальности в лирике Б. Ахмадулиной (1950-е-1980-е гг.) // OPERA SLAVICA (София), XX. 2010. 1. С. 7–15.

9. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. Москва : НЛО, 2000. 431 с.

10. Кучина Т. Г. Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 131–135.

11. Маслеева Д. А. Диалог поэтических миров: Белла Ахмадулина – Марина Цветаева // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 2. История и филология. С. 173–178.

12. Михайлова М. С. Лирическая книга Беллы Ахмадулиной: ранняя книга «Уроки музыки» (1969) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2 (9). С. 69–71.

13. Ничипоров И. Б. Художественная картина мира в «цветаевских» стихотворениях Б. Ахмадулиной. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37256.php?ELEMENT_ID=37256&SHOWALL_1=1 (дата обращения – 10 января 2020 г.)

14. Орлицкий Ю. Б. Особенности стихосложения Беллы Ахмадулиной / Художественный мир Беллы Ахмадулиной: Сборник статей. Москва : Издательство Марины Батасовой, 2016. С. 23–31.

15. Пастернак Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. 1279 с.

16. Печенюк А. Н. Понятие «поэзии» в метапоэтическом пространстве поэтических текстов Б. Ахмадулиной // Язык. Текст. Дискурс. 2005. № 3. С. 227–237.

17. Северская О. И. Образы слова, речи и языка в поэзии Б. Ахмадулиной (опыт корпусного анализа) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 1 (33). С. 63–73.

18. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. Москва : Издательский дом ЯСК, 2017. 360 с.

19. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Москва : Эллис Лак, 1994. 597 с.

20. Ketchian S. The Poetic Craft of Bella Akhmadulina. Pennsylvania State University Press, 1993. 256 p.

Reference List

1. Ahmadulina B. Maloe sobranie sochinenij = Short collection of works. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 768 s.

2. Bashkajkina D. Motivnaja struktura koncepta «tvorchestvo» v lirike B. Ahmadulinoj = Motive structure of the concept «creativity» in B. Akhmadulina's lyrics // Letnjaja shkola po russkoj literature. 2015. Т. 11. № 4. С. 327–335.

3. Bokarev A. S., Kuchina T. G. Bella Ahmadulina i shestidesjatniki: kontakty, konteksty, stihy = Bella Akhmadulina and the people of the sixties // Voprosy literatury. 2019. № 2. С. 115–135.

4. Brodskij I. Zachem rossijskie poety?... = Why Russian poets?... URL: <http://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/zachem-rossiiskie-poety-1977.html> (data obrashhenija: 28 aprelja 2019 g.)

5. Volkova T. V. Muzykal'nost' liriki Belly Ahmadulinoj = Musicality of Bella Akhmadulina's lyrics // Filologicheskie otkrytija. 2015. № 3. С. 37–45.

6. Volkova T. V. Sintez iskusstv v cikle B. Ahmadulinoj «Stihi k fil'mu „Lug zelenyj“» = The synthesis of arts in The cycle of B. Akhmadulina's «Poems to the film „Green meadow“» // Filologicheskie otkrytija. 2016. № 4. С. 46–55.

7. Gazdanov G. Russkaja poezija na francuzskom jazyke = Russian poetry in French / Gazdanov G. Sobrahanie sochinenij. V 5 t. Т. 4. Moskva : Jellis Lak, 2009.

8. Zaharieva I. Grani intermedial'nosti v lirike B. Ahmadulinoj (1950-е-1980-е гг.) = Intermediality edges in B. Akhmadulina's lyrics (1950–1980) // OPERA SLAVICA (Sofija), XX. 2010. 1. С. 7–15.

9. Zubova L. V. Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka = Modern Russian poetry in the context of the history of the language. Moskva : NLO, 2000. 431 s.

10. Kuchina T. G. B. Pasternak i V. Majakovskij v sisteme intertekstual'nyh svjazej liriki B. Ahmadulinoj = B. Pasternak and V. Mayakovsky in the system of intercontextual connections of B. Akhmadulina's lyrics // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Т. 23. № 3. С. 131–135.

11. Masleeva D. A. Dialog poeticheskikh mirov: Bella Ahmadulina – Marina Cvetaeva = The dialog of poetic worlds : Bella Akhmadulina – Marina Tsvetajeva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2014. Vyp. 2. Istorija i filologija. С. 173–178.

12. Mihajlova M. S. Liricheskaja kniga Belly Ahmadulinoj: rannjaja kniga «Uroki muzyki» (1969) = A lyrical book of Bella Akhmadulina : an early book «The lessons of music» (1969) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2008. № 2 (9). С. 69–71.

13. Nichiporov I.B. Hudozhestvennaja kartina mira v «cvetaevskih» stihotvorenijah B. Ahmadulinoj = Artistic picture of the world in «Tsvetaev 's» poems of B. Akhmadulina. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37256.php?ELEMENT_ID=37256&SHOW_WALL_1=1 (data obrashhenija – 10 janvarja 2020 g.)
14. Orlickij Ju. B. Osobennosti stihoslozhenija Belly Ahmadulinoj = The peculiarities of versification of Bella Akhmadulina / Hudozhestvennyj mir Belly Ahmadulinoj: Sbornik statej. Moskva : Izdatel'stvo Mariny Batasovoj, 2016. S.23–31.
15. Pasternak B. L. Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome = Complete collection of poetry and prose in one tome. Moskva : «Izdatel'stvo AL"FA-KNIGA», 2015. 1279 s.
16. Pechenjuk A. N. Ponjatie «poezii» v metapojeticheskom prostranstve pojeticheskikh tekstov B. Ahmadulinoj = The noyion of «poetry» in meta poetic space of poetic texts of B. Akhmadulina // Jazyk. Tekst Diskurs. 2005. № 3. S. 227–237.
17. Severskaja O.I. Obrazy slova, rechi i jazyka v poezii B. Ahmadulinoj (opyt korpusnogo analiza) = Images of a word, speech and language in B. Akhmadulina 's poetry (the experience of corpus analysis) // Izvestija Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (33). S. 63–73.
18. Fateeva N.A. Pojezija kak filologicheskij diskurs = Poetry as philological discourse. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2017. 360 s.
19. Cvetaeva M. I. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 2 = Collection of works : in 7 t. T. 2 / sost., podgot. teksta i komment. A. Saakjanc i L. Mnuhina. Moskva : Jellis Lak, 1994. 597 s.
20. Ketchian S. The Poetic Craft of Bella Akhmadulina. Pennsylvania State University Press, 1993. 256 p.

УДК 82–311.1

М. Ю. Егоров

<https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Полисемия смысла в романе А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи»

Для цитирования: Егоров М. Ю. Полисемия смысла в романе А. Терца (А. Д. Синявского) «Спокойной ночи» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 68–75. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-67-74

Роман «Спокойной ночи» был опубликован в Париже в 1984 году. Автором романа является писатель-эмигрант А. Д. Синявский, избравший себе псевдоним Абрам Терц. Представляется, что ключевым конфликтом романа является борьба за интерпретацию – если противники главного героя всегда настаивают на однозначных ответах, то сам он предпочитает многозначность, невозможность дать один-единственный ответ. Отказ от однозначности проявляется в различных аспектах романа «Спокойной ночи»: название (доброе пожелание, но и коннотации страха, ужаса); интертекстуальный характер названий глав («Перевертыши» – название статьи, в которой осуждалась деятельность А. Д. Синявского, «Опасные связи» – роман Ш. де Лакло, «Во чреве китовом» – история пророка Ионы); стилистическая разноголосица (от табуированной лексики до архаичной); персонажи (множество имен жены в одном из фрагментов, перевоплощение в отца в другом и т.д.); стирание грани между фантастикой и реальностью (признание отца о внедренном в его мозг устройстве); избегание линейного, одномерного развития сюжета; наличие в романе трех самостоятельных, имеющих собственные заголовки произведений («Зеркало», «Очки», «Трактат о мышах и о нашем непонятном страхе перед мышами»). Наиболее действенным инструментом в борьбе за разрушение однозначного понимания происходящего в романе является метаповествовательность. Пересечение «литературы» и «действительности» заложено в самой начальной сюжетной ситуации – осуждении героя за публикацию произведений за границей. Действительное течение событий в романе сопоставлено с теми или иными аспектами литературы. Персонаж сам по себе может быть менее важен, чем его имя, чем набор букв. В романе одним из важных мотивов является мотив человек-слово. В «Спокойной ночи» присутствуют фрагменты, которые не имеют отношения к сюжетному развитию, но посвящены размышлениям о создаваемой книге. Повествователь принимает на себя руководящую роль в установлении смысловой полисемии.

Ключевые слова: А. Д. Синявский, «Спокойной ночи», русское зарубежье, метаповествовательность.

M. U. Yegorov

Polysemy of the sense in A. Terz (A. D. Sinyavsky) «Good night»

The novel «Good night» was published in Paris in 1984. The author of the novel is a writer-immigrant A. D. Sinyavsky who took a pseudonym Abram Terz. The key conflict of the novel is the fight for interpretation. The opponents of the protagonist always insist on unambiguous answers but he himself prefers polysemy. The refusal from simplicity is viewed in many aspects of the novel «Good night»: (good wish but the connotation of fear, horror); intertextual character of the titles in the chapters («Shifters» – the title of the article in which the activity of A. D. Sinyavsky was judged; «Dangerous ties» – the novel by Sh. De Laklo; «In the belly of the whale» – the story of prophet Jonan); stylistic discord (from taboo language to archaic); characters (many names of the wife in one of the abstracts, reincarnation of a father in a different person, edge erasure between fantasy and reality (a confession of a father about a device in his brains); avoiding of linear plot development; three independent having their own titles parts («Mirror», «Glasses», «Treatise about mice and about our incomprehensible fear of mice»). The most important tool in the fight for breaking unambiguous understanding of a reality in the novel is metanarrative. The crossing of «Literature» and «Reality» is seen in the initial plot situation-condemnation of a hero for publishing his works abroad. Real events in the novel are compared with these or those aspects of literature. The character himself can be less important than his name, the number of letters. One of the main motifs of the novel is the motif man-word. In «Good night» there are fragments which do not have any connections to plot division but they are devoted to the ideas of writing a book. The narrator takes a leading role in maintaining a sense polysemy.

Key words: A. D. Sinyavsky, «Good night», Russian abroad, metanarrative.

Роман «Спокойной ночи» был опубликован в Париже в 1984 году. Автором романа является писатель-эмигрант А.Д. Сиявский, избравший себе псевдоним Абрам Терц (о смысле выбора псевдонима см. например [Бочаров, 2011; Генис, 1999; Померанц, 1990]). Под этим псевдонимом будучи еще советским гражданином А.Д. Сиявский печатал свои прозаические тексты за границей. Публикация произведений на западе стала поводом для судебного разбирательства в СССР в 1965-1966 годах, положившего начало диссидентского движения (см. [Цена метафоры... , 1989]). За «антисоветскую агитацию и пропаганду» писатель был приговорен к семи годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Обстоятельства, связанные с арестом, судом, легли в основу сюжета романа «Спокойной ночи».

В рассматриваемом произведении представители властных структур пытаются вычислить и поймать Абрама Терца, т.е. дать однозначный ответ на вопрос об авторстве публикуемых за границей произведений, подписанных этим именем, разоблачить того, кто скрывается под псевдонимом. В этом способны помочь бездушные механизмы. Служивец рассказчика говорит о такой возможности: «Мой собеседник, однако, смотрит на вещи мрачнее. Рассудительно бурчит: кибернетические машины. В наше время, Андрей, вычислить человека по стилю, по языку ничего не стоит. Частотность лексики, индексы, теория вероятности. Машина заглатывает образцы литературной продукции и выдает готовый ответ» [Терц, 2015, с. 119].

Представляется, что ключевым конфликтом романа «Спокойной ночи» является борьба за интерпретацию – если противники главного героя всегда настаивают на однозначных ответах, то сам он предпочитает многозначность, полисемию, невозможность дать один-единственный ответ.

Одной из иллюстраций первой позиции выступают не только центральные для сюжетной коллизии романа поиски Абрама Терца, но, например, демонстрация необходимости безвариативного ответа в сцене допроса: «Он (с ехидством). А Чехова? Чехова вы считаете писателем?.. Я. Чехова? При чем тут?.. К Чехову я вообще... Он. Вот именно – вообще! Вы к Чехову вообще отрицательно настроены... Признайтесь, Андрей Донатович! Вам сразу станет легче. Я уверяю вас, вам сразу станет легче. Я. Да я *вашего* Чехова... Всегда с почтением – Чехов, «Дядя Ваня»... Он. Вот видите – *вашего* Чехова!» Значит,

«наш» Чехов – уже не ваш? «Наши» и «ваши»? Нечего сказать! Ну и змею, извините за резкое выражение, вырастили в Институте Мировой Литературы. (Встает.) Да, Андрей Донатович, да! Вы – правы! Чехов – наш. Чехова – мы любим. Мы нашего Чехова никому не позволим топтать ногами!» [Терц, 2015, с.61]. Или в другом диалоге звучит повторяющаяся реплика ведущего допрос, обращенная к Сиявскому: «Вы советский человек или не советский человек? вы советский человек или не советский человек? вы советский человек или не со... Вы советский человек или не советский че...? Чего?! Вы что нас – за людей не считаете?..» [Терц, 2015, с. 369].

Как справедливо подметили П. Вайль и А. Генис: «Андрей Сиявский – враг идеологии. Советская власть, не разобравшись, решила, что он враг именно ее идеологии. Но он – против любой канонизированной системы мысли как таковой» [Вайль, Генис, 1982, с. 57].

Продемонстрируем, каким образом отказ от однозначности проявляется в различных аспектах романа «Спокойной ночи».

Само название произведение уже допускает вариативность интерпретаций, равнозначно реализующихся в тексте. Конечно же, это доброе пожелание: «Бывало, приплетешься к жене сказать спокойной ночи, а она уже засыпает. – А ты смешная, – скажешь, подтыкая одеяло, как ребенку, на спине. – А почему смешная? – спросит сквозь сон, не дожидаясь, впрочем, ответа. Подумаю: а потому что люблю. С грустью. Кто тебе, милочка, подоткнет спинку, когда меня не будет? Вот и все объяснения» [Терц, 2015, с. 172]. Выражение «спокойной ночи» соседствует здесь со знаками доверия и любви.

Однако ночь не всегда несет в себе положительные качества. Ночью героя мучают кошмары, когда он вспоминает обстоятельства суда: «Все они вылезали на меня ...Адвокат, Прокурор, Судья. ...По сию пору, ночью, стоит закрыть глаза, они начинают не свои, не Богом данные речи» [Терц, 2015, с. 53]. Доброй ночи пожелает герою гнусный оперативник, проводивший бессмысленный допрос [Терц, 2015, с. 80]. Вторя первому («положительному») значению, счастливое время, проведенное в Доме свиданий с женой, превращается в одну ночь: «Все свидания сливаются в одну освещенную ночь» [Терц, 2015, с. 144].

Роман «Спокойной ночи» состоит из пяти глав. Названия трех из них явно носят интертекстуальный характер, подчеркивая многоуровневость интерпретации текста.

Первая глава «Перевертыши» отсылает к заголовку статьи Д. Еремина, опубликованной в 1966 году в газете «Известия». В статье-доносе «разоблачалась» антисоветская деятельность А. Д. Синявского и Ю. Даниэля, печатавших свои произведения за границей под псевдонимами. Стилистика статьи, аргументация, к которой прибегает Д. Еремин, не могли не сказаться на главе, посвященной судилищу над героем.

Аукается с романом Шодерло де Лакло название четвертой главы «Опасные связи», самой фантазмагорической и философски углубленной [Matich, 1989, с. 54–55]. Фабульно две истории связаны через коллизию фривольных любовных отношений. В «Спокойной ночи» предоставляется слово лезгину, имеющему невероятный успех у женщин, благодаря внешнему сходству со Сталиным [Терц, 2015, с. 298–303].

Пятая глава «Во чреве китовом» недвусмысленно намекает на историю ветхозаветного пророка Ионы, проведенного в чреве кита три дня и три ночи из-за непослушания воли господа. Синявский же погружается во чрево кита, когда, как это описано в главе, вербует компетентными органами для выполнения ответственного задания – он должен заключить брак с дочерью французского дипломата Элен для того, чтобы вовлечь ее в разведывательную сеть. Разумеется, герой разрушает этот план, но перед этим внезапно для самого себя ощущает присутствие бога: «Ты весь темный. Но там, в глубине материи... Тот образок... Та, останняя, зажженная перед Господом Богом, свеча... Не знаю, откуда берутся такие мысли. Из какого резервуара [ср. с чревом – М. Е.]? Ведь я не веровал в Бога. Совсем не веровал. И никакой там особенной души за человеком не признавал» [Терц, 2015, с. 372–373].

Несколько выбиваются из такого интертекстуального ряда названия еще двух глав. Хотя глава вторая «Дом свиданий» и стилистически, и тематически может быть соотнесена с «Домом с мезонином» А. П. Чехова или с «Домом на набережной» Ю. В. Трифонова. Третья глава «Отец» может быть, например, соотнесена с «Отцами и детьми» И. С. Тургенева, полемически сопоставлена с «Матерью» М. Горького: у А. Терца все происходит с точностью до наоборот – не сын занимается антигосударственной деятельностью и за это наказывается ссылкой на поселение, и мать поддерживает его, а репрессированный отец, отбывший наказание по надуманному обвинению, возвращается из мест лишения свободы, встречается с сочувствующим ему сыном. Сам объект

«дом свиданий» находится в пограничном состоянии: уже не лагерное пространство, но и не пространство полной свободы.

Стилистическая разноголосица «Спокойной ночи» противостоит любому табу. В языке, которым роман написан, можно выделить два полюса. На одном полюсе окажется ненормативная лексика: например, «Вот вы Маяковским занимаетесь... Правда, что будто бы Маяковский в своих стихах употребляет нецензурное слово «блядь»?!. Что вы говорите – три раза?.. Позвольте записать... Значит, так: «я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду...»» [Терц, 2015, с. 370]. На другом полюсе лексика высокая, архаичная: «Боярину Вельскому подозрительный Борис повелел выщипать бороду по одному волоску, избрав для сей операции искусного хирурга Габриэля из Шотландии... Толико поляков перебили по Москве...» [Терц, 2015, с. 266]. В одной фразе порой соединяется слова разных лексических групп: «По бокам стояли – Пресвятая Богоматерь, с цветком, да Иоанн Креститель, с отрубленной головой на подносе, которую цепко держал в руках, как вещественное доказательство» [Терц, 2015, с. 303].

Бегство от однозначности будет наблюдаться в романе даже на персонажном уровне. В главе «Дом свиданий» на нескольких соседних страницах жена героя будет последовательно называться разными именами: «На буфете недавно Мария, моя жена, углядела-таки мышонка... А сейчас, когда я на свободе, живу во Франции, и у нас с Татьяной собственный дом... Мне Линда, жена, медик по образованию... Юля! Юленька! мышка моя! Какая Линда, с другой стороны? При чем тут Юленька? Ведь ты же – Гертруда! Не правда ли, ты из Голландии? Ну да, ну да, и я всегда подозревал – Гертруда!» [Терц, 2015, с. 160–161]. Схожая ситуация с исчезновением «подлинности» описана, когда герой понимает, насколько он зависим от фигуры отца: «Иногда – пугаюсь: настолько меня нет. Он меня вытесняет, замещает – поворотом спины, шеи, хождением по лестницам. Все – несамостоятельно. Теряюсь, исчезаю» [Терц, 2015, с. 183].

На страницах «Спокойной ночи» нашлось место Л.Н. Толстому, который даже наделен репликой: «Голос из космоса (Льва Толстого): – Перестаньте безобразить! На вас люди смотрят!..» [Терц, 2015, с. 258].

Текст строится таким образом, чтобы было затруднительно провести грань между фантастикой и реальностью. В главе «Отец» Синявский вы-

слушивает признание вернувшегося из тюрьмы отца: в лефортовском застенке в ходе экспериментов, проводимых учеными, отцу в мозг внедрено специальное устройство, позволяющее следить за ним на расстоянии, контролировать мысли. С одной стороны, это кажется галлюцинациями сломленного человека, с другой, вполне объяснимой технической наукой вещью. Синявский, как сам поясняет, допускает оба варианта [Терц, 2015, с. 239]. И герой так и не скажет отцу самого важного, того, что хотел сказать [Терц, 2015, с. 242].

Избегает А. Терц линейного, одномерного развития сюжета. «Время здесь движется не вперед, не назад, а снуёт челноком туда-сюда» [Гофман, 2011, с. 57]. Чтобы сохранить минимальную хронологию описываемых событий, следовало бы первые две главы и последние две главы поменять местами. Такое действие было бы оправданным потому, что в первые две главы сконцентрированы вокруг событий шестидесятых годов двадцатого века, а последние – вокруг событий сталинской эпохи.

В главах романа скрываются также три самостоятельных, имеющих собственные заголовки произведения. В первой главе «Перевертыши» - феерия, как определяет автор, «Зеркало» и текст под названием «Очки», во второй главе «Дом свиданий» - «Трактат о мышах и о нашем непонятном страхе перед мышами». Вставные тексты призваны разрушить одномерность восприятия романа. Характерно, что «Очки» впервые были опубликованы отдельно от романа как самостоятельное произведение [Терц, 1979, с. 31–41]. Конструкция «текст в тексте», по мнению Ю.М. Лотмана, располагает к игре в семантическом поле «реальность – фикция» [Лотман, 1992, с. 158–159].

Роман связан и с родо-видовой разноголосицей. Кроме драматической вставки («Зеркало»), эпических вставок («Очки», «Трактат о мышах и о нашем непонятном страхе перед мышами») есть и несколько лирических произведений, принадлежащих рассказчику, в главах пятой «Опасные связи» и шестой «Во чреве китовом» [Терц, 2015, с. 296, 366–367]. В шестой же главе помещены отрывки из поэтических опытов одного из персонажей, называемого в романе то С., то Сергей [Терц, 2015, с. 316, 318] (прототипом героя является С. Г. Хмельницкий, см. о нем содержательную статью [Windle, 1998]).

Наиболее действенным инструментом в борьбе за разрушение однозначного понимания про-

исходящего в романе является метаповествовательность, при которой происходит перенос внимания собственно с сюжетного материала на то, как это материал создается [Hutcheon, 1980; Waugh, 1984; Зусева-Озкан, 2014.].

При метаповествовательности пересекаются границы событий, о которых рассказывается, с событиями рассказывания, пересекаются границы «литературы» и «действительности». В «Спокойной ночи» объективируется отношение рядового читателя к такого рода пересечениям в эпизоде, когда попутчики по купе спрашивают Синявского о поводе для ареста, подозревая, что поводом были религиозные убеждения, но получают в ответ – посадили за литературу. Автор комментирует: «Литература оставалась для них [попутчиков] за семью печатями. При чем тут литература? Литературу изучают в школе, печатают в журналах... Все это не умещалось в сознании наших славных попутчиков, и они непритворно начали зевать по сторонам, как малые ребята, когда им долго рассказываешь о чем-нибудь отвлеченном. Все мы теряем внимание к заведомо нереальным вещам» [Терц, 2015, с. 36]. Литература представляется пассажирам чем-то несерьезным, более абстрактным явлением, чем религия.

Пересечение «литературы» и «действительности» заложено уже в самой начальной сюжетной ситуации. Литература вторгается в реальный мир через осуждение героя за публикацию произведения за границей. Даже допрос героя следователем строится вокруг вопросов литературы, например: «Он [следователь] *(проглядывая бумаги)*. Вы подтвердили, что, во-первых, осуждаете свое преждевременное клеветническое заявление о Чехове, призывающее к расправе над русской культурой. А во-вторых?.. Я. Неправда! Это – искажение! Я сказал... Он. Согласен! Я все допускаю, Андрей Донатович! Но не станете же вы отрицать, что где-то в глубине души... вы, мягко выражаясь, недооцениваете Чехова? Клянусь, об этом у нас имеются, вот в этом ящике стола, вполне проверенные, точные, сведения» [Терц, 2015, с. 66].

Литература способна выступать не только инструментом манипуляции во властных отношениях, но и быть фундаментом этих отношений. На девятнадцатом съезде КПСС в 1952 году, как утверждает рассказчик, секретарь ЦК КПСС Г.М. Маленков в докладе сделал «блистательный экскурс в художественную литературу» [Терц, 2015, с. 300], но «весь этот теоретический вклад у Маленкова был списан дословно из ветхой, заброшенной Литературной Энциклопедии» [Терц,

2015, с. 300].

Действительное течение событий в романе сопоставлено с теми или иными аспектами литературы. Подъем по лестнице сравнивается с перелистыванием страниц: «Кряхтя пересчитываю ступеньки, как залистанную книгу» [Терц, 2015, с. 182]. Специфика течения событий соотносится с тропом: «Действительность, как это бывает иногда, перебарщивала с гиперболами...» [Терц, 2015, с. 28]. Наконец весь лагерный мир уподобляется книге: «...и зона с ее фантомами составляет уже не среду, а если хотите, стиль и стимул еще не написанной книги. Ловлю себя на том, что здесь я, в общем-то, в собственной коже...нашедший себя наконец-то в произведении создатель» [Терц, 2015, с. 158].

Судебный процесс на Синявском сравнивается с романной структурой. На процессе Синявский не признал свою вину, власти не получили того, чего добивались, несмотря на обвинительный приговор: «...дело получило толчок, ход, благословение, огласку, бешеный успех и, не дойдя до покаяния, до кульминации, упало. Это как в романе, представьте. Ни с того ни с сего герой выходит из строя, вылезает из фабулы, из кровати, буквально, из объятий Прекрасной Дамы. И говорит: Я пойду пройду...» [Терц, 2015, с. 88–89].

«У меня с женой, если вам угодно, – индустриальный роман», – утверждает рассказчик [Терц, 2015, с. 111]. Видимо, жанровое уподобление связано с последующим за утверждением дополнением: «[Жена] Вытягивает, смотрю, тетрадь из рюкзака, целенькую, в клеточку, – и ну строчить. Мастерница!» [Терц, 2015, с. 111]. И герой, и его жена связаны сферой деятельности – связаны с писательством, с писанием.

Если «слово почтительнее вещи» [Терц, 2015, с. 85], то человек сам по себе может быть менее важен, чем его имя, чем набор букв: «О товарище Семичастном я в состоянии размышлять исключительно отвлеченно, по звукообразу имени, которое остановило меня с чисто графической стороны...» [Терц, 2015, с. 89]. Синявского задерживают на улице, сажают в автомобиль, чтобы везти на допрос, свою судьбу и себя самого рассказчик представляет в виде зачеркиваемого слова: «...сам я, Синявский, на ком одним этим росчерком и записываньем в машину ставился размашистый крест» [Терц, 2015, с. 25].

Мотив человек-слово оказывается очень важным для второй главы «Дом свиданий». В лагерном доме свиданий, где происходит встреча главного героя и его жены, ведется скрытое прослу-

шивание, все разговоры тайно записываются на магнитофонную ленту. Для того, чтобы сохранить разговоры в тайне, персонажи используют записки, но и от них можно отказаться и обмениваться жестами: «В сущности, все наше лицо и тело – это письмена. Нос, например. Или глаз. А не хватит названий, пальцы на что? Их ведь – десять. Считая на ногах – двадцать. Чем не букварь? И весь человек сплошное междометие! Все знаки препинания, вся азбука – в нас. Пишите не словами, не чернилами, пишите – мимикой. Как глухонемые» [Терц, 2015, с. 156].

Почти в самом начале романа читатель сталкивается с предупреждением: «Автор, по временам, волен отрешаться от фактов ради их более полного и могучего освещения, всякий раз, однако, специально оговаривая эти редкие вторжения творческой воли в естественный порядок вещей» [Терц, 2015, с. 18]. Автор словно бы стесняется проявлять своеволие, поэтому и оговаривает возможность собственного волеизъявления по отношению к изображаемым событиям.

Однако через несколько страниц ситуация меняется. Не действительность будет диктовать сюжет, а сюжет навязет происходящему свои законы. Об обстоятельствах суда сказано так: «[Абрам Терц] подсказал тогда, что все идет правильно, как надо, по замышленному сюжету, нуждающемуся в реализации, как случилось в литературе не раз, – в доведении до конца, до правды, всех этих сравнений, метафор, за которые автору, естественно, подобает платить головой...» [Терц, 2015, с. 25–26]. Не случайно об этих обстоятельствах напоминает фигура фикциональная – фигура Абрама Терца.

Большая часть «Спокойной ночи» представляет собой перволичное повествование, а рассказчик является главным героем и носит имя А. Д. Синявский. Время от времени в повествование вторгается голос того, чье имя стоит на обложке, голос Абрама Терца. При этом он не является действующим лицом в произведении, оставляя за собой право комментировать события.

Почти сразу же за приведенной цитатой следует диалог рассказчика и Терца, подтверждающий тезис о подчинении реальности литературе: ««Что ж ты из себя целку строишь? – неожиданно и как-то цинически спросил Абрам Терц. – Так им и надо! Пусть пируют! Любуйся! Ты к этому привык. Ты к этому стремился, готовился – как к последнему утолению в жизни. Сам накаркал: фантастика!..» «Да, да, – отвечал я в рассеянности, жадно высматривая, что творилось в зале, и от-

дергиваясь, как от ожога. – Да, правда, я писал... Но кто же думал, что это настолько реально?» [Терц, 2015, с. 27]. Судебное разбирательство строится по законам фантастических сюжетов произведений А. Д. Синявского.

В «Спокойной ночи» присутствует несколько фрагментов, которые не имеют отношения к сюжетному развитию, но посвящены размышлениям о создаваемой книге. Шесть фрагментов разной длины, от половины страницы до двух [Терц, 2015, с. 18, 32–33, 85–86, 158–159, 241–242, 338]. Эти фрагменты построены схожим образом. Какие черты являются инвариантными для всех фрагментов, по какой модели они построены?

Во всех фрагментах упоминается фигура автора: «Автор, по временам, волен отрешаться от фактов ради их более полного и могучего освещения...» [Терц, 2015, с. 18], «...заложено в его [повествования] характере, основанном на усилиях памяти привести героя и автора в осмысленное единство...» [Терц, 2015, с. 32], «[книга] пребывает где-то там, в состоянии спорады, надежды, в самой себе, в отдалении от автора» [Терц, 2015, с. 86], «...здесь я, в общем-то, в собственной коже. Не просто как человек, вжившийся в окружающий быт, но нашедший себя наконец-то в произведении создатель» [Терц, 2015, с. 158], «Поэтому самое важное, чтобы в книге, которую пишешь, была таинственность. Для автора, для тебя» [Терц, 2015, с. 242], «Застроить кое-как и, застройкой, создать пространство на бумаге. Достаточно. Чего еще ждать от прозаика?» [Терц, 2015, с. 338].

Всегда используются риторические вопросы о литературном труде: «...развитие во времени не столь уж обязательно. Разве каждый из нас, перебирая в душе прошлое, не скачет взад и вперед по измеренному отрезку, пытаюсь схватить глазами отпущенное человеку пространство сразу с нескольких точек еще движущейся жизни?» [Терц, 2015, с. 33], «Не было ни героев, ни образов, кроме этой мечты о книге, которая неизвестно зачем и с чего начнется, а если и начнется, то как ее, когда и каким еще карандашом написать?» [Терц, 2015, с. 85], «Как вы думаете – зачем я это пишу? Поделиться увиденным? пересказать переживания?...» [Терц, 2015, с. 159], «Не оторваться – смотреть и смотреть. Общение? С кем? С человеком? с читателями?» [Терц, 2015, с. 241], «Чего еще ждать от прозаика?» [Терц, 2015, с. 338].

Синявский в каждом фрагменте говорит о желании, жажде писательства: «Подобного рода *возвышенную попытку* [выделено мной – М. Е.]

осмыслить происходившее со мною я предпринял впоследствии в набросках к феерии «Зеркало»» [Терц, 2015, с. 18], «В жажде рассказать по порядку, год за годом, день за днем...» [Терц, 2015, с. 33], «И погрузиться в сладостный, тихий, движущийся мир прозы...» [Терц, 2015, с. 85], «[чувство греховности] оно сопутствует мысли, действительности и страстному, противоестественному поползновению писать...» [Терц, 2015, с. 159], «...в книге, которую пишешь, была таинственность. Для автора, для тебя. Она-то и побуждает, она-то и тянет уходить и тихо делать свое невидимое дело» [Терц, 2015, с. 242], «Художник не может, не должен быть снобом. Вечный труженик...» [Терц, 2015, с. 338].

Одним из частых элементов фрагментов является упоминание свободы: «Автор, по временам, волен отрешаться от фактов ради их более полного и могучего освещения...» [Терц, 2015, с. 18], «[книга полнится] до краев мечтами и образами замаячившей перед глазами, но все еще не знакомой, не использованной свободы» [Терц, 2015, с. 85–86], «...тогда все твое изобретательство, сочинительство, как бы оно ни называлось, само, непроизвольно, обрастает фабулой романа...» [Терц, 2015, с. 159], «...когда пишешь, нельзя думать. Нужно выключить себя. Когда пишешь – теряешься, плутаешь, но главное – забываешь себя и живешь, ни о чем не думая» [Терц, 2015, с. 241].

Регулярно упоминается связанная со свободой неясность, неоднородность повествования: «Нельзя постигнуть, мне кажется, исполинские законы тюрьмы без проекции этих стен в какие-то иные, театральные пружины и символы, в условные области сцены, заведомо нам недоступные как осязаемая реальность и существующие лишь в образе домыслов или авторских сновидений» [Терц, 2015, с. 18], «...Мое повествование, вижу, удаляется от меня прыжками кенгуру и возвращается вспять, падая к ногам, наподобие бумеранга» [Терц, 2015, с. 32], «Она [книга] полна неясных и неутоленных возможностей, она вправе быть и этой, и совсем другой, на себя не похожей, сама не зная, куда ее потянет канва, как повернется сюжет и лягут фразы, онавольна существовать бессвязно, необязательно» [Терц, 2015, с. 85], «Фабула, извиваясь, следует небрежно за его взвинченным плащом. Никуда не пришел, ничего не построил. Но достигнута искомая точка, начинающая с которой тебе становится интересно и весело» [Терц, 2015, с. 159], «...когда пишешь, нельзя думать. Нужно выключить себя. Когда пишешь –

теряешься, плутаешь, но главное – забываешь себя и живешь, ни о чем не думая» [Терц, 2015, с. 241], «Образ прозы соотносится с Лефортовским замком в виде паутины. Расставить сети. Перекинуть мосты-гамаки. Застроить кое-как и, застройкой, создать пространство на бумаге» [Терц, 2015, с. 338].

В самом начале романа рассказчик искал оправдания для «беспорядка» в повествовании: «Добавлю в оправдание, что в перескакивании с места на место по биографической канве мною руководили не пристрастие к занимательности и не природная склонность к естественному беспорядку, а, напротив, неутоленное желание писать как можно более точно, строго и рассудительно» [Терц, 2015, с. 33]. В финале эти же обстоятельства воспринимаются как сами собой разумеющиеся: «Когда пишешь, то волей-неволей включаешься в иную, пишушуюся уже действительность, идущую параллельно либо под углом, по касательной, от жизненного потока» [Терц, 2015, с. 338].

Большое место в указанных метаповествовательных фрагментах занимает акцентирование превращения действительности в роман: «[Книга,] останься такой, как есть, раздайся за эти стены, забудь обо мне, погоди, дай свыкнуться с мыслью, перевести дух, без усилий, без навязчивой привычки писать, сжался, ты же видишь, как слаб и не умею объяснить, чего ты хочешь, что ты устала на меня с укором, ...спаси меня, возьми меня с собой, унеси, книга!..» [Терц, 2015, с. 33], «...все твоё изобретательство, сочинительство, как бы оно ни называлось, само, произвольно, обрастает фабулой романа, равносильно жизни, любви, путешествиям в дальние страны» [Терц, 2015, с. 159], «Одно на уме: «время меня перевести на бумагу», – говорит лес и становится текстом. ...Единственное прибежище – текст. Не слишком густой, не очень реденький... Но хода назад, помни, назад из текста, не будет. ...И мы уходим в лес. Уходим в текст» [Терц, 2015, с. 241–242], «Ты [писатель] действуешь в ином измерении. И все, что с тобой происходит, и сон, и явь, и борьба не на жизнь, а на смерть, остаются, сколько ни прыгай, на уровне страницы. ...Но мы не в свитке, увь. Мы – в книге. Пора перелистнуть, разделить...» [Терц, 2015, с. 338].

Все указанные параметры могут быть отнесены не к какому-то абстрактному литературному произведению, а описывают устройство самого романа «Спокойной ночи», как отчасти было уже показано выше. Подтверждением того, что аспект

перетекания реальности в роман, аспект, разрушающий одномерное понимание, реализован в самом тексте «Спокойной ночи», может служить его сложная жанровая природа. А.Д. Синявский определял жанр «Спокойной ночи» то как роман, то как мемуары [Непомнящи, с. 329], т. е. то как фикциональный текст, то как текст, имеющий документальную природу (онтологический гибрид, по выражению Б. Холмгрена [Holmgren, 1991, с. 970]). Это согласуется с позицией А.Д. Синявского, озвученной в статье «Искусство и действительность»: «А что если искусство это и есть, по сути, единственная реальность? А так называемая действительность это уже сон или, если угодно, надстройка над искусством. И без искусства, вне искусства действительность сама по себе ничего не значит и ничего не стоит. Не было бы никакой действительности, если бы не было искусства» [Терц, 1978, с. 118–119] (об эссеистике А. Д. Синявского см. книгу Т.Э. Ратькиной [Ратькина, 2010]).

Учитывая все вышесказанное, каким образом должно представляться восприятие текста, построенного таким образом? Коммуникация с читателем в «Спокойной ночи» описана так: «Общение? С кем? С человеком? с читателями? Не верю. На любом слове поймают и докажут, что все не так. Я их знаю!» [Терц, 2015, с. 241]. Рассказчик сомневается в читательских интерпретационных возможностях.

Борьба за полисемию смысла находит свое выражение в приравнивании литературы к постоянному нарушению нормы: «Литература по своей природе – это инакомыслие (в широком смысле слова) по отношению к господствующей точке зрения на вещи. Всякий писатель – это инакомыслящий элемент в обществе людей, которые думают одинаково или, во всяком случае, согласованно» [Синявский, 1999, с. 400]. В романе «Спокойной ночи» писатель сравнивается с пауком [Терц, 2015, с. 338], плетущим сеть, змеем-искусителем [Терц, 2015, с. 159]. Получается, что повествователь принимает на себя руководящую роль в установлении смысловой полисемии.

Библиографический список

1. Бочаров С. Борьба Синявского как эстетический акт // Прогулки с Андреем Синявским. Москва : ООО «Центр книги Рудомино», 2011. С. 11–18.
2. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Анн-Арбор: Эрмитаж, 1982. 189 с.
3. Генис А. Правда дурака. Андрей Синявский // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. Москва : НЛО, 1999. С. 32–38.

4. Гофман Е. Бред и чудо. К вопросу о поэтике метаморфоз в творчестве и мировоззрении Андрея Синявского // Андрей Синявский – Абрам Терц: облик, образ, маска. Москва : ООО «Центр книги Рудомино», 2011. С. 56–65.

5. Еремин Д. Перевертыши // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. Москва : Книга, 1989. С. 21–27.

6. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. Москва : Интрада, 2014. 488 с.

7. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т.1. С. 148–160.

8. Непомнящи К. Т. Абрам Терц и поэтика преступления. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2003. 358 с.

9. Померанц Г. Диаспора и Абрашка Терц // Искусство кино. 1990. №2. С. 20–26.

10. Ратькина Т. Э. Никому не задолжав... Литературная критика и эссеистика А. Д. Синявского. Москва : Совпадение, 2010. 232 с.

11. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Терц А. (Синявский А.) Путешествие на Черную речку. Москва : Захаров, 1999. 479 с.

12. Терц А. (Синявский А. Д.) Спокойной ночи. Москва : АСТ, 2015. 413 с.

13. Терц А. Искусство и действительность // Синтаксис. 1978. №2. С. 111–119.

14. Терц А. Очки // Синтаксис. 1979. №5. С. 31–41.

15. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. Москва : Книга, 1989. 527 с.

16. Holmgren B. The Transfiguring of Context in the Work of Abram Terts // Slavic Review. 1991. Vol. 50, № 4. P. 965–977.

17. Hutcheon L. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox. London: Routledge, 1980. 176 p.

18. Matich O. Andrej Sinjavskij's Rebirth as Abram Terc // The Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33, № 1. P. 50–63.

19. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

20. Windle K. The Belly of the Whale Revisited: The History and Literature Surrounding a Character in Terts's «Spokoinoi nochi» // The Slavonic and East European Review. 1998. Vol. 76, №. 1. P. 1–27.

Reference List

1. Bocharov S. Bor'ba Sinjavskogo kak jesteticheskij akt = Sinyavsky's struggle as an aesthetic act // Progulki s Andreem Sinjavskim. Moskva : ООО «Centr knigi Rudomino», 2011. S. 11–18.

2. Vajl' P., Genis A. Sovremennaja russkaja proza = Modern Russian prose. Ann-Arbor: Jermitez, 1982. 189 s.

3. Genis A. Pravda duraka. Andrej Sinjavskij = True fool. Andrej Sinyavsky // Genis A. Ivan Petrovich umer. Stat'i i rassledovanija. Moskva : NLO, 1999. S. 32–38.

4. Gofman E. Bred i chudo. K voprosu o pojetike metamorfoz v tvorcestve i mirovozzrenii Andreja Sinjavskogo = Delirium and miracle. On the question of the poetics of metamorphosis in the work and worldview of Andrei Sinyavsky // Andrej Sinjavskij – Abram Terc: oblik, obraz, maska. Moskva : ООО «Centr knigi Rudomino», 2011. S. 56–65.

5. Eremin D. Perevertyschi = Shifters // Cena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinjavskogo i Danijelja. Moskva : Kniga, 1989. S. 21–27.

6. Zuseva-Ozkan V. B. Istoricheskaja pojetika metaromana = Historical poetics of the metaromaniac. Moskva : Intrada, 2014. 488 s.

7. Lotman Ju. M. Tekst v tekste = Text within text // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i. Tallinn: Aleksandra, 1992. T.1. S. 148–160.

8. Nepomnjashhi K. T. Abram Terc i pojetika prestuplenija = Abram Terts and the poetics of crime. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2003. 358 s.

9. Pomeranc G. Diaspora i Abrashka Terc = Diaspora and Abrashka Tertz // Iskusstvo kino. 1990. №2. S. 20–26.

10. Rat'kina T. Je. Nikomu ne zadolzjav... Literaturnaja kritika i jesseistika A. D. Sinjavskogo = Without owing anyone ... Literary criticism and essays by A. D. Sinyavsky. Moskva : Sovpadenie, 2010. 232 s.

11. Sinjavskij A. Dissidentstvo kak lichnyj opyt = Dissidence as a personal experience // Terc A. (Sinjavskij A.) Puteshestvie na Chernuju rechku. Moskva : Zaharov, 1999. 479 s.

12. Terc A. (Sinjavskij A. D.) Spokojnoj nochi = Good night. Moskva : AST, 2015. 413 s.

13. Terc A. Iskusstvo i dejstvitel'nost' = Art and reality // Sintaksis. 1978. №2. S. 111–119.

14. Terc A. Ochki = Glasses // Sintaksis. 1979. №5. S. 31–41.

15. Cena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinjavskogo i Danijelja = The price of the metaphor or Crime and Punishment of Sinjavsky and Daniel. Moskva : Kniga, 1989. 527 s.

16. Holmgren B. The Transfiguring of Context in the Work of Abram Terts // Slavic Review. 1991. Vol. 50, № 4. P. 965–977.

17. Hutcheon L. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox. London: Routledge, 1980. 176 p.

18. Matich O. Andrej Sinjavskij's Rebirth as Abram Terc // The Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33, № 1. P. 50–63.

19. Waugh P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London, New York: Routledge, 1984. 177 p.

20. Windle K. The Belly of the Whale Revisited: The History and Literature Surrounding a Character in Terts's «Spokoinoi nochi» // The Slavonic and East European Review. 1998. Vol. 76, №. 1. P. 1–27.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 811.11

О. А. Головачева

<https://orcid.org/0000-0003-4353-5796>

Этнокультурный ракурс очерка Н. С. Лескова «Из одного дорожного дневника» в русле парадигмы «свой – чужой»

Для цитирования: Головачева О. А. Этнокультурный ракурс очерка Н. С. Лескова «Из одного дорожного дневника» в русле парадигмы «свой – чужой» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 76–81. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-75-80

В статье рассматриваются актуальные для концептуальной картины мира, созданной великим мастером слова Н. С. Лесковым, оппозиции лексем парадигмы «свой-чужой». Используемые публицистом языковые средства изображения национального характера русских и других, в частности поляков, демонстрируют основные характерологические признаки как «своих», так и «чужих». Публицист в своих оценках убедительно объективен, что наглядно демонстрирует иллюстративный материал. Актуальность работы состоит в том, что исследуется малоизученное произведение, определяется авторская интенция, четко эксплицированная или требующая читательской «расшифровки», что характерно для текстов Н. С. Лескова. Функция лексических и фразеологических единиц в рамках корреляции «свой» / «чужой» в путевом очерке об иностранцах, учет многих составляющих, в т.ч. исторического плана, позволяют читателю самому сформировать свой взгляд на русскую и инородную ментальность, национальный характер как объективную данность, а также на специфику текста Н. С. Лескова. Материалом послужил очерк «Из одного дорожного дневника».

Ключевые слова: Н. С. Лесков, ранняя публицистика, путевой очерк, категория «свой-чужой», средства оценочности, семантика, моральные константы.

LINGUISTICS

Russian language

О. А. Golovacheva

Ethnocultural perspective of N. S. Leskov «From one travel diary» in line with the «own – alien» paradigm

The article examines the words that are relevant for the conceptual picture of the world, created by the great master. Leskov, opposition of lexemes of the paradigm «friend or foe». The linguistic means used by the publicist to depict the national character of Russians and others, in particular, Poles, demonstrate the main characterological features of both «ours» and «strangers». The publicist in his assessments is convincingly objective, which is clearly demonstrated by the illustrative material. The relevance of the work lies in the fact that the little-studied work is being investigated, the author's intention is determined, clearly explicated or requiring a reader's «decoding», which is typical for the texts of N. S. Leskov. The function of lexical and phraseological units within the framework of the «friend» / «alien» correlation in a travel essay about foreigners, taking into account many components, incl. historical plan, allow the reader to form his own view of the Russian and foreign mentality, national character as an objective given, as well as the specifics of the text of N. S. Leskov. The essay «From a travel diary» served as the material.

Key words: N.S. Leskov, early journalism, travel essay, «friend or foe» category, means of evaluativeness, semantics, moral constants.

Выдающийся русский писатель Н. С. Лесков начинал свою литературную деятельность как публицист в 60-е годы XIX века. Неравнодушного автора волновали проблемы развития своей страны, быта, здоровья женщин, образования детей, трудоустройства образованных молодых людей и многие другие [Головачева, 2015, 2016]. Уже ранние статьи Н. С. Лескова репрезентировали автора как мудрого человека, обстоятельного аналитика, утонченного стилиста. По наблюдению И. П. Видуэцкой, «публицистика не была чем-то случайным и преходящим в его творчестве. Он отдавал ей много времени и сил и в 60-е годы и в последующие десятилетия» [Видуэцкая, 1994, с. 13].

Многие типичные для Н. С. Лескова-беллетриста приемы были неоднократно использованы им в публицистических текстах. Так, форма путевого очерка, представленная в художественных произведениях «В тарантасе», «Воительница», «Разбойник», «Запечатленный ангел» и др., нашла отражение в одном из ярких публицистических очерков «Из одного дорожного дневника» (октябрь 1862 г.). Это детализировано представленные дорожные наблюдения одного из трех значительных по времени путешествий, совершенных русским литератором, который проявлял живой интерес как к новым местам, так и к людям, их работе, бытоустройству, отношению друг к другу...

В очерке «Из одного дорожного дневника» изображены западные территории России (Броды, Вильно, Корец, Пинск, Пружаны, Ровно и др.), показаны нравы, проблемы различных социальных, этнических, гендерных групп. Авторская позиция наблюдательного русского публициста эксплицирована четко, ярко, эмоционально и лингвистически изысканно. Андрей Николаевич Лесков, сын и биограф писателя, об этой корреспонденции отозвался так: «Более сочную и жизненно яркую хронику всей поездки, чем оставил ее нам Лесков, трудно себе представить» [Лесков, 1981, с. 147]. Мемуарист отметил также «живость и искренность» дорожного дневника, что составляет его «несомненную ценность». При всей филологической расцветченности, искрометности авторского юмора названный очерк был предметом специального исследования только Л. В. Алешиной в аспекте соотносительности документального и художественного [Алешина,

2012, URL: https://studylib.ru/doc/2243756/sintez-dokumental_nogo-i-hudozhestvennogo-v_].

В нашей работе рассматривается этнокультурный ракурс очерка в русле парадигмы ‘Свой – Чужой’, репрезентированной однословными и описательными единицами. С первых страниц текста литератор, фиксирующий каждый этап своего путешествия, показывает, что в купе поезда «Петербург – Вильно» собрались представители различных национальностей, о чем свидетельствуют их прощальные фразы, адресованные близким:

...когда вагон качнулся, и послышалось несколько прощальных возгласов: «adieu [Прощайте (Франц.)]; прощайте, do zobaczenia! [До свидания (Польск.)]» ...Господи! что же это за варварство! Французы говорили все вместе и каким-то образом понимали друг друга [Лесков, 1996, с. 6–7]. Иноязычные лексемы (*adieu, do zobaczenia*) указывают на присутствие в поезде пассажиров, для которых русский язык не является родным.

По мере своего продвижения на запад автор показывает, как меняется язык местного населения: *...начиная от Динабурга... прислуга на станциях уже говорит по-польски.* Безусловно, русскому человеку, путешествующему по территории своей страны, это доставляет определенные коммуникативные и моральные неудобства. Публицист не дает оценку такого рода языковым фактам, поскольку понимает, что результаты межнационального диалога были обусловлены историческими причинами [Belugina, 2018, p. 311–322].

Сельский народ по эту сторону Пины говорит совсем не так, как придорожные крестьяне от Гродна до Пинска. Там народ легче всего понимает польский разговор, а сам говорит каким-то испорченным и бедным польско-малороссийским наречием; здесь же, наоборот, редкий понимает по-польски, а каждый как нельзя более свободно понимает разговор великорусский, а сам между собою говорит на малороссийском языке с русицизмами, как, например, говорят частью в Севском, частью в Грайворонском уездах [Лесков, 1996, p. 42].

Однако в других контекстах авторская оценка показательно представлена посредством лексических единиц (*французский – русский*), форми-

рующих развернутую оппозицию *французское жестокосердие – озлобление русской публики*:

Ландварово. Господи! отпусти **французское жестокосердие**, устроившее эту станцию. Ни угла теплого, ни мебели, ни места присесть, словом, ничего. Двери с разбитыми стеклами или вовсе еще без стекол; пронзительный холодный ветер свищет по зале. ...Я теперь понимаю **озлобление русской публики** [Лесков, 1996, р. 52]. Отвлеченные субстантивы *жестокосердие – озлобление* связаны на уровне потенциальных сем: *жестокосердие* – «отсутствие чувства сострадания, жалости» [Толковый словарь русского языка Ушакова, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800006>] – может проявляться только по отношению к живому (человеку, животному) и вызывать ответную реакцию, в частности, *озлобление* – «состояние крайнего раздражения, озлобленность» [Толковый словарь Ожегова, URL: <https://www.vedu.ru/expdic/19860/>]. Здесь позиция автора, солидарного с мнением соотечественников, однозначно выражена через конструкцию *я понимаю*, отражающую сложившееся веками национальное мироощущение, которое не позволило бы русским людям так пренебрежительно относиться к гостям города, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Исходя из того, что цель публицистических произведений – привлечь внимание общественности к тем или иным проблемным вопросам своего времени [Леденева, 2019а, 2019б], авторская позиция может быть представлена по-разному, в частности, в язвительно-саркастическом регистре, что характерно для текстов Н. С. Лескова.

Забыл сказать, что в виленском амбаркадере я видел несколько экземпляров бларамберговской креатуры в самом печальном настроении. Бедняжки жалуются на сокращение штатов и на покушение удалить тех из них, которые не понимают ни по-русски, ни по-польски. Какая несправедливость! И эти русские и литвины не позаботятся изучить французский язык, чтобы спасти остатки полчищ, приведенных в Россию рыцарем Бларамбергом! Истинное варварство!.. А пора попустить этих господ с рук, и очень пора: скверно распорядиться мы и сами умеем, и берем за это гораздо дешевле [Лесков, 1996, р. 68].

В данном контексте оппозиция ‘Свой – Чужой’ вербализирована оценочными лексемами *варварство* – «невежественное отношение к культурным ценностям» [Толковый словарь,

URL: <http://tolkslovar.ru/v652.html>]; *скверно* – «очень плохо, неприятно, дурно» [Толковый словарь, URL: <http://tolkslovar.ru/v652.html>], *креатура* – «(книжн. пренебр.) чей-н. ставленник» [Толковый словарь Ожегова, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/91758>], а также устойчивым оборотом речи *спускать с рук*, одно из значений которого, – «прост. Избавляться от чего-либо ненужного, обременительного» [Словари и энциклопедии на Академике. Фразеология, URL: <https://phraseology.academic.ru/12146/>].

Как уничтожительно-пренебрежительное употреблено существительное *бедняжка* – «кто заслуживает сострадания, сочувствия; несчастный (о человеке или животном)» [Толковый словарь Ожегова, URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/10786>] – в значении, прямо противоположном узуальному, что меняет и оценочный вектор деминутива. На изменение семантики лексической единицы в лесковском контексте как на «демонстрацию авторской интенции» указывала и В. В. Леденева [Леденева, 2015, с. 26].

Посредством названных выше единиц Н. С. Лесков аттестует как «своих», так и «чужих» бездельников-временщиков (*и эти русские и литвины*), которые оказываются для общества одинаково не нужными. Публицист убедительно объективен: он не разграничивает национальные черты русских и других народов, если эти проявления тождественны, что согласуется с наблюдением Л. А. Аннинского, который считал, что Лесков был «органично интернационален» [Аннинский, 1988, с. 315]. Однако в ряде других контекстов продемонстрирована противоположность, граничащая с несовместимостью, русских и европейских, в частности, польских моральных констант. Так, посредством одной ремарки (польск.) Н. С. Лесков показательно демонстрирует этнотип поляков, типичными чертами которого выступают недовольство и кичливость:

Przepraszam! [– Извините! (Польск.)] – говорит дама, проходя мимо наших ног. Мы поднялись и дали место. Уселись, поезд тронулся.

– Вы, верно, не издалека? – спрашивает офицер новую сопутницу.

– Со? [– Что? (Польск.)]

– Вы не дальние? здешние?

– Со? – опять повторяет дама, надвинув брови и поправляя галстучек на ребенке.

Офицер повторил свой вопрос в третий раз.

– *Ja nic nie rozumiem*, [Я ничего не понимаю (Польск.)] – ответила дама тоном, не допускающим дальнейшего разговора, и, посадив ребенка к себе на колени, обернулась к окну [Лесков, 1996, р. 112].

Разговаривающая по-польски женщина, которой русские уступили место в купе, не желая проявлять по отношению к ним элементарную учтивость, по-польски отвечает, что не понимает их.

Пренебрежительное отношение к русским солдатам демонстрирует русским же путешественникам польский мельник:

Я в жизнь мою не видал ничего менее похожего на муку, назначаемую для человеческого питания. «Rowno popiol» (все равно что зола), – сказал мельник, поднося на лопатке к окну серую пыль, которую будут раздавать под именем муки. «Russki soldat wszystko jada» (русский солдат все ест), – добавил он, видя наше изумление при взгляде на такой материал. [Лесков, 1996, р. 134].

Неоднословные единицы пейоративного диапазона *Rowno popiol*, *Russki soldat wszystko jada*, представленные публицистом как цитируемые, а также словосочетания *серая пыль*, *...менее похожее на муку* репрезентируют характерные для поляков морально-нравственные качества негативного спектра. Состояние русских, пораженных прагматикой отношения к жизни поляков, представлено посредством лексемы *изумление* – «крайнее удивление, т.е. состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-л., поражающее неожиданностью, странностью» [Толковый словарь. URL: <http://tolkslovar.ru/u862.html>].

Н. С. Лесков, как правило, категорично и емко называющий всякое проявление, с которым сталкивается, здесь создает иллюзию вербального затруднения с номинированием, что эксплицировано выражениями *для человеческого питания, такой материал*, тем самым публицист предоставляет возможность читателю самому оценить действия поляков.

По мнению Ю. С. Степанова, определяющим национальным признаком выступает этнический стереотип поведения, который детерминирует самосознание личности в парадигме ‘Свой – Чужой’: «Принцип «Свой» – «Чужие» разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы... религиозные секты, сексуальные меньшинства и т.д. И уже вполне концептуально и концептуализированно он отличает «свой народ» от «не своего», «другого», «чужого» [Степанов, 2004, с. 126]. Наблюдение Ю. С. Степанова выпукло

иллюстрируют фрагменты лесковского очерка «Из одного дорожного дневника»:

Польское происхождение и католичество в их (поляков) глазах – какая-то особенная заслуга, с которой они носятся, как дураки с писанною торбою, тыкая ее в глаза всем и отмахиваясь ею от зловредного смешения с самарянами [Лесков, 1996, р. 80].

Наряду с лексикой мелиоративного регистра (*особенная, заслуга*), единицами с потенциальной положительной оценочностью (*католичество*) в контексте наличествует просторечный фразеологизм с пренебрежительной коннотацией *носиться как дурак с писанною торбою* – «уделять слишком много внимания тому, кто (или что) такого внимания не заслуживает; переоценивать кого-либо, что-либо» [Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov/>].

В семантике устойчивой единицы имеют место компоненты избыточности, чрезмерности: ‘слишком’, ‘пере(оценивать)’, усиленные автором формой множественного числа субстантива *дурак*. Расширенный контекст демонстрирует справедливость такой квалификации поляков русским публицистом:

Гг. NN оставляют заезжего гостя в своем доме без пицци только потому, что он не поляк; г-жа ХХ отказывает евреям своего местечка в лекарстве, говоря, что «вы нашего Христа распяли». ...даже некоторые поэты польского происхождения не понимают, какая мерзость может из всего этого вырасти, и бряцают нелепые вещи на своих лирах, в полном убеждении, что они Орфеи sui generis (своего рода).

В павлиньих перьях сидят эти ночные птахи и как голуби воркуют; но не любить, а ненавидеть – их девиз. От ненависти они ожидают того, что может дать любовь. [Лесков, 1996, р. 113].

Очевидно, что для русского этносознания подобные проявления неприемлемы, т.к. «в основе фундаментальной составляющей русской жизни – любовь Господа к чадам своим и любовь человека к своему Отцу Небесному. На этой матрице базируются все элементы русской самобытности, линии естественной, цивилизационной, культурной и лингвокультурной параметризации (в отношении к миру, к себе, к обществу)» [Головачева, 2017, с. 23]. Авторская оценка польского национального характера определена посредством фразеологизма *ворона в павлиньих*

перьях – «о выскочках, которые желали любыми методами попасть в высшее общество» [Фразеологизмы – толкование, иллюстрации: сайт. URL: <http://frazbook.ru/2010/10/25/vorona-v-pavlinix-peryax-2/>] – в структуре которого отсутствует начальный компонент, что, создавая эффект эвфемизации, тем не менее, не лишает единицу узнаваемости и коннотации.

Таким образом, однословные и неоднословные лексические единицы, устойчивые обороты, использованные русским литератором Н. С. Лесковым в публицистическом очерке «Из одного дорожного дневника», выпукло демонстрируют национальные особенности проявления оппозиции ‘Свой – Чужой’, отражают объективную авторскую оценку действиям соотечественников и иностранцев.

Библиографический список

1. Алешина Л. В. Синтез документального и художественного в путевых очерках Н. С. Лескова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2 (46). С. 110–114. URL: https://studylib.ru/doc/2243756/sintez-dokumental._nogo-i-hudozhestvennogo-v (дата обращения: 12.09.2020).

2. Аннинский Л. А. Три еретика: Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. Москва : Книга, 1988. 352 с.

3. Видуэцкая И. П. Творчество Н. С. Лескова в контексте русской литературы XIX века. Москва, 1994. 25 с.

4. Фразеологизмы – толкование, иллюстрации. URL: <http://frazbook.ru/2010/10/25/vorona-v-pavlinix-peryax-2/> (дата обращения: 20.08.2020).

5. Головачева О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века). Смоленск, 2017. 538 с.

6. Головачева О. А. Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н. С. Лескова «Русское общество в Париже» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 236–242.

7. Головачева О. А. Языковые оценочные средства в статьях Н. С. Лескова о полицейских врачах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 7 (102). С. 154–159.

8. Леденёва В. В. Об использовании единиц эмоциональной лексики с семантикой недоброе, недружелюбное в русском языке – 2019 : сборник трудов международной научной конференции, посвященной памяти профессора П. А. Леканта. 2019а. С. 210–212.

9. Леденёва В. В. Предикатный «конвой» в персональной зоне повести «Островитяне» Н. С. Лескова // Русский язык и славянская межкультурная коммуникация : сборник научных трудов по итогам Междуна-

родной научной конференции, посвященной памяти д.филол.н., профессора К. А. Войловой. 2019б. С. 128–134.

10. Леденёва В. В. Слово Лескова : монография. Москва : ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.

11. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. Тула : Приокское книжное издательство, 1981. 646 с.

12. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 3. Москва : Терра, 1996. 799 с.

13. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/> 20.08.2020).

14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва : Академический проект, 2004. 992 с.

15. Толковый словарь. URL: <http://tolkslovar.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).

16. Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800006> (дата обращения: 20.08.2020).

17. Фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Фёдорова. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov/> (дата обращения: 20.08.2020).

18. Словари и энциклопедии на Академике. Фразеология URL: <https://phraseology.academic.ru/12146/> (дата обращения: 20.08.2020).

19. Belugina O. Research into the problem of classifying mythological stories according to character-based and oppositional principles / O. Belugina; S. Starodubets; O. Golovacheva, S. Kurkina // X Linguae European Scientific Language Journal, Volume 11 Issue 1, January 2018. p. 311–322.

Reference List

1. Aleshina L. V. Sintez dokumental'nogo i hudozhestvennogo v putevyh ocherkah N.S. Leskova = The synthesis of documentary and artistic in travel essays of N.S. Leskov // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2 (46). S. 110–114. URL: https://studylib.ru/doc/2243756/sintez-dokumental._nogo-i-hudozhestvennogo-v (data obrashhenija: 12.09.2020).

2. Anninskij L. A. Tri eretika: Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove Three heretics: Novellas about A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov. Moskva : Kniga, 1988. 352 s.

3. Vidujeckaja I. P. Tvorcestvo N. S. Leskova v kontekste russkoj literatury XIX veka = N.S. Creative years in the context of Russian literature. Moskva, 1994. 25 s.

4. Frazеologizmy – tolkovanie, illjustracii = Phraseologisms – explanation, illustration. URL: <http://frazbook.ru/2010/10/25/vorona-v-pavlinix-peryax-2/> (data obrashhenija: 20.08.2020).

5. Golovacheva O. A. Pragmatiko-stilisticheskij potencial slova N.S. Leskova (jazyk publicistiki 60-h godov XIX veka) = Pragmatico-stylistic potential of N.S. Leskov's word. Smolensk, 2017. 538 s.

6. Golovacheva O. A. Ustojchivye edinicy kak idiosilevye markery v cikle ocherkov N. S. Leskova «Russkoe obshhestvo v Parizhe» = Idioms as idiosylistic markers in the cycle of N. S. Leskov's essays // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (27). S. 236–242.
7. Golovacheva O. A. Jazykovye ocenochnye sredstva v stat'jah N.S. Leskova o policejskih vrachah = Language appraisal means in N.S. Leskov's articles about police doctors // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 7 (102). S. 154–159.
8. Ledenjova V. V. Ob ispol'zovanii edinic jemocional'noj leksiki s semantikoj nedobroe, nedruzhestvennoe otnoshenie // About the usage of emotional words with the semantics of unkind, unfriendly attitude Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke – 2019 : sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati professora P.A. Lekanta. 2019a. S. 210–212.
9. Ledenjova V. V. Predikatnyj «konvoj» v personazhnoj zone povesti «Ostrovitjane» N.S. Leskova = Predicate «convoy» in personage zone of the work «Islanders» // Russkij jazyk i slavjanskaja mezhkul'turnaja kommunikacija : sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati d.filol.n., professora K.A. Vojlovoj. 2019b. S. 128–134.
10. Ledenjova V. V. Slovo Leskova = Leskov's word : monografija. Moskva : IJU MGOU, 2015. 260 s.
11. Leskov A. N. Zhizn' Nikolaja Leskova po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam = Nikolay Leskov's life according to his personal, family and nonfamily notes and memories. Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 646 s.
12. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. Tom 3 = Complete collection of works: in 30 t. : T. 3. Moskva : Terra, 1996. 799 s.
13. Tolkovyj slovar' Ozhegova. 1949–1992 = Ozhegov's thesaurus. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/> (20.08.2020).
14. Stepanov Ju. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury = Constants: Russian culture dictionary. Moskva : Akademicheskij proekt, 2004. 992 s.
15. Tolkovyj slovar' = Thesaurus. URL: <http://tolkslovar.ru/> (data obrashhenija: 20.08.2020).
16. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka Ushakova = Ushakov's Russian language thesaurus. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/800006> (data obrashhenija: 20.08.2020).
17. Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka A. I. Fjodorova = A. I. Fyodorov's phraseological Russian literature language dictionary. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov/> (data obrashhenija: 20.08.2020).
18. Slovare i jenciklopedii na Akademike. Frazеologija = Dictionaries and encyclopedias in Akademik. Phraseology. URL: <https://phraseology.academic.ru/12146/> (data obrashhenija: 20.08.2020).
19. Belugina O. Research into the problem of classifying mythological stories according to character-based and oppositional principles // X Linguae European Scientific Language Journal, Volume 11 Issue 1, January 2018. r. 311–322.

УДК 811.161.1

Н. П. Галкина

<https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса

Для цитирования: Галкина Н. П. Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 82–89.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-81-88

Данное исследование посвящено роли слова *ведь* в оформлении подчинительной синтаксической связи между предложениями. Работа проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчиненных предложений в произведениях книжного стиля – научного и публицистического. Слово *ведь* обладает разнообразием оттенков значений, характеризуется полифункциональностью и синтаксической вариативностью. Большинство грамматических описаний квалифицирует его и как частицу, и как союз. Учитывая многозначность и разнообразие применения слова *ведь*, современные исследователи, занимающиеся изучением дискурса, относят его в разряд дискурсивных слов или дискурсивов. Отмечено, что полисемия и синтаксическая вариативность современного слова *ведь* – результат его исторического происхождения и развития. В качестве способа конкретизации отношений, маркируемых скрепой *ведь*, предлагается метод толкования исходя из этимологически заложенного значения этого слова и его трансформации. По наблюдениям на материале публицистики *ведь* часто выступает в роли скрепы причинных конструкций как внутри сложного предложения, так и между отдельными, семантически связанными предложениями. В отдельных случаях наблюдается совмещение причинного и условного значений. Кроме того, в сочетании *ведь* с противительными союзами *а, но* проявляется сема уступительности. Результаты наблюдений иллюстрируются примерами из материалов публицистики с последующим их анализом. Показано, что замена *ведь* на категориальные причинные, условные, уступительные союзы подтверждает соответствующие отношения, однако не может обеспечить полное раскрытие смысла высказывания, так как при такой трансформации теряется сема присутствия, соучастия, оценки автора, наблюдаемая в оригинальных высказываниях. Можно говорить о стилистической маркированности подобных конструкций, которые способствуют реализации оценочной и воздействующей функциям публицистического стиля.

В других случаях слово *ведь* выступает в роли частицы, способствуя актуализации высказывания как чего-то известного, очевидного, целесообразного. Хотя причинно-следственная связь в таких построениях присутствует, связующая функция слова *ведь* в них не является первостепенной. Таким образом, полифункциональность многозначного слова *ведь* обеспечивает вариативность его употребления авторами и неоднозначный подход к его лингвистическому описанию.

Ключевые слова: союз, частица, дискурсив, смысловой оттенок, отношения обусловленности, полисемия.

N. P. Galkina

Syntactic and semantic syncretism of the word *ведь* at the level of hypotaxis

The paper is devoted to the role of the word *ведь* in the organization of a subordinate syntactic connection between sentences. The work is carried out within the study of the expression of relations of conditioning through complex sentences in works of the book style – scientific and publicistic. The word *ведь* has a variety of shades of meaning, it features polyfunctionality and syntactic variability. Most grammatical descriptions qualify it as both a particle and a conjunction. Given the polysemy and variety of uses of this word, modern researchers who study discourse classify it as a discursive word/discourse marker. It is noted that polysemy and syntactic variability of the modern word *ведь* result from its historical origin and development. The method of interpretation based on the etymologically inherent meaning of this word and transformation method are proposed as a way to concretize relations marked by this linking device. According to observations on the material of journalism *ведь* often acts as a linking word for causal constructions both within a complex sentence and between separate, semantically related sentences. In certain cases, there is a combination of causal and conventional meanings. In addition, the combination of *ведь* with adversative conjunctions *a, no* adds the seme of concession. The observation results are illustrated with examples from journalism materials with their subsequent analysis. It is shown that replacing *ведь* with categorical causal, conditional, concessive conjunctions confirms the corresponding relationships, however, it cannot provide a full disclosure of the meaning of the statement,

since with such a transformation the sense of presence, complicity, and the author's assessment observed in the original statements is lost. One should say about the stylistic marking of the structures under study, which contribute to the implementation of the evaluative and influencing function of the journalistic style.

In other cases, the word *ведь* acts as a particle, contributing to the actualization of the utterance as something known, obviously expedient. Although there is a causal relationship in such constructions, the connecting function is not paramount there. Thus, the polyfunctionality of a polysemantic word *ведь* ensures the variability of its use by the authors and a multidimensional approach to its linguistic description.

Keywords: conjunction, particle, discourse marker, shade of meaning, relations of conditioning, polysemy.

Введение

О русском слове *ведь* написано много работ, и как говорит академик В. А. Плуноян, «я не удивился бы, если бы узнал, что существует и какая-нибудь толстая монография или целая диссертация» [Плуноян]. Это ёмкое слово, обладая разнообразием оттенков значений, характеризуется полифункциональностью и синтаксической вариативностью. В этом смысле оно настолько многогранно, что заслуживает детального изучения с учетом различных аспектов: в диахронии и синхронии, в семантическом, функциональном, прагматическом, стилистическом аспектах, в дискурсивных и типологических описаниях. Данное исследование посвящено роли слова *ведь* в организации /оформлении подчинительной синтаксической связи между предложениями. Работа проводится в рамках изучения выражения отношений обусловленности посредством сложноподчиненных предложений (далее СПП) в произведениях книжного стиля – научном и публицистическом. Объединённая общим признаком биситуативной зависимости, категория обусловленности включает предложения с придаточными условиями, причины, цели, уступки и следствия. М. В. Ляпон рассматривает каузальность (причинность) как обусловленность в чистом виде, «освобожденная от альтернативы» [Ляпон, 1986, с. 168]. С. И. Дружинина считает значение причины ядром семантики обусловленности [Дружинина]. Представления об общности указанных значений прослеживались в грамматической литературе и раньше. Так, например, у И. И. Давыдова причинные (винословные), условные, уступительные и целевые придаточные объединены в группу «причинных» [Цит. по: Евтюхин, 1997, с. 148–151]. Ф. И. Буслаев объединял причинные и условные союзы в общую группу винословных [Буслаев, 1881, с. 91].

Семантическая близость отношений обусловленности проявляется и в функционировании служебного слова *ведь*, которое может указывать на различные оттенки значения данной катего-

рии. См., например, пояснения из толковых словарей: 1) *союз разг.* употр. при присоединении предложения, в котором указывается причина или обоснование предыдущего высказывания; 2) *союз разг.* указывает на утверждение, из которого в дальнейшем делается вывод; 3) *союз разг.* употр. при выражении уступительности, соответствует по значению сл.: «хотя», «несмотря на то что»; 4) *союз разг.* употр. при выражении предположительного или возможного условия [БТС, с. 115; Ефремова, 2000, с. 154; МАС, 1999; Ожегов, Шведова, 2006, с. 70; ТСРЯ, с. 239].

Этимология слова *ведь* отправляет нас к древнерусскому, старославянскому, праславянскому и древнеиндийскому языкам. «Др.-русс., ст.-слав. *вѣдѣ* является старым индоевропейским перфектом ср. лат. *vidē*, др.-инд. *Vēda* и др. Из знач. «я видел» развилось знач. «я знаю» [Фасмер]. См., также: [Крылов, 2005; Шанский, Боброва]. По описанию П. С. Кузнецова, *вѣдѣ* – «простая форма перфекта, унаследованного праславянским языком от более раннего времени», который означает состояние в настоящем, являющееся результатом совершенного в прошлом действия: «я узнал и (в результате этого, теперь) знаю» [Борковский, Кузнецов, 1965, с. 275]. Этимологические описания приводят родственные слова в греческом, готском, древнепрусском и славянских языках со значением ‘ведь, все-таки, однако’ и родственное древнерусское *вѣдѣ* – ‘знание, колдовство’ [Виноградов; Фасмер]. И. И. Срезневский отмечает, что примерно в XVI в. в старорусском языке употребляется *вѣдѣ* – частица со значением ‘же’ и *вѣдѣ* – противительный союз со значением ‘а’ [Срезневский, 1893, с. 479]. Таким образом, полисемия и синтаксическая вариативность современного слова *ведь* – результат его исторического происхождения и развития.

Большинство современных грамматических описаний отмечает синтаксический синкретизм

слова *ведь*, квалифицируя его и как частицу, и как союз [Ефремова, 2000, с. 154; МАС; Объяснительный словарь..., 2003, с. 52; Ожегов, Шведова, 2006, с. 70]. «Русская грамматика» трактует его как союз-частица / союзная частица (с пометой *разг.*) [РГ, 1980, с. 578; с. 583]. А. Б. Шапиро излагает обстоятельное разъяснение, почему *ведь* «хотя и близко в какой-то мере к союзу, все же должно рассматриваться не как союз, а как частица» [Шапиро, 1953, с. 245–248]. По нашим наблюдениям на материале публицистики *ведь* часто выступает в роли скрепы причинных конструкций как внутри сложного предложения, так и между отдельными, семантически связанными предложениями [Галкина, 2020]. Рассмотрим примеры, в которых связующая функция *ведь* проявляется наиболее отчетливо – когда оно соединяет две предикативные единицы внутри сложного предложения. В качестве способа конкретизации отношений, маркируемых скрепой *ведь*, предлагаем метод толкования исходя из этимологически заложенного значения этого слова и его трансформацию. В этом смысле показательным является попытка контекстного объяснения значения слова *ведь*: «Вот русское предложение: «Ты ведь туда уже ходил» – попробуйте перевести его на какой-то другой язык или объяснить иностранцу, что оно значит. Если очень грубо, то получится: «Ты знаешь, и я знаю, что ты туда ходил, но, наверное, ты об этом забыл, и я хочу тебе напомнить об этом, при этом я удивляюсь, потому что я считаю, что ты об этом должен бы был помнить» [Плунгян]. Примеры:

1) *Важно публично общаться и обмениваться хорошими идеями, ведь за ними следуют хорошие дела* [Ванденко]. Толкование: Всем известно/как правило, за хорошими идеями следуют хорошие дела. Это надо учитывать, и поэтому важно общаться и обмениваться хорошими идеями. Смысл сказанного в основном сохраняется при замене *ведь* на причинные союзы *ибо, так как, поскольку*. Ср., например: *Важно публично общаться и обмениваться хорошими идеями, ибо за ними следуют хорошие дела.*

2) (...) *я чуть не изменил своим любимцам. Но не сделал этого, ведь у них играл Джо Ди Маджио* [Познер, 2012, с. 76]. Смысл: Так сложились обстоятельства, что я уже готов был изменить своим любимцам, но я знал, что у них играл Джо Ди Маджио, а вы знаете, насколько это значимая фигура. Поэтому я не посмел изменить им. Здесь также допустима трансформация с причинными союзами *поскольку, потому что, из-за того что.*

Ср., например: *Я чуть не изменил своим любимцам. Но не сделал этого, поскольку у них играл Джо Ди Маджио.*

3) *Семья – это то, что помогает нам быть уверенным в завтрашнем дне, ведь любовь – это главная эмоция, помогающая каждому человеку ощущать счастье* [Васина]. Смысл: Всем известно, что любовь помогает человеку ощущать счастье, поэтому семья – это то, что помогает нам быть уверенным в завтрашнем дне. Трансформация: *Семья – это то, что помогает нам быть уверенным в завтрашнем дне, потому что (поскольку/ благодаря тому что) любовь – это главная эмоция, помогающая каждому человеку ощущать счастье.*

4) *Так проще было найти работу, ведь многие не знали язык* [Махонина]. Трансформация: *Так проще было найти работу, так как многие не знали язык.*

Иногда предложение, вводимое словом *ведь*, обособляется тире или двоеточием, что указывает на добавочность, пояснительный характер выражаемой в нем информации. При этом сохраняются отношения причинного обоснования. См., например: 1) *Конечно, при таком положении они не будут считаться с людьми – ведь все равно будут командовать, не там, так тут* [Углов]. 2) *Они знают, что оправдать свою бездеятельность было нетрудно: ведь всему виной была злосчастна я эпоха* [Новый мир, 1960а, с. 253].

Скобки и интерпозиция придаточного подчеркивают побочный, присоединительный оттенок обоснования: *Это был совершенно конкретный способ учиться как арифметике (ведь надо было вести книги учета), так и обслуживанию клиента* [Познер, 2012, с. 66]. Здесь уместно привести разъяснение слова *ведь* в «Объяснительном словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина: «Союз: употребляется для присоединения придаточной части, которая, имея обычно характер добавочного примечания, указывает на непосредственную причину, основание, аргументацию, доказательство и т.п.» [Объяснительный словарь..., 2003, с. 52].

Следующие примеры иллюстрируют связующую функцию *ведь* при расположении придаточного в препозиции. *Ведь* вводит утверждение, из которого в дальнейшем делается вывод. См., например:

1) *Ведь дураку-руководителю лень самому читать, учиться, разбираться в вопросах, так кому же такому дураку и довериться, как не*

ученым? [Мухин, с. 96]. Данное предложение оформлено скрепой: *Ведь ... так....*, что может быть синонимично паре: *Поскольку/Так как, то...* Но при трансформации предложение утрачивает эмоциональный, просторечный фон, свойственный авторскому стилю высказывания, появляется стилистическая неоднородность. Ср., например: *Так как дураку-руководителю лень самому читать, учиться, разбираться в вопросах, то кому же такому дураку и довериться, как не ученым?* Здесь также прослеживается условная семантика первого предложения, вводимого словом *ведь*, из которого в дальнейшем делается вывод (см. пояснения 2, 4, приведенные выше из толковых словарей). Ср. при трансформации: *Если дураку-руководителю лень самому читать, учиться, разбираться в вопросах, так кому же такому дураку и довериться, как не ученым?*

2) *Ведь* болезнь у него известная, – что ж его еще после смерти терзать? [Вересаев, 2010, с. 18]. В семантике данного предложения, также присутствует авторский эмоционально-оценочный элемент, создаваемый словом *ведь*, которое органично вписывается в структуру всего высказывания. Смысл: стоит ли об этом говорить, всем и так известна его болезнь, зачем же его еще после смерти терзать? При замене *ведь* более однозначным и нейтральным причинным союзом коннотативное значение авторской оценки, (авторского ‘я’) теряется. Ср., например: *Поскольку болезнь у него известная, – что ж его еще после смерти терзать?*

Рассмотрим конструкцию с *ведь*, в которой сначала вводится утверждение, а в следующем предложении делается вывод, на что прямо указывает вводное слово *следовательно*: *Ведь люди привыкли находить в поэзии правду переживаний, сквозь которые виден человек, идущий к цели. Следовательно, речь должна идти не о личности вообще, а о личности передовой* [Новый мир, 1960б, с. 205]. Предложения представляют собой звенья в цепи рассуждений. Слово *ведь* здесь выступает в роли частицы, которая способствует актуализации исходного высказывания как чего-то известного, очевидного целесообразного. И хотя причинно-следственная связь в данном построении присутствует, связующая функция *ведь* здесь не является первостепенной. Синонимичная конструкция образуется при замене частицей (как-никак, все-таки, как ни говорите, как бы то ни было) [Словарь русских синонимов], а не причинным союзом. Ср.: *Всё-таки люди привыкли*

находить в поэзии правду переживаний, сквозь которые виден человек, идущий к цели. Следовательно, речь должна идти не о личности вообще, а о личности передовой.

Следующие примеры структурно представляют собой два отдельных предложения, но между ними существует тесная семантическая (причинно-следственная) и синтаксическая (посредством *ведь*) связь. 1) *И в самом деле я был идиотом. Ведь в последний раз я видел Мэри будучи подростком – я помнил молодую, обаятельную, красивую женщину, (и Мэри, перешагнувшая уже семидесятилетний рубеж, хотела остаться в моей памяти только такой)* [Познер, 2012, с. 81]. 2) *Не позволяет полученное в гарвардах экономическое образование. Ведь согласно доктрине рыночного фундаментализма, задача Центробанка – таргетировать инфляцию* [Семенов, с. 25]. Первые (главные) предложения в приведенных конструкциях обладают смысловой незавершенностью, требуют обоснования. После них так и напрашивается вопрос: *Почему?* Ответ на него и содержится в последующем предложении. Данные примеры иллюстрируют способность слова *ведь* маркировать обоснование/мотивирующее пояснение как содержания главной части (Пример 1), так и более широкого контекста (Пример 2). О такой способности *ведь* в функции союза говорится, например, в «Русской грамматике» [РГ, 1980, с. 583], «Объяснительном словаре русского языка» [Объяснительный словарь..., 2003, с. 52].

В следующем построении, также оформленном как два отдельных предложения, причинно-следственная связь между предложениями прямо маркируется словом «причина»: *Но не в этом ли и причина множества неудач? Ведь легкость эта только кажущаяся* [Новый мир, 1960б, с. 209].

Рассмотрим примеры, которые иллюстрируют расширение семантического потенциала слова *ведь* в роли союзной скрепы. В приведенных выше примерах мы уже отмечали совмещение/синкретизм причинного и условного значений в рамках одного СПП со словом *ведь* в начальной позиции (Пример 1 на с. 5). Рассмотрим такое совмещение значений, когда *ведь* связывает два отдельных предложения: *(...) тем самым централизованное хранилище навсегда потеряло бы связь с периферией страны. Ведь Кострома или Томск уже не могли бы приобретать материалы от костромичей или томичей* [Новый мир, 1960б, с. 189]. С одной стороны, оно указывает на предположительное или возможное условие. Ср., например: *Если бы Кострома или Томск не могли*

приобретать материалы от костромичей или томичей, централизованное хранилище навсегда потеряло бы связь с периферией страны. Возвращаясь к первоначальной версии высказывания, обратим внимание на каузальную (обосновывающую) сему *ведь*: она раскрывается в более широком контексте (*ведь* указывает на обоснование ещё ранее предшествующей мысли, где говорится о предложении создать централизованный банк архивов).

Наконец, отметим значение уступительности, маркируемое словом *ведь* (см. приведенное выше пояснение 3 из толковых словарей). По нашим наблюдениям, сема уступительности проявляется в сочетании с противительными союзами *а, но*. Это и понятно, ведь значение уступительности по определению сопровождаются противительные отношения [РГ, 1980, с. 586]. См., например:

1) *Вот сосед по лестничной площадке умер на днях, а ведь ему почти столько же, сколько тебе* [Углов, с. 1]. Трансформация: *Вот сосед по лестничной площадке умер на днях, хотя ему почти столько же, сколько тебе*.

2) *Так умер человек в возрасте 65 лет. А ведь это был настоящий богатырь* [Углов, с. 20]. Трансформация: *Так умер человек в возрасте 65 лет. Хотя это был настоящий богатырь*.

3) *Ворчание на кухнях привело к митингам на улицах. А ведь принимаемые властью решения были абсолютно верны, но они не до конца разъяснялись гражданам* [Ванденко]. Трансформация: *Ворчание на кухнях привело к митингам на улицах. Несмотря на то, что принимаемые властью решения были абсолютно верны....*

Как видится, семантика уступительности не вступает в противоречие и хорошо согласуется при замене *а ведь* на нейтральное, категориальное *хотя* или более формальное *несмотря на то что*. Однако, авторский эмоционально-оценочный/комментирующий компонент исчезает при такой трансформации. Теряется сема присутствия, соучастия автора, наблюдаемая в оригинальных высказываниях. В данном случае можно говорить о стилистической маркированности подобных конструкций, которые способствуют реализации оценочной и воздействующей функции публицистического стиля [Солганик, 2001, с. 204–205]. Для сравнения, при анализе уступительных СПП в научном стиле мы не отмечали предложений, оформленных подобным образом [Галкина, 2013, с. 26–30].

Семантическая структура слова *ведь* не ограничивается оттенками значения обусловленности, соответственно и его синтаксическая роль шире,

чем просто экспликатора средства связи. Выше мы отмечали, что грамматической, справочной литературе содержится описание *ведь* и как союза, и как частицы. См., например: «Частица: употребляется (обычно в сочетании с наречиями и другими частицами) для усиления экспрессивности, подчеркивания основного содержания высказывания. Синонимично *же, да ведь, все-таки*» [Объяснительный словарь..., 2003, с. 52]. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих данную функцию:

Врач-целитель, убивающий больного! Ведь это такое вопиющее противоречие, которое допустить прямо невымыслимо [Вересаев, 2010, с. 22]. Здесь *ведь* употребляется с целью усиления экспрессии при высказывании позиции говорящего. Это подтверждает и восклицательный знак, и экспрессивно-окрашенная лексика: *вопиющее, невымыслимо*.

См. ещё пример с коннотацией усиления авторского обоснования: *Когда я смотрел «Трёх сестер», я весь дрожал от злости. Ведь до чего довели людей, как запугали, как замуровали* [Новый мир, 1960а, с. 257]. Трансформация: *Надо же, до чего довели людей, как запугали, как замуровали*.

В следующем построении подключение *ведь* придаёт эмоциональную окраску высказыванию, а сема обоснования второстепенна: *Ну, как хорошо, ну, какая же радость (- говорила она, вытирая льющиеся слёзы, смеясь и прыгая с уступа на уступ). Ведь он такой хороший, такой ласковый, скромный, смелый, и она такая хорошая* [Новый мир, 1960а, с. 255]. Трансформация: *До чего же он хороший, ласковый...*

Заключение

Учитывая многозначность и разнообразие применения слова *ведь*, современные исследователи, занимающиеся изучением дискурса, относят его в разряд дискурсивных слов или дискурсивов [Морозов, Плунгян]. Это сравнительно новая область лингвистики, описывающая слова, которые помогают строить дискурс, то есть обеспечивают связность текста. См., например: [Викторова, 2013; Дискурсивные слова..., 2003; Дискурсивные слова..., 1998, с. 38–42; Bazzanella, 2006; Borderia, 2006; Lutzky, 2012]. Академик В. А. Плунгян отмечает: «Казалось бы, эти слова ничего не значат, но на самом деле у них огромный спектр значений, и эти значения очень важны» [Плунгян]. Проведенный анализ показывает семантическое многообразие, синтаксическую и стилистическую полифункциональность слова *ведь*. С одной стороны, это обеспечивает варьированность его упо-

требления авторами, а с другой стороны неоднозначный подход к лингвистическому описанию данной лексемы.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка // гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 11.06.2019);
2. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Москва : Наука, 1965. 555 с.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Москва : Тип. Т Рис., 1881. 394 с.
4. Васина Е. «Первый баян и «Белая дверь»: известные самарцы рассказали, во что играли и чему удивлялись в детстве // Комсомольская правда.ru : сайт. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26983/4043754/> (дата обращения: 09.06.2019).
5. Ванденко А. Сергей Чеботарев: О высоких должностях не мечтал // ТАСС.ru : сайт. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).
6. Вересаев В. В. Записки врача. Москва : «Эксмо», 2010. 320 с.
7. Викторова Е. Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // Филология и человек. 2013. № 4. С. 34–46.
8. Виноградов В. В. История слов. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/319> (дата обращения: 09.08.2019).
9. Галкина Н. П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020.
10. Галкина Н. П. Средства связи частей уступительных сложноподчиненных предложений в научном стиле русского языка // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Смоленск, 2013. С. 26–30.
11. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. статей / сост. К. Киселева, Д. Пайар. Москва : Азбуковник, 2003. 206 с.
12. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания: сб. статей / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. Москва : Метатекст, 1998. 446 с.
13. Дружинина С. И. Сложноподчиненные предложения с синкретичным значением причины и следствия. URL: http://www.rusnauka.com/2_SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (дата обращения: 09.06.2019).
14. Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке. Санкт-Петербург : Издательство СПб. университета, 1997. 198 с.
15. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М., 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-7755.htm> (дата обращения 11.06.2019).
16. Крылов А. Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург : Полиграфсервис, 2005. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/v/ведать> (дата обращения 11.06.2019).
17. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. Москва : Наука, 1986. 200 с.
18. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 09.06.2020).
19. Махонина М. На Родине его расстреляют: беженец из Северной Кореи 20 лет скрывается на Урале // Комсомольская правда. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/26984.7/4043515/> (дата обращения: 31.05.2019).
20. Морозов Е. А. Дискурсивные слова *ведь* и *doch*: опыт семантического анализа (на материале словарей современного русского и немецкого языков). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-slova-ved-i-doch-opyt-semanticheskogo-analiza-na-materiale-slovarey-sovremennogo-russkogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 11.06.2020).
21. Мухин Ю. И. Тирания глупости. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book> (дата обращения: 19.06.2019).
22. Новый мир: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Москва, 1960а. № 1.
23. Новый мир: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Москва, 1960б. № 11.
24. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. 421 с.
25. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
26. Плунгян В. А. 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов. URL: <https://postnauka.ru/faq/8572> (дата обращения: 15.06.2020).
27. Познер В. В. Прощание с иллюзиями.– Москва : «Издательство АСТ», 2012. 480 с.
28. РГ 1980 – Русская грамматика в 2 т. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан [и др.]; гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. 714 с.
29. Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2019).
30. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <https://synonymonline.ru/%D0%92/%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C> (дата обращения 14.06.2020).
31. Солганик Г. Я. Стилистика текста. 3-е изд. Москва : Флинта: Наука, 2001. 256 с.
32. Срезневский И. И. Материалы для словаря

древнерусского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург : Издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской академии наук, 1893. – Т. 1. А – К. 771 с.

33. Толковый словарь русского языка (электронная версия) / под ред. Д. Н. Ушакова // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us124007.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 13.06.2020).

34. Углов Ф. Г. Человеку мало века. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (дата обращения: 25.04.2019).

35. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/v/ведать> (дата обращения: 25.06.2020).

36. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-194-1.htm#zag-422> (дата обращения: 25.06.2020).

37. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. Москва : Изд-во АН СССР, 1953. 317 с.

38. Bazzanella C. Discourse markers in Italian: towards a 'compositional approach' // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 449–464.

39. Borderia S. P. A functional approach to the study of discourse markers // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 77–99.

40. Lutzky U. Discourse Markers in Early Modern English. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2012. 303 p.

Reference List

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Big Russian language thesaurus // gl. red. S. A. Kuznecov. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 11.06.2019)

2. Borkovskij V. I., Kuznecov P. S. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka = Historical Russian language grammar. Moskva : Nauka, 1965. 555 s.

3. Buslaev F. I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka = Historical Russian language grammar. Moskva : Tip. T. Ris., 1881. 394 s.

4. Vasina E. Pervyj bajan i «Belaja dver'»: izvestnye samarcy rasskazali, vo chto igrali i chemu udivljalis' v detstve = The first accordion and «White door»: famous citizens of Samara told what they used to play and were surprised of in their childhood // Komsomol'skaja pravda.ru : sajt. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/26983/4043754/> (дата обращения: 09.06.2019).

5. Vandenko A. Sergej Chebotarev: O vysokih dolzhnostjah ne mechtal = Sergey Chebotarev: I did not dream about high posts // TACC.ru. URL: <https://tass.ru/top-officials/6204184> (дата обращения: 29.04.2020).

6. Veresaev V. V. Zapiski vracha = A doctor's notes. Moskva : «Jeksmo», 2010. 320 s.

7. Viktorova E. Ju. Rol' kolichestvennogo podhoda v izuchenii funkcionirovanija diskursivnyh slov = The role of quantitative approach in studying of discourse words functioning // Filologija i chelovek. 2013. № 4. S. 34–46.

8. Vinogradov V. V. Istorija slov = Words' history. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/319> (дата обращения: 09.08.2019).

9. Galkina N. P. Tipologija prichinnyh konstrukcij v gipotaksise (na materiale publicistiki XX–XXI vv.) = Typology of causative constructions in hypotaxis (on the material of journalism of XX–XXI cc.) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. (v pechati).

10. Galkina N. P. Sredstva svjazi chastej ustupitel'nyh slozhnopodchinennyh predlozhenij v nauchnom stile russkogo jazyka = Means of connection of concession complex clauses in the scientific style of the Russian language // Aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. Smolensk, 2013. S. 26–30.

11. Diskursivnye slova russkogo jazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo: sb. statej = Discourse words of the Russian language : context variation and semantic unity: collection of articles / sost. K. Kiseleva, D. Pajar. Moskva : Azbukovnik, 2003. 206 s.

12. Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija: sb. statej = Discourse words of the Russian language : the experience of context-semantic description : collection / of articles pod red. K. Kiselevoj, D. Pajara. Moskva : Metatekst, 1998. 446 s.

13. Druzhinina S. I. Slozhnopodchinennye predlozhenija s sinkretichnym znacheniem prichiny i sledstviya = Complex sentences with syncretic meaning of cause and consequence. URL: http://www.rusnauka.com/2_SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (дата обращения: 09.06.2019).

14. Evtjuhin V. B. Kategorija obuslovlennosti v sovremennom russkom jazyke = The category of conditioning in the Modern Russian language. Sankt-Peterburg, 1997. 198 s.

15. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj = New Russian language dictionary. Thesaurus-derivational : v 2 t. T. 1. Moskva, 2000. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-7755.htm> (дата обращения: 11.06.2019).

16. Krylov A. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etimological Russian language dictionary Sankt-Peterburg : Poligrafuslugi, 2005. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/v/vedat'> (дата обращения: 11.06.2019).

17. Ljapon M. V. Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija i tekst. K tipologii vnutritekstovyh otnoshenij = Sense structure of a composite sentence and a text. About intertext relation typology. Moskva : Nauka, 1986. 200 s.

18. MAS – Slovar' russkogo jazyka = Russian language dictionary : V 4-h t. / pod red. A. P. Evgen'evoj // RAN, In-t lingvistich. Issledovanij. 4-e izd., ster. Moskva :

Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999; (jelektronnaja versija): Fundamental'naja jelektronnaja biblioteka (data obrashhenija: 09.06.2020).

19. Mahonina M. Na Rodine ego rasstreljajut: bezhenc iz Severnoj Korei 20 let skryvaetsja na Urale = He will be shot on his Motherland: a refugee from North Korea for 20 years has been hiding in Ural // Komsomol'skaja pravda. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/26984.7/4043515/> (data obrashhenija: 31.05.2019).

20. Morozov E. A. Diskursivnye slova ved' i doch: opyt semanticheskogo analiza = Discourse words ved' and doch: the experience of semantic analysis : na materiale slovarej sovremennogo russkogo i nemeckogo jazykov. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-slova-ved-i-doch-opyt-semanticheskogo-analiza-na-materiale-slovarej-sovremennogo-russkogo-i-nemetskogo-jazykov> (data obrashhenija: 11.06.2020).

21. Muhin Ju. I. Tiranija gluposti = Stupidity tyranny. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book> (data obrashhenija: 19.06. 2019).

22. Novyj mir: literaturno-hudozhestvennyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal = New world: literary-artistic and socio-political journal. 1960a. № 1.

23. Novyj mir: literaturno-hudozhestvennyj i obshhestvenno-politicheskij zhurnal = New world: literary-artistic and socio-political journal. 1960b. № 11.

24. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: Strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly = Explanatory Russian language dictionary: structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, parenthetical words, pronouns, link-verbs / pod red. V. V. Morkovkina. 2-e izd., ispr. Moskva : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 421 s.

25. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskij vyrazhenij. 4-e izd., dop. = Russian language thesaurus: 80000 words and phraseological units. 4 th ed, added. Moskva : OOO «A TEMP», 2006. 944 s.

26. Plungjan V. A. 7 faktov o bogatstve znachenij slov-parazitov = 7 facts about the richness of parasite words meanings. URL: <https://postnauka.ru/faq/8572> (data obrashhenija: 15.06. 2020).

27. Pozner V. V. Proshhanie s illjuzijami = Parting with illusions. Moskva : «Izdatel'stvo AST», 2012. 480 s.

28. RG 1980 – Russkaja grammatika v 2 t. T. II. Sintaksis = RG 1980= Russian grammar in 2 t. T. II Syntax / E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan [i dr.]; gl. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Nauka, 1980. 714 c.

29. Sjomin K. Agitprop. Ideologija pobedy = Agitprop. The ideology of victory. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (data obrashhenija: 30.04.2019).

30. Slovar' russkij sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij = Russian synonyms dictionary. URL: <https://synonymonline.ru/%D0%92/%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8C> (data obrashhenija 14.06.2020).

31. Solganik G. Ja. Stilistika teksta. 3-e izd. = The stylistics of the text 3d ed. Moskva : Flinta: Nauka, 2001. 256 s.

32. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam: trud I. I. Sreznevskogo = Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments: work by I. I. Sreznevsky. Sankt-Peterburg : Izdanie Otd-nija rus. jaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1893. – T. 1. A – K. 771 s.

33. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (jelektronnaja versija) = Russian language thesaurus (electronic version) / pod red. D. N. Ushakova // Fundamental'naja jelektronnaja biblioteka. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us124007.htm?cmd=0&istext=1> (data obrashhenija: 13.06. 2020).

34. Uglov F. G. Cheloveku malo veka = A man lacks a century. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (data obrashhenija: 25.04. 2019).

35. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Russian language etimological dictionary. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/v/vedat/> (data obrashhenija: 25.06. 2020).

36. Shanskij N. M., Bobrova T. A. Shkol'nyj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Proishozhdenie slov = School etimological dictionary. The origin of the words. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/fc/slovar-194-1.htm#zag-422> (data obrashhenija: 25.06. 2020).

37. Shapiro A. B. Oчерки po sintaksisu russkij narodnyh govorov. Stroenie predlozhenija = Sketches on Russian folk dialects syntax. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1953. 317 s.

38. Bazzanella C. Discourse markers in Italian: towards a 'compositional approach' // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 449–464.

39. Borderia S. P. A functional approach to the study of discourse markers // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 77–99.

40. Lutzky U. Discourse Markers in Early Modern English. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2012. 303 p.

УДК 811.161.1'373.2; 811.161.1'27; 811.161.1'276

Р. В. Разумов

<https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Постсоветская урбанонимия Российской Федерации: основные мотивы номинации и онимические ожидания горожан

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития»

Для цитирования: Разумов Р. В. Постсоветская урбанонимия Российской Федерации: основные мотивы номинации и онимические ожидания горожан // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 90–98. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-89-97

Целью настоящей статьи является анализ постсоветской урбанонимии Российской Федерации, сопоставление выявленных мотивов номинации с теми ожиданиями, которые существуют в обществе. Автор рассматривает этот вопрос на примере названий 23 городов разных регионов Российской Федерации. Собранный материал анализируется в статье в ономазиологическом ключе. Он сопоставлен с данными социологических опросов, проведенных в Ярославле и Красноярске. Основное внимание уделено анализу современной онимической ситуации и особенностей мотивов номинации. Топонимические комиссии являются экспертным органом, решения которых являются рекомендательными для местных органов исполнительной или законодательной власти. В настоящее время основной поток обращений граждан и организаций связан с увековечиванием в городской топонимии памяти о людях. Автор выделил 3 мотива номинации объектов в постсоветской урбанонимии: мемориальную номинацию (названия-меморативы), дескриптивную номинацию (названия-характеристики), эвсемантическую номинацию (названия-позитивы). Основным мотивом номинации объектов является создание меморативов. Главной особенностью развития данного типа урбанонимов в постсоветский период стал переход к трансляции новыми названиями региональной идентичности. Среди персональных меморативов появились новые модели названий: урбанонимы, созданные в честь святых и священников, героев дореволюционной истории России, директоров местных предприятий, сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении своих обязанностей, спортсменов и тренеров. Автор показал основные сложности создания дескриптивных названий. Он считает, что нужно с осторожностью относиться к созданию эвсемантических урбанонимов. При их создании следует фиксировать названия природных явлений и редких и исчезающих растений, птиц и животных, характерных именно для того региона, в котором создаются онимы. В заключительной части статьи автор приходит к выводу о том, что в каждом населенном пункте необходимо разработать концепцию региональной урбанонимической политики, для создания которой следует привлечь историков, культурологов, филологов и краеведов.

Ключевые слова: социономастика; городское онимическое пространство, официальный урбаноним, годоним, меморатив, мотивы номинации.

R. V. Razumov

RF postsoviet urbanonymy: main nomination motives and citizens' expectations

The aim of this article is the analysis of RF postsoviet urbanonymy, comparison of the nomination motives with those expectations which exist in the society. The author reveals the idea on the example of the titles, names of 23 towns and cities of different regions of RF. The material is analysed in the article according to onomasiological viewpoint. It is compared with the data of sociological surveys in Yaroslavl and Krasnoyarsk. The main attention is given to the analysis of modern onymic situation and the peculiarities of nomination motives. Toponymic committees are an expert body whose decisions serve as recommendations for local executive and legislature branches. Nowadays the main stream of citizens and organizations appeals is connected with the perpetuation in urban toponymy the memory of the people. The author highlighted three motives in object nomination in postsoviet urbanonymy: memorial nomination (names-memoratives), descriptive nomination (names-characteristics), evsemantic nomination (names-positives). The major nomination motive of the objects is creating memoratives. The main peculiarity of this type of urbanonyms development in the postsoviet period is the translation of regional identity with new models. Among personal memoratives new models of names appeared: urbanonyms named after saints and priests, heroes of prerevolution Russian history, local enterprises' directors, law enforcement workers perished at work, sportsmen, coaches. The author

showed main complexities of descriptive names creating. He thinks that it is important to create evsemantic urbanonyms with great care. When creating them it is necessary to fix the names of natural phenomena and rare and endangered species of plants, birds, animals typical for this or that region where onyms are thought over. In the conclusion of the article the author assumes that in each city or town it is necessary to work out the concept of regional urbanonymy policy and to attract historians, culturologists, philologists and ethnographers.

Key words: socioonomastics, cities, onymic space, official urbanonym, godonim, memorative, nomination motives.

1. Введение

Большинство существующих исследований по городской ономастике посвящено рассмотрению истории формирования систем русских урбанонимов, синхронному анализу названий, существующих в настоящее время (см. например: [Горланова, 2010], [Пушкарёва, 2016]). В то же время существует очевидная потребность в изучении принципов номинации объектов в постсоветский период истории Российской Федерации, выявлении круга проблем, типичных для номинативного строительства в настоящее время. Это необходимо не только для того, чтобы теоретически осмыслить произошедшие трансформации в общественном сознании, но и для выработки практических рекомендаций по коррекции возникающих проблем, общих для всех населенных пунктов страны. Очевидно, что номинативные стратегии и топонимические концепции, разработанные в одной области, могут быть использованы в других регионах, а очевидные ошибки при создании названий должны учитываться всеми номинаторами. Заметим, что в современной Российской Федерации отсутствуют методические рекомендации по созданию местного топонимического законодательства, советы по осуществлению номинативной политики в городах, созданию названий и реноминации объектов. На это накладывается и очевидная кадровая проблема: большинство членов топонимических комиссий не знакомы с принципами номинации городских объектов, имеют слабые познания в области русского языка и особенностей словообразования. Все перечисленное делает необходимым комплексное исследование номинации объектов в российских городах, критического анализа новых номинативных решений.

Количество исследований, посвященных изучению урбанонимии, постоянно растет. Составной частью подобных работ является попытка теоретического осмысления принципов номинации, характерных для того или иного населенного пункта. Примером таких исследований могут служить работы А. Г. Владимировича и А. Д. Ерофеева [Владимирович, 2014],

Ю. Г. Пушкаревой и Г. С. Доржиевой [Пушкарёва, 2016], Т. П. Соколовой [Соколова, 2016] и др. Особо отметим последнюю работу, в которой исследователь попытался обобщить и подробно прокомментировать существующие принципы номинации линейных объектов в Москве, сформировавшиеся на протяжении ее истории [Соколова, 2016, с. 159–190]. Безусловно, подобные вопросы широко обсуждаются на различных научных конференциях, в том числе на специально посвященных развитию урбанонимических систем: «Исторические названия – памятники культуры» [Всесоюзная научно-практическая конференция, 1989], «Urban place names» [Urban place names, 2009], «Городской ономастикон» [Городской ономастикон, 2015], «Naming in different areas of communication field» [Naming in different areas, 2018] и др. Как отмечает М. В. Голомидова, «в целом можно констатировать, что на сегодняшний день накоплен значительный объем научной информации, которая относится к описанию уже сложившегося языкового материала. Этот арсенал дает надежную основу для понимания историко-культурного своеобразия и лингвистической специфики урбанонимов» [Голомидова, 2017, с. 186].

Особое направление урбанонимических исследований – изучение динамических процессов внутригородской номинации. Оно может быть представлено работами Л. В. Егоровой [Егорова, 2012], Т. П. Соколовой [Соколова, 2014; Соколова, 2015], А. С. Щербак и А. А. Казанковой [Щербак, 2016] и др. В рамках данного направления ономатологи начали разрабатывать вопросы осуществления урбанонимической политики в городском онимическом пространстве. Теоретическое осмысление этих вопросов было начато представителями красноярской школы в статье Л. В. Подберезкиной [Подберезкина, 2003]. В настоящее время это направление исследований активно разрабатывается М. В. Голомидовой [Голомидова, 2017; Голомидова, 2018], которая предложила сам термин *топонимическая (урбанонимическая) политика* («деятельность уполномоченных органов власти и местного самоуправления по называнию и переименованию городских объектов» [Голомидова, 2018, с. 37]), а также свя-

занный с ним термин *урбанонимическое строительство* («под урбанонимическим строительством мы понимаем рациональную управленческую деятельность, направленную на последовательную реализацию долговременных программ урбанонимического означивания фрагментов городского пространства» [Голомидова, 2017, с. 195]), а также разработала основные направления номинативной деятельности в городе. Для осуществления успешной урбанонимической политики необходимо учитывать потребности основного потребителя онимов – горожанина, его запросы и предпочтения. Данный тип исследований еще не получил широкого распространения в отечественной и зарубежной ономастике, однако первые попытки подобных работ нами зафиксированы [Подберезкина, 2009; Влахова-Ангелова, 2013].

В настоящей публикации мы рассмотрим основные особенности номинации объектов в Российской Федерации в постсоветский период ее истории и соотнесем полученные результаты с материалами социологических опросов, а также наметим существующие в урбанонимии проблемы. При проведении исследования мы опирались на собственный опыт работы в топонимических комиссиях Рыбинска и Ярославля, а также использовали данные, полученные методом сплошной выборки из текстов путеводителей, адресных реестров, постановлений муниципалитетов, средств массовой информации, разнообразных интернет-ресурсов по 23 городам Российской Федерации: Белгороду, Иванову, Ижевску, Казани, Калязину, Кирову, Кирово-Чепецку, Костроме, Курску, Липецку, Махачкале, Москве, Великому Новгороду, Пензе, Перми, Подольску, Рыбинску, Санкт-Петербургу, Томску, Туле, Уфе, Элисте и Ярославлю. Всего нами зафиксировано появление более 1800 различных урбанонимов, созданных за период с 1992 года по настоящее время. Следует отметить, что около 100 урбанонимов, причины возникновения которых нам выяснить не удалось, были исключены из рассмотрения. При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы будем использовать термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

2. Онимическая ситуация в постсоветском городе

Прежде чем обратиться к анализу выявленных урбанонимов, необходимо кратко обозначить особенности современной онимической ситуации в городах Российской Федерации. Под *онимиче-*

ской ситуацией мы понимаем совокупность онимов и вариантов онимов, обслуживающих отдельный социум или несколько социумов в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенного территориально-административного образования [Разумов, 2019, с. 98].

В настоящее время все урбанонимы возникают в результате процесса искусственной номинации. В их создании, как правило, принимают участие топонимические комиссии городов, состоящие из чиновников, депутатов, представителей общественности: историков, краеведов, филологов, учителей и т. д. Следует отметить, что подобные комиссии являются совещательными органами, они не принимают окончательного решения о присвоении названия. Новый урбаноним может быть предложен как членами комиссии, так и обычными горожанами, присылающими в местные органы власти свои варианты названий. Топонимическая комиссия любого города фактически является экспертным органом, который рассматривает поступающие варианты и отклоняет или рекомендует оним для утверждения, поэтому большую роль играет его кадровый состав, соотношение в нем чиновников и ученых, наличие филологов и специалистов в области ономастики и городской топонимики. К сожалению, лишь немногие города (Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Екатеринбург, Красноярск и др.) могут похвастаться присутствием последних, но и в них ономотологи составляют меньшинство, мнение которого довольно часто игнорируется. Окончательное постановление об утверждении названия принимается местным органом исполнительной или законодательной власти, который вправе как согласиться с мнением членов топонимической комиссии, так и отклонить его.

Как мы уже отмечали выше, топонимические комиссии рассматривают поступающие в органы местной власти обращения граждан по наименованию или переименованию объектов. Предложение по созданию названия может внести любой гражданин Российской Федерации, в том числе и тот, кто не является жителем населенного пункта, в котором создается урбаноним. В качестве инициатора присвоения урбанонима может выступить любой орган государственной или законодательной власти, общественная, коммерческая или некоммерческая организация, политическая партия и т. д.

Основной поток обращений связан с увековечиванием памяти о людях, чья деятельность, по мнению заявителей, заслуживает создания в его честь названия улицы, площади или какого-либо другого городского объекта. Следует отметить, что большинство инициаторов присвоения урбанонимов не рассматривают другие формы увековечивания памяти: открытие мемориальной доски, установка памятника, создание именной аудитории, учреждение стипендии и т. д. Все это обусловлено сформировавшимся в советский период истории страны мемориальным урбанонимическим стереотипом: если в честь человека создано название улицы, то, следовательно, о нем будут помнить (подробнее о стереотипах см.: [Разумов, 2009, с. 148–153]). Как показывают социологические опросы, это мнение является неверным: довольно часто горожане не знают, в честь кого был назван тот или иной объект. Например, в Ярославле никто из опрошенных жителей улицы *Лебедева* не смог объяснить, в честь кого был назван этот городской объект.

При создании новых урбанонимов номинаторам необходимо понимать, какие требования предъявляют горожане к вновь создаваемым названиям. Ответ на этот вопрос могут дать обсуждения в Интернете, а также социологические опросы, проводимые по специальным методикам. Последние, на наш взгляд, являются более предпочтительными, поскольку позволяют собрать объективную палитру мнений разных социальных и возрастных групп. К тому же, как показывает практика, результаты онлайн-опросов и дискуссий часто не совпадают с реальной картиной. К сожалению, местные власти редко прибегают к подобным исследованиям, хотя они позволяют выстроить грамотную урбанонимическую политику.

В марте 2007 г. Ярославским городским центром изучения общественного мнения и социологических исследований МУ «ЦИОМСИ» по заказу мэрия Ярославля был проведен опрос 601 жителя города. Он проводился среди жителей улиц, названных в честь выдающихся земляков; распределение опрошенных по полу и возрасту соответствовало статистическим требованиям. Горожанам было предложено дать название новой улице, а также мотивировать свой выбор. Интересно, что 51,4 % опрошенных оказалось безразлично, какое название будет носить улица. Этот результат, на наш взгляд, свидетельствует и о том, что горожане воспринимают название как своеобразный знак, не несущий какой-либо дополнительной ин-

формации. Исследуя реакцию горожан на предложение о возвращении *Советской площади* исторического названия *Ильинская площадь* [Разумов, 2013], мы зафиксировали целую группу рефлексивов, в которых отмечалось, что урбанонимы являются лишь знаками, которые помогают в ориентации на местности: «Ну а смысл какой менять одно слово на другое? Огромная часть населения вообще топонимикой не морочится, историками не интересуется. Я интересовался, но никаких чувств не испытывал при прочтении материалов. Мне что Ленина, что 50-я, что Зеленая, что Гитлера... **Есть слово, оно означает место. Устраивает. Тем более, что я появился позже, чем оно. Сторонники переименования по своему правы, но против них то, что все это исторически сложилось. Естественно, новую улицу никто Ленина не назовет**» (RedVaz99, 20.12.2012); «у меня подозрение, что всеми этими переименованиями занимаются бездельники-гуманитарии, чтобы как то оправдать свое существование») для меня все эти названия – как имена переменных в программе, пофик в честь кого они названы, главное идентифицировать место, адрес. прожив уже немалую жизнь в городе, я не без гордости могу сказать что знаю где находится 95 % улиц. **если начнется волна переименований – я буду чувствовать себя чужим в своем городе. переименования – в точку**» (citizen, 21.12.2012) и др.

Говоря о критериях, которыми необходимо руководствоваться при создании урбанонимов, ярославцы отмечали, что название должно красиво звучать, легко произноситься, запоминаться (15,7 %), придавать хорошие эмоции, вызывать приятные ассоциации (8,5 %), быть актуальным, отражать дух времени, нестандартным, новым (3,4 %) и т. д. Эти же критерии были отмечены и в исследовании Л. З. Подберезкиной [Подберезкина, 2009]. В качестве основной причины позитивного отношения к существующим наименованиям улиц города 59 % респондентов выделяли следующий фактор: «они удобны, легко произносимы и запоминаются» [Подберезкина, 2009, с. 89]. Не случайно, что одной из причин неудовлетворенности существующими урбанонимами является то, что «название неудобно выговаривать, слишком длинное» [Подберезкина, 2009, с. 90].

Все перечисленное необходимо учитывать при присвоении новых урбанонимов. К сожалению, собранные нами материалы свидетельствуют об обратном. В городах Российской Федерации по-прежнему создаются многословные меморативы в

честь юбилеев исторических событий: *улица 300-летия Флота России* (Липецк, 1996), *улица 50-летия Белгородской области* (Белгород, 2005), *бульвар 65-летия Победы* (Подольск, 2010), *улица 65-летия Победы* (Уфа, 2010; Киров, 2010) и др. Очевидно, что подобные названия неудобны для повседневного употребления в речи, подменяют увековечивание памяти о самом событии памятью о его очередном юбилее. Следует отметить, что в постсоветской номинации увеличивается и размер персональных меморативов, созданных в честь какого-либо известного лица. Если в советское время подобные онимы состояли всего из двух элементов: *улица + фамилия в родительном падеже*, то в настоящее время эта модель стала дополняться включением в именную часть личного имени (*улица Марии Петровых*, Ярославль; *улица Матвея Блантера*, Курск и др.), инициалов (*улица А. С. Большева*, Киров и др.), указаний на профессию, должность, звание или статус (*площадь Адмирала Руднева*, Тула; *улица Академика Колмогорова*, Ярославль и др.). В повседневной речи подобные длинные конструкции редуцируются либо до фамилии («*На Колмогорова выходите?*»), либо до статусного обозначения («*Дождете до Академика и повернете направо*»). В постсоветской урбанонимии сохранилась и традиция создания составных названий, содержащих в именной части указание на порядковое обозначения (*1-й, 2-й, 3-й, 4-й, Боровые переулки*, Ярославль). Подобные онимы, безусловно, экономят креативные усилия номинаторов, однако неудобны в употреблении и трудны в поиске на местности: реальный порядок расположения объектов не всегда соответствует логике номинации. Это обусловлено в том числе и тем, что названия могут присваиваться в разное время в соответствии с порядком застройки территории, а топонимическая комиссия не смогла придумать новый урбаноним и решила продолжить ранее созданный ряд.

3. Основные мотивы урбанонимической номинации

Анализ собранных нами названий позволил выделить 3 основных мотива номинации объектов в постсоветской урбанонимии: мемориальную номинацию (названия-меморативы), дескриптивную номинацию (названия-характеристики), эвсемантическую номинацию (названия-позитивы). Как видим, в настоящее время полностью исчез мотив, основанный на пропаганде идеологических ценностей: количество создаваемых новых

названий данного типа начало постепенно сокращаться, начиная с 1970-х гг., поскольку происходила постепенная деидеологизация общественной жизни.

Основной мотив создания названий внутригородских объектов постсоветской эпохи – это **мемориальная номинация**, на долю которой приходится 42,7 % новых онимов. Главной особенностью развития данного типа урбанонимов в постсоветский период стал переход к трансляции новыми названиями региональной, а не общенациональной идентичности. Об этом свидетельствует сокращение количества одинаковых онимов, созданных в разных городах. В этом типе урбанонимов мы зафиксировали всего 15 совпадений, в то время как в двух других типах их количество заметно выше: среди дескриптивных урбанонимов нами отмечено 29 подобных случаев, а среди эвсемантических урбанонимов – 46. Основным событием, увековеченным в городской топонимии и имеющим общенациональное значение, стала Победа СССР над фашистской Германией. В постсоветской урбанонимии оно увековечено в названиях *улица / бульвар 65-летия Победы* (Подольск, 2010; Уфа, 2010; Киров, 2010 и др.) и *проспект / бульвар Победы* (Рыбинск, 1995; Курск, 2000; Киров, 2010 и др.), *улица / площадь Маршала Жукова* (Киров, 1994; Рыбинск, 1995 и др.).

Основной разновидностью мемориальной номинации по-прежнему являются персональные меморативы, созданные в честь какого-либо человека. Как показали результаты опроса, который мы упоминали выше, 31,5 % ярославцев посчитали необходимым увековечить в названии новых улиц память о выдающихся людях. Как указывает Л. З. Подберезкина, в Красноярске этой точки зрения придерживается примерно такое же количество опрошенных – 33 % [Подберезкина, 2009, с. 91]. Главным отличием постсоветского этапа присвоения персональных меморативов стало преобладание среди них урбанонимов в честь лиц, чья жизнь и деятельность была каким-либо образом связана с населенным пунктом, в котором создано название. Доля подобных онимов составила 71 % от общего количества персональных меморативов: это свидетельствует о переходе к трансляции в урбанонимии региональной идентичности. Об этом свидетельствует и сравнительно небольшое количество появившихся в разных городах одинаковых онимов. Нами отмечено всего 6 подобных случаев: *улица Булгакова* (Киров, 1993; Томск, 1999), *улица / площадь Адмирала Руднева* (Тула, 1996; Москва, 2001), *улица Высоцкого*

(Томск, 1998; Липецк, 1999; Белгород, 1999), *улица Кадырова* (Москва, 2004; Махачкала, 2012), *улица / площадь Маршала Жукова* (Киров, 1994; Рыбинск, 1995), *улица Тютчева* (Томск, 1999; Курск, 2016). Отличительной особенностью постсоветских персональных меморативов стало появление названий в честь героев дореволюционной истории России (*улица Давыда Жеребцова* и *улица Михаила Скопина-Шуйского*, Калязин; *улица князя Ромодановского* и *улица Князя Трубецкого*, Белгород и др.), директоров местных предприятий (*улица Ванникова*, Тула; *улица Юрия Ковалева*, Томск, *площадь Дерунова*, Рыбинск, *улица Марголина*, Ярославль и др.), сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении своих обязанностей (*улица Абакурова*, Махачкала; *улица Лейтенанта Мишенина*, Белгород и др.), спортсменов и тренеров (*улица Тренера Пушкирева*, Киров; *улица Ярыгина*, *Ярыгинская набережная* и *Ярыгинский проезд*, Красноярск и др.). Отличительной особенностью этого времени стало и увековечивание в городской топонимии святых и священников: подобные урбанонимы появились в Белгороде (*сквер святителя Никодима Белгородского*), Калязине (*Макарьевский проезд*), Курске (*улица Феодосия Печерского*, *улица Серафима Саровского*), Санкт-Петербурге (*Иоанновский переулок*) и ряде других городов.

Другой особенностью постсоветских меморативов стало появление в российских городах названий, созданных в честь этносов. До этого времени подобные урбанонимы не носили мемориального характера, они указывали на места локального расселения. Наибольшее распространение получило название *Славянская улица / бульвар / шоссе*, зафиксированное в Белгороде, Ижевске, Кирове, Курске, Липецке, Москве, Туле. Также меморативы в честь этносов созданы в Великом Новгороде (*Прусская улица*), Красноярске (*Ястынская улица*), Перми (*Чудская улица*), Уфе (*Булярская улица*, *Гайнинская улица*, *Тунгаурская улица*) и ряде других городов.

Второй по популярности мотив номинации – это создание **дескриптивных урбанонимов** (названий-характеристик). Среди собранных нами онимов они занимают 30,3 %, т.е. около трети от общего количества урбанонимов. Их основное назначение – отразить в наименовании объекта какую-либо его яркую особенность, позволяющую горожанину легко идентифицировать объект на местности. Безусловно, подобные урбанонимы удобны в употреблении, однако сложны в создании. Это связано с тем, что процесс придумыва-

ния названия часто осуществляется еще до того, как спроектирована полная застройка всего объекта, ясно его функциональное назначение, построены все элементы городской инфраструктуры и благоустройства. Довольно часто члены топонимической комиссии знакомятся лишь с предполагаемой общей схемой территории, им известны сведения о физико-географических объектах и поселениях, расположенных поблизости. Поскольку большинство городов расположено на равнинной местности без ярких особенностей, все многообразие природных объектов сведено к наличию небольших возвышенностей, часто не имеющих собственного названия, рек, озер и прудов, лесопарковых зон. Ограничен и набор антропогенных ориентиров: это различные заводы и фабрики, учреждения образования, культуры, спорта, медицины и т.д. Из этого вытекает основная трудность создания новых дескриптивных урбанонимов: оно сдерживается объективным требованием неповторяемости названий и ограниченностью существующих моделей номинации. Сколько бы ни было школ и стадионов в городе, *Школьная улица* и *Стадионная улица* в населенном пункте могут быть созданы только однократно. По этой причине постепенно растет количество урбанонимов, образованных от имен собственных объектов, расположенных или когда-либо располагавшихся на территории улицы или переулка. В собранном нами материале зафиксировано 47,6 подобных названий (*Киячевская улица* и *улица Наволоки*, Рыбинск; *Златоутынская улица* и *Прусовская улица* Ярославль и др.). Следует отметить, что дескриптивные урбанонимы начала XXI века все более утрачивают свои различительные возможности и создают проблемы в идентификации объектов в пространстве. Например, по названию улицы невозможно точно определить, в каком районе города могут находиться *Палисадная улица* (Москва, 1999; Киров, 2012) или *Пригородная улица* (Белгород, 1996; Калязин, 2009; Ярославль, 1999). Заметим, что дескриптивные урбанонимы XVIII–XIX вв. четко связывали объект и его название в единый знаковый комплекс.

Третий мотив номинации – это присвоение **эвсемантических урбанонимов**, формирующих благоприятный образ об объекте. По нашим данным, среди собранных нами онимов они занимают 25,7 % от общего количества городских топонимов. Показательно, что именно в данном типе урбанонимов мы зафиксировали появление в разных городах самого большого количества одинаковых названий (46 случаев). Подобные топонимы

мы стали активно появляться в 1960–1970-е гг., когда в больших городах при массовых присоединениях сел и деревень возникла потребность в массовой замене большого количества одинаковых названий. В постсоветский период эвсемантические онимы закрыли лакуны, образовавшиеся из-за исчезновения из практики номинации объектов идеологических мотивов. Следует отметить, что названия-позитивы очень хорошо воспринимаются жителями города. Согласно данным опроса общественного мнения в Ярославле, урбанонимы, отражающие позитивные эмоции и чувства предлагают присваивать 4,8 % опрошенных; урбанонимы, связанные с флорой и фауной – 4,2 %; урбанонимы, связанные с особенностями климата и временами года – 3,0 %. Аналогичная картина отмечена и в работе Л. З. Подберезкиной: 58 % красноярцев готовы жить на улицах с подобными наименованиями [Подберезкина, 2009, с. 90–91]. Очевидно, что названия-позитивы будут и дальше создаваться в российских городах не только из-за положительного отношения к ним в обществе, но и благодаря своей универсальности: они могут быть использованы при возникновении трудностей с подбором других вариантов наименования и присвоены объекту, расположенному в любом районе городе. В то же время, на наш взгляд, создавать подобные урбанонимы нужно с осторожностью, поскольку массовое клонирование в разных городах одних и тех же онимов приводит к утрате населенными пунктами собственного лица, делает их похожими и однотипными. Было бы замечательно зафиксировать в местной урбанонимии названия природных явлений и редких и исчезающих растений, птиц и животных, характерных именно для того региона, в котором создаются онимы. Пока же наиболее распространенными названиями-позитивами, созданными в постсоветский период истории страны, являются онимы: *Тенистая улица* – 7 городов (Белгород, Ижевск, Калязин, Киров, Курск, Липецк, Томск); *Ромашковая улица* – 6 городов (Белгород, Ижевск, Киров, Липецк, Томск, Тула), *Рябиновая улица* – 6 городов (Белгород, Иваново, Киров, Липецк, Томск, Ярославль), *Ясная улица* – 6 городов (Белгород, Ижевск, Киров, Липецк, Томск, Уфа), *Радужная улица* – 5 городов (Белгород, Великий Новгород, Киров, Липецк, Томск) и др.

4. Заключение

Проведенное исследование позволило описать основные особенности мотивов номинации объектов в постсоветский период развития городов,

отношение к существующим названиям в обществе, выявило ряд проблем, возникающих при создании названий. Нами были зафиксированы случаи появления одинаковых названий в различных городах, тем не менее можно утверждать о появлении тенденции к использованию систем урбанонимов для формирования региональной идентичности, в том числе с помощью мемориальной номинации. Очевидно, что отражение в создаваемых названиях местных реалий поможет формированию местного городского текста. Для этого в каждом городе необходимо разработать концепцию региональной урбанонимической политики, для создания которой следует привлечь историков, культурологов, филологов и краеведов.

Библиографический список

1. Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. Откуда происходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко. Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 319 с.
2. Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» (17–20 апреля 1989 г.): тезисы докладов и сообщений / отв. ред. В. П. Нерознак. Москва : Наука, 1989. 184 с.
3. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–200.
4. Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61.
5. Городской ономастикон: материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И. В. Крюкова. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 100 с.
6. Горланова И. Б. Топонимия города Костромы. Кострома : Изд-во Костромского гос. технол. ун-та, 2010. 115 с.
7. Егорова, Л. В. Современные тенденции в годонимии Чувашской Республики (на примере г. Чебоксары) // Материалы Международного молодёжного научного форума «Ломоносов–2012» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, К. К. Андреев, М. В. Чистякова. Москва : МАКС Пресс, 2012. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1901.htm. Дата обращения: 10.12.2015.
8. Подберезкина Л. З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык сегодня. Вып. 2. Москва : Азбуковник, 2003. С. 511–528.
9. Подберезкина Л. З. Языковая политика в годонимии: каким должно быть имя новой улицы? (на материале социологических опросов красноярцев) // Журнал Сибирского федерального университе-

та. Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. № 2. С. 87–93.

10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988. 192 с.

11. Пушкарёва Ю. Г., Доржиева Г. С. Улицы города Улан-Удэ: история и современность : монография. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2016. 168 с.

12. Разумов Р. В. Ономастическая ситуация в дореволюционных системах урбанонимов провинциальных городов Ярославской области // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 97–103.

13. Разумов Р. В. Ономастические стереотипы современного городского пространства // Язык – Текст – Дискурс: традиции и новаторство: материалы междунар. научн. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2009. С. 148–153.

14. Разумов Р. В. Языковая рефлексия на возвращение исторического названия (Ильинская площадь) // Культура. Литература. Язык: материалы междунар. конф. «Чтения Ушинского». Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 53–64.

15. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. Москва : Юрлитинформ, 2016. 208 с.

16. Соколова Т. П. Новые «урбанонимы» Москвы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : мат-лы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 252–254.

17. Соколова Т. П. Проблема наименования новых городских объектов // Ономастика Поволжья: материалы XIV междунар. науч. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.). Тверь : Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 159–162.

18. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 138 с.

19. Щербак А. С., Казанкова А. А. Креативные тенденции в сфере современных урбанонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. Вып. 4. С. 12–17.

20. Влахова-Ангелова М. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. София : Ин-т за български език «Проф. Любомир Андрейчин», 2013. 327 с.

21. Naming in different areas of communication field: Collective monograph / Editors: Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova. Ottawa : Carleton University, Centre for Governance and Public Policy, 2018.

22. Urban place names: International symposium (13–16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Ainiala & Jani Vuolteenaho. Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.

Reference List

1. Vladimirovich A. G., Erofeev A. D. Otkuda prihodjat nazvaniya. Peterburgskie ulicy, naberezhnye, ploshhadi ot anninskih ukazov do postanovlenij gubernatora Poltavchenko = Where the names come from. The streets, embankments, squares of Petersburg from anninsky decrees to Governor Poltavchenko's decrees. Moskva : ZAO Izd-vo Centrpoligraf, 2014. 319 s.

2. Vsesojuznaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Istoricheskie nazvaniya – pamjatniki kul'tury» (17–20 aprelja 1989 g.): tezisy dokladov i soobshhenij = Allunion scientific-practical conference «Historic names – culture monuments» / отв. red. V. P. Neroznak. Moskva : Nauka, 1989. 184 s.

3. Golomidova M. V. Sovremennaja urbanonimicheskaja nominacija: strategicheskie podhody i prakticheskie reshenija = Modern urbanonymic nomination: strategy approaches and practical decisions // Voprosy onomastiki. 2017. T. 14. № 3. S. 185–200.

4. Golomidova M. V. Toponimicheskaja politika v sfere nominacii vnutrigorodskih ob'ektov: teoreticheskie i prikladnye problemy = Toponymic policy in the sphere of innercity objects nomination: theoretical and applied problems // Voprosy onomastiki. 2018. T. 15. № 3. S. 36–61.

5. Gorodskoj onomastikon: materialy Mezhdunar. nauch.-teor. onlajn-seminara molodyh issledovatelej = City's onomasticon: the materials from International scientific-theoretical online seminar of young scientists / отв. red. prof. I.V. Krjukova. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. 100 s.

6. Gorlanova I. B. Toponimija goroda Kostromy = The city of Kostroma toponymy. Kostroma : Izd-vo Kostromskogo gos. tehnol. un-ta, 2010. 115 s.

7. Egorova, L. V. Sovremennye tendencii v godonimii Chuvashskoj Respubliki (na primere g. Cheboksary) = Modern tendencies in godonymy of Chuvash republic (on the example of c. Cheboksari) // Materialy Mezhdunarodnogo molodjozhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov–2012» / отв. red. A. I. Andreev, A. V. Andrijanov, E. A. Antipov, K. K. Andreev, M. V. Chistjakova. Moskva : MAKSPress, 2012. URL: http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1901.htm. Data obrashhenija: 10.12.2015.

8. Podberezkina L. Z. Sovremennaja gorodskaja sreda i jazykovaja politika = Modern urban area and language policy // Russkij jazyk segodnja. Vyp. 2. Moskva : Azbukovnik, 2003. S. 511–528.

9. Podberezkina L. Z. Jazykovaja politika v godonimii: kakim dolzhno byt' imja novoj ulicy? (na materiale sociologicheskikh oprosov krasnojarscev) = Language policy in godonymy : what name must a street have? (on the material of sociological surveys of Krasnojarsk citizens) // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. № 2. S. 87–93.

10. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii. 2-e izd., pererab. i dop. =

The dictionary of Russian onomastic terminology. 2d ed. Moskva : Nauka, 1988. 192 s.

11. Pushkarjova Ju. G., Dorzhieva G. S. Ulicy goroda Ulan-Udje: istorija i sovremennost' = The streets of Ulan-Ude: past and present : monografija. Ulan-Udje : Izd-vo VSGUTU, 2016. 168 s.

12. Razumov R. V. Onimicheskaja situacija v dorevoljucionnyh sistemah urbanonimov provincial'nyh gorodov Jaroslavskoj oblasti = Onymic situation in pre-revolutionary systems of urbanonims of provincial towns of Yaroslavl region // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2019. № 2. S. 97–103.

13. Razumov R. V. Onomasticheskie stereotipy sovremennogo gorodskogo prostranstva = Onomastic stereotype of modern city space // Jazyk – Tekst – Diskurs: tradicii i novatorstvo: materialy mezhdunar. nauchn. konf.: v 2. ch. Ch. 2. Samara : Izd-vo «Samarskij universitet», 2009. S. 148–153.

14. Razumov R. V. Jazykovaja refleksija na vozvrashhenie istoričeskogo nazvanija (Il'inskaja ploshhad') = Language reflection on the returning of a historical name (Iljin Square) // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy mezhdunar. konf. «Čhtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. S. 53–64.

15. Sokolova T. P. Nejmingovaja jekspertiza: organizacija i proizvodstvo = Naming expertise: organization and performance. Moskva : Jurlitinform, 2016. 208 s.

16. Sokolova T. P. Novye «urbanonimy» Moskvy = New «urbanonyms» of Moscow // Jetnolingvistika. Ono-

mastika. Jetimologija : mat-ly III Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg 7–11 sentjabrja 2015 g. / otv. red. E. L. Berezovich. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. S. 252–254.

17. Sokolova T. P. Problema naimenovanija novyh gorodskih ob#ektov = The problem of new city objects naming // Onomastika Povolzh'ja: materialy XIV mezhdunar. nauch. konf. (Tver', 10–12 sentjabrja 2014 g.). Tver' : Izd-vo Mariny Batasovoj; Al'fa-Press, 2014. S. 159–162.

18. Shmeleva T. V. Onomastikon rossijskogo goroda = Onomasticon of a Russian city Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 138 s.

19. Shherbak A. S., Kazankova A. A. Kreativnye tendencii v sfere sovremennyh urbanonimov = Creative tendencies in the sphere of modern urbanonyms // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Filologičeskie nauki i kul'turologija. 2016. T. 2. Vyp. 4. S. 12–17.

20. Vlahova-Angelova M. Ulicite na Sofija: kartografirane na gradskata identičnost. Sofija : In-t za b#lgarski ezik «Prof. Ljubomir Andrejchin», 2013. 327 s.

21. Naming in different areas of communication field: Collective monograph / Editors: Irina V. Annenkova, Elena N. Remchukova. Ottawa : Carleton University, Centre for Governance and Public Policy, 2018.

22. Urban place names: International symposium (13–16 August 2009, Helsinki) / Compiled by Terhi Ainala & Jani Vuolteenaho. Helsinki : Research Institute for the languages of Finland, 2009.

УДК 811.161.1

А. П. Баженова

<http://orcid.org/0000-0003-2628-2862>

Английские менемы как репрезентанты смежной языковой картины мира в ранних текстах Н. С. Лескова-публициста

Для цитирования: Баженова А. П. Английские менемы как репрезентанты смежной языковой картины мира в ранних текстах Н. С. Лескова-публициста // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 99-103. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-98-102

В статье рассмотрены в их стилистической значимости характерные английские менемы, с использованием которых как репрезентантов смежной языковой картины мира в текстах ранних публицистических произведений Н. С. Лескова связаны рассуждения автора об общественных и культурных проблемах. Английские менемы характеризуются как идиолектемы, вербализаторы культурных концептов, экспликатеры интенций и прагматических установок Лескова-публициста, в чём видится актуальность и новизна исследования. Английские менемы анализируются как составляющие индивидуальной концептосферы с учетом их ассоциативного и коннотативного потенциала. Доказано, что функционирование менем в авторском тексте как репрезентантов смежной языковой картины мира способствует трансляции концептуальной информации в индивидуальной интерпретации, а также формированию этнических представлений. Определена роль английских менем в текстовом пространстве публициста. Выявлены их стилистические функции в прагматическом аспекте. Использовались методы наблюдения, анализа, применявшегося в отношении материала, извлечённого нацеленной выборкой, концептуальный подход. Сформулированы выводы о прагматике использования английских менем в ранних публицистических текстах Н. С. Лескова как манифестантов авторской интенции и средств формирования образа чужого народа. Статья может иметь практическое значение для расширения лингвистического лесковедения, исследования англосферы, языковой картины мира и подобных образований, уточнения функций английской лексики в масштабах хронологически очерченного свертхтекста автора и ее роли в активизации читательской интерпретации.

Ключевые слова: язык произведений Лескова, публицистический текст, английские менемы, культурный концепт, смежная языковая картина мира, этнические представления, идиолектемы.

A. P. Bazhenova

English menemes as representatives of a contiguous linguistic picture of the world in the early publicistic texts by N. Leskov

The article examines characteristic English menemes in their stylistic significance, which are used as representatives of a contiguous linguistic picture of the world in the texts of the early publicistic works by N.S. Leskov in connection with the author's reasoning about social and cultural problems. English menemes are characterized as idiolectemes, verbalizers of cultural concepts, explicators of the intentions and pragmatic attitudes of Leskov the publicist, which is seen as the relevance and novelty of the research. English menemes are analyzed as components of an individual conceptual sphere, taking into account their associative and connotative potential. It is proved that the functioning of menemes in the author's text as representatives of the contiguous linguistic picture of the world contributes to the transmission of conceptual information in an individual interpretation, as well as the formation of ethnic ideas. The role of English menemes in the text space of a publicist is determined. Their stylistic functions in a pragmatic aspect are revealed. Methods of observation, analysis applied to material extracted by targeted sampling, conceptual approach were used. Conclusions are formulated about the pragmatics of using English memes in the early publicistic texts of N. S. Leskov as demonstrators of the author's intention and means of forming the image of a foreign people. The article can be of practical importance for the expansion of linguistic forestry, the study of the Anglosphere, the linguistic picture of the world and similar formations, clarification of the functions of English vocabulary in the scale of the author's chronologically outlined supertext and its role in activating the reader's interpretation.

Key words: language of Leskov's works, publicistic text, English menemes, cultural concept, contiguous linguistic picture of the world, ethnic ideas, idiolectemes.

Литературная деятельность Н. С. Лескова отразила ценный опыт писателя, путешествовавшего по разным уголкам России, участвовавшего в переселении крестьян на новые земли, работавшего с англичанином А. Я. Шкотом. Формирование уникальной языковой личности Н. С. Лескова происходило под влиянием английской культуры. «Анализ сохранившейся в отечественных архивах и музеях мемориальной библиотеки писателя, насчитывающей при его жизни более трех тысяч томов, показал, что значительную её часть составляли сочинения английских историков, богословов, философов, художников, писателей в переводах на русский язык» [Минева, 2014, с. 71]. Важно отметить, что писатель не был в Англии и не владел английским языком свободно, тем не менее, образ этой страны отразился в его художественных и публицистических текстах.

Период 60-х годов XIX века был связан с масштабными событиями в России: завершение Крымской войны, проведение экономических и социальных реформ, отмена крепостного права. «Внимание к Англии было обусловлено как практическими, так и идеологическими причинами. Англия служила в какой-то мере моделью, на которой проецировались некоторые проблемы русской действительности» [Ерофеев, 1982, с. 73–74]. Английские слова в ранней публицистике писателя, на наш взгляд, функционируют в идиолекте и идиостиле Лескова как характерные менемы («менема – культурный концепт, хранящийся в менталитетно-центрированной части сознания в виде символического образа, соединенного с его текстовой расшифровкой» [Блох, 2016, с. 22]) английского образа жизни и применяются для описания и оценки явлений не только английского мира, но и русской действительности. Белинский отмечал, что стремление взять у иностранцев лучшее из того, что они имеют, – естественное явление [Белинский, 1956], поэтому Лесков как прогрессивный мыслитель своего времени рассматривал сочинения и достижения англичан как источник новых актуальных идей и пример развития цивилизованного общества, необходимого России.

Противопоставление образов по принципу «свой – чужой» [Алёшина, 2017, с. 120–122] является неотъемлемой частью человеческой ментальности. Менемы как ключевые элементы менталитета играют важную роль в формировании национального характера, который проявляется в национальной культуре. Следовательно, характерные менемы в идиолекте говорящего, являясь

вербальными средствами выражения отличительных черт национального характера, способствуют формированию образа другого народа и этнических представлений о нем. Как отмечает С. М. Колесникова, «обращение к языковым универсалиям, ментальнокогнитивным категориям и концептам, установление их смыслообразующих начал помогает расширить знания не только о языковой картине мира, но и его ментальности, о культуре русского народа» [Колесникова, 2019, с. 139].

Тексты Н. С. Лескова, как показывает их анализ, являются ценными источниками проявления русского и английского национального характера в слове через призму авторского восприятия действительности. Менемы, представляющие грани английского мира, используются писателем, который отходил от узувального значения слова, с авторской коннотацией. В результате применения стилистических приёмов публицист достигал необходимого воздействующего эффекта, передавая уникальные авторские интенции *идиолектемами* (идиолектемы – «единицы языкового стандарта или окказиональные, вобравшие в конкретном употреблении интенцию автора, получившие особое, отличное от узувального, стилистическое, семантическое и коннотативное содержание и таким образом репрезентирующие прагматикон языковой личности» [Леденёва, 2000]).

Ср.: «как мумии в обширной гробнице, восседают там и сям *лорды* величаво-спокойные и томительно-монотонные в своих речах» [Лесков, 2000, с. 404]. Культурно-ассоциативный импликационал английской менемы *лорды* включает в себя такие понятия, как *аристократия*, *богатство*, *благородство*, *титул*. В лесковском тексте стилистический прием сравнения (*как мумии в обширной гробнице*), выступающего в роли интенсификатора, активизирует коннотативный потенциал слова в индивидуально-авторском значении. Таким образом, в слове *лорд* в данном контексте актуализируются семы 'тоска', 'застой', 'уныные', усиленные контекстными партнёрами *величаво-спокойные* и *томительно-монотонные*.

Следующий пример блестящего мастерства Н. С. Лескова применять мифологические аллюзии в публицистике находим в тексте статьи, посвященной деятельности английского парламента и уипсов (*whips – are MPs or members of the House of Lords appointed by each party to inform and organise their own members in Parliament. One of their responsibilities is to make sure that their members vote in divisions, and vote in line with party policy*

[UK Parliament]; кнуты – это депутаты или члены Палаты лордов, назначенные каждой партией для информирования и организации своих членов в Парламенте. Одна из их обязанностей – следить за тем, чтобы их члены голосовали подразделениями и голосовали в соответствии с политикой партии): «*уипсы* эти в некотором смысле циклопы, – властная деятельность их производится вне всякой доступности очам стороннего наблюдателя: они работают втихомолку, и все, что они делают и что сделают, всегда покрыто тайною» [Лесков, 2000, с. 399]. Циклопы – существа древнегреческой мифологии. Их образ представляет собой характерную менему древнегреческой культуры: «Cyclops, (Greek: “Round Eye”) in Greek legend and literature, any of several one-eyed giants to whom were ascribed a variety of histories and deeds. In Homer the Cyclopes were cannibals <...> Odysseus escapes death by blinding the Cyclops Polyphemus. In Hesiod the Cyclopes were three sons of Uranus and Gaea» [Encyclopedia Britannica]; (Циклоп (греч. «Круглый глаз») в греческих легендах и литературе, один из нескольких одноглазых гигантов, которым приписывают множество историй и деяний. В Гомере циклопы были каннибалами <...> Одиссей избегает смерти, ослепив циклопа Полифема. У Гесиода Циклопы были тремя сыновьями Урана и Геи). Культурный концепт *циклопы* приобретает образное переосмысление, выполняя характеристическую функцию в текстовом пространстве писателя. По значимости уипсы сравниваются с мифологическими существами, могущественными и властными. Таким образом, менема *уипсы* в индивидуально-авторской интерпретации реализует общее значение недоступности и скрытности (контекстные партнеры *вне всякой доступности, втихомолку, покрыто тайною*).

Повествуя о жизни в Америке, Лесков описывает особенности американского мира, обращаясь к разным его проявлениям: «В Коннектикуте один очень набожный и смиренномудрый *джентльмен* женился на девушке, известной во всем околдке своим невыносимо дурным характером» [Лесков, 2000, с. 419].

Словарь Джонсона даёт следующее определение слову *джентльмен* – «человек из хорошей семьи, хоть и не благородный, но хорошего происхождения» [A dictionary of the English Language]. Представление об идеале английского джентльмена сложилось под влиянием пуританской этики, являя образ невозмутимого, сдержанного, воспитанного человека, что становится ос-

новой концептуализации менемы *джентльмен*. Адъектив *смиренномудрый*, изначально восходящий к религиозным текстам, привносит в образ джентльмена дополнительную характеристику (мудрость, сочетающаяся со смирением). Н. С. Лесков применяет приём гиперболизации для достижения контрастного эффекта (*девушка, известная своим невыносимо дурным характером*) и реализации воздействующей функции публицистического текста.

Использование характерных английских менем в описании явлений русского мира часто встречается в текстах публициста. Например, в статье «Заметка о зданиях» об улучшении общего состояния гигиены публицист отмечает: «Одна половина их относится к полицейской части здания, посетителей которой мы не принимали в расчет; другая, с шестью сиденьями (по 3 в каждом), составляет известную часть *комфорта* киевских чиновников и сторонних посетителей присутственных мест» [Лесков, 1996, с. 154]; *Известная часть комфорта* – эвфемистическая номинация отхожего места, уборной. Использование менемы *комфорт*, имеющей значение «вообще удобство и все, что делает жизнь покойною и приятною» [Чудинов], обусловлено стремлением публициста донести до читателя идею необходимости введения улучшений по части общественной гигиены.

Мысли публициста о детском труде и торговых мальчиках связаны с условиями их жизни и работы: «Теперь посмотрим, что ожидает фалангу этих мальчиков, бессмысленно толпящихся с утра до ночи, летом и зимою, у лавочных порогов; раскланивающихся с глупою ловкостью гостинодворского *денди* и произносящих каким-то гортанным акцентом: «Галстуки, духи, помада, пожалуйте, господин! мадам! у нас покупали» и тому подобные вздор и ложь» [Лесков, 1998, с. 506]. Английская менема используется в неоднословной номинации *гостинодворский денди*, которая становится ярким микрообразом, передающим горькую иронию публициста. Прием антитезы позволяет более выпукло представить транслируемый автором контраст. Ср.: денди – «мужчина, одевающийся постоянно по моде и со вкусом, благородного происхождения и имеющий достаточный доход» [Чудинов]. Контекстные партнеры *с глупой ловкостью* усиливают воздействующий эффект публицистического текста.

Размышления Н. С. Лескова о русской жизни и русском народе занимают центральное место в его публицистических произведениях. Говоря о бытовых проблемах и актуальных темах послере-

форменной России, публицист обращается к культуре Англии. Материал позволяет утверждать, что использование публицистом английских менем в качестве идиолектом несёт важную текстообразующую функцию, передавая разнообразие форм репрезентации слова в тексте и богатство образного мышления автора. На этом основании можно выделить понятие *смежной языковой картины мира* как совокупности личностных представлений об окружающей действительности средствами иного языка. Публицист, применяя ряд стилистических приемов, уходит от узусального значения слова, создавая авторский микрообраз. Менемы *лорды (как мумии в обширной гробнице), уипсы (циклопы), смиренномудрый джентльмен, комфорт, гостинодворский денди* становятся средствами передачи авторской интенции на прагматическом уровне, закрепляясь в своеобразные образы, которые вносят в обыденное денотативное значение менемы коннотации окказионального характера. Ирония автора активизирует и стимулирует читательскую интерпретацию [Ильинская, 2019, 16–21].

Языковая картина мира, взаимодействуя с концептуальной картиной мира, включающей языковые и внеязыковые знания, способствует пониманию человеком мира и его места в нем. Смежная языковая картина мира способствует переосмыслению культурных концептов других народов в сопоставительном плане (свой – чужой), а так же в аналитическом (применительно к своему), обогащая ментально-лингвальный комплекс автора и читателей.

Творчество Н. С. Лескова является ценным источником формирования этнических представлений об английском и русском народах на основе лесковского восприятия быта и национального характера. Английские менемы становятся ценным ресурсом, пополняя словарный состав русского языка и способствуя эволюции языковой картины этноса.

Библиографический список

1. Алёшина Л. В. Заимствования в идиостиле Н. С. Лескова // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Международной научной конференции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. С. 120–122.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Том 10. Статьи и рецензии. 1846–1848 / Виссарион Григорьевич Белинский. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. 474 с.
3. Блох М. Я. Сознание и менталитет // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 18–25.

4. Ерофеев Н. А. Туманный альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. Москва: Наука, 1982. 320 с.

5. Ильинская Т. Б. Ирония как вид комментария у Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 16–21.

6. Колесникова С. М. Ментально-когнитивная категория «семья» в русской языковой картине мира // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах: сборник материалов III межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Рязань: Академия ФСИИ России, 2019. С. 134–140.

7. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: Средства номинации и предикации. Москва, 2000. 481 с.*

8. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 1 / Николай Семёнович Лесков. Москва: ТЕРРА, 1996. 912 с.

9. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 2 / Николай Семёнович Лесков. Москва: ТЕРРА, 1998. 992 с.

10. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Том 7 / Николай Семёнович Лесков. Москва: ТЕРРА, 2000. 912 с.

11. Минеева И. Н. Эффект левизны, или Отношения Н. С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 7 (144). С. 70–75.

12. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи // Академик: сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34076 (дата обращения 19.08.2020).

13. A dictionary of the English Language: A Digital Edition of the 1755 Classic by Samuel Johnson // A dictionary of the English Language: сайт. URL: johnsonsdictionaryonline.com (дата обращения 20.08.2020).

14. Encyclopedia Britannica: сайт. URL: <https://www.britannica.com/topic/Cyclops-Greek-mythology> (дата обращения 20.08.2020).

15. UK Parliament: сайт. URL: <https://www.parliament.uk/site-information/glossary/whips/> (дата обращения 15.06.2020).

Reference List

1. Aljoshina L. V. Zaimstvovanija v idiostile N. S. Leskova = Borrowings in the idiostyle of N. S. Leskov // «Svojo» i «chuzhoe» v kul'ture: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2017. S. 120–122.
2. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij: V 13 tomah. Tom 10. Stat'i i recenzii. 1846–1848 = Full works collection: in 13 t. 10. Articles and reviews. 1846–1848. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1956. 474 s.

3. Bloh M. Ja. Soznanie i mentalitet = Consciousness and mentality // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2016. № 2. S. 18–25.
4. Erofeev N. A. Tumannyj al'bion. Anglija i anglichane glazami russkih. 1825–1853 gg. = Foggy Albion. England and English people through Russian people eyes. Moskva : Nauka, 1982. 320 s.
5. Il'inskaja T. B. Ironija kak vid kommentarija u N. S. Leskova = Irony as a type of N. S. Leskov's commentary // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2019. № 3 (18). S. 16–21.
6. Kolesnikova S. M. Mental'no-kognitivnaja kategorija «sem'ja» v russkoj jazykovej kartine mira = Mentally-cognitive category of «family» in the Russian language picture of the world // Filologičeskie i pedagogičeskie aspekty gumanitarnogo obrazovanija v nejazykovyh vuzah: sbornik materialov III mezhhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Rjazan' : Akademija FSIN Rossii, 2019. S. 134–140.
7. Ledenjova V. V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova : Sredstva nominacii i predikacii = N. S. Leskov's idiolect's peculiarities: means of nomination and predication. Moskva, 2000. 481 s.
8. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. Tom 1 = Complete works collection: in 30 t. T.1. Moskva: TERRA, 1996. 912 s.
9. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. Tom 2 = A. I. Fyodorov's Complete works collection: in 30 t. T. 2. Moskva : TERRA, 1998. 992 s.
10. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomah. Tom 7 = Complete works collection: in 30 t. T. 7 / Nikolaj Semjonovich Leskov. Moskva: TERRA, 2000. 912 s.
11. Mineeva I. N. Jeffekt levizny, ili Otnoshenija N. S. Leskova s Anglij = The effect of leftism or the relations of N. S. Leskov with England // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2014. № 7 (144). S. 70–75.
12. Chudinov A. N. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo jazyka. Materialy dlja leksičeskoj razrabotki zaimstvovannyh slov v russkoj literaturnoj reči = Foreign words coming to Russian dictionary. Materials for lexical workout of borrowed words in Russian literature speech lit // Akademik. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34076 (data obrashhenija 19.08.2020).
13. A dictionary of the English Language: A Digital Edition of the 1755 Classic by Samuel Johnson // A dictionary of the English Language: sajt. URL: johnsonsdictionaryonline.com (data obrashhenija 20.08.2020).
14. Encyclopedia Britannica: sajt. URL: <https://www.britannica.com/topic/Cyclops-Greek-mythology> (data obrashhenija 20.08.2020).
15. UK Parliament: sajt. URL: <https://www.parliament.uk/site-information/glossary/whips/> (data obrashhenija 15.06.2020).

Романские языки

УДК 808.53

В. И. Пефтиев

<https://orcid.org/0000-0001-6357-7651>

Е. И. Бойчук

<https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его политической деятельности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00243

Для цитирования: Пефтиев В. И., Бойчук Е. И. Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его политической деятельности // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 104–112.

DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-103-111

Основной целью исследования, результаты которого представлены в статье, является анализ идиолекта президента Франции Эммануэля Макрона в контексте политических событий, представленных в обращениях президента к нации. В работе решаются следующие задачи: определены механизмы влияния построения его речи на реципиента, отражен аспект междисциплинарного диалога между политологией и лингвистикой, обращается внимание на контекст дискурса Э. Макрона на фоне изменяющегося мира, вызовов во внутренней и внешней политике Франции. Кроме того, осуществлен системный анализ идиолекта Э. Макрона с точки зрения реализации его коммуникативных функций. Выводы статьи познавательны для приращения знаний в лингвосоциологии и политической лингвистике. Основным результатом исследования явилось заключение о том, что идиолект Э. Макрона отличается стремлением к аккуратному, осторожному, но в то же время смелому отношению к слову. Специфика его речи проявляется на всех языковых уровнях, а именно: на фонетическом уровне – в четком с точки зрения дикции и расстановки пауз, связывания и акцентирования декларированием; на лексическом уровне – в своеобразном выборе лексики, в некоторых случаях устаревших, малоупотребительных слов, а также в использовании метафор и фразеологизмов; на синтаксическом уровне – в использовании сложных синтаксических конструкций и анафорических повторов. Эта специфичность привлекает к себе внимание, она определяет идиолект президента как личности, стремящейся вывести развитие страны на новый уровень, проявить заботу о нации, в то же время подчеркивая свою довольно жесткую позицию по отношению ко всему миру.

Ключевые слова: идиолект, политический дискурс, политическая лингвистика, социолингвистика, Э. Макрон, лингвокогнитивный анализ.

Romance languages

V. I. Peftiev, E. I. Boychuk

The specifics of the idiolect of E. Macron in the context of his political activities

The aim of the paper is to present the results of the analysis of the idiolect of the French President Emmanuel Macron in the context of political events presented in the president's addresses to the nation. The following tasks are solved in the work: the mechanisms of the influence of his speech on the recipient are determined, the aspect of an interdisciplinary dialogue between political science and linguistics is reflected, attention is drawn to the context of the discourse of E. Macron against the backdrop of a changing world, challenges in France's domestic and foreign policy. The analysis of the idiolect of E. Macron from the point of view of the implementation of its communicative functions was also carried out. The conclusion of the article is informative for the increment of knowledge in sociolinguistics and political linguistics. The main result of the study was the conclusion that the individual style of E. Macron is distinguished by the desire for a neat, cautious, but at the same time bold attitude to the word. The specificity of his speech is manifested at all linguistic levels, namely at the phonetic level, clearly defined in terms of diction and arrangement of pauses, linking and accentuation by declaring, at the lexical level in a peculiar choice of vocabulary, in some cases outdated, uncommon words, as well as in the use of metaphors and phraseological units, at the syntactic level – in the use of complex syntactic constructions and anaphoric repetitions. This specificity draws attention to itself,

it defines the president's idiolect as a person striving to take the country's development to a new level, to take care of the nation, at the same time emphasizing his rather tough position in relation to the whole world.

Key words: idiolect, individual style, political discourse, political linguistics, sociolinguistics, E. Macron, linguistic and cognitive analysis.

Введение

Междисциплинарный диалог – веяние времени, показательная (медийная) примета 21 в. Это встречное движение, с асимметрией и без таковой, но в конечном счете всегда плодотворное, хотя и с возможными разночтениями в процессе достижения консенсуса. Социолог Ц. Лю приветствует «лингвистический поворот» и признает, что люди познают общество через язык [Лю, 2018, с. 117]. Политэкономы С. Г. Кирдина-Чэндлер и М. С. Круглова раскрывают этимологию понятий «общество» и «государство» в нескольких цивилизациях [Кирдина-Чэндлер, Круглова, 2019, с. 15–26]. Исследователи установили, что носители языковой матрицы X (русский, китайский, японский, хинди/санскрит) рассуждают об обществе в алгоритме «сверху-вниз», от коллективного к индивидуальному [Кирдина-Чэндлер, Круглова, 2019, с. 15–26]. Этому алгоритму соответствует метафорический образ «зеркалки в гранате». В странах с доминированием матрицы Y (английский, французский, немецкий) семантика корня и смысловые потенции пришли из латинского языка: *societas* от существительного *socius* – товарищ, друг, союзник. Иными словами, общество – это объединение взаимодействующих дружески настроенных друг к другу людей, то есть агрегирование направлено снизу вверх. Здесь реализуется другой метафорический образ – «виноградины на одной кисти». Общество как становление некой целостности формируется за счет приращения новых «виноградин»; каждая из которых соединена с кистью особым способом [Кирдина-Чэндлер, Круглова, 2019, с. 19–21].

Лингвисты вносят весомый вклад в приращение знаний в политологии и политической психологии, в анализе политических практик. В языкознании автономный статус обрела лингвосociология. Не иссякает поток новейших публикаций о политических лидерах Европы и мира. В этой связи, полагаем, мотивы обращения к дискурсу «новичка» в мировой элите – Э. Макрону, президенту Франции, довольно очевидны.

Междисциплинарный диалог также вовлекает в научный оборот новацию из культурологии – пограничье («фронтир»). У данного феномена множество значений и векторов идентификации.

Представляя собой многоликое пространство (материальное, интеллектуальное, воображаемое) ввиду промежуточности своего положения между проблемными полями «соседних» наук, пограничье таит в себе неоднозначные последствия для ученых. С одной стороны, открывается «окно возможностей» (метафора из экономического лексикона) для прорывных открытий, а с другой – усложняются научные поиски. В случае усложнения подсказку для выхода из лабиринта ограниченный на истинное знание можно отыскать в методологических метафорах («симбиоз», «кентавр», «гибрид» и др.), в идиолекте, в специфике дискурса. К этому следует добавить изменчивость окружающего нас мира, «текущую современность» Э. Бауман, которая не может не сказаться на дискурсе политического деятеля как предмете познания объектно-субъектных отношений мультидисциплинарного характера.

Дискурс политика – это а) светское послание *urbi et orbi*, б) декларируемые интенции в речевой оболочке (речь, текст), в) спонтанно-рукотворное проявление его личности, чувств, поступков, действий. В словесной вязи дискурса исследователь обязан отыскать смысл послания политика и его достоверно интерпретировать. Это представляет собой сложную и ответственную задачу. Подходы к ее решению можно найти в трудах филолога-слависта А. А. Потебни (1835–1891). В сочинении «Мысль и язык» (1862) он вводит концепт «сгущения мысли» [Потебня, 1976]. Знаковое слово не есть что-то раз и навсегда созданное, а нечто «постоянно создающееся». Его досоздают и пересоздают читатели, слушатели – все, на кого оно действует. На слово нельзя смотреть как на вкрапленные «готовой мысли» [Потебня, 1976, с. 181–183].

Вторая задача исследования вытекает из своеобразия иноязычного текста, контекста его появления и стилового оформления. Все эти компоненты надлежит учитывать при презентации дискурса политиков первого ранга. Кроме того, исследователь неизбежно оценивает речь политика через призму своих мыслей и слов, это в некотором смысле обуславливает субъективность его мнения.

Для установления определенных черт дискурса необходимо обращение к понятию идиолекта как характеристике языковой составляющей, тесно

взаимосвязанной с социальным статусом личности, с целями дискурса, его формой и адресностью. В связи с этим, следует в первую очередь определить само понятие идиолекта, а также отметить его особенности для анализа политического дискурса.

Понятие идиолекта в контексте политического дискурса

Идиолект политического лидера характеризуется «институциональной эстетикой риторики, приоритетом профессиональной этики, регулируемой творческой активностью, демократичностью идиолектного узуса» [Седых, 2016, с. 41]. К таким выводам пришел А. П. Седых в своем исследовании, посвященном анализу политического дискурса президента РФ В. В. Путина. Анализ языкового материала позволил сделать автору следующие выводы: президент «стремится завладеть инициативой, осуществляет активное идеологическое воздействие на собеседника, обладает достаточным эмоциональным потенциалом, позиционирует себя активным русофоном, апеллирует преимущественно к решению внутренних проблем нации» [Седых, 2016, с. 41].

Понятие идиолекта в настоящее время все чаще ориентировано на исследования в области политического дискурса, что связано с остротой политической ситуации, активностью изменений, происходящих на политической арене, а также с усилением активности вербального и невербального воздействия на массы.

Следует отметить, что понятие идиолекта изначально тесно связывается с языковой спецификой отдельной личности. Наиболее общее его определение предлагает «Лингвистический энциклопедический словарь»: «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 171].

Находясь в тесной связи с идиостилем, идиолект используется для характеристики авторского стиля в литературном творчестве, где он чаще определяется как система языковых средств, используемых тем или иным автором (Б. А. Ларин, В. П. Григорьев, Ю. Манн, В. В. Леденёва). Идиолект рассматривается В. В. Леденёвой как «поле экспликации особенностей языковой личности, которые реконструируются при анализе созданных этой языковой личностью текстов» [Леденёва, 2000, с. 21]. В последние два десятилетия появилось множество работ, ориентированных на

исследование специфики авторского языка (работы О. В. Кареловой, 2006, О. Д. Тихоненко, 2013, В. В. Воскобойникова, 2013, Е. В. Богдановой, 2015; Е. С. Медведковой, 2016, К. С. Чугуновой, 2017). В них отмечается необходимость взаимодействия языковых средств, используемых писателем, с национальным языком на том или ином этапе его развития. При этом отмечается неотъемлемость обратной связи, а именно обогащения национального языка новыми авторскими формами.

С точки зрения Е. В. Богдановой, «идиолект – это совокупность индивидуальных особенностей языка носителя, являющих собой результат формально-языкового воплощения системных связей в языке индивида, сформировавшихся и последовательно развивающихся с момента усвоения им общей языковой системы» [Богданова, 2009, с. 105]. При этом автор учитывает языковые предпочтения носителя в общем, вследствие чего «идиолект может быть сформирован из общеупотребительных языковых феноменов, сочетающихся с уникальными, присущими конкретному индивиду явлениями языка» [Богданова, 2009, с. 105].

Каковы же средства его характеризующие?

Н. А. Фатеева рассматривает тропеическую, звуковую и ритмико-синтаксическую специфику [Фатеева, 2003, с. 17]. Автор также говорит о ритмико-синтаксической организации текста, которая с нашей точки зрения важна не только для художественного произведения, но и для медийных текстов, в том числе в рамках политического дискурса.

В зарубежном литературоведении также существует ряд работ, посвященных сути понятия идиолекта и его разграничению с понятием идиостиля, а также его структуре, функциям и средствам. Так, Ж. Филипп считал, что идиолект находится на том же уровне значимости, что и языковые повторы и расценивал идиолектическую особенность автора так же, как и особенность интонации, мелодики, свойственных речи конкретного человека [Philippe, 2001].

Р. Барт говорит о значимости перехода от понятий языковых особенностей авторского стиля к понятию дискурсивных паттернов (речевых оборотов, устойчивых сочетаний и типичных повторяемых фрагментов предложения) [Barthes, 2002, с. 978–979], которые формируют идиолект автора.

Особенно значимым в рамках идиолекта является понятие *стилисте́мы* (*stylème*), которое Ж. Молинье (G. Molinié) рассматривает как устойчи-

вый для того или иного автора речевой оборот, в связи с чем авторский стиль воспринимается как совокупность таких стилистических элементов («*stylème est une abstraction sensée représenter une corrélation fonctionnelle possible entre des éléments du langage, une combinaison de stylèmes serait censée définir un style*» [Molinié, 2019]).

Д. Брандидж (G. Brundage) также уделяет наибольшее внимание идиолекту, не упуская из внимания и ритма текста. При этом автор рассматривает совершенно четкие критерии идеального авторского стиля, а именно тщательный отбор слов, структура предложений, образность, ритм, форма повествования: «*diction (word choice), sentence structure and syntax nature of figurative language, rhythm and component sounds, rhetorical patterns (e.g. narration, description, comparison-contrast, etc.)*» [Brundage, 2011].

Важным также является вопрос соотношения идиолекта политической личности и ее политического дискурса. Понятие идиолекта представляется комплексным, многоуровневым, включающим в свою структуру различные специфические средства выразительности речи на всех языковых уровнях. Если политическому дискурсу свойственны «целенаправленность и динамичность, ситуативная приуроченность, сиюминутность (спонтанность) речевой деятельности, привязанность к определенному контексту, принадлежность к целому слою культуры, идеологическая окрашенность речи» [Генералова, 2010, с. 101], то идиолект политического деятеля, безусловно учитывающий эту специфику, как понятие комплексное, совмещенное с индивидуальными характеристиками личности, реализуется в различных формах в зависимости от политического контекста, но имеет при этом свои стабильные признаки для каждой личности. Рассмотрим специфику его идиолекта на фоне его политического дискурса в свете политических событий последних трех лет (с момента его инаугурации в 2017 г.).

Контекст политического дискурса Э. Макрона

Стремительное восхождение молодого технократа на президентский Олимп – экстраординарное событие в политической истории Франции после «Славного тридцатилетия» (*Les Trente glorieuses*). Версий «чуда» немало, но они сходятся в одном: имидж победил программу. Внешнее сходство Макрона с Наполеоном и ностальгия французов по лидеру – сильному, смелому, хитрому, умному. Брак с любимой женщиной, которая старше его на поколение, на время купировал синдром «бальза-

ковского возраста» у женщин – избирательниц. Умелое дистанцирование от традиционных партий, вызывающих у среднего француза усталость, апатию, недоверие. Предположительно, Э. Макрон воспользовался рекомендациями политического экстрасенса Жака Аттали, удачливого и «в тени» и «на виду». Возник тренд на «новичка», который был возглавлен Д. Трампом.

Новации Э. Макрона последовали одна за другой с момента его инаугурации в мае 2017 г. Он незамедлительно заявил о новых стратегических инициативах во внутренней и внешней политике. Э. Макрон стал позиционировать себя как реформатор Евросоюза, стал «ходячей рекламой» либерализма, начал выступать за синтез технократии и популизма. Э. Макрон намерен сделать из Франции start-up нацию. В его речах появляются высокопарные слова (вербальные инкрустации) о современной «революции Коперника», что является доказательством его самоидентификации с Юпитером. Так воспринял его декларацию британский еженедельник «The Economist» [The Economist, 2017, p. 7]. В ответ на критику оппонентов Э. Макрон встал на сторону нового поколения французов: «реформы рынка труда и жилья – это политика для молодежи» [Dupont, 2017]. В первые 100 дней своего президентства Э. Макрон пояснил свою позицию в отношении с Россией: Франция не признает аннексию Крыма, выступает за конкретное применение Минских соглашений, что может быть свидетельством неприятия безрезультатных дискуссий. Согласно мнению Le Monde, в преддверии G20 Макрон сказал президенту Украины «... будем жесткими с русскими (*exigeants*), но и вы должны быть безукоризненными (*irreprochables*)» [Rey-Lefevre, 2017]. На открытии 72 сессии ГА ООН (сентябрь 2017 г.) Э. Макрон намекнул на динамизм своего поколения политиков (сорокалетних) и фактически вступил во внутреннюю политику с Д. Трампом относительно отказа США от международных обязательств (соглашение по климату, межконтинентальные партнерства, ядерная сделка с Ираном и др.).

Э. Макрон исходит из того, что только многосторонний подход, то есть ведение переговоров, а не мантра «Америка превыше всего» помог найти приемлемые решения по злободневным проблемам современности. Парижская печать того времени отличала самобытность позиции Э. Макрона. В течение недели газета «Le Monde» в своих редакционных статьях и откликах неодобрительно встречала пассажи Д. Трампа и приветствовала поведение Э. Макрона. Особо отметили запоми-

нающиеся и часто повторяемые ключевые слова и заголовки: «Дуэль Макрон-Траммп через речи ООН» («A l'ONU, duel à distance attendu entre Macron et Trump») [Hubert-Rodier, 2018], «Э. Макрон – антитраммп («Devant l'ONU, Macron se pose plus que jamais en anti-Trump») [Michelon, 2018], «Д. Траммп опускает ООН» («Donald Trump rebaisse l'ONU») [Stapleton, 2017]. Речь Д. Трампа в ООН – это ужасный вызов (un terrible défi) для международного сообщества; она брутальна, агрессивна и несогласованна (incohérent). Д. Трампу противостоит новый мир, мультиполярный, взаимосвязанный, с осознанием общих вызовов, понимающий сложность диалога, имеющий веру в его эффективность (la nôtre nous oblige à réapprendre la complicité du dialogue, mais aussi sa fécondité).

Ранняя осень 2017 г. – это звездный час Э. Макрона, это его внешнее достижение в геополитике. В те же «горячие дни» газета «Le Monde» опубликовала и пессимистический прогноз текущей и будущей политики США в Европе: «Même après Trump les Etats-Unis ne réinvestiront pas dans la sécurité de l'Europe» [Semo, 2017]. Прогноз, который впоследствии оправдался, принадлежал Томасу Гомрту (Thomas Gomart), директору Французского института международных отношений (IFRI).

Акции протеста оппозиции профсоюзов и «желтых жилетов» были, есть и еще долго будут «головоломкой» для президента Франции. И, тем не менее, отдельные геополитические демарши Э. Макрона на глокальном уровне услышаны и обсуждены, пусть и в полярной тональности.

5 марта 2019 г. Э. Макрон публикует во всех странах Евросоюза статью с защитой своего проекта объединения Европейских институтов (единое министерство финансов, укрепление пограничных служб, самостоятельность в сфере обороны и безопасности и др.). Он ополчился против тех, кто эксплуатирует гнев народа (colère) в узкопартийных целях. Э. Макрон без устали подчеркивает, что в Европе не в состоянии в одиночку противостоять натиску глобального рынка, экспансии корпораций США, Китая, крупных развивающихся стран (КРС). Необходим всесторонний диалог с Россией. Эти предостережения Э. Макрона подвигли еженедельник «Эксперт» на публикацию его фото на обложке с заголовком «Одиночество Европы» с подробными комментариями [Эксперт, 2019].

Крылатая фраза Э. Макрона из интервью в «The Economist» «смерть мозга НАТО» («Mort

cérébrale» de l'OTAN») облетела всю планету; она же скомкала юбилейное торжество к 70-летию НАТО в Лондоне (3–4 декабря 2019г.). Это уточнило его позицию в отношении Российской Федерации: он видит в России а) соседа (императив географии), б) партнера, в) угрозу из-за передислокации войск вооружений к западным границам России. Метафора «смерть мозга» в устах Э. Макрона – это отчаянное послание Д. Трампу и США с призывом прекратить иррациональное поведение под легковесным предлогом (доля военных расходов к ВВП): Вы ослабляете своего европейского союзника! Вы не думаете стратегически!

Последний эпизод в политическом дискурсе Э. Макрона за 2019 год – возобновление встреч в «Нормандском формате» (Франция, Германия, Россия и Украина) после трехлетнего перерыва. Э. Макрон радушен и доволен. А. Меркель ценит включение формулы Штайнмайера в предмет переговоров. В. Зеленский акцентирует «ничью». В. Путин отмечает дальнейший его шаг в правильном направлении. Французские СМИ и ТВ отмечают его точность и иронию: «Les avancées, mais pas de percée» (продвижение без прорыва) [Platio, 2019]. Каждый лидер заполучил политические очки в большой игре.

Краткий хронотоп публичных высказываний Э. Макрона поучителен для знатоков политической психологии и политической лингвистики. Он торопится с реализацией внутренних реформ и общеевропейских начинаний. И тогда в его речах и публикациях слышны эпатажные метафоры и фразы, такие как «смерть мозга НАТО»; наша политика к России устойчива (robuste comme chêne). Э. Макрон учтив и любезен по протоколу и вне его, если высказанное им встречает поддержку, что демонстрирует поведение аристократа былых эпох. Этот поведенческий дуализм прослеживается и в общении с собственным народом; а в политике самое главное – это коммуникация между властью и гражданами [Юдина, 2001, с. 31, 45, 46].

Языковая характеристика идиолекта Э. Макрона

Для анализа идиолекта Э. Макрона были выбраны тексты его выступлений и обращений к нации 2019–2020 гг.

С точки зрения критиков, журналистов и исследователей, анализирующих речь президента, глава государства «привык к определенным лирическим полетам и стратосферным философским тирадам, порой элитарным» («Le chef de l'Etat est coutumier de ces envolées lyriques et tirades

philosophiques stratosphériques, pour ne pas dire élitistes.») [Schuck, 2018].

Редкие в употреблении слова «инерционность», «идиосинкразия», «раскол» («*rémanence*», «*idiosyncrasie*», «*disruption*») и даже крайне редкая в употреблении «самость» (*ipséité* – излюбленный термин философа Поля Рикёра) являются довольно частотными в его обращениях, в которых предложение часто составляет целый абзац.

Исследования специфики президентской речи в разные годы, проводимые французским лингвистом Дамоном Майафром (Damon Mayaffre), свидетельствуют о важности размера предложения. Исследователь положительно оценивает языковой уровень, поднявшийся с его точки зрения до уровня Франсуа Митеррана, когда до 80-х гг. он поддерживал высокий литературный стиль в своих речах. Затем стилевое оформление президентских речей стало в большей степени разговорным. Теперь же Э. Макрон стремится вернуться к литературному стилю изложения мыслей, употребляя более объемные предложения, но соблюдая стиль речи Шарля де Голля (в среднем 33 слова в предложении), Жоржа Помпиду и Валери Жискар Д'Эстена [Mayaffre, 2012].

Работая над стилем речи, Макрон показывает всю значимость своего послания, а следовательно, свою власть. В результате, французы впечатлены его мастерством. Используя сложные слова, он сообщает получателю информацию, которую тот вполне способен понять, что, безусловно, вызывает уважение среди населения. Естественным является то, что Макрон стремится найти свой стиль и найти свои специфические черты, которые отличали бы его от Н. Саркози и от Ф. Олланда. Поэтому в его речи появляются особенные слова «макронимы» (*macronades*): *poudre perlín pinpin* (чудодественный порошок), *galimatias* (смехотворный, хорошенький в пейоративном значении, например, хорошенькое дельце (*croquignolesque*)).

Гапакс легионен, сложные и редкие слова в его речи опровергают модель поведения предыдущих президентов, когда простота речи казалась бы сближала, облегчала задачу взаимодействия и поиска понимания со стороны представителей власти и народа. Существует мнение, что вверяя свои мысли народу, высказанные таким высокопарным языком, Макрон приближает всех, кто ему внимает, к своему уровню и статусу, но в то же самое время удаляет от себя, демонстрируя свою власть, власть его слова.

Особую роль в речи политиков в целом играют метафоры. В своем письме европейцам Эммануэль Макрон 5 раз повторяет слово «ловушка», слово, которое кристаллизует метафору «коварной и сдерживающей ситуации» [Battaglia, 2019]: «*Le piège n'est pas l'appartenance à l'Union européenne ; ce sont le mensonge et l'irresponsabilité qui peuvent la détruire*». В целом данная метафора расценивается автором статьи как эхо националистического дискурса о подчинении и заключении в тюрьму народов и наций. В ментальном представлении понятия «ловушка» наиболее важен семантический компонент хитрости и обмана, который определяет более общий термин «клетка»: «*Le piège n'est pas l'appartenance à l'Union européenne ; ce sont le mensonge et l'irresponsabilité qui peuvent la détruire*» [Battaglia, 2019].

Особую роль в отражении специфики идиолекта Э. Макрона имеют повторы слов, которые употребляются в речи президента в форме различных стилистических средств. В первую очередь это анафорические повторы: *Nous avons tous vu le jeu des opportunistes qui ont essayé de profiter des colères sincères pour les dévoyer. Nous avons tous vu les irresponsables politiques dont le seul projet était de bousculer la République cherchant le désordre et l'anarchie* [Sipos, 2018]. При этом местоимение *nous* в данном случае неоднозначно. Под этим «мы» президент понимает французский народ в целом, а также его сторонников. Личное местоимение *nous* довольно часто появляется в речи политика, что подчеркивает его единение с народом. Кроме того, это «мы» – вежливая форма приказа, определенная установка, призыв к действию. В свою очередь местоимение *je* в анафорическом повторе также является частым, оно подчеркивает его ответственность перед народом, его способность защитить, дать надежду.

В речи президента можно встретить различные типы повторов на стилистическом уровне, такие как диакопа, эпизевксис, лексическая и синтаксическая анафоры, эпифора, симплока, градационный повтор и многие другие. Однако этому следует посвятить отдельное исследование.

Заключение

Крис Бикертон (Chris Bickerton) в «The New York Times» (от 7 сентября 2017г.) предрек Э. Макрону судьбу еще одного «провального» президента. Этот скоропалительный и заведомо пристрастный вердикт был контрастным по отношению к мнению Жака Аттали, который в своем интервью «Эксперту» при посредничестве француз-

ского журналиста М. Бюма, положительно оценивает ум и компетентность своего воспитанника, его амбиции и план реформ [Эксперт, 2019]. Э. Макрон, проявляет должное уважение к магии слова, к политической риторике и сентенциям античных мыслителей. В общем осторожный, но зачастую довольно смелый выбор слова, высокий стиль речи, синтаксически сложные конструкции придают идиолекту Э. Макрона определенный французский шарм, но в то же время заставляют задуматься над значимостью такого словоупотребления, обращают на себя внимание, вуалируя при этом истинный смысл сказанного.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Дескриптивная теория метафоры. Москва : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
2. Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник Ленинградского Государственного университета имени А. С. Пушкина, 2009. Серия Филология. Том 1. № 4. С. 100–108.
3. Генералова С. Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2010. № 5(1). С. 95–101.
4. Идиолект и ритм текста: монография / Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Шляхтина Е. В., Беляева О. В., Яославль: РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.
5. Кирдина-Чендлер С. Г., Круглова М. С. «Общество», «государство» и институциональная матрица: опыт междисциплинарного анализа // Социс, 2019. № 10. С. 15–26.
6. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова. Москва : Моск. пед. ун-т, 2000. 183 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М: Советская энциклопедия, 1990. 685с.
8. Лю Ц. О лингвистическом повороте социологии // Социс, 2018. № 7. С. 115–123.
9. Пейтнев В. И., Титова Л. А. Подходы к пониманию иноязычного текста в коммуникативном пространстве «свой-чужой» // Ярославский педагогический вестник, 2018. № 4. С. 327–331.
10. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. Москва : Искусство, 1976. 614 с.
11. Седых А. П. К вопросу об идиополитическом дискурсе В. В. Путина // Политическая лингвистика, 2016. № 1 (55). С. 35–41.
12. Фатеева Н. А. Интертекст и гипертекст: художественный текст, его бытие в «паутине» других текстов // Русский язык сегодня : сб. ст. Москва, 2003. Вып. 2. С. 388–400.
13. Шульц В. Л., Любимова Т. М. Классовая борьба во Франции: социальный протест в неомарксистской интерпретации // Социс, 2019. № 10. С. 27–38.
14. Эксперт, 2019. 9–15 сентября. № 37. С. 11–15.
15. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. Москва : Изд. МГУ, 2001. 160с.
16. Develey A. Emmanuel Macron ne converse pas avec le peuple, il le met à distance // Le Figaro, 2018. Publié le 11 décembre. URL: <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/2018/12/11/37002-20181211ARTFIG00142-emmanuel-macron-ne-converse-pas-avec-le-peuple-il-le-met-a-distance.php> (дата обращения: 20.03.2020)
17. Barthes R. Le plaisir du texte. P.: Ed. du Seuil, 1973. URL: http://palimpsestes.fr/textes_philo/barthes/plaisir-texte.pdf (дата обращения: 18.03.2020)
18. Brundage D., Lahey M. Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook // Pearson Education Canada: MyCanadianCompLab (3rd Edition), 2011. 544 p.
19. Macron, le langage de l'arrogance // L'Avant-Garde, 2018 (5 octobre) URL: <https://www.lavantgarde.fr/macron-le-langage-de-larrogance/> (дата обращения 21.03.2020)
20. Molinié G. Stylème // Encyclopædia Universalis. France. Paris, 2019, URL: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/stylistique/> (дата обращения: 21.02.2020)
21. Philippe G. Idiolecte // Article en M. Jarrety. Lexique des termes littéraires. Paris : Le Livre de Poche, 2001.
22. Rabatel A. Idiolecte et représentation du discours de l'autre dans le discours d'ego // Les cahiers de praxématique, Montpellier : Presses universitaires de la Méditerranée, 2005. pp.93–116. URL: <https://journals.openedition.org/praxematique/1664> (дата обращения: 12.02.2020)
23. Schuck N. Parlez-vous le Macron? Le Parisien, 2018. URL: <http://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018-7538088.php> (дата обращения: 15.02.2020)
24. France's new president promises openness and reform from the centre // The Economist, 2018 (3 May). URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/13/frances-new-president-promises-openness-and-reform-from-the-centre> (дата обращения: 13.10.2019)
25. Dupont L. Emmanuel Macron : le grand entretien // Le Point, 2017 (30.08). URL: https://www.lepoint.fr/politique/exclusif-emmanuel-macron-le-grand-entretien-30-08-2017-2153393_20.php (дата обращения: 16.12.2019).
26. Rey-Lefebvre I. Emmanuel Macron précise sa stratégie «globale» pour le logement // Le Monde, 2017 (26.06). URL: https://www.lemonde.fr/logement/article/2017/09/12/emmanuel-macron-precise-sa-strategie-globale-pour-le-logement_5184329_1653445.html. (дата обращения: 26.06.2018).
27. Hubert-Rodier J. A l'ONU, duel à distance attendu entre Macron et Trump // Les Echos, 2018
28. Michelon V. Devant l'ONU, Macron se pose plus que jamais en anti-Trump, 2018 (25 septembre). URL: <https://www.lci.fr/international/devant-l-onu-emmanuel->

macron-se-pose-plus-que-jamais-en-anti-donald-trump-2099529.html (дата обращения: 15.12.2019).

29. Stapleton Sh. Donald Trump rebaisse l'ONU // *Le Monde*, 2017 (20 septembre). URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2017/09/20/donald-trump-rabaisse-l-ONU_5188427_3232.html (дата обращения: 03.10.2019).

30. Semo M. Même après Trump, les Etats-Unis ne réinvestiront pas dans la sécurité de l'Europe // *Le Monde*, 2017 (22 septembre). URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2017/09/22/me-me-apres-trump-les-tats-unis-ne-reinvestiront-pas-dans-la-securite-de-l-europe_5189612_3210.html (дата обращения: 24.12.2019).

31. Platiou Ch. Sommet sur le conflit en Ukraine : des avancées mais pas de percée // *France 24 en direct*, 2019 (10.12). URL: <https://www.france24.com/fr/20191210-sommet-sur-le-conflit-ukraine-des-avance%C3%A9es-mais-pas-de-perc%C3%A9e> (дата обращения: 13.01.2020)

32. Mayaffre D. Le discours présidentiel sous la Ve République : Chirac, Mitterrand, Giscard, Pompidou, de Gaulle. P.: Les Presses de Sciences Po, 2012. 384 p.

33. Battaglia E. Ces métaphores européennes qui musèlent le débat (3/3) Emmanuel est pris au piège // *Européennes : des élections sous surveillance*, 2019 (5 mai). URL: <https://blogs.mediapart.fr/edition/europeennes-des-elections-sous-surveillance/article/050519/ces-metaphores-europeennes-qui-musellent-le-debat-33-emma> (дата обращения: 12.03.2020).

34. Sipos A. Les Gilets jaunes mitigés après les annonces d'Emmanuel Macron // *Le Parisien*, 2018 (10.12). URL: <http://www.leparisien.fr/politique/direct-gilets-jaunes-suivez-l-allocation-d-emmanuel-macron-10-12-2018-7965267.php> (дата обращения: 12.03.2020).

35. Bickerton Ch. Emmanuel Macron Will Be Yet Another Failed French President // *The New York Times*, 2017 (07.09). URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/07/opinion/emmanuel-macron-popularity.html> (дата обращения: 19.03.2020).

Reference List

1. Baranov A. N. Deskriptivnaja teorija metafory = Metaphor descriptive theory Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 632 s.

2. Bogdanova E. V. O nekotoryh aspektah izuchenija termina idiolekt v otechestvennoj i zapadnoj lingvistike = About some aspects of studying the term idiolect in Russian and foreign linguistics // *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2009. Serija Filologija. Tom 1. № 4. S. 100–108.

3. Generalova S. N. Ponjatie «politicheskij diskurs» v lingvokul'turologicheskoj paradigme = The notion of «political discourse» in lingvo-cultural paradigm // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2010. № 5(1). S. 95–101.

4. Idiolekt i ritm teksta = Idiolect and rhythm of the text : monografija / Bojchuk E. I., Voroncova I. A.,

Shljahtina E. V., Beljaeva O. V., Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 184 s.

5. Kirdina-Chendler S. G., Kruglova M. S. «Obshhestvo», «gosudarstvo» i institucional'naja matrica: opyt mezhdisciplinarnogo analiza = «Society», «state», and institutional matrix: the experience of interdisciplinary analysis // *Socis*, 2019. № 10. S. 15–26.

6. Ledenjova V. V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova = N. S. Leskov's idiolect's peculiarities. Moskva : Mosk. ped. un-t, 2000. 183 s.

7. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistics encyclopedia dictionary / pod red. V. N. Jarcevoj. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 685s.

8. Lju C. O lingvisticheskom povorote sociologii = About linguistic turn of sociology // *Socis*, 2018. № 7. S. 115–123.

9. Peftiev V. I., Titova L. A. Podhody k ponimaniju inojazychnogo teksta v kommunikativnom prostranstve «svoj-chuzhoj» = Approaches to understanding of foreign text in communicative space «mine-alien» // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2018. № 4. S. 327–331.

10. Potebnja A. A. Jestetika i pojetika = Aesthetics and poetics. Moskva : Iskusstvo, 1976. 614 s.

11. Sedyh A. P. K voprosu ob idiopoliticheskom diskurse V. V. Putina = About the question of idiopolitical discourse of V. V. Putin // *Politicheskaja lingvistika*, 2016. № 1 (55). S. 35–41.

12. Fateeva N. A. Intertekst i gipertekst: hudozhestvennyj tekst, ego bytie v «pautine» drugih tekstov = Intertext and hypertext: artistic text, its existence in the «web» of other texts // *Russkij jazyk segodnja : sb. st. M.*, 2003. Vyp. 2. S. 388–400.

13. Shul'c V. L., Ljubimova T. M. Klassovaja bor'ba vo Francii: social'nyj protest v neomarksistskoj interpretacii = Class struggle in France: social protest in neomarkist interpretation // *Socis*, 2019. № 10. S. 27–38.

14. Jekspert = Expert. 2019. 9–15 sentjabrja. № 37. S. 11–15.

15. Judina T. V. Teorija obshhestvenno-politicheskogo rechi = The theory of social-political speech. Moskva : Izd. MGU, 2001. 160s.

16. Develey A. Emmanuel Macron ne converse pas avec le peuple, il le met à distance // *Le Figaro*, 2018. Publié le 11 décembre. URL: <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/2018/12/11/37002-20181211ARTFIG00142-emmanuel-macron-ne-converse-pas-avec-le-peuple-il-le-met-a-distance.php> (дата обращения: 20.03.2020)

17. Barthes R. Le plaisir du texte. P.: Ed. du Seuil, 1973. URL: http://palimpsestes.fr/textes_philo/barthes/plaisir-texte.pdf (дата обращения: 18.03.2020)

18. Brundage D., Lahey M. Acting on Words: An Integrated Rhetoric, Research Guide, Reader, and Handbook // Pearson Education Canada: MyCanadianCompLab (3rd Edition), 2011. 544 p.

19. Macron, le langage de l'arrogance // *L'Avant-Garde*, 2018 (5 octobre) URL: <https://www.lavantgarde.fr/macron-le-langage-de->

larrogance/ (data obrashhenija 21.03.2020)

20. Molinié G. Stylème // Encyclopædia Universalis. France. Paris, 2019. URL: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/stylistique/> (data obrashhenija: 21.02.2020)

21. Philippe G. Idiolecte // Article en M. Jarrety. Lexique des termes littéraires. Paris : Le Livre de Poche, 2001.

22. Rabatel A. Idiolecte et représentation du discours de l'autre dans le discours d'ego // Les cahiers de praxématique, Montpellier : Presses universitaires de la Méditerranée, 2005. pp.93–116. URL: <https://journals.openedition.org/praxematique/1664> (data obrashhenija: 12.02.2020)

23. Schuck N. Parlez-vous le Macron? Le Parisien, 2018. URL: <http://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018-7538088.php> (data obrashhenija: 15.02.2020)

24. France's new president promises openness and reform from the centre // The Economist, 2018 (3 May). URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/13/frances-new-president-promises-openness-and-reform-from-the-centre> (data obrashhenija: 13.10.2019)

25. Dupont L. Emmanuel Macron: le grand entretien // Le Point, 2017 (30.08). URL: https://www.lepoint.fr/politique/exclusif-emmanuel-macron-le-grand-entretien-30-08-2017-2153393_20.php (data obrashhenija: 16.12.2019).

26. Rey-Lefebvre I. Emmanuel Macron précise sa stratégie «globale» pour le logement // Le Monde, 2017 (26.06). URL: https://www.lemonde.fr/logement/article/2017/09/12/emmanuel-macron-precise-sa-strategie-globale-pour-le-logement_5184329_1653445.html. (data obrashhenija: 26.06.2018).

27. Hubert-Rodier J. A l'ONU, duel à distance attendu entre Macron et Trump // Les Echos, 2018

28. Michelon V. Devant l'ONU, Macron se pose plus que jamais en anti-Trump, 2018 (25 septembre). URL: <https://www.lci.fr/international/devant-l-onu-emmanuel->

[macron-se-pose-plus-que-jamais-en-anti-donald-trump-2099529.html](https://www.lci.fr/international/devant-l-onu-emmanuel-macron-se-pose-plus-que-jamais-en-anti-donald-trump-2099529.html) (data obrashhenija: 15.12.2019).

29. Stapleton Sh. Donald Trump rebaisse l'ONU // Le Monde, 2017 (20 septembre). URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2017/09/20/donald-trump-rabaisse-l-onu_5188427_3232.html (data obrashhenija: 03.10.2019).

30. Semo M. Même après Trump, les Etats-Unis ne réinvestiront pas dans la sécurité de l'Europe // Le Monde, 2017 (22 septembre). URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2017/09/22/me-me-apres-trump-les-tats-unis-ne-reinvestiront-pas-dans-la-securite-de-l-europe_5189612_3210.html (data obrashhenija: 24.12.2019).

31. Platiau Ch. Sommet sur le conflit en Ukraine : des avancées mais pas de percée // France 24 en direct, 2019 (10.12). URL: <https://www.france24.com/fr/20191210-sommet-sur-le-conflit-ukraine-des-avanc%C3%A9es-mais-pas-de-perc%C3%A9e> (data obrashhenija: 13.01.2020)

32. Mayaffre D. Le discours présidentiel sous la Ve République : Chirac, Mitterrand, Giscard, Pompidou, de Gaulle. P.: Les Presses de Sciences Po, 2012. 384 p.

33. Battaglia E. Ces métaphores européennes qui musèlent le débat (3/3) Emmanuel est pris au piège // Européennes : des élections sous surveillance, 2019 (5 mai). URL: <https://blogs.mediapart.fr/edition/europeennes-des-elections-sous-surveillance/article/050519/ces-metaphores-europeennes-qui-musèlent-le-debat-33-emmanuel> (data obrashhenija: 12.03.2020).

34. Sipos A. Les Gilets jaunes mitigés après les annonces d'Emmanuel Macron // Le Parisien, 2018 (10.12). URL: <http://www.leparisien.fr/politique/direct-gilets-jaunes-suivez-l-allocation-d-emmanuel-macron-10-12-2018-7965267.php> (data obrashhenija: 12.03.2020).

35. Bickerton Ch. Emmanuel Macron Will Be Yet Another Failed French President // The New York Times, 2017 (07.09). URL:

<https://www.nytimes.com/2017/09/07/opinion/emmanuel-macron-popularity.html> (data obrashhenija: 19.03.2020).

УДК 81'366.573

Н. М. Васильева

<https://orcid.org/0000-0001-7411-528X>

Сочетание однородных глагольных сказуемых: простое или сложное предложение?

Для цитирования: Васильева Н. М. Сочетание однородных глагольных сказуемых: простое или сложное предложение? // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 113–118.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-112-117

Настоящая статья посвящена проблеме соотношения однородности и сочинения во французском языке, которая имеет важное значение для разграничения простого предложения с однородными сказуемыми и сложного предложения. Актуальность данной проблемы обусловлена общностью этих синтаксических конструкций, которая обеспечивается наличием в обеих сочинительной связи. Именно наличие сочинительной связи не позволяет грамматистам прийти к единому мнению о природе данных конструкций. Автор доказывает, что на принадлежность структуры к простому или сложному предложению влияют синтаксические связи сказуемых с другими членами предложения. В работе отдельно анализируются однородные сказуемые в распространенных и нераспространенных предложениях. В распространенных предложениях принимается во внимание форма и место дополнения, наличие / отсутствие обстоятельств. Сама грамматическая форма сказуемых влияет на дифференциацию двух структур. Таким образом, сделан вывод, что основным дифференциальным признаком однородности сказуемых является грамматический признак. Результаты исследования показывают также, что дополнительным дифференциальным признаком однородности сказуемых является семантический аспект, а именно, лексическое значение глаголов. Проведенный анализ эмпирического материала свидетельствует и о влиянии стилистических норм и функционального стиля на определение двух синтаксических единиц. Выводы, полученные в ходе исследования, позволяют заключить, что, вопреки мнению ряда ученых, нет оснований отказываться от понятия однородных сказуемых во французском языке.

Ключевые слова: французский язык, сложное предложение, простое предложение, однородные члены предложения, сочинительная связь, дополнение, союзная связь, лексико-грамматическая природа глагола.

N. M. Vasiljeva

The combination of verb predicates: simple or complex sentence?

The article is concerned with the problem of correlation of the homogeneity and the co-ordination in French that is essential to differentiate a simple sentence with the similar verb predicates of a complex sentence. The urgency of such problems is based on the similarity of these syntactic constructions due to the co-ordination link existing in both constructions. This fact doesn't allow the grammarians to arrive at a common view on the nature of the two constructions. The author proves the influence of the verb predicate syntactic links with the other parts of the sentence on classifying the structure as a simple or a complex sentence. In the paper there have been studied the similar verb predicates in the extended and unextended sentences. In the extended sentences the author focuses on the form and place of a complement, on the presence or absence of the adverbial modifier. The verb predicate grammar form itself influences the differentiating the two structures. Thus, it has been concluded that the main distinctive feature of predicate homogeneity is the grammatical marker. There have been detected the supplementary distinctive feature of predicate homogeneity is the semantic aspect, the lexical meaning in particular. The treated analysis of the empiric material shows the dependence of determining the two syntactic units on the stylistic norms and the rhetorical mode. The most important finding of the research is that, contrary some scientists' opinion, there is no reason to abandon the term of the similar verb predicates in French.

Ключевые слова: French language, complex sentence, simple sentence, homogeneous parts of a sentence, coordinating link, complement, syndesis, lexical grammatical nature of the verb.

Одним из существенных различий в структуре предложения является наличие и отсутствие однородных членов. Некоторые исследователи без основания считают, что предложения с однородными членами должны быть выделены в от-

дельный особый тип предложения [Мухин, 1968, с. 170].

С явлением синтаксической однородности связан комплекс сложных и спорных проблем. Это относится в первую очередь к однородности сказуемых, которые противопоставляются по своим основным признакам всем остальным однородным членам. Дело в том, что анализ однородных сказуемых ставит теоретическую проблему соотношения однородности и сочинения, имеющую принципиальное значение для разграничения основных единиц синтаксиса: простого и сложного предложения. Данная проблема не ставится в грамматиках романских языков, в которых явления сочинения и однородности фактически не разграничиваются, тогда как в синтаксисе русского и других славянских языков она была и остается остро дискуссионной. Многие авторы отрицают вообще существование однородных глагольных сказуемых, приравнивая их к сочетанию самостоятельных предложений.

Мысль о том, что предложения с однородными глагольными сказуемыми входят в сферу сложного предложения, основывается на признании тождества модальных и временных отношений как носителей предикативности между членами любого сочинительного ряда. В этом плане высказывались в свое время чешские синтаксисты, посвятившие немало работ проблеме границ предложения. Так, например, согласно Ф. Травничку, однородными могут быть все члены предложения, кроме глагольных сказуемых, которые образуют сложное предложение (цит. по Белошапковой [Белошапкова, 1977, с. 31]). Данный тезис Травничка развивается и дополняется другими чешскими грамматистами, некоторые из которых ставят во главу угла семантический критерий. Можно, в частности, привести точку зрения Й. Грбачека, считавшего, что однородные сказуемые дополняют друг друга и называют одно действие: «Песенка разбилась, рассыпалась, расклеилась, разорвалась». Тогда как сказуемые, выражающие два разных действия во временной последовательности: «Ученик сидит и читает», образуют разные предложения (цит. по Белошапковой [Белошапкова, 1977, с. 32]). Проблема грамматического статуса однородных сказуемых ставится и активно обсуждается ведущими российскими синтаксистами, многие из которых склонны считать любые полипредикативные построения сложными предложениями. Данное положение четко и определенно сформулировано В. А. Белошапковой (см. ее монографию «Сложное пред-

ложение в современном русском языке» [Белошапкова, 1967, с. 33–34]). К данной трактовке однородных сказуемых присоединяются и другие русисты (см., например, детальный анализ проблемы в статье Н. С. Михеевой [Михеева, 1974]).

Применительно к французскому языку тезис об эквивалентности однородных сказуемых и сложносочиненного предложения можно поставить под сомнение, поскольку материал французского языка его не подтверждает (см., напр., [Васильева, 1992, 2014, 2018]). Иными словами, предложение с однородными сказуемыми обладает рядом специфических признаков, противопоставляющих его сложному предложению. (Однородные сказуемые, как и вообще явление однородности, часто исследуются в связи с так называемым «сложненным предложением» как одна из его разновидностей.) Сравнительный анализ тех и других единиц базируется, естественно, на сочетании личных глаголов с одним и тем же подлежащим (так называемые моносубъектные конструкции), поскольку сочетание глаголов с разными подлежащими (полисубъектные конструкции) однозначно образует сложное предложение. При этом способы выражения подлежащего в предложениях с однородными сказуемыми и в предложениях сложных во французском языке могут различаться. В сложном предложении подлежащее перед вторым глаголом может не повторяться: *Il était rouge et évita mon regard* (Sagan), но может и повторяться в форме личного местоимения: *Il était rouge et il évita mon regard*. В предложении с однородными сказуемыми подлежащее, как правило, не повторяется: *il lisait et commentait son article*. Исключение в этом плане могут представлять предложения с неопределенно-личным местоимением “on”: *on montait et on descendait des marches* (Simenon) и в отдельных случаях – с местоимением первого лица “je”: *Et moi, dans la rue, j’allais et je venais comme une folle* (Simenon). В любом случае общность подлежащего обязательна для однородных сказуемых, но не может служить их дифференциальным признаком по отношению к сложному предложению. Дифференциальным грамматическим признаком однородных сказуемых является общность второстепенных членов в случае их наличия в структуре предложения. С этой точки зрения среди предложений с однородными сказуемыми можно выделить два типа: I) предложения с второстепенными членами (распространенные) и II) предложения без второстепенных членов (нераспространенные). Рассмотрим каждое из них в отдельности.

1) В предложениях первого типа основным и наиболее четким показателем однородности глагольных сказуемых является прямое дополнение, как наиболее тесно связанный с глаголом член предложения. Речь идет об общности формальной, а не функциональной, и тем более логической, которая возможна и в сложносочиненном и в самостоятельных предложениях: *on n'avait pas entendu un soupir. On l'avait deviné (Simenon)*. В зависимости от морфологического способа выражения дополнения (имя существительное, местоимение – обычно личное) предложения с однородными сказуемыми представлено несколькими типичными для французского языка конструкциями.

1) Дополнение выражено существительным и находится в постпозиции ко второму глаголу: *Denis essuyait et rangeait les couverts (Troyat); Cisneros éteignait et rallumait son phare (Saint-Exupéry); L'annonceur fabriquait et vendait des tronçonneuses (Pilhes); On n'infirmait ni ne confirmait la discussion (Simenon)*.

Примечание: Сказуемые с общим дополнением, но разными подлежащими, естественно, не являются однородными, а образуют компоненты сложносочиненного предложения: *Raton tire et Bertrand stoque les marrons* (пример Л. Теньера [Tesnière, 1988, p. 347]).

2) Дополнение выражено личным местоимением перед первым и перед вторым глаголом: *Alan l'y suit et la conquiert de nouveau (Sagan); Je l'aime et je la respecte (Simenon); Je ne vous aime ni ne vous déteste (Bazin)*.

3) Дополнение выражено существительным в постпозиции к первому глаголу и повторяется в форме личного местоимения перед вторым глаголом: *Il prenait son automatique dans un tiroir et le glissait dans sa poche (Simenon); Elle connaissait ses distractions favorites et les supportait avec une condescendance pleine de regrets (Sagan)*.

Если первые две конструкции полностью отвечают признакам однородных сказуемых, то по отношению к третьей конструкции возникает вопрос, сохраняет ли она признаки однородных сказуемых или переходит на уровень сложного предложения. Интересные замечания по поводу аналогичных конструкций в русском языке находим у академика Шахматова, который выделяет два типа предложений с сочинительной связью: «слитные» и «неслитные». К «слитным» автор относит предложения, в которых сказуемые объединяются не только общим подлежащим, но и общим дополнением, т.е. не имеют при себе каждое отдель-

но второстепенных членов: «Возьми и отнеси кошку»; в «неслитных предложениях дополнения формально различны: «Возьми кошку и отнеси ее горничной». На основе данных критериев предложения типа «Я сидел и глядел кругом и слушал» также будут «неслитными», поскольку обстоятельство «кругом» относится только ко второму сказуемому и не связано ни с первым, ни с третьим [Коротаева, 1948]. Указанное различие могло бы использоваться в качестве границы однородных сказуемых не только в русском, но и в других языках. Иначе говоря, «слитные» предложения (по Шахматову) могли бы ассоциироваться во французском языке с однородными сказуемыми, а «неслитные» – с предложением сложносочиненным.

Во всех типах однородных сказуемых, как показывают приведенные выше примеры, наиболее часто употребляется соединительный союз «et». Другие сочинительные союзы используются реже, поскольку остальные семантические отношения для сочинительной связи однородных членов менее типичны. Сказуемые в отрицательной форме связываются союзом «ni»: *Je ne voyais ni n'entendait toujours personne (Saint-Exupéry)*, употребление которого, как отмечают французские грамматисты, в современном разговорном языке ограничено и вместо него часто употребляется «et», в том числе и в отрицательных предложениях (см., напр., [Reigel, 2016, с. 881].) Гораздо реже по сравнению с союзом «et» и для связи однородных сказуемых употребляются противительный союз «mais» и разделительный союз «ou» и в отдельных случаях другие сочинительные союзы, как например, расчлененный градационный союз «non seulement ... mais»: *On pensait donc que Meningou non seulement dérangeait mais corrigeait en plus les objets de ses désirs (Sagan)*. В целом диапазон сочинительных союзов в конструкции однородных сказуемых значительно уже по сравнению с предложением сложным.

Бессоюзная связь однородных сказуемых в предложениях с прямым дополнением возможна также, но встречается реже. Она представлена в большинстве случаев третьей конструкцией (повторение постпозитивного существительного в форме препозитивного личного местоимения), трактовка которой, как было отмечено выше, является спорной. Например: *Puis il laissa tomber son mouchoir, le ramassa (Simenon); Je subissais son charme, l'admirais (Simenon); Elle prit son verre, le but (Sagan); Il croisait les pieds, les décroisait (Sagan)*.

Общее косвенное дополнение также может быть признаком однородных сказуемых, хотя употребляется гораздо реже. *Il se résigne et cède, une fois encore, à des supplications trop importunes* (Bazin). Общее обстоятельство в конструкции с однородными сказуемыми имеет достаточно широкое распространение, но является менее четким признаком однородности по сравнению с дополнением: *Elle se levait et se recoiffait derrière le paravent* (Troyat); *Elle danse et chante dans une boîte pour touristes* (Simenon). Однородность сказуемых представлена достаточно эксплицитно при одновременном употреблении обстоятельств и дополнений: *Il regardait et écoutait son interlocuteur avec la plus complète indifférence* (Simenon); *Pendant une heure environ, seul dans son bureau, il lut et relut les procès-verbaux des interrogatoires* (Simenon).

II) В предложениях второго типа (без второстепенных членов) на первый план выходит семантический критерий, а именно лексическая близость глаголов: *Rambert mangeait et buvait* (Camus); “*Des lubies d'étoiles*”, *soupirèrent ou ricanaient dirigeants et collaborateurs* (Pilhes). Данные предложения отличаются менее четко от сложных предложений и допускают в некоторых контекстах двоякую интерпретацию. О близости лексического значения как универсальном признаке однородных членов говорят все грамматисты. Указанный признак характеризует в той или иной мере синтаксические и морфологические типы однородных сказуемых, т.е. не зависит от наличия / отсутствия второстепенных членов, их союзной и / бессоюзной связи и т.д. Наиболее типичными случаями лексической близости глаголов в функции однородных сказуемых являются:

а) однокоренные глаголы с различными префиксами: *Le bonhomme tournait et retournait autour de son meuble...* (Simenon); *Ils traversaient et retraversaient la Seine en parlant* (Sagan).

б) антонимичные глаголы: *Cisneros éteignait et rallumait son phare* (Saint-Exupéry); *Ils arrivent et repartent presque toujours ensemble* (Simenon); *Sa pomme d'Adam montait et descendait à une cadence rapide, le long de sa gorge* (Simenon).

Еще одним признаком однородных сказуемых, отличающий их от компонентов сложного предложения, является возможность опущения вспомогательного глагола во втором сказуемом: *Je suppose que vous ignorez si votre maître a donné ou prêté son pistolet à quelqu'un* (Simenon); *Salomé a rougi, puis blanchi* (Bazin).

С точки зрения способов выражения сочинительной связи и количества однородных сказуе-

мых, предложения без второстепенных членов не отличаются от предложений с дополнением и обстоятельством. Они могут состоять из неограниченного числа сказуемых и соединяться союзной и бессоюзной связью, которые нередко комбинируются. В последнем случае сочинительный союз вводит обычно сказуемое в финальной позиции, т.е. закрывает сочинительный ряд (так называемый замыкающий союз): *Ils naissent, vivent, s'amuse ou pleurent à côté, tout à fait à côté* (Bazin); *Elle déjeune, dîne, se promène et doit dormir avec Zarathoustra* (Daninos).

Однородными могут быть не только простые, но и сложные сказуемые, состоящие из служебного глагола в сочетании с инфинитивом. Критерии их отграничения от отдельных предложений в принципе сохраняются, но однородность в конструкции сложных сказуемых представлена чаще не самими сказуемыми, а их составными компонентами, т.е. служебными глаголами (*il ne pouvait ni ne devait refuser*) или инфинитивами (*il paraît dormir ou réfléchir*). Вторая конструкция для французского языка более типична и распространена шире: *Comment Amélie avait-elle pu se lever, s'habiller et sortir de la chambre avec la fillette sans le déranger?..* (Troyat). Обычными являются также сочетания сложного сказуемого с простым, в которых инфинитив второго сказуемого совпадает с глаголом первого (простого) сказуемого: *Une enquête piétine ou semble piétiner pendant des jours, parfois des semaines* (Simenon); *Toujours est-il qu'il enferme ou fait enfermer Clara au fort Bayard* (Simenon); *Je ne pouvais lui dire que je voyais ou croyait voir partout sa voiture dans les rues ...* (Sagan). (Сложные глагольные (так же, как и именные) сказуемые с сочинительной связью подробно рассматриваются в русских грамматиках, авторы которых выделяют различные синтаксические типы их однородности: а) однородность полного состава, б) личных глаголов, в) присвязочной части. Каждый тип характеризуется своими специфическими особенностями, требующими дифференцированного подхода. См., напр., [Михеева, 1974]).

Несмотря на то, что однородные сказуемые и сложные предложения образуют единицы разных синтаксических уровней, возможно совпадение их некоторых параметров, обусловленное их общим грамматическим признаком – наличием сочинительной связи. К такого рода совпадениям относятся, например, открытость ряда (=неограниченное число предикативных единиц), употребление одних и тех же союзов и др. Там, где синтаксическая норма позволяет использова-

ние тех и других единиц, выбор одной из них может в той или иной мере отражать их стилистические различия. Так, например, предложение с однородными сказуемыми “Je ne travaille et ne vis que pour elle” (Troyat) стилистически более нейтрально по сравнению со сложным предложением “Je ne travaille que pour elle et je ne vis que pour elle” и тем более сочетанием самостоятельных предложений “Je ne travaille que pour elle. Je ne vis que pour elle”. Равным образом стилистический эффект в конструкции “Elle souffrirait en silence. Elle mourrait en silence” (Troyat) оказывается более сильным, чем в конструкции “Elle souffrirait et mourrait en silence”.

Не исключено также возможное влияние на тип сочинительной конструкции функционального стиля речи. Например, можно отметить относительно широкое распространение однородных сказуемых в научном стиле речи (в основном в союзной конструкции), например: *Toutes les grammaires décrivent et classent les subordonnées sous une terminologie qui varie sans cesse* [Guiraud, 1962, p. 75]; *la façon dont le locuteur envisage et présente l'énoncé* [Guiraud, 1962, p. 88], *L'opération présyntaxique (...) précède et conditionne la visée* [Warnant, 1982, p. 16] и т.д.

Предложения с однородными сказуемыми могут изучаться в коммуникативном аспекте, предполагающем анализ тематической организации их различных типов (коммуникативная нагрузка конструкций с сочинительной связью может быть объектом отдельного исследования).

Заключение

Однородные глагольные сказуемые во французском языке обладают комплексом дифференциальных признаков по сравнению с внешне сходной единицей – сложносочиненным предложением. Основной из этих признаков – грамматический, а именно синтаксическая структура; дополнительный признак – семантический: лексическое значение глаголов. Указанные признаки не дают оснований отождествлять однородные сказуемые с компонентами сложного предложения, т.е. фактически отказаться от понятия однородных сказуемых, как это предлагают многие лингвисты. Таким образом, однородные сказуемые, хотя они и являются полипредикативным построением, относятся, как и все однородные члены, к сфере простого предложения в отличие от сложносочиненного предложения как единицы более высокого уровня. Данное противопоставление не снимает известного синтаксического параллелиз-

ма и некоторых точек соприкосновения тех и / других единиц в силу их общего грамматического признака – наличия сочинительной связи.

В устной речи существует объективное различие между однородными сказуемыми и сложным предложением в плане интонации: каждая из единиц имеет свой особый мелодический рисунок.

Очевидно, что проблематика, связанная с однородными сказуемыми в настоящей статье не исчерпана. Однородные сказуемые могут быть объектом дальнейших исследований и анализироваться в функциональном, структурном, коммуникативном и прагматическом аспектах, а также с точки зрения их корреляции с другими смежными единицами (не только во французском, но и в других языках).

Библиографический список

1. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. Москва: Просвещение, 1967. 160 с.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: «Высшая школа», 1977.
3. Васильева Н. М. Однородные члены предложения в современном французском языке. Москва: МПУ, 1992. 64 с.
4. Васильева Н. М. Спорные вопросы типологии сказуемого (на материале французского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 141–146.
5. Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 473 с.
6. Коротаяева Э. И. Академик А. А. Шахматов о предложении с однородными членами и о сложном предложении. Материалы архива АН ССОР. Доклады и сообщения Института русского языка, вып. I, 1948. с. 76.
7. Михеева Н. С. Монопредикативные и полипредикативные построения в сфере составного сказуемого. Спорные вопросы синтаксиса: Сб. статей. Москва: МГУ, 1974. С. 82–111.
8. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Ленинград: Наука, 1968. 230 с.
9. Guiraud P. La syntaxe du français («Que sais-je», no 984). Paris: P.U.F., 1962. 128 p.
10. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P.U.F., 2016. 1168 p.
11. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1988. 674 p.
12. Warnant L. Structure syntaxique du français (Essai de cinéto-syntaxe). Paris: Société d'édition «Les Belles lettres», 1982. 368 p.

Reference List

1. Beloshapkova V. A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom jazyke = Complex sentence in modern Russian language. Moskva : Prosveshhenie, 1967. 160 c.
2. Beloshapkova V. A. Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis = Modern Russian language Moskva : «Vysshaja shkola», 1977.
3. Vasil'eva N. M. Odnorodnye chleny predlozhenija v sovremennom francuzskom jazyke = Homogeneous members of the sentence in modern French language. Moskva : MPU, 1992. 64 s.
4. Vasil'eva N. M. Spornye voprosy tipologii skazuemogo (na materiale francuzskogo jazyka) = Controversial questions of predicate typology (on the material of the French language) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2014. № 2. S. 141–146.
5. Vasil'eva N. M., Pickova L. P. Francuzskij jazyk. Teoreticheskaja grammatika, morfologija, sintaksis = The French language. Theoretical grammar, morphology, syntax : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Jurajt, 2018. 473 s.
6. Korotaeva Je. I. Akademik A. A. Shahmatov o predlozhenii s odnorodnymi chlenami i o sloznom predlozhenii. Materialy arhiva AN COOP. Doklady i soobshhenija Instituta russkogo jazyka = Academician A. A. Shahmatov about a sentence with homogeneous members and about a complex sentence. Vyp. I, 1948. s. 76.
7. Miheeva N. S. Monopredikativnye i polipredikativnye postroenija v sfere sostavnogo skazuemogo. Spornye voprosy sintaksisa = Monopredicative and polypredicative compositions in the sphere of compound predicate. Controversial questions of syntax : sb. statej. Moskva : MGU, 1974. S. 82–111.
8. Muhin A. M. Struktura predlozhenij i ih modeli = The structure of sentences and their models. Leningrad : Nauka, 1968. 230 s.
9. Guiraud P. La syntaxe du français («Que sais-je», no 984). Paris : P.U.F., 1962. 128 p.
10. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris : P.U.F., 2016. 1168 p.
11. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris : Klincksieck, 1988. 674 p.
12. Warnant L. Structure syntaxique du français (Essai de cinéto-syntaxe). Paris : Société d'édition «Les Belles lettres», 1982. 368 p.

УДК 811 133.1

Г. В. Овчинникова

<https://orcid.org/0000-0001-9106-076X>

Семантические сдвиги в Covid-терминологическом поле французской медицинской терминосистемы

Для цитирования: Овчинникова Г. В. Семантические сдвиги в Covid-терминологическом поле французской медицинской терминосистемы // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 119–123. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-118-122

В статье впервые дается определение понятия «Covid-терминологическое поле» и устанавливаются его место, функции в медицинской терминологической системе. Фактический материал, основанный на специальной медицинской литературе, медиатекстах и лексикографических источниках, позволяет восполнить лауну понятийного аппарата в медицинском дискурсе французского языка и уточнить определение медицинского термина. Словообразовательный анализ и словообразовательный синтез в сочетании с компонентным разложением семного состава легли в основу методологии изучения структуры и семантики Covid-терминов в современном французском языке. Выделение центральной и периферийной осей лексико-семантического поля способствует кодификации и семантической вариативности Covid-терминологии. Особое место в исследуемой терминогруппе занимают заимствованные слова из английского языка, которые легче ассимилируются в словопроизводственной французской системе как буквенные сокращения, но вытесняются французскими эквивалентами на лексическом уровне.

Ключевые слова: термин, терминосистема, медицинский дискурс, словообразовательный ряд, Covid-терминология.

G .V. Ovchinnikova

Semantic shifts in the covideterminological field of the french medical terminological system

The article first defines the concept of «co-terminological field» and establishes its place and function in the medical terminological system. The factual material based on special medical literature, media texts and lexicographic sources allows us to fill in the gap in the conceptual apparatus in the French medical discourse and clarify the definition of the medical term. Word-formation analysis and word-formation synthesis in combination with component decomposition of the seminal composition formed the basis of the methodology for studying the structure and semantics of Covid terms in modern French. The allocation of the central and peripheral axes of the lexical-semantic field contributes to the codification and semantic variability of Covid terminology. Borrowed words from the English language occupy a special place in the term group under consideration, which are more easily assimilated in the French word-production system as letter abbreviations, but are replaced by French equivalents at the lexical level.

Key words: term, terminological system, medical discourse, word-formation series, Covid terminology.

Пандемия, охватившая весь мир, стала предметом исследований ученых многих сфер нашей жизни: социологов, психологов, биоинженеров, медиков. Язык, как зеркало, отражает все изменения, происходящие в реальном мире. Лингвисты отмечают появление новых слов, связанных с болезнью «un/une Covid 19», вирусом «un CoV», карантинном «une quarantaine», «un auto-isolement» самоизоляцией, а некоторые ранее известные термины приобрели новый смысл. Исследование данного лексико-семантического поля проводится впервые с целью уточнения понятия термина в ме-

дицинском дискурсе современного французского языка, кодификации и фиксации неологизмов лексико-семантического поля Covid-вирусной инфекции в словообразовательной терминосистеме медицинской сферы, а также в поисках особенностей семантических трансформаций в Covid-терминологическом поле, внутрилингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих принадлежность ковидтермина к центральной или периферийной терминосистеме.

Для решения поставленных задач привлекался комплекс методов исследования корпуса иллю-

стративного материала: метод электронной сплошной выборки, словарных дефиниций, этимологического, словообразовательного и семного анализа.

Медицинская терминология издавна привлекала внимание как отечественных лингвистов, так и зарубежных термиологов. Российских и французских исследователей всегда привлекал диахронный подход к изучению медицинских терминов [Катагощина, с. 34–41; Bonvalot, 1982; Mecking, 2014; Quémada, 1955], многочисленные работы посвящены лексикографическому описанию [Горохова, 2014; Chevallier, Candel, Haberer, Renevier, 2015; Diamante, 2009; Laloire, 2007; Marroun, Sené, Quevauvilliers, 2018], достаточно большое количество работ отражает методические приемы в изучении медицинской терминологии [Chevallier, Candel, Haberer, Renevier, 2015; Diamante, 2009; Ramé, Bourgeois, 2005; Rouanet-Laplace, 2015; Thieulle, 2009; Walker, 2001]. Несмотря на то, что в трудах филологов неоднократно ставился вопрос определения термина и его семантического наполнения [Реформатский, 1968, с. 100–125; Гринёв-Гриневиц, 2015, с. 40–50; Гущина, 2005, с. 105–107; Овчинникова, 2015, с. 102–108; Landviron, 2000], но до настоящего времени этот вопрос остается открытым.

Научным термином считается лексическая единица, семантическая заряженность которой соответствует определённой сфере знаний и обогащает лексико-семантическое поле конкретной профессиональной направленности. Как любая терминосистема, медицинская терминология имеет центральную ось и периферийную.

На центральной оси располагаются термины, которые отличаются точностью, устойчивостью, четкой мотивированностью. Анализ медицинских терминов лексико-семантического поля Covid 19, полученных методами автоматической обработки текстов по принципу П. Цвайгенбаума [Zweigenbaum, 2001, р. 47–62], было выявлено несколько лексико-семантических классов, принадлежащих центральной и периферийной осям изучаемому лексико-семантическому полю.

Иллюстративным материалом послужили медиатексты, а также материалы волонтерской программы французской Ассоциации «Traducteurs sans frontières» («Переводчики без границ»). Эта Ассоциация была создана в 1993 году по просьбе международной организации «Médecins sans frontières» («Врачи без границ») с целью оказания бесплатной благотворительной помощи в переводах медицинского содержания.

Ядерной лексемой лексико-семантического поля «Covid 19» является сложное слово *coronavirus* (коронавирус). Однако в научной и научно-популярной медицинской литературе в силу закона экономии языковых средств более употребительным является усеченный композит, производящей основой которого является греческое *Corona* (венок), претерпевшее сокращение последних слогов и семантический сдвиг по форме («*Corona*» veut dire *couronne*, on lui a donné ce nom à cause de sa forme arrondie et entourée de protubérances telles une couronne). Первоначально орфографическое написание данного композита *Covid 19* включало апокопное сокращение в форме графона CO, к которому добавлялось следующее сокращение *vi-* от латинского существительного среднего рода *virus*, и завершалось буквенным сокращением «-d» от «*disease*» (*maladie*, angl., *болезнь*, англ.), цифра «19» указывает год открытия данного вируса – 2019.

Усеченный композит *la covid* выступает в качестве производящей основы отыменного словообразовательного ряда и дает как признаковые производные *incovidable* (*un peuple courageux et incovidable*), *covidé* (*le macronisme covidé*, *le marché covidé*, *un Premier Mai covidé*), производные глаголы *covidiser* (*être covidisé – subir une bronsonisation, causée par le Covid 19*).

Буквенное сокращение *SARS* (*Severe Acute Respiratory Syndrome – syndrome respiratoire aigu sévère – тяжелый острый респираторный синдром*), располагающееся на центральной оси анализируемого лексико-семантического поля дифференциальной семой «CoV-2», сохраняется во французском языке как английское заимствование недолго, поскольку Комиссия по обогащению французского языка рекомендует заменять английские термины французскими эквивалентами и широко распространено французское сокращение *SRAS*. В корпусе фактического материала значительное число английских заимствований находится на периферии и нередко сосуществуют английский «гость» и французское исконное слово как абсолютные синонимы: *Covid party = une Covid Partie = fête du coronavirus* (получили распространение в США с целью организации массовых мероприятий, в которых, не соблюдая социальную дистанцию, принимают участие здоровые люди и инфицированные для получения общенационального иммунитета).

Английское заимствование *cluster* обозначает *une grappe* (гроздь), но в медицинском дискурсе приобретает новые приращенные семы: *regroupement dans le temps et l'espace de cas d'une maladie, то есть взаимодействие в пределах пространства и времени инфицированных больных. Данный метафорический семантический сдвиг обусловлен экстралингвистическим фактором, связанным с условиями пандемии. Вместе с тем необходимо заметить, что французские эквиваленты *groupe* и *foyer* постепенно начинают вытеснять английское заимствование *cluster*.*

Очень часто калькированный из английского языка термин подвергается семантическому расширению, связанному с асимптомными случаями Covid-заболевания, например: *super-spreader* обогатил французский синонимический ряд терминами: *super contaminateur* или *super propagateur -un malade qui contamine un grand nombre d'autres personnes par son comportement irresponsable ou sa propre ignorance d'être infecté*

На периферийной оси лексико-семантического Covid-поля располагаются английские заимствования *corping* и *tracking*. Заимствование *corping* чаще употребляется как психологический термин и в анализируемом лексико-семантическом поле заменяется существительным *faire-face, m* (противостояние) с семантическим наполнением: *«ensemble des stratégies comportementales et des ressources émotionnelles auxquelles recourt un individu lorsqu'il est confronté à une situation éprouvante»: un faire-face au virus, à la maladie, à l'hospitalisation, aux fausses infos.*

Английское заимствование *tracking – opportunité d'une stratégie numérique d'identification des personnes ayant été au contact de personnes infectées* нашло отражение в синонимичных французских эквивалентах с уточняющими дифференциальными семами «местоположение» и «мобильный телефон»: *géolocalisation- position géographique d'une personne porteuse soit d'un téléphone mobile (multifonction), soit de tout autre objet connecté – установление географического местоположения человека по его мобильному телефону или другой телесвязи, traçage – la localisation de la personne, de son mobile – локализация человека и его мобильного телефона.*

Англицизм *back tracking* имеет дифференциальную сему *reconstitution du parcours d'une personne porteuse du Covid 19*, то есть установление маршрута Covid-

инфицированного. Приращенная сема «носитель вируса» лежит в основе семантического сдвига в вышеуказанном примере.

Одним из самых употребительных терминов лексико-семантического поля Covid 19 является *distanciation sociale*, пришедшее из английского языка ещё в 1918г. от *social distancing*. Социальную дистанцию в условиях распространения испанского гриппа ввел тогда американец Макс С.Старлкофф и ограничил количественное число группы не более 20 человек. Дифференциальной семой этого понятия в современном французском языке является длина социальной дистанции. В зависимости от страны эта величина может варьироваться, во Франции она ограничивается двумя метрами. В Италии планируемое 4 июня открытие пляжей требует соблюдения социальной дистанции в 10 м² между пляжными зонтиками.

Лексико-семантический класс симптоматики, находящийся на центральной оси, включает обычно греко-латинские элементы: *une anosmie – (perte de l'odorat temporaire ou permanente – временная или постоянная потеря обоняния), un emphysème pulmonaire, une sécrétion, une zoonose* и т. д.

Ядерная сема *zoonose – болезнь, передающаяся от животного человеку* вступает в семантическую аттракцию с семным составом лексемы *un pangolin (панголин) – un petit mammifère couvert d'écailles peuplant les régions tropicales et équatoriales, connu pour son braconnage intensif à destination des marchés asiatiques de médecine traditionnelle, l'animal est suspecté d'être l'hôte qui a permis au coronavirus de se transmettre de la chauve-souris à l'homme.* Аттракция сем медицинского термина *zoonose* и *mammifère, coronavirus* позволяет переместиться слову *un pangolin* из периферийной оси в центральную.

Периферия лексико-семантического поля изобилует как словами повседневной жизни, так и английскими заимствованиями, семантическими неологизмами. Субстантивный неологизм *une quatorzaine (pour le Covid 19 la période d'incubation, à savoir le temps qui sépare l'infection de l'apparition des symptômes, est estimée entre un et 14 jours)* появился по аналогии с *une quarantaine (l'isolement pendant 40 jours de personnes suspectées d'être porteuses de la peste)*, поскольку инкубационный период коронавируса длится от 1 до 14 дней и требует изоляции.

Кинетика сем и приращение новых значений ярко прослеживается на примере *un confinement* (самоизоляция), принадлежащим словарному пласту нейтральной лексики. Это слово со связанной основой, которое в ходе исторического развития претерпело опрощение, состоявшее ранее из префикса *cum-* (с) и латинской основы – *finis (limites) l'idée de placer ou reléguer dans des limites communes, confinement des populations, en gestion des risques, un ensemble de mesures sanitaires visant à éviter ou limiter les conséquences d'un accident chimique ou nucléaire, d'attentats terroristes ou d'une épidémie, par exemple à la suite de la pandémie de Covid 19.*

В повседневной речи встречаются производные варианты, входящие в веерообразный словообразовательный ряд: *la vie confinée, le déconfini*. « *Nous, quand on en a marre du confinement, on l'arrête et on se met en confinement, conflation, conflation ou confinement. Ça rompt la monotonie* ». (*Le Monde*, le 27 avril 2020).

Если слово *un confinement* является семантическим неологизмом, то его производное *un déconfinement* и по структурным, и по семантическим признакам является новым словом. Этот неологизм ранее не был зафиксирован словарями, но прочно вошел в речевое общение, создав отглагольный словообразовательный ряд: *déconfiner-déconfinement* и обогатил синонимический ряд: *découronner-découronnement, décroiser – décroissement, décoiffer-décoiffement*.

Не меньший интерес представляет лексико-семантическая группа с ядерной семой *geste barrière*. На центральной оси этого лексико-семантического класса располагаются словосочетания: *se laver régulièrement les mains, tousser/éternuer dans son coude, utiliser un mouchoir à usage unique*. Формы приветствия пополнились в период пандемии ранее фамильярными жестами коммуникативного акта, которые не только перешли в разряд нейтральных, но и стали высокочастотными: *poing-à-poing, coude-à-coude, salut du pied*. Большое распространение получили такие лексемы, как *télétravail, vidéoconférence*, усеченное телескопное слово *webinaire*.

Неологизм *apéro-skype* и его синонимы *skypéro, whatsappero, é-péro* имеют приращенные семы *partager une boisson en vidéoconférence avec d'autres personnes isolées à défaut de pouvoir le faire dans un bar*.

Словосочетание *la fête au balcon* приобретает функцию лексикализованной синтагмы,

семантическими компонентами которой являются: *invitation, programme musical virtuel, depuis la fenêtre ou balcon, la même heure*.

Ежедневные аплодисменты на балконах всей Франции в 20 часов в поддержку обслуживающего медицинского персонала стали катализатором появления неологизма-усеченного композита *médicâliner*.

Как показывает проведенное исследование, определение термина до настоящего времени представляет большую сложность, поскольку включает классы чисто научных терминов, таких как названия болезней, вирусов, медицинских препаратов, так и подвижные лексемы нейтрального пласта лексики, которые приобретают приращенные семы и попадают на периферийную ось, а нередко и занимают ниши центральной оси лексико-семантического поля Covidтерминологии. Вместе с тем происходит и обратная рекация, когда термины центральной оси поля переходит в разряд повседневного употребления.

Изучение словопроизводственных и словообразовательных процессов, принимающих активное участие в появлении неологизмов медицинского дискурса, позволяет заключить, что греко-латинские элементы нередко подвергаются опрощению и создают пласт терминов со связанной основой, частотными способами словообразования терминов центральной и периферийной оси являются суффиксальное и префиксальное словообразование, производные которых пополняют веерообразные и последовательные словообразовательные ряды. Словопроизводственные процессы отличаются частотностью буквенных сокращений, телескопных слов, усеченных композитов.

Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях медицинского дискурса, а также в лексикографических и типологических изысканиях на материале других языков.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневич С. В. О состоянии медицинской терминологии // Язык медицины / Межд. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. Самара, 2015. С. 40–50.
2. Горохова, Н. В. Терминография как закономерность развития терминоведения // Омский научный вестник, 2014. № 5 (132). С. 135–137.
3. Гущина Л. Н. Особенности языка медицины // Журнал Гродненского государственного медицинского университета, 2005. № 1. С. 105–107.

4. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. Н. А. Катагощина. Москва : КомКнига, 2012. 112 с.
5. Овчинникова Г. В. Семантические особенности лексемы «головной убор» во французском языке // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. № 2. Тула, 2015. С. 102–108.
6. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. Москва : Наука, 1968. С. 100–125.
7. Bonvalot M. Le vocabulaire médical de base: étude par l'étymologie. P., 1982. 447 p.
8. Chevallier J., Candel D., Haberer J.-P., Renevier N. Précis de terminologie médicale. P., 2015. 288 p.
9. Diamante A.-S. Lexique de biologie humaine et terminologie médicale. P. : Vuibert, 2009. 283 p.
10. Laloire J.-C. Dictionnaire médical des opérations humanitaires et du soutien de la paix: français-anglais, anglais-français. P., 2007. 215 p.
11. Landviron G. Comprendre la terminologie médicale – P. : Vuibert, 2000. 200 p.
12. Marroun I., Sené T., Quevauvilliers J. Dictionnaire médical de poche. P., 2018. 720 p.
13. Mecking V. La terminologie médicale du XVI e siècle entre tradition et innovation // La revue de l'Institut Catholique de Lyon. 2014, № 9 . P. 63–73.
14. Ramé A., Bourgeois, F. L'apprentissage du vocabulaire médical. Paris, 2005. 217 p.
15. Rouanet-Laplace J. Les mots clés de la santé : classement thématique, exemples d'utilisation, index bilingue). P., 2015. 192 p.
16. Thieulle J. Pratiques du mot médical. P., 2009. 209 p.
17. Quémada B. Introduction à l'étude du vocabulaire médical (1600–1710). P., 1955. 198 p.
18. Quevauvilliers J., Parlemuter L., Parlemuter G. Dictionnaire médical de l'infirmière. P., 2009. 1224 p.
19. Walker R. Etonnant corps humain (un voyage dans les profondeurs du corps humain). Montréal, 2001. 64 p.
20. Zweigenbaum P. Traitements automatiques de la terminologie médicale // Revue française de linguistique appliquée. 2001, № 5. P. 47–62.
- development // Omskij nauchnyj vestnik, 2014. № 5 (132). S. 135–137.
3. Gushhina L. N. Osobennosti jazyka mediciny = The peculiarities of medicine language // Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, 2005. № 1. S. 105–107.
4. Katagoshhina H. A. Kak obrazujutsja slova vo francuzskom jazyke = How words are formed in the French language. Moskva : KomKniga, 2012. 112 s.
5. Ovchinnikova G. V. Semanticheskie osobennosti leksemy «golovnoj ubor» vo francuzskom jazyke = Semantic peculiarity of the lexeme «headwear» in the French language // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. № 2, 2015. S. 102–108.
6. Reformatskij A. A. Termin kak chlen leksicheskoy sistemy jazyka = Term as a member of lexical language system // Problemy strukturnoj lingvistiki. Moskva : Nauka, 1968. S. 100–125.
7. Bonvalot M. Le vocabulaire médical de base: étude par l'étymologie. P., 1982. 447 p.
8. Chevallier J., Candel D., Haberer J.-P., Renevier N. Précis de terminologie médicale. P., 2015. 288 p.
9. Diamante A.-S. Lexique de biologie humaine et terminologie médicale. P. : Vuibert, 2009. 283 p.
10. Laloire J.-C. Dictionnaire médical des opérations humanitaires et du soutien de la paix: français-anglais, anglais-français. P., 2007. 215 p.
11. Landviron G. Comprendre la terminologie médicale – P. : Vuibert, 2000. 200 p.
12. Marroun I., Sené T., Quevauvilliers J. Dictionnaire médical de poche. P., 2018. 720 p.
13. Mecking V. La terminologie médicale du XVIe siècle entre tradition et innovation // La revue de l'Institut Catholique de Lyon. 2014, № 9 . P. 63–73.
14. Ramé A., Bourgeois, F. L'apprentissage du vocabulaire médical. Paris, 2005. 217 p.
15. Rouanet-Laplace J. Les mots clés de la santé : classement thématique, exemples d'utilisation, index bilingue). P., 2015. 192p.
16. Thieulle J. Pratiques du mot médical. P., 2009. 209 p.
17. Quémada B. Introduction à l'étude du vocabulaire médical (1600–1710). P., 1955. 198 p.
18. Quevauvilliers J., Parlemuter L., Parlemuter G. Dictionnaire médical de l'infirmière. P., 2009. 1224 p.
19. Walker R. Etonnant corps humain (un voyage dans les profondeurs du corps humain). Montréal, 2001. 64 p.
20. Zweigenbaum P. Traitements automatiques de la terminologie médicale // Revue française de linguistique appliquée. 2001, № 5. P. 47–62.

Reference List

1. Grinev-Grinevich S. V. O sostojanii medicinskoj terminologii = About the present stay of medical terminology // Jazyk mediciny / Mezhd. mezhvuz. sb. nauch. tr. v chest' jubileja V. F. Novodranovoj. Samara, 2015. S. 40–50.
2. Gorohova, N. V. Terminografija kak zakonomernost' razvitija terminovedenija = Terminographia as a regularity of terminology

УДК 811.13

А. В. Солнцева

<https://orcid.org/0000-0003-1219-9160>

Романские языки: история формирования и проблемы классификации

Для цитирования: Солнцева А. В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 124–133. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-123-132

В настоящей статье рассматриваются вопросы, возникающие при анализе романских языков. Во-первых, исследуется проблема определения количества романских языков и их классификации. В современном языкознании эти вопросы остаются нерешенным. Классификация романских языков видоизменялась в зависимости от того, какие основания предлагалось принять за ее основу. Кроме того, статус некоторых романских языков остается дискуссионным, поэтому разные авторы вычлняют разное количество романских языков. Во-вторых, в статье описывается процесс образования романских языков: предпринимается попытка объяснить сходства и различия, наблюдающиеся между ними. Основная причина сходства всех романских языков в общем источнике их происхождения – народной латыни.

В статье указываются следующие факторы, повлиявшие на процесс дивергенции романских языков: 1) Разный субстрат, на который наложилась народная латынь в провинциях Римской империи. Субстрат – это черты местного, исконного языка, растворившегося в языке-колонизаторе. 2) Разный суперстрат. Суперстрат – это черты исчезнувшего языка неместного населения, оставшиеся в исконном языке. Наиболее активным суперстратом был германский. Жители Романии в разных частях Европы сталкивались с разными германскими племенами. 3) Разный адстрат. Адстрат – это влияние соседних языков друг на друга, обусловленное длительным сосуществованием двух языков. В отличие от субстрата и суперстрата оба взаимодействующих языка продолжают существовать. Разное географическое положение народов романской речи определило специфический адстрат, характерный для того или иного романского языка. 4) Состояние латинского языка на момент колонизации той или иной провинции. 5) Продолжительность и степень римского влияния.

Ключевые слова: романские языки, французский язык, народная латынь, кельтские языки, суперстрат, субстрат, адстрат, заимствования, сходство, дивергенция.

A. V. Solntseva

Romance languages: history of formation and classification problems

This article deals with issues that arise when analyzing Romance languages. Firstly, the author investigates the problem of determining the number of Romance languages and their classification. In modern linguistics, these issues remain unresolved. The classification of Romance languages changed depending on what grounds were proposed to be taken as its basis. Moreover, the status of some Romance languages remains controversial, so different authors list a different number of Romance languages. Secondly, the article describes the process of Romance languages formation: an attempt is made to explain the similarities and differences observed between them. The main reason for the similarity of all Romance languages is their common source: the Vulgar Latin.

The article indicates the following factors that influenced the process of divergence of Romance languages: 1) A different substratum upon which the Vulgar Latin was superimposed in the provinces of the Roman Empire. The substratum is a complex of features of a local native language dissolved in a colonizing language. 2) Different superstratum. The superstratum is a complex of features of the extinct language of the non-native population remaining in the original language. The most active superstrate was German. Inhabitants of the Romance area in different parts of Europe had to deal with different Germanic tribes. 3) Different adstratum. The adstratum is the mutual influence of neighboring languages due to the long coexistence of two languages. Unlike substratum and superstratum, both interacting languages continue to exist in this case. The different geographical position of peoples of the Romance area determined a specific adstratum typical of a particular Romance language. 4) The state of the Latin language by the time a given province was colonized. 5) Duration and degree of Roman influence.

Key words: Romance languages, French, Vulgar Latin, Celtic languages, superstratum, substratum, adstratum, borrowing, similarity, divergence.

Романскими (от латинского «*romanus*» ‘римский, относящийся к Риму, Римской империи’) называют языки, которые образовались на основе латинского языка и продолжают сохранять в своем составе, синтаксисе и морфологии явно латинские черты. Общее число говорящих на романских языках достигает 700 млн. чел. [Алисова, 2001, с. 22].

Романские языки используются как государственные более чем в 60 странах мира. Два из шести официальных языков ООН [Солнцева, 2019] – романские языки (испанский и французский). Испанский язык – второй после китайского по рас-

пространности в мире.

Романская группа вместе с другими языковыми группами (славянской, германской, индийской, балтийской, кельтской и др.) входит в индоевропейскую семью – более крупное объединение языков по генеалогическому принципу.

Романские языки обладают рядом общих признаков в лексическом составе, в грамматическом строе (например, аналитизм, наличие артиклей, двух серий местоимений и другие), их слова связаны между собой закономерными фонетическими соответствиями:

	Латинский язык	Итальянский язык	Испанский язык	Французский язык	Румынский язык	Португальский язык
Молоко	lac	latte	leche	lait	lapte	leite
Восемь	octo	otto	ocho	huit	opt	oito
Ночь	nox	notte	noche	nuit	noapte	noite

Классификация романских языков видоизменялась в зависимости от того, какие основания принимались для этой классификации, поэтому разные авторы вычленяют разное количество романских языков.

Научная классификация романских языков, основанная на сравнительно-историческом методе, начинается с Ф. Дица. Ф. Диц считал самостоятельными романскими языками только те, которые получили литературное употребление, поэтому говорит лишь о шести языках (испанском, португальском, французском, провансальском, итальянском, румынском), хотя и сам признавал, что каталанский язык должен рассматриваться как самостоятельный язык, а не как наречие провансальского языка [Diez, 1882].

В 1873 г. Г. Асколи [Ascoli, 1878] выдвинул положение, что самостоятельным языком следует считать всякий язык с особой комбинацией фонетических черт, которая не встречается в других языках. Именно Г. Асколи выделил в качестве самостоятельного языка «ладинский», известный сейчас как ретороманский, и франкопровансальский языки.

Г. Грёбер [Gröber, 1904] выдвинул критерий взаимного непонимания между членами разных языковых групп, и предложил следующее деление романских языков: испанский, португальский, каталанский, французский, провансальский, франкопровансальский, ретороманский, итальянский, румынский.

После подробного изучения особенностей сардинского языка В. Мейер-Любке [Meyer-Lübke, 1921] счел необходимым включить этот язык, а

также далматинский язык в список романских языков как отдельные языки. Однако каталанский язык он не считал отдельным языком, причисляя его к провансальскому, а франкопровансальские говоры рассматривал в качестве диалектов французского языка. Таким образом, В. Мейер-Любке выделяет девять романских языков: испанский, португальский, французский (с двумя группами говоров: северно-французских и юго-восточно-французских), провансальский с включением каталанского, сардинский, итальянский, ретороманский, далматинский, румынский.

Наиболее подробную классификацию романских языков дал Паоло Сави-Лопес. Автор [Savi-Lopez, 1920] выделял шесть основных групп романских языков (итальянскую, французскую, провансальскую, испанскую, португальскую, румынскую), которым подчинены пять меньших групп (итальянской – сардинско-корсиканская, ретороманская, далматинская; французской – франкопровансальская, провансальской – каталанская). Некоторые лингвисты [Фортунов, 2010] пишут о семи романских языках (итальянском, французском, провансальском, испанском, португальском, румынском, ретороманском), другие [Гак, 2020] выделяют девять языков (французский, испанский, португальский, каталанский, провансальский, итальянский, ретороманский, сардинский, румынский), третьи [Сергиевский, 1952] – десять романских языков: испанский, португальский, каталанский, французский, провансальский, ретороманский, итальянский, сардинский, румынский, молдавский. А. А. Реформатский [Реформатский, 2018] писал

об одиннадцати языках (французском, провансальском, итальянском, сардинском, испанском, каталанском, португальском, румынском, молдавском, македоно-румынском, ретороманском).

Единого мнения о количестве романских языков в современном языкознании по-прежнему нет, что связано со спорным статусом некоторых романских наречий. При классификации романских языков возникает ряд трудностей. Так, например, дискуссионным остается статус ряда романских языков: галисийского (одни авторы рассматривают этот язык как отдельный язык, другие – как диалект португальского), каталанского (отдельный язык или единый с окситанским), гасконского (отдельный язык или диалект окситанского), корсиканского (отдельный язык или диалект итальянского), франкопровансальского (единый язык или группа диалектов), молдавского (отдельный язык или диалект румынского).

Отнесение диалекта, находящегося на границе двух близкородственных языков, к тому или иному языку, а также определение ареальной единицы как диалекта данного языка или как самостоятельного языка в ряде случаев представляет значительные трудности. В качестве критериев того, что данные ареальные единицы являются диалектами одного языка, выдвигаются следующие: наличие взаимопонимания между их носителями, наличие единого литературного языка, единства в направлении структурного развития, этнический фактор (при отнесении диалекта к определенному языку учитывается единое самосознание и самоназвание носителей локальных языковых единиц)

[Языкознание, 1998].

Различные критерии классификации дают разное количество языков. В наше время главным критерием классификации языков одни исследователи признают социолингвистический [Алисова, 2007], а другие – собственно лингвистический. Ряд ученых [Сравнительно-историческое изучение ..., 1982 и др.] утверждает, что генеалогические классификации языков основываются на фонетических закономерностях. Так, на изучении фонологических систем латинского и романских языков строит свою классификацию А. В. Широкова [Широкова, 1981].

Большинство ученых выделяют 11 основных романских языков: испанский, французский, португальский, итальянский, румынский, ретороманский, каталанский (каталонский), провансальский (окситанский, лангедок), сардинский (сардский), галисийский, далматинский (ныне мертвый язык, был распространен на территории современной Хорватии).

Однако существуют и другие мнения, так, например, Т. Б. Алисова [Алисова, 2007] пишет о 17 романских языках, В. И. Томашпольский [Томашпольский, 2020а] – о 50.

В число романских языков, как правило, включают и романский язык-основу – латинский язык. В свою очередь, внутри романской группы выделяются подгруппы языков. Наиболее распространена классификация романских языков по территориально-лингвистическому признаку:

Романская группа				
Латинский язык				
Западно-романская подгруппа				Восточно-романская подгруппа
Иберо-романская зона	Галло-романская зона	Ретороманская зона	Итало-романская зона	Балкано-романская зона
Испанский Португальский Галисийский Каталанский	Французский Окситанский	Ретороманский	Итальянский Сардский	Румынский Далматинский

Важным вопросом романской филологии является **процесс образования романских языков**. Сложность этой проблемы в том, что необходимо учитывать множество самых разнообразных факторов – от исторических до внутриязыковых. При решении вопроса о возникновении романских языков необходимо учитывать два аспекта.

Во-первых, вопрос о том, чем можно объяснить **сходство** романских языков между собой. Во-вторых, причины **расхождения** романских

языков.

Мнение романистов по первому вопросу едино: основная причина сходства всех романских языков в общем источнике их происхождения – народной латыни [Алисова, 2007; Богородицкий, 2020; Гак, 2020; Пылакина, 2012; Сергиевский, 2019; Скрелина, 2019; Томашпольский, 2020б; Широкова, 1981; Banniard, 2008; Felixberger, 2003; Reutner, 2020; Roegiest, 2009; Selig, 2019; Sellier, 2019; Teysier, 2004].

Именно поэтому и сегодня носители некоторых романских языков могут понимать друг друга более или менее свободно:

	Латинский язык	Итальянский язык	Испанский язык	Французский язык	Румынский язык	Португальский язык
случай	casus	caso	caso	cas	caz	caso
земля	terra	terra	tierra	terre	țară	terra
озеро	lacus	lago	lago	lac	lac	lago

Распространение латинского языка было вызвано расширением пределов Римской империи в результате войн. Так, французский язык ведет свое начало от латинского языка, распространившегося на территории современной Франции после завоевания Галлии Гаем Юлием Цезарем в 58–51 гг. до н.э. При этом в завоеванных провинциях распространялся и усваивался «не язык господствующих слоев римского общества, не литературная латынь, на которой писал свои мемуары Юлий Цезарь и произносил свои речи Цицерон, а язык народно-разговорный, язык преимущественно городского населения, на котором говорили местные администраторы и чиновники, легионеры и ветераны, торговцы и вольноотпущенники, а вслед за ними огромная масса мелких чиновников и рабов» [Сергиевский, 1952], который в научной литературе обозначается как «народная» или «вульгарная» латынь. Лексика классической латыни в романских языках частично утрачивается, тогда как лексика народной латыни закрепляется. Интересно, что иногда в современном романском языке соседствуют образования от синонимичных существительных народной и классической латыни. Так, во французском языке существует существительное *cheval* «лошадь, конь», которое произошло от народного *caballos* «кляча», тогда как прилагательное «конный» (*équestre*) во французском языке восходит к существительному классической латыни *equus*.

Народная латынь отличалась от классической большей свободой и выразительностью. В фонетике отличия выражались в выпадении *h* и конечного *m* (чаще всего аккузатива), в развитии кратких гласных [i], [u] в закрытые [e] и [o] соответственно, в постепенной утрате безударных гласных. В целом, фонетические трансформации были весьма значительными, например *août*, кл.-лат. *augustum* > н.-лат. *agosto* (итал., исп. *agosto*) > ст.-фр. *aost* > фр. [u], затем [ut], графически *août*. В грамматике, а именно в морфологии, происходит утрата некоторых редких (например, вокатива и 4-го и 5-го склонений) и нерегулярных форм (в частности, отложительных глаголов, неправильных инфинитивов, например, *esse* принимает

форму **essere* (< *être*), *posse* превращается в **potère* (< *pouvoir*); *utí* становится **usare* (< *user*), упрощение парадигмы склонения (аккузатив начинает употребляться вместо датива и аблатива), интенсивное развитие аналитических форм, которым отдается предпочтение (степени сравнения прилагательных *plus fortis* вместо *fortior*, будущее время глаголов *cantare habeo* вместо *cantabo*). [Пылакина, 2012, с.150]

Причины **дивергенции романских языков** далеко не так однозначны, как вопрос об их происхождении. Здесь выделим лишь наиболее важные из них.

1. Причиной образования различных романских языков мог быть **разный субстрат**, на который наложилась вульгарная латынь в провинциях Римской империи [Алисова, 2007; Богородицкий, 2020; Гак, 2020; Пылакина, 2012; Сергиевский, 2019; Скрелина, 2019; Felixberger, 2003; Reutner, 2020; Roegiest, 2009].

Субстрат – это черты местного, исконного языка, растворившегося в языке-колонизаторе. Субстрат, в отличие от заимствования, предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия. Дело в том, что основной процесс сводился не к смешению, гибридизации местного языка с латинским, а торжеству одних языков и постепенному вымиранию других. Таким образом, на формирование романских языков оказали влияние языки тех племен и народностей, которые были покорены Римом.

Так как римские колонии занимали обширные пространства, а местные языки могли сильно отличаться по своему происхождению, то и результат их влияния на латынь был различным. Субстрат испанского языка – кельтский, иберский, баскский. Субстрат французского языка – кельтский, на юге также древнегреческий. В провансальском языке дополнительно выделяют иберский субстрат. Субстратом итальянского языка являются италийские и этрусские языковые черты (например, слова *Roma* и *chianti* – восходят к этрусскому языку). Субстрат сардского языка – пунический и древнегреческий. Субстрат реторо-

манского языка – ретский (ретийский), который относят к неиндоевропейским дороманским языкам Италии. Субстрат румынского языка называют фрако-дакийским (под фрако-дакийскими языками понимают группу исчезнувших индоевропейских языков Балканского полуострова: язык даков, фракийский язык, иллирийский язык).

Лингвистическая ситуация в романизированной Галлии была ситуацией двуязычия: в разговорном обиходе конкурировали местный кельтский и привнесенный извне латинский, при этом письменные документы составлялись на латинском языке. Кельтский язык сдавал свои позиции постепенно, но с разной скоростью в разных слоях общества. Вначале латынь внедрилась в высшее общество, администрацию, значительно позднее на латинский перешло сельское население [Скрелина, 2019, с. 50].

В словаре французского языка сохранилось около 300 кельтских слов, относящихся преимущественно к сфере крестьянского быта и хозяйства, например:

– названия птиц, животных, рыб (*alouette* «жаворонок», *bièvre* «бобёр», *bouc* «козёл», *alose* «алоза, вид сельди»)

– названия частей тела птиц (*bec* «клюв»)

– названия растений (*bouleau* «берёза», *chêne* «дуб», *érable* «клен», *if* «тис»)

– названия предметов быта (*balai* «веник», *bassin* «таз», *tonne* «большая бочка»)

– названия орудий труда (*charrue* «плуг», *tarière* «бурав», *benne* «тележка»)

– названия материалов (*glaise* «глина», *bille* «бревно», *marne* «природная смесь глины и известняка»)

– названия мер (*lieue* «льё», *arpent* «полдесятины, арpent»)

– названия элементов ландшафта и названия дороги (*chemin* «дорога», *dune* «дюна», *lande* «ланды»).

В современном французском языке существуют названия городов и селений кельтского происхождения, образованные от имен населявших их племен [Солнцева, 2018], например: Paris (от Parisii), Reims (от Remi), Beauvais (от Bellovacii), Chartres (от Carnutes). Во многих топонимах сохранились галльские суффиксы, обозначающие принадлежность, латинизированный суффикс –аси (s), давший затем форму –ас, –ау, –еу, –ё, –у: Pauillac, Pouilly, Savignac, Aurillac, Sévigné, Savigny и др. По форме суффикса можно определить географию топонима, например, на севере распространен суффикс –у (Orly), на юге –ас

(Aurillac), оба слова восходят к одному: Aureliacu(s). Часто встречаются топонимы с суффиксами –dun, –tun, –un, –on, восходящими к кельтскому слову dūnum, обозначавшему «город, крепость», например Lyon (Lugdunum), Verdun (Virodunum). Кельтский суффикс в латинизированной форме –ialo, означавший «поле, опушка», сохранился в измененном виде в таких названиях, как Mareil, Mareuil, Mareau и др. [Сергиевский, 2019]

Кроме таких примеров есть немало других, принадлежащих фонетическому и грамматическому уровням.

Так, по мнению В. фон Вартбурга, «артикуляционные привычки кельтов сказались на произношении латинских слов: кельты опускали нёбную занавеску при произнесении гласных перед носовыми согласными, они смягчали гласную [u], принося ее [y] (протором. dū ru > галлором. *dyr > старофранц. и совр. франц. dur [dyr])» [Скрелина, 10, с. 17]. К галлицизмам относятся также остатки двадцатеричного счета (*quatre-vingts*, *quatre-vingt-dix*) и ныне непродуктивная деривация с уменьшительным суффиксом –et. Г. Гийом видел также во французском будущем времени кальку кельтского футурума. [Скрелина, 2019].

Ученые говорят о социолингвистических факторах [Скрелина, 2019, с. 52–53], способствующих тому, что ситуация двуязычия окончилась образованием нового романского языка.

I. *Родство языков.* Еще А. Мейе подчеркивал родство кельтского и латинского языков, что облегчило ассимиляцию латинского языка галлами.

II. *Характер межъязыковых контактов.* «Исторические факты свидетельствуют о том, что несмотря на сопротивление и вооруженные восстания кельтов, засвидетельствованные в исторических документах, характер человеческих контактов между побежденными и победителями был мирным и благотворным» [Скрелина, 2019, с. 52]

III. *Количественный перевес местного населения.* Так, например, ученые-романисты предполагают, что ... «на 6–8 млн. галлов приходилось 100 тыс. легионеров, 100 тыс. колонистов, 100 тыс. римских предпринимателей и их рабов» [Скрелина, 2019, с. 52]

IV. *Социально-экономические, политические, культурные факторы.*

Римское государство наложило отпечаток на всю последующую историю будущей Франции.

Галлия становится одной из важнейших житниц Римской империи. Галлы усваивают римские методы сельского хозяйства, получают развитие разнообразные ремесла и промыслы. Дороги, построенные римлянами в Галлии, составляли основу дорожной сети Франции почти тысячу лет. В римскую эпоху возникли десятки городов.

Латинский язык осваивался местным населением двумя путями:

– с одной стороны, он был усвоен местными жителями через его устно-разговорные формы, причем раньше всего латынь получила распространение в среде галльской аристократии, которая стремилась слиться с завоевателями [Акопян, 2020, с. 15];

– с другой стороны, латинский язык, внедрявшийся через его преподавание в школах, проникал в обиход в своей письменно-литературной форме.

Устная латынь трансформировалась согласно законам изменения латинского языка и быстро удалялась от первоначального образца, тогда как изменения письменной формы латинского языка минимальны. [Скрелина, 10]

2. Причиной образования разных романских языков мог быть также **разный суперстрат**, который наложилась на формирующиеся романские языки в римских провинциях [Алисова, 2007; Богородицкий, 2020; Пылакина, 2012; Сергиевский, 2019; Скрелина, 2019; Felixberger, 2003; Reutner, 2020; Roegiest, 2009; Sellier, 2019]

Понятие «суперстрат» было предложено в 1936 г. В. фон Вартбургом как антоним понятия «субстрат» для объяснения феноменов, наблюдавшихся в романских языках, которые нельзя было объяснить ни с помощью латинского языка, ни с помощью языков, бытовавших на завоеванных Римской империей до распространения латыни (цит. по [Dauzat, 1959]).

Суперстрат – это черты исчезнувшего языка пришлого, неместного населения, оставшиеся в местном, исконном языке. Иными словами, это остатки языка-пришельца, ассимилированного исконным языком.

Наиболее активным суперстратом был германский. Контакты с германскими племенами были постоянными и во времена Римской империи, и во времена отдельных романских государств. Жители Романии в разных частях Европы сталкивались с германскими племенами: французы – с франками, провансальцы – с бургундами, итальянцы – с остготами и лангобардами, испанцы – с вестготами и вандалами и т. д. Это обусловило

некоторую разницу в заимствованиях из германских языков. Так, для румынского этноса контакты с германцами не сыграли заметной роли, отсюда и минимальное количество германизмов в румынском языке.

Приведем некоторые примеры германизмов во французском языке: топонимы (France, Bourgogne); имена (например, Albert, как и все другие с компонентом -bert-); лексика, которая относилась к разным сторонам жизни, в основном, к войне, законодательству, повседневной жизни. Среди этих слов есть существительные, прилагательные, глаголы, которые отражают влияние германских завоевателей на галло-романский язык. Итак, к германскому субстрату относятся, например:

– военная лексика: bannière «знамя», beffroi «башня, дозорная башня, каланча», haubert «кольчуга», blesser «ранить»;

– наименования одежды: écharpe «шарф»;

– юридические термины: gage;

– названия административных, военных должностей: baron, maréchal;

– названия предметов обихода: fauteuil «кресло», canif «перочинный нож»;

– названия построек: haie «изгородь»;

– названия продуктов питания: gaufre «вафля»;

– названия растений: blé «пшеница»; hêtre «бук», mousse «мох»;

– названия особенностей ландшафта: marais «болото»;

– названия рыб: hareng «сельдь»

– собирательные названия животных: harde «стадо»;

– названия действий, обозначающих движения: danser «танцевать»; gravir «влезать, карабкаться»

– названия действий, обозначающих говорение: épelel «называть по буквам»

– абстрактные существительные: hâte «спешка», honte «стыд», orgueil «гордость»;

– названия цвета: blanc «белый», blond «белокурый, светлый», brun «коричневый, бурый», gris «серый, сивый».

– прилагательные, обозначающие человеческие качества: hardi «смелый, дерзкий», franc «откровенный, открытый», frais «прохладный, свежий», riche «богатый»

– глаголы choisir «выбирать», gagner «выигрывать», haïr «ненавидеть», soigner «лечить, заботиться»

Кроме имен нарицательных, среди германизмов встречаются и ономастические имена соб-

ственные, например, Armand, Augier, Bernard, Charles, Gautier, Gilbert, Roger, и др.

Следует подчеркнуть, что некоторая часть лексики германского происхождения впоследствии вышла из употребления в результате постепенного отказа от юридических институтов, введенных франками, и возврата к римскому праву.

3. Образованию различных романских языков способствовали контакты с языками соседних этносов, т. е. **разный адстрат**.

Адстрат – это влияние соседних языков друг на друга, обусловленное длительным сосуществованием двух языков. В отличие от субстрата и суперстрата оба взаимодействующих языка продолжают существовать. Разное географическое положение народов романской речи определило и тот специфический адстрат, характерный для того или иного романского языка. Так, для романских языков Пиренейского полуострова характерно арабское влияние. Через испанский язык арабские заимствования проникли в провансальский, французский, итальянский языки. Однако их количество было меньшим, а форма могла сильно отличаться от испанской.

Там, где население Романии граничило со славянскими народами, наблюдается славянский адстрат в романских языках. Прежде всего, это касается румынского языка, где имеется большое число славянских лексических, словообразовательных и фонетических заимствований и определяет его специфичность на фоне остальных романских языков.

Во французском языке Бельгии [Солнцева, 2016] адстратом является нидерландский язык. Зоны распространения французского и нидерландского языка на территории современной Бельгии веками граничили, причем эта граница была подвижной. Так, в Брюсселе в начале XX века нидерландский язык был родным примерно для 90 % населения, французский – для 10 %. К началу XXI века жителей Брюсселя, родным языком которых является нидерландский, осталось не более 8 %.

Адстратом французского языка Швейцарии является немецкий язык.

4. **Состояние латинского языка на момент колонизации** той или иной провинции.

Расхождения между романскими языками связаны также с разным временем романизации территорий, поскольку романизация происходила не одновременно, а продолжалась около 400 лет.

За это время сам латинский язык достаточно сильно изменился, а значит, в процессе распро-

странения латинского языка по Римской империи он попадал в провинции на разных стадиях своего развития. Например, в Сардинию романизация пришла в конце III в. до н. э., в Галлию – в середине I в. до н. э., а территорией Дакии (район нынешней Румынии) Рим овладел только в начале II в. н. э. Понятно, что в сардском, французском и румынском языках зафиксированы разные этапы развития латыни – не случайно о сардском языке говорят, как о самом архаичном романском языке, а о румынском – как о языке с большим количеством инноваций.

5. **Продолжительность и степень римского влияния**. Естественно, что те территории, которые находились под римским владычеством 400 или даже 500 лет (например, Сардиния или юго-восточная часть Пиренейского полуострова) и провинции, где Рим смог задержаться 200 – 250 лет (Дакия), сильно разнились по степени усвоения латинского языка и культуры.

Заключение

Проблемы определения количества и классификации романских языков в современном языкознании остаются нерешенным. Классификация романских языков видоизменялась в зависимости от того, какие основания брались за основу. Кроме того, разные авторы вычленяют разное количество романских языков, поскольку дискуссионным остается статус ряда романских языков. Мы считаем, что существует 12 романских языков: испанский, португальский, галисийский, каталанский, французский, окситанский, ретороманский, итальянский, сардский, румынский, далматинский, латинский. Данные языки подразделяются внутри романской группы языков на западно-романскую и восточно-романскую подгруппы.

Основная причина сходства всех романских языков в общем источнике их происхождения – народной латыни.

Причинами, которые обусловили дивергенцию романских языков, являются:

1) **разный субстрат**, на который наложилась народная латынь в провинциях Римской империи. (Субстрат – это черты местного, исконного языка, растворившегося в языке-колонизаторе);

2) **разный суперстрат**. (Суперстрат – это черты исчезнувшего языка неместного населения, оставшиеся в исконном языке. Наиболее активным суперстратом был германский. Жители Романии в разных частях Европы сталкивались с разными германскими племенами);

3) **разный адстрат**. (Адстрат – это влияние со-

седних языков друг на друга, обусловленное длительным сосуществованием двух языков. В отличие от субстрата и суперстрата в этом случае оба взаимодействующих языка продолжают существовать. Разное географическое положение народов романской речи определило и тот специфический адстрат, который характерен для того или иного романского языка);

4) состояние латинского языка на момент колонизации той или иной провинции.

5) продолжительность и степень римского влияния.

Упомянутые здесь факторы возникновения отдельных романских языков представляют собой только небольшую часть тех причин, которые предлагают учитывать исследователи периода романизации. Ни один из этих факторов нельзя абсолютизировать или, напротив, сбрасывать со счетов.

Библиографический список

1. Акопян В. З., Зюзин В. В., Лебедев Г. Ю. История стран Западной Европы. Часть 2. Франция. Испания: учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 381 с.
2. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. Москва : ФГУП «Издательство «Высшая школа», 2007. 453 с.
3. Алисова Т. Б., Чельшева И. И., Нарумов Б. П. Языки мира: романские языки. Москва : Академия, 2001. 720 с.
4. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. Москва : Юрайт, 2020. 187 с.
5. Гак В. Г., Мурадова Л. А. Введение во французскую филологию: учебник и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 303 с.
6. Пылакина В. В. Некоторые аспекты формирования французского языка: субстрат и суперстрат. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 643. Москва, 2012. С. 145–158.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение. Москва : Аспект-Пресс, 2018. 536 с.
8. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1952. 280 с.
9. Сергиевский М. В. История французского языка. Москва : Юрайт, 2019. 287 с.
10. Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка: учебник для бакалавров. Москва : Юрайт, 2019. 463 с.
11. Солнцева А. В. Французский язык в Бельгии и Люксембурге. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. 2016. С. 76–81.
12. Солнцева А. В. Французский язык как иностранный: как повысить мотивацию обучающихся? // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку. Москва, 2019. С. 176–179.
13. Солнцева А. В. Deonomastic word formation and translation problems. // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации. Материалы международной научной конференции. Москва : МГОУ, 2018. С. 230–233.
14. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы / Т. Я. Елизаренкова, В. В. Иванов, О. С. Широков и др. Москва : Наука, 1982. 344 с.
15. Томашпольский В. И. Романское языкознание в 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2020а. 267 с.
16. Томашпольский В. И. Романское языкознание в 2 ч. Часть 2: учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2020б. 314 с.
17. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков: краткий очерк. Москва : URSS, 2010. 251 с.
18. Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков. (Ареалы Галлии и Балкан): Учебное пособие. Москва : УДН, 1981. 85 с.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
20. Ascoli G. Schizzi francoprovenzali, AGI, III, 1878. P. 61–120.
21. Banniard M. Du latin aux langues romanes. Paris : ARMAND COLIN édition, 2008. 128 p.
22. Dauzat A. Histoire de la langue française. Paris, PUF, 1959. 472 p.
23. Diez Fr. Grammatik der romanischen Sprachen. 1882. P. 93
24. Felixberger, J. Sub-, Ad- und Superstrate und ihre Wirkung auf die romanischen Sprachen: Galloromania // Gerhard E. Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen. vol. 1. Berlin, New York, De Gruyter, 2003. S. 594–607.
25. Gröber G. Die romanische Sprachen. Ihre Einteilung und äußere Geschichte. – Straßburg, 1904. 563 s.
27. Klinkenberg J.-M. Des langues romanes. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur. 314 p.
28. Les langues romanes. URL: https://www.axl.cefanelaval.ca/monde/langues_romanes.htm. (Дата обращения 07.07.2020)
29. Manzac W. En quoi consiste la parenté linguistique? // Proceeding of the 14 International Congress of Linguists. Berlin, 1991. P. 44
30. Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1921. 340 s.
31. Revue Des Langues Romanes. Vol. 50. Sydney: Wentworth Press, 2019. – 562p.
32. Reutner U. Du latin aux langues romanes. URL: https://www.researchgate.net/publication/341313111_Du_latin_aux_langues_romanes/ (Дата обращения 07.07.2020)

33. Roegiest E. Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania. Leuven: ACCO, 2009. 267 p.

34. Savi-Lopez P. Le origini neolatini. Milano, 1920. 255 p.

35. Selig M. La Naissance des langues romanes. Avignon: Éditions Universitaires d'Avignon, 2019. 39 p.

36. Teyssier P. Comprendre les langues romanes: du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain: méthode d'intercompréhension. Paris: Éditions Chandeigne, 2004. 396 p.

Reference List

1. Akopjan V. Z., Zjuzin V. V., Lebedev G. Ju. Istorija stran Zapadnoj Evropy. Chast' 2. Francija. Ispanija: uchebnik dlja vuzov = The history of West European countries. Part 2. France. Spain: a textbook for universities. Moskva: Jurajt, 2020. 381 s.

2. Alisova T. B., Repina T. A., Tariverdieva M. A. Vvedenie v romanskuju filologiju = The introduction in Romance philology Moskva: FGUP «Izdatel'stvo «Vysshaja shkola», 2007. 453 s.

3. Alisova T. B., Chelysheva I. I., Narumov B. P. Jazyki mira: romanskije jazyki = World languages: Romance languages Moskva: Akademija, 2001. 720 s.

4. Bogorodickij V. A. Vvedenie v izuchenie sovremennyh romanskih i germanskih jazykov = The Introduction in modern Romance and Germanic languages studying. Moskva: Jurajt, 2020. 187 s.

5. Gak V. G., Muradova L. A. Vvedenie vo francuzskuju filologiju: uchebnik i praktikum dlja vuzov = The introduction in French philology: textbook and student book. Moskva: Jurajt, 2020. 303 s.

6. Pylakina V. V. Nekotorye aspekty formirovanija francuzskogo jazyka: substrat i superstrat = Some aspects of French language formation: substrate and superstratum // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. № 643. Moskva, 2012. S. 145–158.

7. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie = The introduction in Linguistics. Moskva, 2018. 536 s.

8. Sergievskij M. V. Vvedenie v romanskoe jazykoznanie = The introduction in Romance Linguistics. Moskva: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1952. 280 s.

9. Sergievskij M. V. Istorija francuzskogo jazyka = The history of the French language. Moskva: Jurajt, 2019. 287 s.

10. Skrelina L. M., Stanovaja L. A. Istorija francuzskogo jazyka: uchebnik dlja bakalavrov = The history of the French language: the textbook for bachelors. Moskva: Jurajt, 2019. 463 s.

11. Solnceva A. V. Francuzskij jazyk v Bel'gii i Ljuksemburge = The French language in Belgium and Luxembourg // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. № 4. 2016. S. 76–81.

12. Solnceva A. V. Francuzskij jazyk kak inostrannyj: kak povysit' motivaciju obuchajushhimsja? = The French

language as a foreign language: how to raise the motivation of students // Jetapy razvitija romanskih jazykov: ot jazyka zhivogo obshhenija k nacional'nomu jazyku. Moskva, 2019. S. 176–179.

13. Solnceva A. V. Deonomastic word formation and translation problems // Jevoljucija romanskih jazykov: ot jazyka narodnosti k jazyku nacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva: MGOU, 2018. S. 230–233.

14. Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie jazykov raznyh semej. Zadachi i perspektivy = Comparative-historical studying of languages of different families. Tasks and perspectives / T. Ja. Elizarenkova, V. V. Ivanov, O. S. Shirokov i dr. Moskva: Nauka, 1982. 344 s.

15. Tomashpol'skij V. I. Romanskoe jazykoznanie v 2 ch. Chast' 1: uchebnoe posobie dlja vuzov = Romance linguistics in 2 p. Part 1: a textbook for universities. Moskva: Jurajt, 2020a. 267 s.

16. Tomashpol'skij V. I. Romanskoe jazykoznanie v 2 ch. Chast' 2: uchebnoe posobie dlja vuzov = Romance linguistics in 2 p. Part 2: a textbook for universities. Moskva: Jurajt, 2020b. 314 s.

17. Fortunatov F. F. Sravnitel'naja fonetika indoevropskih jazykov: kratkij ocherk = Comparative phonetics of Indo-European languages: a short essay. Moskva: URSS, 2010. 251 s.

18. Shirokova A. V. Sravnitel'no-istoricheskaja fonetika romanskih jazykov. (Arealy Gallii i Balkan) = Comparative-historical phonetics of Romance languages: Gaul and Balkans: uchebnoe posobie. Moskva: UDN, 1981. 85 s.

19. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' = Linguistics. Big Encyclopedia dictionary / glavnyj redaktor V. N. Jarceva. Moskva: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. 685 s.

20. Ascoli G. Schizzi francoprovenzali, AGI, III, 1878. P. 61–120.

21. Banniard M. Du latin aux langues romanes. Paris: ARMAND COLIN édition, 2008. 128 p.

22. Dauzat A. Histoire de la langue française. Paris, PUF, 1959. 472 p.

23. Diez Fr. Grammatik der romanischen Sprachen. 1882. P. 93

24. Felixberger, J. Sub-, Ad- und Superstrate und ihre Wirkung auf die romanischen Sprachen: Galloromania // Gerhard E. Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen. vol. 1. Berlin, New York, De Gruyter, 2003. S. 594–607.

25. Gröber G. Die romanische Sprachen. Ihre Einteilung und äußere Geschichte. – Straßburg, 1904. 563 s.

27. Klinkenberg J.-M. Des langues romanes. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. 314 p.

28. Les langues romanes. URL: https://www.axl.cefanelaval.ca/monde/langues_romanes.htm. (Data obrashhenija 07.07.2020)

29. Manzac W. En quoi consiste la parenté linguistique? // Proceeding of the 14 International Congress of Linguists. Berlin, 1991. P. 44
30. Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1921. 340 s.
31. Revue Des Langues Romanes. Vol. 50. Sydney: Wentworth Press, 2019. - 562p.
32. Reutner U. Du latin aux langues romanes. URL: https://www.researchgate.net/publication/341313111_Du_latin_aux_langues_romanes/ (Data obrashhenija 07.07.2020)
33. Roegiest E. Vers les sources des langues romanes: un itinéraire linguistique à travers la Romania. Leuven: ACCO, 2009. 267 p.
34. Savi-Lopez P. Le origini neolatini. Milano, 1920. 255 p.
35. Selig M. La Naissance des langues romanes. Avignon: Éditions Universitaires d'Avignon, 2019. 39 p.
36. Teyssier P. Comprendre les langues romanes: du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain : méthode d'intercompréhension. Paris: Éditions Chandeigne, 2004. 396 p.

УДК 811.13

М. С. Бурак

<https://orcid.org/0000-0002-8204-8213>

**Некоторые аспекты лингвистического анализа рассказа
Х. Кортасара «Непрерывность парков»**

Для цитирования: Бурак М. С. Некоторые аспекты лингвистического анализа рассказа Х. Кортасара «Непрерывность парков» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 134–140. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-133-139

Данное исследование посвящено произведению Х. Кортасара «Непрерывность парков». Актуальность темы связана с возможностью осуществления многоаспектного анализа. Цель исследования – продемонстрировать существенное значение лингвистического анализа художественного текста для раскрытия его содержания. Во Введении кратко описывается структура рассказа, где два плана, две реальности, существующие параллельно друг другу, в конце соединяются. Главный герой рассказа «Непрерывность парков» оказывается жертвой героя читаемого им романа. Убийца вторгается в чужое пространство. Финал рассказа остаётся открытым. Во второй части статьи даётся краткий обзор литературной критики, относящейся к данному произведению. Особое внимание обращается на явление металепсиса, понятие хронотопа, категорию мифа и связь данного произведения с произведениями Х. Л. Борхеса. Автор статьи также уделяет внимание эстетической концепции Х. Кортасара, связанной с явлением «читателя-самки», и взгляду писателя на литературное произведение с точки зрения «игры». В статье определяется релевантность «взаимодействия» между «ключевыми моментами текста» и опытом читателя. В третьей части статьи осуществляется лингвистический анализ некоторых элементов произведения, в том числе в связи с явлениями номинализации и онтологической метафоры. Подробно анализируются лексемы и сочетания *dibujo* (рисунок, очертания), *el dibujo de los personajes* (очертания, набросок персонажей), *ilusión* (иллюзия), *intrusión* (вторжение), *continuidad* (непрерывность, бесконечность). В результате автор статьи приходит к следующим выводам. Как и во многих других рассказах, в «Continuidad de los Parques» Х. Кортасар вовлекает читателя в повествование, предлагая ему загадку, неразрешимую с точки зрения формальной логики. Интрига повествования, её «внутренняя структура», реализуется в большой степени за счёт использования возможностей испанского языка. Толкование открытого финала в ряде произведений литературы постмодерна является задачей читателя, который становится «соавтором» текста.

Ключевые слова: план, непрерывность, финал, металепсис, хронотоп, миф, связь, очертания, иллюзия, вторжение, номинализация, метафора.

M. S. Burak

Some aspects of linguistic analysis of H. Cortázar's short story «Continuity of parks»

This research is devoted to H. Cortázar's short story «Continuity of parks». The relevance of the topic is connected with the possibility to make a multidimensional analysis. The aim of the research is to demonstrate great importance of linguistic analysis of a short story for the revealing of its meaning. In the Introduction a short description of the structure of the story is given. There are two plans, two realities which exist parallel to each other and at the end they meet. The main character of the story «Continuity of parks» is the victim of the character of the novel read by him. The second part of the article is devoted to the short view of the literature criticism of this piece of work. The main attention is given to the phenomenon of metalepsis, the notion of chronotope, the category of myth and connection of this piece of work with H. L. Borhes's works. The author of the article also pays attention to H. Cortázar's aesthetic concept connected with the phenomenon of «reader-female» and the author's view on a literature piece of work from the viewpoint of «play». The relevance of «interaction between key moments of the text» and a reader's experience. The third part of the article gives a linguistic analysis of some elements of the story including nominalization and ontological metaphor. The author gives a detailed analysis of lexeme and phrase *dibujo* (drawing, outline), *el dibujo de los personajes* (outline, character sketch), *ilusión* (illusion), *intrusión* (intrusion), *continuidad* (continuity). As a result the author makes following conclusions. As in many other stories H. Cortázar in «Continuity of parks» involves the reader in the narration, gives a riddle to him which can't be solved from the viewpoint of formal logics. The intrigue of the narration, its «its inner structure» is implemented because of great opportunities of Spanish. The interpretation of an

open end in some literature works of postmodern period is the main task of the reader who becomes a «co-author» of the text.

Key words: plan, continuity, end, metalepsis, chronotope, myth, connection, outline, illusion, intrusion, nominalization, metaphor.

Введение

Данное исследование посвящено произведению Х. Кортасара «Непрерывность парков» («Continuidad de los parques»). Актуальность темы связана с возможностью многоаспектного анализа небольшого по объёму рассказа, совмещающего в себе несколько пластов, что предполагает сочетание различных подходов при его изучении.

Новизна исследования состоит в том, что упомянутый выше многоаспектный анализ впервые осуществляется на русском языке. При этом выделяются отдельные элементы повествования, являющиеся, с нашей точки зрения, ключевыми.

Цель исследования – продемонстрировать существенное значение лингвистического анализа художественного текста для раскрытия его содержания. Автор использует отдельные языковые единицы, обладающие особым лингвистическим потенциалом, в определённом контексте, тем самым создавая своего рода «внутреннюю структуру» эмоционального воздействия на читателя.

Лексема *continuidad* в названии данного произведения выражает связь между двумя планами повествования (зд. и далее План N 1 и План N 2). План N 1 связан с главным героем, который читает роман, сидя в удобном кресле в своём кабинете. План N 2 посвящён героям указанного романа, любовникам, их тайной встрече в лесной хижине, их намерению совершить убийство. В продолжение всего рассказа до последнего момента оба плана, обе реальности, существуют независимо друг от друга. Однако, в самом конце они сливаются в одну, т.к. жертвой убийства оказывается главный герой, читатель романа. Сидя в любимом кресле, обитом зелёным бархатом, он постепенно погружается в историю о том, как убийца вторгается в его пространство.

«Непрерывность парков». Литературная критика. Краткий обзор.

В течение последних десятилетий данное произведение было рассмотрено рядом критиков с разных позиций, подчас противоположных.

Например, Д. Лагманович и О. Ханн считают этот рассказ выдающегося классика латиноамериканской и мировой литературы произведением

в жанре фантастики. Оба исследователя выделяют принцип обрамленного повествования как текста внутри текста [Lagmanovich, 1972, с. 7–11; Hann, 1977, с. 123].

А. Пулео отмечает общий момент, связывающий Х. Кортасара и немецких романтиков: вера в фундаментальное единство всех планов реальности [Puleo, 1990, с. 25]. Данная модель позволяет, в частности, смешивать план окружающей действительности и пространство творчества [Puleo, 1990, с. 59].

Л. Блок, Ди Джеронимо и Л. Савала вслед за Ж. Женетт применяют к рассматриваемому произведению термин «металепсис» (аномальное пересечение истории и рассказа, излагаемых событий и повествования о них) [Женетт, 1998, с.414] [Block, 1994, с. 165], [Di Gerónimo], [Zavala, 2007, с. 303].

Согласно наблюдению Ж. Женетт, «Переход от одного нарративного уровня к другому может в принципе осуществляться только посредством наррации, приёма, который состоит во внесении в некоторую ситуацию посредством дискурса знания о некоторой другой ситуации. Всякая другая форма перехода хоть порой и возможна, но всегда является отклонением от нормы. Х. Кортасар рассказывает историю о человеке, убитом одним из персонажей читаемого им романа: это обратная (и крайняя) форма нарративной фигуры, которую классики называли металепсис автора» [Женетт, 1998, с.414]

Признавая в фабуле наличие мистики и фантастического элемента, мы склонны отдавать предпочтение трактовке данного произведения в русле *мифа* как категории, пронизывающей мировую культуру. Здесь уместно вспомнить о соотечественнике Х. Кортасара, Х. Л. Борхесе, который, может быть, как никто другой сумел воплотить в своём творчестве, также в жанре рассказа, не только это наследие, но и придать ему подчас новую и неожиданную трактовку. В этой связи некоторые исследователи пытались найти в рассказе Х. Кортасара «Непрерывность парков» интертекстуальные связи, прежде всего, с творчеством Х. Л. Борхеса.

В частности, Л. Блок отмечает наличие в рассказе Х. Кортасара эстетики, присущей рассказу Х. Л. Борхеса «Круги руин». В рамках данной эстетической парадигмы «наш собственный образ превращается в плод сознания и воображения того, кто наблюдает за нами со стороны» [Block, 1994, с. 165].

К. Р. Сильва обращает внимание на наличие схожих моментов в анализируемом нами произведении и рассказе Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок». В обоих случаях имеет место ситуация, при которой «процесс чтения являет собой своего рода сценическое представление и образует рамочную конструкцию, замыкая круг повествования» [Silva, 1997, с. 124].

Наличие ряда внешне схожих деталей и параллелей в данных произведениях двух авторов, однако, мало соотносится с основным замыслом в каждом случае. Тем не менее, данные произведения объединяет в нашем понимании наличие следующих идей: 1) В рамках категории мифа возможно то, что немислимо в обыденной действительности. 2) Человеческая культура – есть культура *мифа* и *символа*, или мифа, закодированного в символ. Поэтому многие элементы повествования следует трактовать именно в рамках указанных категорий. В этом смысле релевантным представляется определение Ю. М. Лотмана. «Символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости, и, одновременно выводит за пределы знаковости... В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры» [Лотман, 1987, с. 20]. 3) Мироздание и всё сущее в нём – едино, что не противоречит его разноплановости и постоянной, динамической трансформации на разных уровнях. Это можно представить как пространственно-временной континуум, что непосредственно сопряжено с идеей *хронотопа*. Как известно, данное понятие было заимствовано из теории относительности А. Эйнштейна М. М. Бахтиным и активно внедрено им в литературоведение. Как отмечает по этому поводу М. М. Бахтин: «Нам важно выражение в нём неразрывности пространства и времени... Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы» [Бахтин, 1975, с. 235].

В творчестве Х. Л. Борхеса и в произведениях Х. Кортасара созданы особые виды *хронотопа*. Общее в них заключается в разрушении привычных, обыденных представлений о связи пространства и времени и о самом течении времени.

В частности, в рассказе Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок» в любом из бесконечных *времен* (существующих как параллельно друг другу, так и сходящихся и расходящихся), воин – это воин, а предательство – это предательство. И в рассказе Х. Кортасара «Непрерывность (т.е. бесконечность) парков» посредством иных языков средств один пространственно-временной пласт переходит в другой и совмещается с ним.

Другой исследователь, С. Хуан-Наварро рассматривает рассказ Х. Кортасара «Непрерывность парков» с точки зрения идеи поверхностного читателя-«читателя-самки» (*lector hembra*). Данный термин подчёркивает пассивную роль того, кто не утруждает себя размышлениями, связанными с интенцией автора, а «поглощает» лёгкое, нескудное чтение на чувственном уровне.

С. Хуан-Наварро ссылается в этой связи на роман «Игра в классики», где устами вымышленного автора Морелли Х. Кортасар излагает свою эстетическую программу. Её суть состоит в изменении привычных нарративных моделей и схем таким образом, чтобы произведение становилось открытым для широкого диапазона возможных трактовок. При этом читатель неизбежно оказывается вовлечённым в процесс совместного с автором творчества, как бы его «соучастником» (*cómplice*) [Juan-Navarro, 1992, с. 242; Cortázar, 1984, с. 559].

Как справедливо отмечает С. Хуан-Наварро, взгляд Морелли и Х. Кортасара на литературное произведение с точки зрения «игры» (ирония, фантазия, заведомое несоответствие привычным моделям), а также его открытость для широкого диапазона трактовок [Cortázar, 1984, с. 559–60] перекликается с концепцией Р. Барта. В своём труде «Le Plaisir du texte» Р. Барт проводит чёткое различие между терминами *plaisir* и *jouissance*. Применительно к чтению речь идёт об эмоции примитивного порядка в первом случае и высокой, утончённой эмоции во втором [Barthes, 1973, с. 93–105].

Представляется интересным наблюдение С. Хуана-Наварро, согласно которому связь между «ключевыми моментами текста» (*las claves textuales*) и жизненным опытом читателя и опытом чтения им других произведений приводит в его сознании определённые изменения. Данные изменения приводят к разрыву в «линейном» восприятии текста и в итоге порождают эмоцию удовольствия. Настоящий «экстаз» (“*goce*” “*éxtasis*”), читатель испытывает в том случае, когда текст заставляет его пересмотреть

привычные ему установки [Juan-Navarro, 1992, с. 242].

В случае с героем рассказа Х. Кортасара, согласно мнению С. Хуана-Наварро, ирония автора заключается в том, что главный герой вовлекается в переживание чужой интриги, непосредственным участником которой в итоге оказывается сам [Juan-Navarro, 1992, с. 242].

Комфортной тишине и спокойствию в кабинете читателя- главного героя рассказа противопоставляется динамический характер диалога любовников. С описанием парка регулярного типа, окружающего усадьбу, контрастирует описание дикой природы леса, где находится их шалаш. Миру рассудка противопоставлен мир стихийного начала [Juan-Navarro, 1992, с. 246].

Согласно мнению С.Хуана-Наварро убийство главного героя символизирует смерть литературы, как «готового продукта», предназначенного для «пассивного» читателя [Juan-Navarro, 1992, с. 247].

Как справедливо отмечает С. Е. Солано-Ривера, «поэтика чтения как процесса» (“como poética del proceso de lectura”) (в частности, в применении к анализируемому рассказу) обязывает нас, читателей, стать независимыми от автора и от текста. Апеллируя к возможностям интертекстуального анализа, С. Е. Солано-Ривера считает, что читатель должен быть подобен Дон Кихоту, который раскрывает действительность с помощью книг. Он не остаётся в библиотеке, но под влиянием прочитанного трансформирует собственную реальность. Читатель не должен подобно Дальманну (главный герой рассказа Х. Л. Борхеса «Юг») закрываться, прятаться с помощью книги от окружающей действительности, но подобно Редерику (из рассказа Э. По «Падение дома Ашеро») соединять прочитанное с личным опытом [Solano-Ribera, 2015, с. 62].

«Непрерывность парков».

Лингвистический анализ текста.

В нашем понимании особую значимость приобретает анализ текста литературного произведения с точки зрения теории М. Тёрнера. Исследователь говорит о том, что язык художественной литературы не является отдельным языком, принципиально отличающимся от разговорного. Однако, литературный жанр позволяет оптимальным образом раскрыть заложенный в языке потенциал благодаря как таланту писателя, так и особым лингвистическим приёмам [Turner, 1991, с. 4–18]. В этой связи актуальным представляется

подход к языку ряда выдающихся представителей когнитивной лингвистики, например, Дж. Лакоффа с его теорией метафоры, т.к. именно в художественном тексте метафора получает максимально возможную реализацию [Lakoff]. Другой известный лингвист Р. Лангакер справедливо утверждает тот факт, что грамматика не является формальным сводом правил, но оказывается связанной со смыслом высказывания непосредственным образом [Langacker, 2008, с. 2].

В частности, обращает на себя внимание явление номинализации.

Данный концепт представляется ёмким и позволяет осуществить непосредственную связь между разными уровнями языка. Наибольшим потенциалом обладают те номинализации, которые объединяют в себе конкретное имя существительное, имя действия с обобщённым значением и результат данного действия. В ряде случаев номинализации служат ядром синтагмы (например, в виде сочетания с предлогом) что предоставляет дополнительные возможности создания особого эффекта при воздействии на реципиента.

Номинализация как отглагольное имя существительное является комплексным явлением в языке и служит ёмким и эффективным средством выражения интенции говорящего.

В зависимости от специфики конкретного языка данный лингвистический феномен может приобретать особые характеристики, реализуемые в рамках возможностей этого языка.

В частности, в связи с рассматриваемым произведением обращает на себя внимание номинализация DIBUJO, используемая в рамках синтагмы EL DIBUJO DE LOS PERSONAJES.

Лексема DIBUJO в испанском языке является многозначной и представляет собой комплекс смежных концептов.

Согласно толковому словарю испанского языка, составленному выдающимся испанским лингвистом и лексикографом Марией Молинер, и входящим в число наиболее престижных толковых словарей данного языка, лексема DIBUJO трактуется следующим образом:

1. Arte de dibujar. 2. Figura dibujada. 3. Figura formada por líneas [Moliner 1998, с. 990].

1. Искусство рисунка. 2. Нарисованная фигура. 3. Фигура, обозначенная линиями (букв. «сформированная линиями»).

Данное определение подчёркивает богатство значений и разнообразие палитры оттенков рассматриваемой лексемы.

Вся фраза звучит как: *Se dejaba interesar lentamente* por la trama, por EL DIBUJO DE LOS PERSONAJES [Cortázar, 1974, с. 9]. (букв. «Он медленно позволял себя заинтересовать сюжетом и «зарисовкой» персонажей, то ли наброском автора, то ли самих героев») – перевод наш, М. Б.)

В данном контексте сочетание EL DIBUJO DE LOS PERSONAJES служит, с нашей точки зрения, главным, ключевым моментом, осуществляющим связь реального, т.е. обыденной, бытовой действительности, и ирреального.

С точки зрения используемых автором языковых средств приобретает особую значимость тот факт, что данная номинативная синтагма может в испанском языке трактоваться двояко: 1) Как рисунок/очертания персонажей (т.е. персонажи – в данном случае выступают в роли объекта действия, которое осуществляет автор романа, описывая их, внутри рассказа Х. Кортасара). 2) Как рисунок, который выполняют сами персонажи романа внутри рассказа Х.Кортасара, создавая таким образом, иную реальность.

Вся фраза содержит пассивную конструкцию особого плана, в которой формальный субъект действия (главный герой рассказа – «он») фактически становится «объектом» действия.

Смысл, заключённый в данной фразе, меняет привычный ход событий, и создаёт особый хромотоп, пространственно-временной континуум, что подчёркивается использованием грамматического времени *imperfecto*, выражающего описание и незавершённость действия в прошлом.

Учитывая многозначность и варьативность употребления лексемы DIBUJO, это позволяет автору добиться особого эффекта, подчёркивая всепоглощающий характер иллюзии, заполняющей пространство текста.

Это также подтверждается фразой: *La ilusión novelesca lo ganó casi enseguida* [Cortázar, 1974, с. 9]. (букв. «Иллюзия вымысла, интрига романа почти сразу захватила его») – перевод наш, М. Б.). Лексема ILUSIÓN в испанском языке также весьма употребительна. Она характеризуется широким значением и разноплановостью оттенков. В данном случае в соответствии с теорией Дж. Лакоффа здесь присутствует онтологическая метафора, в рамках которой состояние иллюзии можно представить как «контейнер», без труда «захватывающий» примитивное сознание главного героя. Существительное, выражающее данное абстрактное понятие («иллюзия»), в силу своих грамматических свойств (способность изменяться по числам также в испанском языке)

уподобляется дискретной единице (discrete entity) и конкретному имени, т.е. «овеществляется» [Lakoff, 2003, с. 35].

Одним из ключевых элементов текста также является лексема INTRUSIÓN («вторжение»).

“Arrellanado en su sillón favorito, de espaldas a la puerta que lo hubiera molestado con una irritante posibilidad de intrusiones, dejó que su mano izquierda acariciara una y otra vez el terciopelo verde y se puso a leer los últimos capítulos” [Cortázar, 1974, с. 9]. «Утопая в безмятежном спокойствии любимого кресла, спиной к двери, которая могла бы помешать ему неожиданным и нежелательным вторжением, и как бы наблюдая, как левая рука неторопливо поглаживала зелёный бархат, он принялся читать последние главы» (перевод наш – М. Б.)

Вторжение в итоге оказывается неизбежным и непреодолимым, вторжение героя романа в сознание героя-читателя данного романа (План N 2) и его же вторжение в кабинет с креслом, обитым зелёным бархатом, где сидит этот читатель, (План N 1) сливаются в одно целое, как было показано выше.

Лексема CONTINUIDAD («непрерывность», «преемственность», «связность») в названии рассказа содержит несколько пластов и смыслов: 1) переход из одного физического пространства в другое; 2) связь двух планов повествования; 3) идея пространственно-временного континуума. Указанные выше смыслы не исчерпывают диапазон возможных трактовок и точек зрения.

Выводы

Как и во многих других своих рассказах, в “Continuidad de los Parques” Х. Кортасар вовлекает читателя в повествование, предлагая ему загадку, неразрешимую с точки зрения формальной логики и не вписывающуюся в рамки обыденной действительности. Подобного эффекта автор достигает путём создания определённой композиции и рамочной конструкции. При этом интрига повествования, её «внутренняя структура» проявляется за счёт использования возможностей испанского языка, связанных, в том числе, с онтологической метафорой и явлением номинализации, как было продемонстрировано выше.

Что касается открытого финала анализируемого нами произведения, Х. Кортасар в одном из своих интервью замечает следующее “В некоторых из моих рассказов есть фрагменты, которые каждому читателю следует понимать на свой

лад, что может не совпадать с замыслом автора». [Cortázar, 1985, с. 35]. У. Эко, в связи с этим справедливо отмечает, что «произведение искусства представляет собой послание (messagio), предполагающее целый ряд возможных толкований. Множество значений внутри одного означающего» [Eco, 1967, с. 6]. Восполнение подобных «смысловых лакун» и толкование открытого финала при условии, если текст, как было отмечено выше, нарушает линейную последовательность восприятия, является задачей читателя.

К сожалению, рамки статьи не позволяют осветить в должной мере все аспекты анализа рассматриваемого произведения. В частности, с нашей точки зрения, заслуживает отдельного исследования проблема интертекстуальных связей, особенно в отношении сопоставления с творчеством Х. Л. Борхеса. Данный сравнительный комплексный анализ представляется особенно значимым с учётом того, что оба автора являются соотечественниками и современниками. Кроме того, всех трёх авторов (Х. Л. Борхес, Х. Кортасар, У. Эко), несмотря на серьёзные различия между ними, объединяет одна из основных тенденций литературы постмодерна: вторжение героя в чужое пространство. Развитие данной идеи также представляется нам перспективным при осуществлении интертекстуального анализа. Наконец, особого внимания заслуживает максимально полный лингвистический анализ текста рассказа «Непрерывность парков». Всему этому мы намерены посвятить последующие публикации.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет : монография. Москва : Художественная литература, 1975. 809 с.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры : монография : в 2-х томах. Т. 2. Москва : Изд-во Сабашниковых, 1998.
3. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам XXI // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1987. Вып. 754. С. 10–22.
4. Barthes R. Le Plaisir du texte. Paris: Éditions Du Seuil, 1973. 105 p.
5. Block L. Una retórica del silencio. Funciones del lector y los procedimientos de la lectura literaria. México D. F. : Editorial Siglo XXI, 1994. 258 p.
6. Cortázar J. Final del juego. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1974. 198 p.
7. Cortázar J. La fascinación de las palabras: Conversaciones con Julio Cortázar. Barcelona: Muchnik Editores, 1985. 53 p.

8. Cortázar J. Rayuela. Madrid: Ediciones Cátedra, 1984. 746 p.

9. Di Gerónimo M. Laberintos verbales de autoficción y metaficción en Borges y Cortázar // Cuadernos del CILHA. 2005–2006. № 7–8. P. 91–105.

10. Eco U. Opera aperta: forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee. Milano: Bompiani, 1967. 284 p.

11. Hann O. El motivo de los mundos comunicantes. Sobre «Continuidad de los parques» de Julio Cortázar // Texto Crítico. 1977. № 7. P. 123–128.

12. Juan-Navarro S. 79 ó 99/ modelos para desarmar: Claves para una lectura morelliana de «Continuidad de los parques» de Julio Cortázar // Hispanic Journal. 1992. № 13.2. P. 241–249.

13. Lagmanovich D. Rasgos distintivos de algunos cuentos de Julio Cortázar // Hispamérica. 1972. № 1. P. 5–15.

14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London: The University of Chicago press, 2003. 193 p.

15. Langacker R. An Introduction to Cognitive Grammar // Cognitive Science. 1986. № 10. P. 1–40.

16. Moliner M. Diccionario de uso del español. 2 T. T. 1. Madrid : Gredos S.A., 1998. 1519 p.

17. Puleo A. Cómo leer a Julio Cortázar. Madrid: Ediciones Júcar, 1990. 105 p.

18. Silva Cáceres R. El árbol de las figuras. Estudio de motivos fantásticos en la obra de Julio Cortázar. Santiago: LOM Ediciones, 1997. 243 p.

19. Solano-Ribera S. E. «Continuidad de los parques»: Una poética de lectura // Káñina. Universidad Costa Rica. 2015. № 1. P. 53–64.

20. Turner M. Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton: Princeton University Press, 1991. 298 p.

21. Zavala L. Ironías de la ficción y la metaficción en cine y literatura. México D. F. : UACM, 2007. 395 p.

Reference List

1. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovaniya raznyh let = The questions of literature and aesthetics. The researchers of different years : monografija. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 809 s.
2. Zhenett Zh. Raboty po poetike. Figury = Works on poetics. Figures : monografija : v 2-h tomah. T. 2. Moskva : Izd-vo Sabashnikovyh, 1998.
3. Lotman Ju. M. Simvol v sisteme kul'tury. Trudy po znakovym sistemam XXI = Symbol in the system of culture. Works on sign systems of XXI // Uchjonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. 1987. Vyp. 754. C. 10–22.
4. Barthes R. Le Plaisir du texte. Paris: Éditions Du Seuil, 1973. 105 p.
5. Block L. Una retórica del silencio. Funciones del lector y los procedimientos de la lectura literaria. México D. F. : Editorial Siglo XXI, 1994. 258 p.

6. Cortázar J. Final del juego. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1974. 198 p.
7. Cortázar J. La fascinación de las palabras: Conversaciones con Julio Cortázar. Barcelona: Muchnik Editores, 1985. 53 p.
8. Cortázar J. Rayuela. Madrid: Ediciones Cátedra, 1984. 746 p.
9. Di Gerónimo M. Laberintos verbales de autoficción y metaficción en Borges y Cortázar // Cuadernos del CILHA. 2005–2006. № 7–8. P. 91–105.
10. Eco U. Opera aperta: forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee. Milano: Bompiani, 1967. 284 p.
11. Hann O. El motivo de los mundos comunicantes. Sobre «Continuidad de los parques» de Julio Cortázar // Texto Crítico. 1977. № 7. P. 123–128.
12. Juan-Navarro S. 79 ó 99/ modelos para desarmar: Claves para una lectura morelliana de «Continuidad de los parques» de Julio Cortázar // Hispanic Journal. 1992. № 13.2. P. 241–249.
13. Lagmanovich D. Rasgos distintivos de algunos cuentos de Julio Cortázar // Hispamérica. 1972. № 1. P. 5–15.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London: The University of Chicago press, 2003. 193 p.
15. Langacker R. An Introduction to Cognitive Grammar // Cognitive Science. 1986. № 10. P. 1–40.
16. Moliner M. Diccionario de uso del español. 2 T. T. 1. Madrid : Gredos S.A., 1998. 1519 p.
17. Puleo A. Cómo leer a Julio Cortázar. Madrid: Ediciones Júcar, 1990. 105 p.
18. Silva Cáceres R. El árbol de las figuras. Estudio de motivos fantásticos en la obra de Julio Cortázar. Santiago: LOM Ediciones, 1997. 243 p.
19. Solano-Ribera S. E. «Continuidad de los parques»: Una poética de lectura // Káñina. Universidad Costa Rica. 2015. № 1. P. 53–64.
20. Turner M. Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton: Princeton University Press, 1991. 298 p.
21. Zavala L. Ironías de la ficción y la metaficción en cine y literatura. México D. F. : UACM, 2007. 395 p.

УДК-81'32

З. Б. Долгих

<https://orcid.org/0000-0001-9313-6166>

Португальское местоимение *todo* как типичный градуатор-экстенсив предельной меры

Для цитирования: Долгих З. Б. Португальское местоимение *todo* как типичный градуатор-экстенсив предельной меры // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 141–146.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-140-145

В основе статьи лежит понимание возможной функционально-семантической классификации лексических единиц португальского языка по градуальному критерию, что соответствует операциональному ракурсу смыслового применения языка.

Одной из форм визуализации операций градуирования может быть градуальная шкала, или шкала градуирования, возможность построения которой подкрепляется существованием интуитивного восприятия говорящим и слушающим некоего образца, некой точки отсчета, некой нормы, выше и ниже которой располагаются те или иные зоны единиц, попадающих в ситуацию градуирования. Автор отмечает, что оператор градуирования как минимальная лингвистическая переменная является не только маркером, конкретизирующим степень отклонения от некоего ординарного уровня и обеспечивающим модификацию значения (движение вниз или вверх по аксиологической шкале), но и элементом упорядочения рассуждений, выражения мнения, а также личного отношения говорящего на португальском языке.

В статье анализируются операторы, относимые к группе градуаторов высокой степени и предельной меры. Анализ сочетаемости рассматриваемых автором операторов позволил выделить в португальском языке два способа градуирования предельных признаков – ингерентный и экстенсивный.

Экстенсивное усиление в большей степени связано с глаголом, при усилении которого ориентация на актанты выражена более эксплицитно. Это позволяет выделить особый тип усиления – актантное усиление. Тем не менее и при градуировании прилагательных некоторые португальские градуаторы предельной меры способны участвовать в экстенсивных моделях, как, например, кванторное местоимение *todo*, *toda* (весь, вся).

Помимо различий в способе модификации признака (экстенсивной или ингерентной) и в модальной части значения, операторы предельной меры различаются характером представления признака. Некоторые из них представляют признак в статике, безотносительно к его предыдущему развитию (*absolutamente*, *inteiramente*, *totalmente*), а другие представляют предельную меру признака как результат его предшествующего развития и накопления (*completamente*, *todo*, *de todo*).

Ключевые слова: степень, мера, оператор, операциональный, градуатор, градуирование, эксплицитный, имплицитный, ингерентный, экстенсивный.

Z. B. Dolguikh

The portuguese pronoun as a typical graduator-extensive of the ultimate measure

The article is based on an understanding of the possible functional and semantic classification of lexical units of the Portuguese language according to a graded criterion, which corresponds to the operational perspective of the semantic application of the language.

One of the forms of visualization of grading operations can be a grading scale, or a graduation scale, the possibility of which is supported by the existence of an intuitive perception of a certain sample, a certain point of reference, a certain norm, above and below which are certain zones of units that fall into the grading situation. The author notes that the grading operator as a minimal linguistic variable is not only a marker that specifies the degree of deviation from a certain ordinary level and provides a modification of the value (movement down or up the axiological scale), but also an element of ordering reasoning, expression of opinion, and personal attitude of the Portuguese speaker.

The article analyzes operators that belong to the group of high-degree and ultimate-measure gradators. The analysis of the combinability of the operators considered by the author allowed us to distinguish two ways of grading limit features in the Portuguese language: ingherent and extensive.

Extensive gain has more to do with the verb, in the amplification of which the orientation of the actants are expressed more explicitly. This allows you to select a special type of gain – actant gain. However, even when grading

adjectives, some Portuguese ultimate-measure gradators or graduators are able to participate in extensive models, such as the quantifier pronoun *todo, toda* (all, entire, whole).

In addition to differences in the method of modifying a trait (extensive or inherent) and in the modal part of the value, ultimate measure operators differ in the nature of the trait representation. Some of them represent a trait in statics, regardless of its previous development (*absolutamente, inteiramente, totalmente*), and others represent the ultimate measure of the trait as the result of its previous development and accumulation (*completamente, todo, de todo*).

Key words: degree; measure; operator; operational; graduator; graduation; explicit; implicit; ingherent; extensive.

Вопрос о классификации градуаторов в португальском языке и их визуального распределения относительно нормы на некой аксиологической шкале связан с необходимостью разграничения меры и степени [Долгих 2019]. Анализ сочетаемости операторов высокой степени и предельной меры позволил выделить в португальском языке два способа градуирования предельных признаков: посредством выражения предельности, абсолютности самого признака и через указание на полноту охвата признаком его носителя. Первый тип является ингерентным, а второй экстенсивным.

При экстенсивном усилении признака последний соотносится с носителем признака как элементом модальной рамки градуирования. Экстенсивное усиление в большей степени связано с глаголом, при усилении которого ориентация на актанта выражена более эксплицитно. Это позволяет, согласно И. И. Убину, выделить особый тип усиления – актантажное усиление [Убин, 1976, с. 161–162]. Тем не менее и при градуировании прилагательных некоторые португальские градуаторы предельной меры способны участвовать в экстенсивных моделях.

Типичным градуатором-экстенсивом португальского языка является кванторное местоимение *todo, toda* (весь, вся). Его семантическая ориентация на носителя признака эксплицитно выражается согласованием с существительным или местоимением, обозначающим носителя признака, в роде и числе:

...o povo olha para «eles» como se fossem todos igualmente corruptos [Mónica 2016, p. 37] (...народ смотрит на них так, как будто они все одинаково коррумпированы);

Daqui a pouco Delfino estava em casa para o almoço e ia encontrar a criançada toda lavada e penteada [Callado 1957 URL] (Через некоторое время Дельфину предстояло быть дома и встретиться с ребятней, всей такой умытой и причесанной).

В большинстве случаев португальский оператор *todo (toda)* употребляется для градуирования признаков лица, его внешнего вида, эмо-

ционального, физического или интеллектуального состояния:

Todo chique, como sempre, mas tão velho... [Callado 1957 URL] (Весь шикарный, как обычно, но такой старый...);

...que você namora uma prima toda bonita (...что Вы встречаетесь с кузиной, такой всей ухоженной/красивой).

В некоторых случаях носителем признака может быть и не лицо, а некое целикомое явление или ситуация:

a planície espreguizava-se... toda nua... (...равнина простиралась совершенно (букв.: вся) обнаженная, пустынная...); *Mas que tristeza chegar à doce porta... sob aquele céu todo claro!* [Conto Fantástico Português 1974, p. 242] (Но как грустно прийти к заветной двери под таким совершенно светлым и чистым небом (букв.: под небом, которое было все светлое)).

В большинстве случаев актантажного усиления оператор *todo* сочетается с глаголами эмоциональной сферы и показывает, насколько полно субъект охвачен той или иной эмоцией: *corou toda* (вся раскраснелась); *entusiasmou-se todo* (весь воодушевился); *...ficámos todos chocados e ficámos todos chocados porque a substância do sexismo é evidente...* [Claro 2016, p. 11] (...мы были все потрясены, потрясены тем, что в словах явно присутствовал сексизм...).

Во всех предыдущих примерах кванторный градуатор *todo* употребляется как экстенсив. Это естественно, поскольку человек в этом случае воспринимается как некое пространство, вмещающее всех его эмоциональных, интеллектуальных и прочих качеств [Вольф 1985, Писанова 1997]. Та же ситуация наблюдается при описании и определении носителей признака – конкретных физических объектов, имеющих пространственную протяженность, как в двух последних примерах. Иначе обстоит дело, если опорным словом, которое определяет прилагательное, является абстрактное имя существительное типа *eternidade* (вечность), *vida* (жизнь), *carinho* (нежность), *modo* (образ, способ) и т. п. Поскольку эти существительные назы-

вают не конкретные физические объекты, обладающие пространственной ограниченностью и имплицитующие предел экстенсивности признака, а сущности абстрактные, пространственной экстенсии не имеющие, *todo* перестает быть экстенсивом, его семантическая связь с носителем признака ослабевает (при сохранении связи грамматической – согласования), и оно становится ингерентным оператором:

O Comité Central ia dar uma importância toda particular ao julgamento desses dois homens [Veríssimo 1965, p. 180] (Центральный комитет намеревался придать совершенно особое значение суду над этими двумя людьми).

Следует отметить, что на русский язык *todo* в этих случаях нельзя переводить в виде эквивалента «весь», приходится заменять его на более типичный и распространенный в русском языке оператор предельной меры – «совершенно».

Подобное развитие признака (от экстенсивного к ингерентному) характерно не только для *todo*, но и для других португальских операторов предельной меры, в которых предельное развитие значения признака приводит к нейтрализации их первичного лексического значения и ослаблению связей с носителем признака.

Кроме *todo* в роли экстенсива может выступать и наречие *completamente*. При этом оно является синонимом *todo*, что отражается в переводах на русский язык:

Sua blusa estava já completamente escura de suor [Veríssimo 1965, p. 405] (Ее блузка вся потемнела от пота).

Если *todo*, *completamente*, *totalmente* в португальском языке могут быть экстенсивами, то *perfeitamente* и *absolutamente* такой способностью не обладают. Для них не характерна сочетаемость с прилагательными, обозначающими признаки лица, они чаще сочетаются с прилагательными других типов – оценочными, выражающими отношения:

Com o banco público a precisar de uma injeção urgente de capital (estima-se um montante global à volta de 5,16 mil milhões de euros, uma bagatela caucionada pelo contribuinte), é perfeitamente razoável que os vencimentos atribuídos aos novos gestores deixem a perder de vista os do Presidente da República ou do próprio primeiro-ministro [Abreu 2016, p. 43] (В ситуации, когда Госбанк нуждается в срочной инъекции капитала (по оценкам всего около 5.16 млрд евро – сущий пустяк, который обеспечат налогоплательщики), вполне разумно/логично/понятно, что оклады,

выделенные для новых менеджеров, позволят выпустить из фокуса внимания размер зарплат президента или премьер-министра);

Hoje sinto-me perfeitamente integrado na metade feminina do mundo, parceiro das mulheres em geral e cúmplice das mulheres que amo [Alçada Baptista 1985 URL] (букв.: Сегодня я чувствую себя наилучшим образом (как нельзя лучше) интегрированным в женскую половину мира, партнером всех женщин в целом и сообщником тех женщин, которых я люблю);

Dias depois, ele estava perfeitamente senhor da situação, ou, pelo menos, assim pensava [Corrêa Cabral 1993 URL] (Несколькими днями позже он уже был абсолютным хозяином положения, по крайней мере, он так считал).

Não estou absolutamente seguro... [Abreu 1990 URL] (Я не вполне уверен / я не могу быть абсолютно уверенным...);

...absolutamente essencial para manter a autenticidade... [Calheiros 2016, p. 89] (наиболее/крайне существенно для сохранения подлинности).

Как уже было сказано, случаи, когда операторы *perfeitamente* и *absolutamente* все-таки сочетаются с прилагательными, обозначающими признаки лица, объясняются актуализацией в них модального компонента значения. При этом контекст, как правило, указывает на некую полемику, на несовпадение мнений, что, главным образом, характерно для португалоязычных текстов газетно-публицистического дискурса:

...é algo que fica bem em qualquer debate ou artigo, mas que é absolutamente inconsequente [Mesquita Nunes 2016, p. 33] (...это то, что хорошо смотрится на дебатах или в статье, но оно абсолютно необдуманно);

...saltava aos olhos da cara que pretendiam sobretudo deixar-lhe a impressão que era absolutamente livre [Ribeiro 1977, p. 247] (...бросалось в глаза, что они прежде всего хотели внушить ей, что она абсолютно свободна).

Помимо различий в способе модификации признака (экстенсивной или ингерентной) и в модальной части значения, операторы предельной меры различаются характером представления признака. Некоторые из них представляют признак в статике, безотносительно к его предыдущему развитию (*absolutamente*, *inteiramente*, *totalmente*), а другие представляют предельную меру признака как результат его предшествующего развития и накопления (*todo*, *completamente*, *de todo*).

Наличие этого компонента значения было отмечено Ш. Балли для французского наречия *tout* [Балли 1955]. Характерен он и для португальского местоимения *todo*. Этот компонент значения оператора влияет на его сочетаемость, в частности на употребление связочных глаголов *estar* или *ser* при именах прилагательных. *Completamente* и *todo* часто употребляются в высказываниях с глаголом *estar*:

Ele haveria de compreender, se ainda não estivesse completamente louco. [Cardoso 1943 URL] (Он понял бы, если бы еще не был абсолютно вне себя/ совершенно безумен);

Duda já estava todo pronto em roupas de montaria [Cavalcante 1993 URL] (Дуда был полностью готов, в одежде для верховой езды).

В высказываниях такого типа в португальском языке часто употребляются наречия времени *já*, *enfim*, которые также подчеркивают предшествующее накопление признака. Наличие семантического компонента результативности признака в значении *completamente* сближает его с русским наречием «совсем» и отличает от «совершенно», такого компонента не включающего [Червенкова 2004].

Однако в наибольшей степени компонент результативности признака присущ португальскому наречному обороту *de todo*: в подавляющем большинстве случаев этот оператор усиливает значение причастий, выражающих результативный признак:

...atirou-se vestido sobre a cama. Derreado de todo [Redol 1975, p. 159] (...совсем сломленный, он бросился одетым на кровать). Чаще всего опорное прилагательное при этом операторе обозначает физические или эмоциональные состояния лица, наиболее динамичные признаки.

Семантический компонент накопления признака определяет также возможность сочетаний оператора *de todo* с отрицаемыми признаками:

Não era de todo destituído de bom senso (он был не совсем лишен здравого смысла); *...a quinta não é aborrecida de todo...* [Ribeiro 1977, p. 84] (...ферма была не совсем в плачевном состоянии). Взаимодействуя с отрицанием, *de todo* образует новый оператор, который означает, что выражаемый признак не достиг предела в своем развитии. Следует обратить внимание на то, что во всех приведенных примерах прилагательное употреблено с глаголом *ser* (быть – постоянное качество), а не *estar* (быть – временная характеристика). Это связано с тем, что прилагательные в них обозначают не эмоциональное или фи-

зическое состояние лица, а его интеллектуальные свойства, черты характера или оценку. Во всех трех примерах описывается не динамическая, а статическая ситуация.

Предельность результативного признака может градуироваться также некоторыми другими наречиями:

Em novembro já vocês estavam definitivamente instalados no Monte Estoril [Mourão Ferreira 1963 URL] (В ноябре вы окончательно поселились в городе Монти Эшторил);

Bom.. poderia mostrar à D. Cláudia que a Antónia estava realmente velha, doente... [Oliveira 1943 URL] (Ну Вы могли показать донне Клаудии, что Антония действительно стара и больна / стала действительно старым и больным человеком...);

No momento em que foi, definitivamente, cercado por suspeitas de corrupção – a ameaça ganhava dimensão há muito tempo – o ex-Presidente brasileiro usou a cumplicidade da sua sucessora, Dilma Rousseff para... [Hortelão 2016, p. 8] (В то время, когда он было определенно окружен подозрениями в коррупции (угроза нарастала давно), бывший президент Бразилии использует соучастие своего преемника Дилмы Руссефф для того, чтобы...);

...eu estava irremediavelmente desacreditado [Namora 1977, p. 107] (...я был бесповоротно дискредитирован).

При этом для наречия *irremediavelmente* характерна сочетаемость с причастиями. В тех случаях, когда этот оператор сочетается с прилагательными, он вносит в сочетание оттенок результативности и является более экспрессивным, чем другие операторы предельной меры:

Ela é irremediavelmente velha ao pé de nós [Redol 1975, p. 248] (Она безнадежно стара по сравнению с нами).

Таким образом, операторы предельной меры португальского языка, относясь к одной и той же зоне градуирования признака, различаются такими семантическими компонентами, как модальный компонент, компонент результативности признака, а также по способу градуирования – ингерентному или экстенсивному. Эти семантические различия определяют разницу в их сочетаемости.

Португальское кванторное местоимение *todo*, имеющее особые функционально-семантические характеристики, является типичным градуатором-экстенсивом и относится к группе операциональных средств предельной меры.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Наука, 1985. 228 с.
3. Долгих З. Б. Семантико-прагматические особенности операторов градуирования максимальной степени и превзойденной меры (на материале португальского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 2 (818). Гуманитарные науки. Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 28–36. URL: http://mslu-vestnikedu.ru/Vest/2_818.pdf (дата обращения: 02.01.2020).
4. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. Москва : Моск. гос. лингв. ун-т : ИКАР, 1997. 320 с.
5. Червенкова И. В. Об эквивалентах в сопоставительном исследовании лексики // Динамика языковых процессов: история и современность: сб. науч. тр. К 75-летию со дня рождения профессора Пенки Филковой. София : Херон Прес, 2004. С. 324–329.
6. Убин И. И. Лексические средства усиления и ослабления слов в тексте // Вычислительная лингвистика. Москва : Наука, 1976. С. 160–165.
7. Abreu C. F. Onde andar Dulce Veiga. 1990. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 01.07.2016).
8. Abreu D. de. A toque de Caixa... // Sol. 2016. № 531. P. 43.
9. Alada Baptista An. Os nos e os laos. 1985. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 26.06.2016).
10. Calheiros S. A arte de alfaiataria revisitada // Viso. 2016. № 1225. P. 89.
11. Callado An. A Madona de cedro. 1957. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 16.12.2016).
12. Cardoso L. Dias perdidos. 1943. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 16.12.2016).
13. Cavalcante J. Inimigas ntimas. 1993. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 09.07.2016).
14. Claro L. Socrates teve um comportamento que  eticamente condenvel // Sol. 2016. № 531. P. 10–13.
15. Conto Fantstico Portugus. Lisboa (s.a.). 1974. 680 p.
16. Correa Cabral P. Xambio: Guerrilha no Araguaia. 1993. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 30.05.2016).
17. Hortelo R. A escolha de Lula da Silva e o que ela representa // Sbado. 2016. № 621. P. 8.

18. Mesquita Nunes Ad. Como uma explicao intuitiva no est necessariamente certa // Viso. 2016. № 1225. P. 33.
19. Namora F. Cavalgada cinsenta. Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 296 p.
20. Mnica M. F. No percebo nada de bancos // Expresso. 2016. № 2256. P. 37.
21. Mouro Ferreira D. Tal e qual o que era. 1963. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 22.12.2016).
22. Oliveira C. de. Casa na dun. 1943. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (дата обращения: 11.04.2016).
23. Redol An. Al. Barranco de cegos. Lisboa : Publicaes Europa- Amrica, 1975. 379 p.
24. Ribeiro Aq. Mnica. Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 320 p.
25. Verssimo Er. O senhor Embaixador. Lisboa : Livros do Brasil (s. a.). 1965. 430 p.

Reference List

1. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and French language questions. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.
2. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics if appraisal. Moskva : Nauka, 1985. 228 s.
3. Dolgih Z. B. Semantiko-pragmaticheskie osobenosti operatorov graduirovaniya maksimal'noj stepeni i prevzoidennoj mery (na materiale portugal'skogo jazyka) = Semantico-pragmatic peculiarities of operators of graduation of maximum measure and surpassed measure (on the material of Portugese) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk 2 (818). Gumanitarnye nauki. Moskva : FGBOU VO MGLU, 2019. S. 28–36. URL: http://mslu-vestnikedu.ru/Vest/2_818.pdf (data obrashhenija: 02.01.2020).
4. Pisanova T. V. Nacional'no-kul'turnye aspekty ochenoj semantiki: Jesteticheskie i jeticheskie ocenki = Nation-cultural aspects of appraisal semantics : aesthetic and ethic appraisals. Moskva : Mosk. gos. lingv. un-t : IKAR, 1997. 320 s.
5. Chervenкова I. V. Ob jekvivalentah v sopostavitel'nom issledovanii leksiki = About equivalents of comparable words research // Dinamika jazykovyh processov: istorija i sovremennost': sb. nauch. tr. K 75-letiju so dnja rozhdenija professora Penki Filkovej. Sofija : Heron Pres, 2004. S. 324–329.
6. Ubin I. I. Leksicheskie sredstva usilenija i oslablenija slov v tekste = Lexical means of strengthening and weakening of words in the text // Vychislitel'naja lingvistika. Moskva : Nauka, 1976. S. 160–165.
7. Abreu C. F. Onde andar Dulce Veiga. 1990. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 01.07.2016).
8. Abreu D. de. A toque de Caixa... // Sol. 2016. № 531. R. 43.

9. Alçada Baptista An. Os nós e os laços. 1985. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 26.06.2016).
10. Calheiros S. A arte de alfaiataria revisitada // Visão. 2016. № 1225. R. 89.
11. Callado An. A Madona de cedro. 1957. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 16.12.2016).
12. Cardoso L. Dias perdidos. 1943. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 16.12.2016).
13. Cavalcante J. Inimigas íntimas. 1993. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 09.07.2016).
14. Claro L. Sócrates teve um comportamento que é eticamente condenável // Sol. 2016. № 531. R. 10–13.
15. Conto Fantástico Português. Lisboa (s.a.). 1974. 680 p.
16. Corrêa Cabral P. Xambioá: Guerrilha no Araguaia. 1993. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 30.05.2016).
17. Hortelão R. A escolha de Lula da Silva e o que ela representa // Sábado. 2016. № 621. R. 8.
18. Mesquita Nunes Ad. Como uma explicação intuitiva não está necessariamente certa // Visão. 2016. № 1225. R. 33.
19. Namora F. Cavalgada cinsenta. Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 296 p
20. Mónica M. F. Não percebo nada de bancos // Expresso. 2016. № 2256. R. 37
21. Mourão Ferreira D. Tal e qual o que era. 1963. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 22.12.2016).
22. Oliveira C. de. Casa na dun. 1943. URL: <http://www.corpusdoportugues.org/x.asp> (data obrashhenija: 11.04.2016).
23. Redol An. Al. Barranco de cegos. Lisboa : Publicações Europa- América, 1975. 379 p.
24. Ribeiro Aq. Mónica. Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 320 p.
25. Veríssimo Er. O senhor Embaixador. Lisboa : Livros do Brasil (s. a.). 1965. 430 p.

Теория языка

УДК 811.161.1; 792.01

В. И. Коньков

<https://orcid.org/0000-0001-5353-1014>

Т. А. Соломкина

<https://orcid.org/0000-0002-9662-9625>

Формирование смысла драматургической речи

Для цитирования: Коньков В. И., Соломкина Т. А. Формирование смысла драматургической речи // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 147–155. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-146-155

Особенности формирования смысла драматургической фразы обусловлены её базовыми характеристиками, её онтологией. Выделяются три этапа формирования смысла. Первый этап – текст пьесы, который во многом предопределяет смысловую основу будущего спектакля в целом и каждой отдельной фразы в частности. Второй этап – работа режиссёра, который на основе текста пьесы формирует представление об общей эстетической концепции будущего спектакля и о спектакле как поликодовом образовании, определяет принципы работы специалистов в таких семиотических системах, как вещный, предметный мир сцены, декорации, свет, цвет, музыкальное сопровождение, шумы. Режиссёр формирует концепцию хронотопа виртуального мира спектакля, общую концепцию каждого персонажа для исполнителя. Третий этап – работа актёра, который является ключевой инстанцией в формировании смысла спектакля в целом и каждой его фразы в отдельности. Ключевая коммуникативная роль актёра описывается не в традиционном аспекте поликодовости, а в аспекте соотношения пространства-времени виртуального мира спектакля, представленного на сцене, и координатами социального пространства-времени зрителя. Зритель отождествляет себя с тем или иным персонажем и одновременно существует в двух мирах – определённом виртуальном мире пьесы и мире своей жизни. Со спектаклем можно познакомиться разными способами, но смотреть спектакль можно только тогда и только там, где и когда он идёт. В системе категорий хронотопа и в системе категории социального пространства-времени семантика одного и того же глагола описывается по-разному. Обязательная связь спектакля с точными координатами социального пространства-времени неизбежно придаёт ему публицистическое звучание, включает спектакль в общую практическую жизнь социума, делая театр одним из основных компонентов коммуникативной среды социума и функционально сближая его с традиционными медиа.

Ключевые слова: драматургический текст, поликодовость, хронотоп, социальное пространство-время, глагольное время, идентифицирующая семантика, оценка, субъективная модальность, актёр.

Language theory

V. I. Konkov, T. A. Solomkina

The formation of dramaturgic speech meaning

Specific ways of forming the meaning of a dramaturgic phrase lie in its basic characteristics, its ontology. There are three stages of the formation of its meaning. The first stage is the text of the play, which in many ways determines the semantic basis of the future performance as a whole and of each single phrase in particular. The second stage is the work of a Director who, based on the text of the play, forms the overall aesthetic concept of the future performance and about the performance as a multicode entity, defines the principles of work for the specialists in such semiotic systems, as the material/object world of the stage, scenery, light, color, music, noise. The Director forms the concept of the chronotope of the virtual world of the performance and the general concept of each character for the performer. The third stage is the work of the actor, who is the key instance in shaping the meaning of the play as a whole and each of its phrases separately. The key communicative role of an actor is not described in the traditional multicode understanding, but in the aspect of space-and-time correlation of the virtual world of the performance presented on the stage, and the social space-and-time space of the viewer. The viewer identifies himself with a particular character and simultaneously exists in two worlds: a virtual world of the play and the world of his own life. One can get acquainted with the performance in different ways, but one can watch the performance only where and when it takes place. In the

system of the chronotope categories and in the system of social space the semantics of the same verb is described differently. The mandatory connection of the performance with the exact coordinates of the social space-time inevitably adds a socio-political aspect; it makes the play part of people's life, making the theater one of the main components of the communicative environment of society, and functionally bringing it closer to traditional media.

Key words: dramaturgical text, multicode, chronotope, social space-time, verb tense, identifying semantics, evaluation, subjective modality, actor.

Введение. Постановка проблемы

Исследование посвящено проблеме формирования смысла фразы (высказывания) драматургического текста на разных этапах её существования: читательское восприятие, работа над фразой режиссёра, конечный смысл фразы в исполнении актёра. Суть гипотезы, лежащей в основе исследования, состоит в предположении, что специфика формирования смысла фразы обусловлена онтологическими особенностями текста, которому фраза принадлежит.

Любой прозаический, поэтический или драматургический художественный текст имеет автора, создателя текста. Его отражением в структуре художественного произведения является образ автора, который, по В. В. Виноградову, мыслится, если встать на точку зрения пишущего «как субъекта повествования» [Виноградов, 1980, с. 203], который создаёт речевые партии как самого автора, так и всех персонажей. Перед читателем разворачивается нечто вроде театра одного актёра, когда один артист исполняет все роли.

Если речь идёт о прозаическом или поэтическом художественном тексте, то для читателя единственной, начальной и конечной инстанцией, формирующей текст произведения, является автор. Между автором и читателем посредников в восприятии текста нет. Для читателя текст станет произведением, когда будет прочитан, то есть осмыслен читателем, когда каждое предложение как грамматическая структура приобретет статус высказывания, наполненного контекстуальными смыслами, обусловленными временем и личным жизненным опытом читателя. По М. М. Бахтину текст – это всего лишь проекция грамматики в сферу словесного художественного творчества: «Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением» [Бахтин, 1979а, с. 302]. Текст становится произведением, когда прочитывается, осмысливается в сложной системе диалогических отношений, делающей текст частью общей национальной и мировой культуры.

Ситуация формирования смысла принципиально иная для драматургического произведения, которое изначально никогда не создается только для чтения и всегда ориентировано на постановку

в театре. До зрителя текст пьесы доходит, пройдя несколько ступеней формирования смысла. Первая смысловая инстанция – автор. Вторая – режиссёр, предлагающий свое прочтение пьесы, которое будет реализовано при постановке. Третья смысловая инстанция, конечная, – актёр, который реализует замысел режиссера и одновременно вносит свой вклад в формирование смысла драматургического произведения. Под руководством режиссера работают художники, композиторы, фотографы, которые участвуют в формировании смысла постановки.

Цель нашего исследования – проанализировать особенности формирования смысла фразы на всех обозначенных этапах.

Драматургический текст как начальная смысловая инстанция

В лексико-грамматической специфике драматургического текста находят отражение его жанровые и содержательные особенности, индивидуальная стилевая манера автора. Да и сама по себе диалогическая ткань пьесы, уже в силу своей природы, неизбежно представляет читателю, как формируются смыслы отдельных фраз на основе развивающихся взаимоотношений персонажей. Все эти особенности драматургического текста, независимо от режиссерского замысла и актерской игры, в значительной степени ориентируют читателя на генерирование более или менее определённого смысла принадлежащих персонажам фраз.

В литературоведческой среде существует достаточно богатая литература, посвященная индивидуальным особенностям творчества того или иного драматурга. Что касается пьес А. П. Чехова, то ещё в 1927 году С. Д. Балухатый обратил внимание на специфику его драматургического творчества. У зрителя создаётся ощущение пребывания в среде повседневной разговорной речи: он включается в середину разговора, начатого в другом месте; господствует бытовая тематика; речь отличается антонимичностью и ассоциативностью, спонтанностью и немотивированностью; казалось бы, бессодержательные фразы выполняют функцию провокативной фатики; персонажи

разговаривают, как будто бы не слыша друг друга [Балухатый, 1927]. Однако необходимо отметить, что при констатации наличия того или иного приёма и его функции в тексте собственно лингвистический механизм, лежащий в основе приёма, не подвергался анализу.

Покажем, какие особенности использования А. П. Чеховым, например, такого приёма, как пауза, выявляет лингвистический анализ. Возьмём небольшой фрагмент пьесы «Вишневый сад», где Лопухин под влиянием Раневской говорит о готовности сделать предложение Варю, и Раневская просит позвать Варю, а сама выходит из комнаты (см. текст на с. 11). Но Лопухин как раньше не мог решиться сделать предложение, так и сейчас у него ничего не выходит.

Читатель осмысливает данный текст, опираясь на структуру фрейма 'сделать предложение'. Фрейм понимается как «структура данных для представления стереотипных ситуаций» [Демьянков, 1997, с. 187]. Основные слоты данного фрейма: тот, кто делает предложение; тот, кому делают предложение; объяснение в любви (реже – другая мотивировочная часть); фраза, являющаяся согласием (или несогласием); особое духовное и душевное состояние, заключающееся в осознании решающего влияния события на всю последующую жизнь. Именно в таких параметрах оценивает читатель смысл произносимых персонажами фраз.

Первое, на что сразу же обращает внимание читающий, – произносимые фразы не имеют отношения к фрейму 'сделать предложение'. Фразы касаются внешних относительно ситуации вещей: *Рагулины, Яшнево, сундук* и др. Персонажи знают, какие речевые действия должны быть произведены в данной ситуации, однако Лопухин не произносит нужных слов, а Варя не может говорить первой в силу бытового этикета той среды и неуверенности в Лопухине. В тексте эти места в ходе действия пьесы обозначены словом *пауза*. В телеспектакле

(URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oUDTjAwkQXY>) Гостелерадиофонда России 1976 г. (Р. Нифонтова, И. Смоктуновский, Ю. Каюров, Е. Коренева) реплика Лопухина *Вот и кончилась жизнь в этом доме* отделена от его предыдущей реплики десятисекундным и от последующей реплики Вари – двадцатисекундным интервалом. Однако никакой паузы в собственно развитии действия нет, оно продолжается. Пауза возникает только в последовательности вербальных речевых действий.

Словом *пауза* в тексте обозначено молчание, которое читатель воспринимает как полноценное,

хотя и невербальное, речевое действие. Отсутствие слов здесь нельзя обозначить словом *не говорят*. Об этом говорит тот факт, что речевое действие *молчание* «приобретает собственные характеристики. Нельзя *красноречиво (выразительно, угрюмо, растерянно) не говорить*, но можно *красноречиво (выразительно, угрюмо, растерянно) молчать*» [Арутюнова, 1994, с. 107].

Молчание в анализируемом фрагменте имеет достаточно сложную смысловую структуру и по той причине, что автор работает в технике двухголосого слова. *Рагулины, Яшнево, сундук* – эти слова, не имеющие отношения к настоящей цели разговора, стимулируют появление в сознании читателя предполагаемых произнесённых фраз. Эти произнесённые фразы мыслятся читателем как предельно полемичные, они рождаются как реакция на другое слово, пусть и не сказанное. В диалоге каждая фраза, каждое душевное движение, в том числе и молчание, соответствующее ему, рождаются как реакция на чужое предполагаемое душевное движение: «В скрытой полемике авторское слово направлено на свой предмет, как и всякое иное слово, но при этом каждое утверждение о предмете строится так, чтобы помимо своего предметного смысла полемически ударить по чужому слову на ту же тему, по чужому утверждению о том же предмете. Направленное на свой предмет слово сталкивается в самом предмете с чужим словом. Само чужое слово не воспроизводится, оно лишь подразумевается, – но вся структура речи была бы совершенно иной, если бы не было этой реакции на подразумеваемое чужое слово» [Бахтин, 1979б, с. 227]. Таким образом, и молчание может быть двухголосым.

Семантические аспекты работы режиссёра

Концепция спектакля зависит от того, какое понимание вкладывает в текст пьесы режиссёр и как актёры воплощают его замысел в своей игре. Режиссёрская трактовка текста первична, его вклад в создание спектакля очевиден, и нам важно осмыслить его работу в формировании смысла спектакля в аспекте лингвистических категорий.

Режиссер, работая над постановкой, использует несколько семиотических систем. Прежде всего формируется вещный, предметный, мир, в котором действуют герои. Реквизит, представляющий этот вещный мир, располагается на сцене в соответствии с эскизами художника. Предметы на сцене являются знаками, имеющими предметную, идентифицирующую, семантику [Арутюнова, 1998, с. 34–35]. Стол, стулья, ширма, портреты на стенах, вязаная скатерть, трюмо, шкаф – всё это

прочитывается как текст, знаками которого являются сами предметы: «Сценическое пространство отличается высокой знаковой насыщенностью – всё, что попадает на сцену, получает тенденцию насыщаться дополнительными по отношению к непосредственно предметной функции вещи смыслами» [Лотман, 1998, с. 589].

Чрезвычайно многоплановой является функциональная нагрузка света как знаковой системы: «С помощью света можно имитировать рассвет, закат или картину пожара, передавать тончайшие цветовые переходы, обогащая цветовое решение как спектакля в целом, так и отдельных актов, картин, эпизодов. Для обогащения образов действующих лиц подбирается художественный свет, выражающий и подчёркивающий роль персонажа. Характерное освещение может акцентировать появление какого-либо героя или даже упоминание о нём. Театральный свет может выражать символические понятия и идеи (война, мир, тревога, угроза и пр.). Светом можно подчеркнуть и усилить драматургическое развитие сценического произведения, сюжетные повороты, а также композиционные построения сценического действия (появление главных героев, новых лиц), с его помощью концентрируют и переключают внимание зрителей» [Исмагилов, Древалева, 2005, с. 8].

В переводе на язык лингвистической семантики это означает, что свет как знак может иметь значения идентифицирующего типа (имитация рассвета, заката; картина пожара), субъективно-модального [Русская грамматика, 1980, с. 91] и оценочного [Арутюнова, 1988, с. 75–77] (подчёркивание роли персонажа). Свет может иметь метатекстовую функцию [Вежица, 1978, с. 402–424] (подчёркивание сюжетных поворотов, композиционные построения). Наконец, театральный свет может нести на себе значения символического типа (война, мир, тревога, угроза): «...категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного» [Аверинцев, 1987, с. 378].

Цвет как знаковая система также многофункционален, о чем свидетельствует сам факт существования «классификации цветов по их психологическому воздействию на человека» [Исмагилов, Древалева, 2005, с. 233]. С одной стороны, семантика цвета может быть сопоставлена с семантикой междометий («междометия не только передают чувства и состояние автора или героя... но и усиливают эмоциональность высказывания» [Рахманова, Суздальцева, 2003, с. 456]. Находим соответствие в психологической классификации цве-

тов: «розовый – нежный, таинственный»; «пастельно-зелёный – ласковый, мягкий». С другой стороны, хорошо заметна соотнесённость цвета со значениями перформативного типа [Остин, 1986]: «красный – волевой, жизнеутверждающий»; «кармин – повелевающий, требующий»; «киноварь – подавляющий». В некоторых случаях в семантике цвета можно выявить и оценочную сему: «пурпурный – изысканный, претенциозный». Естественно, что все слова, обозначающие цвет, могут употребляться и с идентифицирующим значением: зелёный – это зелёный, красный – это красный. Семантическая трактовка того или иного цвета допускает изрядную долю субъективности, но важен сам факт, что цвет воспринимается как знак с соответствующим материальному носителю значением.

Работа режиссёра над сценическим воплощением пьесы включает в себя и её музыкальное, шумовое оформление. И музыка, и шумы представляют собой самостоятельные знаковые системы. Музыкальный фрагмент, включенный в фонограмму, приобретает дополнительные смыслы, обусловленные контекстом момента исполнения, влияет на смысл знаковых образований другого семиотического типа.

Шумы – ещё одна знаковая система. Шум дождя – это не просто шум дождя: в структуре спектакля он является знаком, что-то значит в развитии сюжета пьесы, в изображении внутреннего мира персонажа и т.п. Шумы могут иметь самые различные типы значений – от предметного значения в изобразительной функции до метатекстового (обозначать чередование элементов сюжета) и даже символического (звук лопнувшей струны в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова).

Всё, что создаёт поликодовый текст спектакля: стоящая на сцене мебель, различные аксессуары, расположение актёров (мизансцена), выполненные художником декорации, музыкальное, шумовое, световое, цветовое решения, – строго зафиксировано и повторяется от спектакля к спектаклю. Все эти семиотические системы формируют свой, сопровождающий речь актёров текст, влияющий на формирование смысла произносимых актёром фраз. Можно говорить о партитурности смысловой структуры спектакля. Подобно тому, как звучание симфонического произведения образуется совокупностью партий отдельных инструментов, так и смысл спектакля складывается при параллельном участии нескольких семиотических систем.

Режиссер предлагает и общую концептуальную основу игры актёра. Так, работа над пьесой

А. П. Чехова «Чайка» исторически связана прежде всего с именем К. С. Станиславского, основоположника психологического театра, актерской школы «проживания» или «переживания» [Станиславский, 1989]. В психологическом театре режиссёрско-актёрский метод создания образа предполагал составление биографии героя, этюдный метод поиска нужных состояний героя. Обстановка, окружающая актера во время действия, должна была восприниматься зрителем как «фрагмент жизни», как узнаваемая бытовая обстановка.

Речь актера в этом случае является частью изображаемой повседневной жизни, звучит нефорсированно, естественно. Сторонники психологического театра правду чувства искали во многом в звучании голоса. Большое внимание голосу исполнителя уделял и сам К. С. Станиславский [Станиславский, 1991]. Режиссёр, отталкиваясь от вербальной знаковой системы текста, создаёт на сцене поликодовый текст, максимально близкий в восприятии к нашей обыденной жизни: на сцене как в жизни. Знаками, формирующими текст, являются сами предметы, которые, будучи помещены в семиотическое пространство сцены, прочитываются как знаки.

Совсем других принципов актёрской игры придерживается М. А. Захаров, режиссер театра и

кино. На сцену и на экран он приносит принципиально иной, по сравнению с психологическим театром, способ художественного осмысления текста, выражающийся в более высокой мере условности и фантазмагоричности форм [Захаров, 2000]. Одна из главных особенностей его творческой концепции – замена традиционно звучащего вербального авторского текста невербальным семиотическим рядом, звуками музыки, танцами, либо напевными, либо ритмизированными, но всегда энергетически сильными по звучанию. Отдельные слова повторяются, переставляются местами. Это обостряет воздействующий потенциал развёртывающейся истории. Разорванная фраза, нелепое движение, продолжительное молчание раскрывают вербально не выраженный смысл.

В такой ситуации текст пьесы, вынужденный приспособляться к режиссерской концепции спектакля, приобретает вариативность: «Понятие “канонического текста” так же чуждо спектаклю, как и фольклору. Оно заменяется понятием некоторого инварианта, реализуемого в ряде вариантов» [Лотман, 1998, с. 589]. Сравним текст пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» с текстом пьесы в постановке М. А. Захарова (Театр «Ленком». 2009. Варя – Олеся Железняк, Лопухин – Антон Шагин).

А. П. Чехов	Сценическое воплощение текста
<p>Лопухин (поглядев на часы). Да... Пауза. За дверью сдержанный смех, шепот, наконец входит Варя. Варя (долго осматривает вещи). Странно, никак не найду... Лопухин. Что вы ищете? Варя. Сама уложила и не помню. Пауза.</p>	<p>Лопухин Застегивая рубашку. Варвара Михайловна, Вы? Варя Подходит вплотную к Лопухину, закрывает глаза, тянется к нему. Я, Ермолай Алексеич...</p>
<p>Лопухин. Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?</p>	<p>Лопухин Отстраняется от нее. А вы теперь куда?</p>
<p>Варя. Я? К Рагулиным... Договорилась к ним смотреть за хозяйством... в экономки, что ли.</p>	<p>Варя А я... Роняет сумочку, хочет поднять ее, но Лопухин поспешно поднимает сам. Я, Ермолай Алексеич, к Рагулиным нанялась в экономки, смотреть за хозяйством.</p>
<p>Лопухин. Это в Яшнево? Верст семьдесят будет. Пауза. Вот и кончилась жизнь в этом доме...</p>	<p>Лопухин Сжимает в руке сумочку Вари. Это что, в Яшнево, что ли? Варя В Яшнево! Лопухин В Яшнево!.. Вытирает пот с лица. Варя В Яшнево! Лопухин 70 верст! Варя: 70 верст! Лопухин Берет Варю за руку, выводит ее на авансцену, улыбаясь. В Яшнево, 70 верст! Варя Улыбаясь. В Яшнево, 70 верст! Это в Яшнево... Лопухин Перестает улыбаться, рассматривает руку Вари, небрежно отдает ей ее руку и сумочку. Что, в этом доме жизнь кончилась?</p>
<p>Варя (оглядывая вещи). Где же это... Или, может, я в сундук уложила... Да, жизнь в этом доме кончилась... больше уже не будет...</p>	<p>Варя Отворачивается, вновь поворачивается к Лопухину. Заглядывает ему в глаза. Развязывает, снимает красный шарф. Кончилась... Вытирает шарфом нос. Все у нас здесь кончилось. И навсегда. Уходит.</p>

А. П. Чехов	Сценическое воплощение текста
<p>Лопухин. А я в Харьков уезжаю сейчас... вот с этим поездом. Дела много. А тут во дворе оставляю Епихова... Я его нанял.</p> <p>Варя. Что ж!</p> <p>Лопухин. В прошлом году об эту пору уже снег шел, если припомните, а теперь тихо, солнечно. Только что вот холодно... Градуса три мороза.</p> <p>Варя. Я не поглядела. <i>Пауза.</i> Да и разбит у нас градусник... <i>Пауза.</i></p> <p>Голос в дверь со двора: «Ермолай Алексич!..»</p> <p>Лопухин (<i>точно давно ждал этого зова</i>). Сюю минуточку! (<i>Быстро уходит</i>).</p> <p>Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает.</p>	<p>Лопухин <i>Смотрит вслед Варя, на лице появляется искаженная улыбка.</i></p>

Авторский текст существенно сокращен и преобразован для сцены. Лопухин и Варя многократно повторяют: *В Яшинево! 70 верст!* Героям все равно, что говорить, лишь бы не дать повиснуть тишине. Оба ждут друг от друга определенных слов, и оба не могут сделать этот шаг. Тишина бы обнажила их беспомощность и нерешительность. Паузы в речи героев заполнены активными действиями: *застегивает рубашку; подходит вплотную к Лопухину, закрывает глаза, тянется к нему; отходит от нее; роняет сумочку, хочет поднять ее, Лопухин поспешно поднимает сам; сжимает в руке сумочку Вари; вытирает пот с лица; берет Варю за руку, выводит ее на авансцену; рассматривает руку Вари, небрежно отдает ей ее руку и сумочку; вновь поворачивается к Лопухину. Заглядывает ему в глаза. Развязывает, снимает красный шарф; Вытирает шарфом нос.*

Действие у М. А. Захарова идет в более быстром, плотном темпе, чем у А. П. Чехова: сцену ведет именно Варя; она более активна, действенна; она совершает первый шаг к признанию в любви в паузе в начале сцены и решительно разрывает отношения в развязке. Данная трактовка сцены подчинена цели, обозначенной ещё у А. П. Чехова, – показать историю неслучившегося признания в любви. Однако ключом к актуализации текста в трактовке М. А. Захарова служат паузы, заполненные физическими действиями. Слово становится продолжением физического действия. Варя развязывает и снимает с шеи красный шарф, и из этого действия рождается фраза *Кончилась...* и её продолжение *Все у нас здесь кончилось. И навсегда.*

Все обозначенные особенности деятельности режиссера по формированию смысла слова, фразы и спектакля в целом являются постоянными и свойственны деятельности режиссёра в целом. Но всё-таки «основа сценического действия – актёр,

играющий человек, заключённый в пространство сцены» [Лотман, 1998, с. 592].

Актёр как последняя смысловая инстанция драматургического текста

Техника актёрского мастерства достаточна разнообразна сама по себе и хорошо описана в профессиональной литературе в рамках отдельных школ, например школы психологического театра К. С. Станиславского. Однако сам механизм формирования актёром такого смысла сценического действия, который приводит к вхождению спектакля в актуальное общественное сознание, выявляется и описывается в ином плане. С этой целью нам необходимо обратиться к категориям хронотопа и социального пространства-времени.

Понятие хронотопа в теорию текста ввёл М. М. Бахтин, который понимал его как пространственно-временную организацию виртуально мира художественного произведения, обусловленную особенностями того или иного литературного направления [Бахтин, 1975]. У театра есть свои многочисленные и отработанные приёмы изображения течения времени, создания пространственной перспективы. «На рубеже XIX–XX вв., – пишет Е. Н. Яркова, – К. С. Станиславский сумел парадоксальным образом выразить, осуществить время жизни духа через подробно организованную материальную жизнь пространства, через жизнь вещей и предметов быта. <...> „Вещная“ конкретность в Московском Художественном театре стала проводником безусловного времени жизни живущего на ней человека-актёра. „Я“ этого человека находится в протекающем, а не протекшем времени. Нет „Я“ между прошлым и будущим, нет вещи, живущей в прошлом или будущем. Живая жизнь сцены всегда есть и всегда длится» [Яркова, 2015, с. 258–259]. Актёр в коммуникативной ипостаси персонажа живет в этом изображённом в пьесе мире.

Жизнь читателя, в том числе и в ипостаси зрителя, всегда определена координатами социального пространства-времени [Сорокин, Мертон, 2004]. Читатель, зритель живут не по астрономическому, а по социальному времени, по календарю. Место жительства их определяется не географическими координатами широты и долготы, а названием конкретного населенного пункта. Социальное пространство и время неразрывно между собой связаны: так, мы понимаем, что сценическая деятельность К. С. Станиславского началась не просто в Москве, а в Москве 1877 года.

Когда читатель знакомится с «Вишнёвым садом» и видит фразу *Я купил*, то употребление глагольной формы *купил* никак не связано с координатами социального пространства-времени читателя. Он может читать пьесу в любом месте в любое время, но глагол *купил* в пьесе прочитывается в перфектном значении и принадлежит художественному миру произведения А. П. Чехова, который находится в мире знаний, а не в мире личной жизни читателя.

Ситуация совсем иная, если читатель является зрителем. Зритель на спектакле одновременно живёт в двух мирах. С одной стороны, спектакль – это часть жизни именно зрителя, отмеченная конкретными координатами социального пространства-времени. Со спектаклем сейчас можно познакомиться разными способами, но по настоящему смотрится и переживается он только там и только тогда, где и когда идёт.

С другой стороны, в силу обозначенной выше поликодовой семиотической специфики спектакля зритель живет одновременно и в том мире, который разворачивается на сцене. Семиотика спектакля во многом аналогична семиотике его жизни, осмысленной как текст. Зритель входит в этот мир, идентифицируя себя с тем или иным персонажем. От зрителя требуется способность к эмпатии, способность представить себя другим человеком в другом мире. Тут и становится понятной ключевая, всё решающая роль актёра в формировании спектакля в целом и каждого отдельного его высказывания (неважно, вербального или невербального) в частности. Именно актер вводит зрителя в тот мир, в котором он живет в спектакле. Зритель вряд ли будет идентифицировать себя с предметом на сцене, но непременно сопереживание и сочувствие возникнут по отношению к герою спектакля.

Актёр-персонаж в этой ситуации также имеет двойной коммуникативный статус: являясь частью художественного мира спектакля, он в то же время вмещается в социальное пространство-

время зрителя. Чтобы это произошло, для зрителя в чисто жизненном плане должна быть приемлема семиотика игры актёра: голос, жесты, мимика, движения и т.д. Зритель идёт часто на актёра, потому что именно актёр превращает драматургическое произведение, находящееся в сфере знаний, в спектакль, становящийся частью жизни читателя. Не случайно существует номинация *действующие лица и их исполнители*, актер действует на сцене, и этимологически слово *актёр* восходит к латинскому *actor* – исполнитель.

Следствием всего сказанного является и тот факт, что грамматические значения глагола в спектакле воспринимаются иначе, чем в тексте пьесы. В спектакле зритель фразу *Я купил* осмысливает так же, как и актер, исполняющий роль Лопухина: точка отсчёта – момент произнесения. В театре во фразах Пищика, обращённых к Лопухину, *Коньячком от тебя пахнет, милый мой, душа моя. А мы тут тоже веселимся* глаголы воспринимаются как употреблённые в настоящем актуальном. При чтении пьесы в книге они воспринимаются как употреблённые в настоящем изобразительном.

Сказанное позволяет нам понять, почему игра актёра в спектакле становится не только фактом личной жизни читателя, но и фактом актуальной жизни социума. Созданный актёром образ приобретает актуальное, социально значимое звучание в конкретных координатах социального пространства-времени. Критики по-разному оценивали постановку «Вишнёвого сада» М. А. Захаровым, но отмечали публицистическое звучание спектакля. Иногда эта публицистичность вычитывалась из произнесённых фраз: «...получился комикс, отягощенный публицистикой. Не случайно так акцентированы в спектакле слова Раневской о любви к родине, о том, что в ее доме (читай, в России) ничего не изменилось. Не случайно ближе к финалу Лопухин спросит у Вари: „В этом доме жизнь кончилась?“, и она ответит: „Все у нас здесь (читай, в России) кончилось, и навсегда“» [Тимашева, 2009].

Но публицистичность может проявляться и в характере игры самих актёров. Лопухин в исполнении молодого актёра Антона Шагина воспринимается как нарушение чеховского замысла: он главный герой спектакля, уверен в себе, устремлен к мечте о переустройстве сада, самый юный из всех действующих лиц, любит Раневскую, ради нее готов сделать предложение Варе. Необычность заданного режиссёром характера подчёркивается игрой актёра: его интонации и реакции на

происходящее ни на кого не похоже; он, в стороне от всех, молча и внимательно наблюдает за общей суетой; в отличие от других, всегда активно жестикулирующих, сдержан, руки преимущественно держит за спиной; губы то плотно сомкнуты, то приоткрыты, то искривлены в оскале; говорит негромко; быстрые короткие фразы отличаются незавершенностью, недосказанностью (вопрос либо многоточие).

Варя в исполнении Олеси Железняк эксцентрична, напориста; говорит гораздо больше Лопухина; открыто смотрит ему, играющему влюблённость, думающему о Раневской и отводящему взгляд, в глаза и ждет заветных слов; повисающую тишину искусственной ситуации заполняет вопросами и повторами фраз.

Два сильных характера, эксцентричная Варя и сдержанный Лопухин, от спектакля к спектаклю раскрываются по-разному. Иногда Лопухин легко выводит Варю за руку на авансцену, рассматривает ее руку и отворачивается. Иногда, наоборот, хватает Варю, тащит за собой, но, взглянув на ее руку в своей, отталкивает ее. Варя то медленно развязывает красную ленточку на шее и вытирает ею слезы, то буквально срывает с себя ленту и поспешно вытирает лицо с искажённой улыбкой.

Именно игра актёров позволяет Н. Агишевой написать: «Захаров почти не жалеет о саде: его давно уже на его глазах вырубил до последнего деревца. Но надо жить, как сказано в другой чеховской пьесе. И единственное, что он может разрушению и потерям противопоставить, – это энергия своего театра, своего мастерства, которой наполнена его очень личная версия „Вишневого сада”» [Агишева, 2009, с. 41]. Не случайно К. С. Станиславский, размышляя о «Вишнёвом саде» и творчестве А. П. Чехова, писал о том, что «не столь важно, *что* пишет поэт, *что* играет артист, а важно *как* они делают это» [Станиславский, 1988, с. 35].

Заключение

Проведённый анализ формирования смысла драматургического текста позволил нам понять, почему текст пьесы вербального драматургического произведения принадлежит сфере словесного художественного творчества, а спектакль – нашей сегодняшней актуальной действительности, вписан в общую практическую жизнь социума. Текст пьесы изначально принадлежит миру знаний, миру когнитива, он не связан с актуальной жизнью социума прямо и непосредственно. Его можно читать (или не читать) по своему желанию в удобное время в любом месте. Спек-

такль, не отрицая своей принадлежности к сфере художественного творчества, одновременно становится актуальным событием в жизни социума, так как всегда имеет социальное звучание. У нас есть все основания поставить вопрос о месте театра в сфере повседневной актуальной коммуникации социума в ряду других медийных коммуникативных феноменов, в том числе и таких, как традиционные СМИ.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Символ // Литературный энциклопедический словарь. Москва : Сов. энциклопедия, 1987. С. 378.
2. Агишева Н. Садовое товарищество // Огонек. 2009. № 20. 28 сент. С. 41.
3. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва : Наука, 1994. С. 106–117.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
6. Балухатый С. Д. Проблемы драматургического анализа. Чехов. Ленинград : Academia, 1927. 186 с.
7. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979а. С. 281–307.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советская Россия, 1979б. 320 с.
9. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. С. 234–407.
10. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Москва : Прогресс, 1978. С. 402–424.
11. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. Избранные работы. О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. С. 176–239.
12. Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. Москва : Филолог. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. С. 187–189.
13. Захаров М. А. Контакты на разных уровнях. Москва : Центрполиграф, 2000. 410 с.
14. Исмагилов Д. Г., Древалёва Е. П. Театральное освещение. Москва : ЗАО «ДОКА Медиа», 2005. 360 с.
15. Лотман Ю. М. Семиотика сцены // Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство–СПб, 1998. С. 583–603.
16. Остин Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва : Прогресс, 1986. С. 22–130.
17. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. Москва : Аспект Пресс, 2003. 464 с.

18. Русская грамматика. Т. 2. Москва : Наука, 1980. 712 с.

19. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

20. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве // Станиславский К. С. Собр. соч. в 9 т. Т. 1. Москва : Искусство, 1988. 622 с.

21. Станиславский К. С. Работа актера над ролью: Материалы к книге // Станиславский К. С. Собр. соч. в 9 т. Т. 4. Москва : Искусство, 1991. 399 с.

22. Станиславский К. С. Работа актера над собой // Станиславский К. С. Собр. соч. в 9 т. Т. 2. Москва : Искусство, 1989. 511 с.

23. Тимашева М. Марк Захаров превратил «Вишневый сад» в комикс // Радио Свобода: сайт. Москва. URL: <https://www.svoboda.org/a/1830456.html> (дата обращения 24.07.2020).

24. Чехов А. П. Вишнёвый сад // Чехов А. П. Собр. соч. в 12 т. Т. 9. Пьесы 1880–1904. Москва : Гос. изд-во худ. литературы, 1963. 712 с.

25. Яркова Е. Н. Время-пространство актера // Омский научный вестник. 2015. № 2. С. 258–259.

Reference List

1. Averincev S. S. Simvol = Symbol // Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar'. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1987. S. 378.

2. Agisheva N. Sadovoe tovarishhestvo = Garden community // Ogonek. 2009. № 20. 28 sent. S. 41.

3. Arutjunova N. D. Molchanie: konteksty upotrebleniya = Silence: usage contexts // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk rechevyh dejstvij. Moskva : Nauka, 1994. S. 106–117.

4. Arutjunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt = Types of language meanings: Appraisal. Event. Fact. Moskva : Nauka, 1988. 341 s.

5. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and world of man. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 896 s.

6. Baluhatyj S. D. Problemy dramaturgicheskogo analiza. Chehov = The problems of dramaturgic analysis. Chekov. Leningrad : Academia, 1927. 186 s.

7. Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza = The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis // Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. Moskva : Iskusstvo, 1979a. S. 281–307.

8. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = The problems of Dostoevsky's poetics. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1979b. 320 s.

9. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane = The forms of time and chronotope in the novel // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moskva : Hudozh. lit., 1975. S. 234–407.

10. Vezhbicka A. Metatekst v tekste = Metatext in the text // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta. Moskva : Progress, 1978. S. 402–424.

11. Vinogradov V. V. Stil' «Pikovej damy» = The style of «The queen of spades» // Vinogradov V. V. Izbrannye raboty. O jazyke hudozhestvennoj prozy. Moskva : Nauka, 1980. S. 176–239.

12. Dem'jankov V. Z. Frejm = Phrame // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod red. E. S. Kubrjakovoj. Moskva : Filolog. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. S. 187–189.

13. Zaharov M. A. Kontakty na raznyh urovnjah = Contacts on different levels. Moskva : Centrpoligraf, 2000. 410 s.

14. Ismagilov D. G., Dreval'jova E. P. Teatral'noe osveshhenie = Theatrical lighting. Moskva : ZAO «DOKA Media», 2005. 360 s.

15. Lotman Ju. M. Semiotika sceny = Semiotics of the scene // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. Sankt-Peterburg : Iskusstvo–SPb, 1998. S. 583–603.

16. Ostin D. Slovo kak dejstvie = Word as an action // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17: Teorija rechevyh aktov. Moskva, 1986. S. 22–130.

17. Rahmanova L. I., Suzdal'ceva V. N. Sovremennyj russkij jazyk: Leksika. Frazеologija. Morfologija = Modern Russian language. Lexics. Phraseology. Morphology. Moskva : Aspekt Press, 2003. 464 s.

18. Russkaja grammatika = Russian grammar. T. 2. Moskva : Nauka, 1980. 712 s.

19. Sorokin P. A., Merton R. K. Social'noe vremja: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza = Social time: the experience of methodological and functional analysis // Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 6. 112–119.

20. Stanislavskij K. S. Moja zhizn' v iskusstve = My life in art // Stanislavskij K. S. Sobr. soch. v 9 t. T. 1. Moskva : Iskusstvo, 1988. 622 s.

21. Stanislavskij K. S. Rabota aktera nad rol'ju: Materialy k knige = The work of the actor on his role: materials for the book // Stanislavskij K. S. Sobr. soch. v 9 t. T. 4. Moskva : Iskusstvo, 1991. 399 s.

22. Stanislavskij K. S. Rabota aktera nad soboj = The work of an actor on himself / Stanislavskij K. S. Sobr. soch. v 9 t. T. 2. Moskva : Iskusstvo, 1989. 511 s.

23. Timasheva M. Mark Zaharov prevratil «Vishnevyy sad» v komiks = Mark Zacharov made a comics from «The Cherry Orchard» // Radio Svoboda. Moskva. URL: <https://www.svoboda.org/a/1830456.html> (data obrashhenija 24.07.2020).

24. Chehov A. P. Vishnjovyy sad = The Cherry Orchard // Chehov A. P. Sobr. soch. v 12 t. T. 9. P'esy 1880–1904. Moskva : Gos. izd-vo hud. literatury, 1963. 712 s.

25. Jarkova E. N. Vremja-prostranstvo aktera = Time-actor's space // Omskij nauchnyj vestnik. 2015. № 2. S. 258–259.

УДК 81'42; 801.7

В. Н. Степанов

<https://orcid.org/0000-0001-81-98-2517>

М. А. Рыбаков

<https://orcid.org/0000-0002-4793-4148>

Информационные барьеры в коммуникациях и их преодоление в военных организациях

Для цитирования: Степанов В. Н., Рыбаков М. А. Информационные барьеры в коммуникациях и их преодоление в военных организациях // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 156–163.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-156-163

В работе рассматривается системный характер коммуникаций в военной организации с опорой на существующую нормативно-правовую базу и актуальную научную, учебную, деловую и справочную литературу по теории коммуникации. Особое внимание уделяется коммуникативной деятельности в военных организациях в разрезе горизонтальных и вертикальных коммуникаций. Подробно описываются возникающие в ходе организационного общения информационные барьеры и пути их преодоления. Авторы делают особый акцент на работе, направленной на сокращение времени выполнения задач, стоящих перед начальником службы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновения кризисной ситуации) и в военное время, без снижения качества их выполнения. В статье представлены несколько этапов и решаемые в рамках каждого этапа задачи и в частности 1) систематизация задач и последовательности их решения; 2) разработка и пробация системной модели планирования работы службы по организации работы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновения кризисной ситуации) и в военное время; 3) уточнение номенклатуры и содержания нормативных и оперативных документов; 4) разработка и апробация методических рекомендаций.

Ключевые слова: коммуникация, информация, военная организация, информационный барьер, горизонтальные коммуникации, вертикальные коммуникации.

V. N. Stepanov, M. A. Rybakov

Information barriers in communication s and their overcoming in military organizations

The article gives a systemic character of communications in a military organization based on existing regulatory framework and modern scientific, educational, reference literature on communication theory. The main attention is given to communicative activity in military organizations in terms of horizontal and vertical communications. The article gives a detailed analysis of the appearing of information barriers during organizational communication and ways of overcoming them. The authors underline the importance of the activity aimed at reducing the time for performing the tasks which the chief faces at the period of direct aggression threat(appearing of crisis situation) and in the war time without any decline in their performance. The article gives several steps and tasks for every step. That is:1) systematization and consistency in their performance ; 2)work out and probation of systemic model of service on organization works in the period of direct aggression threat (appearing of crisis situation) and in the war time; 3) nomenclature clarification of the normative and operational documents content ; 4) work out and approbation of methodical recommendations.

Key words: communications, information, military organization, information barrier, horizontal communications, vertical communications.

В Федеральном законе № 61 военная организация государства рассматривается широко и трактуется как совокупность органов государственного и военного управления, Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих её основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части

производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту Российской Федерации [Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»].

Под военными организациями в узком значении принято понимать органы военного

управления, объединения, соединения, воинские части, учреждения (включая военные образовательные учреждения профессионального образования), предприятия и другие организационно-правовые образования, действующие в войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба, в совокупности образующих военную организацию государства [Теория организации, 2015].

В справочной литературе в качестве единицы военной организации рассматривается воинская часть – организационно самостоятельная боевая и административно-хозяйственная единица, содержащаяся по установленному штату в Вооружённых Силах и других войсках (пограничных, внутренних, железнодорожных, гражданской обороны) [Военная энциклопедия в 8 томах, Том 2, С. 231]. В состав воинской части входят органы управления (штаб и службы), подразделения различных родов войск и тыла. [Советская военная энциклопедия в 8-ми томах, Том 2, С. 304; Военный энциклопедический словарь, Т. 2, С. 336].

Нормативно-правовую базу военной организации формируют федеральные законы, указы Президента РФ, приказы Министра обороны Российской Федерации, общевойсковые уставы ВС РФ.

В Федеральном законе от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» определяются основы и организация обороны Российской Федерации, полномочия органов государственной власти Российской Федерации, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и их должностных лиц, права и обязанности граждан Российской Федерации в области обороны, силы и средства, привлекаемые для обороны, ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области обороны, а также другие нормы, касающиеся обороны.

Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» регламентирует права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих, а также основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» осуществляет правовое регулирование в области во-

инской обязанности и военной службы в целях реализации гражданами Российской Федерации конституционного долга и обязанности по защите Отечества, а также правовое регулирование поступления на военную службу и военной службы в Российской Федерации иностранных граждан.

Указом Президента Российской Федерации об утверждении общевойсковых уставов Вооружённых Сил Российской Федерации от 10 ноября 2017 года № 1495 утвержден и Устав внутренней службы, в котором определяются права и обязанности военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации и взаимоотношения между ними, обязанности основных должностных лиц полка и его подразделений, а также правила внутреннего порядка.

Приказ Министра обороны Российской Федерации «О мерах по соблюдению норм международного гуманитарного права в Вооружённых Силах Российской Федерации» № 360 от 8 августа 2001 г. разработан в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации, с учетом международных договоров, относящихся к международному гуманитарному праву, участницей которых является Российская Федерация, в целях изучения и соблюдения командирами, штабами тактического звена, а также всеми военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации норм международного гуманитарного права при подготовке и в ходе ведения боевых действий.

Военная организация как сложная структура с уровнями руководства и подчинения, как показывает практика, эффективно функционирует только при существовании хорошо налаженной связи между всеми уровнями. Если на верхнем уровне у командира (начальника) появляется необходимость воздействовать на поведение подчиненных, то приказ, распоряжение, указание не только должны дойти до низшего уровня, но и распространиться по всем структурным подразделениям данного уровня.

По направленности коммуникационных потоков И. В. Алешина выделяет следующие виды коммуникации в организациях [Алешина, 2003, с. 97]:

- горизонтальные коммуникации – между лицами, подразделениями, организациями одинакового статуса или уровня социальной иерархии;

- вертикальные коммуникации – между субъектами коммуникации, стоящими на разных ступенях социальной или организационной иерархии;

- диагональные коммуникации – между субъектами разных уровней управления, не принадлежащих к одной вертикали.

В. Б. Кашкин отмечает актуальность анализа коммуникативных потоков и уточняет их направленность [Кашкин, 2007].

Во-первых, коммуникационные потоки могут быть однонаправленными («приказы не обсуждаются»), двунаправленными («давайте обменяемся мнениями») и многонаправленными («всенародное обсуждение»). Во-вторых, автор выделяет вертикальные коммуникационные потоки (от администрации к рядовым членам организации), горизонтальные коммуникационные потоки (между равными членами организации) и внешние коммуникационные потоки (новые сообщения, связанные с пересечением условной границы организации).

Общеизвестным является представление, что вертикальные каналы коммуникации должны связывать все уровни управления военной организацией в единое целое. Для этого информацию следует направлять прежде всего сверху вниз. Именно таким образом командир (начальник) доводит до подчиненных сведения о текущих задачах, рекомендуемых методах действий, применяемых поощрениях и взысканиях, об изменении организационных норм и нормативов, а также организационной структуры и технологии. Через систему нисходящих связей командир (начальник) обеспечивает ориентацию целей подразделений организации относительно главных организационных целей, регулирование поведения, установок и поведенческих стереотипов подчиненных на всех уровнях, координацию действий, поддержание и упрочение своего авторитета власти и контроль.

Восходящие потоки информации в направлении снизу вверх, то есть в направлении подчиненные – руководитель, представляют собой потоки обратной связи процесса управления в воинской части. При этом руководители вышестоящих уровней получают информацию о проблемах и текущих делах в каждом подразделении воинской части, что позволяет им при необходимости корректировать и изменять меры воздействия на поведение подчиненных всех нижестоящих уровней. Подчиненные могут

использовать восходящие потоки информации, чтобы довести до сведения вышестоящего руководителя информацию о частных проблемах подразделений и отдельных должностных лиц, а также о событиях, выходящих за рамки контроля со стороны формальной структуры организации.

К наиболее приоритетным задачам коммуникации в военной организации, безусловно, относится развитие восходящих потоков информации, придание им такой же значимости для управления, как и у нисходящих потоков. Это возможно при переводе отношений между руководителями более высоких уровней и подчиненными в режим диалога, при котором подчиненные участвуют в решении ключевых проблем организации, постоянно информируют командиров (начальников) обо всех успехах и проблемах, и появляется возможность использования и реализации инициативы должностных лиц, учета и практического применения новых идей, изобретений, коллективного опыта персонала воинской части.

Горизонтальные каналы коммуникации в военной организации представляют собой пути и средства передачи информации отдельно на каждом иерархическом уровне. Горизонтальные коммуникации реализуются в виде обмена информацией на совещаниях руководителей, на собраниях, в ходе выполнения обязанностей, в неформальных группах и т.д. Уже только перечисление возможных горизонтальных каналов показывает их разнообразие и свидетельствует о больших возможностях для управления деятельностью военной организации и наиболее полного обеспечения информацией персонала организации всех уровней. Для функционирования горизонтальных каналов коммуникации особенно важен учет неформальной структуры организации.

В целом горизонтальные каналы коммуникации в военной организации призваны решать следующие задачи:

1. передача информации не директивного, но совещательного характера;

2. уточнение целей и задач подразделений исходя из конкретных ситуаций в каждом из подразделений;

3. взаимодействие специалистов различного профиля из разных подразделений организации, что способствует комплексному решению поставленных задач.

Такие коммуникации должны быть ориентированы на различные адресные аудитории

(должностные лица, общественные организации и т.д.).

Системная организация коммуникаций в военных организациях способствует решению многих важнейших организационных проблем и в частности:

- координации деятельности отдельных структурных подразделений организации относительно общей цели,

- обеспечению устойчивых отношений с внешней средой,

- предоставлению подразделениям воинской части необходимой служебной информации, целевых указаний и др.

Создание коммуникационных сетей, формирование устойчивых коммуникационных каналов, как показывает практика, сопряжено с рядом трудностей, вызванных как дефектами в каналах информации, так и недочетами в кодировании или декодировании получаемых сообщений.

Проблемы, связанные с созданием эффективно действующих коммуникаций, принято делить на две основные группы [Теория организации, 2015]:

- проблемы структурных коммуникаций,

- проблемы, возникающие в ходе межличностного общения.

Основная проблема коммуникаций между элементами организационной структуры возникает в случае неопределенности во взаимоотношениях между отдельными структурными подразделениями. В этом случае распоряжения и директивы руководителя (органа управления) организации могут не соответствовать ситуации, не пониматься подчиненными, дублироваться, последующее сообщение может противоречить ранее посланным. Кроме того, при неопределенной ситуации горизонтальные связи между отдельными подразделениями или должностными лицами воинской части становятся ненадежными, информация к подразделениям поступает хаотично, что вызывает информационный голод или, наоборот, избыток противоречивой информации.

В условиях неопределенности могут возникать препятствия в процессе эффективного функционирования коммуникационных процессов в воинской части, например:

- искажение сообщений,

- информационные перегрузки,

- недостатки в структуре военной организации (например, отсутствие штатной

должности и, как следствие, возложение дополнительных обязанностей на должностных лиц других подразделений, что приводит к нежеланию работников выполнять дополнительно возложенные обязанности),

- высокая степень пространственной дифференциации.

Искажение сообщений происходит тогда, когда в структурные подразделения военной организации поступает информация, неадекватная реальной ситуации. Возникают подобные ситуации под влиянием человеческого фактора или вследствие технической ошибки. Искажения в коммуникационных сетях приводят к значительному замедлению темпов деятельности военной организации. Принятие решения и его реализация должны начинаться одновременно и следовать определенной логике коммуникации: понять, как следует выполнять работу, не менее важно, чем принять решение о том, что следует делать. Но искажение информации не позволяет приступить к немедленной реализации решения, поскольку оно основано на неверных предпосылках. В связи с этим приходится возвращаться к данной ситуации, повторять сообщения. Кроме того, искажения информации приводят к неправильной постановке целей, что немедленно сказывается на остальных компонентах организации. Самое важное – выявить, что произошло искажение информации. Для нейтрализации указанных негативных эффектов в Вооруженных силах РФ существуют и активно применяются различные методики перепроверки, направляемой или подготавливаемой информации.

Все искажения в коммуникации принято разделять на три группы:

- 1) непреднамеренные искажения возникают как правило в силу недостатка информации, неопределенности ситуации или затруднений в межличностных контактах (например, когда руководитель подготовил указание для подчиненного, но в силу отсутствия определенных данных не смог с должным качеством поставить задачу подчиненным, что в свою очередь может послужить срывом выполнения задачи в том числе и боевой);

- 2) сознательные искажения представляют гораздо большую опасность при принятии решений и постановке целей в военной организации и возникают в том случае, когда промежуточное звено коммуникационной цепочки не согласно с содержанием сообщения (например,

с распоряжением вышестоящего органа управления) и стремится изменить характер его воздействия;

3) фильтрация информации в сообщении, когда отсекается ненужная в данный момент информация и остается только суть. Эта операция в коммуникационном процессе может привести к потере информации, вредным упрощениям, которые препятствуют принятию эффективных управленческих решений. Отрицательный эффект фильтрации наблюдается тогда, когда вышестоящих руководителей пытаются снабжать только информацией положительного содержания, не доводя до их сведения наиболее острые проблемы (в силу испытываемого страха перед наказанием).

Информационные перегрузки возможны в тех случаях, когда должностные лица военной организации не в состоянии эффективно реагировать на всю поступающую к ним информацию и отсеивают определенную ее часть, по их мнению, наименее важную. Однако возможна ситуация, когда именно эта часть информации будет особенно необходима для обеспечения эффективного функционирования воинской части или ее подразделения. Особенно часто информационная перегрузка наблюдается у руководителей, замыкающих на себя решение многих (даже самых мелких) вопросов, связанных с управлением деятельностью подразделений организации.

Важнейшим элементом эффективного функционирования коммуникационных процессов в организации является учет так называемых информационных барьеров [Кузнецов, Мелякова, 2015]. В современной практике информационно-коммуникационного обеспечения деятельности военной организации выделяется два подобного рода барьера.

Первый информационный барьер возникает, когда возможности должностного лица по переработке поступающего объема информации становятся равными объему поступающей информации и любое увеличение указанного объема приведет к срыву его деятельности. Для увеличения возможностей по переработке информации необходимо либо увеличивать эффективность деятельности за счет применения оргтехники, ЭВМ, информационно-поисковых и экспертных систем и других средств и способов либо создавать коллективы (органы управления, посты и т.д., и они в настоящий момент в воинских частях созданы), которые будут

исполнять обслуживающие (вспомогательные), консультационные функции, решать задачи обеспечения деятельности командира (начальника) военной организации.

Однако при этом следует помнить о существовании так называемого второго информационного барьера, возникающего тогда, когда возможности созданных органов управления, а также меры по увеличению эффективности деятельности организации будут исчерпаны, так как поток информации превысит возможности его обработки. На практике существующий аппарат управления организацией зачастую уже не справляется с информационным «валом», реагируя на него традиционными способами, то есть активизацией бумажного потока (документов). Для недопущения второго информационного барьера необходимым условием является решение вопроса о внедрении новых информационных технологий (конкретных способов и приемов) для накопления, переработки, передачи и использования информации на основе применения современных средств и методов, а также автоматизации процессов управления. Важнейшая задача в этом процессе – четко определить границы дополнения и замещения человека машинами, определить место и роль компьютерной и оргтехники, условия её эффективного применения в информационной среде организации, а также установить те стороны управленческих процессов, которые можно формализовать, технологизировать для последующей рационализации этих процессов на базе использования техники либо полной замены человека. Автоматизация требует соответствующей организационной перестройки в деятельности должностных лиц и органов управления организации.

Недостатки в структуре организации оказывают существенное негативное влияние на функционирование коммуникационных сетей. Самым распространенным из таких недостатков следует признать существование большого количества уровней управления, когда информация при прохождении от уровня к уровню теряется или искажается. Другим существенным структурным недостатком является отсутствие устойчивых горизонтальных связей между отдельными структурными подразделениями организации, например, когда руководитель организации допускает только вертикальные связи, а коммуникации между

подразделениями одного уровня считаются незначимыми и ненужными. Такой недостаток характерен для линейных структур организации. Кроме того, к недостаткам, как показывает практика, следует отнести и возникающие конфликтные ситуации между отдельными группами и подразделениями организации. Зачастую конфликты заложены в самой структуре организации. В состоянии конфликта подразделения или отдельные руководители способны не только способствовать разрыву коммуникационных связей внутри военной организации, но и использовать коммуникационные сети для достижения собственных целей в соперничестве с другими подразделениями или руководителями.

Высокая степень пространственной дифференциации создает преграды для движения информации по отлаженным коммуникационным каналам в силу удаленности отдельных структурных единиц организации. В первую очередь это касается каналов контроля и обратной связи, а также каналов, по которым передается печатная информация (документы, научная или техническая литература и т.д.). Действительно, при использовании радио или телефонной связи с удаленными объектами иногда возникают трудности в передаче большого объема информации или контроле за выполнением распоряжений. Проблематичным иногда представляется для подчиненных связаться с отдаленным органом управления. Как следствие, может возникнуть взаимное недоверие между персоналом военной организации, снижается эффективность взаимодействия ее структурных подразделений.

Снижение или недопущение этих и других проблемных ситуаций в коммуникационном процессе достигается на практике использованием следующих приемов:

– во-первых, постоянным регулированием информационных потоков путем создания баз информационных данных, пунктов распределения и обработки получаемой извне информации, отслеживания мест информационных перегрузок (в военных организациях с этой целью созданы так называемые пункты управления повседневной деятельности);

– во-вторых, контролем за процессами обмена информацией, информационными каналами.

Для этого в практике военных организаций используются следующие инструменты:

1) разработка плана-графика, обеспечение периодической отчетности, регулярные встречи с подчиненными для обсуждения возможных перемен в организации и т.д. (например, вечер вопросов и ответов проводимый под руководством командира части);

2) организация системы сбора информации от исполнителей путем создания каналов от подчиненных к руководителю, исключающих фильтрацию информации в ходе ее прохождения по уровням структуры организации;

3) создание дополнительных каналов для исключения искажения информации или двойственного понимания информационных сообщений путем мультипликации распоряжений или приказов в специально выпускаемых бюллетенях, информационных листках, на регулярных собраниях, досках объявлений, с помощью местных средств радио или телевидения и т.д.; полезно также вовлекать самих пользователей информации в разработку систем и процедур сбора данных (например, упрощение документооборота, самоконтроль и др.);

4) использование современных информационных технологий, что позволяет руководителям организаций решать проблемы создания качественной системы коммуникаций; в частности, к таким мероприятиям относятся широкое внедрение персональных компьютеров на рабочих местах, электронная почта, автоматизированные системы управления (передачи данных), связи с другими организациями и т.д.;

5) планирование рабочих мест с учетом функциональных особенностей и способностей должностных лиц, при этом возможно создание коммуникационных сетей у должностных лиц, функционально связанных между собой в процессе выполнения задач; к таким мероприятиям можно отнести пространственное сближение рабочих мест по принципу технологических линий или цепочек;

6) предотвращение возникновения барьеров между различными подразделениями и должностными лицами в организации, «снятие функциональных и иерархических перегородок»; нивелирование различий такого рода в понимании организации как единого организма в значительной степени уменьшает трудности в процессе коммуникации.

Особую актуальность приобретает исследование вопросов организации работы

службы в боевых условиях и объясняется это следующим:

– во-первых, возникает определенного рода противоречие между временем, установленным нормативными правовыми актами Министерства обороны Российской Федерации (далее по тексту НПА МО РФ) по выполнению задач службы и реальным лимитом времени, которым обладает служба в современных скоротечных условиях приведения в высшие степени боевой готовности, а также подготовки и в ходе ведения операций (боевых действий);

– во-вторых, в действующих ведомственных руководящих документах недостаточно чётко разграничены задачи, выполняемые службой защиты государственной тайны в период непосредственной угрозы агрессии (возникновении кризисных ситуаций) и в военное время, а также рекомендации по их выполнению.

Чрезвычайной важностью в предлагаемых условиях отмечаются работы, направленные на сокращение времени выполнения задач, стоящих перед начальником службы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновения кризисной ситуации) и в военное время без снижения качества их выполнения.

Выполнение указанного вида работ распадается на ряд этапов, в основе каждого из которых лежит конкретная задача:

1. систематизация задач, возложенных на службу в ходе приведения в высшие степени боевой готовности, подготовке и проведения операции (боевых действий) и последовательность их решения;

2. разработка и апробация системной модели планирования работы службы по организации работы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновения кризисной ситуации) и в военное время;

3. уточнение номенклатуры и содержания документов, разрабатываемых службой для организации работы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновения кризисных ситуаций) и военное время;

4. разработка и апробация методических рекомендаций начальнику службы по организации работы в период непосредственной угрозы агрессии (возникновение кризисной ситуации) и в военное время.

Всё это в совокупности позволяет ожидать получение нового решения, отличающегося от прежних тем, что позволит сократить время выполнения задач, стоящих перед службой в период непосредственной угрозы агрессии

(возникновения кризисных ситуаций) и военное время, без снижения качества их выполнения.

В заключение необходимо отметить, что системная организация коммуникаций в военной организации опирается на солидную нормативно-правовую базу и актуальную научную, учебную, деловую и справочную базу по теории коммуникации. Особая роль в коммуникативной деятельности военных организациях принадлежит горизонтальным и вертикальным коммуникациям. Возникающие в ходе организационного общения информационные барьеры преодолеваются с опорой на теоретические положения и богатую практику военной организации.

Библиографический список

1. Алешина И. В. Паблик рилейшнз для менеджеров. Москва : Экмос, 2003. 480 с.
2. Военная энциклопедия в 8 томах. Т. 2 : Вавилония – Гюйс / гл. ред. комиссии П. С. Грачёв. Москва : Воениздат, 1994. 544 с.
3. Военный энциклопедический словарь : в 2 томах. Москва : Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Том 1. 848 с.; Том 2. 816 с.
4. Дисциплинарный устав Вооружённых Сил Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c401b0ba6064c7e607a9ea1b9aeb05e4d7e20fdf/ (дата обращения: 28.04.2020)
5. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. 256 с.
6. Кузнецов Ю., Мелякова Е. Теория организации. Москва : Юрайт, 2015. 365 с.
7. Приказ Министра обороны Российской Федерации «О мерах по соблюдению норм международного гуманитарного права в Вооружённых Силах Российской Федерации» № 360 от 8 августа 2001 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=306542#07367160784818252> (Дата обращения: 28.04.2020)
8. Приказ Министра обороны РФ от 04.04.2017 N 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооружённых Силах Российской Федерации» (вместе с «ИД-2017. Инструкция по делопроизводству в Вооружённых Силах Российской Федерации»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239518/ (дата обращения: 28.04.2020)
9. Советская военная энциклопедия в 8-ми томах (2-е издание). Т. 2 : Вавилон – «Гражданская война в Северной Америке» / под ред. Огарков Н. В. Москва : Воениздат, 1976. 654 с.
10. Степанов В. Н. Теория коммуникации : учебное пособие. Ярославль : МУБиНТ, 2008. 147 с.
11. Теория организации : Учебник / М. Е. Змиенко и др. Москва : ВА РВСН имени Петра Великого 2015. 337 л.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
(дата обращения: 28.04.2020)

13. Указ Президента Российской Федерации об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации от 10 ноября 2017 года № 1495. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26528> (Дата обращения: 28.04.2020)

14. Устав Внутренней Службы Вооруженных Сил Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8/ (Дата обращения: 28.04.2020)

15. Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9446> (Дата обращения: 28.04.2020)

16. Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/12429> (Дата обращения: 28.04.2020)

17. Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/12128> (Дата обращения: 28.04.2020).

Reference List

1. Aleshina I. V. Pablik rilejshnz dlja menedzherov = Public relations for managers. Moskva : Jekmos, 2003. 480 s.

2. Voennaja jenciklopedija v 8 tomah. T. 2 : Vavilonija – Gjujs = War encyclopedia in 8 t. T 2: Babylonia – Jack / gl. red. komissii P. S. Grachjov. Moskva : Voenizdat, 1994. 544 s.

3. Voennyj jenciklopedicheskij slovar' : v 2 tomah = War encyclopedia dictionary in 2 t. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; RIPOL KLASSIK, 2001. Tom 1. 848 s.; Tom 2. 816 s.

4. Disciplinarnyj ustav Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii = Disciplinary charter of military establishment of Russian federation. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c401b0ba6064c7e607a9ea1b9aeb05e4d7e20fdf/ (data obrashhenija: 28.04.2020)

5. Kashkin V. B. Osnovy teorii kommunikacii: kratkij kurs = Basic course of communication theory: short course. Moskva : ACT: Vostok-Zapad, 2007. 256 s.

6. Kuznecov Ju., Meljakova E. Teorija organizacii = Organization theory. Moskva : Jurajt, 2015. 365 s.

7. Prikaz Ministra oborony Rossijskoj Federacii «O me-rah po sobljudeniju norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii» № 360 ot 8 avgusta 2001 g. = Defense Minister's order of RF «About measures on compliance of international humanitarian right norms in military establishment of Russian Federation». URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=306542#07367160784818252> (Data obrashhenija: 28.04.2020)

8. Prikaz Ministra oborony RF ot 04.04.2017 N 170 «Ob utverzhenii Instrukcii po deloproizvodstvu v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii» (vmeste s «ID-2017. Instrukcija po deloproizvodstvu v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Fed-

eracii») = Defense Minister's order of RF (together with «ID-17. Office work instruction in military establishment of RF»). URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239518/ (data obrashhenija: 28.04.2020)

9. Sovetskaja voennaja jenciklopedija v 8-mi tomah (2-e izdanie). T. 2 : Vavilon – «Grazhdanskaja vojna v Severnoj Amerike» = Soviet war encyclopedia in 8 t. (2d edition) / pod red. Ogarkov N. V. Moskva : Voenizdat, 1976. 654 s.

10. Stepanov V. N. Teorija kommunikacii = Communication theory : uchebnoe posobie. Jaroslavl' : MUBiNT, 2008. 147 s.

11. Teorija organizacii = Organization theory : ucheb- nik / M. E. Zmienko i dr. Moskva : VA RVSNI imeni Petra Velikogo 2015. 337 l.

12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 18.02.2020) = Criminal code of RF from 13.06.1996 № 63-F3 (ed. From 18.02.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashhenija: 28.04.2020)

13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ob utverzhenii obshhevoinskih ustavov Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii ot 10 nojabrja 2017 goda № 1495 = RF President's decree on affirmation of general military charters of military establishment of RF from November, 10 2017 № 1495. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26528> (Data obrashhenija: 28.04.2020)

14. Ustav Vnutrennej Sluzhby Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii = Internal service charter of military establishment of RF. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8/ (Data obrashhenija: 28.04.2020)

15. Federal'nyj zakon ot 31.05.1996 g. № 61-FZ «Ob oborone» = Federal law from 31.05.1996 № 61-F3 «About defense». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9446> (Data obrashhenija: 28.04.2020)

16. Federal'nyj zakon ot 27.05.1998 g. № 76-FZ «O statuse voennosluzhashchih» = Federal law from 27.05.1998 № 76-F3 «About military men status». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/12429> (Data obrashhenija: 28.04.2020)

17. Federal'nyj zakon ot 28.03.1998 N 53-FZ «O voinskoj objazannosti i voennoj sluzhbe» = Federal law from 28.03.1998 № 53-F3 «About military duty and military service». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/12128> (Data obrashhenija: 28.04.2020)

УДК 81

О. Л. Крамаренко

<https://orcid.org/0000-0002-9553-4333>

О. Ю. Богданова

<https://orcid.org/0000-0001-6895-4087>

Проблема лексикографирования культурно-маркированных лексических единиц в учебном словаре

Для цитирования: Крамаренко О. Л., Богданова О. Ю. Проблема лексикографирования культурно-маркированных лексических единиц в учебном словаре // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 164–170. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-164-170

Статья посвящена изучению современного состояния и тенденций развития культурологического направления современной учебной лексикографии. Рассматриваются проблемы словарного представления культурно-маркированных лексических единиц, среди которых основной является проблема межкультурной коммуникации – проблема общности языкового и социокультурного кодов коммуникантов. Благодаря моделированию в словарной форме межкультурного пространства общества возможно преодоление барьеров в диалоге культур, что, в свою очередь, способствует формированию поликультурной личности.

Приводятся приоритетные характеристики учебных словарей, как для общих, так и для специальных целей. Для решения образовательно-дидактических задач в учебном процессе особая роль отводится словарям культуроведческим, обеспечивающим понимание взаимоотношения языка и культуры. В статье представлена релевантная совокупность параметров, предъявляемых к организации микроструктуры словарной статьи учебного словаря. Выявлены определённые ограничения на отбираемый языковой материал в соответствии с учебной направленностью и адресованностью словаря изучающим иностранный язык.

Особого внимания заслуживает проблема интеграции в корпус учебного словаря фразеологических единиц и имён собственных, не подлежащих прямому переводу и относящихся к безэквивалентным формам. Представлены результаты анализа содержания культурологического комментария словаря во взаимодействии с другими параметрами – этимологическим, территориальным, параметрами исторической маркированности и социальной принадлежности комментируемой культурно значимой лексемы.

Определены проблемы, связанные с отражением в лингвистическом словаре культурно-маркированных лексических единиц, и намечены пути их решения.

Ключевые слова: учебная лексикография, культурологическая лексикография, культурно-маркированные лексические единицы, лексикографический параметр, культурологический комментарий, фразеологические единицы, межкультурная коммуникация.

O. L. Kramarenko, O. Y. Bogdanova

The problem of lexicography of cultural-labeled lexic units in the educational dictionary

The article deals with the present state and prospectives of modern learner's lexicography cultural aspect. The problems of culturally marked lexical units vocabulary representation are considered, among which the main one is the problem of intercultural communication – the problem of the linguistic and communicants' sociocultural codes commonality. Thanks to the modeling of the intercultural space of society in the dictionary form, it is possible to overcome barriers in the dialogue of cultures, which, in turn, contributes to the formation of a multicultural personality.

The priority characteristics of educational dictionaries for both general and special purposes are given. To solve educational and didactic problems in the educational process, a special role is given to cultural dictionaries, providing an understanding of the relationship between language and culture. The article presents a relevant set of parameters presented to the organization of the microstructure of the vocabulary article of the educational dictionary. Certain restrictions on the selected language material have been identified in accordance with the educational orientation and addressing of the dictionary to a foreign language students.

Of particular note is the problem of integrating phraseological units and proper names into the body of the educational dictionary that are not subject to direct translation and referring to equivalent forms. The results of the dictionary culturological commentary content analysis in interaction with other parameters, such as: etymological, historical marking, territorial and social affiliation of the commented culturally significant lexeme, are presented.

The problems associated with the reflection in the linguistic dictionary of culturally marked lexical units are identified and ways to solve them are outlined.

Key words: educational lexicography, culturological lexicography, culturally-marked lexical units, lexicographic parameter, culturological commentary, phraseological units, intercultural communication.

Введение

Культурологическое направление англоязычной учебной лексикографии было заложено ещё в древнеанглийский период с появлением первых глоссариев, составление которых было напрямую связано с необходимостью отбора элементов из различного вида текстов, имевших культурную значимость. Вместе с тем, авторы данных лексикографических произведений не стремились к их оценке с культурологической точки зрения [Карпова, 2004, с. 95].

В XVIII–XIX веках благодаря выдвинутой Самуэлем Джонсоном теории литературного авторитета английская лексикография пополнилась словарями нового типа, отличительной особенностью которых являлось использование цитат из произведений именитых английских писателей (Дж. Чосера, У. Шекспира, Дж. Мильтона и др.) для семантизации лексических единиц. Появление данных лексикографических произведений связано также со всё возрастающим в тот период интересом к истории национальной культуры Англии, нашедшим отражение в появлении в том числе и словарей других жанров: исторических, этимологических, справочников древнеанглийской и англосаксонской поэзии [Лебедева, 2005, с. 54].

Методы и материал исследования

Становление и формирование культуроведения как раздела языковой педагогики, ориентированного на описание социокультурных портретов стран изучаемого языка, норм поведения, культурной идентичности и ментальности говорящих на нём народов обусловило возникновение культурологической лексикографии как отрасли научного знания, направленной на словарное представление накопленных данных с целью обучения иностранным языкам. Таким образом, словарь становится хранилищем страноведческой информации. [Девель, 2007; Колесникова, 2002, с. 28].

Культурологическая лексикография ориентирована на преодоление возможных барьеров в диалоге культур путём подачи

культурологической информации таким образом, чтобы в словарной форме моделировалось межкультурное пространство общества и обеспечивалось развитие поликультурной личности.

Культуроведческая информация интегрируется в словари различных типов неодинаково: она может дополнять толкования заглавных единиц в справочниках для специальных целей: ономастических, этимологических, фразеологических, идиоматических, словарях неологизмов, цитат, общественно-политической лексики. Вместе с тем, словари для общих целей включают культурно-маркированные лексические единицы на общих принципах инвентаризации лексики общелитературного языка [Карпова, 2004, с. 191]. Особая роль отводится словарям культуроведческим, концептуально направленным на описание культурного компонента лексических единиц для обеспечения понимания взаимоотношения языка и культуры, активного владения этой информацией и решения образовательно-дидактических задач в учебном процессе. [Колесникова, 2002]. Наилучшим образом указанные задачи достигаются за счёт описания культурно-маркированных лексических единиц с учётом перспективы пользователя как представителя иной национальной лингвокультуры [Колесникова, 2002].

Под культурно-маркированной лексикой принято понимать реалии – слова, обозначающие предметы и явления конкретной культуры и народа, и фоновую лексику – слова, обозначения которых есть в различных культурах, но национальный фон может совпадать не достаточно точно. В свою очередь, частично-маркированные лексические единицы подразделяются на денотативно-маркированные, т.е. обладающие культурно маркированным денотатом, и коннотативно-маркированные, т.е. обладающие культурно-маркированным коннотатом. Лексические единицы с культурно-маркированным денотатом семантизируются посредством предъявления визуальной и языковой наглядности.

Специфика культурно-маркированной лексики очевидна для представителей других культур,

поскольку выявляется при сопоставлении языков. Из-за отсутствия эквивалентного понятия в системе другого языка поиск адекватных соответствий культурно-маркированных единиц зачастую представляется достаточно сложным. Тем не менее, культурно-маркированная лексика отражает национальную специфику какого-либо народа и выражает национальное своеобразие фонда языка, народа и культуры. Следовательно, культурно-маркированная лексика выступает в качестве «хранителя» и «носителя» страноведческой информации, к тому же она расширяет и обогащает лингвистические знания.

Включение культурологического параметра в корпус лингвистического учебного словаря для общих целей даёт возможность создать такой универсальный справочник для изучающих иностранный язык, который обеспечивал бы возможность формирования языковой личности на всех её уровнях: овладение естественным языком на вербально-семантическом, усвоение национальной языковой картины мира носителя языка на когнитивном, понимание целей, мотивов, интенциональностей и интересов на прагматическом. Данный подход позволяет не только адекватно и полно сформировать у пользователя образ носителя языка, но и даёт возможность осознать, каким образом прагматические факторы влияют на формирование языковой картины мира [Колесникова, 2002; Burchfield, 1987; Jackson, 2002, с. 139; Vèjoint, 1989. с. 18; Nielsen, 2009].

Наибольшую сложность представляет интеграция в корпус универсального учебного словаря для изучающих иностранный язык единиц когнитивного и прагматического уровней языковой личности, то есть тех концептов, которые в своей совокупности формируют национальную языковую картину мира и способствуют осознанию изучающими иностранный язык тех целей, намерений, мотивов и интересов, которые в конечном итоге и привели к её формированию. Специфика культурологической лексикографии диктует возможные источники отбора культурно-маркированных лексических единиц, к которым могут быть отнесены данные, полученные в результате исследований в рамках научных направлений, изучающих взаимодействие языка, культуры и мышления: лингвокультурологии, этнолингвистики, психосоциolingвистики.

Результаты проведенного М. С. Ссориной исследования, посвященного анализу содержания

культурологического комментария словаря языка и культуры Longman Dictionary of English Language and Culture, показали взаимодействие центрального лингвострановедческого параметра в тексте культурологического комментария данного словаря с другими параметрами, а именно этимологическим, исторической маркированности, территориальным и социальной принадлежности комментируемой культурно значимой лексемы [Ссориная, 2011]. М. С. Ссориная полагает, что при соблюдении основного принципа лексикографии «максимум информации на минимуме места – без ущерба для читателя» [Берков, 2004, с. 4], культурологический комментарий регистрирует большое количество параметров при малом объёме текста, тем самым предоставляя широкие возможности лексикографирования национально-культурной специфики в словаре [Ссориная, 2011, с. 192].

По мнению М. А. Кузиной эффективность работы со словарем повышается в результате совмещения этимологической пометы с культурологической или исторической, что способствует фиксации интегрированной этимологической справки [Кузина, 2016, с. 75].

Учебная направленность и адресованность словаря изучающим иностранный язык накладывают определённые ограничения на отбираемый языковой материал:

1) отбору должны подлежать лишь те сведения, которыми располагает носитель языка, имеющий как минимум среднее образование и являющийся средним представителем лингвокультурного сообщества;

2) необходимы определённые границы в понимании термина «культура», к сфере которой могут быть отнесены такие области, как театр, кино, музыка, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, художественная литература, пресса, кухня, реалии быта, религия;

3) необходимо лексикографически представлять не только реалии, являющиеся артефактами только одной культуры, но и фоновые лексические единицы, к которым относятся денотативные культуремы (явления, присутствующие в обоих языках, но различающиеся качественным или функциональным наполнением), коннотативные культуремы (явления, присутствующие в обеих лингвокультурах, но имеющие культурную специфику в одной из них, связанную с экстралингвистическими факторами как элементом опыта) и символично-предметные

культуре, раскрывающие специфику мировосприятия данной лингвокультурной общности;

4) помимо слов в лексикографическом представлении нуждаются фразеологизмы и языковые афоризмы (терминология Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова), поскольку в их семантике аккумулируется общественно значимый опыт, а также имена собственные: антропонимы, топонимы, клички животных и т.д., встречающиеся в языковых афоризмах или соотносящиеся с литературными персонажами, видными государственными и общественными деятелями и т. д.

Несомненно, большое разнообразие фразеологизмов в языке с точки зрения структуры и семантики функций, говорит о важном месте фразеологических единиц не только в лексической, но и в общеязыковой системе языка. Фразеология представляет собой самобытную часть лексики, созданную историей, опытом и культурой народа. Именно фразеологические единицы делают язык ярким, живым, экспрессивным и предоставляют возможность выразить и передать всё богатство человеческих мыслей и чувств. Существует большое разнообразие словарей фразеологизмов как печатных, так и электронных, и практически все они обладают схожей структурой. Каждый словарь обладает своими достоинствами и недостатками. Однако печатные издания не успевают адаптироваться к быстроменяющемуся миру и не всегда содержат в себе новообразованные фразеологические единицы. Электронные варианты подобных словарей отличаются своей многофункциональностью и постоянным дополнением новой информации. На сегодняшний день лучшим из онлайн-словарей является *The Phrase Finder* [The Phrase Finder], который представляет, на наш взгляд, максимальное количество фразеологических единиц с примерами и историческими справками об их происхождении. Среди бумажных вариантов следует особо выделить *Oxford Dictionary of Idioms* [Oxford Dictionary of Idioms, 2004] и *Cambridge International Dictionary of Idioms* [Cambridge International Dictionary of Idioms, 1998], так как в них собрано наибольшее количество фразеологических единиц с ссылками на синонимичные фразеологизмы.

Проблема интеграции всех уровней языковой личности в корпус лингвистического учебного толкового словаря для изучающих иностранный

язык находится в тесной связи с проблемой лексикографической параметризации лексических единиц, что обусловлено необходимостью максимально полного и точного представления в словаре всех уровней языковой системы для оптимального решения поставленных перед данным справочником задач. Поскольку для словаря данного типа реализация лингвострановедческого параметра не является приоритетной в силу его универсальности, лексикографическое представление культурем должно осуществляться по параметрам, характерным для жанра учебных словарей в целом, что оказывает влияние и на степень детализации лингвострановедческого параметра в частности. В соответствии с требованиями, предъявляемыми в настоящее время к организации микроструктуры словарной статьи учебного словаря, релевантной является следующая совокупность параметров: 1) фонетический параметр, 2) ударение, 3) орфографический параметр, 4) часть речи, 5) число, 6) степени сравнения прилагательных и наречий, 7) переходность, 8) безличность, 9) управление глагола, 10) прошедшее время, 11) причастие, 12) дефиниция, 13) синтагматический параметр, 14) фразеологический параметр, 15) экзemplарно-иллюстративный параметр, 16) стилистический параметр, 17) синонимы, 18) антонимы, 19) омонимы, 20) лексическая сочетаемость [Петрушова, 2007, с. 269].

Проблема интеграции стилистического, экзemplарно-иллюстративного параметров, а также параметра лексической сочетаемости в корпус учебного словаря диктует необходимость создания системы специально выработанных и зарегистрированных в репертуаре добавочной семантико-функциональной характеристики слова помет, а также необходимость включения в словарную статью отражающих функционирование единицы в речи вербальных иллюстраций, к числу которых могут быть отнесены цитаты из художественной литературы и публицистики, а также бытующие в национальном культурном сознании речевые образцы семантизирующего характера, исключая избыточную энциклопедичность и узконаправленность в трактовке феномена иной культуры.

Интеграция параметра «дефиниция» в корпус учебного словаря также сопряжена с рядом проблем. К настоящему времени в лексикографии

разработан ряд методов передачи значения культурно-маркированных единиц (перевод, примерный эквивалент, толкование, транслитерация и т. д.), однако ни один из них не лишен недостатков и не может быть назван универсальным, поскольку не дает возможности абсолютного описания лексического фона безэквивалентной лексики, не имеющей понятийных соответствий в других языках. В целях наиболее полного лексикографического представления культурно-маркированных лексических единиц может быть применен комплексный комментарий, включающий помимо содержательной стороны также сведения о коннотативных и узуально-поведенческих особенностях функционирования соответствующей лексической единицы в речи.

Особую проблему представляет интеграция в корпус учебного словаря имён собственных, поскольку данные лексические единицы не подлежат прямому переводу и могут быть отнесены к безэквивалентным формам. Таким образом, содержание имени собственного может быть раскрыто только посредством экстралингвистического толкования. Особую сложность в данной группе лексики представляет сфера интертекстуальных собственных имён [Ермолович, 2005; Карпова, 2004, с. 33; Разумова, 2001, с. 168].

М. С. Колесникова, проанализировав различные подходы к описанию словарей, содержащих культурно значимую информацию, выделяет следующие релевантные характеристики современных лингвострановедческих справочников:

1. Адресованность словаря – для иностранцев или носителей языка;

2. Лексикографическая форма, определяющая тип презентации материала и отношение со смежным материалом, характер тематики, участие языков;

3. Степень разработки значений;

4. Комплекс семантико-функциональных параметров, сопровождающих лингвострановедческий параметр;

5. Степень филологичности разработки материала;

6. Тематическая характеристика;

7. Участие языков;

8. Противопоставление словарей официальных и обиходных, серьёзно-деловых и развлекательных;

9. Наличие или отсутствие зрительно-наглядных иллюстраций;

10. Включение/невключение антропонимов;

11. Тип словаря в зависимости от двух видов слов:

а) национально-специфических (уникальных с точки зрения пользователя словаря);

б) лексических псевдопараллелей;

12. Обращённость словаря либо к прошлому, либо к современности [Колесникова, 2002, с. 168].

Обсуждение результатов и выводы

Культурологическое направление в лексикографии, сложившись достаточно давно, приобретает особую актуальность сегодня, когда словарь становится важнейшим средством межкультурной коммуникации. Неслучайно поэтому, что вопросы лексикографирования культуры являются одними из самых обсуждаемых в словарной науке, многие исследователи обращаются к проблеме культурно-маркированных единиц. Вместе с тем данная проблема в силу своей сложности и многоплановости по-прежнему остаётся малоизученной, порождая новые исследования с одной стороны и побуждая исследователей к переоценке уже накопленного опыта с другой. Несмотря на то, что в силу существующих проблем словарь ещё не достиг уровня универсального средства отражения языка и культуры, он, по мнению исследователей, обладает значительными резервами в данном направлении.

Актуальность проблем культурологического направления в лексикографии обусловлена тем, что в современных условиях словарь становится помощником в освоении культуры страны изучаемого языка, способствуя таким образом решению ведущей проблемы межкультурной коммуникации – проблемы общности языкового и социокультурного кодов коммуникантов. В современной культурологической лексикографии существует четыре группы проблем, связанных с отражением в лингвистическом словаре культурно-маркированных лексических единиц:

– проблема культурных составляющих, подлежащих включению в словарь;

– параметры описания культурно-маркированных лексических единиц;

– проблема подбора верных эквивалентов;

– проблема имён собственных.

Все они обусловлены тем обстоятельством, что исследования в данном направлении находятся лишь на начальном этапе.

В заключение представляется целесообразным затронуть важность практического применения указанных в данном исследовании теоретических вопросов. В процессе формирования и дальнейшего развития лексикографической компетенции обучающихся знания, полученные в ходе обучения работе со специальными словарями, благотворно влияют на коммуникативную способность личности, а также на когнитивный аспект понимания мира. Исследования в области использования словарей в учебном процессе, проведенные С. Аткинс и Ф. Ноуэлс, показали, что обучающиеся недостаточно разбираются в существующих типах словарей, не владеют алгоритмом работы с различной справочной литературой и в результате не умеют извлекать из источников максимум необходимой информации [Atkins, 1988]. Работа со словарем превращается в сложный процесс, поскольку изучающие иностранный язык не имеют соответствующих навыков данного вида деятельности.

Основной задачей преподавателя является создание педагогических условий, мотивирующих осознанную потребность обучающихся в использовании словаря для осуществления поставленных целей, а также интереса и желания осуществлять лексикографический научный поиск [Богданова, Крамаренко, 2019, с. 52]. Преподавателю требуется отобрать словари, соответствующие основным критериям, которым должны отвечать современные словари в силу своей учебной направленности, а именно:

– ориентация на пользователя с учетом его возраста, языковой подготовки, профессиональных интересов и т.д.;

– представление всей необходимой информации о слове: частотность его употребления; грамматические формы, конструкции и существенные словосочетания; стилистические свойства, прагматические и коннотативные особенности, отношения синонимии и гипонимии, контекстуальный и синтаксический выбор; информация о произношении слов, представленная в международной фонетической транскрипции;

– введение иллюстрирующих примеров;

– включение лексических единиц, имеющих употребление в разговорной речи и литературе;

– наличие приложений, включающих сведения по грамматике, список имен собственных и другую информацию учебного характера [Петрушова, 2007, с. 271].

Библиографический список

1. Берков В. П. Двухязычная лексикография : учебник. Москва : Астрель, 2004. 248 с.
2. Богданова О. Ю. Формирование лексикографической компетенции курсантов на занятиях по дисциплине «Профессионально ориентированный перевод» (английский язык) // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2019. № 4 (7) С. 57–61.
3. Девель Л. А. Учебный двухязычный словарь как специализированный компонент справочно-информационного блока в макромодели обучения дистанционного образования. 2007. URL: distance.ffl.msu.ru/cdo/conf0606/devel.doc (дата обращения: 30.01.2020).
4. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. Москва : Валент, 2005. 416 с.
5. Карпова О. М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново : ИвГУ, 2004. 192 с.
6. Колесникова М. С. Диалог культур в лексикографии: феномен лингвострановедческого словаря. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2002. 392 с.
7. Кузина М. А. Эволюция этимологической пометы в моноязычных и двухязычных словарях (на материале англоязычных и англо-русских словарей) / Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения : материалы докладов и сообщений международной научной конференции. М. Л. Каленчук (отв. ред), 2016. С. 74–76.
8. Лебедева С. В. Культурологический аспект словаря (на материале учебных словарей современного английского языка) // Лексика и лексикография. Сб. науч. трудов. Вып. 16. Москва, 2005. С. 53–56.
9. Петрушова О. Л. К проблеме создания и типологии словарей // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск : Изд-во ЧГПУ. 2007. № 8. С. 267–277.
10. Разумова Л. В. Коннотативный компонент в структуре лексического значения имен собственных // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. Челябинск, 2001. С. 167–172.
11. Скорина М. С. Параметры лексикографического комментария культурно маркированного слова в словаре языка и культуры // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. С. 189–193.
12. Atkins B.T., Knowles F. Interim Report on the EUROLEX/AILA Research Project into Dictionary Use. In Magay T.J. Zigny (eds), Budalex'88 Proceedings. Budapest, 1988.
13. Bèjoint H. The Teaching of Dictionary Use: Present State and Future Tasks // Wörterbücher / Dictionar-

ies / Dictionaries: An International Encyclopedia of Lexicography. Berlin : De Gruyter, 1989. Vol. 1. P. 208–215.

14. Burchfield R. W. Studies in Lexicography. Oxford University Press, 1987. 200 p.

15. Jackson H. Lexicography: an Introduction. L.; N.Y. : Routledge, 2002. 190 p.

16. Nielsen, Sandro/Tarp, Sven (Eds.) (2009): Lexicography in the 21st Century. In honour of Henning Bergenholtz. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 341 p.

17. The Phrase Finder. URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/phrases-sayings-shakespeare.html> (дата обращения: 30.01.2020)

18. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford : Oxford University Press, 2004. 340 p.

19. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 608.

Reference List

1. Berkov V. P. Dvujazychnaja leksikografija = Two-language lexicography : uchebnik. Moskva : Astrel', 2004. 248 s.

2. Bogdanova O. Ju. Formirovanie leksikograficheskoj kompetencii kursantov na zanjatijah po discipline «Professional'no orientirovannyj perevod» (anglijskij jazyk) = The formation of lexicographical competence of cadets at the lessons «Professionally oriented translation» (English). Vestnik Jaroslavskego vysshego voennogo uchilishha protivovozdushnoj oborony. 2019. № 4 (7) S. 57–61.

3. Devel' L. A. Uchebnyj dvujazychnyj slovar' kak specializirovannyj komponent spravocno-informacionnogo bloka v makromodeli obuchenija distancionnogo obrazovanija. 2007 = Two-language Dictionary as a specialized component of reference-information unit in macromodel of distant learning. 2007. URL: distance.ffl.msu.ru/cdo/conf0606/devel.doc (data obrashhenija: 30.01.2020).

4. Ermolovich D. I. Imena sobstvennye: teorija i praktika mezh#jazykovej peredachi = Proper names: theory and practice of interlanguage transmission. Moskva : Valent, 2005. 416 s.

5. Karpova O. M. Leksikograficheskie portrety slovarnej sovremennogo anglijskogo jazyka = Lexicographic portraits of modern English dictionaries. Ivanovo : IvGU, 2004. 192 s.

6. Kolesnikova M. S. Dialog kul'tur v leksikografii: fenomen lingvostranovedcheskogo slovarja = Dialog of cultures in lexicography: phenomenon of lingvocultural dictionary. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2002. 392 s.

7. Kuzina M. A. Jevoljucija jetimologicheskoj pomety v monojazychnyh i dvujazychnyh slovarjah (na materiale anglojazychnyh i anglo-russkih slovarnej) = Evolution of

etimological droppings in mono-language and two-language English and English-Russian dictionaries / Russkaja leksikografija XXI veka: problemy i sposoby ih reshenija : materialy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.L. Kalenchuk (otv. red), 2016. S. 74–76.

8. Lebedeva S. V. Kul'turologicheskij aspekt slovarja (na materiale uchebnyh slovarnej sovremennogo anglijskogo jazyka) = Culturological aspect of a dictionary (on the material of dictionaries of modern English) // Leksika i leksikografija. Sb. nauch. trudov. Vyp. 16. Moskva, 2005. S. 53–56.

9. Petrushova O. L. K probleme sozdanija i tipologizacii slovarnej = To the problem of creation and typology of the dictionaries // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Cheljabinsk : Izd-vo ChGPU. 2007. № 8. S. 267–277.

10. Razumova L. V. Konnotativnyj komponent v strukture leksicheskogo znachenija imen sobstvennyh = Connotational component in the structure of lexical meaning of proper names // V Zhitnikovskie chtenija: Mezhkul'turnye kommunikacii v kognitivnom aspekte. Cheljabinsk, 2001. S. 167–172.

11. Ssorina M. S. Parametry leksikograficheskogo kommentarija kul'turno markirovannogo slova v slovarnej jazyka i kul'tury = The parameters of lexicographical commentary of culturally marked word in language and culture dictionary // Jaroslavskego pedagogicheskij vestnik. 2011. № 3. S. 189–193.

12. Atkins B.T., Knowles F. Interim Report on the EUROLEX/AILA Research Project into Dictionary Use. In Magay T.J. Zigny (eds), Budalex'88 Proceedings. Budapest, 1988.

13. Bèjoint H. The Teaching of Dictionary Use: Present State and Future Tasks // Wörterbücher / Dictionaries / Dictionaries: An International Encyclopedia of Lexicography. Berlin : De Gruyter, 1989. Vol. 1. P. 208–215.

14. Burchfield R. W. Studies in Lexicography. Oxford University Press, 1987. 200 p.

15. Jackson H. Lexicography: an Introduction. L.; N.Y. : Routledge, 2002. 190 p.

16. Nielsen, Sandro/Tarp, Sven (Eds.) (2009): Lexicography in the 21st Century. In honour of Henning Bergenholtz. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 341 p.

17. The Phrase Finder. URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/phrases-sayings-shakespeare.html> (data obrashhenija: 30.01.2020)

18. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford : Oxford University Press, 2004. 340 p.

19. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 608.

УДК 413.015.3

А. Н. Магомедова

<https://orcid.org/0000-0003-1588-346X>

Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста

Для цитирования: Магомедова А. Н. Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 171–175.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-171-175

Эмоции человека и механизмы их лингвистического обеспечения всегда были предметом научных изысканий. Целый ряд наук изучает этот психологический феномен: психология, физиология, социология, философия, этика, медицина, биохимия, лингвистика, литературоведение. Очевидно, многообразием позиций и подходов объясняется обилие и неупорядоченность терминологии в работах по проблеме эмоций. Как только не обозначают эту способность человека переживать, испытывать эмоции: психическая реальность, психическое состояние, внутреннее состояние, эмоциональная деятельность. Сравнение положительных и отрицательных эмоций выявляет как общие, так и отличительные свойства. Однако положительные эмоции никогда не бывают длительными, а вот отрицательные эмоции весьма продолжительны, склонны к суммации и чаще, чем положительные эмоции, образуют смысловой комплекс, то есть совокупность образов, связанных с ситуацией, породившей сильное эмоциональное переживание. При этом актуализация одного из элементов такого комплекса влечет введение в сознание других его элементов и, в конечном итоге, вызывает к жизни весь спектр отрицательных эмоций, причём при повторных вызовах комплекса отрицательных эмоций они раз от раза всё больше усиливаются (тоска нарастает, гнев и страх усиливаются). А вот положительная эмоция живёт сама по себе, и, будучи однажды вызвана каким-либо обстоятельством, при повторении этого обстоятельства не возникает или возникает в ослабленном виде. Эмотивная лексика традиционно изучается с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, образность, причём связи её с оценкой оказываются особенно тесными. Сопряжение эмоций и оценки не утрачивают актуальности. Рассматриваемая статья иллюстрирует анализ эмотивной лексики в раскрытии конфликта на примере отрывка из американского романа Теодора Драйзера.

Ключевые слова: эмоциональная информация, эмоциональная окраска текста, эмотивная лексика, картина мира, художественное произведение, характеристики персонажа романа.

A. N. Magomedova

The role of emotions in the creation of the world artistic text picture

Human emotions and the mechanisms for their linguistic support has always been a subject of scientific research. A number of sciences studying the psychological phenomenon are Psychology, Physiology, Sociology, Philosophy, Ethics, Medicine, Biochemistry, Linguistics, Literary criticism. Obviously, the variety of positions and approaches is due to the abundance and the disorder of terminology in the problem of emotions. The ability of a person to experience emotions can be described in many ways – psychological reality, mental state, inner state, an emotional activity. The comparison of positive and negative emotions reveals both common and distinctive properties. However, positive emotions are never long lasting, but the negative emotions very long, prone to summation and more frequently than positive emotions, form a semantic complex that is a collection of images associated with the situation that gave rise to strong emotional experience. While updating one of the elements of this complex leads to the introduction into the consciousness of the other elements and, ultimately, brings to life a whole range of negative emotions, and when repeated calls to complex negative emotions they every time more increasing (growing sadness, anger and fear increase). But positive emotion lives by itself, and, being once called on any matter, the repetition of this circumstance does not occur or occurs in a reduced form. Emotive language is traditionally studied taking into account such categories as evaluation, expressiveness, imagery and its connection with the rating are particularly close. The pairing of emotion and appreciation do not lose their relevance. The article illustrates the analysis emotive vocabulary in the disclosure of the conflict on the example of the extract from the American novel by Theodore Dreiser.

Key words: emotional information, emotional coloring of the text, emotive vocabulary, picture of the world, artwork, characteristics of the character of the novel.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Художественный текст представляет собой реализацию художественной картины мира (т.е. части общей картины мира) средствами языка. Из многочисленных исследований известно, что эмоции могут быть переданы различными языковыми средствами [Арутюнова, 1976], [Балли, 1961], [Носенко, 1975], [Leon, 1976, pp. 305–324] и проявляются они в речи в тесной взаимосвязи.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных частей общей проблемы. Исследованию данной проблемы посвящен ряд работ. Текст берется за отправную точку анализа [Болотов, 1981], однако, автор рассматривает эмоциональность только как отклонение от нормы. Он утверждает: «Анализ фактического материала показал, что вербализация в тексте ненормативных отношений ... приводит к эмоциональному воздействию текста на адресата и наблюдателя» Болотов, 1981, с. 99]. На наш взгляд, согласиться с этой точкой зрения затруднительно, так как любой текст оказывает то или иное эмоциональное воздействие на адресата (это в равной степени относится к научным, художественным, публицистическим текстам и к общедно-разговорной речи).

Текст можно определить как сложную систему [Торсуева, 1986, с. 65–74]. Содержание текста является собой отражение некоторого отрезка настоящей реальности. «Смысл текста включает в себя и оценку данного фрагмента, как интеллектуальную, так и эмоциональную. Следовательно, конкретные эмоции входят компонентом в смысловую структуру текста» [Торсуева, 1986, с. 65–74].

Основываясь на вышеприведенном высказывании И. Г. Торсуевой, возможно построить некоторую процедуру исследования текста с точки зрения передаваемой в нем эмоциональной информации. При этом следует исходить из текста как целого, так как только на полном объеме текста можно определить соотношение различных видов информации.

Цель нашей работы заключается в выявлении роли эмотивной лексики в создании художественного образа.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных результатов. Представляется, что эмоциональная окраска сопровождает как содержательно-

концептуальную, так и содержательно-фактуальную информацию. В зависимости от распределения информации по фрагментам текста имеется смена эмоциональных кадров, но при этом может существовать некоторая эмоциональная доминанта текста. Особенно явно это должно прослеживаться на материале художественного текста [Магомедова, 2018, с. 117–120].

По нашему мнению, эмоциональная доминанта текста является результатом воплощения авторской позиции, связана с авторской оценкой изложенного, следовательно входит составной частью в содержательно- концептуальную информацию. Однако же сама авторская позиция не может рассцениваться как абсолютно субъективная, так как мировоззрение автора формируется определенной исторической эпохой, социальными категориями общества, членом которого он является, картиной мира, носителем которой является данное языковое сообщество.

Автор как выразитель идей своего времени естественно воплощает в тексте современную ему картину мира, в то же время самостоятельно создавая неповторимую картину мира своего художественного текста. На автора не может не оказывать воздействия та оценка, в частности, эмоциональная, которую разделяют в данное время члены данного общества или отдельной социальной группы. Кроме того, в каждой культуре, в каждой картине мира имеются надвременные категории, такие как жизнь и смерть, добро и зло, красота и уродство и т. п.

Неправомерно было бы связывать эмоциональную окраску текста только с содержательно-концептуальной информацией. «Содержательно фактуальная информация содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, которые будут происходить в окружающем нас мире» [Гальперин, 1981, с. 27]. Среди различных классификаций эмоций существуют и такие, в которых эмоция поставлена в зависимость от действия, потребности, поведения [Симонов, 1975]. Определенные действия связаны с определенными эмоциями. В художественном тексте мы как бы имеем обратную картину, т.е. описываются некоторые действия, которые вызывают у адресата соответствующие эмоции.

Особенно актуальными представляются рассматриваемые постулаты при изучении звучащего текста, т. е. звучащего варианта художественного литературного произведения. Если предлагаем диктору текст для прочтения, то это означает, что мы предлагаем его для интерпретации. Следовательно, фонетист

имеет в звучащем варианте не только авторский замысел, но и интерпретацию этого замысла одним или несколькими носителями языка.

Проанализируем средства создания образа персонажа в романе Теодора Драйзера «Сестра Керри».

Образ Керри представлен автором как достаточно противоречивый.

В начале романа автор указывает на такие характеристики персонажа, как: наивность, доброта, неопытность и т.д. Такие характеристики Керри, как скромность, пугливость показаны с помощью следующей эмотивной лексики: *as naive as, her heart sank, frightened her, ashamed, in doubt, had no courage* [Dreiser, 1960]. Ощущение одиночества передается следующим: *she felt much alone, in state of depression* [Dreiser, 1960].

Существует даже мнение, что эмоции и чувства – это разные формы отражения мира: чувства и эмоции – это разные этапы развития эмоциональной сферы отражения реальности. Равно как чувства, эмоции и даже ощущения настолько тесно связаны, что они не всегда различаются и не имеют четких разграничений. Принимая во внимание это и стремясь к единообразию терминологии, мы в основном используем термины «эмоции» и «чувства» как равнозначные обозначения реальных психических состояний, переживаний, ощущений человека. Механизмы лингвистического экспрессии эмоций говорящего и языкового обозначения, передачи эмоций как объективной сущности говорящего и слушателя значительно разнятся. Можно говорить о языке описания эмоций и о языке выражения эмоций [Магомедова, 2019, с. 79–81].

Основой единой модели глобального описания всего набора эмоциональной лексики может служить категория эмотивности. Прежде всего, раскрывается отличие эмотивности от эмоций.

На лингвистическом уровне эмоции превращаются в эмотивность, эмоции – это психологическая категория, а эмотивность – лингвистическая. Можно найти узкое и широкое понимание эмотивности. Во втором случае эта категория включает все языковые средства проявления эмоций. Такое понимание категории эмотивности предусматривает, что она включает семантически родственные языковые единицы разных уровней. Мы, в свою очередь, будем придерживаться аналогичного понимания категории эмотивности. При рассмотрении категории эмотивности на материале лексики обычно встает и проблема эмотивного значения. Как показало изучение научной

литературы по этому вопросу, трактовка эмотивного значения тесно связана с пониманием категории эмотивности.

В связи с этим выделяется узкое понимание эмотивного смысла, когда оно рассматривается как способ экспрессии эмоций говорящего и охватывает собственно междометия и эмоционально окрашенную лексику. На наш взгляд, эмотивное значение – это значение (семема) в единой структуре, которого есть сема эмотивности одной или другого разряда, т. е. это значение, в котором как-то имеются (выражены или обозначены) эмотивные смыслы. Эти смыслы могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут выходить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы).

В. И. Шаховский ввел в научный оборот концепцию эмосемы, суть которой раскрывается в его трактовке следующим образом: «Это особый вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «презрение», «унижение» и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» [Шаховский, 1987].

Следует согласиться с таким определением, поскольку семя эмотивности может отображать эмоциональный процесс по отношению к любому человеку: говорящему, слушателю или любому третьему лицу.

В анализируемом романе конфликт кроется в недопонимании Кэрри со стороны сестры Минни и зятя Хэнсона. Сказанное может быть подтверждено в следующем контексте: *«To the presence of his wife's sister he was quite indifferent. The whole situation depressed her. She hated to think of going there. It was gloomy to live with these people. She could not endure such a life. Her heart revolted. She felt depressed. Her heart revolted»* [Dreiser, 1960].

Единственным человеком в этой конфликтной ситуации, который поддерживал её, является её друг – Друэй, всячески помогавший ей и морально, и финансово. Проиллюстрируем пример из эмотивной лексики: *«Don't worry I won't hurt you. Drouet was so good»*. Его забота и внимание к ней передаются следующей эмотивной лексикой: *tenderly, kindly, friendly attention, pleasing, he had a sense of humour* [Dreiser, 1960]. О нерешимости Керри свидетельствует следующая эмотивная

лексика: *with some doubt, she was afraid, she felt a little nervous, etc.* [Dreiser, 1960].

При проведении этого исследования мы попытались описать роль эмотивной лексики в создании художественного текста и в раскрытии конфликта, равно как характеристику эмоций и категории эмотивности.

Мы постарались раскрыть цели и задачи, для достижения которых применялся сравнительно-описательный метод.

Эмоции говорящего коллектива распределяются между различными группами языковой лексики. Их типология выглядит следующим образом: лексика, которая обозначивает эмоции (то есть дающая им имя), лексика, которая описывает эмоции, и лексика, которая выражает эмоции. До того, как показать разницу между этими лексическими группами, следует оговорить некоторые общие замечания, связанные с этой проблемой [Магомедова, Омарова, 2014, pp. 67–71].

Так же формируется взаимосвязь между понятием и словом. Слово как знак понятия представляет собой действительность мысли. Только благодаря слову мысль становится осязаемой, реальной [Магомедова, Идрисова, Эмирова, Лабазанова, 2014, с. 81–82].

Лишь благодаря тому, что речь становится средством коммуникации, она становится и предметом оценки, во время которой мы можем не только выносить суждение о ее инструментальной функции, но и оценивать ее как объект потребности [Магомедова, Лабазанова, Омарова, Яхьяев, 2017, с. 1611–1615].

Эмоции могут быть как формой отражения, так и предметом отражения. Когда она предмет отражения (*love, hatred, disgust, etc.*), то слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит лишь индикацией определенного понятия об определенной эмоции [Магомедова, 2019, с. 79–81]. Своей семантикой эмотив показывает эмоциональное состояние внутреннего «я», его сознанию и психику. Дрожание, беспокойство, бледность или покраснение и т.д. – эмоциональное поведение человека, что может быть значимым для объекта. Все это поднимает насущную проблему для данной статьи – соотношения знаков в систему «человек – знак: мысль – знак», которая не рассматривается здесь, но о которой следует упомянуть в связи с проблемой разграничения понятий «выражение», «описание», «вызывание» эмоций [Магомедова, Магомедова, 2019, с. 274–277].

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления.

Является достоверным тот факт, что отражение не может быть без обозначения (имя наречия, названия). Также невозможно что-то выразить, не назвав его словом, прямо или косвенно. Так, слова *love* «любовь», *disgust* «отвращение», *hatred* «ненависть» и пр. – это названия понятий об эмоциях. Это случай рационального названия чувств и эмоций. Слова *darling, smashing, swine, blockhead, etc.* выражают эмоции, которые, в свою очередь, рассматриваемыми слова не называются напрямую, но в семантике которых, есть спецификаторы, коррелирующие то или иное слово с конкретной эмоцией и чувством. Все это способствует использованию тех или иных конкретных эмотивов для выражения определенных эмоций.

Исследовав работу Теодора Драйзера, было интересно пронаблюдать за эмотивной лексикой в описании главного героя – сестры Керри, а также в раскрытии конфликта между Кэролайн и семьей ее сестры.

Библиографический список

1. Арутюнова И. Д. Предложение и его смысл. Москва : Издательство «Наука», 1976. 383 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. Москва : Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и языковой вариативности. Ташкент : Издательство «Фан», 1981. 116 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Издательство «Наука», 1981. 139 с.
5. Магомедова А. Н., Идрисова Н. П., Эмирова Д. Г., Лабазанова Х. Л. Эмотивная лексика в раскрытии конфликта // Современные концепции научных исследований: материалы VIII Международной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2014 г. Москва : Издательство «Евразийский союз ученых», 2014. С. 81–82.
6. Магомедова А. Н., Лабазанова Х. Л., Омарова З. С., Яхьяев М. Я. Языковые средства выражения эмоций // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1611–1615. URL: <http://e-concept.ru/2017/970649.htm> (дата обращения 05.05.2020).
7. Магомедова А. Н. Эмотивная лексика в создании художественного образа // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: консервативные и инновационные ценности в эпоху Цифровой культуры: материалы X международной научно-практической конференции, 05–07 декабря 2018 г. Махачкала : Издательство ДГУ, 2018. С. 117–120.
8. Магомедова А. Н. О роли эмотивной лексики в описании конфликта // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы IX Меж-

дународной научно-практической конференции, 25–26 марта 2019 г. Прага: НИЦ «Социосфера», 2019. С. 79–81.

9. Магомедова А. Н., Магомедова П. Н. Влияние эмоций на сознание человека (на материале романа Теодора Драйзера «Сестра Керри») // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: консервативные и инновационные ценности в эпоху Цифровой культуры: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, 05–07 декабря 2019 г. Махачкала : Издательство ДГУ, 2019. С. 274–277.

10. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск : Издательство Днепропетровского университета, 1975. 132 с.

11. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. Москва : Издательство «Наука», 1975. 141 с.

12. Торсуева И. Г. Детерминированность высказывания параметрами текста // Вопросы языкознания, 1986. № 1. С. 65–74.

13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1987. 208 с.

14. Dreiser Th. The Machine and the Maiden (from the novel «Sister Carrie») / Theodore Dreiser (на английском языке). Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1960.

15. Leon P. De l'analyse psychologique a la categorisation auditive et acoustique des emotions dans la parole // Journal de psychologie, 1976. № 3–4. Pp. 305–324.

16. Magomedova A. N., Omarova Z. S. To the problem of signifying, expressing, describing and causing emotions in the language // The 3rd International Congress on Social Sciences and Humanities, November, 15, 2014). Vol. II. Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. P. 67–71.

Reference List

1. Arutjunova I. D. Predlozhenie i ego smysl = The sentence and its meaning. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1976. 383 s.

2. Balli Sh. Francuzskaja stilistika = French stylistics. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1961. 394 s.

3. Bolotov V. I. Jemocional'nost' teksta v aspektah jazykovoj i jazykovoj variativnosti = Emotiveness of the text in the aspects of language and variability. Tashkent : Izdatel'stvo «Fan», 1981. 116 s.

4. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as the object of linguistic research. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1981. 139 s.

5. Magomedova A. N. i dr. Jemotivnaja leksika v raskrytii konflikta = Emotive words in conflict revealing // Sovremennye koncepcii nauchnyh issledovanij: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 28–29 nojabrja 2014 g. Moskva : Izdatel'stvo «Evrazijskij sojuz uchenyh», 2014. S. 81–82.

6. Magomedova A. N. i dr. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemocij = Language means of emotions expression // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. T. 39. S. 1611–1615. URL: <http://e-concept.ru/2017/970649.htm> (data obrashhenija 05.05.2020).

7. Magomedova A. N. Jemotivnaja leksika v sozdanii hudozhestvennogo obraza = Emotive words in the creation of an artistic image // Dialog kul'tur i dialog v polikul'turnom prostranstve: konservativnye i innovacionnye cennosti v jepohu Cifrovoj kul'tury: materialy X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 05–07 dekabrja 2018 g. Mahachkala : Izdatel'stvo DGU, 2018. S. 117–120.

8. Magomedova A. N. O roli jemotivnoj leksiki v opisanii konflikta = About the role of emotive words on the description of the conflict // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovanij: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 25–26 marta 2019 g. Praga: NIC «Sociosfera», 2019. S. 79–81.

9. Magomedova A. N., Magomedova P. N. Vlijanie jemocij na soznanie cheloveka (na materiale romana Teodora Drajzera «Sestra Kerri») = The influence of emotions on a man's consciouness (on the material of the novel of Theodore Dreiser «Sister Carrie») // Dialog kul'tur i dialog v polikul'turnom prostranstve: konservativnye i innovacionnye cennosti v jepohu Cifrovoj kul'tury: materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s Mezhdunarodnym uchastiem, 05–07 dekabrja 2019 g. Mahachkala : Izdatel'stvo DGU, 2019. S. 274–277.

10. Nosenko Je. L. Osobennosti rechi v sostojanii jemocional'noj naprijazhennosti = Speech peculiarities in the state of emotion tension. Dnepropetrovsk, 1975. 132 s.

11. Simonov P. V. Teorija otrazhenija i psihofiziologija jemocij = Reflection theory and psychophysiology of emotions. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1975. 141 s.

12. Torsueva I. G. Determinirovannost' vyskazyvanija parametrami teksta = Determinism of the utterance by text parameters // Voprosy jazykoznanija, 1986. № 1. S. 65–74.

13. Shahovskij V. I. Kateg orizacija jemocij = Categorisation of emotions. Voronezh, 1987.

14. Dreiser Th. The Machine and the Maiden (from the novel «Sister Carrie») / Theodore Dreiser (na anglijskom jazyke). Moskva : Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1960.

15. Leon P. De l'analyse psychologique a la cateorisation auditive et acoustique des emotions dans la parole // Journal de psychologie, 1976. № 3–4. Pp. 305–324.

16. Magomedova A. N., Omarova Z. S. To the problem of signifying, expressing, describing and causing emotions in the language // The 3rd International Congress on Social Sciences and Humanities, November, 15, 2014). Vol. II. Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2014. P. 67–71.

УДК 811.1/.8

А. А. Штеба

<https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций

Для цитирования: Штеба А. А. Дипластия языковой категоризации смешанных эмоций // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 176–181. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-176-181

В статье рассматривается когнитивная сложность языковой категоризации эмоциональных переживаний на примере смешанных эмоций. С использованием понятия дипластии, представляющего собой сочетание противоположных по своей направленности стимулов, дестабилизирующих деятельность человека, показано, что экспликация смешанных эмоций соответствует парадигме сложности, ключевыми элементами которой являются целостность, противоречивость, нелинейность. Парадигма сложности предполагает наличие парадигмы простоты, которая являет собой языковую систему, обладающую предзаданными конвенциональными средствами выражения эмоций в языке и речи. Своей когнитивной сложностью смешанные эмоции привносят элемент нестабильности и, тем самым, расширяют потенции системы, преобразовывают ее и укрупняют. Смешанные эмоции, в рамках которых инвентаризируются несколько видов (моно-, амби-, поливалентные), состоят из осознанного, или когнитивного, и собственно эмоционального, непосредственно переживаемого, компонента. Последний определяется в соответствии с приемами выражения актуального членения предложения, когда внутри синтаксически линейно оформленной экспликации смешанной эмоции выделяются такие компоненты, как тема, переход ремы и рема, что соответствует понятию информативной значимости. При этом рема может дробиться на подремы, число которых потенциально безгранично. С учетом анализа фактического материала из художественной литературы и результатов опроса доказывается, что доминантой смешанных эмоций для говорящего выступает не один из ее компонентов, а целостное неопределенное (смешанное) эмоциональное переживание. При этом сравнительно более активное эмоциональное переживание формирует эмоциональную доминанту смешанной эмоции вне зависимости от того, располагается ли данная номинация в препозитивной или в постпозитивной части лексической экспликации смешанной эмоции.

Ключевые слова: дипластия эмоций, когнитивная сложность, смешанные эмоции, парадигма сложности, актуальное членение предложения, доминанта, энактивация, «слепое мышление», тема, рема, языковая категоризация.

А. А. Shteba

Diplasty of language categorization of mixed emotions

The article deals with the cognitive complexity of language categorization of emotional experiences on the example of mixed emotions. Using the concept of diplasty, which is a combination of opposite stimuli that destabilize human activity, it is shown that the explication of mixed emotions corresponds to the paradigm of complexity, the key elements of which are integrity, inconsistency, and non-linearity. The complexity paradigm presupposes the existence of a simplicity paradigm, which is a language system that has predetermined conventional means of expressing emotions in language and speech. By their cognitive complexity, mixed emotions introduce an element of instability and thus expand the potency of the system, transform it, and enlarge it. Mixed emotions, in which several types are inventoried (mono-, ambi-, and polyvalent), consist of a conscious or cognitive component and an actual emotional component that is directly experienced. The latter is defined in accordance with the methods of expressing the actual division of the sentence, when such components as the theme, the transition of Rema and Rema are distinguished within a syntactically linear explication of a mixed emotion, which correspond to the concept of informative significance. In this case, the Rema can be divided into sub-remas, the number of which is potentially unlimited. Taking into account the analysis of factual material from fiction and the results of the survey, it is proved that the dominant of mixed emotions for the speaker is not one of its components, but a complete indeterminate (mixed) emotional experience. At the same time, a relatively more active emotional experience forms the emotional dominant of the mixed emotion, regardless of whether this nomination is located in the prepositive or postpositive part of the lexical explication of the mixed emotion.

Key words: emotion diplasty, cognitive complexity; mixed emotions; complexity paradigm; actual sentence division; dominant; enactivation; «blind thinking»; theme; rema, language categorization.

Судьба эмоций – это судьба человека
Ф. Гиренок

Проблема языковой категоризации действительности соотносится с актуальными и фундаментальными процессами развития общества. Появление новых связей между объектами объективной и субъективной действительности приводят к усложнению упорядоченных систем отражения и преломления окружающих человека процессов. Усложнение и упрочнение межсистемных связей объектов происходит в контексте давления на систему хаоса. Актуализация хаоса (т.е. превращение потенциальной системы в упорядоченное единство) приводит к приобретению прежней конвенциональной системы новых свойств и признаков, на которые система реагирует открытием новых слотов, заполняемых в зависимости от внешних и внутренних условий развития системы.

Дипластия (вслед за Б. Ф. Поршневым [Поршнев, 2007, с. 437]) представляет собой пример хаоса, когда на объект одновременно воздействует два разнонаправленных раздражителя, что нарушает «конвенциональную» модель поведения, реагирования на внешние раздражители. Принцип дипластии, выражающийся в бинарных сочетаниях, отражает специфику формального выражения и содержательного наполнения смешанных эмоций в аспекте их языковой категоризации.

Процесс преобразования системы (как языковой, так и неязыковой) соответствуют понятию сложности. В психологии когнитивная сложность предполагает сложность структур и процессов организационной деятельности человека, процесса познания, формирования образов восприятия. В соответствии с положением Ф. Варелы, человек как живой организм вдействуется (энактивируется) в окружающий его мир [Матурана, Варела, 2000, с. 102], что приводит к созданию и/или модуляциям, в том числе, семантическим и эмоционально-смысловым слова в тексте/контексте.

В социогуманитарных науках человек познающий давно рассматривается не как пациент, а активный агент, творящий свой мир [Князева, 2013, с. 85]. Согласно принципу ситуационности человек одновременно определяется ситуацией и определяет ее. Так, взаимодействие человека с окружающей действительностью можно рассматривать в аспекте безграничной сочетаемостной потенции. Тогда человек как знаковое образование контактирует с иными семиотическими еди-

ницами, что наделяет продукты данного взаимодействия новыми свойствами. Отмечается, что сознание имеет холистичную организацию, когда уровни эмоционального и рационального мышлений, логики и интуиции взаимосвязаны.

Основными принципами сложного считаются возможность объединения в целое и наличие противоречий. Последние диалектические характеристики обладают создающим воздействием: противоречия не разрушают, а создают целое, т.е. преобразуют имеющуюся систему или создают новую.

Языковая категоризация эмоций человеком имеет линейную структуру, тогда как языковая экспликация эмоций в речи нарушает линейную упорядоченную организацию сферы эмоционального в языке, преобразовывает, усложняет ее. Изначально, работы отечественных и зарубежных эмотиологов были направлены на попытку инвентаризации средств фиксации эмоций в языке. Одновременно с попытками систематизации средств номинации, экспликации и дескрипции эмоций появились положения о том, что эмоции дискурсивны, их категоризация характеризуется такими свойствами, как пластичность, объемность, противоречивость и пр. Одним из ярких примеров подобной нелинейности эмоций, дестабилизирующей систему их языковой категоризации, являются смешанные эмоции, несмотря на то, что смешанность суть одна из категориальных психологических особенностей эмоционального.

Французский философ Э. Морену [Morin, 2005, р. 10–14] выступает одним из создателей учения о сложности. Исследователь отмечает, что парадигма сложности не может существовать вне парадигмы простоты. Последняя включает разорванность и редукцию. Данная парадигма отвечает за упорядочивание мира и борьбу с хаосом. Цитируемый автор указывает, что простота или сведение безграничных потенций семиотических образований к общему целому не выражает реальности. В парадигме простоты функционирует слепое мышление (*l'intelligence aveugle*), которое разрушает единства и целостности, изолирует объекты от их окружения; подобное мышление лишено способности видеть связи между наблюдателем и наблюдаемым. Построение парадигмы сложности позволяет учитывать синергетические возможности системы, ее стремление к самоорганизации, в которой автономность, индивидуальность, сложность, неопределенность и противоре-

чивость становятся неотъемлемыми характеристиками любого объекта. Сложное мышление состоит из холизма (системности), макро-концептов (созвездия понятий) и отсутствии целостности как неданной и нереализованной потенции. Современному человеку при этом нужно осуществлять мыслительную деятельность в «драматических обстоятельствах» (по Э. Морену), в которых человек приговорен к неопределенной мысли, мышлению, пронизанному пустотами, отсутствию уверенности. Только при таких условиях мышление способно развиваться и развивать пользователя языка.

Поскольку центральным понятием сложного мышления выступает противоречие, далее будет проведен анализ смешанных эмоций и их языковой категоризации, так как феномен смешанных эмоций и неопределенной эмотивности в целом соответствуют принципам противоречивости, нелинейности восприятия и единства.

Механизм построения смешанных эмоций соответствуют принципам нелинейности. Как правило, при номинации эмоционального переживания, характеризуемого свойством смешанности, прямое обозначение понятия смешанные эмоции сопровождается экспликацией данного эмоционального кластера:

Х испытывает смешанные эмоции: эмоция1 + эмоция2(n)

В целом (понятие смешанная эмоция) могут объединяться как однооценочные, так и амби-, полиоценочные эмоциональные переживания, которые человек пытается эксплицитировать недостаточными для коммуникативной ситуации языковыми конвенциональными средствами.

Столько в них было обнаженной и безнадежной муки, любви и тоски (Э. М. Ремарк).

В сердце юноши кипела ревность и бешеная ненависть к чужаку, который, как ему казалось, встал между ним и сестрой (О. Уайлд)

И поволок Педро за собой. Тот не сопротивлялся, лицо его выражало и испуг и радость (Ж. Амаду).

Уже на рассвете, перевернув последнюю страницу, Рокфор осознал, что его глаза наполнены слезами зависти и восхищения (К. Сафон).

Последовавшая за этим мысль-образ была в высшей степени сложной, в ней сочетались радость, удовольствие, удовлетворение сделанным, облегчение, одобрение и, что чрезвычайно меня удивило, некоторый ужас (Дж. Уиндем).

Проблематичность языковой категоризации смешанных эмоций обусловлена тем, что данная

система обладает только внешней организованностью, тогда как на уровне содержания модуляции элементов описания мира эмоций являются безграничными. Когнитивная сложность выражения и описания смешанных эмоций заключается также в том, что данное сложное, зачастую, амбивалентное эмоциональное переживание характеризуется осознанностью и переживаемостью. Выше было указано, что окружающая человека действительность нелинейна, хотя результат языкового отражения действительности имеет линейную структуру. Наблюдения за линейной синтаксической организацией язык-речевых средств выражения смешанных эмоций позволяют выдвинуть предположение о том, что часть смешанных эмоций относится к сфере когниции, а вторая часть – к сфере непосредственно переживаемых эмоций в данный момент времени.

Согласно теории актуального членения предложения, последнее обладает шкалой коммуникативного динамизма (по Я. Фирбасу). Данная шкала включает в себя элемент с низкой коммуникативной значимостью (тему), переход, остаток перехода, остаток ремы и непосредственно рему. Рассмотрим следующий пример:

Разумеется, воздух, что же еще! – сказал он, смешивая жалость с презрением (Э. М. Ремарк).

Постпозитивный элемент данного примера является собой, в широком смысле, рему приведенного примера. Однако сам по себе данный рематический блок может быть разделен на подблоки, состоящие из темы («смешивая»), перехода темы («жалость») и ремы («презрение»). Несмотря на то, то информативная важность членов предложения может быть различной даже при восприятии одного и того же члена предложения разными адресатами [Крылова 2018, с. 16], к основным приемам выражения данной информативной значимости относят порядок слов, интонацию и лексико-морфологические средства. По причине того, что предложения разворачиваются линейно по принципу от общего к частному, первый элемент средства выражения смешанных эмоций должен рассматриваться как тема, второй – как переход темы, т.е. на данном этапе говорящий понимает, что переживаемое им эмоциональное состояние характеризует комплексность, многокомпонентность и несоотнесенность с привычными средствами экспликации эмоций. Соответственно адресант выбирает рационализированный способ описания эмоционального переживания/отношения/состояния. Однако на этапе перехода темы в линейную форму выражения эмоции

добавляется собственно эмоциональный компонент, который и является «передатчиком» и актуализатором хаоса в системе язык-речевой категоризации эмоциональной действительности. Результатом экспликации смешанных эмоций становится создание нового противоречивого целого, в котором один из элементов относится к сфере когниции (осознанности), а другой – непосредственной переживаемости.

Рематическая часть предложения может расщепляться на подремы с контекстуально идентичной информативной значимостью:

Десять дней постоянных разговоров, душевных мук, неуверенности, обвинений, претензий, уговоров, издевок, смирения, цинизма, страха, крика, долгого невыносимого глухого молчания, истерик, вопросов без ответов, ответов без вопросов, внезапных прощений, новых обвинений, плача, смеха сквозь слезы, сжатых кулаков, бессилия, уходов с хлопаньем дверью и возвращений, упадка духа, эйфории, но прежде всего и главным образом – его усиленного поиска любых зацепок, позволяющих не расстаться с надеждой. <...> Весь этот водоворот противоположных эмоций, унижающих друг друга жестов, нелогичного поведения, противоречивых сигналов, где каждый последующий сигнал опровергал информацию предыдущего, был скорее средневековым орудием истязаний, чем попыткой выбраться из темного и холодного колодца (Я. Вишневецкий).

В представленном выше примере целое в виде кластера поливалентных эмоциональных переживаний организуется в формально линейную единицу, для которого не имеется системного и предзаданного нормой обозначения. Говорящий способен лишь частично дать когнитивную (рациональную) оценку своему эмоциональному переживанию, которое он конкретизирует с помощью номинаций эмоциональных состояний, синхронных моменту речепорождения.

Понятие смешанных эмоций представляется когнитивной доминантой, от которой конструируется и структурируется языковое сознание относительно области категоризации эмоций. За когнитивную точку отсчета следует принимать понятие смешанных эмоций, от которой формируется последующий смысл знания и представления человека о сфере эмоциональных переживаний [Болдырев, 2008, с. 39].

Интересным является также вопрос о ситуативной доминанте смешанных эмоций. В своем учении о доминанте А. А. Ухтомский писал, что на процесс создания доминанты как рабочего

принципа нервной системы влияет накапливание возбуждения в определенной группе центров [Ухтомский, 2002, с. 48], что приводит к неравновесности нервной системы. Как следствие, конец доминанты представляет собой разрешающий акт, при котором порожденный доминантой цепной рефлекс дойдет до разрешения. В аспекте смешанных эмоций, представляющих собой способ выражения эмоционального переживания, доминанта выступает не одним (или несколькими) из названных эмоциональных состояний смешанных эмоций (к примеру, доминанта смешанной эмоции «любовь и **ненависть**» – ненависть), а собственно полученное смешанное эмоциональное переживание. Значимым для говорящего является не указание на доминирующее в смешанном переживании эмоциональное состояние, а неопределенный (смешанный) характер этого переживания. Как было отмечено ранее, один из компонентов смешанного эмоционального переживания является осознанным, а другой (дополнительный) – непосредственно переживаемым. Факультативный компонент осознанной (когнитивной) эмоции конкретизирует первый и смещает его на условной шкале отрицательных-положительных эмоций в иную плоскость – пространство неопределенной эмотивности.

Нами был проведен опрос респондентов, касающийся представления носителей языка о сущности и специфике феномена смешанных эмоций. Результаты опроса показали, что большая часть опрошенных (более 80 %) под смешанными эмоциями понимает объединение в рамки словосочетания номинаций противоположных эмоциональных переживаний (к примеру, любовь и ненависть, радость и печаль).

На вопрос о том, какая вторичная номинация эмоционального переживания может быть добавлена к названной (первичной), респонденты дали следующие ответы: эмоция радости сочетается с эмоциями печали или горечи, эмоция отвращения с эмоцией изумления или удивления, эмоция страха с эмоцией восхищения. Интересно, что в последних двух случаях образуется сложное эмоциональное переживание с неопределенной доминантой, когда отвращение или страх задают устойчивую отрицательную эмоционально-оценочную составляющую, но при этом данная коннотация погашается или нейтрализуется субъективной притягательностью объекта наблюдения (сочетание с эмоциями удивления или восхищения).

Преимущественно ответы респондентов пока-

зали, что на уровне плана выражения в постпозиции располагается номинация отрицательно-оценочных эмоций: смешанная эмоция радости и ужаса, любви и ненависти, удивления и страха. Также респондентам был задан вопрос относительно общей эмоциональной тональности (эмоциональной доминанты) смешанных эмоций страха и радости, удивления и отвращения, радости и отвращения, печали и радости, радости и ужаса, отчаяния и радости, отвращения и восхищения. Результаты опроса частично подтвердили выдвинутое нами предположение о том, что формальная структура образования и выражения смешанной эмоции отражает прагматическую характеристику данного эмоционального переживания, когда эмоциональную доминанту задает второй элемент (постпозиция) смешанной эмоции, а первый элемент представляет собой когнитивно воспринимаемый, а, значит, непосредственно не переживаемый эмоциональный фон. Поэтому в смешанных эмоциях страха и **радости**, печали и **радости** эмоциональная доминанта респондентами определена как положительная (64 %). Формально подобный высказанному выше аргумент может объяснять определение респондентами отрицательной доминанты таких смешанных эмоций, как удивление и **отвращение**, радость и **отвращение**, радость и **ужас** (78 %), т.е. в постпозиции располагается номинация отрицательной эмоции, что обуславливает отрицательную доминанту сложной смешанной эмоции. Однако как преимущественно отрицательную респонденты определили эмоциональную доминанту следующих сложных смешанных эмоций: отчаяние и радость (отрицательная доминанта – 66 %), отвращение и восхищение (отрицательная доминанта – 76 %):

Результаты опроса показывают, что помимо структурного критерия определения эмоциональной доминанты той или иной смешанной эмоции необходимо учитывать содержательный уровень организации данного сложного эмоционального переживания. Так, эмоции отчаяния и отвращения сравнительно интенсивнее (активнее) радости и восхищения:

ОТЧАЯНИЕ – состояние *крайней* безнадежности, безвыходности.

ОТВРАЩЕНИЕ – *крайне* неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л.; *Сильное* чувство неприязни, соединенное с брезгливостью; омерзение.

РАДОСТЬ – чувство удовольствия, ощущение *большого* душевного удовлетворения.

ВОСХИЩЕНИЕ – *высшая степень* удовлетворения, удовольствия от чего-л.; восторг.

При дефиниции отчаяния и отвращения используются усилительные прилагательные и наречия (*крайне, крайняя, сильное*). Отвращение в своем словарном определении совмещает неприязнь и брезгливость. Следует также отметить, что среди смысловых компонентов радости и восхищения присутствуют интенсеммы 'большой', 'высший'. Однако наряду с универсальной дихотомией положительных и отрицательных эмоций в эмотивной лингвистике и психологии существует положение о том, что отрицательных номинаций сравнительно больше положительных, когда язык подробно и детально, в первую очередь, категоризует те элементы объективной и субъективной действительности, которые обладают отрицательной оценкой [Симонов, 1981; Шаховский, 2008, 2019(а), 2019(б); Палкин, 2002; Муллагаянова, 2010 и др.]. Ф. Гиренок указывает, что всякое чувство амбивалентно, когда монотонное повторение одного и того же убивает чувство [Гиренок, 2012, с. 56]. Как следствие, интенсивная отрицательная эмоция оживляет известное эмоциональное переживание, активизирует его и задает эмоциональную тональность целой смешанной эмоции вне зависимости от формального расположения конститутивных элементов.

Как писал Г. Гийом, современная наука характеризуется редуccionистским взглядом на языковые явления, когда основное внимание фокусируется на «чрезмерном углублении в сторону наблюдения физических средств экстерииоризации языка» [Гийом, 1992, с. 73]. Значимым же является не только формальная сторона выражения, но и содержание, т.е. причина и цель происходящих языковых процессов. Другими словами, в ходе наблюдения за языковыми процессами нужно как наблюдать переход от ментального к физическому, так и анализировать скрытые (интериоризованные) ментальные процессы, сопровождающие экстерииоризацию. Выбранный для данной работы эпиграф отражает, на наш взгляд, природу и характер смешанных эмоций, поскольку они одновременно определяют и обозначают собой принципиально новый в силу своей формальной выраженности этап на пути языковой категоризации эмоций. Экспликация смешанных эмоций позволяет непосредственно наблюдать за внутренними, скрытыми процессами эмоционально-смысловых приращений и модуляций семантики слов, когда сущностные особенности эмоций по-

лучают свое физическое отражение на уровне плана выражения.

Библиографический список

1. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37–44.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва : Изд-ая группа «Прогресс», 1992. 190 с.
3. Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. Москва : Академический проект, 2012. 237 с.
4. Князева Е. Н. Когнитивная сложность // Филология науки. 2013. № 1. С. 81–94.
5. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. Изд. 4-е, стер. Москва : ЛЕНАНД, 2018. 176 с.
6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
7. Муллагаянова Г. С. Экспликация эмоционального состояния говорящего в момент речевого общения. Тобольск, 2010. 24 с.
8. Палкин А. Д. Лексико-морфологические средства выражения эмоций в онтогенезе речевой деятельности. Москва, 2002. 24 с.
9. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб: «Алетейя», 2007. 521 с.
10. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Москва : Наука, 1981. 216 с.
11. Ухтомский А. А. Доминанта. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 448 с.
12. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
13. Шаховский В. И. (а) Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37.
14. Шаховский В. И. (б) Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
15. Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 2005. 158 p.

Reference List

1. Boldyrev N. N. Dominantnyj princip organizacii jazykovogo soznaniya = Dominant principle of language

consciousness organization // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2019. № 37. S. 37–44.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Theoretical Linguistics principles Moskva : Izd-aja gruppa «Progress», 1992. 190 s.

3. Girenok F. Absurd i rech'. Antropologija voobrazhaemogo = Absurd and speech . Antropology of imaginable Moskva : Akademicheskij proekt, 2012. 237 s.

4. Knjazeva E. N. Kognitivnaja slozhnost' = Cognitive complexity // Filosofija nauki. 2013. № 1. S. 81–94.

5. Krylova O. A. Kommunikativnyj sintaksis russkogo jazyka. Izd. 4-e, ster. = Communicative syntax of the Russian language. Moskva : LENAND, 2018. 176 s.

6. Maturana U., Varela F. Drevo poznanija = The tree of knowledge. Moskva : Progress-Tradicija, 2001. 224 s.

7. Mullagajanova G. S. Jeksplicacija jemocional'nogo sostojanija govorjashhego v moment rechevogo obshhenija = Explication of the emotional state of a speaker at the moment of speech communication. Tobol'sk, 2010. 24 s.

8. Palkin A. D. Leksiko-morfologicheskie sredstva vyrazhenija jemocij v ontogeneze rechevoj dejatel'nosti = Lexico-morphological means of emotions expression in ontogenesis of speech activity. Moskva, 2002. 24 s.

9. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii) = About human history (problems of paleopsychology). Sankt-Peterburg : «Aletejja», 2007. 521 s.

10. Simonov P. V. Jemocional'nyj mozg = Emotional brain. Moskva : Nauka, 1981. 216 s.

11. Uhtomskij A. A. Dominanta = Dominant. Sankt-Peterburg : Piter, 2002. 448 s.

12. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. = Categorization of emotions in lexico-semantic system of the language. Moskva : Izd-vo LKI, 2008. 208 s.

13. Shahovskij V.I. (a) Obosnovanie lingvisticheskoj teorii jemocij = Justification of linguistic emotions theory // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 1 (39). S. 22–37.

14. Shahovskij V.I. (b) Jemocional'naja kartina mira v verbal'noj prezentacii = Emotional picture of the world in verbal presentation // Mir russkogo slova. 2019. № 1. S. 35–43.

15. Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 2005. 158 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

С. А. Никольский

<https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Иван Бунин: взгляды в лица (Россия накануне и после Октября)

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Никольский С. А. Россия накануне и после Октября. Статья первая. Иван Бунин: взгляды в лица // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 182–188.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-182-188

Цель статьи – попытка исследования того, как видел русского человека и саму Россию накануне и после Октября писатель-философ Иван Алексеевич Бунин. Для этого анализируются важные черты, характерные для ряда произведений художественной философии Бунина, сосредоточенные в публицистических очерках «Окаянные дни», повести «Деревня» и автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева». В статье присущий Бунину способ анализа сравнивается со способами анализа его современников – А. П. Чехова, А. М. Горького и А. П. Платонова: с бунинским анализом – манерой видения конкретного человека сопоставляется чеховская манера *благорасположенного печального наблюдателя, уверенного в неотвратимой неизменности происходящего*, горьковское *участливое сопереживание к гонимым, соединенное с неприкрытой ненавистью к гонителям*, а также ряд писательских средств, характерных для платоновской *реалистической фантасмагории*. Показано, что бунинская манера философско-художественного размышления, все еще слабо изученная, позволяет размышляющему читателю не только увидеть обычно скрытые за внешними действиями характерные человеческие особенности, но и с их помощью воспринять отражающиеся в них писательские оценки и глубинные философские смыслы.

Особая писательская манера Бунина – не только продукт литературной методологии. Она – материализованный в философско-художественных произведениях уникальный способ восприятия и анализа окружающего мира, характерный для редкого в отечественной литературе и исчезнувшего после Октября социального типа художника-аристократа, превыше всего ценившего честь и благородство.

Ключевые слова: Россия, Человек, Октябрь, философия, литература, история, культура.

CULTURAL SCIENCE

S. A. Nikolsky

Ivan Bunin: peering into faces (Russia the day before and after October)

The purpose of the article is an attempt to study how the writer-philosopher Ivan Bunin saw the Russian person and Russia itself on the eve and after October, 1917. For this purpose, the author analyzed important features characteristic of a number of works of Bunin's artistic philosophy, which are concentrated in the journalistic essays «The Damned Days», the story «Village» and the autobiographical novel «Life of Arsenyev». In the article, Bunin's method of analysis is compared with the methods of analysis of his contemporaries – Anton Chekhov, Maxim Gorky and Andrei Platonov with Bunin's analysis: the manner of seeing a particular person is compared with the Chekhov's manner of a benevolent sad observer, confident in the inevitable immutability of what is happening, Gorky's sympathetic empathy for the persecuted, combined with an undisguised hatred of the persecutors, as well as a number of writing tools characteristic of Platonov's realistic phantasmagoria. It is shown that Bunin's manner of philosophical and artistic reflection, still poorly studied, allows the reflecting reader not only to see the characteristic human features usually hidden behind external actions, but also to perceive the writer's assessments and deep philosophical meanings reflected in them.

Bunin's special writing style is not only a product of literary methodology. It is a unique way of perception and analysis of the surrounding world materialized in philosophical and artistic works, characteristic of a rare social type of artist – an aristocrat who valued honor and nobility above all else in Russian literature and disappeared after October, 1917.

Key words: Russia, man, October, philosophy, literature, history, culture.

*Может быть, может быть...
Что мы знаем? Что мы знаем,
что мы понимаем, что мы можем!*
Иван Бунин. Богиня разума
* * *

Большая часть отечественной классической литературы XIX–XX столетий относится к художественной философии. Таковой могут считаться литературные произведения, в которых формулируются и обдумываются первовопросы бытия – о жизни и смерти, о судьбе и свободном выборе, о добре и зле, о любви и ненависти, иные вопросы подобного рода. В художественной философии также важна позиция автора – не содействовать в изложении одному герою, не выступать на одной стороне в ущерб другой, а по возможности сообщать объективно, стараться быть нейтральным; не негодовать, осуждать или приветствовать, а сопереживать, понимать. В соответствии с этой философской позицией, автор изобретает или использует уже имеющиеся в писательской профессии методологические принципы и приемы (Более подробно см.: [Никольский, 2020]).

Однако в том случае, когда философствующий художник обращается к крупному историческому явлению или процессу, в его творчестве наличествует еще одна, возможно, наиболее важная особенность – его базовое, целостное и исходное отношение к действительности. В том случае, когда оно сформулировано, мы можем говорить о нем как об осмысленном основании его мировоззренческой позиции, пусть даже и не представленной в системной конкретности. В этой связи, для Ивана Алексеевича Бунина таковой изначальной позицией было *видение конкретного человека*, обычно скрытого за нагромождением исторических событий и в силу этого не всегда попадающего в фокус зрения художника. У Бунина находим: «„Я как-то физически чувствую людей“, записал однажды про себя Толстой. Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, „пристрастности“. Для большинства даже и до сих пор „народ“, „пролетариат“ только слова, а для меня это всегда – глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге – все естество произносящего ее» [Бунин, 1991, с. 25]. Как и что через

конкретность отдельных людей и их сообщества прозревал Бунин в России накануне и непосредственно после Октября? И как бунинская философия просматривалась через его филологию, на что обратил внимание В. Ходасевич? [Риникер, 2001, с. 626]

* * *

В обращении больших мыслителей к вечным вопросам бытия, к какой бы области человеческого познания они бы не принадлежали, есть много общего. «Человеческая душа, – отмечал С. Н. Булгаков, – нераздельна, и запросы мыслящего духа остаются одни и те же и у ученого, и у философа, и у художника: и тот, и другой, и третий, если они действительно стоят на высоте своих задач, в равной степени и необходимо должны быть мыслящими людьми и каждый своим путем искать ответов на общечеловеческие вопросы, однажды предвечно поставленные и вновь постоянно ставящиеся человеческому духу» [Булгаков, 2002].

Однако у каждого философствующего художника способ видения и вопрошания имеет свои особенности. По этой причине понимание писательских особенностей Ивана Бунина лучше открывается в сравнении; конечно, в сравнении с теми, кого можно полагать равновеликими. И среди таковых значительных философствующих писателей конца XIX – первой трети XX века прежде всего отмечу его современников – А. П. Чехова, А. М. Горького и А. П. Платонова. Думаю, что обозначив присущую каждому из них собственную изначальную позицию философской адресации к миру или, говоря иными словами, присущую каждому личную манеру *философского высказывания о действительности*, можно будет лучше понять то, что Бунин именовал для себя «*видением конкретного человека*». Внутри выделенной группы писателей-мыслителей, конечно, есть и свои, независимые от сравнения с Буниным, смысло-ценностные переплетения.

Литературным и драматургическим высказываниям Чехова присуща, на мой взгляд, философская позиция *благорасположенного печального наблюдателя, уверенного в неотвратимой неизменности происходящего*. Докторское «не навреди» – как наблюдение и редкое, строго ограни-

ченное вмешательство – присутствует во всех чеховских текстах. Нередко оно проявляется в «открытом» финале без авторского заключения о судьбе героев. Думаю, именно это имеет ввиду С. Булгаков, когда отмечает, что Чехову часто доставалось за «беспринципность, т. е. за то, что его литературная деятельность оставалась чужда всякому интеллигентскому «направлению» [Булгаков, 2002]. Само собой, ни к какому «направлению», то есть декларируемому способу влияния на действительность с целью ее коррекции в желаемом для советчика направлении, Чехов прикнудить не мог, поскольку был убежден в невозможности какого-либо целенаправленного внешнего воздействия. Как высказался однажды Лев Толстой: все двери открываются вовнутрь. Так, в «Злоумышленнике» следователь оформляет протокол и, чтобы Денис не мешал ему, он приказывает его увести, а что именно следователь пишет и какова будет судьба отвинчивавшего гайки «злодея», мы не знаем. В «Мужиках» бывшие москвички Ольга и Саша отправляются по деревням нищенствовать, а что будет с ними дальше, нам также не известно. В «Вишневом саде» Раневская, ее родня и друзья разъезжаются, в саду слышен стук топоров, а время, олицетворяемое старым Фирсом, кажется насильственно отставленным (остановленным). И это одновременно, столько же финал, сколько и начало новой, но тоже неизвестной жизни. То есть в каждом случае автор, чуть приоткрыв окно в реальность, не старается выглядеть всезнающим умником, прозревающим дальнейший ход событий, но, более того, означает себя человеком, в возможность прозрения не верящим.

Иная исходная мировоззренческая установка характерна для части прозы А. М. Горького. Как известно, Бунин отзывался о Горьком весьма не лестно. Однако при этом он имел ввиду Горького «революционного романтика», товарища большевиков, автора песней о соколе и буревестнике, романа «Мать». Но есть и Горький, написавший повесть «Трое» и роман «Жизнь Матвея Кожемякина», писавший «Жизнь Клима Самгина». И это совсем другой автор. В «Жизни Матвея Кожемякина», например, его позиция может быть определена как *участливое сопереживание к гонимым и неприкрытая ненависть к гонителям*. В своих героях он ненавидит присущее им зло и, одновременно, страдает вместе с жертвами. А перечень жертв и их страданий внушительен. Это дети, которых нещадно бьют матери и отцы, это женщины, которых истязают другие женщины и мужчи-

ны, это безумец, над которым измывается детвора, это, наконец, собака, которую работники столкнули в творяло с негашеной известью и которая горит заживо на потеху палачам.

Вообще о народе Горький высказывается резко. Так, например, в статье «О русском крестьянстве» (1922) трагедию Октября он выводит не из вины самодержавия и последствий зверской войны, а из *природной жестокости российских крестьян*. От этой точки, как полагает П. Басинский, «первый шаг Горького к будущему Сталину с его политикой сплошной коллективизации» [Басинский, 2011, с. 376]. Возможно. Но чтобы быть способным сделать такой шаг, следовало народ сильно презирать, иметь силы отвлеченно-спокойно созерцать его страшную судьбу. Или вот финал пьесы «На дне» с самоубийством Актера, когда Сатин, воспев Человека будущего, закрыл для Актера жизнь сегодняшнюю: в будущем *такие Люди не нужны* [Горький, 1970, с. 182]. Не мысль ли Горького?

Не доживший до самоубийственных политических катаклизмов Чехов мог позволить себе сопереживать и грустить. Заставший истоки большевистского хаоса Горький имел предоставленную жизнью возможность что-то спервоначалу не понять или на что-то понадеяться, какое-то время принимать всерьез большевистские мечтания и даже подыгрывать авторам Октября. Впрочем, по прошествии без малого двадцати лет после октябрьского переворота, разобравшись, «буревестник революции» последовал совету другого сталинского певца – «лучшего социалистического поэта» В. Маяковского:

«Я знаю –
Вас ценит
и власть,
и партия,
Вам дали б все –
от любви
до квартир.
Прозаики
сели
пред Вами
на парте б:

– Учи!
Верти!» [Маяковский, 2011, с. 394]

Характерное для Андрея Платонова, высказанное в его творчестве, писательское суждение – *реалистическая фантазмодория* – еще один тип философского высказывания о действительности [Никольский, 2014], отличного от таковых у Чехова и Горького. К тому же, и сказанное о них не

помогает в понимании исторической ситуации, в которой оказался Андрей Платонов и, более того, было чуждо свойственному ему состоянию ума. Будучи душевно расположенным ко всякому обиженному жизнью человеку и первоначально искренно веря в провозглашаемые большевиками гуманистические цели, вскорости в реальном большевистском творчестве он разочаровался. В одном из его писем жене читаем: «Госка совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось... Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак будущего, внутренняя тревога – всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается» [Платонов, 2013, с. 233].

Мир героев Андрея Платонова – причудливое сочетание реальности и фантазии, причем последняя не является лишь плодом авторского творчества. Платонов открыл «тайну» большевистского действия – постоянное и повсеместное смешение фантазии и фанатизма, что, кстати, подметил и Бунин. Герои, одержимые манией перманентных преобразований, как механизмы с заложенным в них *Perpetuum Mobile*, с одной стороны, постоянно ожидают распоряжений от где-то существующего Центра (власти), подобно колхозному активисту – герою повести «Котлован», а, с другой стороны, неустанно и активно производят фантазии из своей головы, как инженер Николай Вермо, персонаж «Ювенильного моря». (Подробнее см. главу С. А. Никольского в кн.: [Неретина, Никольский, Порус, 2019]. Каков мир, изображаемый Иваном Буниным и каков художник в этом мире?

* * *

В самом начале автобиографического романа «Жизнь Арсеньева» есть строки, обозначающие основу бытия его автора: «Среди моих предков было, верно, не мало и дурных. Но все же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства» [Бунин, 2000, с. 3]. Именно это свойство автора постоянно ощущаешь, читая Бунина.

Но Бунину была свойственна и особенного рода чуткость («повышенная впечатлительность»). В его самоописании во время пребывания в Одессе находим: «Ходили на Гимназическую. Почти всю дорогу дождь, весенний, прелестный, с чудесным весенним небом среди тучек. А я два раза был близок к обмороку. Надо бросить эти записи. За-

писывая, еще больше растравляю себе сердце» [Бунин, 1991, с. 61].

Этими качествами – аристократическим благородством и тонкостью чувствований Бунин прежде всего и отличался от людей из народа – Горького и Платонова. В противоположность им, наблюдавшим революцию с позиций ее творцов, Бунин видел происходящее и со стороны тех, на кого она была направлена, глубоко им сопереживая, постоянно «примеряя» происходящее на себя. «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, – сколько откроется темного, греховного, несправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку!

Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!» [Бунин, 1991, с. 68] Но отсутствие вопиющего «криминала» не останавливает новую власть. Во-первых, у нее есть надежный инструмент – фантазии. И, во-вторых, невиданный в истории абсолютный аморализм. «В том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущенный крик наивным, дурацким.

И все то же бешенство деятельности, все та же неугасимая энергия, ни на минуту не ослабевающая... Да, конечно, это что-то нечеловеческое. Люди совсем недаром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто дьявольское несомненно есть» [Бунин, 1991, с. 71–72].

Ничто не останавливает новых хозяев жизни, и Бунин с мудрым пониманием необоримости мутного потока революционного зла, вырвавшейся на свет головной марксистской идеи, реализованной в российской реальности и соединившейся со злобной природой дикого человека, вообразившего себя властителем мира, описывает «новых» людей. «Достоевский говорит: „Дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что все здание рухнет под прокля-

тиями всего человечества, прежде чем будет завершено...» Теперь эти строки кажутся уже слабыми» [Бунин, 1991, с. 71–72]. Здание на крови миллионов было в России построено, но Достоевский ошибся: мир не только не проклял, но всего лишь немного и не на долго отгородился, а чуть позже и вовсе прагматично постарался извлечь для себя выгоду из нового соседства.

Что видит Бунин в человеке, который впадает в революционный произвол и своим действием рождает революцию? Он пристально всматривается даже не в самых худших, а в чем-то вменяемых современников. Вот перед ним крестьяне осенью 1917 года, когда идет агитация за выборы в Учредительное собрание: «Пошли плакаты, митинги, призывы:

– Граждане! Товарищи! Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным Собранием, заветной мечтой вашей, державным хозяином земли русской! Все голосуйте за список номер третий!

Мужики, слушавшие эти призывы в городе, говорят дома:

– Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишу перед Учредительным Собранием. А кому мы должны? Ему, что ли, глаза его накройся? Нет, это новое начальство совсем никуда. В товарищи заманивает, горы золотые обещает, а сам орет, грозит, крест норовит с шеи сорвать. Ну, да постой: кабы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!» [Бунин, 1991, с. 78].

Но ведь это, деревня, – возразит искушенный читатель. А в России есть и города. Как бы предвидя это возражение, бунинский герой отвечает: «...Россия? Да она вся – деревня, на носу заруби себе это! Глянь кругом-то: город это, по-твоему? Стадо кажный вечер по улицам прет – от пыли соседа не видать... А ты – «город!»» [Бунин, 2001, с. 44].

А вот из разговора Бунина со «справным» крестьянином – середняком: «– Да, известно орут, долгами, недоимками пугают. Теперь вот будем учредительную думу собирать, будем, говорят, кандидата выбирать. Мы, есть слух, будем кандрок составлять, будем осуждать, а он будет подписываться. Когда где дорогу провесть, когда войну открыть, он будет у нас должен теперь спроситься. А разве мы знаем, где какая дорога нужна? Я вот богатый человек, а я отроду за Ельцом никогда не был. Мы вот свою дорогу под горой двадцать лет дерьмом завалить не можем: как сойдемся – драка на три дня, потом три ведра

водки слопаем и разойдемся, а буерак так и останется. Опять же и войну открыть против какого другого царя я не могу, я не знаю: а может, он хороший человек? А без нас, говорят, нельзя. Только за что ж за это кинжал в бок вставлять? Это Бог с ним и с жалованием в этой думе!» [Бунин, 1991, с. 78].

Однако эти крестьяне, пусть и недалекие, малограмотные, полу-дикие, все же не лишены человеческого облика. Об этих дикарях-крестьянах двадцать лет назад в рассказе «Мужики» Чехов писал: «... Жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания» [Чехов, 1977, с. 311]. Но не они главная революционная сила. Исстари в России, ясно видит Бунин, огромен низовой плат человеческого отребья. «... Всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего бесформенности. Спокон веку были «разбойнички» муромские, брянские, саратовские, бегуны, шатуны, бунтари против всех и вся, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, сеятели всяческих лжей, несбыточных надежд и свар. Русь классическая страна буяна. Был и святой человек, был и строитель, высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с буяном, разрушителем, со всякой крамолы, сварой, кровавой «неурядицей и нелепицей»! ...В мирное время мы забываем, что мир кишит этими вырожденками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда «державный народ» восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся – начинается вакханалия. Русская вакханалия превзошла все до нее бывшие» [Бунин, 1991, с. 82]. Впрочем, и те, которые первоначально не берутся за дубину, не долго остаются в стороне. «И три четверти народа так: за подачки, за разрешение на разбой, грабеж отдает совесть, душу, Бога...» [Бунин, 1991, с. 65]. Такова картина «революционного подъема», нарисованная Буниным и подтверждаемая многими не лишеными зрения и совести русскими писателями.

В среде литературоведов, возможно, в силу узкого профессионализма и веры в то, что их личностное знание – самое важное в понимании пишущего автора, как правило, нет почтения к знанию исторических реалий. В этой связи, и в отношении Бунина бытует мнение, что ему было присуще «мироощущение человека, изначально

видящего жизнь как катастрофу, мыслящего ее как катастрофу и принадлежащего к обреченному классу» [Быков]. Думаю, это не так. Ни эмиграция в целом, ни Иван Алексеевич, как один из самых достойных среди обретавшихся за границей русских, не видели в трагедиях России эсхатологического конца уже хотя бы потому, что не считали самих себя потерпевшими окончательное поражение от взбунтовавшихся босяков и их большевистских кукловодов. И не смотря на трагедию русского XX века, Бунина не покидала, наверняка, излишне преувеличенная уверенность, что мы, подлинно русские, «живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире» [Бунин, 2000, с. 37]. И ни Ленин, ни Сталин не могли стать и не стали окончательной, катастрофичной точкой в русской судьбе. Смерть обоих Бунин видел, а вера в возрождение Родины не покидала его никогда.

И Бунин, в отличие от стилевых особенностей и философских умозаключений Чехова, Горького и Платонова, выработал свое, на них не похожее, но не менее гениальное философское восприятие мира. «Я шел вниз по Волховской, глядя в темнеющее небо – в небе мучили очертания крыш старых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний. Старый человеческий кров – кто об этом писал? Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно... Я, как сыщик, преследовал то одного, то другого прохожего, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то понять, поймать в нем, войти в него... Писать! Вот о крышах, о калошах, о спинах надо писать, а вовсе не затем, чтобы „бороться с произволом и насилем, защищать угнетенных и обездоленных, давать яркие типы, рисовать широкие картины общест-венности, современности, ее настроений и течений!” Я ускорял шаги, спускался к Орлику. Вечер уже переходил в ночь, газовый фонарь на мосту горел уже ярко, под фонарем гнулся, запустив руки подмышки, по-собачьи глядел на меня, по-собачьи весь дрожал крупной дрожью и деревянно бормотал: „ваше сиятельство!” стоявший прямо на снегу босыми красными лапами золоторотец в одной рваной ситцевой рубашке и коротких розовых подштанниках, с опухшим угреватым

лицом, с мутно-льдыстыми глазками. Я быстро, как вор, хватал и затаивал его в себе, совал ему за это целый гривенник... Ужасна жизнь! Но точно ли „ужасна”? Может, она что-то совершенно другое, чем „ужас”? Вот я на-днях сунул пятак такому же босяку и наивно воскликнул: „Это все-таки ужасно, что вы так живете!” – и нужно было видеть, с какой неожиданной дерзостью, твердостью и злобой на мою глупость хрипло крикнул он мне в ответ: “Ровно ничего ужасного, молодой человек!” – А за мостом, в нижнем этаже большого дома, ослепительно сияла зеркальная витрина колбасной, вся настолько завешанная богатством и разнообразием колбас и окороков, что почти не видна была белая и светлая внутренность самой колбасной, тоже завешенной сверху до низу. „Социальные контрасты!” думал я едко, в пику кому-то, проходя в свете и блеске витрины... На Московской я заходил в извозчицью чайную, сидел в ее говоре, тесноте и парном тепле, смотрел на мясистые, алые лица, на рыжие бороды, на ржавый шелушащийся поднос, на котором стояли передо мной два белых чайника с мокрыми веревочками, привязанными к их крышечкам и ручкам... Наблюдение народного быта? Ошибаетесь – только вот этого подноса, этой мокрой веревочки!» [Бунин, 2000, с. 150–151] Да, глаза, рты, звуки голосов, ювелирно отточенное *видение конкретного человека* без идеологического тезиса, без пропагандистской фразы или просветительского призыва. Прочитаешь им написанное и уже не нужно задумываться о «направлении», «задачах» или «цели». Если, конечно, есть мозги и нет холлопской привычки услужить. Такова литературная манера русского писателя Ивана Бунина.

* * *

В том, чем был русский человек и сама России накануне и после Октября, Иван Бунин сумел понять и показать размышляющему читателю своим особым писательским способом, у которого не было и не будет подражателей. Наверное, потому, что этот способ был выработан редким для отечественной литературы социальным типом – аристократом, превыше всего ценившим честь и благодородство.

Библиографический список

1. Басинский П. Страсти по Максиму. Горький: 9 дней после смерти. Москва : АСТ: Астрель, 2011. 414 с.
2. Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель // Чехов: Pro et Contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – нач. XX в.: Антология. Т. 1. Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. 1072 с. URL:

<http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/chekhov.ssi>
(дата обращения: 05.06.2020)

3. Бунин И. Деревня. Москва : Эксмо, 2001.
4. Бунин И. Жизнь Арсеньева. Москва : Согласие, 2000. 401 с.
5. Бунин И. Окаянные дни. Москва : Издательство «А3Ъ», 1991.
6. Бунин И. А. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Книга первая. Том 110. Москва : ИМЛИ РАН, 2019 г. 1184 с.
7. Быков Д. Иван Бунин. Поэзия в прозе. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063867 (дата обращения: 10.06.2020)
8. Горький М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. Т. 7. Москва : Наука, 1970. 687 с.
9. Марулло Т. Г. «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина. Екатеринбург, 2000. 252 с.
10. Маяковский В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе. Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1327 с.
11. Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. Москва : Институт философии РАН, 2019. 236 с.
12. Никольский С. А. Живое и мертвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 210–220.
13. Никольский С. А. Художественная философия. О методологии исследования // Философские науки. 2020. № 3. С. 7–41.
14. Петров В. М. «В мире круга земного...» Липецк : Липецкое издательство, 2000. 352 с.
15. Платонов А. «...Я прожил жизнь». Письма 1920–1950 гг. Москва : Астрель, 2013. 685 с.
16. Порус В. Н. Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 19–33.
17. Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина // И. А. Бунин: Pro et Contra. Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 1011 с.
18. Рощин М. Иван Бунин: Князь. Москва : Молодая гвардия, 2000. 330 с.
19. Творчество И. А. и русская литература XIX–XX веков. Белгород : издательство «Белгород», 2000. 200 с.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Т. 9. Москва : Наука, 1977. 541 с.

Reference List

1. Basinskij P. Strasti po Maksimu. Gor'kij: 9 dnei posle smerti = Passions on Mahim: Gorky: 9 days after death. Moskva : AST: Astrel', 2011. 414 s.
2. Bulgakov S. N. Chehov kak myslitel' = Chekhov as a thinker // Chehov: Pro et Contra. Tvorchestvo A. P. Chehova v russkoj mysli konca XIX – nach. XX v.: Antologija. T. 1. Sankt-Peterburg : RHGI, 2002. 1072 s. URL: <http://shhshhshh.prometeus.nsc.ru/contents/books/chekhov.ssi> (data obrashhenija: 05.06.2020)
3. Bunin I. Derevnja = Village. Moskva : Jeksmo, 2001.

4. Bunin I. Zhizn' Arsen'eva = Arsenjev's life. Moskva : Soglasie, 2000. 401 s.

5. Bunin I. Okajannye dni = Accursed days. Moskva : Izdatel'stvo «AZ##», 1991.

6. Bunin I. A. Novye materialy i issledovanija. Literaturnoe nasledstvo. Kniga pervaja. Tom 110 = Neshh materials and researches. Literature inheritance. Book one. T. 110. Moskva : IMLI RAN, 2019 g. 1184 s.

7. Bykov D. Ivan Bunin. Pojezija v proze = Ivan Bunin. Poetry in prose. URL: http://shhshhshh.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063867 (data obrashhenija: 10.06.2020)

8. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij: hudozhestvennye proizvedenija: v 25 t. T. 7 = Complete collection of shhorks: artistic shhorks. Moskva : Nauka, 1970. 687 s.

9. Marullo T. G. «Esli ty vstretish' Buddu...»: Zаметki o proze I. Bunina = «If jou meet Buddha...» Notes on prose of I. Bunin. Ekaterinburg, 2000. 252 s.

10. Majakovskij V. Polnoe sobranie stihotvorenij, poem i p'es v odnom tome = Complete collection of poems and plays in one tome. Moskva : AL'FA-KNIGA, 2011. 1327 s.

11. Neretina S. S., Nikol'skij S. A., Porus V. N. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andreshh Platonov. Moskva : Institut filosofii RAN, 2019. 236 s.

12. Nikol'skij S. A. Zhivoe i mertvov: puteshestvie Andreja Platonova po carstvu smerti = Live and dead: the trip of Andreshh Platonov in the kingdom of death // Voprosy filosofii. 2014. № 9. С. 210–220.

13. Nikol'skij S. A. Hudozhestvennaja filosofija. O metodologii issledovanija = Art philosophy. About methods of research // Filosofskie nauki. 2020. № 3. С. 7–41.

14. Petrov V. M. «V mire kruga zemnogo...» = «In the shhorld of earthe circle». Lipeck : Lipeckoe izdatel'stvo, 2000. 352 s.

15. Platonov A. «...Ja prozhil zhizn'». Pis'ma 1920–1950 gg. = «...I have lived my life». Letters from 1920–1950. Moskva : Astrel', 2013. 685 s.

16. Porus V. N. Bytie i toska: A. P. Chehov i A. P. Platonov = Being and yearning: A. P. Chekhov and A.P. Platonov // Voprosy filosofii. 2014. № 1. С. 19–33.

17. Riniker D. «Okajannye dni» kak chast' tvorcheskogo nasledija I. A. Bunina = Accursed days as a part of creative heritage of I.A. Bunin // I. A. Bunin: Pro et Contra. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001. 1011 s.

18. Roshhin M. Ivan Bunin: Knjaz' = Ivan Bunin: Prince. Moskva : Molodaja gvardija, 2000. 330 s.

19. Tvorchestvo I. A. i russkaja literatura XIX–XX vekov = The creative shhork of I.A. and Russian literature of XIX–XX c. Belgorod : izdatel'stvo «Belgorod», 2000. 200 s.

20. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : V 30 t. T. 9 = Complete collection of shhorks and letters : in 30 t., T. 9 Moskva : Nauka, 1977. 541 s.

УДК 008

А. В. Еремин

<https://orcid.org/0000-0002-4139-8962>

Советское бытие: религиозные детерминанты и образы нового времени

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Еремин А. В. Советское бытие: религиозные детерминанты и образы нового времени // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 189–194.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-189-194

Статья посвящена изучению религиозных оснований советского бытия в контексте их взаимодействия с образами новой советской эпохи. В работе обосновывается тезис о том, что цивилизационная специфика России, в основе которой находятся православные детерминанты, стала базой для построения советской ценностно-нормативной системы. Обращаясь к понятию религиозность, выдвинутому Э. Дюркгеймом, автор приходит к выводу о том, что советское общество было по своей сути религиозным, основанным на архетипических детерминантах, которые и создавали специфику советского бытия. Автор развивает идеи П. Я. Данилевского для выявления и анализа цивилизационных парадигм, прослеживает их влияние на понимание власти, общества, человека. Характеризуя цивилизационные детерминанты, существовавшие в культурной матрице советского бытия, автор сосредоточивается на особенностях православного миропонимания, доказывая мысль о том, что советские идеалы и ценности – это новый формат православных императивов, существовавших, несмотря на религиозные гонения и антицерковную политику.

Основопологающим православным императивом, определявшим историко-культурную динамику российского общества, по мнению автора, была соборность и единство общества, которое ставилось выше интересов отдельной личности. Для советского бытия этот императив стал определяющим и отразился в представлениях о коллективизме и солидарности советского народа. В работе делается вывод о том, что цивилизационные детерминанты в новых формах получили дальнейшее развитие, в особенности в период 30–40-х гг. XX в. в период культа личности И. В. Сталина.

Ключевые слова: советское бытие, религия, цивилизация, парадигма, коллективизм, соборность, православные детерминанты.

A. V. Eremin

Soviet being: religious determinants and images of modern times

The article is devoted to the study of the religious foundations of Soviet life in the context of their interaction with the images of the new Soviet era. The paper substantiates the thesis that the civilizational specificity of Russia, which is based on Orthodox determinants, has become the basis for building the Soviet value-normative system. Turning to the concept of religiosity put forward by E. Durkheim, the author comes to the conclusion that Soviet society was inherently religious, based on archetypal determinants, which created the specificity of Soviet being. The author develops the ideas of P.Ya. Danilevsky to identify and analyze civilizational paradigms, traces their influence on the understanding of power, society, and man. Characterizing the civilizational determinants that existed in the cultural matrix of Soviet being, the author focuses on the peculiarities of the Orthodox world outlook, proving the idea that Soviet ideals and values are a new format of Orthodox imperatives that existed despite religious persecution and anti-church policies. The fundamental Orthodox imperative that determined the historical and cultural dynamics of Russian society, according to the author, was the conciliarity and unity of society, which was placed above the interests of the individual. For Soviet being, this imperative became decisive and was reflected in the ideas of collectivism and solidarity of the Soviet people. The paper concludes that civilizational determinants in new forms were further developed, especially in the period of 30–40s. XX century during the cult of personality I.V. Stalin.

Key words: soviet life, religion, civilization, paradigm, collectivism, conciliarity, Orthodox determinants.

После революционных потрясений 1917 г. и установления в России советской власти, в истории российского общества начинается период, в котором формировались новые реалии жизни, но-

© Еремин А. В., 2020

вые контуры бытия. Советское бытие – уникальный тип бытия, основу которого составили не только новые образы, ценности, принципы и правила существования, пропагандируемые и устанавливающиеся с помощью государственного аппарата, но и архетипические константы, веками являющиеся императивами общественного сознания. Мы полагаем, что природу советского бытия стоит искать в цивилизационных парадигмах, формировавшихся в лоне религиозного мировосприятия людей. Россия как страна – цивилизация (О. Шпенглер [Шпенглер, 2019]), обладающая присущей её уникальными свойствами культуры, приняла новые формы, придав им религиозный смысл. После распада российской империи, несмотря на развитие революционных тенденций, российское общество по большей части оставалась традиционным и патриархальным. Такие императивы, как богоизбранность власти, религиозный и имперский мессианизм, представления о святой Руси и святом народе, императив соборности находят воплощения в новых формах культуры личности вождей, образах коммунистического будущего (рая на земле), ценностях коллективизма и др.

Положению верующих и Церкви в советский период были посвящены работы историков: Д. В. Поспеловского [Поспеловский, 1995], С. Л. Фирсова [Фирсов, 2014], М. И. Одинцова [Одинцов, 2002], М. В. Шкаровский [Шкаровский, 2010] и др. Но спектр работ, который поднимает проблему взаимосвязи религиозных образов, цивилизационной специфики и советского бытия крайне узок. В 20–30-ые гг. XX века мысль о взаимосвязи религии и марксистской идеологии в советском государстве высказывали евразийцы – Л. П. Карсавин [Карсавин, 1993], П. П. Сувчинский [Сувчинский, 1923], Н. В. Устрялов [Устрялов, 2020]. Подобной позиции придерживались Дж. Кейнс [Кейнс, 1991], В. Шубарт [Шубарт, 2000]. В постсоветской России отдельные аспекты проблемы были актуализированы С. Г. Кара-Мурзой [Кара-Мурза, 2019], Р. Р. Вахитовым [Вахитов, 2014], С. В. Кортуновым [Кортунов, 2009], Е. Е. Зубковой [Зубкова, 1999]. Однако, концепт «советского бытия» (применительно к религиозной сфере) в контексте его генезиса, динамики и влияния на советское и современного общество фундаментально не исследовался [Еремин, 2013].

Важной задачей для исследователя становится выявление и изучение цивилизационных детерминант, укорененных в религиозной традиции русского общества, и понимание специфики их

влияния на формирование советского бытия как уникального цивилизационного универсума, имеющего свои основания в дореволюционной России, существующего и после распада СССР в XXI веке.

Э. Дюркгейм полагал, что уровень религиозности в обществе определяет степень его социальной солидарности. Под религиозностью в данном случае понимается система символов и ритуалов, которая воспроизводится обществом с целью социальной интеграции [Дюркгейм, 1998]. Развивая идею Э. Дюркгейма, отметим, что высокий уровень социальной солидарности, характерный для советского бытия, свидетельствовал о высоком уровне религиозности социума.

В советском обществе марксистское учение о коммунизме представляло собой псевдо-религию, которая, как и любая религия, имеет систему ритуалов, сакральных практик, нравственный кодекс, идеалы и устремления, ясную цель и правила жизни. Четкая и понятная система мироздания, в которой каждый знал свое место и предназначение, понимал важность коллективной поддержки и единства – уникальная культурная матрица, которая по сути своей была религиозной, несмотря на провозглашаемые атеистические принципы. Парадоксальность ситуации заключалась и в том, что люди воспринимали новые образы повседневности через призму православных по своей сути идеалов, что позволило власти добиться колоссальной солидарности и единства в достижении общих целей, когда каждый понимал свою роль и значение в строительстве новой жизни. В особенности это характерно для 30–40 гг. XX века, когда религиозные императивы, проявились с полной силой в условиях тоталитарного общества и культура личности.

Религиозность по Э. Дюркгейму – ценностная матрица бытия, которая свойственна любому сплоченному обществу. Для советского бытия основополагающими ценностями являлись коллективизм и солидарность – проявление религиозной детерминанты соборности, свойственной русской цивилизации.

П. Я. Данилевский полагал, что соборность (единство всего общества в контексте его прошлого, настоящего и будущего, единство смыслов и предназначения независимо от времени и событий той или иной эпохи) определяет особый мобилизационный тип общества, готовый к ответу на глобальные вызовы, к противостоянию и защите своей идентичности [Данилевский, 2020].

Характеризуя Россию, П. Я. Данилевский вы-

двигает идею о важности вызова в развитии цивилизаций (до того, как П. А. Тойнби обосновал и предложил концепцию «вызов-ответ» в своем труде «Постижение истории» [Тойнби, 2008]). Ученый полагал, что для России парадигма вызова, под которым понимались внешние угрозы, прежде всего со стороны Европы, стала важнейшим фактором, определившим её судьбу. Новые вызовы, реальные и гипотетические консолидирует общество. Так он замечает: «великая борьба, предстоящая в более или менее близком будущем русскому народу, и по правоте и святости дела, которое он должен будет защищать, и по особым свойствам его государственного строя, может и должна принять характер героический» [Данилевский, 2020].

Развивая идеи П. Я. Данилевского, заметим, что готовность к противостоянию и вызовам, создает возможности для глобальных целей и миссий, которые должны реализоваться, что в свою очередь порождает солидарность и единство. Советское бытие в этом контексте воспринимается как система существования социума, настроенного на противостояние врагу (силы империализма) и достижения особой миссии (коммунизма). Здесь усматриваются традиции идеи «Москва-третий Рим», идеи священной империи, как о «бастионе добра в борьбе со злом». Единое общество в этом контексте – это соборная Церковь – единый социальный организм, который христоцентричен по своей сути, то есть в его основе православные доминанты и представления о «Святой Руси» вне зависимости от времени и эпохи. Советское бытие было наполнено представлениями о едином пролетарском коллективе, соединенном трудовым духом и идеалами совершенного «советского человека», призванного выполнить великую миссию построения коммунизма.

Глобальные вызовы и великая миссия немалы без единства власти и общества. Власть защищает интересы людей и является путеводителем к общей цели, отсюда её сакральность. Сакрализация власти – важный императив присущий дореволюционной России, был он характерен и для советского бытия, в особенности в период культа личности Сталина.

П. Я. Данилевский отмечал важное свойство российской цивилизации – государственные интересы укоренены в основаниях нравственно-психологических и религиозных, отсюда готовность общества защищать интересы государства: «нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский

народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его государе, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном само сознательном существе» [Данилевский, 2020]. Легитимная власть – гарант самосохранения и целостности: «это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объемлющие собою всю государственную сторону его бытия, и составляют причину того, что русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем дисциплинированным энтузиазмом, волею его государя» [Данилевский, 2020].

Власть в России не воспринималась как институт, выполняющий лишь свои функции и отчитывающийся перед народом. Идеалы «общественного договора» не свойственны данному восприятию. Более того, власть в России была всегда очень персонифицирована и ассоциировалась не с отдельным институтом, а с конкретным человеком, который наделялся сакральными образами. В дореволюционный период сакральность во многом усиливалась Церковью, в советский период вождизм и культ личности культивировался через механизм пропаганды среди всех категорий населения, через систему государственного управления, которая, по сути, была вертикальной и зависела от решения вождя. Более того, как известно, власть не пренебрегала и Церковью, которая в 40-ых гг. XX века получила свободу действий. Религиозные образы и символы активно использовались И. В. Сталиным в процессе укрепления своей власти. Начало этого процесса было положено обращением И. В. Сталина к народу в связи с началом Великой Отечественной войны: «братья и сестры». Отметим, что это приносило свои плоды, так как количество верующих в 30–40-ые года оставалось большим, несмотря на пропаганду атеизма и идеалы коммунистического рая на земле. Но обращение И. В. Сталина было далеко не только к верующим, а и ко всем людям, которые продолжали жить в системе коллективного бессознательного, сформированного задолго до советского периода. Религиозные представления об обществе, власти основывались на архетипичных парадигмах русской цивилизации.

П. Я. Данилевский сравнивая Европейскую цивилизацию и русскую цивилизацию отмечал глубокую разницу в мировосприятии, несмотря на общую христианскую доминанту культуры. Разницу можно выявить во всех сферах жизни общества, что позволяет говорить о разных векторах культурно-исторической эволюции. Соборность, мобизационный характер, особая роль Церкви как духовной власти, легитимирующей власть церковную, стремление людей защищать свои ценности и свою родину, особый психологический склад – все это порождение православного мировосприятия [Данилевский, 2020].

Мы полагаем, что специфика православного мировосприятия, заложившего основы цивилизационной специфики России на разных этапах её истории, в том числе и советского бытия, лежит в плоскости православной догматики, которая была основанием формирования ценностно-нормативной системы существования многих поколений людей.

В православной традиции существовали представления о невозможности (трансцендентности) познания Бога. Рационализм изначально не мог стать определяющим фактором мировосприятия в силу соединенности царства Божия и царства земного, так как Иисус Христос являлся Богочеловеком. Цель человеческой жизни не стяжание заслуг или достижение успеха, а стяжание Духа Святого, то есть приобщение к Богу, который бытийствует в виде Святой Троицы. Человек должен уподобиться Иисусу Христу, который показал путь к спасению через внутреннее обновление и соединение природного и божественного воедино [Мейендорф]. Личностный уровень спасения, когда спасение зависит и от самого человека, переносится на уровень социальный: общество также должно быть христоцентричным. Человек меняет себя и меняет окружающий мир – эти методологические основы стали мировоззренческими принципами, на которых основывались исихастские представления о преобразовании социума. Право и долг в православной традиции не являются главными императивами. Модель человеческого общества – общение лиц животворящей Троицы, главным основанием которого является любовь, а не право.

Основополагающие детерминанты православной культуры определяли специфику восприятия людей и в период, когда Церковь перестала определять идеологическую повестку социума. Богочеловека заменил новый советский человек, который сам является Богом и творцом. В этой связи

ориентиром становится образ идеального советского человека, преобразующего себя и мир, живущего общественными идеалами, на место единой соборной Церкви претендует обновленное советское общество.

В православном мирозерцании человек проявляет свою подлинную природу не в повседневной материальной, временной жизни, а в бытии, обновленном во Христе через причастность к единой Церкви, которая соединяет Бога и человека. Церковь воспринимается как духовная реальность, объединяющая людей друг с другом и с Богом по законам любви.

Советское бытие в этом контексте характеризуется как бытие, в котором на первый план выходят цели и образы будущей жизни и мироустройства. Человек построит его сам, изменяя себя и окружающий мир, поэтому людей объединяет общая цель и братство в идее, которая возносится в ранг религии.

Социальное бытие в православной традиции неразрывно связано с Богом, оно является местом борьбы добра со злом, а критерии благополучия – нравственные принципы, любовь и Божественная благодать, а не светский закон. Социальная этика православия основывается на жертвенности, служении ближнему, смирении, а не на идеалах личной свободы и творческого начала. Социальная действительность воспринимается по образу Церкви, вследствие чего правитель мыслится как помазанник Божий.

Такие религиозные детерминанты определяют специфику советского бытия в контексте невыраженности материальных ценностей и ценностей частной собственности, в неразвитости активной политической культуры, так как личная свобода ставится ниже коллективных ценностей, закон и право уступают по значимости коллективному контролю и общественной морали.

Миссия правителя в православном мирозерцании – обеспечить существование христоцентричного общества, в советском бытии этот императив проявляется в миссии вождя по построению коммунизма. Находим мы в советском бытии и императив православной традиции, согласно которому правитель ответственен за поданных перед Богом, а не перед людьми (западная религиозная традиция), а власть – это не сила превосходства, а, прежде всего, бремя служения. Вождь в советском бытии отвечает не за благополучие людей, а за достижение общественных идеалов, его деятельность легитимизируется ценностями и образами будущего, ради которых ему дается

народом право употребления власти, в том числе использования силы.

Коллективизм и солидарность укореняются в православных детерминантах, согласно которым христианское благочестие в индивидуальном контексте (индивидуальное восхождение к Богу через достижение святости) существует вместе с убеждением о необходимости соборного единства христианского исповедания. Соборность социального бытия, обоснованная В. Соловьевым в концепции «всеединства» [Соловьев, 1994], предполагает такое сосуществование людей, в котором каждый не мыслит себя вне целого, которое является единством свободных личностей, поэтому общество и личность должны служить друг другу на основе идеалов христианской (православной) солидарности, государство выполняет функции обеспечения соборной жизни на основе православной солидарности, оно есть средство для установления божественного порядка в грешном и хаотичном мире.

Православное мировосприятие онтологически ориентировано на христианское социальное бытие и защиту православных ценностей, а это в свою очередь является проявлением бинарной оппозиции «вызов-ответ» [Сувчинский, 1923], что свойственно и для советского бытия.

Таким образом, религиозные представления, укорененные в православной догматике и мировосприятии, являющиеся основанием цивилизационной специфики российского общества, определяли и специфику советского бытия. Они нашли выражение в новых образах, восприятии власти, общества, человека. Парадоксальность генезиса советского бытия в том, что оно, несмотря на идеологизацию и антирелигиозную пропаганду, воспроизводило религиозные детерминанты и, более того, усиливало их через новые культурные формы.

Библиографический список

1. Вахитов Р. Р. Диалектика тоталитаризма. Опыт исследования тоталитаризма с точки зрения социальной философии платонизма. Уфа : Гилем, 2014. 98 с.
2. Данилевский Н. Я. Борьба // Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/16.html> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Данилевский Н. Я. Почему Европа враждебна России? // Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/02.html> (дата обращения: 18.07.2020).
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Москва : Антология, 1998. С. 174–230.
6. Еремин, А. В. Периодизация современной истории государственно-церковных отношений: исторический дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. 1. С. 48–51.
7. Еремин, А. В. Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в современной России : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. 231 с.
8. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. Москва : РОССПЭН, 1999. 229 с.
9. Иоанн Мейендорф, прот. Значение реформации как событие в истории христианства / «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/ (дата обращения: 14.07.2020).
10. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. Москва : Родина, 2019. 1280 с.
11. Карсавин Л. П. Сочинения. Москва : «Раритет», 1993. 496 с.
12. Кейнс Д. Беглый взгляд на Россию / Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент: сайт. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/441/927/1216/19Kejns_Beglyj_vzglyad.pdf (дата обращения: 14.07.2020).
13. Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. Москва : Аспект Пресс, 2009. 591 с.
14. Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. Москва : Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии, 2002. 312 с.
15. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. Москва : Республика, 1995. 510 с.
16. Соловьев В. С. О христианском единстве. Москва : Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 1994. 95 с.
17. Сувчинский П. П. Инобытие русской религиозности // Евразийский временник. Книга третья. Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1923. С. 81–106.
18. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Москва : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
19. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех / Электронная библиотека TheLib: сайт. URL: https://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/patriotica-read.html (дата обращения: 14.07.2020).
20. Фирсов С. Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 - нач. 1940-х гг.: очерки истории. Москва : ПСТГУ, 2014. 474 с.
21. Шкаровский М. В. Русская Православная

Церковь в XX веке. Москва : Лепта, 2010. 480 с.

22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. Москва : Попурри, 2019. 704 с.

23. Шубарт, В. «Европа и душа Востока». Москва : Русская идея, 2000. 443 с.

Reference List

1. Vahitov R. R. Dialektika totalitarizma. Opyt issledovaniya totalitarizma s točki zreniya social'noj filosofii platonizma = Dialectics of totalitarianism from the viewpoint of social philosophy of Platonism. Ufa : Gilem, 2014. 98 s.

2. Danilevskij N. Ja. Bor'ba = Struggle // Rossiya i Evropa / Biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/16.html> (data obrashhenija: 15.05.2020).

3. Danilevskij N. Ja. Pochemu Evropa vrazhdebna Rossii? = Why is Europe hostile to Russia? // Rossiya i Evropa / Biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/02.html> (data obrashhenija: 18.07.2020).

4. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa = Russia and Europe / biblioteka «Vehi»: sajt. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html> (data obrashhenija: 15.05.2020).

5. Djurkgejm Je. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemisticheskaja sistema v Avstralii = Elementary forms of religious life, totemistic system of Australia // Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija. Moskva : Antologija, 1998. S. 174–230.

6. Eremin, A. V. Periodizacija sovremennoj istorii gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij: istoricheskij diskurs = Periodization of modern history of state-church relations: historical discourse. Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2013. № 2. T. 1. S. 48–51.

7. Eremin, A. V. Formirovanie social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v sovremennoj Rossii = The formation of social concept of Russian Orthodox Church in modern Russia : monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaG-PU, 2010. 231 s.

8. Zubkova E. Ju. Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 = After war Soviet society : policy and every day life. Moskva : ROSSPJeN, 1999. 229 s.

9. Ioann Mejendorf, prot. Znachenie reformacii kak sobytie v istorii hristianstva = The meaning of reformation as an event in the history of Christianity / «Azbyka very». URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-](https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/)

[reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/](https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/znachenie-reformatsii-kak-sobytiya-v-istorii-hristianstva/) (data obrashhenija: 14.07.2020).

10. Kara-Murza, S. G. Sovetskaja civilizacija = Soviet civilization. Moskva : Rodina, 2019. 1280 s.

11. Karsavin L. P. Sochinenija = Works. Moskva : «Raritet», 1993. 496 s.

12. Kejns D. Beglyj vzgljad na Rossiju = A glance on Russia / Federal'nyj obrazovatel'nyj portal. Jekonomika. Sociologija. Menedzhmet: sajt. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/441/927/1216/19Kejns_Beglyj_vzglyad.pdf (data obrashhenija: 14.07.2020).

13. Kortunov S. V. Nacional'naja identičnost': postizhenie smysla = National identity: comprehending the meaning. Moskva : Aspekt Press, 2009. 591 s.

14. Odincov M. I. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v HH veke: istorija, vzaimootnoshenija s gosudarstvom i obshhestvom = Russian Orthodox church in the XX c.: history, relationships with the state and society. Moskva : Central'nyj dom duhovnogo nasledija, Ob#edinenie issledovatelej religii, 2002. 312 s.

15. Pospelovskij D. V. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v HH veke = Russian Orthodox church in the XX c. Moskva : Respublika, 1995. 510 s.

16. Solov'ev V. S. O hristianskom edinstve = About christian unity. Moskva : Vserossijskaja gosudarstvennaja biblioteka inostrannoju literatury im. M. I. Rudomino, 1994. 95 s.

17. Suvchinskij P. P. Inobytie russkoj religioznosti = Other being of Russian religiosity // Evrazijskij vremennik. Kniga tret'ja. Berlin: Evraz. knigoizd-vo, 1923. S. 81–106.

18. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii = Comprehending the history. Moskva : Ajris-Press, 2008. 521 s.

19. Ustrjalov N. V. Patriotisa // Smena veh / Jelektronnaja biblioteka TheLib: sajt. URL: https://thelib.ru/books/ustrjalov_nikolay/patriotica-read.html (data obrashhenija: 14.07.2020).

20. Firsov S. L. «Vlast' i ogon'»: Cerkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nach. 1940-h gg.: ocherki istorii = «Power and fire»: Church and Soviet state :1918 – beg. 1940-s: historical essays. Moskva : PSTGU, 2014. 474 s.

21. Shkarovskij M. V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke = Russian Orthodox Church in XX c. Moskva : Lepta, 2010. 480 s.

22. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy = Sunset of Europe. Essays of world history morphology. T. 2. World historical perspectives. Moskva : Popurri, 2019. 704 s.

23. Shubart, V. «Evropa i dusha Vostoka» = «Europe and soul of the East». Moskva : Russkaja ideja, 2000. 443 s.

УДК 008

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

**Ожидание и страх: философско-антропологические предвестия
российских трансформаций XX века**

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20–68–46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Злотникова Т. С. Ожидание и страх: философско-антропологические предвестия российских трансформаций XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 195–202.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-195-202

В статье ставится вопрос о предвидении моральных и интеллектуальных, эстетических и политических коллизий, которые могли наступить после ожидавшихся на рубеже XIX–XX вв. перемен. Философско-антропологическая парадигма предреволюционной эпохи определяется через метафоры и концепты, привлекавшие внимание русских философов, представителей сферы художественного творчества: «ожидание» (перемен, новых людей и явлений) и «страх» (перед изменениями, неизвестностью). Для анализа выбраны суждения выдающихся философов, открывших для современников бытийные вопросы и связанную с ними экзистенциальную проблематику переходной эпохи: В. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева. У В. Соловьева проблематика ожидания связана с одиночеством человека перед лицом глобального разлада. Обращено внимание на понятие «симптом конца», на внимание к понятиям кризиса и катастрофы. Одиночество испытывает интеллигент в ожидании изменений, возможно, разрушительных, поэтому ожидание как контекст одиночества перерастает в ужас. У В. Розанова подчеркнута тенденция дистанцирования по отношению к миру, Европе, современникам и классикам в России. В философских и публицистических работах Розанова будущее вообще не обсуждается из-за невозможности его конструирования; прошлое же, которое могло бы стать прибежищем представлений о гармонии и достоинстве жизни, вызывает у философа отношение подчас еще более негативное, чем современность. На примере великих творцов – А. Чехова, В. Мейерхольда, В. Комиссаржевской и других современников Н. Бердяева – показано психоэмоциональное напряжение от наступавшего кризиса, ужас в ожидании наступавшего будущего. У Бердяева органично возникает вопрос границы между тоской и другими состояниями (скука, ужас, ощущение пустоты), причем граница носит экзистенциальный характер.

Ключевые слова: философско-антропологические предвестия, будущее, ожидание, страх, В. Соловьев, В. Розанов, Н. Бердяев

Zlotnikova T. S.

**Expectation and fear: philosophical and anthropological presages of russian transformations
of the twentieth century**

The article raises the question of foreseeing moral and intellectual, aesthetic and political collisions that could occur after the expected changes at the turn of the XIX–XX centuries. The philosophical and anthropological paradigm of the pre-revolutionary era is defined through metaphors and concepts that attracted the attention of Russian philosophers, representatives of the sphere of artistic creativity: «expectation» (of changes, new people and phenomena) and «fear» (of changes, the unknown). For the analysis, we selected the judgments of prominent philosophers who discovered existential issues and related existential problems of the transition era for their contemporaries: V. Solovyov, V. Rozanov and N. Berdyaev. In V. Solovyov, the problem of waiting is related to the loneliness of a person in the face of global discord. Attention is drawn to the concept of «symptom of the end», to the concepts of crisis and disaster. Loneliness is experienced by the intellectual in anticipation of changes, possibly destructive, so the expectation as a context of loneliness turns into horror. V. Rozanov emphasized the tendency to distance himself from the world, Europe, contemporaries and classics in Russia. In Rozanov's philosophical and journalistic works, the future is not discussed at all because it is impossible to construct it; the past, which might have been the refuge of ideas about the harmony and dignity of life, causes the philosopher's attitude is sometimes even more negative than the present. On the example of the great creators – A. Chekhov, V. Meyerhold, V. Komissarzhevskaya and other contemporaries of N. Berdyaev, the psychoemotional tension from the coming crisis, the horror in anticipation of the coming future is shown. Berdyaev

© Злотникова Т. С., 2020

organically raises the question of the border between longing and other conditions (boredom, horror, a sense of emptiness), and the border is existential.

Key words: Philosophical and anthropological presages, future, expectation, fear, V. Solovyov, V. Rozanov, N. Berdyayev.

Перед русской культурой с настоятельностью и неуклонной повторяемостью, как в конце XIX века, так и в конце века XX и в начале XXI выростала дилемма. Русские философы по-разному рефлексировали, именовали, но особенно остро ощущали эту дилемму в преддверии внятно заметных преобразований. Варианты виделись такими.

Либо – остаться во власти «атомизма» как прямого результата движения цивилизации, когда в жизни и культуре торжествуют «отдельный эгоистический интерес, случайный факт, мелкая подробность» [Соловьев, 1988, с. 163]; это – согласно размышлениям В. Соловьева. Либо согласиться ли с той «элементаризацией», которая «лишь представляется сложной», что обычно происходит «на вершинах цивилизации» [Бердяев, 1990, с. 280]; это – в логике опасений Н. Бердяева. Либо сетовать на культуру, являющую картину разложения общества и при этом не дающую ответа на вопрос «А разве не страшно жить в разлагающемся обществе?» [Розанов, 1994, с. 195]; это – в соответствии с вечным недовольством В. Розанова.

Порядок «представления» философов, представленный ниже, соответствует не значению их или иной иерархии, и не датам их рождения, а времени ухода из жизни и, соответственно, времени встречи и прощания с признаками наступающих изменений. Если В. Соловьев уходит из жизни буквально на рубеже эпох, а не просто веков – в 1900 году, а В. Розанов, который был всего на 3 года моложе его, – в самом начале нового, советского бытия, когда ожидания, в том числе и негативные, только начинали воплощаться, в 1919 году, то Н. Бердяев, который был почти на 20 лет моложе Соловьева и более чем на 15 лет моложе Розанова, прожил жизнь значительно более долгую, чем двое других философов (до 1948 года), застав три десятилетия развития советского бытия, хотя и на далеком от него расстоянии.

В. С. Соловьев

Среди набора понятий, терминов и метафор, характерного для конца позапрошлого века, с его ожиданиями и страхами, доминирующее место принадлежит понятию (и состоянию), названному *одиночество*. Последнее является глобальным

следствием не просто конкретной социально-психологической ситуации, но неумолимого движения самой жизни, недаром притча об одиночестве венчает сочинение В. Соловьева с симптоматичным названием «Тайна прогресса». Охотника, заблудившегося в лесу, преследует ощущение безвыходности его «блужданий» (что напоминает знаменитую символистскую метафору пребывания на одиноком острове в пьесе М. Метерлинка «Слепые»): «одиночество, томление, гибель» [Соловьев, 1988, с. 556]. Одиночество испытывает интеллект в ожидании изменений, вполне возможно, разрушительных, поэтому ожидание как контекст одиночества перерастает в ужас.

Эмоциональная окраска, характеризующая ожидание наступившего или, по крайней мере, наступающего кризиса, достаточно явственно отличает существование младших современников В. Соловьева, на которых он оказал мощное влияние (от А. Блока и Д. Мережковского до А. Белого и В. Мейерхольда, рожденных) от настроения тех, кто был постарше примерно на 20 лет. Одно несомненно роднит старших и младших при всех нюансах их конкретного отношения к происходящему: они видят как наличие, так и «симптомы конца» (В. Соловьев) и считают характерным наступление *fin de siecle* (А. Бенуа) [Бенуа, 1990, с. 47].

В переходный, ощущаемый еще и как переломный период жизни трансформируется и картина мира, и нравственная парадигма искусства. Не только в России, но и в Европе, хотя везде по-своему, доминирующее качество обретает *эстетика разлада*, противопоставляемого созиданию. Как заметил В. Соловьев, «прежнее искусство отвлекало человека от... тьмы и злобы... и развлекало его своими светлыми образами; теперешнее искусство, напротив, привлекает человека к тьме и злобе житейской»; однако, человек своего поколения, В. Соловьев стремится уравновесить ожидание, равное страху, надеждой, пусть в самом ее эфемерном качестве: «... с неясным иногда желанием просветить эту тьму, умирить эту злобу...» [Соловьев, 1988, с. 293].

Старший из тех, кто давал философское осмысление *коллизий ожидания*, В. Соловьев вырабатывает особую лексику. Напомним, что именно он произносит пророческое словосочетание «*симптом конца*», соотнося *конец* с темпом прогресса, который затем сначала ощутят, а после сделают предметом анализа его младшие современники. С другой стороны, сама способность ощущать «симптомы конца» для него, по-видимому, связана с возрастными характеристиками тех, по чьему адресу он слегка иронизирует: «Зрение ли у меня туманится от старости, – говорит у него Политик, – или в природе что-нибудь делается?..» «А я вот – вторит ему Дама, – с прошлого года стала тоже замечать, и не только в воздухе, но и в душе: и здесь нет «полной ясности»... Все какая-то тревога и как будто предчувствие какое-то зловещее». Еще один собеседник, Генерал констатирует, принимая сознаваемое как естественное, а не просто неизбежное: «Что мы стареем – это несомненно; и земля ведь тоже не молодеет...» Для него логически достигнутым состоянием является «... какое-то обоюдное утомление» [Соловьев, 1988, с. 705, 735].

Младшие современники В. Соловьева, предощущая неведомое и неизбежное, воспринимая его как трагически разворачивающееся будущее, испытывают ужас, но гордятся своей причастностью к Неизбежному Трагическому. Философствующий писатель, как это было характерно для многих русских творцов, А. Белый словно вторит участникам эпического соловьевского диалога; для него рядом с людьми, которые не чувствуют «перемен погоды», «руководствуются зрением» и, не взяв с собой зонта при безоблачном горизонте, «возвращаются промокшими», – есть другие, у которых к непогоде «свербит поясница». Нагнетая ужас и варьируя атмосферу метерлинковских диалогов-кошмаров, А. Белый строит полилог между старшими, кого он называет «детьми конца», и младшими – «детьми рубежа». Состояние ожидания, неопределенности и страха перед наступлением неизведанного определяется для младших современников В. Соловьева границей не только между двумя эпохами, но и между двумя мирами – зримым и мыслимым, потому на словно и не существующие раздражители реагируют особые «измерительные приборы» – «органы чувств» [Белый, 1989, с. 47].

Темой размышлений философов и темой художественного творчества практически всех

«детей рубежа» становится *одиночество*. Так было с прожившим 40 лет в новом веке В. Мейерхольдом, характернейшей персоной из «младших» по отношению к В. Соловьеву. В творчестве режиссера эта тема проступает постоянно и разнообразно: он играл в знаменитой постановке Художественного театра Иоганнеса, героя пьесы Г. Гауптмана «Одинокие», по поводу именно этой роли А. П. Чехов слал Мейерхольду свои рассуждения о нервности современного человека. Сам же В. Мейерхольд в единый логический ряд ставил «одинокого» Иоганнеса и чеховских персонажей, сыгранных им до и после этой роли: «В драме Треплева, Иоганнеса и Тузенбаха много моего, особенно в Треплеве...» [Мейерхольд, 1968, с. 77].

Одиночество, сумрак, страсть, естественно, запретная, предстает в художественном творчестве младших современников В. Соловьева в неощутимо-текучем качестве. Это отмечают не только поэты, режиссеры и актеры, литературные и театральные критики – отмечают психиатры. Опираясь на впечатления коллеги, З. Фрейд анализировал образ действий великой итальянской актрисы, Э. Дузе, современницы В. Комиссаржевской (которая в своих ролях и в своих эпистолярных текстах одиночество и ужас воплощала многократно). Психиатр отмечает симптоматические действия, когда в обыденном жесте содержится представление о том, «из каких глубоких источников идет ее игра». Всего-то и действий: «Погруженная в мысли... она играет обручальным кольцом на пальце, снимает его, надевает вновь и опять снимает» [Фрейд, 1989, с. 280]. Анализ действий, производимый психиатром, убедительно соотносится в своей антропологической специфичности с конкретикой художественных фактов, представляемых критиком. Говоря о той же Э. Дузе как об образце «гениальной неврастении» и сравнивая с другими актрисами рубежа веков, критик произносит точную формулу, в которой можно увидеть ключевое понятие эпохи; «какое материальное вознаграждение, – пишет он, – может восполнить убыль души?» [Кугель, 1967, с. 315].

Таким образом, современниками В. Соловьева, в точном соответствии с его идеями, хотя часто и без ссылок на них, *убыль души* воспринимается как непосредственное проявление *кризиса* и *катастрофы*, как источник *ужаса*.

В. В. Розанов.

Казалось бы, не слишком стремившийся к интеграции в физическом и духовном смыслах, Ро-

занов с Европой, что называется, соотносился. Будучи в Европе, он, человек тончайшей психологической организации, мог играть в европейские игры, записывая в вагоне поезда «Эйдукунен – Берлин» рассуждения о старости и молодости, покое и усилиях [Розанов, 1990, с. 503]. При этом европеизм своего великого современника В. Соловьева осуждал, ставя ему в упрек недостаток «русского духа», «русского тепла» [Розанов, 1995, ч. 1, с. 231]. И радовался (в речи на панихиде) его приближению на закате жизни к сердцу России – заметим, в прямом и переносном смысле, – тому, что Соловьев скидывал с себя явно европейские «мантию философа, арлекинаду публициста», готовый облачиться в русскую «схиму» [Розанов, 1992, с. 369–370].

Соблюдая лично им установленную дистанцию с миром, Розанов недаром называет одно из своих творений «Уединенное». Вот та грань, на которой строились парадоксы личности Розанова: жизнь (грязная, низкая – или, напротив, неожиданно прекрасная) и мыслимый ее образ, который вовсе не обязательно, как у многих русских философов, простирается в будущее, возможно – в несуществующую и неосуществимую ирреальность. С ним играть ловчее, удобнее, он компактен и подвластен. А «сверхъестественная интуиция» позволяет сыграть с вымыслом, не замечая его эфемерности. Говоря о зрелом Розанове, Д. Мережковский изумлялся тому, как «без всякой внешней учености», только по наблюдениям (Библия, памятники Древнего Востока) мыслитель воссоздал египетский и иудейский мир [Розанов, 1995, ч. 1, с. 401]. Но именно эта интуиция, позволявшая строить интеллектуальные дома на песке, поразила сослуживцев Розанова еще в его молодости: в философском сочинении «О понимании» «... не было цитат и ссылок на философическую литературу». Провинциальные Беликовы и Медведенки не догадывались о способности странного коллеги к редкостной, свободной игре ума – им легче было предположить, что автор «списал эти сотни страниц из каких-нибудь книг...» [Розанов, 1995, ч. 1, с. 94].

Мысленно составленный Розановым «список» негативно воспринимаемых персон, принадлежащих разным эпохам и национальностям, определенно соответствует его мироотрицанию (что можно сказать по аналогии с мировосприятием) и характерно продолжается в перечислении друга и биографа, А. Измайлова. Согласно интерпретации

биографа, негативно оцениваются и вставшие в буффонаду декабристы, и превозносимый прежде Некрасов, который теперь рассматривается как погубитель тысяч юношей, и ругающийся вице-губернатор Салтыков, а заодно и Тургенев с его письмами к Виардо. Достается – буквально на уровне неукротимой, захлебывающейся от энтузиазма брани – Спенсеру («лошадиная голова»), а также Дарвину, которому «даже честь происходить от умной обезьяны» [Розанов, 1995, ч. 2, с. 95].

Розанова раздражает современность, вызывая у него едва ли не презрение; будущее он вообще не обсуждает, «благоразумно» предполагая невозможность конструирования; прошлое, которое могло бы стать прибежищем представлений о гармонии и достоинстве жизни, вызывает отношение подчас еще более негативное, чем современность.

Своего рода альтернативой неприемлемой современности и вызывающему страх и опасения будущему был для Розанова уход в сторону от конкретной жизни: в игру. Как ни покажется странным, игра была присуща натуре Розанова в высшей степени, так же, как натуре его немецкого alter ego, в честь которого его издавна называли «русским Ницше». Правда, биографы производили это сравнение своеобразным, психоэмоциональным признакам – к примеру, по «неустанному кипению мыслей, вихрю дум, углублений, подмечаний» [Розанов, 1995, ч. 2, с. 96]. Думается, подпись Розанова могла бы оказаться под таким «стишком» Ницше:

Сияясь скрыть избранность Божью,
Корчишь чертову ты рожу.
И кощунствуешь с лихвой.
Дьявол вылитый! И все же
Из-под век глядит святой! [Ницше, 1997, с. 335].

Как известно, для самого Розанова Ницше был своего рода эталоном; и если ему нужно было вознести себя как мыслителя в сонм бесспорных авторитетов, то он гордился, что «по сложности и количеству мыслей» оказывается первым, обойдя Ницше и Леонтьева [Розанов, 1995, ч. 2, с. 240].

Розанов искал своего рода «зеркала» нелюбимого мира, заведомо искажающие то, что в них должно было отразиться. Обращаясь к персоналиям, отметил: он отвергал В. Соловьева и почитал А. Суворина. Приближал Д. Мережковского и отталкивался от А. Чехова, особо отметим – восхищался стихами К. Победоносцева.

Философ издевается над Л. Толстым, Салты-

ковым-Щедриным, то похваливая, то низвергая Некрасова, отрицая символистов, ни о ком из *поэтов*, кроме разве что Пушкина, не писал Розанов так нежно, ласково и элегично, как о человеке, 25 лет исполнявшем обязанности обер-прокурора Синода. Он радуется ниспровержению нищестанства Победоносцевым (отметим особо это у Розанова – «русского Ницше»), Розанов воспекает книгу, полную «явного или тайного вздоха». И сам словно бы вздыхает, сетуя на то, что «невозможно без волнения прочесть эти строки в ней...»

Немало странностей, связанных с ожиданием перемен, можно заметить в построении Розановым своеобразной культурной «оси», на которой располагается прекрасное, но подчас ненавистное прошлое, отвратительное настоящее и пугающее будущее. Так, странными для язвительного Розанова выглядят восторги то ли прозревающего будущего, то ли отказывающегося от настоящего Розанова, который приводит из Победоносцева три четверостишия, где, «срывая с дерева засохшие листья, Вы не разбудите заснувшую природу», где затем «В засохших соках жизнь и сила разольется» и где в старом листе «новой поросли готовится назем». Это не опечатка [Розанов, 1990, с. 360].

Особой странностью, наличие которой если не объясняет, то обозначает отношение Розанова к будущему, отличается отношение Розанова к Суворину. Это отношение существует вне рациональной, общекультурной логики, характеризуя почтение честолюбивого и измученного потребностью выбраться из провинции не-интеллигента к человеку, который олицетворял для него не просто столицу и не просто успех, но: во-первых, сам был выходцем из провинции и, во-вторых, дал место для воплощения его литературных потенций. Этот последний аспект дополнялся, однако, для Розанова особым смыслом. При таком психоэмоциональном «окрасе» становится понятным, объяснимым и даже необходимым наличие вызывающего солидарные чувства у Розанова «черного гнева на врага России» у доброго, мягкого, уступчивого Суворина, каким его видит Розанов, [Розанов, 1992, с. 23].

По всей видимости, душевно нежное отношение в особой степени Розанов испытывал к двум людям – носителям классических традиций русской культуры: М. В. Ломоносову (бедняку-провинциалу, освятившему своим гением русскую историю) и А. В. Суворину. При всей несопоставимости этих фигур для стороннего взгляда, Розанову иной раз казалось недостаточно весомым для характеристики Суворина даже сравне-

ние с Ломоносовым, и тогда он говорил еще и о Новикове, подчеркивая объем сделанного Суворинным «статьями, газетою, бесчисленными изданиями полезных книг» [Розанов, 1992, с. 37]. Земляк (и Розанов, и Суворин – из-под Воронежа), Розанов с ласковой грустью, как о собственном прошлом, писал «о крошечной крестьянской избе, крытой соломой, где родился Суворин», о том, «как он пришел из Воронежского городка на север, вовсе безвестный, вовсе маленький» [Розанов, 1992, с. 37].

Наконец, следует особо сказать о наступившем и недолго сопутствовавшем Розанову советском бытии. Мы уже упоминали о том, что понимание и неприятие будущего как органичного продолжения неприязненно воспринимаемого настоящего – характерная особенность картины мира Розанова. Его перу, незадолго до его смерти, принадлежала притча из «Апокалипсиса нашего времени». Гротеск на тему новой жизни. Известны как минимум два варианта, в которых притча пересказана.

В пересказе В. Ерофеева она сродни черному анекдоту:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историей железный занавес.

– Представление кончилось.

Публика встала.

– Пора надеть шубу и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось» [Розанов, 1990, с. 15]

В цитировании современника и биографа Розанова, писателя П. Губера, эта притча ближе к философским миниатюрам конфуцианского толка:

Интеллигенция и Революция.

Полюбовавшись вдоволь на это ужасное зрелище, мы сказали: – Теперь наденем шубы и пойдем домой. Но оказалось, что шубы украдены и дома заняты» [Розанов, 1995, ч. 2, с. 344].

Н. А. Бердяев

Казалось бы, «младшие» представители поколения переходной эпохи должны если не радоваться приближению будущего, то, по крайней мере, принимать эту ситуацию как естественную. Однако современники Бердяева испытывали ужас в ожидании наступившего будущего как времени кризиса, они с содроганием произносили имена событий и явлений, таивших в себе потенциал ужаса.

«Когда я умру...» – как о само собой разумеющемся скором исходе говорит 36-летняя В. Ко-

миссаржевская за 10 лет до смерти [Комиссаржевская, 1964, с. 91]. «Я страдаю и думаю о самоубийстве», – признается В. Мейерхольд, сообщая, что жизнь ему представляется «продолжительным, мучительным кризисом какой-то страшной затяжной болезни». В этом кризисе никакое будущее его не страшит; «лишь бы скорее конец, какой-нибудь конец». Мейерхольду в момент этого признания 27 лет [Мейерхольд, 1968, с. 82, 83]. В таком же, как Мейерхольд, возрасте, только не в частном письме, как тот или Комиссаржевская, но в фельетоне, написанном, правда, от первого лица, каковым тогда еще был Антоша Чехонте, издает вопль А. Чехов: «Да, я мог бы! Мог бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московский Гамлет. Тащите меня на Ваганьково!...» [Чехов, 1974–1983, с. 507].

Вздрагивающий от шагов времени, недавно начавший жить «неврастеник», видел вполне конкретные творческие проблемы, вполне конкретные произведения искусства словно бы «на фоне вечности». Недаром среди всеобщих восторгов по поводу реалистической точности «Вишневого сада» Мейерхольд убеждал Чехова в том, что его пьеса «абстрактна, как симфония Чайковского». Специфика его эмоционального восприятия пьесы соответствовала совершенно новому типу взаимоотношений с миром во всем его объеме и во всей его смертельной опасности для отдельного человека. Недаром слово «Ужас» Мейерхольд пишет с заглавной буквы: это уже не состояние, это явление. О танцах, неуместных на фоне разорения в «Вишневом саду» Чехова, он пишет: «В этом акте что-то метерлинковское, страшное» [Мейерхольд, 1968, с. 85].

Страх уже не ожидается, он присутствует, рожденный не какими-либо конкретными знаниями или явлениями, он имеет такой источник, как ожидание – ожидание перемен, которые, казалось бы, так желанны.

Альтернатива страху – гармония, так, по крайней мере, представляется, в соответствии с мировой культурной традицией. Гармония, как кажется издавна, присущая прошлому, противоречит осязаемому или наступающему трагизму настоящего и будущего. Катастрофизм конца века порождает у классически воспитанного интеллигента нелюбовь «к классицизму, который создает иллюзию совершенства в конечном...» [Бердяев, 1990, с. 36]. А эта страстная нелюбовь влечет за собой потребность найти и утвердить нечто, противоположное классической гармонии.

В мироощущении русских философов конца XIX века явственно проступают очертания обыденного страха и мистического ужаса, уходящего за грань осязаемого и вырастающего из этого осязаемого в виде эстетически осмысливаемой пошлости. Ужас и пошлость становятся своего рода масками конца XIX века.

Бердяев собирал и предъявлял в «Самопознании» коллизии, говорившие о том, что рай должен быть утрачен: «Родовое имение моего отца было продано, когда я был еще ребенком, и был куплен в Киеве дом с садом. Отец мой всегда имел тенденцию к разорению. Всю жизнь он не мог утешиться, что имение продано, и тосковал по нему» [Бердяев, 1990, с. 17]. Противопоставляя своей невеселой семье благополучную семью тетки, он, прежде всего, упоминал принадлежавшее той великолепное имение. Благополучие и имение – важные жизненные приоритеты, возможно, интегральный символ гармонии самой жизни.

В восприятии и памяти Бердяева усадьба принадлежит прошлому и связана с утратой. Потому у Бердяева видим упоминание тоски в самом широком спектре смыслов, включая тоску «по трансцендентному»; упоминание «безнадежности», «страха», который надо отличать от «ужаса» (он – драматичен), упоминание «печали» (она – лирична), а также границы между прошлым и будущим. Ощущение пограничности бытия и опасение в отношении перехода через установившиеся духовные границы – вот модальность «самопознания»: «мне казалось, что я вынесу тоску, очень мне свойственную, вынесу и ужас, но от печали, если поддамся ей, я совершенно растаю и исчезну» [Бердяев, 1990, с. 45].

Тоска и кризис не разделены границей, тоска, по Бердяеву, это эмоциональное переживание кризиса. Таким образом, кризис – понятие более широкое и объемлющее разные жизненные сферы и состояния, в отличие от тоски с ее сосредоточением в человеке и «расположением» в экзистенции пограничного пространства. Представления о возможной и желанной гармонии разрушаются реально идущей жизнью, «твердость и устойчивость» миропорядка подвергаются не только сомнению, но опровержению, рядом с «тоской» и «кризисом» появляются «катастрофы», причем именно так – во множественном числе. «Мне свойственно катастрофическое чувство жизни», – как о само собой разумеющемся сообщает Бердяев [Бердяев, 1990, с. 203].

Опыт бытия и философской аналитики начала XX века показал: между «катастрофизмом» –

сильным и ярким эмоциональным состоянием – и «тоской», состоянием сглаженным, но весьма стойким – пролегает жизненный путь человека переходной эпохи. Следует особо напомнить о том, как Бердяев записал: «Всю жизнь меня сопровождала тоска <...> Нужно делать различие между тоской и страхом, и скукой» [Бердяев, 1990, с. 45].

У Бердяева вполне органично возникает вопрос о границе между тоской, с одной стороны, и другими состояниями (скука, ужас, ощущение пустоты) – с другой. Граница носит экзистенциальный характер. В понимании Бердяева особое качество тоски, понятие которой уже есть актуализация представлений о пограничности, а представление о ней можно противопоставить сартровской «тошноте», заключается в том, что она «направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [Бердяев, 1990, с. 45]. Самое же важное, что необходимо подчеркнуть в представлении Бердяева о тоске и о чем уже упоминалось, – это набор слов-метафор, слов-знаков, которыми он сопровождает характеристику тоски: это такие слова, как *бездна*, *конфликт*, *одиночество* и, наконец, *граница*, сопровождаемые многократным упоминанием «трансцендентного».

Таким образом, можно говорить о преемственности психоэмоциональных переживаний и интеллектуальных выводов философов в предощущении изменений советского (еще неизвестного им) времени, по отношению к опыту людей, переживших переход от советского к постсоветскому бытию. Невосприимчивость предостережений, метафорически или публицистически высказанных в конце позапрошлого века, оборачивается повторяемостью ситуаций и даже судеб. Лексикон ученого конца XX века, обратившегося к публицистике, полностью воспроизводит характерный тезаурус конца прошлого века. Пограничность психоэмоционального состояния людей и атмосферы их бытия определяется и на рубеже XX–XXI веков такими понятиями, как «кризис», «неуверенность», «выбор», «тревога», «трагическая вина», а также – «страх» [Померанц, 1994], который в других версиях, рожденных в относительно отдаленном и недавнем прошлом трансформируется еще и в «ужас».

Библиографический список

1. Белый А. На рубеже двух столетий / сост., авт. предисл. А. В. Лавров. Москва : Художественная литература, 1989. 543 с.

2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания : в 5 кн. 2-е изд., доп. Москва : Наука, 1990. Т. 2. Кн. 4, 5. 743 с.

3. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Москва : Междунар. отношения, 1990. 336 с.

4. Бердяев Н. А. Судьба России / сост. и послесл. К. П. Ковалева. Москва : Советский писатель, 1990. 348 с.

5. Комиссаржевская Вера Федоровна : письма актрисы, воспоминания о ней, материалы / Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии ; ред.-сост. А. Я. Альтшуллер. Москва : Искусство, 1964. 423 с.

6. Кугель А. Р. Театральные портреты. Ленинград : Искусство, 1967. 382 с.

7. Мейерхольд, В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Часть 1: 1891–1917. Москва : Искусство, 1968. 351 с.

8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: афоризмы и изречения / пер. С. Л. Франк, К. А. Свасьян. Минск : Попурри, 1997. 704 с.

9. Померанц Г. С. Диалог наций на границе веков // Литературная газета. 1994. № 5.

10. Розанов В. Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 1, 2. Санкт-Петербург : РХГИ, 1995. 512, 576 с.

11. Розанов В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. Москва : «Патриот», 1992. 117 с.

12. Розанов В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. Москва : Искусство, 1990. 604 с.

13. Розанов В. В. Среди художников / сост., подгот. текста и вступ. ст. А. Н. Николоюкина. Москва : Республика, 1994. 493 с.

14. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения : в 2 т. / Соловьев В. С. ; сост. и общ. ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. Москва : Мысль, 1988. Т. 2. 892 с.

15. Фрейд З. Психология бессознательного : сб. произведений / сост., науч. ред., вступ. ст. М. Г. Ярошевский. Москва : Просвещение, 1989. 447 с.

16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов; АН СССР; Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького; гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Москва : Наука, 1974–1983.

Reference List

1. Belyj A. Na rubezhe dvuh stoletij = On the turn of two centuries / sost., avt. predisl. A. V. Lavrov. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 543 s.

2. Benua A. N. Moi vospominanija = My memories: v 5 kn. 2-e izd., dop. Moskva : Nauka, 1990. T. 2. Kn. 4, 5. 743 s.

3. Berdjaev N. A. Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii) = Self-cognition (the experience of philosophic autobiography) Moskva : Mezhdunar. otnoshenija, 1990. 336 s.

4. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = The destiny of Russia / poslesl. K. P. Kovaleva. Moskva : Sovetskij pisatel', 1990. 348 s.
5. Komissarzhevskaja Vera Fedorovna: pis'ma aktrisy, vospominanija o nej, materialy = Komissarzhevskaja Vera Fjodorovna : the actress's letters, memories about her, materials / Leningradskij gosudarstvennyj institut teatra, muzyki i kinematografii ; red.-sost. A. Ja. Al'tshuller. Moskva : Iskusstvo, 1964. 423 s.
6. Kugel' A. R. Teatral'nye portrety = Theatrical portraits. Leningrad : Iskusstvo, 1967. 382 s.
7. Mejerhol'd, V. Je. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy. Chast' 1: 1891–1917 = Articles. Letters. Speeches. Conversations. Part 1: 1891–1917. Moskva : Iskusstvo, 1968. 351 s.
8. Nicshe F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe; Veselaja nauka; Zlaja mudrost': aforizmy i izrechenija = Human, very human; Joyful science; Anger wisdom: aphorisms / per. S. L. Frank, K. A. Svas'jan. Minsk : Popurri, 1997. 704 s.
9. Pomeranc G. S. Dialog nacij na granice vekov = The dialog of nations on the border of centuries // Literaturnaja gazeta. 1994. № 5.
10. Rozanov V. Pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo Vasilija Rozanova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej = Pro et contra: The personality and work of Vasily Rozanov assessed by Russian thinkers and researchers : Antologija. Kn. 1, 2. Sankt-Peterburg : RHGI, 1995. 512, 576 s.
11. Rozanov V. Iz pripominanij i myslej ob A. S. Suvorine = From the recalling and thoughts of A. S. Suvarin. Moskva : «Patriot», 1992. 117 s.
12. Rozanov V. Nesovmestimye kontrasty zhitija. Literaturno-jesteticheskie raboty raznyh let = Incompatible contrasts of life. Literature-aesthetic works of different years Moskva : Iskusstvo, 1990. 604 s.
13. Rozanov V. V. Sredi hudozhnikov = Among artists / sost., podgot. teksta i vstup. st. A. N. Nikoljukina. Moskva : Respublika, 1994. 493 s.
14. Solov'ev V. S. Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii = Three conversations about war, progress and the end of all world history // Sochinenija : v 2 t. / Solov'ev V. S. ; sost. i obshh. red. A. F. Loseva i A. V. Gulygi. Moskva : Mysl', 1988. T. 2. 892 s.
15. Frejd Z. Psihologija besoznatel'nogo : sb. proizvedenij = The psychology of unconscious behaviour / sost., nauch. red., vstup. st. M. G. Jaroshevskij. Moskva : Prosveshhenie, 1989. 447 s.
16. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. = Complete collection of works and letters in 30 t. / A. P. Chehov; AN SSSR; In-t mirovoj lit. Im. A. M. Gor'kogo; gl. red. N. F. Bel'chikov. Moskva : Nauka, 1974–1983.

УДК 008

В. А. Тирахова

<https://orcid.org/0000-0003-3621-2294>

Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г.

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Тирахова В. А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 203–212. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-203-212

В статье приводится анализ мифологизации былинных образов героев и врагов, визуального пространства, сюжетов и мотивов в отечественном кино сталинского времени. Автор отмечает, что благодаря доступности сюжетов, подчас наивной, но весьма выразительной образности, обширности средств художественной выразительности, киноязык стал одним из самых востребованных метаязыков советской массовой культуры. Отечественный кинематограф 1930–1950-х гг. условно обозначен, по аналогии с содержанием воплощавшегося материала, «героическим эпосом советской культуры», не только на уровне содержания, но и формы. Трансформация уже существующих образов и введение новых образов в культурный код былинного эпоса можно интерпретировать как мифологизацию, то есть деформацию смысла, по Р. Барту, в рамках которой появление данных персонажей воспринимается зрителем как привычное и органичное. В ходе анализа фильмов С. Эйзенштейна и А. Птушко автор приходит к выводу о том, что многие былинные концепты героического, былинного эпоса легли в основу советской мифосистемы практически без изменений (образы культурного героя, чудовища, врага). Трансформации подвергается образ правителя: если в былинном эпосе правитель может выступать как антагонист героя, то в советском кино сталинского времени образ правителя явно идеализируется, зачастую посредством введения образа предателя и переноса на него вины за жестокость и ошибки правителя. Таким образом, в культурный код русской былины вписывается идеализированный образ правителя, характерный образ внутреннего врага, предателя, актуальный для идеологии и внутренней политики того времени.

Ключевые слова: мифологизация, трансформация, советская культура, советский кинематограф, советское бытие, былинный эпос, героический эпос, идеология.

V. A. Tirahova

Mythologization of the basic concepts of the heroic epic in the soviet cinema of the 1930s and 1950s

The article analyzes the mythologization of epic images of heroes and enemies, visual space, plots and motives in the domestic cinema of the Stalinist period. The author notes that due to the availability of plots, sometimes naive, but very expressive imagery, and the vastness of the means of artistic expression, the film language has become one of the most popular metalanguages of Soviet mass culture. The Russian cinema of the 1930s and 1950s is conventionally designated, by analogy with the content of the material embodied, «the heroic epic of Soviet culture», not only at the level of content, but also of form. The transformation of existing images and the introduction of new images into the cultural code of the epic can be interpreted as mythologization, that is, the deformation of meaning, according to R. Barth, in which the appearance of these characters is perceived by the viewer as familiar and organic. In the course of analyzing the films, S. The author comes to the conclusion that many epic concepts of the heroic, folk epic formed the basis of the Soviet mythosystem almost unchanged (images of the cultural hero, monster, enemy). The image of the ruler undergoes transformation, while in the folk epic the ruler can act as an antagonist of the hero, in the Soviet cinema of the Stalinist time the image of the ruler is clearly idealized, often through the introduction of the image of the traitor and the transfer of guilt for the cruelty and mistakes of the ruler to it. Thus, the cultural code of the Russian epics includes an idealized image of the ruler, a characteristic image of an internal enemy, a traitor, relevant to the ideology and internal politics of that time.

© Тирахова В. А., 2020

Key words: mythologization, transformation, Soviet culture, Soviet cinema, Soviet existence, folk epic, heroic epic, ideology.

Формирование новой имперской идеологии в ее советской версии (так называемого, сталинского времени) определило обращение многих авторов к сюжетам и образам героического, былинного эпоса, источником формирования которого, по мнению М. Е. Мелетинского были мифы, в особенности мифологические сказания о культурных героях [Мелетинский, 1980, с. 665]. Мы попытаемся проанализировать процесс мифологизации и трансформации базовых концептов героического эпоса на материале советского кинематографа. Мы предполагаем, что подобный ракурс исследования позволит расширить актуальное в современной культурологии представление о советской идеологии как мифологической системе, в первую очередь, о механизмах ее формирования и трансляции в массы.

Современные исследователи констатируют, что в целом для культуры XX века был характерен процесс ремифологизации, то есть возрождения мифологического сознания в условиях культурного кризиса, мировых войн и т.д., создания новых мифосистем, в том числе политических мифов (П. С. Гуревич [Гуревич, 1983], Е. А. Ермолин [Ермолин, 2002], Л. Г. Ионин [Ионин, 2004], Б. Малиновский [Малиновский, 1998], Е. М. Мелетинский [Мелетинский, 1976], Ж. Сорель [Сорель, 2013], М. Элиаде [Элиаде, 2000] и т.д.). Судя по многочисленным, хотя и разрозненным высказываниям исследователей, во-первых, в XX веке не было единой мифосистемы, во-вторых, мифосистемы XX века – это, в первую очередь, совокупность идеологических матриц, которые, с одной стороны, призваны управлять и влиять на массы, транслировать в массовое сознание жителей определенного государства официальную картину мира, систему ценностей, идеологических установок, в том числе и посредством искусства, пропагандистской деятельности, агитации, цензуры [Злотникова, 2014]. С другой стороны, идеологии сами являются продуктом массового сознания и мифотворчества, активизирующегося, по мнению исследователя, в первой половине XX века [Хренов, 2006, с. 303–314]. Актуализация мифа как культурфилософской формы освоения действительности и, что немаловажно, воздействия на нее обусловлена тем, что время в первой половине XX века воспринималось массовым сознанием как время мифологическое, а не историческое, то есть даже реальные события и

персоны не виделись как исторические, а интерпретировались по принципам мифологического сознания, в рамках различных мифосистем, в том числе политически детерминированных каждой новой эпохой [Хренов, 2015].

Одним из ярких примеров такой мифосистемы XX века, до сих пор представляющих социально-культурный (практический) и научный интерес, является советская имперская идеология периода 1930–1950-е гг. [Хренов, 2014, с. 404]. Сегодня стало распространенным мнение о том, что именно имперский ракурс политики И. В. Сталина определил актуализацию базовых концептов героического эпоса и обращение советских авторов к мифологическим и фольклорным образам, мотивам, сюжетам [Чеботарева, 1981, с. 158–159]. Для нас принципиальным представляется не только обратить внимание на сам факт актуализации в культуре первой половины XX века русского фольклора (героического эпоса), но и проследить трансформацию базовых концептов русского былинного эпоса в советской культуре. В связи с этим мы обращаемся к семиотическому методу исследования, разработанному Р. Бартом [Барт, 1996, с. 231–264], так как именно он позволяет раскрыть процесс мифологизации как особый знаковый механизм превращения истории в идеологию. Кратко сошлемся на идеи Р. Барта.

Любая идеология, как и миф, по Р. Барту, представляет собой вторичную семиотическую систему, в которой означившим становится знак. Таким образом, подчеркивается двойственность означиваемого в мифе, которое одновременно присутствует в двух семиотических системах, на разных языковых уровнях:

- в первичной системе на языке объекта знак – это смысл;
- на втором уровне, в рамках метаязыка, то есть языка, на котором говорят о первой системе, означивающее – это форма.

В этой концепции мифологизация – знаковый механизм, процесс деформации смысла, то есть результат взаимодействия смысла и формы, где смысл отходит на второй план. В результате мифологизации смысл и форма представляются читателю связанными естественным образом. Таким образом, любая идеология как мифологическая система является системой значимостей, которую реципиент воспринимает как систему фактов [Барт, 1996, с. 238].

Многие исследователи обращают внимание на то, что основной коммуникативной средой создания и трансляции идеологических установок в контексте мифологизации становится массовая культура. Как это представлялось и утверждалось в эпоху господства соцреализма, перед художником в новом государстве, которому впоследствии стали приписывать черты империи, стоит задача создать народное, массовое искусство, освоив язык мифа, понятный и актуальный для массы – язык образов, а не понятий [Хренов, 2015]. Одним из самых востребованных метаязыков в советской культуре сталинской эпохи стал кинематограф, так как именно киноязык отвечал всем коммуникативным принципам мифа: был доступен для масс (и с точки зрения физической доступности, и в контексте возможностей понимания образности киноязыка), к тому же имел огромное эмоциональное воздействие, погружая зрителя в мифологизированную, следовательно, условную реальность, существующую по законам имперской парадигмы. Как следует из анализа ранее предпринятых исследований и выработанных нами представлений, зачастую мифологизации в советской массовой культуре рассматриваемой эпохи подвергаются сформированные в прошлом мифологические, фольклорные и исторические образы, сюжеты, то есть, посредством советского кинематографа как метаязыка происходит трансформация традиционного мифа и утверждение новых культурных кодов советского бытия. Следовательно, для выявления специфики этих культурных кодов необходимо понять механизм мифологизации в массовом искусстве, каким по определению является кино.

Мы ранее отмечали актуализацию мифологических образов в советском киноискусстве, а также обращение советских кинорежиссеров к художественным принципам героического эпоса [Ерохина, Тирахова, 2016] и пришли к выводу, что работу отечественного кинематографа 1930–1950-х годов можно рассматривать не просто как опыт интерпретации традиционных форм мифологии, но и как попытку создать новый героический эпос, отражавший тенденции советского бытия и советской культуры; с одной стороны, это суждение опирается на факт существования имперских идеологических установок, с другой, на наличие основополагающих признаков героического эпоса, обозначенных М. М. Бахтиным [Бахтин, 1975].

Во-первых, героический эпос по М. М. Бахтину должен быть *обращен к событиям героического, абсолютного прошлого*. Советский кинемато-

граф сталинского времени зачастую воспроизводит по единому алгоритму события недавнего (досоветского) и давнего, реального исторического прошлого, а также былинные события как явления мифологического времени («Чапаев» бр. Васильевых 1934 г.: «Александр Невский» 1938 г., «Иван Грозный» 1944 г. С. Эйзенштейна, «Илья Муромец» А. Птушко 1956 г. и др.) Героический пафос изображаемого времени усиливается специальными кинематографическими средствами создания художественного пространства фильмов. Каждый режиссер создавал уникальное кинематографическое (в культурно-историческом плане – мифологическое) время и пространство.

Например, по словам Н. М. Зоркой, в изображении среды, в создании декораций, костюмов С. Эйзенштейн руководствовался принципом «реставрации». Кинокритик отмечает, что кадр его тяготеет к экзотичности, к чудной и странной древности, к затейливым стругам, к густокаменной резьбе псковских храмов, к пышно орнаментальной и зловещей тевтонской символике. Исходная культурная позиция для режиссера – уникальная, музейная вещь; в эпическом полотне Эйзенштейна создается не «бытовой», привычный глазу облик русской старины, а старина, далекая от нас, невозвратно ушедшая. [Зоркая, 1966]. Если художественное пространство фильма С. Эйзенштейна, в первую очередь, было ориентировано на историзм и, соответственно, реконструкцию, то пространство фильмов А. Птушко («Новый Гулливер» 1935 г., «Садко» 1953 г., «Каменный цветок» 1946 г., «Илья Муромец» 1956 г. и др.) тяготеет к сказочной условности. Кинорежиссер, будучи мастером анимации, снабжал актеров бутафорскими телами и масками. Причем чаще всего Птушко не только конструировал, но и изготавливал куклы и всяческие приспособления собственноручно [Спутницкая, 2020]. Несмотря на принципиальное различие в подходе к формированию художественного пространства, оба режиссера работая на Мосфильме отдельное внимание уделяли созданию декораций, для фильмов могли выстраиваться целые города. Так, для фильма А. Птушко «Илья Муромец» был создан макет Киева площадью сорок на восемь метров, а также восьмиметровые золотые ворота [Спутницкая, 2018, с. 115], в свою очередь для создания Великого Новгорода в фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» в Коломне были возведены соборы и улицы.

Во-вторых (продолжая следовать идее М. Бахтина), согласимся с тем, что героический эпос со-

держит закодированное пророчество. В каждом из обозначенных фильмов, «историческом» и «былинном», в финале герой произносит своего рода пророчество, раскрывающее силу и величие русского народа, провозглашает его единство и священность русской земли. Наиболее репрезентативен в данном контексте финал фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский», где камера берет главного героя (красавца-великана Н. Черкасова) крупным планом, герой обращается напрямую к зрителю: «... если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет – на том стоит и стоять будет Русская земля». Как известно, данный фильм, рассказывающий о победе русского войска над «немцем», предвосхитил события Великой Отечественной войны, при этом, именно в военное время картина была на пике популярности и постоянно демонстрировалась в кинотеатрах. В фильме А. Птушко «Илья Муромец» финальное обращение героя (Б. Андреев) несет не столько функции пророчества, сколько выстраивает ассоциативную связь между былинным освобождением Киева от Калина с победой в Великой Отечественной войне (дата создания – 1956 г.), тем самым мифологизируя последнюю в качестве воплощения победного духа русского народа как такового: «Не губили окаянные красен Киев-Град. Отстоял народ Русь-Землю от погибели»

Наконец (по версии М.Бахтина), эпос *повествует о героях и подвигах*. Исторические фильмы патриотического характера были наиболее востребованным жанром в советском кинематографе сталинского времени [Хренов, 2014, с. 404], в связи с этим режиссеры часто обращались и к событиям былинного эпоса, и к знаковым историческим событиям и персонам. На отражении данного признака героического эпоса в советском киноискусстве мы остановимся подробнее.

Центральным в советском кино 1930–1950-х годов, как и в героическом эпосе в целом, становится образ культурного героя. Как известно, традиционными культурными героями русского героического эпоса были богатыри, призванные защищать русскую землю и народ от врага; по Е. М. Мелетинскому, такой тип культурного героя несет особую («богатырскую») миссию охраны от чудовищ местообитания людей [Мелетинский, 1976]. Однако, помимо названной функции защиты русской земли, богатырские образы, как традиционные (былинные), так и новые (советские) вбирают в себя основные добродетели, почитаемые народной культурой, в том числе это способность к защите интересов народа. Поэтому они

часто противопоставлены не только образу врага – внешнего захватчика, но и врага внутреннего, как правило, воплощенного в образе предателя, а также – в соответствии с идеологическим запросом – представителя знати, власти или собственно правителя.

Основываясь на особенно продуктивном в данном случае названном системном подходе, мы структурно выстраиваем наш анализ советских фильмов по принципу бинарных оппозиций: герой и враг. Образы русских богатырей, князей и врагов появляются в столь разных по сюжетному материалу и стилистике, но объединенных идеей бинарности героя и врагов России фильмах, как «Александр Невский» С. Эйзенштейна 1938 г. и «Илья Муромец» А. Птушко 1956 г. На наш взгляд, в процессе исследования трансформации в кинематографе традиционных для русского героического эпоса образов и сюжетов можно обнаружить характерные культурные коды советского бытия.

Фильм Птушко является экранизацией различных сюжетов былинного эпоса о Илье Муромце, объединенном в единую сценарную композицию. Первая сцена фильма «Илья Муромец» А. Птушко 1956 г. является своего рода «зачином» и представляет сюжет смерти Святогора, одного из самых древних богатырей в фольклорной традиции, великана, обладающего невероятной силой. В фильме так же, как и в былинном эпосе, Святогор становится воплощением образа первопредка, хранителя и первого обладателя богатырской силы народа. Мощь Святогора подчеркивается в кадре противопоставлением на общем плане огромной фигуры богатыря, равной горам на заднем плане. и крошечных калек, пришедших к нему (Святогор – актер или та самая кукла, о которой Вы говорили выше?). Святогор передает им Меч-кладенец для молодого богатыря, в котором нуждается Русь. Перед обращением Святогора в камень, старый богатырь объясняет, что его не в силах сносить Мать Сыра Земля. Былинный сюжет о смерти Святогора и передаче символа его силы Илье Муромцу ведущие фольклористы интерпретируют как переход к государственному эпосу [Пропп, 1999, Балашов, 1981]. При этом мощь Святогора интерпретируется как древнейшая сила русского народа, «свободного от государственности» [Пропп, 1999, с. 76–86]. Таким образом, его гибель и переход богатырской силы к новому герою, служащему Родине и Киеву, свидетельствует о восприятии архаическим созданием, присущим народу, идеи служения как цен-

трального концепта, единого для народного эпоса и для советской идеологии. В фильме режиссер акцентирует, что Руси нужен новый герой. Обращая внимание на преемственность народной силы, которая не останавливается на Илье Муромце (в финале фильма Муромец передает меч своему сыну), мы можем прочитывать передачу оружия защиты как указание на генетическую связь силы советского народа с древней богатырской народной силой.

Несмотря на то, что героические подвиги в фильме Птушко совершает только Илья Муромец, в картине присутствуют и другие богатыри: Алеша Попович и Добрыня Никитич. Образ каждого богатыря традиционно воплощал отдельные добродетели русского народа: Добрыня отличается высоким уровнем воспитанности и образованности, мастерством владения оружием; Алеша наделен острым умом, жизнелюбием и храбростью, граничащей с безрассудством. В фильме подчеркнуты характерные черты богатырей. Например, Алеша Попович – самый младший богатырь, в исполнении С. Столярова, представлен в фильме в соответствии с амплуа героя-любовника, в первой же сцене его появления зритель видит его объясняющимся в любви Аленушке (И. Арпина). Кроме того, он наиболее резок и эмоционален: в сцене, ссоры Ильи и Владимира, именно, Алеша дает клятву не служить Владимиру и долго держит обиду на него, отказываясь возвращаться на защиту Киева. Добрыня (Г. Демин), напротив, становится воплощением мудрости и степенности, он ближе всех из богатырей к Владимиру, в первой сцене он показан как исполнитель «дипломатического» визита в Царь-Град. Выбор актеров строился на умении определить архетипичность (правильные черты лица, благообразие и мужественность) внешнего облика богатырей, изображаемых в мифологической парадигме.

Главный герой фильма Птушко – Илья Муромец, в исполнении одного из любимых актеров как публики, так и главы государства – Б. Андреева, стал воплощением надежности и земной силы, мужества, патриотизма и простоты; в своей человечности и обыденности «богатырский» типаж актера идеально совпал с актерской задачей. Илья Муромец в былинном эпосе – это русский национальный герой [Пропп, 1999, с. 249], главной целью которого является служение родной земле. Мы уже упомянули, что героические богатырские подвиги в фильме совершает только Илья Муромец, мы можем предположить, что он стал центральным героем из-за своего происхождения.

В былинном эпосе в отличие от Алеши Поповича (сын священника) и Добрыни Никитича (спорное происхождение) Илья Муромец – герой из народа, простого происхождения, на княжьем пиру к нему часто обращаются «мужик-деревенщина», в фильме его так называет Алеша при первой встрече. Впервые зритель видит крупный план героя в раме окна, композиционно граница экрана дублируется широкой рамкой окна, что посредством киноязыка подчеркивает скованность силы Ильи. На общем плане богатырь предстает перед зрителем сидя в сцене с каликами, в данном эпизоде камера снимает героя в ракурсе снизу – это один из распространенных кинематографических приемов, позволяющих визуально увеличить персонажа и подчеркнуть его масштабность и значимость. Ракурс снизу используется практически во всех сценах с участием героя, в том числе в сцене сражений.

В фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский» также есть персонажи, вобравшие в себя характерные богатырские черты, что, прежде всего выражено через «простонародные» актерские типажи: Василий Буслай (Н. Охлопков) и Гаврила Олексич (А. Абрикосов). Во многом они созвучны образам упомянутых выше былинных героев, наделенных храбростью, удалью и огромной силой, которая проявляется в сцене сражений. При этом личностно они противопоставлены друг другу, подобно былинным Алеше и Добрыне: Буслай – экспрессивен и шутив, Гаврила – напротив, спокоен и мудр. В большинстве сцен они так же, как и герой фильма Птушко, показаны в ракурсе снизу, что визуально делает их крупнее (хотя Абрикосов и особенно Охлопков не были малорослыми), во многих кадрах они нарочито «выходят за рамки экрана», таким образом создается иллюзия крупного масштаба личностей, в силу чего они «не вмещаются в границы экрана».

Образ главного героя фильма Эйзенштейна в исполнении Н. Черкасова – один из самых сложных и противоречивых из всех, нами рассмотренных. Будучи по статусу князем, в фильме он визуально подчеркнута лишен знаков княжеской власти, его образ во многом растворен в народе: он спит рядом с рыболовной сетью, одет в простую рубаху, занимается ловлей рыбы с мужиками и т.д. Однако, в сцене ожидания вестей из Новгорода, зритель видит, что герой тяготеет мирной жизнью: он разрывает рыболовную сеть мечется по избе, при этом создается ощущение, что ему тесно в ней (низкие потолки, на общем плане видим все пространство избы, по которой «мечется»

герой). Данная сцена перекликается с попыткой Ильи Муромца работать на земле в фильме Птушко, она также подчеркивает, что герой – в первую очередь, воин и неприспособлен к другому делу. Функции правителя Александр в фильме проявляет также исключительно в военном деле, при этом все равно мы говорим об образе народного правителя, полководца, сражающегося бок о бок с народом.

Главная функция былинного богатыря, как мы уже отметили, – это защита родной земли и народа от врага, чудовища. Мифологические основы советской культуры в этой функции, представленной кинематографом, актуализировались в полной мере. Образы антогонистов в обозначенных нами фильмах в рамках данного исследования представляют особый интерес. Мы попытаемся проследить эволюцию образа врага и специфику воплощения в нем образа врага как в былинном эпосе, так и в кино. Мы обращаем внимание, в первую очередь, на природу вражды героя и его антагониста, в былинке – чудовища, в исторической ленте представителя власти или предателя. По-нашему мнению, именно в этом аспекте можно выявить истоки знаковых образов советского культурного кода.

Самый древний по происхождению образ чудовища появляется в финале сражения в фильме Птушко – Змей Горыныч, вероятно генетически он связан с Змеем из былины «Добрыня и Змей», в которой чудовище воплощает древнюю силу опасных стихий [Пропп, 1999; Путилов, 1968]. Возможно, для режиссера было принципиально оставить хотя бы в намеке образ древнего чудовища, воплощающего силы стихий, тем самым увеличив представление о могуществе богатырской силы народа. Сцены со Змеем Горынычем в фильме Птушко выглядят эффектно даже на сегодняшний день, хотя спецэффектов в современном понимании там, естественно, не было: динамика смены кадров, комбинированная съемка, использование огнемёта, выжигающего землю, и сама механизированная кукла Змея Горыныча – все это, конечно, оказывало невероятное воздействие на зрителя 1950-х годов. При этом герои, вступающие в бой со Змеем, не демонстрируют ни доли страха или сомнения, выбегая из сражения на первый план и обливаясь водой, играючи побеждают древнее чудовище.

Чудовищем, на которое мы также обращаем внимание, становится Соловей-разбойник. В фильме Птушко победа над Соловьем – это первый подвиг Ильи. Образ Соловья в фильме точно

повторяет былинный, является воплощением чужого, иноземного внешнего врага, с характерными мифологическими свойствами чудовища. При этом портрет Разбойника исполнен в характерном для режиссера стиле: с помощью костюма и накладного грима создается гипертрофированный уродливый образ мохнатого антропоморфного чудовища с животной пластикой. Пространство, в котором обитает Соловей, – это безжизненные сухие деревья, на выжженной «голой» земле. В эпизодах с участием Соловья, с одной стороны, режиссер в очередной раз указывает на силу Ильи (он поднимает его одной рукой). С другой, демонизированная дикость Соловья явно противопоставлена уровню развития русской культуры, в данном противопоставлении нашла отражение знаковая для советской культуры категория «чужого» как враждебного. Такую тенденцию мы можем отметить почти во всех кинообразах внешних врагов. По тому же принципу создан образ Идолища – посла Калина-царя, приехавшего к Владимиру. При гипертрофированных размерах и гротескном портрете, он в отличие от Соловья, приобретает больше социально-антропологических черт (богатый костюм, перстни, ожерелье и т.д.). Он вбирает в себя многие человеческие пороки, порицаемые русским народом на протяжении всей истории русской культуры: обжорство, грубость, жестокость и т.д. Образ самого уродливого и странного (сыгранного узбекским актером Ш. Бурхановым) Калина-царя предстает в фильме очеловеченным, при этом в сценах в фильме он проявляет себя как жестокий и властный правитель. Режиссер подчеркивает его нечеловеческую сущность во фрагментах, где постаментом для его «трона» становятся люди, поддерживающие его на своих спинах, кроме того в сцене сражения он приказывает создать «живую» гору из своих же воинов, по телам которых он скачет верхом на коне, чтоб своими глазами видеть ход сражения. Подобное «утилитарное» использование человеческого тела, мы встречаем и в сцене встречи Александра и баскаков в фильме Эйзенштейна.

Визуальное воплощение войск как русских, так и вражеских также, на наш взгляд имеет огромное значение для выявления специфики представлений о герое и враге. В съемках фильма Птушко состоялась апробация научно-исследовательской работы художников и специалистов по комбинированным съемкам братьев Никитченко. Именно благодаря их изобретению «автоматических переключков» в эпизодах татарского нашествия появи-

лись сто тысяч всадников и материализовалась эпическая формула «от топота конского солнце померкло». Грандиозная армия, созданная на основе десяти тысяч фотографий, снималась методом многократной экспозиции, при этом светлые кони предварительно красились анилином в разные цвета [Спутницкая, 2020]. Масштабность съемочного процесса отвечала основным требованиям художественного стиля искусства сталинского времени в целом. При этом средства художественной выразительности в изображении русского войска и монгольского построены на явном противопоставлении. Сцены в тылу врага переключаются с знаменитой сценой «Пляской опричников» в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный» 1944 г., они также решены в красных, черных и золотых цветах, отличаются яркостью и динамичностью. Образ русского войска, напротив, предстает статичным, ровным строем витязей. Данное противопоставление, с одной стороны, опять же подчеркивает разницу в культурном развитии Руси и Татар, с другой стороны, сближает образ русской культуры с западной.

В фильме «Александр Невский» вражеские и русские войска изображены иначе. Если обозначенные нами ранее враги были носителями знаков восточной культуры, то в картине Эйзенштейна мы встречаем образ западного врага, на что указывают портреты персонажей (монголоидный тип лиц татар и «римские» профили рыцарей). По словам Александра Невского, немец – враг более опасный и жестокий, чем монголы, что подтверждает сцена взятия Пскова: рыцари казнят стариков, заживо сжигают женщин и детей. Образы врагов в картине сближаются с образами мифических чудовищ (птичьи лапы на шлемах, неестественная пластика и грим). При этом рыцарские образы в отличие от татар статичны, безмолвны и безлики. Им противопоставлены эмоциональные и динамичные образы русских воинов, подшучивающих друг над другом во время сражения, бьющих врага не только оружием, но и дубинами, ведрами и т.д. В данном контексте мы можем предположить, что подобное противопоставление сближает русскую культуру с восточными, при этом противопоставлены западным, что указывает на характерную философскую проблему биполярности русской культуры в целом, находящейся на грани между востоком и западом.

Особое значение в раскрытии образа героев и врагов в обеих картинах становится музыкальное решение. В обеих картинах появляются песенные композиции, стилизованные под народные песни,

сочетающиеся с особым видео рядом. Так, песня калик о бедах Святой Руси сопровождается визуальный ряд из лаконичных и емких образов: горящих городов и деревень; матери и ребенке, стоящих на выжженной земли; жестокого войска; веренице пленных русских женщин и т.д. Именно, эта песня поднимает Илью на ноги. В фильме Эйзенштейна знаковой становится песня «Вставайте люди русские...». Ей предшествуют слова Александра о том, что дружины будет мало и необходимо «поднимать мужиков». Визуальным планом становится динамичные кадры снаряжения народа на войну. Если в фильме Птушко песня и сопряженный с ней визуальный план объясняют главную мотивацию поступков героя (защита родины и изгнание татар), то в картине Эйзенштейна сцена сборов русского народа на бой под песню «Вставайте люди русские...» подчеркивает важность единства народа в защите родной земли. К тому же очевидно, что в создании образа русского народа Эйзенштейн при съемках фильма был увлечен сопоставлением композиции фильма с музыкальной формой фуги. «Фуга» – то есть бегство, бегущая. Что же касается основного, общего плана картины, то здесь у режиссера нет никаких тонкостей. «Могуче и непобедимо славное русское воинство» – вот тезис режиссера [Зоркая, 1966].

Обозначенные нами эпизоды и приемы средствами нового искусства выстраивают соответствие между мифологическим представлением о героях этого, нового времени и былинным героям, историческим персонажам, принадлежащим фольклору и в, в частности, героическому эпосу. Более того, советские режиссеры подчас буквально экранизируют былинные сюжеты, сказания и исторические события. Однако мы обратим внимание на принципиальные расхождения фильмов с традициями героического эпоса. Говоря о главном герое фильма Эйзенштейна, мы уже отмечали, что его образ лишен фактических знаков княжеской власти и органично встраивается в систему образов простого народа, иногда даже растворяясь в ней. Мы можем трактовать данное кинематографическое решение как попытку создания своеобразного мифа о народном правителе, отвечающем одному из основных идеологических запросов советской культуры (мифологизированное представление о власти народа). В то же время наиболее радикальной трансформации подвергся образ князя Владимира (А. Абрикосов) в фильме Птушко. Традиционно в былинном эпосе образ Владимира часто стоит в одном ряду с боярами и

тем самым противопоставлен героическим образам богатырей. Былинные герои зачастую не принимают дары князя, В. Я. Пропп, подчеркивает, что богатырю чуждо стремление обрести власть, для него это приобщение к ненавистным князьям и боярам [Пропп, 1999, с. 251]. Основными причинами конфликта между князем и богатырями становятся пренебрежительное отношение к героям [Пропп, 1999, с. 258] или, напротив, расположение к врагу [Пропп, 1999, с. 226]. Последнее воспринимается как позор и является причиной одного из самых крупных былинных конфликтов Ильи и Владимира. В фильме Птушко образ князя идеализируется по контрасту с концентрацией всех пороков и злодеяний в образах бояр (стремление к власти, богатству и т.д.), а также через введения образа внутреннего врага, отвратительного предателя – боярина Мишатычки (С. Мартинсон), что в своей сатирической эстетике не характерно для былинного эпоса. При этом последний кинематографически во многом выстроен по принципам создания фольклорных антигероев: типаж актера резко отличается от типажа Ильи-Б.Андреева, противопоставление также усиливается гримом (накладной нос), пластическим рисунком актера (сутулый, суетливый) и особенностями съемок (если Илья чаще снят в ракурсе снизу, что визуально увеличивает героя, то предатель как правило взят камерой в ракурсе сверху, что приводит к обратному результату). Зачастую персонаж показан в комических унижительных сценах, демонстрирующие его трусость (он попадает в бочку с водой от свиста Соловья, попадает в капкан и теряет штаны в попытке отправить послание Калину-царю и т.д.). При этом именно он оговаривает Илью, что послужило причиной конфликта князя и богатыря, строит боярский заговор против героя и служит Калину-царю т.д. Эти эпизоды призваны оправдать ошибки и жестокость правителя, перенести вину с князя на бояр и предателей, что стало созвучно с идеологическими установками сталинского времени (трактовка репрессий как «перегибов на местах»).

С образами предателей, визуально выстроенными в условной манере, с опорой на условно-символические элементы «народного» архетипа (черты лица, конфигурация телесности), мы встречаемся в фильме «Александр Невский»: Твердило (С. Блинные) и монах Анахий (И. Лагутин). Их образы, отвечая актуальному идеологическому запросу, также оправдывают внутреннюю политику сталинской эпохи, однако, напря-

мую в сюжетной структуре фильма не реализуют данную функцию. Введение названных образов скорее призвано показать место предателя в иерархии людей, совершающих злодеяния. В сюжетной канве антитеза «свой-чужой» (враг, предатель) имеет прямое и буквальное воплощение: если солдат вражеского войска отпускают, то делается это с целью распространить послание Александра, обращенное ко всему миру, князей – пленяют, то предательство персонажа, вставшего на сторону врага, прочитывается как предательство не только по отношению к конкретному человеку, но и ко всему народу, русской земле, поэтому за него предполагается самое страшное наказание: в «Александре Невском» народ набрасывает и убивает предателя, в свою очередь, «Илье Муромце» боярина Мишатычку кидают в котел со смолой.

Подводя итоги анализа процесса мифологизации в отечественном кино сталинского времени, можно сделать вывод о том, что благодаря доступности сюжетов, подчас наивной, но весьма выразительной образности, обширности средств художественной выразительности, киноязык стал одним из самых востребованных метаязыков советской массовой культуры. Отечественный кинематограф 1930–1950-х г. можно условно назвать, по аналогии с содержанием воплощавшегося материала, «героическим эпосом советской культуры», не только на уровне содержания, но и формы. При этом трансформация уже существующих образов и введение новых образов в культурный код былинного эпоса можно интерпретировать как, уже обозначенную нами выше, мифологизацию, то есть деформацию смысла, по Р.Барту [Барт, 1996, с. 238], в рамках которой появление данных персонажей воспринимается зрителем как привычное и органичное. Таким образом, в соответствии с базовым представлением советской культуры о величии и силе народа, кинорежиссеры обращаются к героическому эпосу и практически без изменений экранизируют сюжеты древних былинных и исторических сюжетов и мотивов, создавая точные образы народа, культурного героя, внешнего врага захватчика и т.д. Специфическими образами советской культуры сталинской эпохи, вписанными в культурный код героического эпоса, стали идеализированный образы идеализированного правителя и внутреннего врага, предателя. Введение данных персонажей свидетельствует о ключевой тенденции в советской тоталитарной культуре – оправдание жесто-

кости и несправедливости власти заговорами и происками врагов.

Библиографический список

1. Балашов Д. М. Из истории былинного эпоса. Святогор // Русский фольклор. Вып. XX. Ленинград, 1981. С. 10–21.
2. Барт Р. Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Худож. лит., 1975. С. 447–483.
4. Гуревич П. С. Социальная мифология. Москва : Мысль, 1983. 175 с.
5. Ермолин Е. А. Миф и культура : учебно-методическое пособие. Ярославль : Изд. Александр Рутман, 2002. 122 с.
6. Ерохина Т. И., Тирахова В. А. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2016. С. 320–324.
7. Злотникова Т. С. Имперское бессознательное – контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. Том 2 (Гуманитарные науки). 2014–2. С. 213–217.
8. Зоркая Н. М. Эйзенштейн и его время // Портреты. Москва : Искусство, 1966. URL: <https://chapaev.media/articles/3815> (дата обращения: 20.06.2020)
9. Ионин Л. Г. Социология культуры : 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
10. Малиновский, Б Магия, наука и религия : Пер. с англ. – Москва : «Рефл- бук», 1998. – 304 с.
11. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира: Т. 1. Москва : Сов. энцикл., 1982. С. 942–950.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва, 1976. 336 с.
13. Мелетинский Е. М. Эпос и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. Москва, 1980. Т. 2. С. 665–666.
14. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Москва : Лабиринт, 1999. 638 с.
15. Путилов Б. Н. Русские и южнославянские эпические песни о змеборстве // Русский фольклор. Вып. XI. Ленинград, 1968. С. 31–54.
16. Сорель Ж. Размышления о насилии. Москва : Фаланстер, 2013. 293 с.
17. Спутницкая Н. Ю. Гуливеркино: как уникальная анимация Александра Птушко повлияла на жанр сказки // Искусство кино, 20.04.2020. URL: <https://kinoart.ru/texts/gulliverkino-kak-unikalnaya-animatsiya-aleksandra-ptushko-povliyala-na-zhanr-skazki> (дата обращения 20.06.2020)

18. Спутницкая Н. Ю. Птушко. Роу: мастер-класс российского кинофэнтези : монография. Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2018. 371 с.

19. Хренов Н. А. Миф и культура в XX в.: кинопроизводство мифологем // Культура культуры, 2015. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-nachalo/viewer> (дата обращения 20.06.2020)

20. Хренов Н. А. Воля к сакральному. Санкт-Петербург : Алетейя, 2006. 571 с.

21. Хренов Н. А. Избранные работы по культурологии. Москва : Согласие, 2014. 526 с.

22. Чеботарева В. Г. К проблеме мифотворчества в русской советской прозе двадцатых годов // Русский фольклор. Вып. XXI. Ленинград, 1981. С. 155–178

23. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва : Академический проспект, 2000. 222 с.

Reference List

1. Balashov D. M. Iz istorii bylinnogo jeposa. Svjatogor = From the history of epic . Svjatogor // Russkij fol'klor. Vyp. XX. Leningrad, 1981. S. 10–21.
2. Bart R. Mifologii = Mythologies / per., vstup. st. i komment. S. N. Zenkina. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. 312 s.
3. Bahtin M. M. Jepos i roman (O metodologii issledovanija romana) = Epic and novel (About methods of novel research) // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moskva : Hudozh. lit., 1975. S. 447–483.
4. Gurevich P. S. Social'naja mifologija = Social mythology. Moskva : Mysl', 1983. 175 s.
5. Ermolin E. A. Mif i kul'tura = Myth and culture : uchebno-metodicheskoe posobie. Jaroslavl' : Izd. Aleksandr Rutman, 2002. 122 s.
6. Erohina T. I., Tirahova V. A. Arhetipicheskie osnovanija reprezentacii obraza Rossii: «Chistoe nebo» G. Chuhraja = Archetypal basis of the representation of Russia's image : «Clear sky» // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 3. 2016. S. 320–324.
7. Zlotnikova T. S. Imperskoe bessoznatel'noe – kontekst tvorcheskogo samosoznaniya lichnosti = Imperial unconscious – the context of creative self- consciousness of a personality // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom 2 (Gumanitarnye nauki). 2014–2. S. 213–217.
8. Zorkaja N. M. Jezzenshtejn i ego vremja = Eisenstein and his time // Portrety. Moskva : Iskusstvo, 1966. URL: <https://chapaev.media/articles/3815> (data obrashhenija: 20.06.2020)
9. Ionin L. G. Sociologija kul'tury = Sociology of culture : 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izd. dom GU VShJe, 2004. 427 s.
10. Malinovskij, B Magija, nauka i religija = Magic, science and religion. Moskva : «Refl- buk», 1998. 304 s.
11. Meletinskiĭ E. M. Kul'turnyj geroid = Cultural hero // Mify narodov mira: T. 1. Moskva : Sov. jencil., 1982. S. 942–950.

12. Meletinskij E. M. Pojetika mifa = The poetics of the myth. Moskva, 1976. 336 s.
13. Meletinskij E. M. Jepos i mify = Epic and myths // Mify narodov mira: Jenciklopedija. Moskva, 1980. T. 2. S. 665–666.
14. Propp V. Ja. Russkij geroicheskiy jepos = Russian heroic epic. Moskva : Labirint, 1999. 638 s.
15. Putilov B. N. Russkie i juznoslavjanskije jepicheskie pesni o zmeeborstve = Russian and South Slavic epic songs about snake fighting // Russkij fol'klor. Vyp. XI. Leningrad, 1968. S. 31–54.
16. Sorel' Zh. Razmyshlenija o nasilii = Reflections about violence. Moskva : Falanster, 2013. 293 s.
17. Sputnikskaja N. Ju. Guliverkino: kak unikal'naja animacija Aleksandra Ptushko povlijala na zhanr skazki = Gulliver cinema: how a unique animaton of Alexandr Ptushko influenced the genre of a fairy-tale // Iskusstvo kino, 20.04.2020. URL: <https://kinoart.ru/texts/gulliverkino-kak-unikalnaya-animatsiya-aleksandra-ptushko-povliyala-na-zhanr-skazki> (data obrashhenija 20.06.2020)
18. Sputnikskaja N. Ju. Ptushko. Rou: master-klass rossijskogo kinofjentezi = Ptushko. Row:master class of Russian cinema fantasy:Ptushko : monografija. Moskva, Berlin : Direkt-Media, 2018. 371 s.
19. Hrenov N. A. Mif i kul'tura v XX v.: kinoproizvodstvo mifologem = Myth and culture in XX c.: filmmaking of mythologeme // Kul'tura kul'tury, 2015. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-nachalo/viewer> (data obrashhenija 20.06.2020)
20. Hrenov N. A. Volja k sakral'nomu = The will to sacral. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2006. 571 s.
21. Hrenov N. A. Izbrannye raboty po kul'turologii = Chosen works of culture study. Moskva : 2014. 526 s.
22. Chebotareva V. G. K probleme mifotvorchestva v russkoj sovetskoj proze dvadcatyh godov = To the problem of mythmaking in Russian Soviet prose of the 20-s. // Russkij fol'klor. Vyp. XXI. Leningrad, 1981. S. 155–178
23. Jeliade M. Aspekty mifa = The aspects of myth. Moskva : Akademicheskij prospekt, 2000. 222 s.

УДК 821.161.1

Е. П. Аристова

<https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

«Перед восходом солнца» М. М. Зощенко: торжество разума и индивидуальное сознание

Для цитирования: Аристова Е. П. «Перед восходом солнца» М. М. Зощенко: торжество разума и индивидуальное сознание // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 213–219.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-213-218

В статье исследуется известное произведение М. М. Зощенко «Перед восходом солнца». Повесть, написанная в годы Великой Отечественной войны, преподносится автором как антифашистская. Темой повествования является становление его собственного «Я», психологические мотивы, побуждающие соглашаться со страданием и насилием либо бороться с ними. Фашизм в восприятии автора – полное поражение в борьбе со зверством и жестокостью, страх борьбы с несчастьями мира. Зощенко обращается к науке как к светлой надежде доказать существование сознания, побеждающего иррациональную природу души. Повесть была частью военной и послевоенной эпохи: писатели и философы (Х. Арндт, Ж. П. Сартр, К. Поппер и другие) активно обсуждали природу тоталитарных режимов, причины их поддержки, роль личного восприятия в их утверждении, возможность индивидуального, а не коллективного, определения блага, роль рациональности, то уничтожающей единичное ради всеобщих рациональных законов, то, напротив, побуждающей к индивидуализму и критическому мышлению. Вопрос о роли индивидуального сознания показан как один из древних вопросов европейской философии, по-разному решавшийся в традициях платонизма и христианства. М. М. Зощенко, скорее, писатель-гуманист, обращавший в своем творчестве внимание на индивидуальное переживание человека. Пытаясь показать, что торжество сознания может личным выбором, он рассуждает о роли художественного творчества, о характере неврозов, тоски и переживаний множества гениев искусства. Свою повесть Зощенко пытается сделать наглядной демонстрацией возможности совместить торжество разума с искренностью личного художественного стиля, а значит, и личного выбора в пользу разума.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, М. М. Зощенко, «Перед восходом солнца», сталинизм, тоталитаризм, искусство, творчество.

Е. P. Aristova

«Before sunrise» by M. M. Zoshchenko: the triumph of mind and individual consciousness

The article explores the famous work of M. M. Zoshchenko «Before Sunrise». The story, written during the World War II, is presented by the author as anti-fascist. The theme of the story is the formation of his own «I», psychological motives that encourage one to agree with suffering and violence or to fight them. Fascism in the perception of the author is a complete defeat in the fight against brutality and cruelty, a fear of fight with suffering. Zoshchenko refers to science as a bright hope to prove the existence of consciousness conquering the irrational nature of the soul. The story was a part of the war and post-war era: writers and philosophers (H. Arendt, J. P. Sartre, K. Popper and others) actively discussed the nature of totalitarian regimes, the reasons for their support, the role of personal perception in their affirmation, the possibility of individual rather than collective defining the good, the role of rationality destroying the individual for the sake of universal rational laws and at the same time encouraging individualism and critical thinking. The question of the role of individual consciousness is shown as one of the ancient questions of European philosophy, answered differently in the traditions of Platonism and Christianity. M. M. Zoshchenko is more a humanist writer who paid attention to the individual experience of a person. Trying to show that the triumph of consciousness can be a personal choice he discusses the role of artistic creativity, the nature of neurosis in experiences of many art geniuses. Zoshchenko is trying to make his story a clear demonstration of the possibility of combining the triumph of reason with the sincerity of personal artistic style and hence personal choice in favor of reason.

Key words: Russian literature, Soviet literature, M. M. Zoshchenko, «Before sunrise», Stalinism, totalitarianism, art, creation.

В 1943 г. выходит повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» (публикуются отдельные части). В этом необычном произведении писатель называет своей задачей «изучение сознания» и свидетельствует о жизни собственного Я, ища победы разума над иррациональным «*низишим этажом*» души, ответственным за несчастье человека и жестокость нацизма. Книга писалась под звуки снарядов, ее черновики автор вывез в эвакуацию из блокадного Ленинграда вместо вещей первой необходимости и хранил под матрасом рядом с бесценным для ленинградца мешком сухарей. Посыл произведения был, очевидно, важен для него. Древний вопрос возможности торжества разумного начала над неразумным приобрел особое звучание в философской и художественной культуре военной и послевоенной Европы, и работу Зощенко можно и нужно рассмотреть в ее контексте. Тем более, что в начале XXI столетия с его невероятным развитием информационных и коммуникационных технологий тема управления психологическим восприятием и роли индивидуального сознания вновь актуальна.

Зощенко и оценка фашизма в европейской философской культуре

Бывший дворянин Михаил Михайлович Зощенко, как известно, отказался покинуть Родину с эмигрантами, хотя и сложно адаптировался к зарождению советской идеологической утопии. Биограф пишет о трудностях, постигших его после революции – о страхе за близких, бегстве с места на место и бесконечной смене случайных профессий, о неумении найти себя в новом мире [Попов, 2017, с. 22–23]. Но он упоминает и литературный успех – значительные тиражи, всесоюзную известность вплоть до начала 1940-х гг. (с этого периода начинается «опала»). Литературой Зощенко, неуместный в новом мире, буквально спасался. Его короткие юмористические рассказы, трогательно обращенные к людям, касались не идеологической борьбы, а чего-то более универсального, человеческого, понятного читателю и из другой эпохи, и из другого политического стана. Это были «*На общем фоне громадных масштабов и идей... повести о мелких, слабых людях и обывателях*» [Попов, 2017, с. 79]. По другой оценке, знаменитый юмор мог выступать и «защитным» механизмом, позволяющим человеку, не укладывающемуся в рамки официальной культуры, отстраниться от нее [Жолковский, 1999, с. 17]. И все же Зощенко читатели очень любили. Он осознанно использовал простоту формы, искал способ

коммуникации с каждым. Позже, в «Перед восходом солнца», как уникальный художник он передал собственное ощущение незащитности перед лицом обстоятельств – грандиозность событий выбивала у его поколения почву из под ног, делала каждого «*несчастной пылинкой, уносимой любым дуновением ветра*». Повесть стала серьезным разговором зрелого автора о роли и природе человека в новой ситуации.

Несмотря на то, что книга позиционировалась как антифашистская, государство, победившее фашизм, и его лидер, И.В. Сталин, оказались не готовы ее принять. Антропологическая проблематика, высвеченная Зощенко в период истории, когда ценность человечности была под вопросом, затронула не только разум, но и стихию, которая ему противостоит, слишком страшную «*черную воду*», перечеркивающую простоту вечных (хотелось бы, чтобы вечных!) законов противопоставления добра и зла, борьбы и победы.

Интеллектуальная рефлексия над психологическими и антропологическими истоками фашизма была частью эпохи. Х. Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» 1947 г. анализирует причины, по которым житель Германии оказался готов поверить нацистам. Большую роль, по ее мнению, играла потерянности появившегося в XX в. человека массы, неумение найти свое место в сложном мире. Для такого индивида, по словам исследовательницы, тоталитарные режимы «*...создают целый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность*» [Арендт, 1996, с. 466]. Ж. П. Сартр в 1946 г. рассуждает о новом гуманизме – о способности совершать моральный выбор без внешних, заведомо проверенных обществом комфортных предписаний: «*Для экзистенциалиста человек потому не поддаётся определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам*» [Сартр, URL]. К. Поппер уже в конце 1930-х гг. осмысливает параллель между тоталитаризмом и идеальным государством Платона, в котором гражданин существует ради всеобщего, а не личного блага. Человеческий индивид, как все «земное» и чувственное, является лишь бледным подобием индивида истинного – государства [Поппер, 1992 (Т.1), с. 114, 124], так что мучительную личную ответственность можно забыть в пользу родовых табу [Поппер, 1992 (Т.1), с.152]. Эта тенденция, по мнению Поппера, находит развитие в более поздней классической фило-

софии, прежде всего, в работах Г.В. Гегеля и К. Маркса, противопоставлявших индивидуальному сознанию сознание коллективное, будь то дух народа, нации, интересы класса или всеобщие законы исторического развития [Поппер, 1992, (Т.II) с. 70, 137].

Творчество советского писателя Зощенко с его поиском новой антропологии, исследованием личных переживаний и надеждой на разум, противостоящий фашизму, откликалось на вопросы времени. Е. И. Колесникова отмечает открытое стремление М. М. Зощенко поставить вопрос об искренности отклика творческого человека на идеологические ценности. Так она характеризует эпоху 1930-х –1940-х гг.: «...существовал некий зазор между официальной идеологией и реальной ментальностью общества» [Колесникова, 2008, с. 101]. Некоторые исследователи склоняются к тому, что его следует рассматривать в контексте сталинизма, как иносказание или иронию [Мау, 1996, р. 118]. Их можно понять, читая в повести, к примеру, строки о том, что социализм избавляет людей от страха за работу, а следовательно, и за питание (и это после коллективизации 1930-х гг.!). Но Зощенко, в конце жизни подвергшийся травле, поначалу не был открытым противником большевиков, на заре творческой карьеры он был принят и даже любим. Очевидно, повесть была задумана как рассмотрение механизмов сознания, лежащих над закономерностями той или иной политической системы. Он искал возможность избавить людей от страданий вообще, а также научить их отвечать на зверство и страдания не страхом, а борьбой. Заметим, впрочем, что подобную «практическую» ориентированность произведения можно рассматривать, как своеобразный тренд литературы периода становления нового советского общества. Е. А. Худенко отмечает характерное для сталинской эпохи развитие жанра автобиографии, а также возможное влияние на М. М. Зощенко М. А. Горького, своеобразного образца художника-практика, противопоставленного художнику-наблюдателю [Худенко, 2011, с. 148].

Исследователь и Мемуарист

В повести «Перед восходом солнца» две повествующих фигуры, две маски одного и того же рассказчика: Исследователь и Мемуарист.

Исследователь, стилизуя текст под научную работу, формулирует проблему, упоминает предшественников, проверяет гипотезы с помощью наблюдений. Зощенко критикует Фрейда и делает предположения о возможном развитии теории

Павлова, ища «железные формулы», которые объяснят действие сознания и дадут способ избавиться от загадочной беспричинной тоски.

Мемуарист приводит множество миниатюрных новелл о жизненных случаях, вызывавших страх, возмущение, отчаяние, печаль – все это мерцающие эпизоды, не связанные общей сюжетной линией и поданные как спонтанные воспоминания, детали которых интересны кажущейся незначительностью. Рассказчик с одинаковым вниманием относится к фронтовым эпизодам Первой мировой и переживаниям ребенка по поводу петуха, клонувшего его булку. Подобная манера не могла не вызвать неприязнь в воюющей и истекающей кровью стране. Однако творческая задача ее требовала.

Заметим, что с точки зрения одного из первых читателей романа, К.И. Чуковского, чьей рекомендацией и оценкой хотел заручиться автор перед публикацией, именно Зощенко-художник проявил себя в произведении наиболее ярко, тогда как ампула ученого далось писателю сложнее [см. Даниленко, 2011, с. 7]. С другой стороны, можно встретить и высокую оценку научной составляющей повести: «М.М. Зощенко сделал смелую для времени создания книги (1942–1943 гг.) попытку дать объяснение истории личности сразу на двух уровнях: психологическом (средствами психоанализа) и психофизиологическом (средствами условно-рефлекторной теории)» [Щукина, 2018, с. 369].

Есть какая-то особая незащищенность в открытом рассказе Михаила Михайловича о своем чувстве уязвимости и страха. А фигура рассудительного Исследователя, препарирующего собственную душу, подобна таинственно оперирующему профессору Преображенскому М.А. Булгакова или хирургу в кинофильме «Строгий юноша» А. Роома 1935 г. Можно согласиться с характеристикой П.В. Маркиной: «...писатель при всей своей уникальности созвучен эпохе с ее программой по возвращению молодости и бессмертию», вдохновленной идеей торжества науки над смертью Н.Ф. Федорова [Маркина, 2012, с. 142]. Исследователь, словно хирург-жрец, возвышается над тайнами жизни и смерти, управляющий превращениями, омоложениями, алхимическим преобразованием природы из несовершенной в совершенную. Зощенко даже прямо ссылается на разработанную древними жрецами целительную практику толкования снов, увиденных в ночном храме, призванную обнажить природу «нижнего этажа» души.

Зверство

Почему Мемуарист уверенно предоставляет себя Исследователю? Какого очищения ожидает, приходя к «жрецу»? Он вспоминает, словно воскресение, зарождение советского мира: «*Все позади*», «*я новый*». Дореволюционная жизнь оценивается скорее негативно, как противоречивая и несправедливая. Он вспоминает беспричинные унижения от учителей, собственную мать, часами ожидающую аудиенции начальника, чтобы выпросить вдовью пенсию, вспоминает отдыхавшего с любовницей генерала, которого точно так же часами ждут работники, чтобы получить у чрезвычайно «занятого» нанимателя оплату, вспоминает человека, у которого сгорел дом и который не мог построить новый, иначе, как украв деньги, хотя воровать дурно (это поразило детское сознание Мемуариста), вспоминает довольно пошлые творческие салоны. Есть что-то христианское в ощущении безвыходности, безнадежности мира всеобщего греха, который вроде бы с падением старой империи остается, наконец, «позади». Защита торжества разума, которую хочется видеть частью нового порядка, дает надежду пересмотреть «непреодолимость» зла и страдания.

Неоднократно в рассказах Мемуариста встречается образ зла как зверства. Он вспоминает сцену: медведь терзает застрявшие в ограде клетки лапки медвежонка, калеча собственного детеныша. Посетители зоопарка чувствуют сострадание к слабому существу. Но «мучитель» тут же покрывает самку, едва им же изуродованный, неспособный более жить, медвежонок с оторванными лапами оказывается застрелен сторожами. Мемуарист поясняет – увиденная ситуация прочертила для него линию между зверством и человечностью. Но существует ли вообще эта человечность или она лишь ободряющий призрак для того, кто оказывается в роли беспомощной жертвы или боится ей стать? Нечто дикое, торжествующе хамское и беспощадное присуще и людям, и люди не всегда могут этому сопротивляться. Мемуарист вспоминает встреченных им на фронте солдат, резавших свинью. Хотя животное страшно визжало, они разделявали его заживо, потому что, если сначала прирезать, «*вкус не тот будет*». Видя жалость молодого офицера, солдат пугающе уличает сочувствие как свойство слабейшего, запуганного: «*Нервы слабые у их благородия*». Далее, мы читаем и рассказ о бойце Красной армии, с которым писатель когда-то оказался в одном госпитале. Этот деревенский парень, получив гостинец из дома, наслаждается не столько возможно-

стью первым «*пожрать*» невиданный его голодными сослуживцами каравай, сколько унижением товарищей, которым он бросает куски хлеба. Зоценко описывает унижительную сцену, когда он пытается было противостоять хамству, не прикасается к «угощению», поданному с паянничаньем, но от голода тайно ночью все-таки съедает свой кусок. Попытки сохранить достоинство часто оканчиваются безысходностью, страхом, тоской и беспомощностью. Человечности бесконечно трудно существовать в мире, где приходится бороться за жизнь. Фашизм – это ее полная капитуляция в этой борьбе. Гитлеризм пропагандирует «*звероподобных людей*», восхищается жестокими сражениями прекрасных и сильных существ за жизненное пространство.

Если освобождаемый нацистами «*низший этаж*», этот мир внеразумного, и стихийного, присущ человеческой психике, если он, подстергая каждого в самой глубине его души, встает вопрос о контроле и даже переустройстве психики. В том же «*низшем этаже*» видится и источник тоски, страдания, желания смерти как забвения и спасения от ужасов жизни. Зоценко, ссылаясь на схожие взгляды Горького, отвергает всякое, в том числе традиционное христианское, любовное страдание. Потому что согласие со страданием – рабство. Личность должна обрести власть над «*низшим этажом*», прежде всего, над страхом. Страх противоположен борьбе, поскольку вынуждает не сопротивляться и следовать, в конечном итоге, любым привычкам низменной природы души, даже нацизму. Разум, управляющий чувствами через произвольное формирование рефлексов, это средство контроля.

Цена контроля

Таит ли опасность подобный контроль? Х. Арндт характерной чертой тоталитарного режима считает своеобразное приведение всех людей к одному знаменателю, сведение личности со всем присущим ей многообразием мотивов и переживаний к стандартизированному набору предсказуемых реакций. Закрытые лагеря – это высшее воплощение подобной государственности, масштабный «*эксперимент по искоренению самой самопроизвольности*» [Арндт, 1996, с. 569]. К. Поппер также не может принять уничтожения личного решения и личной же ответственности, когда в социуме индивидуальное отрицается ради общей цели [Поппер, 1992 (Т.1), с. 152]. Позиция М. М. Зоценко предполагает, что управление рефлексами все-таки благо, но осознает и дурные послед-

ствия, о которых много говорит в связи с творческой активностью: «Но разве от этих битв не пострадало мое ремесло художника? Разве победивший разум не изгнал вместе с врагами то, что мне было дорого, искусство?» [Зощенко, URL]. Приходится согласиться с замечанием А.И. Куляпиним: «В повести “Перед восходом солнца” напрямую сопрягаются темы творчества и болезни» [Куляпин, с. 1998]. Творческие гении подозрительно часто оказывались далекими от стройной рациональности невротиками. Тоска и отчаяние обнаруживались в образах Есенина, Маяковского, Блока, и множества других. Творческий ум в силу «специфических свойств» склонен к фантазиям и сверхчувственным восприятиям, что делает его более уязвимым для «возникновения ошибочных нервных связей». Но подобный невроз как отклонение от нормы есть и проявление спонтанности, без которой человек превращается в автомат, в узника лагеря. Неслучайно искусство СССР и Гитлеровской Германии характеризуется искусствоведами как особое «тоталитарное» искусство, отвергающее любое самовыражение художника, отстающее от задачи трансляции идеологического канона [Голомшток, 1994; Гройс, 1993]. Проблема вырисовывается чисто философская: а может ли победившее сознание остаться индивидуальным сознанием?

Разум всеобщий и разум индивидуальный у истоков европейской мысли

Для философии это очень древний вопрос. К. Поппер не случайно в первую очередь обращается к критике не более близкого ему по времени Маркса, а к древнему Платону. Афинский мыслитель подчеркивал: «Пестрота порождает разнужданность» [Платон, Государство, 404e, URL], видя в демократии не столько торжество критической мысли и личной ответственности, сколько попустительское стихийным, титаническим силам через как раз отсутствие ответственности: свое нравие, бесстыдство, нежелание подчиняться [Платон, Законы, 701c, URL]. Контроль общества над восприятием индивида Платон не просто допускал, но и приветствовал, подчеркивая важность формирования предпочтений и привычек: «Верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание» [Платон, Законы, 653c, URL]. К искусству с его воздействием на человека философ испытывал недоверие и колоссальный интерес одновременно. Жизнь совершенной колонии в его «Законах» сравнивается с общим танцем или хором, объединенным стремлением к пре-

красному. Но граждане общины прогоняют с городской площади актеров, запрещая трагедию с ее неконтролируемым страстным дионисийским выплеском эмоций: «...весь наш государственный строй представляет собой подражание самой прекрасной и наилучшей жизни. Мы утверждаем, что это и есть наиболее истинная трагедия» [Платон, Законы 817b, URL].

Драматизм противостояния индивидуального и всеобщего в платонической традиции обсуждался – наиболее значительным было влияние на мировую культуру Плотина, философа III в н.э., и его учеников, считавших себя комментаторами и последователями Платона. Индивидуальные души, согласно Плотину, способны то объединяться в мистическом экстазе со всеобщим Разумом и его источником (невыразимым Единым), то по собственной гордости падать до индивидуального сознания. Индивидуальность души расценивалась как несчастье и забвение лучшего, растворенного в высшем начале, существования (см., например, Эннеады V 1–6) [Плотин, 2005, с. 5–35; 181–191]. Христианство, соперничавшее и соприкасавшееся с неоплатонизмом в первые века своего становления, напротив, сделало акцент на личной ответственности перед Богом, а значит и отвергло растворение личного в коллективном даже ради слияния с прекрасным мировым умом. С.С. Неретина на примере произведений Боэция показывает, как сложна оказалась терминология ученика Плотина, Порфирия, для описания личности: личность – это не то же самое, что субстанция, род или вид, конкретного человека уже невозможно определить как общее понятие («разумное животное») [Неретина, 2006, с. 313–316]. При этом этические требования этой религии были строги, проповедовалась любовь к благому и совершенному, самоограничение и дисциплина.

К. Поппер, который подчеркивает ценность личного суждения, выступает наследником именно христианского взгляда на стремление к благу (время от времени он даже открыто ссылается на христианские этические принципы [Поппер, 1992 (Т. II), с. 277]). И Михаил Михайлович Зощенко, трогательно писавший о человеческих чувствах даже в разгар строительства советской коллективистской утопии, скорее в том же «стане» – даже фашизм он анализирует сквозь призму индивидуальных переживаний и мотивов, а не всемирных законов исторического развития (и это в том числе будут ставить ему в вину, когда начнется травля!). Он вспоминает свое детское осознание собственного плача, случившееся еще до пяти лет: «Я», «Я

сам», и эта единица по ходу развития повести не исчезает и не растворяется в высшем, всеобщем. Изучение рефлексов позволяет избавиться это «Я» от страданий, проявить к нему внимание и сочувствие.

Творчество и личный выбор

Но где этой единице найти пространство для существования, если она часть общества, часть свершений, часть страны, победившей фашизм? Тем более, что единица никоим образом не укладывается во «всеобщие» правила. Дворянин, эксплуататор и классовый враг трудящихся, сочувствует становлению нового мира, остается преданным Родине и не желает эмигрировать, но все же и открыто рассказывает о чувствах тоски, страха, безысходности, протеста против жестокости. Сплошная спонтанность без единых для всех законов истории! Когда подобное «Я» вдруг начинает говорить, творчество превращается не в проявление классового сознания, а в глубоко личный выбор, этический в том числе, в исследование самого себя, собственных мотивов, а значит, и в принципиальное признание этих мотивов, утверждение их необходимости для сопротивления злу. Своеобразный научный антураж повести показывает, как тяжело этот выбор дается: Исследователю хочется опереться на науку как на беспристрастное торжество ума, устраняющее иррациональность удобными и всем понятными законами, гарантирующими победу. Но почему-то среди лучших вещей в человеческой жизни в конце повести называются все-таки «искусство и разум», а не просто «разум», и значительная часть текста посвящена анализу биографий творческих гениев. Выбирая сознание, важно остаться художником, а не просто ученым, потому что художник способен показать, что разум – это собственный выбор единицы, а не работа автомата. Зоценко пытается сам быть таким художником, создавая повесть того, кто предпочел не «низший», а именно «высший» этаж личности. Произведение – это доказательство, что подобное предпочтение возможно. Впрочем, за читателем остается право совершенно «спонтанно» и самостоятельно оценить его труд. Михаил Михайлович пишет: «Моя рука стала тверже. И голос звонче. И песни веселей. Я не потерял мое искусство. И тому порукой мои книги за последние десять-двенадцать лет. Тому порукой эта моя книга» [Зоценко, URL].

Библиографический список

1. Арентд Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю.

Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.

2. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. Москва : Галарт, 1994. 296 с.

3. Гройс Б. Е. Утопия и обмен. Москва : Издательство «Знак», 1993. 380 с.

4. Даниленко В. П. На грани науки и искусства. О книге М. М. Зоценко «Перед восходом солнца» // Вестник ИГЛУ. №1 (13), 2011. С. 6–10.

5. Жолковский А. К. Михаил Зоценко: поэтика недоверия. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

6. Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Электронная библиотека Modernlib.net: интернет-портал. URL:

https://modernlib.net/books/zoschenko_mihail/pered_vos_hodom_solnca/read_1 (дата обращения 01.06.2020).

7. Колесникова Е. И. Эмоционально-смысловые доминанты в произведениях советской литературы 1940-х годов (М. Зоценко и А. Платонов) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. №4 (16). С. 98–112.

8. Куляпин А. И. «Разум должен победить» (М. Зоценко и Е. Замятин) // Известия Алтайского государственного университета. №3. 1998. С. 147–150.

9. Маркина П. В. Психические аномалии в творчестве М. М. Зоценко и Ю. К. Олеси // Известия АлтГУ. 2012. № 2–1. С. 140–147.

10. Неретина С. С. Огурцов А. П. Пути к универсалиям. Санкт-Петербург : Издательство русской христианской гуманитарной академии, 2006. 1000 с.

11. Платон. Законы / пер. А. Н. Егунова // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры: интернет-портал URL:

<http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (дата обращения 01.06.2020).

12. Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова // PSYLIB. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры: интернет-портал. URL:

<http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (дата обращения 01.06.2020).

13. Плотин. Пятая эннеада = Fifth Ennead / пер. Т. Г. Сидаша. Санкт-Петербург : Издательство Олега Абышко, 2005. 320 с.

14. Попов В. В. Михаил Зоценко. Беспризорный гений. Москва : Издательство АСТ, 2017. 249 с.

15. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. I. Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

16. Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

17. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Книгогид: интернет-портал. URL:

<https://knigogid.ru/books/812721-ekzistencializm-eto-gumanizm/toread> (дата обращения 01.06.2020).

18. Худенко Е. А. Повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца»: реализация жизнетворческих поисков // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С. 148–152.

19. Щукина М. А. Пять рождений личности: ступени персоногенеза в автобиографическом трактате М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. № 2. С. 368–383.

20. May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's before Sunrise // Slavic Review. Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 106–124.

Reference List

1. Arendt H. Istoki totalitarizma = History of totalitarianism / per. s angl. I. V. Borisovoj, YU. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, YU. B. Mishkenene, L. A. Sedova. Moskva : CentrKom, 1996. 672 s.

2. Golomshtok I. N. Totalitarnoe iskusstvo = Totalitarian art. Moskva : Galart, 1994. 296 s.

3. Grojs B. E. Utopiya i obmen = Utopia and exchange. Moskva : Izdatel'stvo «Znak», 1993. 380 s.

4. Danilenko V. P. Na grani nauki i iskusstva. O knige M.M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca» = On the verge of science and art. About the book by M. M. Zoshchenko «Before sunrise» // Vestnik IGLU. №1 (13), 2011. S. 6–10.

5. Zholkovskij A. K. Mihail Zoshchenko: poetika nedoveriya = Mikhail Zoshchenko: the poetics of distrust. Moskva : SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1999. 392 s.

6. Zoshchenko M. M. Pered voskhodom solnca = Before Sunrise // Elektronnaya biblioteka Modernlib.net: internet-portal. URL: https://modernlib.net/books/zoschenko_mihail/pered_voskhodom_solnca/read_1 (data obrashcheniya 01.06.2020).

7. Kolesnikova E. I. Emocional'no-smyslovye dominanty v proizvedeniyah sovetskoj literatury 1940-h godov (M. Zoshchenko i A. Platonov) = Emotional and semantic dominants in the works of Soviet literature of the 1940s (M. Zoshchenko and A. Platonov) // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2008. №4 (16). S. 98–112.

8. Kulyapin A. I. «Razum dolzhen pobedit'» (M. Zoshchenko i E. Zamyatin) = «Reason must win» (M. Zoshchenko and E. Zamyatin) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. №3. 1998. S. 147–150.

9. Markina P. V. Psihicheskie anomalii v tvorchestve M. M. Zoshchenko i YU. K. Oleshi = Mental anomalies in the works of M.M.Zoshchenko and Yu.K. Olesha // Izvestiya AltGU. 2012. №2-1. S. 140–147.

10. Neretina S. S. Ogurcov A.P. Puti k universaliam = Paths to universals. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii, 2006. 1000 s.

11. Plato. Zakony = Laws / per. A. N. Egunova // PSYLIB. Psihologicheskaya biblioteka Kievskogo Fonda codejstviya razvitiyu psihicheskoj kul'tury: internet-portal URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak01.htm> (data obrashcheniya 01.06.2020).

12. Plato. Gosudarstvo = State / per. A. N. Egunova // PSYLIB. Psihologicheskaya biblioteka Kievskogo Fonda codejstviya razvitiyu psihicheskoj kul'tury: internet-portal. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos01.htm> (data obrashcheniya 01.06.2020).

13. Plotinus. Pyataya enneada = Fifth Ennead / per. T. G. Sidasha. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2005. 320 s.

14. Popov V. V. Mihail Zoshchenko. Besprizornyj genij = Michail Zoshchenko. Homeless genius. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2017. 249 s.

15. Popper K. Svobodnoe obshchestvo i ego vragi = Free society and its enemies. T. I. CHary Platona / per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 448 s.

16. Popper K. Svobodnoe obshchestvo i ego vragi. T. II. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly = Free society and its enemies. T. II. The time of false prophets :Hegel, Marx and other oracles / per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 528 s.

17. Sartr J. P. Ekzistencializm – eto gumanizm = Existentialism – is humanism // Knigogid: internet-portal. URL: <https://knigogid.ru/books/812721-ekzistencializm-eto-gumanizm/toread> (data obrashcheniya 01.06.2020).

18. Hudenko E. A. Povest' M. M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca»: realizaciya zhiznetvorcheskih poiskov = The story of M. M. Zoshchenko «Before the sunrise»: the implementation of life-creating searches // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 1. S. 148 –152.

19. Schukina M. A. Pyat' rozhdenij lichnosti: stupeni personogeneza v avtobiograficheskom traktate M. M. Zoshchenko «Pered voskhodom solnca» = Five births of personality: the stages of personogenesis in the autobiographical treatise of M. M. Zoshchenko «Before sunrise» // Psihologiya. Zhurnal VSHE. 2018. №2. S. 368–383.

20. May R. Superego as Literary Subtext: Story and Structure in Mikhail Zoshchenko's before Sunrise // Slavic Review. Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 106–124.

УДК 008

Се Чжоу

<https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

Ван Фан

<https://orcid.org/0000-0002-1281-199X>

Языковая политика Республики Казахстан в контексте социокультурных процессов

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Се Чжоу, Ван Фан Языковая политика Республики Казахстан в контексте социокультурных процессов // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 220–231.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-219-230

В статье рассматривается языковая политика Казахстана с точки зрения исторического развития и в контексте социокультурного процесса сопряжения китайской инициативы «Один пояс, один путь» и программы Казахстана «Светлый путь». Производится анализ современной языковой ситуации в Казахстане, на основе которого даются прогнозы и определяются перспективы языковой политики Республики Казахстан, а также выдвигаются предложения по развитию языка и культуры в Китае. Авторы обосновывают значимость исследования языковой политики Казахстана для КНР, поскольку Китай – многонациональная страна, и изучение языковой политики Казахстана позволит рассмотреть методы, принятые другой многоэтнической страной для решения проблем национального языка и формирования языковой политики, и извлечь опыт из практики Казахстана, что позволит КНР разработать и реализовать более эффективную политику в отношении национального и иностранных языков, а также сформировать предложения по развитию культурных обменов между Китаем и Казахстаном. В статье представлен обзор современного состояния исследований языковой политики Казахстана западноевропейскими и китайскими учеными. В статье анализируются документы о языковой политике Казахстана, рассматриваются такие заметные явления в реализации языковой политики, как казахизация, латинизация казахской письменности и трёхязычная политика, характеризуется процесс развития китайского языка в Казахстане. Авторы статьи подробно анализируют важнейшие тенденции в социокультурной жизни Казахстана в аспекте реализации трёхязычной политики, рассматривают причины популярности китайского языка в Казахстане и рассматривают деятельность Институтов Конфуция как важнейших центров в распространении китайского языка и китайской культуры на территории республики Казахстан.

Ключевые слова: языковая политика, национальная культура, межкультурная коммуникация, Республика Казахстан, Институт Конфуция, трёхязычная политика, казахизация, полиэтнический состав.

Xie Zhou, Wang Fan

Language policy of the Republic of Kazakhstan in the context of sociocultural processes

The article examines the language policy of Kazakhstan from the point of view of historical development and in the context of the socio-cultural process of conjugation of the Chinese initiative «One Belt, One Road» and the program of Kazakhstan «Bright Path», the analysis of the modern language situation in Kazakhstan is made and on the basis of this analysis forecasts are made and determined prospects for the language policy of the Republic of Kazakhstan, as well as proposals for the development of language and culture in China. The authors substantiate the importance of the study of the language policy of Kazakhstan for the PRC, since China is a multinational country, and the study of the language policy of Kazakhstan will allow considering the methods adopted by another multiethnic country to solve the problems of the national language and the formation of language policy, and learn from the practice of Kazakhstan, which will allow the PRC to develop and implement a more effective policy in relation to national and foreign languages, as well as form proposals for the development of cultural exchanges between China and Kazakhstan. The article provides an overview of the current state of research on the language policy of Kazakhstan by Western European and Chinese scientists. The article analyzes documents on the language policy of Kazakhstan, examines such noticeable phenomena in the implementation of language policy as Kazakhization, Latinization of the Kazakh writing and trilingual policy, characterizes the development of the Chinese language in Kazakhstan. The authors of the article analyze in detail the most important trends in the socio-cultural life of Kazakhstan in terms of the implementation of a trilingual policy, consider the reasons for the popularity of the Chinese language in Kazakhstan and consider the activities of Confucius

Institutes as the most important centers in the spread of the Chinese language and Chinese culture in the territory of the Republic of Kazakhstan.

Key words: language policy, national culture, intercultural communication, Republic of Kazakhstan, Confucius Institute, trilingual policy, Kazakhization, multiethnic composition.

Введение

Изучение языковой политики Казахстана является одной из важных областей для таких наук, как культурология, политология, регионоведение, социолингвистика. После представления инициативы «Один пояс, один путь», социально-экономическое и культурное сотрудничество между Китаем и Казахстаном с каждым годом все больше развивается и углубляется, и одной из важных проблем становится проблема выбора языка для межкультурной коммуникации. После обретения независимости Казахстан начал осознавать важность этого выбора и реализовывать языковую политику. Языковая политика Казахстана постепенно стала привлекать внимание академических кругов внутри страны и за рубежом, однако в существующих на сегодняшний день исследованиях акцент делается на документах, закрепляющих языковую политику Казахстана, и на истории её развития, практически не уделяя внимания исследованию перспектив развития языковой политики Казахстана в современной ситуации.

В Казахстане исследование языковой политики сосредоточивается прежде всего на установлении статуса казахского языка и истории его развития. Цель учёных – найти способ разрешить языковые, этнические и социальные конфликты, вызванные изменением статуса двух языков – русского и казахского. Так, профессор Казахстанского национального университета О. Б. Алтынбекова в своей книге «Этноязыковые процессы в Казахстане» [Алтынбекова, 2006] проанализировала сходства и различия между понятиями «государственный язык» и «официальный язык», рассмотрела двуязычные и многоязычные явления в современном обществе, а также изучила волну иммиграции после установления независимости Казахстана и изменение этнического состава, вызванное иммиграцией.

В западных научных кругах есть некоторые учёные, которые изучают языковую политику Казахстана и всех стран Центральной Азии, но они обращают внимание преимущественно на то, как пять стран Центральной Азии развивали свой национальный язык. Среди них наиболее influential учёными являются профессора Сво-

бодного университета Берлина, известный эксперт по тюркскому языку Барбара Келлер-Хейнкеле (B. Kellner-Heinkele) и профессор политологии Европейского университета в Иерусалиме Яков М. Ландау (J.M. Landau). Их книга «Языковая политика в современной Центральной Азии: страна, национальная идентичность и советское наследие» [Келлер-Хейнкеле, Ландау, 2015] была переведена на русский язык и опубликована в России в 2015 году.

В настоящее время китайские ученые тоже обеспокоены культурными, этническими и социальными конфликтами, вызванными радикальной языковой политикой в первые годы независимости Казахстана. Например, в статье «Несколько факторов, влияющих на языковые проблемы Казахстана» [沙依然·沙都瓦哈斯, 1999, с. 46–51], опубликованной в журнале «Russian, Central Asian & East European Studies» Шадуном Шадувахасом, освещается влияние политизации языковых проблем на стабильность страны. По мере того, как направление развития казахстанской языковой политики становится более четким, внимание китайских учёных постепенно обращается на то, чтобы разобраться в историческом развитии языковой политики и исходя из этого понять современную языковую политику страны и определить будущее развитие языка, как, например, в исследованиях «Языковая политика Казахстана» [张宏莉, 赵荣, 2006] и «Анализ трёхязычной политики и её влияния в Казахстане» [田成鹏, 海力古丽·尼牙孜, 2015]. В последние годы с внедрением инициативы «Один пояс, один путь» китайские учёные стали сосредотачиваться на влиянии китайского языка на языковую политику Казахстана, и уделять основное внимание обучению китайскому языку в Казахстане. Научно-исследовательские учреждения в этой области преимущественно концентрировались на северо-западе Китая (Синьцзянский Университет и Ланьчжоуский Университет).

С того времени, как после распада Советского Союза пять стран Центральной Азии обрели независимость, они приступили к защите своего национального языка и развитию национальной культуры. Чтобы сохранить свои национальные осо-

бенности, страны Центральной Азии сначала сосредоточились на национальном языке. Эти страны осуществили внедрение особой языковой политики для защиты своих национальных языков, и на этом фоне особенно выделяется языковая политика Казахстана как одного из самых сильных государств в Центральной Азии. Республика Казахстан расположена в Центральной Азии, граничит на севере с Россией, на юге с Узбекистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном, на юго-востоке с Китаем, а «Евразийский континентальный мост», известный как «современный Шёлковый путь», пересекает всю территорию Казахстана.

1. Демографическая ситуация в Казахстане как фактор формирования языковой политики

Один из главных факторов формирования языковой политики в постсоветских государствах – это демографическая ситуация. Согласно данным с веб-сайта «Обзор мирового населения» в 2019-ом году население Казахстана составляло 18 529 014 человек (63-е место в мире), с плотностью населения 6,82 человек на квадратный километр и темпом прироста населения 1,03 % [Демография Казахстана..]. Что касается состава населения, Казахстан является многонациональной страной, которая включает 140 этнических групп, в том числе такие народы, как казахский, русский, украинский, узбекский, немецкий, татарский и так далее.

По всесоюзной переписи населения 1989-ого года, в то время на всей территории Казахстана проживало более 130 этнических групп. Среди них казахи составляли 39.7 % от общей численности населения, а русские – 37.8 % [Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав..]. Согласно информации на официальном сайте «Один пояс, один путь», в настоящее время в Казахстане казахи составляют 65,5 %, а русские – 21,4 % [Этнический состав населения РК..], то есть очевидно, что казахи постепенно приобрели статус доминирующей этнической группы.

Языковая ситуация в Республике Казахстан

Государственным языком Казахстана является казахский язык, официальными языками являются казахский и русский языки, русский является официальным языком, используемым государственными органами и органами местного самоуправления, а также языком межэтнического общения. В многонациональной среде Казахстана существуют различные этнические языки, каждый из которых используется населением и играет важную роль в развитии национальной культуры и национальных особенностей.

Использование языков разными национальностями в Казахстане накануне приобретения независимости выглядело следующим образом:

Основная информация об освоении родного, казахского и русского языков основными этническими группами в Казахстане в 1989 году (%)

Нация	Родной язык			Владение вторым языком (помимо родного языка)	
	Национальный язык	Казахский язык	Русский язык	Казахский язык	Русский язык
казахская	98.57	–	1.36	–	62.84
русская	99.94	0.01	–	0.86	–
немецкая	54.40	0.07	45.39	0.64	50.59
украинская	36.62	0.02	63.26	0.58	32.31
узбекская	95.57	1.28	2.77	4.61	52.15
татарская	68.94	3.43	27.33	3.22	64.32
уйгурская	95.07	1.51	3.07	9.11	62.05
белорусская	34.48	0.03	65.29	0.40	31.77
корейская	51.71	0.15	48.01	0.97	46.97
азербайджанская	87.10	0.53	10.43	5.69	64.73

Из вышеприведенных данных видно, что накануне распада Советского Союза русский язык в Казахстане сыграл важную роль в продвижении общения между различными этническими группами. Более 60 % казахов владели русским языком, а некоторые даже считают русский своим родным языком. Кроме того, значительное количество местных нерусских людей считали русский

своим родным языком или владели им. Нетрудно обнаружить, что в Казахстане русский язык пользовался большой популярностью и каждый мог свободно его использовать, поскольку в то время в Советском Союзе проводилась политика по распространению русского языка в Казахстане. В отличие от этого, в Казахстане, за исключением

казахов, подавляющее большинство населения плохо владеет казахским языком.

сле обретения независимости представлена в таблице:

Основная информация об использовании языков различных национальностей в Казахстане по-

Основные этнические группы, население и языки, на которых говорят в Казахстане (1999 г.)
[Kellner-Heinkele, Landau, 2012]

Основные этнические группы, население и языки, на которых говорят в Казахстане(1999 г.)			
Нация	Численность	Процент (от общей численности населения) %	Язык
казахская	7,985,039	53.40	казахский
русская	4,479,618	29.95	русский
украинская	547,052	3.65	украинский
узбекская	370,663	2.47	узбекский
немецкая	353,441	2.36	немецкий
татарская	248,952	1.66	татарский
уйгурская	210,339	1.40	уйгурский
белорусская	111,926	0.74	белорусский
корейская	99,657	0.66	корейский
азербайджанская	78,295	0.52	азербайджанский
польская	47,297	0.31	польский
донганская	36,945	0.24	донганский
курдская	32,764	0.21	курдский
чеченская	31,799	0.21	чеченский
таджикская	25,657	0.17	таджикский
башкирская	23,224	0.15	башкирский
молдавская	19,458	0.13	молдавский
армянская	14,758	0.09	армянский
греческая	12,703	0.08	греческий
киргизская	10,896	0.07	киргизский
болгарская	6,915	0.04	болгарский
туркменская	1,729	0.01	туркменский

Как видно из таблицы, казахский язык имеет наибольшее преимущество среди языков различных национальностей в Казахстане, в то же время казахский и русский являются наиболее распространёнными и широко используемыми языками в Казахстане.

Статистические данные переписи населения 2009 года показывали, что у представителей ка-

захской и узбекской наций уровень владения казахским языком выше, чем русским, а в других этнических группах наоборот. Можно заметить, что казахскому языку всё ещё трудно заменить доминирующее положение русского языка в Казахстане. В нижеприведенной таблице представлена детализация этой информации.

Население по национальностям и степени владения языками 2009 г. (%)

[Население по национальностям и степени владения языками. Перепись..]

Население	Степень владения языками					
	Понимают устную речь	казахским		Понимают устную речь	русским	
		Из них свободно читают	Из них свободно пишут		Из них свободно читают	Из них свободно пишут
Казахи	98.3	95.4	93.2	92	83.5	79.1
Русские	25.3	8.8	6.3	98.4	97.7	96.7
Узбеки	95.5	74.2	61.7	92.9	78.6	68.3
Украинцы	21.5	7.2	5.2	98.9	98	97.1
Уйгуры	93.7	70.5	60.8	95.8	88.2	81.8
Татары	72.6	40	33.7	98.4	96.4	94.7
Немцы	24.7	10.5	7.9	99	97.8	96.9

Корейцы	43.4	14.1	10.5	98	96.9	95.5
Турки	91	51.3	43.4	96.1	87.8	83.6
Азербайджанцы	81.2	49.5	43.2	96.9	89.4	85.4
Белорусы	19	6.7	4.8	98.9	97.8	97

Исходя из вышесказанного, мы можем просто сделать вывод, что до того, как Казахстан стал независимым или даже после получения независимости, многие этнические группы на его территории не смогли овладеть казахским языком. После распада Советского Союза, хотя казахскому языку был присвоен статус государственного языка, а русский был определен как язык межнационального общения, на деле русский язык имел большое влияние в Казахстане. В течение долгого времени он оставался одним из двух языков, используемых наряду с казахским.

Основные этапы развития языковой политики в Республике Казахстан

После обретения Казахстаном независимости количество населения и этнический состав претерпели значительные изменения. С учётом своих интересов все этнические группы выразили сильное желание сохранить свой язык и культуру.

В Казахстане основная и фундаментальная проблема языка заключается во взаимоотношениях между казахским и русским языками, и языковая политика также сосредоточилась на регулировании отношений этих двух языков.

В целом в развитии языковой политики Казахстана можно выделить три этапа.

1. Первый этап: от широкого распространения казахского языка до реализации языкового равенства между казахским и русским (1989 г. – 1995 г.)

(1) Закон о языках в Казахской Советской Социалистической Республике 1989 г. Здесь чётко установлен статус казахского языка. Например, «Статья 1. Государственным языком Казахской ССР является казахский язык. Статья 2. Русский язык в Казахской ССР является языком межнационального общения. Статья 3. Статус казахского языка как государственного и статус русского языка как языка межнационального общения не препятствуют употреблению и развитию языков национальных групп, проживающих на территории Казахской ССР» [Закон о языках в Казахской Советской Социалистической Республике..].

Можно сказать, что «Закон о языках» 1989 г. является довольно демократическим законом. Дело в том, что каждому языку присвоен свой правовой статус, и это главным образом основано на тогдашнем статусе языка и национальном составе. Этот закон был расценен как первый шаг,

предпринятый Казахстаном для «дерусификации», потому что он повысил статус казахского языка.

(2) Конституция Республики Казахстан 1993 г.

Первая Конституция независимого Казахстана была принята на IX сессии Верховного Совета Казахстана XII созыва 28 января 1993 года. Структурно она состояла из преамбулы, 4 разделов, 21 главы и 131 статьи. Конституция впитала многие правовые нормы, принятые с момента обретения Казахстаном государственного суверенитета: народный суверенитет, независимость государства, признание казахского языка государственным и тому подобное.

(3) Конституция Республики Казахстан 1995 г.

Статья 7. В Республике Казахстан государственным языком является казахский язык. Статья 14. «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам» [Конституция Республики Казахстан...].

По сравнению с Конституцией 1993 года план Конституции 1995 года в отношении языковой политики является более совершенным.

2. Второй этап: установление приоритета казахского языка (1996 г. – 1999 г.)

(1) В Концепции языковой политики Республики Казахстан от 4 ноября 1996 года дан обстоятельный анализ языковой ситуации в Республике Казахстан. Определена цель Концепции – «разработка стратегии государственной политики в области сохранения и функционального развития языков в переходный период, определение задач государства по созданию условий для развития казахского языка как государственного» [Концепция языковой политики..].

(2) В 1997 году правительство Казахстана обнародовало «Закон о языке Республики Казахстан», включающий следующие аспекты:

Во-первых, укрепление статуса казахского языка. Например, Статья 4. «Государственным языком Республики Казахстан является казахский язык. Государственный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства и делопроизводства, действующий во всех сферах общественных отношений на всей

территории государства. Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана. Правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны: всемерно развивать государственный язык в Республике Казахстан, укреплять его международный авторитет; создавать все необходимые организационные, материально-технические условия для свободного и бесплатного овладения государственным языком всеми гражданами Республики Казахстан» [Закон о языке..].

Во-вторых, повышение статуса русского языка. Этот закон придал русскому языку статус официального языка, но его статус всё ещё не такой высокий, как у казахского. Например, статья 5: «Употребление русского языка: В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [Закон о языке..].

В-третьих, уточнение языковой политики в сфере СМИ. Например, статья 18: «Язык печати и средств массовой информации: Республика Казахстан обеспечивает функционирование государственного, других языков в печатных изданиях и средствах массовой информации. В целях создания необходимой языковой среды и полноценного функционирования государственного языка объем передач по телерадиовещательным каналам, независимо от форм их собственности, на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках» [Закон о языке..].

3. Третий этап: подчёркивание статуса казахского языка и обращение внимания на баланс языковой политики и долгосрочного планирования (в новом веке).

Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы принята Указом Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года. Цель Программы – гармоничная языковая политика, обеспечивающая полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане. В результате реализации Государственной программы развития и функционирования языков Казахстан должен достичь следующих ключевых показателей: увеличение доли взрослого населения

республики, владеющего русским языком к 2020 году – до 90 %; увеличение доли выпускников школ, владеющих государственным языком на уровне В1 к 2017 году – до 70 %, к 2020 году – до 100 % [Государственная программа развития и функционирования языков..].

Основные тенденции в языковой политике Республики Казахстан

Анализируя языковую политику Казахстана, мы видим, что она нацелена на укрепление политического статуса основных этнических групп, и её отличительными чертами являются «десоветизация» и «пантюркизация». В частности, с тех пор, как бывший президент Назарбаев пришёл к власти, он всё больше заботился о национальном языке и уделял внимание казахской культуре. Из языковой политики после обретения независимости нетрудно понять, что Казахстан придает большее значение распространению языка своей нации и всё больше подчеркивает важность сохранения национальной идентичности. В практике языковой политики казахизация, латинизация казахской письменности и трилингвизм становятся явлениями социального языка, на которые мы должны обратить особое внимание при изучении языковой политики Казахстана.

Казахизация в языковой политике Казахстана

Что касается казахизации, то для понимания причин и сущности данного явления необходимо рассмотреть историю русификации в Казахстане. В ранние годы советской власти, примерно до 1933 года, большое внимание уделялось развитию нерусских языков в СССР. Однако с середины 1930-х началась языковая русификация. Этот процесс включал и введение русских заимствований, и переход многих языков на кириллицу к концу 1930-х годов (стоит отметить, что центральноазиатские языки имели сначала арабский алфавит, а потом официально писались в течение десяти лет с помощью латиницы) [Фиерман, 2015].

«Закон о языках в Казахской Советской Социалистической Республики 1989 г.» обозначил казахский язык как «государственный язык». Этот важный законопроект знаменовал собой начало процесса казахизации. По первой конституции РК – «Конституции Республики Казахстан 1993 г.» государственным языком являлся казахский язык, а русский язык получил статус языка межнационального общения. Запрещались ограничения прав и свобод граждан по признаку незнания

государственного языка или языка межнационального общения. Последующая языковая политика в основном направлена на поддержание и укрепление статуса казахского языка как государственного. Казахизация становилась всё более очевидной в практике языковой политики.

В результате анализа истории и развития казахизации, мы обнаружили, что за языковой политикой «русификации» и «казахизации» скрывались политические и культурные факторы. Активное продвижение к «казахизации» воплощает национальное самосознание Казахстана, знаменует развитие казахской культуры в стране, а также отражает стремление и решимость правительства распространить свою культуру.

Казахский алфавит и латинская графика

В процессе продвижения государственного языка в Казахстане есть ещё один феномен, который заслуживает внимания, а именно казахский алфавит, основанный на латинской графике. До 1920 года казахи пользовались на письме арабской вязью. В 1928 году в СССР был утвержден единый алфавит для тюркских языков на основе латиницы, однако в 1940 году его всё-таки заменили на кириллицу. В этом виде казахский алфавит существует уже 78 лет.

Назарбаев впервые заговорил о внедрении латинского алфавита в 2012 году, выступая с ежегодным посланием народу Казахстана. Пять лет спустя в своей статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» президент аргументировал необходимость отказа от кириллицы особенностями «современной технологической среды, коммуникаций, а также научного и образовательного процесса XXI века».

В середине сентября 2017 года Назарбаев и вообще заявил, что кириллица «искажает» казахский язык, поскольку в казахском языке нет «щ», «ю», «я», «ь», и, используя эти буквы, мы искажаем казахский язык, поэтому с введением латиницы приходим к основе. В конце октября 2017 г. Назарбаев подписал указ о поэтапном переходе на латиницу в срок до 2025 года.

Кроме того, Президент Казахстана также поспешил развеять опасения, что переход на латинский алфавит сигнализирует о смене геополитических предпочтений Астаны. «Ничего подобного. На этот счёт скажу однозначно. Переход на латиницу – это внутренняя потребность в развитии и модернизации казахского языка. Не надо искать черной кошки в темной комнате, тем более, если ее там никогда не было», – заявил

Назарбаев, напомнив, что в 1920–40-е годы казахский язык уже использовал латиницу [Суслова, 2018].

Анализируя текущую ситуацию с казахским алфавитом на латинице, мы полагаем, что это выбор, основанный на учете реальной ситуации в Казахстане, и его главная цель – развитие уникального языка, который присущ казахской нации, и защита национальной идентичности. В то же время продвижение «казахского алфавита на латинице» оказало негативное влияние на общество, поскольку в Казахстане людям старшего возраста будет трудно привыкнуть к латинской графике, и может возникнуть разрыв поколений. Потом ещё одна проблема заключается в том, что будущие поколения не смогут понять многие научные и другие труды, написанные на кириллице, и таким образом, интерес молодёжи к чтению снизится, а многие книги не смогут легко переиздать на латинице.

Трёхязычная языковая политика Казахстана

Языковая политика в Республике Казахстан берет своё начало с 2007 года, когда в Послании «Новый Казахстан в новом мире» была предложена поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков в Республике Казахстан». В Послании Президент сказал: «Казахстан должен восприниматься во всём мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык – государственный язык, русский язык – как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику» [Назарбаев, 2012].

Президент Назарбаев предложил «трёхязычную политику» по следующим причинам: во-первых, «трёхязычная политика» соответствовала требованиям социального развития и изменениям века, и являлась необходимой мерой для повышения конкурентоспособности Казахстана на мировом рынке. Во-вторых, «трёхязычная политика» способствует развитию научного образования и воспитанию талантов. В рамках перехода на трёхязычие планируется изучение таких курсов, как «История Казахстана» на казахском языке, «Всемирная история» на русском языке, «Информатика», «Физика», «Химия» и «Биология» на английском языке. Разные языки открывают горизонты для молодёжи и укрепляют отношения между странами. В-третьих, «трёхязычная политика» рассматривается как важный

фактор поддержания социальной солидарности. Мультикультурализм и разные языки представляют собой богатство страны. Уважительное отношение к языкам всех этнических групп и обеспечение того, чтобы каждая этническая группа имела возможность выбирать свой собственный язык, стимулируют социальную стабильность.

В ходе исследования «трёхязычной политики» мы обнаружили, что в Казахстане не хватает классики и научно-технической литературы, записанной на казахском языке. Трудно сделать точный прогноз, повлияет ли развитие английского и русского на казахский язык и в какой степени это ослабит статус казахского национального языка. Кроме того, в соответствии с тенденцией развития языковой политики, долгосрочное использование русского языка как межнационального языка будет ослабевать. В дальнейшем Казахстан будет уделять больше внимания казахскому языку и постепенно заменять русский на английский.

Изучение китайского языка в Казахстане

Параллельно с этими процессами в Казахстане активно продолжается процесс изучения китайского языка. В 2013-ом году председатель КНР Си Цзиньпин последовательно выдвинул инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП) и «Морской шёлковый путь XXI века» (МШП) во время своего визита в Казахстан и страны Юго-Восточной Азии. Обе инициативы – ЭПШП и МШП – были объединены в общую стратегическую концепцию Китая под названием «Один пояс – один путь», которая представляет сегодня одно из основных направлений внешнеэкономического и внешнеполитического курса КНР.

Инициатива «Один пояс – один путь» вызвал большое внимание и активное участие стран по всему миру. В настоящий момент реализация проекта постепенно переходит к конкретным действиям. Работы проводятся в пяти основных сферах сотрудничества, так называемых «пяти связующих элементах»: политическая координация, взаимосвязь инфраструктур, беспрепятственная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление связей между народами [Один пояс, один путь]. Основные тезисы...]. Язык является основой сотрудничества, и в настоящее время главными языками в реализации инициативы «Один пояс – один путь» служат английский, русский, китайский и арабский. В качестве второго международного языка в мире и государственного языка, который присущ инициатору идеи «Один

пояс – один путь», китайский язык пользуется всё больше популярностью в странах, присоединяющихся к развитию инициативы «Один пояс – один путь».

Через Казахстан прошёл древний Шёлковый путь. И сейчас идея возрождения «Экономического пояса Шёлкового пути» поддержана нынешним руководителем Китая Си Цзиньпином во время визита в Казахстан. Именно Республика Казахстан является для Китая важным партнёром в процессе реализации инициативы «Один пояс – один путь».

В советский период на территории Казахстана доминировал русский язык. И в первые годы после образования Республики Казахстан главной целью являлось продвижение и распространение казахского языка. В таком случае не было ни единой возможности распространять китайский язык в Казахстане. Дипломатические отношения между Казахстаном и КНР были установлены в 1992 году. В августе того же года обе страны заключили «Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством РК и Правительством КНР» [Соглашение о культурном сотрудничестве...] в целях укрепления дружественных связей и развития культурного сотрудничества между ними. Такое соглашение способствовало распространению китайского языка в Казахстане за пределы традиционных регионов и завоевало популярность на периферии.

И до сих пор в Казахстане придают большое значение изучению китайского языка. Сотрудничество между двумя странами в распространении китайского языка продолжает расширяться. Ярким примером тому является Институт Конфуция. Это сеть международных культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка и культуры за рубежом (сокращенно – Ханьбань, Hanban, г.Пекин, КНР) совместно с зарубежными синологическими центрами. Помимо собственно «институтов» учреждаются «классы» Конфуция [Институт Конфуция...]. Институты Конфуция являются некоммерческими организациями, которые впервые были созданы в 2004 году. Теперь Ханьбань и пять стран Центральной Азии построили 13 институтов Конфуция, пять из которых находятся в Казахстане: Институт Конфуция при Казахском национальном университете имени Аль-Фараби в Алматы, Евразийском национальном университете Л. Н. Гумилева в Астане, Актюбинском государственном педагогическом институте в Актобе,

Карагандинском государственном техническом университете в Караганде, Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана.

Институт Конфуция при Казахском национальном университете им. аль-Фараби является ведущим центром подготовки высококвалифицированных специалистов по китайскому языку в Республике Казахстан. Институт Конфуция, организованный на базе созданного в 2002 году Центра китайского языка КазНУ, является результатом многолетнего сотрудничества и совместных усилий Казахского национального университета и Ланьчжоуского университета (КНР) [Институт Конфуция при Казахском национальном университете..]. Институт Конфуция при ЕНУ им. Л. Н. Гумилева основан 5 декабря 2007 года на основании меморандума между Евразийским национальным университетом и университетом Ханьбань. Сианьский университет иностранных языков является партнёром с китайской стороны. В 2011-ом году открылся третий в Казахстане институт Конфуция на базе Актюбинского государственного пединститута, университетом-партнёром является Синьцзянский университет финансов и экономики (КНР). 27 ноября 2012 года состоялась торжественная церемония открытия Института Конфуция при КарГТУ. На церемонии открытия присутствовала делегация из Университета Шихэцзы (Синьцзян, КНР). Пятый институт Конфуция создали КазУМОиМЯ и Юго-Западный университет (Чунцин, КНР) в апреле 2017 года.

В институте Конфуция учащиеся могут изучать китайский язык, знакомиться с китайской культурой. В институте Конфуция при Казахском национальном университете часто организовываются различные конкурсы, мероприятия и научные конференции, посвящённые Китаю, чтобы стимулировать интерес у студентов к китайскому языку и культуре. Кроме того, там проводятся квалификационный тест по китайскому языку (HSK), студенческие и преподавательские стажировки в Китае, и консультации по обучению в КНР. Как окно в мир Востока, Институт Конфуция отвечает потребностям желающих изучать китайский язык в Казахстане, знакомит людей с достижениями китайской цивилизации, служит мостом культуры, дружбы и взаимопонимания между Китаем и Казахстаном.

Успешное создание пяти институтов Конфуция в Казахстане показывает, что китайский язык всё больше привлекает внимание казахстанцев и китайская культура становится популярной. А

причины, по которым китайский язык предпочитают в Казахстане, можно кратко изложить следующим образом: во-первых, Казахстан граничит с северо-западным регионом Китая и является добрым соседом, надёжным другом и конструктивным партнёром для Китая. Во-вторых, Китай как вторая по величине экономическая мировая держава обладает огромным экономическим потенциалом и играет важную роль на международной арене. В-третьих, Китай с Казахстаном часто торгует и тесно сотрудничает.

Казахстан имеет хорошие отношения с Китаем и всегда придавал большое значение изучению китайского языка и постоянно поднимал вопрос о популяризации китайского языка до государственного стратегического уровня. 5 февраля 2016 года на заседании коллегии министерства образования и науки Казахстана вице-премьер Казахстана Дарига Назарбаева заявила: «Сегодня мы должны научить наших детей добывать знания как минимум на трех языках (казахском, русском и английском), как минимум, потому что в самом недалёком будущем нам всем надо будет знать еще и китайский» [Казахстан учит китайский..., 2016]. Некоторые СМИ поспешили расценить это заявление как признак грядущей «капитуляции» перед Китаем.

Затрагивая вопросы развития китайского языка в будущем в Казахстане, руководитель научно-исследовательского центра «Рухани жаңғыру» Казахско-Русского Международного Университета Керимсал Жубатканов в июне 2018 года опубликовал статью «Ещё раз о влиянии китайского языка в Казахстане»: «На языковую ситуацию в Казахстане китайский языковой фактор не будет оказывать сильного влияния – казахский и русский языки в силу естественных причин останутся доминирующими в Казахстане. А знание казахстанцами нескольких языков, где три являются мировыми (английский, русский, китайский) – это будет огромным конкурентным преимуществом Казахстана в будущем» [Жубатканов, 2018].

Заключение

Таким образом, можно определить основные перспективы дальнейшего развития казахской языковой политики:

Во-первых, казахский язык заменит статус русского языка в стране, и эту неизбежную тенденцию предопределяет латинизация казахской письменности.

Во-вторых, статус русского языка, служащего языком межэтнического общения, трудно заменить казахским в краткосрочной перспективе.

В-третьих, несмотря на то, что английский язык является неотъемлемой частью трехязычной политики, он может существовать только в форме иностранного языка. То, сможет ли английский язык заменить русский в среднесрочной и долгосрочной перспективе, зависит не только от внутренних факторов Казахстана, но и от международной политики, экономического и геополитического развития.

В-четвёртых, при изучении иностранных языков в Казахстане нужно учитывать тот факт, что, хотя китайский язык не столь влиятелен, как английский, он остается перспективным языком для Республики Казахстан.

На основании вышеприведённых прогнозов Китаю в отношении плана культурного развития, направленного на Казахстан, целесообразно ориентироваться на следующие установки:

– До того, как завершится латинизация казахской письменности, Китаю не нужно тратить слишком много энергии на подготовку кадров, говорящих по-казахски. Вузы могут взять на себя эту важную задачу, и лучше всего готовить русско-казахских двуязычных, даже трехязычных специалистов, которые владеют двумя вышеупомянутыми языками и английским.

– Уделять внимание реформе латинизации письменности в других тюркоязычных странах и внимательно следить за процессом латинизации казахской письменности, чтобы подготовиться к подготовке квалифицированных кадров в будущем.

– Надо обращать внимание на социокультурные и идеологические изменения, которые могут возникнуть в развитии языковой политики Казахстана. Например, в процессе преобразования казахского алфавита с кириллицы на латиницу, стоит подумать, не вызовет ли это изменение проблему «дерусификации» в обществе и каковы могут быть будущие варианты для Казахстана в международных отношениях: переход на сторону тюркских стран, или западных. В любом случае, это повлияет на геополитическую конфигурацию в Евразии и даже во всем мире.

– Казахстан граничит с Китаем, и долгое время Казахстан считает Китай полноценным партнёром в сотрудничестве. Кроме того, сегодняшняя языковая ситуация в Казахстане пока до конца не определена. Поэтому в Казахстане есть немало возможностей распространить китайский язык. В таком случае, КНР может приложить как можно больше усилий к привлечению иностранных студентов из

Казахстана для обучения в Китае, а также активизировать работу китайских учебных заведений в Казахстане, таких как институты Конфуция и классы Конфуция, и поддерживать казахстанские университеты в открытии специальностей по китайскому языку.

Библиографический список

1. Алтынбекова О. Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы: Экономика, 2006. 415 с.

2. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения Казахской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку. URL:

http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_ka.php (Дата обращения: 26.11.2019)

3. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (Дата обращения: 25.11.2019).

4. Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы. URL:

<https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v-respublike-kazahstan> (Дата обращения: 10.03.2020)

5. Демография Казахстана. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (Дата обращения: 25.11.2019).

6. Жубатканов К. Ещё раз о влиянии китайского языка в Казахстане // Матрица.kz, 14.06.2018. URL: <http://www.matritca.kz/news/54664-esche-raz-o-vliyanii-kitayskogo-yazyka-v-kazahstane.html> (Дата обращения: 29.03.2020)

7. Закон о языках в Казахской Советской Социалистической Республике 1989 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765 (Дата обращения: 01.02.2020)

8. Закон о языке Республики Казахстан 1997 г. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/1969> (Дата обращения: 19.02.2020)

9. Институт Конфуция // АКАДЕМИК. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/359792> (Дата обращения: 23.03.2020)

10. Институт Конфуция при Казахском национальном университете им. аль-Фараби. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/14355/page> (Дата обращения: 25.03.2020)

11. Казахстан учит китайский // ПОЛИТ ИНФОРМАЦИЯ, 14.02.2016. URL: <https://politinform.su/47260-kazahstan-uchit-kitayskiy.html> (Дата обращения: 27.03.2020)

12. Кельнер-Хайнкеле Б., Ландау Якоб М. Языковая политика в современной Центральной Азии: страна, национальная идентичность и советское наследие (пер. с англ.). Москва: Центр книги Рудомино, 2015. 317 с.

13. Конституция Республики Казахстан 1995

г. URL: <https://yandex.ru/images/search?text> (Дата обращения: 01.02.2020)

14. Концепция языковой политики Республики Казахстан 1996 года. URL: <https://articlekz.com/article/12260> (Дата обращения: 01.02.2020)

15. Назарбаев Н. А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, Официальный интернет-ресурс, 10.7.2012. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/gosudarstvo/akty-prezidenta/socialnaya-modernizaciya-kazahstana-dvadcatshagov-k-obschestvu> (Дата обращения: 22.03.2020)

16. Население по национальности и степени владения языками. Перепись населения 2009 года. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_adf.ctrl-state=9gybpd52j_52&_afLoop=4294033816802195 (Дата обращения: 26.11.2019)

17. Один пояс, один путь. Основные тезисы речи Си Цзиньпина // РОССИЯ СЕГОДНЯ, 17.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html> (Дата обращения: 22.03.2020)

18. Савин И. С. Реализация и результаты культурно-языковой и образовательной политики в Казахстане в 1990-ые годы // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 113–114.

19. Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/O9200000008> (Дата обращения: 23.03.2020)

20. Сулова Е. Куда язык доведет: почему Казахстан перешел на латиницу // Газета.ру, 20.02.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml (Дата обращения: 20.03.2020)

21. Фиерман У. Языковая политика в Казахстане умеренная. URL: https://old.liter.kz/ru/interview/show/10167-uilyam_fierman_yazykovaya_politika_v_kazahstane_ume_rennauya_ (Дата обращения: 12.03.2020)

22. Шалгимбекова К. С. Функционирование русского языка в языковом пространстве Казахстана // Вестник Челябинского университета. 2013. № 1. С. 20–25.

23. Этнический состав населения РК. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/880.htm> (Дата обращения: 25.11.2019)

24. Kellner-Heinkele B. & Landau J. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy. London: I.B. Tauris. 2012.

25. 赵常庆. 列国志(哈萨克斯坦)[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2004.

26. 沙依然. 沙都瓦哈斯.

试论影响哈萨克斯坦语言问题的几个因素[J].

东欧中亚研究, 1999(005):46–51.

27. 张宏莉, 赵荣.

哈萨克斯坦的语言政策[J]. 世界民族. 2006 (3):25–28.

28. 田成鹏, 海力古丽·尼牙孜. 哈萨克斯坦“三语政策”及其影响分析[J]. 新疆大学学报(哲学·人文社会科学版). 2015, (01):75–79.

29. 李发元. 哈萨克斯坦的民族结构与语言状况研究[J]. 西南民族大学学报(人文社科版). 2016, (05): 64–70.

30. 海纳尔·达列力别克. “一带一路”倡议下汉语在哈萨克斯坦传播研究[D]. 中央民族大学. 2016.

Reference List

1. Altynbekova O. B. Jetnojazykovye processy v Kazahstane = Ethno-language processes in Kazakhstan. Almaty : Jekonomika, 2006. 415 s.

2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 g. Raspre-delenie naselenija Kazahskoj SSSR po naibolee mnogochislennym nacional'nostjam i jazyku = All-union population census of 1989. Kazakh SSSR population distribution according to numerous nationalities and language. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_ka.php (Data obrashhenija: 26.11.2019)

3. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1989 goda. Nacional'nyj sostav naselenija po respublikam SSSR = All-union population census of 1989. National composition of USSR republics. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (Data obrashhenija: 25.11.2019).

4. Gosudarstvennaja programma razvitija i funkcionirovaniya jazykov v Respublike Kazahstan na 2011–2020 gody = State language development and functioning in republic of Kazakhstan program for 2011–2020. URL: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v-respublike-kazahstan> (Data obrashhenija: 10.03.2020)

5. Demografija Kazahstana = Kazakhstan's demography. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (Data obrashhenija: 25.11.2019).

6. Zhubatkanov K. Eshho raz o vlijanii kitajskogo jazyka v Kazahstane = Once again about the influence of the Chinese language in Kazakhstan // Matrica.kz, 14.06.2018. URL: <http://www.matrica.kz/news/54664-esche-raz-o-vlijanii-kitajskogo-yazyka-v-kazahstane.html> (Data obrashhenija: 29.03.2020)

7. Zakon o jazykah v Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respublike 1989 g. = The law about languages in Kazakh Soviet Socialist Republic of 1989. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765 (Data obrashhenija: 01.02.2020)

8. Zakon o jazyke Respubliki Kazahstan 1997 g. = The law about the language of Kazakh republic. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/1969> (Data obrashhenija: 19.02.2020)
9. Institut Konfucija = Confucius Institute // AKADEMIK. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/359792> (Data obrashhenija: 23.03.2020)
10. Institut Konfucija pri Kazahskom nacional'nom universite im. al'-Farabi = Confucius Institute at Kazakh national university named after al-Farabi. URL: <https://www.kaznu.kz/ru/14355/page> (Data obrashhenija: 25.03.2020)
11. Kazahstan učit kitajskij = Kazakhstan learns English // POLIT INFORMACIJA, 14.02.2016. URL: <https://politinform.su/47260-kazahstan-uchit-kitajskiy.html> (Data obrashhenija: 27.03.2020)
12. Kell'ner-Hajneke B., Landau Jakob M. Jazykovaja politika v sovremennoj Central'noj Azii: strana, nacional'naja identičnost' i sovetskoe nasledie = Language policy of modern Central Asia: country, national identity and Soviet population. Moskva: Centr knigi Rudomino, 2015. 317 s.
13. Konstitucija Respubliki Kazahstan 1995 g. = Kazakhstan Republic constitution of 1995. URL: <https://yandex.ru/images/search?text> (Data obrashhenija: 01.02.2020)
14. Konceptcija jazykovej politiki Respubliki Kazahstan 1996 goda = The concept of language policy of Kazakhstan republic. URL: <https://articlekz.com/article/12260> (Data obrashhenija: 01.02.2020)
15. Nazarbaev N. A. Social'naja modernizacija Kazahstana: Dvadcat' shagov k Obshhestvu Vseobshhego Truda = Social modernization of Kazakhstan: Twenty steps to the Society of general labour // GENERAL'NAJA PROKURATURA RESPUBLIKI KAZAHSTAN, Oficial'nyj internet-resurs, 10.7.2012. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/gosudarstvo/akty-prezidenta/socialnaya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obshchestvu> (Data obrashhenija: 22.03.2020)
16. Naselenie po nacional'nosti i stepeni vladenija jazykami. Perepis' naselenija 2009 goda = The population according to nationality and level of language command. Population census of 2009. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis?_adf.ctrl-state=9gybpd2j_52&_afLoop=4294033816802195 (Data obrashhenija: 26.11.2019)
17. Odin pojas, odin put'. Osnovnye tezisy rechi Si Czin'pina = One belt, one way. The main theses of Xi Jinping's speech // ROSSIJA SEGODNJJa, 17.05.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170517/239368854.html> (Data obrashhenija: 22.03.2020)
18. Savin I. S. Realizacija i rezul'taty kul'turno-jazykovej i obrazovatel'noj politiki v Kazahstane v 1990-ye gody = Realization and results of cultural- language and educational policy in Kazakhstan in 1990-s.// Jetnograficheskoe obozrenie. 2001. № 6. S.113–114.
19. Soglashenie o kul'turnom sotrudnichestve mezhdju Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan i Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Respubliki = The agreement of cultural cooperation between The Government of Kazakhstan republic and CNR government. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/O9200000008> (Data obrashhenija: 23.03.2020)
20. Suslova E. Kuda jazyk dovedet: pochemu Kazahstan pereshel na latinicu = Where the language brings :why Kazakhstan turned to Latin // Gazeta.ru, 20.02.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml (Data obrashhenija: 20.03.2020)
21. Fierman U. Jazykovaja politika v Kazahstane umennaja = Language policy in Kazakhstan is moderate. URL: https://old.liter.kz/ru/interview/show/10167-uil-yam_fierman_jazykovaya_politika_v_kazahstane_umennaja_ (Data obrashhenija: 12.03.2020)
22. Shalgimbekova K. S. Funkcionirovanie russkogo jazyka v jazykovom prostranstve Kazahstana = The Russian language functioning in linguistic space of Kazakhstan // Cheljabinskogo univrsiteta. 2013 . № 1. C. 20–25.
23. Jetnicheskij sostav naselenija RK = Ethnic composition of RK population. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/880.htm> (Data obrashhenija: 25.11.2019)
24. Kellner-Heinkele B. & Landau J. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy. London: I.B. Tauris. 2012.
25. 赵常庆. 列国志(哈萨克斯坦)[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2004.
26. 沙依然·沙都瓦哈斯. 试论影响哈萨克斯坦语言问题的几个因素[J]. 东欧中亚研究, 1999(005):46–51.
27. 张宏莉, 赵荣. 哈萨克斯坦的语言政策[J]. 世界民族. 2006 (3):25–28.
28. 田成鹏, 海力古丽·尼牙孜. 哈萨克斯坦“三语政策”及其影响分析[J]. 新疆大学学报(哲学·人文社会科学版). 2015, (01):75–79.
29. 李发元. 哈萨克斯坦的民族结构与语言状况研究[J]. 西南民族大学学报(人文社科版). 2016, (05): 64–70.
30. 海纳尔·达列列别克. “一带一路”倡议下汉语在哈萨克斯坦传播研究[D]. 中央民族大学. 2016.

УДК 13.01+7.01+82.0

А. В. Марков

<https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Платонизм барокко и аристотелизм рококо в независимой русской культуре

Для цитирования: Марков А. В. Платонизм барокко и аристотелизм рококо в независимой русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 232–239.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-231-238

В русской культуре платонизм и аристотелизм могли противопоставляться не только как философские, но и как культурные программы. В статье доказывается, что такое противопоставление никогда не было простым приложением отдельных философских положений к развитию культуры, но осмыслением различных медиа и различных стилей. Платонизму соответствовал стиль барокко как символический и возвышенный и требующий рутинной работы старых медиа, а аристотелизму – стиль рококо как эфемерный и требующий вмешательства новых медиа. В поэзии русского самиздата необходимость иметь дело только с машинописью, которая понималась как хрупкая и не способная достичь масштабных тиражей, такое переживание барокко и рококо усиливалось, и общепринятая искусствоведческая концепция становилась основой размышлений о памяти, собственных свойствах медиума, истинности и бессмертии. Барокко в таком случае осознавалось как исполнение идеи «жизнь есть сон», как большой стиль, как погружение в иллюзию, в результате центральными для осмысления барокко становились образы корабля и плавания. Старые медиа воспринимались как ложные – они никогда не могут быть восприняты в таком «сне», они оказываются носителями устаревших сведений, не соответствующих экзистенциальному опыту современного человека. Тогда как рококо понималось как патетическое внимание к эфемерному, как использование художественных условностей, поддерживаемых новым типом медиа, и тем самым как способ вернуть истину в искусство, истину непосредственного переживания, не опосредованного готовыми символами. Это отличается от привычного противопоставления символизма и акмеизма тем, что и «барокко» и «рококо» встречаются в пределах одного произведения, во многих стихах ведущих поэтов Самиздата спор двух программ происходит в пределах одного стихотворения. Тем самым, вопрос о соотношении платонизма и аристотелизма решается структурно, а не в рамках борьбы эстетических партий или групп. Переход от машинописного к компьютерному набору потребовал иначе мыслить и барокко, усилив фактор времени, и рококо, рассмотрев возможность перевода с языка одного искусства на язык другого. Таким образом, поэтические тексты, посвящённые культуре, могут быть использованы для уточнения культурологических характеристик стиля эпохи и изучения связи динамики культуры, культурной экзистенциальной рефлексии и ее медийного обеспечения.

Ключевые слова: платонизм, аристотелизм, барокко, рококо, новые медиа, закономерности культуры, культурная программа, самиздат.

A. V. Markov

Baroque platonism and Rococo aristotelism in independent russian culture

In modern Russian culture, Platonism and Aristotelianism were normally opposed not only as philosophical, but also cultural programs. The paper proves that this resulted from an understanding of different media and art styles as frames of cultural practices. Baroque style alluded to Platonism, as symbolic and sublime, and requiring the routine work of old media, and Rococo style to Aristotelianism, as ephemeral and requiring any intervention of new media. In the poetry of Russian samizdat, the need to deal only with typewriting, which was understood as weak and not able to achieve large-scale circulations, this conception of Baroque and Rococo was very intensive. Baroque in this case was conceptualized as the idea «life is a dream», as a grand empire style, as an immersion in illusion, as a result, images of the ship and sailing became central to the understanding of the Baroque. Moreover, the old media were understood here as false, if they could never be perceived in such a «dream», they turned out to be carriers of outdated information that does not correspond to the existential experience. Whereas Rococo was understood as pathetic adherence to everything ephemeral, as the use of artistic conventions supported by a new type of media, and thus as a way to return truth to art, as the truth of direct experience, not mediated by ready-made symbols. Such a confrontation differs from the usual Russian controversy of symbolism and acmeism, while both «baroque» and «rococo» are found within the same work, and in many verses of the leading poets of Samizdat the dispute between the two programs occurs within the same

poem. Thus, the question of the relationship between Platonism and Aristotelianism is solved as structure-making, not within the framework of the struggle of aesthetic parties or groups.

Keywords: platonism, Aristotelism, Baroque, Rococo, new media, patterns of culture, cultural program, samizdat.

Утверждение термина «барокко» как строго искусствоведческого обязано Г. Вёльфлину, с его отчасти продолжившим науку о ренессансе Якоба Буркхардта противопоставлением «линейности» Ренессанса и «живописности» маньеризма и барокко [Вёльфлин, 2018, с. 37–43], хотя в музыковедении этот термин употреблялся гораздо раньше. Но как обозначение не отдельных стилистических достижений, поражающих воображение, но не обязанных быть универсальными, барокко утверждается благодаря книге Тапье [Таріе, 1957], в которой со всей остротой оспаривался культурный миф о «классическом веке» французского абсолютизма – Версаль стал после этого труда восприниматься не как триумф «классики», образцового творчества с заранее известным замыслом и воплощением, но как величественное барочное зрелище, что было скандалом для французов, чтивших прежний образ классики. В этом смысле в российской традиции барокко утвердилось легче: после революции позиция Вёльфлина была принята большинством искусствоведов как само собой разумеющаяся модель стилистического анализа, и поэтому разговор о «нарышкинском барокко» конца XVII века или Царском Селе и Зимнем Дворце как прежде всего барочных зданиях не вызывал отторжения ни у кого в советское время.

Но в русской культуре при этом произошло интересное смещение. Если в западной критике рококо понималось и продолжало пониматься как локальный стиль, как решения конкретных памятников с конкретными заказчиками и исполнителями, более того, использующий заведомо локализирующие стратегии, вроде *шинуазри*, создающего «Китай», не имеющий ничего общего с настоящим Китаем, то в отечественном искусствознании рококо отсчитывалось от этого дворцового барокко примерно так, как Вёльфлин отсчитывал само барокко от классицизма. Рококо надлежало проявиться как особому стилю, отвергшему всё опорное в предшествующем (барокко): не монументальность и символическая нагруженность, а легкость и интуитивная бытовая понятность решений, не мистика больших идей, а галантное изящество и легкомыслие. Рококо конструировалось как универсальный стиль, который можно описывать столь же непротиворечиво, как

барокко, показывая его завершенность и воспроизводимость.

Наша гипотеза состоит в том, что в неофициальной русской культуре 1970-х – 1990-х годов такое противопоставление барокко и рококо накладывается на противопоставление не только символизма и акмеизма или кларизма М. Кузмина, но и платонизма и аристотелизма, и этот философский контекст может быть в отдельных ситуациях не менее важен, чем другие, подсказанные русской интеллектуальной культурой. Дело в том, что для неофициальной культуры кроме важности образцов, которыми вполне могли быть символисты и акмеисты, была важность также медиума исполнения: печатаются ли стихи на пишущей машинке или уже на матричном принтере. Более того, если образцы можно было выбирать, то власть медиума была неотвязной, с ней нужно было считаться. Впрочем, уже спор акмеистов с символистами был спором и в том числе разных моделей книгоиздания и рецензионного сопровождения: мы не спутаем в большинстве случаев декоративность символистских изданий и технологическую прогрессивность акмеистических, но другое дело, что тогда исключений было тоже немало. Тогда как самиздат подразумевал особое представление о медиуме печати, а значит, и о том, как именно что-то остается в памяти и в вечности, что это не эффекты тиража, а эффекты иллюзии найденного читателя (а читателей явно было мало, поэтому публика была иллюзией), разрешающиеся в признании хрупкости даже самых важных смыслов, пропечатанных на тонкой бумаге.

С. С. Аверинцев в статье о христианском аристотелизме [Аверинцев, 1992, с. 19], отметившей переход к постсоветскому состоянию интеллектуальных дискуссий, истолковал фреску Рафаэля: Платон указывает вверх, чертит вертикаль, тогда как Аристотель проводит рукой горизонталь. В таком живописном решении ведущий ученый увидел противопоставление мистической устремленности Платона и земных научных задач Аристотеля, и сделал из этого общий вывод, что крайности русской культуры, склонность к спонтанным решениям и резким колебаниям в социальной жизни – результат большего внимания к Платону, чем к Аристотелю, отсутствия усвоения аристотелевской «золотой середины», которая,

как замечает ученый, в онтологическом смысле средняя, а в аксиологическом – крайняя, требующая предпочтения ее всему [1, с. 21]. Не решая вопрос, как именно сформировалась «русская» любовь к крайностям, в частности, какой вклад в это внесло негативное описание русской идентичности в екатерининское время [Вишленкова, 2011] и перехват повестки польского мученического мессианства в XIX веке, заметим, что в живописном смысле никакой горизонтали и вертикали в «Афинской школе» нет, но есть жест, требующий экстатического внимания к вещам небесным и есть жест рукой наискосок, который мы стилистически сопоставим скорее с авангардом, а не с классикой. Жест Платона нами будет воспринят как принадлежащий большому стилю, или «Культуре Два» [Паперный, 2016], тогда как жест Аристотеля – как авангардная диагональ, известная по множеству примеров от башни Татлина и дизайна Лисицкого до реплик такого дизайна в перестроечное время, когда печатать заглавия тоже стали наискосок, что было очень важно для авторов Самиздата, например, для Седаковой, увидевшей в этом некоторый надрыв бессилия перестроечного времени, несколько наигранный оптимизм этого нового авангарда [Бибихин, Седакова, 2018, с. 135].

По сути, Аверинцев требует переключить такую медийную ситуацию, в которой сокращение тиражей привело к упадку большого стиля и возвращению к малотиражности авангарда, в аксиологический ряд, потребовав культурных усилий, направленных на самое лучшее, вполне по заветам Аристотеля, для которого лучше иметь одного друга, но лучшего. Но об этом же думала и поэзия самиздата, в которой аристотелевское начало стало пониматься как начало рококо, именно как неустойчивости и авангардного эксперимента с семантикой. Это мы встречаем в стихах Александра Миронова (здесь и далее стихи цитируются по [Вавилон, web]):

Слишком легко, как мне пишется, слишком легко

Выжить в безумии шума языкового:

Слово свое размыывать и штудировать слово

Задней губой — аристотелев бред рококо

(Четыре эпиграммы, 1979)

Любая тяжеловесная речь воспринимается как языковой шум, как исступленное безумие, тогда как новое рококо – это легкость, умение мыслить задним умом, но так быстро, что мысль даже не

доходит до ума, мыслишь «задней губой», неким авангардным жестом. Аристотелев бред – это тогда умение говорить размыто и одновременно усердно штудируя слово, иначе говоря, та самая символическая неопределенность и при этом хорошо отработанная галантная артикуляция, которая больше всего связывается с эстетикой рококо. Эпитет аристотелев означает тогда принадлежащий той самой золотой середине, которая понимается в «Корабле дураков» (1975) Миронова как тонкая связь исцеления в противоположность тяжеловесному плаванью:

Полно мне тужиться, тяжбу с собой заводить...
Славно плывем мы, и много ли нужно ума
в царстве Протея? и надо ли связывать нить
тонкого смысла с летейской волною письма?

В тиражном, книжном существовании, платоновской символизации появляется забвение, тираж сам воспроизводит себя, тогда как рукописное письмо может вынуть смысл из вод Леты. Само слово тонкость ассоциируется с рококо, с жемчужными нитями, тонкой лепниной, а не громоздкими иллюзиями дворцового барокко.

По сути все стихотворение «Корабле дураков» посвящено тому, что любые известия, как-либо зафиксированные, уже являются ложными, любой медиум, даже самый чистый, как весть о мире Ноева голубя, приносит только ложь. Ответом на эту ложь оказывается музыка «шопенианы бесцельной», пытающаяся заморозить окружающий мир, что тоже не случайно – в сравнении с Бетховенным Шопен воспринимался тогда как легкий, изящный и галантный композитор, примерно так же, как Вивальди в сравнении с Бахом (знаменитое стихотворение «Под музыку Вивальди» А. Л. Величанского начала 1970-х), такие пары выстраивались вопреки академической истории музыки, но с целью доказать якобы универсальное противопоставление барокко и рококо.

Так, еще в 1960-е годы Глеб Семенов написал «Гобеленовый Вивальди / ожидает нас внутри», под гобеленами имея в виду как бы мысленные изображения «Времен года», будто бы впечатления от музыки можно развесить по четырем стенам, и сама склонность визуализировать тончайшие впечатления уже не принадлежит большому стилю. Такое понимание гобеленов как выбивающихся из дворцового ренессансного или барочного стиля предметов, как утонченных предметов, рококо внутри барокко, есть и у В. Кривулина, у которого как и у Миронова музыка противостоит

большому стилю и отстаивает ту область, в которой и возможен галантный сюжет гобелена, точнее, прочитанный как галантный:

Иное слово, и цветные стёкла,
чужие розы витражей...
На гобеленах времени поблёкла
гирлянда бледная длинноволосых фей.
(Гобелены, 1972)

Понятно, что какой бы сюжет условного гобелена ни имелся в виду, само по себе видение изображенных женских персонажей как гирлянды напоминает гротеск и одновременно эстетику рококо, и если блеклость еще можно объяснить тем, что гобелен выцвел, но бледность считывается как что-то противопоставленное ярким оптическим эффектам барокко, которые оказываются во всем чуждыми героиням и самому повествователю, в соответствии с ролью эллиптической поэтики, общей для всего поколения независимо от личной эстетики [Токарев, 2017], для организации повествования. В «Гобеленах» Кривулина и в «Корабле дураков» Миронова главенствуют одни и те же мотивы бытия как плавания во сне, как растворения в большом океане, пропажи среди больших смыслов и эмоций, и при этом тонкой и хрупкой от времени нити как единственной достоверной памяти:

К тому клонится дух, чьи выцветшие нити
связуют паутиной голубой
и трепет бабочки, и механизм событий,
войну и лютно, ветер и гобой.

Наконец, в полный голос звучит и главный среди них мотив сомнабулического плавания через большие смыслы, призрачного существования, которому может быть противопоставлена только музыка, хотя у Кривулина музыка уже отзвучала, ушла в инобытие, как ушел в преобразенное инобытие и голос:

Музейных инструментов мусикии
волноподобные тела
звучали бы для нас, как мёртвые куски
когда-то цельного поющего стекла...

Как хорошо, что мир уходит в память,
но возвращается во сне
преображённым – с побелевшими губами
и голосом, подобным тишине.

Тот же образ бабочки как начала ассоциативного ряда, нити памяти, которая спасает при плавлении по этому неведомому большому океану смыслов, океану большого стиля и перегруженных значениями символов, есть у Седаковой в стихотворении «Лицинию» (1982), развивающему горациев образ государства как корабля:

Старый образ бабочки и свечи принесу я из
трюма:

нужно мне поглядеть сильной смерти крылья и
корни.

Образ бабочки и свечи, взятый из «Священного томления» (Selige Sehnsucht, 1814) Гёте оказывается гадательным прибором, в противоположность большому стилю океана, который действует как величественный певец, поющий перед народом:

Там и пойдет океан причитать, как слепец,
сочиняющий думу

перед жадным народом, который его не накор-
мит.

Платонизм Седаковой всегда является частью такого переживания авторского участия в природе, которое никогда не может быть присвоено до конца лирическим субъектом [Фетисова, 2017, с. 64]. Здесь происходит барочная замена: обычно певец-эпик поет перед властителем и он же усмиряет океан, тогда как здесь сам океан оказывается единственным субъектом действия, опять же противопоставляется величие самостоятельного корабля, самостоятельного океана, и личное созерцание отдельных эфемерид и их образов, таких как бабочка, личный вкус к тонкому и хрупкому. Далее в стихотворении описывается по сути гадание по свече и мотыльку как способ отнестись к большому стилю с еще большей отстраненностью, а к хрупкому – с еще большей эмпатией. Важно, что это противопоставление барокко и рококо появилось у Седаковой еще в лирике первой половины 1970-х; так, в стихотворении «Опыт истории» [Седакова, 1986], не учтенном в последующих собраниях, противопоставлен типичный барочный антураж военно-морского парада:

там жирно золотится рябь,
там государственный корабль
в прогорклом масле вязнет.

(обобщенно изображенное золото и различные оптические иллюзии барокко, притязания барокко на овладение временем) – и судьбы двух царевичей, убитого Дмитрия в Угличе и несчастного Алексея Романова во время гипнотического сеанса Григория Распутина и потом во время подразумеваемого расстрела. Заговаривание крови и пролитие крови сливаются в единый образ вины, и здесь появляется то же самое прохождение через океан эмоций и смыслов, сон, забвение и смерть как через единый морок лжи, где только особая память о будущем оказывается нитью, связывающей все в истину:

и спит царевич, исцелен,
и видит бесов легион
и жизни продолженье.

Если Распутин пытался скрепить «распаянные звенья», иначе говоря, неудачно выступить как представитель популистского большого стиля, то только сами царевич Дмитрий и Алексей своей невинностью останавливают морок и окружающую их ложь. Выражение «жизни продолженье» здесь очень важно, оно существует только как прозрение, а не как данность. Для всех авторов самиздата циркуляция смыслов, тиражная, выглядит как ложь, тогда как истиной оказывается личное усилие исцеления или новой жизни, столь же хрупкой, как и прежняя, как каждый микротираж машинописного самиздата столь же уязвим и может не найти своего читателя, как и предыдущий.

Востребованность большого стиля во всю эпоху тиражной русской литературы (литературы, имевшей распространение по всему огромному государству) стала важной темой второй литературы, начиная с композиции «Суворов» (1973) С. Стратановского, где поэт, исходя из вида памятника М. И. Козловского на Марсовом Поле описывает барокко как эпоху, когда и Суворов мог осуществить свою мобилизацию, и Державин мог его воспеть, в соответствии с правилами имперского мифа [Зверева, 2018]. При этом дается общий образ России екатерининского времени как корабля, с перечислением всех необходимо избыточных атрибутов, в духе барочной аллегории:

Россия древняя, Россия молодая –
Корабль серебряный, бабуся золотая.
Есть академия, есть тихий сад для муз,
Мечей, наук, искусств – здесь просиял союз.

Хотя Стратановский указывает на реальные достижения империи, пусть и имитируя, иногда пародийно, а иногда лирично, риторику русской поэзии XVIII века, корабль его метафорический просто потому, что генералиссимус А. В. Суворов был военачальником, а не флотоводцем. Получается, что здесь эффект отстранения создает не позиция автора, а сама ситуация медийного сообщения о событиях русской истории, в которой корабль слишком эффектный, метафорический, барочный. Интересно, что само слово академия, которым обозначается конечно академия Дашковой, должно отсылать и к платонизму. Во всем этом большом стихотворении поддерживается только вертикаль, только платонизм в расхожем смысле, эксперимент, тогда как в других стихах Стратановского, как «Уманская резня» дается слово убитым, существовавшее только в устной памяти, «зауми», невнятном музыкальном повторении одного и того же, что и создает память о пережитом. Музыка рококо, во всяком случае то, что мы можем этим выражением назвать – это не торжественная, а повторяющаяся музыка, многократной жалости, многократного сожаления, несколько даже бормотание, как фоника «Под музыку Вивальди» Величанского или «Умань, послушай зауми, слез и железа зауми» у Стратановского.

В царство мертвых как в озеро забвения спускается из мира лжи и герой стихотворения Кривулина «В парке ливрейном» из цикла «Галерея» (в составе цикла названо: Художник Герасимов (Москва) «Рабочая семья Козыревых на экскурсии в Детскосельском парке» Х., м., 90х63 см. Музей-усадьба «Тригорское», сезонная экспозиция «Пушкинские места в советском искусстве») (1983). Образ барокко как эпохи золота и шума доведен до абсурда при изображении работы советских медиа, такой как съемка телефильма из пушкинской эпохи:

в парке ливрейном чего ж не гулять гегемону?
роскоши, роскоши всюду! и блеску! и звону!
то пролетит киносъемка на тройках лихих
то зашипит в репродукторе пушкинский стих
(пунш языка не похожий на лай телеграмм –
голубоватый ласкающий сладкий)
то килограммами золото валится прямо к ногам
победителя в классовой схватке

В этом эпизоде замечательно, что барокко Царского Села изображается глазами обычного экскурсанта, который восхищается прежде неизвестными ему красотами тяжеловесной роскоши,

ощущая при этом себя выше всего этого, по праву просвещенного пролетария, смотрящего на все эти диковинки свысока, как на пережитки. Но при этом герой восхищается всем благодаря действию медиа: вряд ли он так хорошо помнил Пушкина или мог догадаться о чем снимается фильм, но действие медиа создает ту область смыслов, которая и дарует персонажу наслаждение. Таким образом, господствует как и в «Суворове» Стратановского кольцевая структура: как Стратановский описывает героизм великого русского полководца как избыточный, но при этом только признание со стороны врагов, поэтов, ученых может позволить увидеть в этом именно героизм, а не просто удачу или высокий профессионализм полководца, произвести эффект возвышенного переживания, – так же и здесь только постоянное использование Царского Села как места культурных воспоминаний о Пушкине, об аристократии, об успехах России императорского времени, позволяет и простому герою оценить то, что он чтит исключительно как блеск, быть не просто замороженным, но как-то артикулировать эту замороженность.

Везде действует одна и та же схема, замороженного, не то сновидческого состояния, не то яви, что соотносится и с распространенным пониманием литературного, а не живописного или архитектурного, барокко как соединения сна и яви, в соответствии с некоторой поэтикой удвоения в поэзии этого поколения [Ромашенко, 2008]. Тогда «пунш языка» в отличие от «лая» телеграмм, прямого сообщения извне, оказывается чем-то вроде рококо, чем-то узнаваемым телесно, по цвету, ароматному (или тактильному) и вкусовому ощущению, той самой аристотелической чувственностью, которая аксиологически важнее всего, но при этом требует умеренности.

Пунш, напиток огненный и пузырящийся, напоминает образность раннего Кривулина, как раз памяти как прихождения в себя, которая противопоставляется тяжелому монументальному стилю, «бетонное ничто» – которому противопоставлены «прилавок с пузырьками» в стихотворении «Музыкальные инструменты в песке и снеге». Это противопоставление двух стилей постоянно проводится в стихах сборника «Композиции» (1972–1977), например, в стихотворении «Auga catena Homeri» (лат.: «Златая цепь Гомера», иначе говоря, представление о связанности мира богов и мира людей) большой стиль, в том числе любые подражания Гомеру, предстает как «оптический обман безрадостных высот», иначе говоря, как иллюзия архитектурного барокко, тогда как

настоящая цепь спускается в мастерскую «сло-манных стрекоз», эфемерид, которые изображает рококо, – причем оказавшихся по-настоящему эфемерными, не поддерживаемыми никакими медиа, а только горькой личной памятью об утратах. Или, например, стихотворение «Святая Цецилия» противопоставляет «фарфоровый орган», ручной музыкальный инструмент покровительницы музыки, лжи и насилию «под небной занавеской / консерваторских зал», попыткам подчинить искусство готовой идеологии, причем опять же кроме внешней метафоры, свод как небо, важна эта связь комнаты и камеры (тюремной), голоса, горла, воронки и потопа; иначе говоря, барочное остроумие, способное связать небо и небо, погружение в музыку и уход в море большого корабля, которое и оказывается превращением любого медийного явления, вроде музыкального зала, специального исполнения музыки, в свидетельство, что это исполнение может быть ложным, не служить высшей правде, тогда как высшая правда искусства – в его хрупкости и уязвимости.

Тем самым любая идеализация высот и красот, любой расхожий и превозносящий небо платонизм оказывается только одним из вариантов барокко, с необходимой образностью иллюзии как погружения в нее и медиа, которые не могут пробудить от этого погружения и поэтому всегда лживы. В то время как рококо оказывается усилено идеей эфемерности. В стихах книги «Композиции», повторим, эта идея проводится в любом тексте об искусстве, например, в стихотворении «Неопалимая купина» образность реки времени, текущей в Шеол (потусторонний мир забвения) и противопоставляется хрупкости искусства: «кусоч штукатурки – остаток от росписей храма», а в стихотворении «Натюрморт с головкой чеснока» художник «картонными кущами и овощами», иначе говоря, имитацией в духе рококо, с использованием папье-маше, имитацией имитацией на холсте, воюет «с распадом», который опять же символизируют море и корабль, пытающиеся подчинить себе Орфея, но он не став актером масштабной барочной драмы, возвращается в белых одеждах, чешуйках чеснока, как будто чем-то ничтожном и шелестящем.

К этой поэтике узорчатости кенотического слова [Лабунец, 2019] Кривулин возвращался и позднее, например, уже в постсоветской сатире «На руинах межрайонного Дома Дружбы», где большой стиль условного советского ампира противопоставляется нынешнему состоянию упадка здания, причем ведущие ремонт рабочие называ-

ются «послеполуденными фавнами», тем самым изломанность Нижинского оказывается единственным способом воспринять и дом как произведение искусства. Но здесь с изменением медийной организации, от пишущей машинки к компьютеру (эти стихи уже писались на компьютере), изменился и пафос – важна оказалась не эфемерность искусства как таковая, а возможность подойти к одной эфемерности с помощью другой, объяснить архитектурные образы – балетными, что, конечно, связано с опытом экранного пользования как перекодировки и новой репрезентации, которая актуализуется как визуализация при включении компьютера.

Переход к компьютеру усилил гротескно-сатирический элемент и у Стратановского, в стихотворении «Вот летальные тени...» (1995) прямо осмыслившим компьютерные игры как вариант переселения душ в мир иной. У многих авторов Самиздата, включая Кривулина и Седакову, появляется выравнивание стихов по центру, которое возможно только при компьютерном наборе и которое как раз знаменует желание видеть как бы отражения и симметрию, одного искусства в другом, и это становится темой наиболее значительных произведений этих авторов в компьютерную эру («Музыка» Седаковой, большое стихотворение, написанное уже в новом веке) и делается основой поэтики авторов нового поколения, таких как Дмитрий Голынок-Вольфсон, у которого компьютерный набор и означает осмысление больших культурных реальностей, таких как Флоренция и Венеция, как экранных, кинематографических, музыкальных, литературных. Иначе говоря, идет постоянная конвертация на экране или в компьютере событий и впечатлений в действительное переживание хрупкости уже не только как части мироощущения, но и как части любой культурной семиотизации окружающей действительности, что отмечается и для Елены Шварц [Петрова, 2019, с. 40] и других авторов бывшего Самиздата. Поэтому и Кривулин, и Шварц, увлекшись компьютерами, создают в 1990-е стихи во многом на современные темы, гротескные изображения текущей современности, с повышенным метафизическим и патетическим их освещением. Тем самым медиум определяет и работу с барокко и рококо.

Проведенное исследование позволяет так обобщить полученные результаты. В русской интеллектуальной культуре существуют не только мифы о платонизме, аристотелизме или эпохах развития искусства, но и их конструктивное,

структурное восприятие, необходимое для освоения поэзией различных старых и новых медиа. Такое восприятие позволяет уточнить концепции культуры, не сводя их к господствующим идеям к каждой эпохе, но показать, каковы ограничения действия этих идей, в каких случаях они могут осуществиться как истинные, а в каких – как ложные. Можно рассматривать переход от машинописной работы к работе на компьютере как часть эксперимента, уточняющего смыслопорождающие механизмы культуры и критическую функцию культуры, но можно видеть в нем и пересборку культурных символов. Если конфликт между громоздким символизмом и изящным акмеизмом в начале XX века был разыгран как групповой, то в конце XX века он происходит в пределах отдельных поэтических произведений, устанавливая в художественной форме критерии истинности культурного опыта как опыта памяти и совестливой рефлексии и превращая эти произведения в инструмент изучения закономерностей культуры. Кроме того, и влияние философии платонизма и аристотелизма на культуру уже не может мыслиться только как восприятие отдельных идей или методов, но только как восприятие методов самого культурного творчества, внутри которого только и могут возникнуть новые основательные идеи, продуктивные для развития отечественной культуры.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Христианство и культура в Европе: Память о прошлом, сознание настоящего, упование на будущее. Ч. 1. Москва : Выбор, 1992. С. 16–25.
2. Бибихин В. В., Седакова О. А. И слово слову отвечает : переписка. Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 286 с.
3. Вавилон: тексты и авторы. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/index.html>
4. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств : Проблема эволюции стиля в новом искусстве. Москва : Юрайт, 2018. 296 с.
5. Вишленкова Е. В. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
6. Зверева Т. В. Имперский миф: от классицизма к модернизму // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. № 3 С. 313–322.
7. Лабунец Н. В. Вещь в пространстве лингвокультурных ценностей: «скатерть узорчатословная» // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2019. С. 269–270.

8. Паперный Вл. Культура Два. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 412 с.

9. Петрова А. Поэма Елены Шварц «Хомо Мусагет»: проблемы поэтики. Тарту: Tartu Ülikool, 2019. 68 с.

10. Ромашенко С. А. Семантический потенциал удвоения («Соловей спасающий» Елены Шварц) // Интерпретация и авангард. Новосибирск : Наука, 2008. С. 296–301.

11. Седакова О. А. Опыт истории // Вестник русского христианского движения. 1986. Т. 142. С. 129–130.

12. Токарев А. А. Эллиптическая поэтика А. М. Парщикова // Litera. 2017. № 4. С. 38–45.

13. Фетисова Е. Э. Идеализм Платона в поэтической книге «Сад Мироздания» О. Седаковой // Философия и культура. 2017. № 9. С. 57–66.

14. Tapié Victor Louis. Baroque et Classicisme. Paris : Plon, 1957. 385 p.

Reference List

1. Averincev S. S. Hristianskij aristotelizm kak vnutrennjaja forma zapadnoj tradicii i problemy sovremennoj Rossii = Christian aristotelism as an inner form of a Western tradition and the problems of modern Russia // Hristianstvo i kul'tura v Evrope: Pamjat' o proshlom, soznanie nastojashhego, upovanie na budushhee. Ch. 1. Moskva : Vybor, 1992. С. 16–25.

2. Bibihin V. V., Sedakova O. A. I slovo slovu otvechaet : perepiska = And the word comes after the word: correspondence. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2018. 286 s.

3. Vavilon: teksty i avtory = Babilon: texts and authors: <http://www.vavilon.ru/texts/index.html>

4. Velflin G. Osnovnye ponjatija istorii iskusstv : Problema jevoljucii stilja v novom iskusstve = The main notions of art history: The problem of evolution of style in new art. Moskva : Jurajt, 2018. 296 s.

5. Vishlenkova E. V. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu» = Visual ethnology of the Empire or a «To see a Russian is not for everyone». Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 s.

6. Zvereva T. V. Imperskij mif: ot klassicizma k modernizmu = Imperial myth: from classicism to modernism // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i filologija». 2018. Т. 28. № 3 S. 313–322.

7. Labunec N. V. Veshh' v prostranstve lingvokul'turnyh cennostej: «skatert' uzorchatoslovnaja» = A thing in the space of lingvocultural values // Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskikh issledovanij. Ekaterinburg, 2019. S. 269–270.

8. Papernyj Vl. Kul'tura Dva = Culture Two. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 412 s.

9. Petrova A. Pojema Eleny Shvarc «Homo Musaget»: problemy pojetiki = The poem of Elena Shvarts «Homo Musaget»: the problems of poetics. Tartu: Tartu Ülikool, 2019. 68 s.

10. Romashhenko S. A. Semanticheskij potencial udvoenija («Solovej spasajushhij» Eleny Shvarc) = Semantic potential of doubling («Nightingale saving» be Elane Shvarts // Interpretacija i avangard. Novosibirsk, 2008. S. 296–301.

11. Sedakova O. A. Opyt istorii = Experience history // Vestnik russkogo hristianskogo dvizhenija. 1986. Т. 142. S. 129–130.

12. Tokarev A. A. Jellipticheskaja pojetika A. M. Parshhikova = Elliptical poetics of A. M. Pershikov // Litera. 2017. № 4. S. 38–45.

13. Fetisova E. Je. Idealizm Platona v pojeticheskoj knige «Sad Mirozdan'ja» O. Sedakovoj = The idealism of Platon in a poetical book «The garden of universe» by O. Sedakova // Filosofija i kul'tura. 2017. № 9. S. 57–66.

14. Tapié Victor Louis. Baroque et Classicisme. Paris : Plon, 1957. 385 p.

УДК 008 (091), 008(1–6)

Н. Н. Летина

<https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

А. А. Кручинина

<https://orcid.org/0000-0002-8619-391X>

Психоаналитический дискурс в жизни современного подростка – персонажа сериала («Sex education», США, Великобритания, 2019)

Для цитирования: Летина Н. Н., Кручинина А. А. Психоаналитический дискурс в жизни современного подростка – персонажа сериала («Sex Education», США, Великобритания, 2019) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 240–249. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-239-249

Данная статья обращается к проблеме изучения психоаналитического дискурса подростковой проблематики в зарубежном молодежном сериале. Основная задача – выявление и изучение значения психоаналитического дискурса в жизни современного подростка – персонажа сериала «Sex Education». Представлены результаты целенаправленного культурологического анализа психоаналитического дискурса как основы художественного мира сериала «Половое воспитание» («Sex Education», 2019, США, Великобритания, Netflix, режиссеры К. Херрон и Б. Тэйлор) на материале восьми серий первого сезона сериала. Особое внимание уделено изучению сеансов терапии, осуществляемых подростком – персонажем сериала – в отношении других подростков. Научная значимость статьи определяется не только культурологическим алгоритмом анализа психоаналитического дискурса как основы сериала, но и введением в научный оборот современной культурологии нового и остроактуального эмпирического материала. Ключевой ракурс исследования – изучение реализации психоаналитического дискурса как основы сюжета сериала, а психотерапии – как способа решения подростковых проблем самими подростками – персонажами сериала. Обозначены актуализированные в сериале методы психоанализа, выявлен круг основных проблем, с которыми сталкиваются подростки – персонажи сериала, определены ключевые смыслы реализации психоаналитического дискурса в сериале. Предложена классификация сеансов психотерапии с точки зрения их эффективности: неудачные, спорные и успешные сеансы. Произведенное исследование позволяет резюмировать, что отдельные принципы психоанализа и возрастной подростково-молодежной психологии находят отражение в художественном мире сериала, а комплекс проблем, актуализируемый персонажами, имеет неоднородную основу, скрываясь за форматом сексуальности.

Ключевые слова: психоаналитический дискурс, массовая культура, сериал, художественный универсум, современный подросток, персонаж, подростковые проблемы, «Sex Education» («Сексуальное образование»), сеанс терапии.

N. N. Letina, A. A. Kruchinina

Psychoanalytical discourse in the life of a modern teenager – a character of the serial («Sex education», USA, Great Britain, 2019)

The article discusses the problem of psychoanalytical discourse of teenagers in a foreign youth serial. The main task is to find and study the meaning of psychoanalytical discourse in the life of a modern teenager – a character of «Sex education». The results of purposeful culturological analysis of psychoanalytical discourse is shown as the basis of artistic world of «Sex education»(2019)(USA, Great Britain, Netflix, directors – K. Herron and B. Tailor) on the material of 8 series of the first season. The main attention is given to the study of therapy sessions which the teenager – the main character – gives to other teenagers. The scientific value of the article is defined both by culturological algorithm of psychoanalytical discourse analysis as the essence of the serial and by the introduction in the scientific use of modern culturalologically new and topical empirical material. A key angle of the research is studying of the psychoanalytical discourse realization as the plot essence of the serial, as for psychotherapy – as a method of teenage problems solving by teenagers themselves. The article also reflects shown in the serial psychoanalysis method, a circle of main problems which teenagers- serial characters face, as well as key meanings of psychoanalytical discourse realization in the serial. The authors give a classification psychotherapy sessions from the viewpoint of their effectiveness: unsuccessful, controversial, successful sessions. The research concludes that some principles of

psychoanalysis and age teenage-youth psychology are seen in the artistic world of a serial and a complex of problems shown by the characters has variegated base and hides under the format of sexuality.

Key words: psychoanalytical discourse, mass culture, serial, artistic universum, modern teenager, character, teenage problems, «Sex education», therapy session.

Введение

Предлагаемая в статье проблема состоит в изучении психоаналитического дискурса подростковой проблематики в зарубежном молодежном сериале. Ее объект – современный зарубежный молодежный сериал в аспекте представленности в нем психоанализа, а непосредственный предмет – актуализация психоанализа в сериале «Sex Education» (с 2019, США, Великобритания, Netflix, режиссеры К. Херрон и Б. Тэйлор).

Проблемы современных подростков непрерывно транслируются в массовой культуре, мы наблюдаем их специфическое психоаналитическое преломление в сюжете телесериала «Sex Education». Название сериала «Sex Education» определяет его содержание и ключевую проблему, актуальную не только для современных подростков, но и, несомненно, – их родителей. В «Половом воспитании» подробно изображаются ситуации, связанные с сексуальными и личностными проблемами тинейджеров, а также избранного круга взрослых – родителей главных героев. Сериал набрал около 40 миллионов просмотров, что свидетельствует о его высокой востребованности аудиторией.

Актуальность проведенного исследования обусловлена высоким интересом к эмпирическому применению психоаналитических теорий в художественной культуре начала XXI вв. и необходимостью научного освоения продуктов массовой культуры. Данная позиция верна и для кинокритики: «Как правило, «глубина содержания» является прямой проекцией глубины конфликта, лежащего в основе сценария, и поэтому изучение актуальных моделей драматургических конфликтов в наше время – тема, активно прорабатываемая критиками и теоретиками кино» [Кошкина, 2009, с. 139]. Тем более она значима для интегративного культурологического и культурфилософского дискурса современной культуры. Сериал, рассматриваемый в целом как феномен массовой культуры, «предоставляет огромные возможности для творческого эксперимента» [Куренной, 2014, 30.34], данное

утверждение позволяет нам рассуждать о том, что создатели сериалов имеют возможность преломлять как универсальные, так и уникальные представления о мире, нравственных ценностях, социокультурных и социопсихологических проблемах, что является благодатной почвой для исследования художественного мира продуктов массовой культуры.

Проблематика массовой культуры и массового сознания достаточно часто привлекает современных исследователей (М. Гофмана [2008], Т. И. Ерохиной [2016], Т. С. Злотниковой [2002], К. И. Разлогова [1990]). Формированию личности в культуре и особенностям человеческого онтогенеза, важный аспект которого – психологические особенности юношеского возраста, раскрывается, в частности, в классических работах Л. С. Выготского [1984] и Х. Ремшмидта [1994]. Психоаналитическая концепция культуры в высокой степени предьявлена в фундаментальных трудах З.Фрейда [2015, 2011], а затем модифицировалась в работах его последователей: А. Адлера [2007], В.Франкла [1990], Э. Фромма [1999], К. Хорни [2007], К. Г. Юнга [1996] и др. Вызывает научный интерес и образ психоанализа в кино: «искусство кино, как и психоанализ, обращается к внутреннему миру человека, и поэтому психоаналитическая проблематика является достаточно популярной в кинематографе. В фильмах о психоанализе центральной темой становится столкновение и борьба людей с их комплексами, деструктивными влечениями и т. д.» [Изотов, 2018, с. 21].

1. Психоанализ – подросток – кинематограф

Отталкиваясь от позиций З.Фрейда и К.Юнга применительно к трудностям подросткового возраста, отметим, что комплексы и психические установки человека проявляются в детстве, они естественны, но могут стать источником проблем, если ребенок не сможет их преодолеть. Они порождают у ребенка чувство вины из-за протеста Сверх-Я, которое видит влечение либидо неприемлемым. З. Фрейд выделял 5 стадий психосексуального развития: оральную, анальную, фаллическую, латентную и генитальную, фиксируя, что они следуют друг за другом в ходе

онтогенеза и завершаются, когда человеку исполняется 18 лет. Также Фрейд отмечал, что при нарушении естественного сексуального общения происходит регресс стадии. Важно заметить, что ученый подчеркивал значимость влияния на психическое развитие самого человека. Анализируя работы Фрейда, Э. Фромм утверждал, что «способ поведения можно квалифицировать либо как синдром сублимации сексуального удовлетворения желаний, либо как отрицательную реакцию на невозможность такого удовлетворения» [Фромм, 1999, с. 82]. Таким образом, на каждом этапе своего развития при столкновении с сексуальными желаниями у человека формируются в зависимости от исхода борьбы определенные личностные качества, ценности и установки.

По мнению К. Г. Юнга подросток находится на начальном пути индивидуации, он уже не дитя, но еще и не взрослый. На каждом этапе онтогенеза человек постигает определенный архетип. Юнг акцентировал, что «любую психическую реакцию, несоразмерную с вызвавшей ее причиной, необходимо исследовать относительно того, не была ли она обусловлена в то же время и архетипом» [Юнг, 1994, с. 138]. Архетипы – важный элемент становления личности, своеобразный код, который индивид стремится разгадать, но не сразу может справиться с этой задачей. Из системы архетипов подростки – персонажи сериала осознают Персону, применяемую как маску в школе и при общении с родителями. Психическая нестабильность персонажей связана с архетипом Тени, которая проявляется в агрессивном поведении, перепадах настроения, безусловно, его осознание дано лишь некоторым персонажам (Отис, его родители). Архетип Дитя может скрывать подростка, задача которого двигаться в мире социализации вперед, а в мире самопознания – вглубь, детскость персонажей мало ими осознается, а вот стремление к взрослости вполне осознанно. Понять себя подростки в сериале не в состоянии, но они начинают поиски идентичности – с группой сверстников или просто людей, которая разделяла бы их вкусы. В «Половом воспитании» представлен разнообразный спектр подростковых проблем и межличностных отношений. Для данного сериала справедливо высказывание Л. Михеевой о персонажах сериалов, которые «не просто конструируются как носители тех или иных психологических симптомов или комплексов, но и сами активно артикулируют свои эмоциональные трудности, апеллируют к фрейдовской теории, занимаются самодиагностикой» [Михеева, 2013, с. 106]. Дан-

ный прием стал основным художественным воплощением способов познания персонажами себя и друг друга в «Половом воспитании».

Примерный возраст героев сериала и период онтогенеза, который является основным для рассмотрения – 15–16 лет. Придерживаясь периодизации Д. Б. Эльконина, определим его как период ранней юности человека (15–17 лет). Именно в этот период происходит первая влюбленность, складываются постоянные отношения с коллективом, появляется потребность в дружбе, понимании, доминирует дисгармония эмоций и тела, в дополнение к этим и другим физиологическим, сексуальным и остродраматическим изменениям ученые-психологи не исключают возможность снижения уровня организации психики, а именно кризис юношеского периода. В связи с этим в жизни подростка возникают проблемы и конфликты, природу которых подросток, как правило, не в силах понять. Х. Ремшмидт отмечал, что «юношескому возрасту свойственно болезненное внимание к представлениям о норме в отношении роста тела, его размера. Подростки весьма склонны находить у себя физические отклонения даже в тех случаях, когда все показатели соответствуют норме. Эта повышенная чувствительность может вызывать конфликтные реакции или даже хронические психические нарушения» [Ремшмидт, 1994, с. 7].

Действительно, индивид всячески стремится соответствовать своей половой роли на конкретном этапе жизни, подросток – не исключение. В перечень маркеров соответствия подростков входят успех – спортивный, творческий, интеллектуальный, определенный уровень отношений с родными, со сверстниками противоположного пола. Такое явление мы можем наблюдать в сериале «Половое воспитание»: один из героев – Джексон Марчетти, который пользуется большой популярностью в школе Мурдэйл, является хорошим учеником, главным красавцем и спортсменом, но в погоне за признанием остальных он вынужден игнорировать собственные интересы. Персонаж принимает снотворное, страдает приступами тошноты и истязает себя на тренировках, потому что школа и родители возлагают на него большую ответственность, внешний успех не означает внутренней гармонии с собой.

Подчеркнем: развитие личности в возрастной психологии соотносится не только с физическим, но и с психосексуальным развитием,

организация аналитической работы согласуется с элементами возрастной психологии, которая в свою очередь является своеобразной опорой для поиска источника отклонения от нормы. В массовом кинематографе второй половины XX века и особенно – начала XXI осуществляется интеграция в художественный продукт знаний в области психологии и психоанализа. Особенно это характерно для американского массового кинопроцесса и кинопродукта: «американская традиция психоанализа является такой же неотъемлемой частью американской культуры XX века, как сам кинематограф, и находит в нем отражение не только как инструмент критики (в киноведении) или инструмент построения конфликта (в сценарном мастерстве), но и «впрямую» [Кошкина, 2009, с. 143]. Характерно это и для специфической сериальной продукции Netflix, в частности, для анализируемого сериала «Половое воспитание».

2. Комплекс подростковых проблем в сериале

Доминантой сюжета сериала является проведение психоанализа подростком подростком, в ходе которого и верифицируется обширный спектр подростковых проблем. В нем выделяются психологические, социальные и экономические проблемы. Они раскрываются как внутри психоаналитического дискурса, организованного Отисом, так и снаружи, в общей канве и индивидуальных линиях сюжета.

Большая часть подростковых проблем, актуализированных в сериале, носит психологический характер. Проблема самоопределения раскрывается в сюжетах сериала про фаворита школы – Джексона, который не уверен, что карьера пловца, которую навязывают родители, действительно ему подходит. Психологический комплекс относительно своего тела встречается в сериале довольно часто и представлен в аспекте сексуальности (с переживаниями по поводу телесности к Отису обращались многие персонажи – школьники в надежде на терапевтическую помощь). Психологическая травма ухода отца, связанная с детством, преследует главного героя сериала. Проблема отсутствия и качества родительского внимания – одна из центральных: она дается в отношениях Адама с отцом – директором школы, Джексона с мамами, у подруги Отиса – Мэйв живет без родителей.

К социальным проблемам относится родительское давление, связанное с тем, какими хотят видеть сыновей родители Адама и Джексона, они строят карьеру детей, отталкиваясь от собствен-

ных представлений о социальном успехе. В пространстве школы явно прослеживается такая проблема как социальная стратификация: в школе ученики имеют строгую иерархию и если компания «неприкасаемых» пользуется всеобщей популярностью, то Отис и Эрик – внизу социальной пирамиды. Показательно, что школьная стратификация осуществляется по разным критериям, одним из которых является и наличие / отсутствие сексуального опыта. Соответственно, присутствует проблема буллинга. Несколько эпизодов сериала было посвящено проблеме подростковой беременности.

Достаточно широк круг проблем, которые несут и социальную, и психологическую детерминированность: нарушение личных границ (прослеживается в эпизодах массовой рассылки интимных фотографий Руби -участницы группировки «неприкасаемых»), гендерная идентификация (проблема Эрика), гомофобии (эпизод нападения на Эрика), буллинг или травля (раскрываются с первой серии сериала: ученики, находящиеся выше в иерархичной цепочке придумывают оскорбляющие прозвища и колкие комментарии с сексуальным подтекстом для остальных сверстников), поиск настоящей дружбы/любви также является испытанием для героев сериала (дружба Отиса и Эрика претерпевает определенный кризис после того как Отис сблизается с Мэйв, а ученик Лиам оказался на грани суицида из-за неразделенной любви); защита своего достоинства и просто самозащита.

Проблема бедности, с которой сталкивается подруга Отиса – Мэйв, является социальной и экономической, но в сериале она также раскрывается с психологической точки зрения через ее личные переживания.

Особенностью позиционирования большинства подростковых проблем в сериале является их принципиальная сексуализация, которая реализуется обычно или посредством придания им формы сексуальности или проблема детерминирует сексуальные неудачи персонажей.

Несмотря на то, что основными героями сериала являются трое (Отис, Эрик, Мэйв), режиссеры прекрасно поработали над раскрытием второстепенных героев, каждый из которых сталкивается с определенными трудностями. Ощущение школьниками внутреннего дискомфорта, переживание сексуальных проблем, потребность в человеке, который выслушает и посоветует выход – все эти обстоятельства приводят к внедрению в качестве сюжетной доминанты и сквозного мотива психотерапии.

Осознание наличия проблем у сверстников и поиск финансовой выгоды наталкивают Мейв Уайли – школьницу, которой срочно нужны деньги, на идею подпольно организовать сеансы терапии. Осуществлял терапию стеснительный и неопытный Отис на основе подражания манере и методам профессионального сексолога – его родной матери Джин Милберн.

3. Дискуссионная эффективность терапии подростков подростком

Экстраполяция принципов и приемов психоаналитической и сексологической терапии в подростковые жизненные практики решена в сериале неоднозначно.

Далеко не все сеансы терапии Отиса заканчивались успехом, из-за отсутствия знаний и опыта юноша действовал путем проб и ошибок.

Дав согласие на проведение терапии, Отис принял на себя немалую ответственность, осознание которой пришло к персонажу лишь во второй серии сериала: «- Но ведь это просто работа. – Да работа, при которой одно неверное слово может стать причиной нервного срыва, который приведет к эмоциональным нарушениям. Хороший психолог понимает масштаб ответственности» – Отис и Джин [Половое воспитание, 02.24]. Используем алгоритм создания образа психолога в кинематографе, описанный К.Е. Дремовой в качестве алгоритма анализа: «внешний вид персонажа и организация пространства во время консультационных встреч, манера общения с клиентами» [Дремова, 2016, с. 72]. Отис одевается обычно и невзрачно, в отличие от своего лучшего друга – Эрика. S. Gilbert, рассматривая фигуру Отиса, отмечает: «Его клиенты называют его «сексуальным гением», или “заботливым медведем”, или “мамулей», или “этим странным сексуальным ребенком, который выглядит как викторианский призрак”. Но в конце концов он им помогает» (Gilbert, *The Atlantic*, 09.01.2019). Показательно, что большинство комментариев в соцсетях по поводу сериала связаны именно с терапевтической сферой деятельности подростка. Сконцентрируемся не на образе Отиса, а на технике проведения им сеансов терапии.

Разберем ситуации неудач терапии Отиса и их последствия.

Первой клиенткой Отиса во второй серии первого сезона стала Оливия – девушка из группировки «неприкасаемые». Сеанс проходил в маргинальном интерьере: соседних кабинках заброшенного туалета во время большой переме-

ны. «Терапевт» и «клиент» не видели друг друга, сама форма терапии, акцентированная выстраиванием мизансцены – пародия на исповедь. Отис нервничал, общение со сверстниками ему давалось тяжело, обсуждать сексуальную проблему девушки ему было неловко. Подросток в роли «терапевта» пытался пойти от формулирования проблемы «пациенткой», но, чтобы не ее стеснять, он старался использовать научную терминологию: «-Сексуальность человека куда более разнообразна, чем ты можешь себе представить и у каждого есть свой уникальный опыт, который выражается в связи человека с сексуальным партнером или партнерами. -Что?» – Отис и Оливия [Половое воспитание, 10.05].

Так, при проведении первого сеанса терапии в своей практике, вследствие волнения, ограниченности во времени, неопытности, Отис не установил доверительных отношений, его речь с употреблением научной терминологии вызвала недопонимание. Возмущенная пациентка прервала сеанс и процесс терапевтической практики в целом.

Возобновление терапии оказалось возможным только после развития Отисом коммуникативных навыков, эмпатии и учета когнитивных особенностей пациентов.

В 4 серии первого сезона сериала за помощью к Отису обратились две девушки, которые находились в экспериментальных отношениях. Терапия проходила в несколько этапов. Первый сеанс проходил за баскетбольной площадкой школы и проходил в форме беседы. Рути и Таня позиционировали свою проблему как сексуальную. Таня активно шла на контакт с Отисом и подробно описывала ему конкретную проблему и свои переживания, Рути скептически относилась не только к самой терапии, но и высказывала сомнения в компетентности Отиса. Предположение юноши о том, что затруднение пара испытывает не в сексуальной, а в эмоциональной сфере, одна из девушек активно опровергала. Отис не имел представлений о сексуальной стороне однополых пар, поэтому ему требовалось изучить вопрос. На следующем сеансе в школьном бассейне Отис использовал метод эксперимента (логика персонажа предполагала, что в воде пара раскрепостится и их тела смогут эффективно взаимодействовать). Данный сеанс снова претерпел неудачу. Но Отис смог выявить проблему, которая, действительно, заключалась в чувствах (дружба, с одной стороны, влюбленность, с другой). Данная ситуация связана с социальным и

психологическими аспектами дружбы и поиска настоящей любви.

Рассмотрим сюжет второй серии сериала. Главные герои решили провести рекламную акцию, раздавая бесплатные советы школьникам на вечеринке. Отис подходил к компаниям подростков и публично спрашивал у них о наличии каких-либо сексуальных расстройств. Официальное заявление об услугах сексуальной консультации не было воспринято школьниками всерьез. Отис пытался использовать метод групповой терапии, но и групповая терапия в рамках проведения придерживается принципа конфиденциальности. Эрик, подражая Отису, решил выступить в роли терапевта. Он публично озвучил проблему одной из школьниц и предложил провести тренинг. Неудачный маркетинговый ход, пренебрежение этикой, и некорректный метод терапии привели к ожидаемому фиаско. Очередная пародия представила терапию как примитивное массовое шоу.

В художественном универсуме сериала сеансы терапии Отиса не всегда были успешными, однако их появление оказало влияние на персонажей – учеников школы Мурдейл. Каждый из них ведет самостоятельную борьбу с самим собой, требованиями подросткового социума, общественными установками. Персонажи начинают рефлексировать и понимать, что с ними что-то не так. Собственно, с этого и начинается психотерапия – с осознания наличия проблемы.

Рассмотрим неоднозначные ситуации терапии Отиса.

Неоднозначной по эффективности является терапия Отиса, которую он проводил с одноклассником Адамом, сыном директора школы Мурдейл. Адам находился в кабинке заброшенного туалета, юноша решил самостоятельно решить проблему эректильной дисфункции и принял высокую дозу стимулирующего возбуждения препарата, телесные симптомы вызвали у него панику, поэтому он обратился за экстренной помощью к Отису. При проведении сеанса Отис старался соблюдать профессиональную компетентность, что подчеркивается иронической личной позицией Мэйв, которая присутствовала на сеансе и демонстрировала свое отношение. Отис задавал наводящие вопросы, преодолевая личную антипатию к Адаму, который в школьной среде его унижал. Переживания Адама, породившие сексуальные расстройства были связаны с имиджем, который ему присвоили школьники, Отис объяснил, что изменение образа – Персоны это личное дело каждого. Данную терапию мож-

но назвать экстренной. Проблема сексуального характера была устранена, но Адам неверно истолковал объяснения Отиса, что привело к негативным последствиям и ухудшению мнения об Отисе и его терапии среди сверстников.

Аналогичный характер носит терапия Отиса с Эмми. Девушка так же представила проблему как сексуальную, в ходе консультации Отис смог объяснить девушке, что в отношениях с партнером она ставит его интересы выше своих. Сексуальная проблема была решена. Однако в развитии сюжета сериала конформизм и готовность Эмми пристраиваться прогрессировала и распространилась на взаимоотношения с другими персонажами: девушка не разделяла интересы своей социальной микрогруппы, но выполняла любые их требования.

К неоднозначной ситуации терапии также отнесем консультацию с Джексоном – подающим надежды спортсменом, который не мог разобраться в отношениях с Мэйв. Поскольку девушка являлась подругой Отиса, юный терапевт не хотел вмешиваться в ее личную жизнь, но когда Джексон начал упоминать о затруднениях, которые он испытывает в общении с Мэйв, Отис стал его направлять. Он объяснил, что во взаимоотношениях важную роль играет не только сексуальная сфера и посоветовал обратить внимание на сферу интересов Мэйв: ее музыкальные и литературные предпочтения. При общении с Отисом Мэйв не знала, что он ее консультирует, таким образом были нарушены роли «терапевт» и «клиент», девушка общалась с Отисом, а не с терапевтом, высказывала свои сомнения и переживания, нуждалась в общении, а не в помощи. Компетентность Отиса как терапевта была также нарушена при общении с Джексонем, из-за ревности Отис давал Джексону неправильные советы, призывал к действиям, которые только ухудшили положение пары.

Именно в таких сюжетных моментах сериал выходит на метапсихоаналитический уровень. Поведение Отиса становится для зрителей материалом и поводом для собственного не слишком компетентного («по аналогии»), но все же психоанализа. Полагаем, здесь произошел сложный случай одновременно переноса (Отис перенес ситуацию «на себя» и предлагал делать то, что он бы сделал в такой ситуации) и отстройки конкурента (некоторые советы были вредными). Ситуация на грани с гротеском и пародия на классический опыт Сирано де Бержерака довольно тонко проявляет иронию в отношении психоаналитического дискурса создателей сериала.

Несмотря на эти обстоятельства отношения Джексона и Мэйв вышли на новый уровень, однако зрителям прямо показали, как личные чувства повлияли на терапию, как нивелировалась нейтральность непрофессионального терапевта-подростка под их воздействием.

Исход терапии подростка подростком в сериале не всегда можно назвать удачным, что проявляется и ситуативно, и отложено, опосредованно. Однако были и ситуации, в которых зрителю предлагалась однозначно положительная оценка сеанса терапии Отиса.

Во второй серии сериала мы наблюдаем ситуацию, где Отис пытается помочь старшеклассникам Сэму и Кейт. Девушка испытывала комплекс относительно своего тела, порождающий определенные конфликты в паре. Установив доверительные отношения и выслушав пару, Отис сделал вывод о том, что Сэм и Кейт слушают друг друга пассивно, поэтому посадил их спиной друг к другу. Так произошел переход от визуального восприятия на акустическое: отсутствие зрительного контакта позволило паре установить эмоциональную вербальную связь. Практически всегда Отис использовал нацеленную на решение краткосрочную терапию, он задавал наводящие вопросы, которые помогали героям прийти к решению их проблемы. В эпизоде с Сэмом и Кейт мы видим насколько важна в терапии правильная формулировка вопроса: «-Кейт, а что тебе нравится в себе? –Ничего. -Кейт, назови 5 вещей, которые тебе в себе нравятся» [Половое воспитание, 32.33]. Отис смодерировал ситуацию, когда Кейт не может дать односложный ответ, подталкивая ее к рефлексивному анализу. Отис старался слушать пациентов, не вклиниваясь в их реальность, являясь в общении двух людей медиатором, каналом связи. Эта ситуация затрагивает психологический аспект в проявлении комплекса относительно своего тела. Исходя из совокупности перечисленных обстоятельств, данный сеанс прошел успешно, пара научилась слушать и понимать друг друга.

Лили Айгхёрт стала последней клиенткой Отиса в первом сезоне сериала (8-я серия). Девушка состояла в музыкальном оркестре школы Мурдейл и рисовала комиксы в жанре фэнтези. Сюжеты ее комиксов имели сексуальную фабулу. Девушка испытывала навязчивое желание лишиться девственности, но при физическом контакте с партнером испытывала болевые ощущения.

Терапия состояла из нескольких сеансов. Первый сеанс проходил в соседних кабинках за-

брошенного туалета. В ходе психологической консультации Отис старался объяснить Лили глубинные установки и интерпретации, которые повлияли на формирование ее проблемы. Девушка не могла разграничивать фантазию и реальность, при создании же комиксов она могла контролировать, ситуацию, идеализировать и трансформировать свои фантазии, в реальности же отсутствие полного контроля над процессом породило защитную реакцию организма на сексуальный контакт в виде болезненных ощущений.

Отис тщательно продумал индивидуальную терапию для Лили. Перед тем как приступить к практической части терапии, Отис объяснил девушке источник ее проблемы: «Я думаю, что ты боишься расслабиться» – Отис [Половое воспитание, 26.10] – для того, чтобы побороть данный страх Отис предложил устранить проблему способом, подобным тому, с помощью которого он возник. Он решил поставить Лили в ситуацию стресса. Отис и Лили съехали на велосипедах с крутого склона, «испытание» подарило девушке уверенность, Лили решила поделиться своими переживаниями, относительно своего положения «Мне кажется если я этого не сделаю, то после школы в университете буду отставать от всех сверстников» -Лили [Половое воспитание, 27.52]. Как видим, страхи девушки связаны не только с сексуальной сферой, а с навязываемыми обществом стереотипами. Опираясь на свой терапевтический опыт, Отис смог грамотно объяснить Лили, что не все ее сверстники имеют сексуальный опыт, который в свою очередь не является показателем самостоятельности или определенного статуса. S. Rao отмечает «эмпатический подход» в терапии Отиса (*The Washington post*, 25.01.2020), «терапевт» старается раскрыть проблемы Лили, опираясь на ее субъективные переживания.

Эффективной позиционирована консультация Отиса с девушкой, протестующей рядом с клиникой по прерыванию беременности. Молодой человек, с которым она встречалась, имел сексуальный опыт до встречи с ней. Она придавала большое значение сексуальной связи, признавая ее допустимость только после заключения брака. Внебрачные сексуальные связи она расценивала как измену, не только ей, но и Богу, поскольку они нарушали духовные догматы. Перед консультацией Отис предупредил девушку, что не намерен навязывать ей свое мнение, он корректно истолковал проблему и предложил искать решение в догматах ценной для девушки религии:

«-Все мы совершаем не самые чистые поступки, это не делает нас плохими людьми. И потом, разве Иисус не говорил о прощении? -Да, в этом вся его тема» – Отис и случайная клиентка [Половое воспитание, 35.40].

Положительный эффект терапии Отиса в художественном универсуме сериала подтверждается и оценками профессиональных сексологов: «Несмотря на телевизионную тенденцию решать сложные проблемы за 30 минут или меньше, Отис использует очень реальную тактику секс-терапии, чтобы помочь своим сокурсникам» (*Kasandra Brabaw, SELF, 28.01. 2019*). Действительно, с каждой новой серией «Полового воспитания» главный герой расширяет методы проведения сеансов, не только консультирует, но поясняет, интерпретирует, задает домашнее задание, что значительно расширяет возможности «сериальной» психотерапии.

Безусловный, положительный эффект терапии Отиса в целом и самой концепции сериала «Половое воспитание» отмечает сексолог М. Davis: «У нас есть тенденция к стыду и безмолвию дискуссий о сексуальности и сексуальных проблемах, но Отис смог помочь своим сверстникам снять стыд и начать открыто говорить о своем теле, своей сексуальности и своих проблемах» (*Kasandra Brabaw, SELF, 28.01.2019*).

Терапия персонажа раскрыла суть проблемной составляющей учеников, повлекла за собой понимание того, что все испытывают сложности, имеют странности, страхи, комплексы и это нормально. В сериале подростки показаны как люди, только начинающие свой путь самоопределения, который полон ошибок и заблуждений, они начинают задавать вопросы, кем быть и каким быть. В результате терапии Отиса персонажи – пациенты получают помощь в направлении на определенный путь, а не коренную трансформацию поведения или характера. Также подростки смогли снять табу и избавиться от предрассудков, которые окружают сферу сексуальности, открыв круг новых вопросов подростковой проблематики, касающихся таких явлений как наркомания, аборт, травма и многое другое.

Заключение

Сериал «Sex Education» («Половое воспитание») стал одним из наиболее привлекших аудиторию продуктов Netflix, о чем свидетельствует как количество просмотров, так и высокий рейтинг (8,152 «Кинопоиск», 8,3 на IMDb). Сериал про подростков с возрастным ограничением 18+ «предлагает освежающее внимание к сексу как

межличностному, а не индивидуальному опыту. Какими бы ни были первоначальные физические проблемы, с которыми борются его подростковые персонажи, большинство сексуальных советов Отиса сосредоточены на честном самоанализе («вы не можете выбрать, к кому вас притянет», – говорит он одному персонажу) и уважительном общении» (*Sarah Todd, QUARTZ, 13.02.2019*).

Как показал произведенный анализ, проблемы интимного характера у героев сериала «Половое воспитание» чаще имеют не связанный со сферой сексуальности источник, и решение проблем – психологических и социальных, – происходит посредством индивидуального подхода и применения различных техник и методов психоаналитической терапии одним из персонажей сериала.

Применение психоаналитических теорий и практики психоанализа по аналогии со взрослым и профессиональным опытом одним из главных персонажей сериала – подростком Отисом, – в качестве терапевтических услуг, оказываемых им другим подросткам, определяет доминантную сюжетную линию сериала. Анализ конкретных успешных, неоднозначных, неудачных сеансов выявил, что подростковая проблематика имеет неоднородную, сложную природу, однако в сериале она представлена гипертрофировано и гротескно в преобладающем сексуальном ракурсе.

Библиографический список

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с англ. А. Боковикова. Москва: Акад. проект, 2007. 232 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. Москва: Педагогика, 1984. (Академия наук СССР) глава Воображение и творчество подростка.
3. Гофман М. Культура массам // Аналитика культурологии. 2008. No12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-massam> (дата обращения: 13.10.2019.)
4. Дремова К. Е., Белобрыкина О. А. Образ психолога в современном отечественном кинематографе // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. Сер. Педагогические и психологические науки. 2016. № 6–2. С. 71–79. URL: <file:///C:/Users/79109/Downloads/obraz-psiologa-v-sovremennom-otechestvennom-kinematografe.pdf> (дата обращения: 03.03.2020.)
5. Ерохина Т. И., Тирахова В. А. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая // Ярославский педагогический вестник № 3. 2016. С. 320–324. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie>

osnovaniya-representatsii-obraza-rossii-chistoe-nebo-g-chuhraja (дата обращения: 13.10.2019.)

6. Злотникова Т. С. Гендерный и возрастной аспекты архетипа современной массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4 (33) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-i-vozzrastnoy-aspekty-arhetipa-sovremennoy-massovoy-kultury> (дата обращения: 13.10.2019.)

7. Изотов М. О. Образ классического психоанализа в современном кино // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 4 (21). С. 20–22. URL: <file:///C:/Users/79109/Downloads/obraz-klassicheskogo-psihoanaliza-v-sovremennom-kino.pdf> (дата обращения: 01.03.2020.)

8. Кошкина Ю. А. Психологические особенности конфликта в сценарии современного американского малобюджетного фильма // Театр. Живопись. Кино. Музыка. № 1. С. 139–156. 2009. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21231330> (дата обращения: 24.02.2020.)

9. Куренной В. Теория «большого сериального взрыва»: лекция. Проект Высшей школы экономики «Университет, открытый городу». 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1dzhYN4c7mM> (дата обращения: 20.10.2019.)

10. Михеева Л. Реификация романтической любви и новые паттерны интимности в современном ситкоме («Как я встретил вашу маму») // Журнальный клуб Интелрос. Логос. № 3. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_03/8.pdf (дата обращения: 11.02.2020.)

11. Половое воспитание: сериал. США, Великобритания: Netflix. Eleven, 8 серий. 2019.

12. Разлогов К. Э. Феномен массовой культуры // Культура, традиции, образование. Москва, 1990. 134 с.

13. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / пер. с нем. Г. И. Лойдиной; под ред. Т. А. Гудковой. Москва: Мир. 1994. URL: http://www.libok.net/writer/4002/kniga/11566/remshmidt_h/podrostkovyy_i_yunosheskiy_vozrast/read

14. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. Москва: Прогресс, 1990. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf

15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятниковой, Т. В. Панфиловой. Москва: Республика, 1994. 447 с.

16. Хорни К. Новые пути в психоанализе / пер. с англ. А. Боковикова. Москва: Академический Проект. 2007. URL: https://www.psycholok.ru/lib/horney/nprv/nprv_01.html

17. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г. В. Барышниковой; под ред. Е. Е. Соколовой, Т. В. Родионовой. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

18. Фрейд З. Толкование сновидений. Москва: Астрель, 2011. 574 с.

19. Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 252 с.

20. Юнг К. Проблемы души нашего времени. Москва: Прогресс, 1994. 336 с.

21. Kasandra Brabaw, Here's What Sex Therapists Really Think About Netflix's 'Sex Education' // SELF, Sexual & Reproductive Health, January 28, 2019. URL: <https://www.self.com/story/what-sex-therapists-think-about-netflix-sex-education> (дата обращения: 21.02.2020.)

22. Sarah Todd, Netflix's «Sex Education» shows how learning to have good sex can make us better people // QUARTZ, February 13, 2019. URL: <https://qz.com/quartz/1547523/netflixs-sex-education-shows-how-learning-to-have-good-sex-can-make-us-better-people/> (дата обращения: 12.03.2020.)

23. Sonia Rao, Teen shows often aim to shock or lecture. Teen shows often aim to shock or lecture // The Washington post, Jan., 25. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2020/01/25/teen-shows-often-aim-shock-or-lecture-sex-education-tries-empathize/> (дата обращения: 12.03.2020.)

24. Sophie Gilbert, The Thoughtful Raunch of Sex Education. Netflix's new series is a graphic teen dramedy with a difference // The Atlantic, January 9, 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2019/01/netflix-sex-education-review/579487/> (дата обращения: 12.03.2020.)

Reference List

1. Adler A. Praktika i teorija individual'noj psihologii = Practice and theory of individual psychology / per. s angl. A. Bokovikova. Moskva: Akad. projekt, 2007. 232 s.

2. Vygotskij L. S. Sbranie sochinenij: v 6-ti t. T. 4. Detskaja psihologija = Collection of works in 6 t.. T. 4. children's psychology / pod red. D. B. Jel'konina. Moskva: Pedagogika, 1984. (Akademija nauk SSSR) glava Vooobrazhenie i tvorcestvo podrostka.

3. Gofman M. Kul'tura massam = Culture to the masses // Analitika kul'turologii. 2008. No12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-massam> (дата obrashhenija: 13.10.2019.)

4. Dremova K. E., Belobrykina O. A. Obraz psihologa v sovremennom otechestvennom kinematografe = The image of psychologist in the modern Russian cinematography // Nauka. Mysl': jelektronnyj periodicheskij zhurnal. Ser. Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki. 2016. № 6–2. S. 71–79. URL: <file:///C:/Users/79109/Downloads/obraz-psihologa-v-sovremennom-otechestvennom-kinematografe.pdf> (дата obrashhenija: 03.03.2020.)

5. Erohina T. I., Tirahova V. A. Arhetipicheskie osnovanija reprezentacii obraza Rossii: «Chistoe nebo» G. Chuhraja = Archetypal basis of representation of the image of Russia: "Clear sky" by G. Chuhray // Jaroslavskij

- pedagogicheskij vestnik № 3. 2016. S. 320–324. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-osnovaniya-reprezentatsii-obraza-rossii-chistoe-nebo-g-chuhraya> (data obrashhenija: 13.10.2019.)
6. Zlotnikova T. S. Gendernyj i vozrastnoj aspekty arhetipa sovremennoj massovoj kul'tury = Gender and age aspects of archetype of modern mass culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2002. № 4 (33) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-i-vozrastnoy-aspekty-arhetipa-sovremennoy-massovoy-kul'tury> (data obrashhenija: 13.10.2019.)
7. Izotov M. O. Obraz klassicheskogo psihoanaliza v sovremenom kino = The image of classical psychoanalysis in modern cinema // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2018. № 4 (21). S. 20–22. URL: <file:///C:/Users/79109/Downloads/obraz-klassicheskogo-psihoanaliza-v-sovremenom-kino.pdf> (data obrashhenija: 01.03.2020.)
8. Koshkina Ju. A. Psihologicheskie osobennosti konflikta v scenarii sovremenogo amerikanskogo malobudzhethnogo fil'ma = Psychological peculiarities of the conflict in the scenario of a modern American low-budget film // Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. № 1. S. 139–156. 2009. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21231330> (data obrashhenija: 24.02.2020.)
9. Kurennoj V. Teorija «bol'shogo serial'nogo vzryva»: lekcija. Proekt Vysshej shkoly jekonomiki «Universitet, otkrytyj gorodu» = The theory of «a bid serial explosion»: lecture. The project of Higher School of Economics «University, opened to the city». 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1dzhN4c7mM> (data obrashhenija: 20.10.2019.)
10. Miheeva L. Reifikacija romanticheskoy ljubvi i novye patterny intimnosti v sovremenom sitkome («Kak ja vstretil vashu mamu») = Reification of romantic love and new patterns of intimacy in the modern sitcom («How I met your mother») // Zhurnal'nyj klub Intelros. Logos. № 3. 2013. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos/2013_03/8.pdf (data obrashhenija: 11.02.2020.)
11. Polovoe vospitanie = Sex education: serial. SShA, Velikobritanija: Netflix. Eleven, 8 serij. 2019.
12. Razlogov K. Je. Fenomen massovoj kul'tury = Mass culture phenomenon // Kul'tura, tradicii, obrazovanie. Moskva, 1990. 134 s.
13. Remshmidt H. Podrostkovyj i junosheskij vozrast: Problemy stanovlenija lichnosti = Teenage and youth age: The problems of personality formation / per. s nem. G. I. Lojdinoj; pod red. T. A. Gudkovej. Moskva: Mir. 1994. URL: http://www.libok.net/writer/4002/kniga/11566/remshmidt_h/podrostkovyy_i_junosheskij_vozrast/read
14. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla = A man in search of sense: Sbornik: per. s angl. i nem. / obshh. red. L. Ja. Gozmana i D. A. Leont'eva; vst. st. D. A. Leont'eva. Moskva: Progress, 1990. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf
15. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti The anatomy of people's destructiveness / per. s angl. Je. M. Teljatnikova, T. V. Panfilova. Moskva: Respublika, 1994. 447 s.
16. Horni K. Novye puti v psihoanalize = New ways in psychoanalysis / per. s angl. A. Bokovikova. Moskva: Akademicheskij Proekt. 2007. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/npvp/npvp_01.html
17. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz = Introduction in psychoanalysis: lekcii / per. s nem. G. V. Baryshnikovoj; pod red. E. E. Sokolovoj, T. V. Rodionovoj. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015.
18. Frejd Z. Tolkovanie snovidenij = Dreams interpretation. Moskva: Astrel', 2011. 574 s.
19. Jung K. Dusha i mif: shest' arhetipov = Soul and myth: six archetypes. Kiev: Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva, 1996.
20. Jung K. Problemy dushi nashego vremeni = The problems of soul in our time. Moskva: Progress, 1994.
21. Kasandra Brabaw, Here's What Sex Therapists Really Think About Netflix's 'Sex Education' // SELF, Sexual & Reproductive Health, January 28, 2019. URL: <https://www.self.com/story/what-sex-therapists-think-about-netflix-sex-education> (data obrashhenija: 21.02.2020.)
22. Sarah Todd, Netflix's «Sex Education» shows how learning to have good sex can make us better people // QUARTZ, February 13, 2019. URL: <https://qz.com/quartz/1547523/netflixs-sex-education-shows-how-learning-to-have-good-sex-can-make-us-better-people/> (data obrashhenija: 12.03.2020.)
23. Sonia Rao, Teen shows often aim to shock or lecture. Teen shows often aim to shock or lecture // The Washington post, Jan., 25. 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2020/01/25/teen-shows-often-aim-shock-or-lecture-sex-education-tries-empathize/> (data obrashhenija: 12.03.2020.)
24. Sophie Gilbert, The Thoughtful Raunch of Sex Education. Netflix's new series is a graphic teen dramedy with a difference // The Atlantic, January 9, 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2019/01/netflix-sex-education-review/579487/> (data obrashhenija: 12.03.2020.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14. E-mail: lanfra87@mail.ru

Аристова Екатерина Павловна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии культуры ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12 стр. 1. E-mail: ekaterina.ftwr@gmail.com

Баженова Алина Павловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, соискатель кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: antipovaalina100190@gmail.com

Богданова Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны» МО РФ. 150001, г. Ярославль, Московский проспект, д. 28. E-mail: dictema@mail.ru

Бойчук Елена Игоревна – доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Букарева Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: bukarevanu@mail.ru

Бурак Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург, пер. Москательный, д. 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Ван Фан – магистрантка Юго-Западного университета КНР. КНР, 400715, г. Чунцин р. Бэй-бэй у. Тяньшэн д. 2. E-mail: 1628784054@qq.com

Васильева Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: nmvasilieva@mail.ru

Володина Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: natalivolodina@mail.ru

Галкина Наталия Павловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГКВОУ ВО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома)» Министерства обороны Российской Федерации. 156025, г. Кострома, ул. Горького, 16. E-mail: gnprav@mail.ru

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». 241023, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14. E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Долгих Зоя Борисовна – старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет». 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38. E-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

Егоров Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Еремин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: a.eremin@yspu.org

Земляникин Антон Павлович – магистрант 2-го года обучения, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6. E-mail: zemlyanikin-a@mail.ru

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: sij_yar@mail.ru

Коньков Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9. E-mail: v_konkov@mail.ru

Крамаренко Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны» МО РФ. 150001, г. Ярославль, Московский проспект, д. 28. E-mail: petruper@mail.ru

Кручинина Анна Александровна – студентка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Kruchinina.a.99@mail.ru

Кузьмина Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». 190068, г. Санкт-Петербург Вознесенский пр., д. 46. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Магомедова Адигат Нурахмагеджиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». 367008, Респ. Дагестан, г. Махачкала, ул. Батырая, д. 4а. E-mail: andsu@mail.ru

Малая Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия». 156530, Костромская область, п. Караваяево, Учебный городок, д. 34. E-mail: rozum18@yandex.ru

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: markovius@gmail.com

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры ФГБН «Институт философии Российской академии наук». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12 стр. 1. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Овчинникова Галина Витальевна – заведующая кафедрой лингвистики и гуманитарных дисциплин АНО ВО «Международная полицейская академия ВПА». 300026, г. Тула, ул. Рязанская, д. 1. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Певтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: econom.teoria@yandex.ru

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru

Рыбаков Максим Александрович – майор, слушатель Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого. 143900, г. Балашиха, ул. Карбышева, д. 8. E-mail: kila_maks@mail.ru

Се Чжоу – доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: xiezhou1234@163.com

Солнцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Москва, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Соломкина Татьяна Алексеевна – кандидат искусствоведения; доцент кафедры телерадиожурналистики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9. E-mail: skworonek@gmail.com

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций ООВО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. E-mail: stepanov@mubint.ru

Тирахова Варвара Алексеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: varko11@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Швецова Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и русского языка ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6. E-mail: tavash@yandex.ru

Штеба Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27. E-mail: alexchteba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva Valeria Gennadjevna – doctor of philological sciences, professor of russian philology department of Kostroma state university. 156961, Kostroma, st. 1 Maja, h. 14. E-mail: lanfra87@mail.ru

Aristova Ekanerina Pavlovna – candidate of philosophical sciences, scientific worker of philosophy culture sector of Institute of philosophy of Russian Academy of science, 109240, Moscow, st. Goncharnaya, h. 12, str.1. E-mail: ekaterina.ftwr@gmail.com

Bazhenova Alina Pavlovna – senior lecturer of the department of foreign languages named after professor P. A. Lekant of Moscow state regional university. 141014, Mitishchi, st. Veri Voloshinoy, h. 24. E-mail: antipovaalina100190@gmail.com

Bogdanova Oxana Yurjevna – candidate of philological sciences, associate professor of the department of foreign languages of Yaroslavl higher military air defence college. 150001, Yaroslavl, Moskovsky pr., h. 28. E-mail: dictema@mail.ru

Bojchuk Elena Igorevna – doctor of philological sciences, associate professor of romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: Elena-boychouk@rambler.ru

Bukareva Natalja Jurjevna – candidate of philological sciences, associate professor of russian literature department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: bukarevanu@mail.ru

Burak Michail Sergeevich – candidate of philological sciences, associate professor of S.Petersburg state economics university. 191023, S.Petersburg, per. Moskatelny, h. 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Van Fan – master student of South-West university of China. China, 400715, Chunsin, r. Beibei, st. Tjanshen, h. 2. E-mail: 1628784054@qq.com

Vasiljeva Natalja Michailovna – doctor of philological sciences, romance philology department professor of Moscow state regional university. Moscow, st. Radio, h. 10 A. E-mail: nmvasilieva@mail.ru

Volodina Natalja Vladimirovna – doctor of philological sciences, russian philology and applied communications department professor, leading scientific worker of Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, pr. Lunacharskogo, h. 5. E-mail: natalivolodina@mail

Galkina Natalja Pavlovna – candidate of philological sciences, foreign languages department professor of Military academy of radiation, chemical and biological defence named after USSR Marshal S.K. Timoshenko. 156025, Kostroma, st. Gorkogo, h. 16. E-mail: gnpav@mail.ru

Golovachjova Olga Alekseevna – doctor of philological sciences, russian language department professor of Brjansk state university named after academician I. G. Petrovsky. 241023, Brjansk, st. Bezhitskaya, h. 14. E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

Dolgich Zoja Borisovna – senior lecturer of the portugese language department of translation faculty of Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, st. Ostozhenka, h. 38. E-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

Egorov Michail Jurjevich – candidate of philological sciences, associate professor of russian literature department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Erjomin Alexandr Vladimirovich – doctor of cultural studies, associate professor of russian history department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: a.eremin@yspu.org

Zemlyanikin Anton Pavlovich – master-student of North (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, st. Kapitana Voronina, h. 6. E-mail: zemlyanikin-a@mail.ru

Zlotnikova Tanjana Semjenovna – doctor of arts, professor of cultural studies department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Konkov Vladimir Ivanovich – doctor of philological sciences, media linguistics department professor of S-Peterburg state university. 199034. S-Petersburg, Universitetskaya embankment, h. 7/9. E-mail: v_konkov@mail.ru

Kramarenko Olga Leonidovna – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages department of Yaroslavl higher military air defence college. 150001, Yaroslavl, Moskovsky pr., h. 28. E-mail: petruper@mail.ru

Kruchinina Anna Alexandrovna – student of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: Kruchinina.a.99@mail.ru

Kuzmina Marina Dmitrievna – candidate of philological sciences, associate professor of book publishing and book trade department of higher school of publishing and mediatechnologies of S. Petersburg state university of industrial technologies and design. 190068. S. Petersburg, Voznesensky pr., h. 46. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Kuchina Tayjana Gennagievna – doctor of philological sciences, Russian literature department professor of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: tgkuchina@mail.ru

Letina Natalia Nikolajevna – doctor of cultural studies of cultural studies department professor of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: liotina@yandex.ru

Magomedova Adigat Nurahmagadzhiyeva – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages for humanitarian faculties department of Dagestan state university. 367008, Resp. Dagestan, Machachkala, st. Batiraya, h. 4a. E-mail: an-dsu@mail.ru

Malaya Olga Evgenjevna – candidate of philological sciences, associate professor of philosophy, history and socio-humanitarian disciplines department of Kostroma state agricultural academy. Kostroma, Uchebny gorodok, h. 34. E-mail: rozum18@yandex.ru

Markov Aleksandr Viktorovich – doctor of philological sciences, cinema and modern art department professor of Russian state humanitarian university. 125993. GSP-3, Moscow, Miusskaya square, h. 6. E-mail: markovius@gmail.com

Nikolsky Sergey Anatoljevich – doctor of philosophical sciences, main scientific worker, the head of philosophy culture of Institute of philosophy of Russian academy of sciences. 109240, Moscow, st. Goncharnaya, h. 12, str. 1. E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Ovchinnikova Galina Vitaljevna – head of the linguistics and humanitarian disciplines department of International police academy of VPA. 300026, Tula. st. Rjazanskaya, h. 1. E-mail: galinaovtchinnikova@yandexVPA.ru

Pevtiev Vladimir Iljich – doctor of economical sciences, economics and management department professor of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Razumov Roman Viktorovich – candidate of philological sciences, associate professor of russian language department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru

Ribakov Maxim Alexandrovich – major, the student of military academy of strategic missile troops named after Peter the Great. 143900. Balashiha, h. 8. E-mail: kila_maks@mail.ru

Xie Zhou – doctor of philological sciences, professor, director of the center for russian-speaking countries studies, dean of the faculty of the russian language of the Institute of foreign languages of Southwest university in Chongqing. China, 400715, Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality. E-mail: xiezhou1234@163.com

Solntseva Anna Vladimirovna – candidate of philological sciences, associate professor of romance philology department of Moscow state regional university. 141014, Moscow, st. Veri Voloshinoj, h. 24. E-mail: av.solntseva@mgou.ru

Solomkina Tatjana Alexeevna – candidate of arts, associate professor of tv-journalism department of S. Petersburg state university. 199034. S-Petersburg, University embankment, h. 7/9. E-mail: skworonek@gmail.com

Stepanov Valentin Nockolajevich – doctor of philological sciences, professor, the head of mass communications department of International academy of business and new technologies. 150003, Yaroslavl, st. Sovetskaya, h. 60. E-mail: stepanov@mubint.ru

Tirachova Varvara Alexeevna – postgraduate student of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: varkoll@mail.ru

Philippovsky Herman Urjevich – doctor of philological sciences, russian literature department professor of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, st. Respublikanskaya, h. 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Shvetsova Tatjana Vasiljevna – candidate of philological sciences, associate professor of literature and russian language department of North (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, st. Kapitana Voronina, h. 6. E-mail: tavash@yandex.ru

Shteba Alexey Andreevich – candidate of philological sciences, associate professor of romance philology department of Volgograd state social-pedagogical university. 400066, Volgograd, pr. named after V. I. Lenin, h. 27. E-mail: alexchteba@yandex.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – С. Л. Круглова

Объем 32 п. л., 27,1 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 120. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.09.2020

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69